

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

5

2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские
горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziologi.ru>

*Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.*

Подписано в печать 30.10.2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения), Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.*
Современные подходы к изучению пространственного неравенства 5
- Вихман В.В.* Сетевая архитектура пространства конструирования теоретических прообразов феномена образования: трансдисциплинарный аспект 13
- Сингаевская М.В.* Теоретические основы исследования общественного мнения в политике 19

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Ардашев Р.Г.* Иррациональность социальных представлений молодежи о субкультурах 29
- Дзуцев Х.В., Кудзиева Ф.С., Дибирова А.П., Корниенко Н.В.* Общественное мнение населения Республики Северная Осетия-Алания о принципах преемственности образования в современной школе 38
- Игуменов О.А.* Факторы формирования социального капитала российских организаций 47
- Коргова М.А., Салогуб А.М., Галан И.К.* Современные подходы к управлению организациями в условиях развития 57
- Ли Сяочжоу.* Основные тенденции развития организаций культурно-досуговой сферы в постиндустриальную эпоху 64
- Осеев А.А., Ногай Е.А.* Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ 73
- Подойницына И.И., Москвитина Н.Г.* Развитие розничной торговли (опыт Китайской Народной Республики и Республики Саха (Якутия)) 94
- Ушаков Е.В.* Консультативные системы и муниципальное управление 103
- Чжан Лэй.* Совершенствование социально-управленческих механизмов преобразований на современном этапе развития 108
- Чжан Цзе.* Урбанизация как социальное явление глобализационных трансформаций экономики 117

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Глазырин В.А.* Эмпирические и теоретические исследования в современной правовой социологии ... 128

- Коргова М.А., Колесникова И.В., Висханова Н.Ш.* Современные теории мотивации персонала: ответы на актуальные вопросы практики 134
- Григорьева Е.А.* Пространственная справедливость в социологической перспективе 138
- Иванов Р.В.* Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска 145
- Маленков В.В., Мальцева Н.В.* Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения 152
- Полышкин О.А.* Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности 163
- Синельников А.Б.* Социально-демографические факторы и возможные последствия повышения возраста выхода на пенсию в России 177
- Стоянов А.С.* Структура ожиданий в диалектике потребностей: к устойчивости общества 195
- Устинова О.В.* Сожительство как альтернатива зарегистрированным бракам в современной России: тенденции и факторы 222

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Арчугова А.С.* Анализ феминистских взглядов философа династии Мин – Ли Чжи 232
- Барановский М.В.* Некоторые компоненты теоретико-социологического изучения доверия в военной организации: комплектование вооруженных сил и идеология 237
- Воронина О.А.* Влияние гендерного равенства на развитие современных цивилизаций 244
- Гарнага А.Ф., Дорофеева Н.Н., Дорофеев Е.П.* Социальные предпосылки и перспективы современных процессов урбанизации 254
- Евченко С.Л., Тимофеев М.О.* Институт комплектования военно-социальных групп, выполняющих профессиональные задачи в условиях повышенной депривации, как объект изучения военной социологии 257
- Ибрагимов Р.Н.* Семья как субъект формирования человеческого капитала (на материале Республики Хакасия и юга Красноярского края) 265

<i>Иванов О.С., Пилькевич С.В., Гнидко К.О., Лохвицкий В.А., Дудкин А.С., Сабиров Т.Р.</i> Обоснование критериев оценки влияния интернет-контента на психологическое здоровье потребителя информации 275	<i>Вершинина О.Ю.</i> Негативные стороны современного спорта 338
<i>Коршунов А.В., Куликов С.П.</i> Формирование карьерных стратегий российской молодежи под воздействием инновационных форм социально-культурной деятельности 283	<i>Чжан Цзе.</i> Влияние урбанизации на социально-экономическое развитие Китая: корреляционно-регрессионный анализ 344
<i>Левченко Н.В.</i> Формы проявления гражданского активизма деятелями культурно-досуговых учреждений 289	<i>Шавлаева Т.М., Садулаев Э.С.</i> Традиционные народные рецепты лечения больных как часть народной культуры жителей Кавказа (по полевым исследованиям районов Чечни) 350
<i>Перебейнос А.Е., Никитин Л.В., Пташко Т.Г., Савченков А.В.</i> Семейно-брачные отношения в жизни уральского православного населения в 80-е годы XIX – начало XX вв. 296	ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ
<i>Ролдугина О.Ю.</i> Тенденции развития общества в современную эпоху: новые перспективы и новые риски 304	<i>Галанюк А.Е.</i> Храм в христианской традиции как образ космоса 355
<i>Тянь Сяююй.</i> Причины социальных конфликтов в интернет-среде современного Китая и разработка мероприятий по их предотвращению. 312	<i>Добронравова У.В.</i> Формальная логика в средневековой христианской философии: философско-антропологические и этический аспекты 361
<i>Уманец И.Ф.</i> Моделирование нестрессовой лингвострановедческой образовательной среды для студентов заочного обучения 318	<i>Кононов С.В.</i> Современные проблемы становления дискурса философии социальной безопасности 371
<i>Филлиппенко А.А.</i> Иммигранты в американской культуре периода рестрикционизма (1920-е – 1960-е годы) 324	<i>Костина А.О.</i> Технологизация против технократизации городов: технологические гиганты и муниципальное управление 380
<i>Хвалей А.А.</i> Радикализация мусульманской молодежи на Кавказе: искоренение причин и профилактика распространения 332	<i>Младенов В.И.</i> Религиозная угроза как предмет социально-философского исследования 388
<i>Чернышев В.П., Мацелура Г.Н., Конобейская А.В., Нитяговский С.А.,</i>	<i>Назлуханов Д.В.</i> Факторы развития экологических идеологий российского экологического движения: природоохранные сети и социальный капитал 397

Современные подходы к изучению пространственного неравенства

Вершинина Инна Альфредовна

кандидат социологических наук, кафедра истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. urbansociology@yandex.ru

Мартыненко Татьяна Сергеевна

кандидат социологических наук, кафедра истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. ts.martynenko@gmail.com

Статья посвящена современным подходам к изучению пространственного неравенства. Представлены основные перспективы включения пространства в социологический анализ социального неравенства, демонстрируются особенности современных подходов. В статье рассмотрены основные измерения пространственного неравенства и их взаимосвязь. В заключении обсуждается вопрос о роли концепции устойчивого развития в сокращении пространственного неравенства.

Ключевые слова: пространство, социальное неравенство, пространственное неравенство, джентрификация, устойчивое развитие.

Во второй половине XX века интерес социальных наук к пространственному измерению социальных процессов оформился в так называемый «пространственный поворот», широко обсуждаемый и в зарубежной [1], и в отечественной социологии [2]. Несмотря на то, что подобные аспекты встречаются еще в работах классиков социологии, а также в полной мере были включены в социологический анализ представителями Чикагской школы, тем не менее, до 70-80-х гг. XX века они довольно редко находили отражение в исследованиях в области социальных наук. Более того, социологической теории конца XX – начала XXI века, проявляющей значительный интерес к роли современных информационно-коммуникационных технологий в трансформации современных обществ, было свойственно скорее исключать пространство из социологического анализа, фокусируя свое внимание на изучении новой виртуальной реальности [3]. Тем не менее, сегодня, особенно в условиях возрастающего интереса к экологическим проблемам, все чаще ученые приходят к осознанию того, что пространство не просто является территорией, на которой разворачиваются социальные отношения, но начинает выступать одним из факторов их трансформации. Цель настоящей статьи – обозначить основные подходы к изучению пространства в контексте социологического анализа проблемы социального неравенства, представив некоторые подходы к концептуализации термина «пространственное неравенство» и современные модели его изучения.

Современные социологи Л. Лобао, Г. Хукс и Э. Тикамье подчеркивают, что пространство так или иначе обсуждается во многих социальных науках, но

оно довольно редко связывается с изучением социального неравенства [4. Р. 4]. По мнению исследователей, можно выделить три основных способа рассмотрения пространства при изучении социального неравенства. Во-первых, чаще все пространство представляет собой всего лишь фон, на котором проводится исследование социального неравенства. В этом контексте могут рассматриваться, например, масштаб национального государства, его географическое положение, но без привязки к социальному неравенству. Роль пространства тем самым нивелируется, оно фактически исключается из рассмотрения. Во-вторых, пространство может рассматриваться в качестве объекта, который некоторым образом трансформирует социальное неравенство, но, тем не менее, не является неразрывно связанным с ним. В этом контексте широко обсуждаются вопросы, связанные с расстояниями между отдельными элементами системы. Например, доступ к организациям здравоохранения или образования, высокооплачиваемой работе и подобное. В-третьих, пространство может выступать самостоятельным объектом исследования, но не иметь тесной связи с отношениями социального неравенства, бедностью или социальной поляризацией.

В тех исследованиях, в которых пространство рассматривается как фактор социального неравенства, оно может играть различную роль в производстве или трансформации социальных отношений. Пространство, с одной стороны, может рассматриваться как фактор, усиливающий или снижающий социальное неравенство. С другой стороны, оно отражает различный статус социальных групп и фиксирует их положение в географическом пространстве (например, гендерные особенности перемещения в пространстве, определяемые разным кругом обязанностей и функций). Взаимодействие между социальными группами может порождать территориаль-

ную изолированность одних, подразумевающую исключение других и ограничение доступа. Формируются специфические системы социальных связей, зафиксированные в географическом пространстве: неравенство в уровне социального окружения (соседства), природных факторов, социальных возможностей и ресурсов иного рода.

Анализ литературы, посвященной проблеме пространственного неравенства демонстрирует, что наиболее часто внимание уделяется городам и их особенностям (например, процессам сегрегации и джентрификации), а также государствам в рамках системы глобальных отношений. Реже рассматриваются отдельные регионы, хотя, по мнению социологов Л. Лобао и Г. Хукса, в условиях глобализации особое внимание должно быть уделено субнациональному уровню (территории, выходящие за рамки города, но остающиеся в пределах государства, объединенные по какому-либо признаку), поскольку мы наблюдаем пробел в подобных исследованиях [4. Р. 4]. Необходимо также учитывать и рост значения трансграничных связей внутри регионов мира и между ними [5. С. 149], легко пересекающих государственные границы. В то же время множество исследований посвящено традиционной форме пространственного неравенства – дихотомии «город-сельская местность» (*“urban-rural”*). Таким образом, мы можем обозначить некоторую разрозненность в исследовании социальной проблематики на основе пространственного подхода.

Несмотря на социологический интерес к изучению пространства, неоднозначными являются в современной социальной науке и подходы к определению самого пространственного неравенства. Одним из способов концептуализации этого понятия является указание на те факторы, которые определяют эти отношения неравенства. Для описания пространственного неравенства Н.В. Зубаревич предлагает выделить

две группы наиболее значимых факторов: «первой природы» (богатство природными ресурсами, выгодное географическое положение) и «второй природы» (агломерационный эффект, высокий человеческий капитал, лучшая институциональная среда), связанные с деятельностью государства и общества» [6. С. 269]. По мнению автора, причины пространственного неравенства довольно часто связаны с попыткой развивать наиболее конкурентоспособные регионы, в то время как «приоритеты выравнивания находятся на втором плане» [7. С. 49]. Изучение пространственного неравенства предполагает не только фиксацию различных показателей социального неравенства на различных территориях, но и изучения пространства и его особенностей в качестве фактора социального неравенства. Социальные последствия подобного неравномерного развития отдельных регионов весьма противоречивы, поскольку, с одной стороны, могут приводить к росту социальной напряженности, трансформации демографической структуры и др., с другой стороны, это пространственное неравенство может выступать своего рода стимулом для развития отдельных территорий и регионов.

В современных социальных науках существуют различные взгляды на соотношение пространственного и социального неравенства. При том, что сегодня большинство авторов указывают на их тесную связь, в работах некоторых ученых предпринимается попытка определить их специфику. Так, представители организации Оксфам (*Oxfam*) определяют пространственное неравенство как «различия в качестве жизни, уровне материального благополучия и жилищных условиях между населением разных географических областей» [8. С. 6]. В то время как социальное неравенство в их работах представляет собой «существование неравных жизненных шансов и возможностей удовлетворения потребностей отдельных лиц или групп населения с разным

социальным статусом (в том числе, но не ограничиваясь, представителей разных полов, возрастов, этнических групп» [8. С. 6].

Другие исследователи, например, Р. Канбур и Э. Венаблс, исходят из того, что пространственное неравенство представляет собой часть социального неравенства [9. Р. 3]. Особенности этой формы социального неравенства определяются не только социальными процессами внутри страны, но и глобальными изменениями.

В настоящее время для понимания всей сложности организации пространственного неравенства необходимо построение его многоуровневой концептуальной модели, один из вариантов которой предложен американскими исследователями Дж. Галстером и П. Шарки. Они полагают, что структура пространственных возможностей включает в себя множество составляющих: труд, жилье, справедливую систему правосудия, образование, здравоохранение, транспорт и систему социального обслуживания, государственные и частные институциональные ресурсы и услуги, социальные сети, элементы социализации и социального контроля (коллективные нормы, образцы для подражания, сверстники), местные политические системы, а также природную и искусственную среду обитания [10. Р. 7]. Очевидно, что пространственное неравенство включает в себя различные измерения, значимость которых различается по странам, поэтому вышеупомянутую модель нельзя рассматривать как универсальную, поскольку она отражает, в первую очередь, американские реалии.

Таким образом, можно представить пространственное неравенство в качестве многочисленных накладывающихся на присущие пространству характеристики социальных отношений, которые включают различные измерения. Одни из них сопряжены с традиционными видами социального неравенства – экономическим, гендерным, неравен-

ством в доступе к образованию и здравоохранению. Другие определяются спецификой современности: например, развитие информационных технологий приводит к возникновению цифрового неравенства, обусловленного разным доступом и возможностью использования новейших технологий, а деградация окружающей среды при всем глобальном характере этого процесса приводит к неравномерному распределению экологических угроз и рисков.

Экономическое неравенство в пространственном измерении предполагает неравное распределение доходов между различными административными единицами, а также их жителями, сложности с доступом к высокооплачиваемым рабочим местам для сельского населения и разные возможности для вертикальной мобильности, обусловленные местом проживания. Данное измерение пространственного неравенства довольно хорошо известно как в отечественной, так и в зарубежной литературе, и, как правило, описывается на основе таких явлений, как сегрегация и джентрификация. Пространственная сегрегация предполагает, что семьи с низкими и высокими доходами живут отдельно друг от друга, то есть в разных районах города, значительно различающихся не только по экономическому положению жителей, но и по качеству городской среды [11; 12]. Наибольшее беспокойство исследователей вызывают районы с долгосрочным ростом концентрации бедности [10; 13], поскольку очевидно, что вероятность изменения в них ситуации к лучшему без внешнего вмешательства чрезвычайно мала. В частности, американский ученый П. Ярговски отмечает, что с 2000 года в США число районов крайней нищеты возросло более чем на 75%, а число американцев, проживающих в подобных районах, более чем на 90% – с 7,2 миллиона до 13,8 миллионов человек [11. Р. 1]. Отдельно стоит отметить исследования районов компактного проживания мигрантов [14; 15], которые

также являются довольно ярким проявлением пространственной сегрегации.

Термин «джентрификация» введен в научный оборот в 1960-х годах британским социологом Р. Гласс, которая обратила внимание на то, что реконструкция жилых кварталов городов, связанная с необходимостью их модернизации, как правило, ведет к масштабному переселению прежних жителей [16. Р. XVIII], следствием которого становится ухудшение качества их жизни. Прежние жители выдавливаются из привычных для них районов крупными корпорациями. Это происходит не только в результате сноса их жилья, но и с помощью косвенных методов, например, с помощью сокращения количества общественно значимых, но не сверхприбыльных учреждений, которые вытесняются корпоративной собственностью. Вместо организаций, необходимых жителям города, в инвестиционно привлекательных районах появляются корпоративные штаб-квартиры или охраняемые роскошные жилые комплексы. Часть из них пустует, так как инвесторы порой покупают не столько квадратные метры, которые собираются использовать, сколько право доступа к городскому пространству в условиях, когда все большее число городов повышает свою значимость в мировой экономике. Инвестирование в объекты недвижимости в глобальных городах является неизбежным следствием того огромного значения, которое корпорации придают этим производственным площадкам.

Сегодня джентрификация зачастую рассматривается как пространственное последствие глобализации, поскольку этот процесс осуществляется, прежде всего, в интересах глобального капитала [17. Р. 15-17]. Тем самым, становится очевидным, что необходимо отдельно рассмотреть особенности пространственного неравенства в условиях глобализации, что и будет сделано далее более подробно.

Можно обозначить и другие виды социального неравенства, имеющие про-

странственную характеристику. Например, доступность образования и здравоохранения традиционно имеет привязку к пространству, поскольку как образовательные организации, так и организации системы здравоохранения неравномерно распределены по территории городов, регионов и государств. В крупных городах обычно сосредоточено наибольшее количество ресурсов подобного рода, что, несомненно, ставит жителей отдаленных территорий в невыгодное положение с точки зрения тех возможностей, которые предоставляет им пространство, где они проживают.

Тем самым, пространство можно считать основой самых разных форм социального неравенства, поскольку очевидно, что структура пространственных возможностей оказывает значительное влияние на социальное положение как индивидов, так и домохозяйств. Необходимо отметить, что в западной социологии исследователи социального неравенства, описывая его, чаще оперируют термином «домохозяйство», нежели каким-либо другим [10]. Тем не менее, в любом случае пространственное неравенство необходимо рассматривать комплексно, поскольку его различные измерения тесно переплетаются друг с другом. Например, наличие экономических ресурсов позволяет членам домохозяйств получать качественное образование, поддерживать свое здоровье и выстраивать свои карьерные траектории, перекладывая некоторые обязанности по уходу за детьми на других людей.

На наш взгляд, одними из наиболее интересных для анализа являются новые измерения пространственного неравенства, являющиеся во многом следствием глобализационных процессов. Американский социолог С. Сассен указывает на появление новой формы пространственного неравенства, связанной с трансформацией социально-экономического пространства, вследствие которой глобальные города превращаются в ключевые узловые точки мировой экономической системы, где

наблюдается сверхконцентрация ресурсов [18. Р. 33]. С одной стороны, мы наблюдаем формирование нового типа урбанистической системы, в которой города являются важнейшими узлами международной экономики и выступают в качестве ее стратегических площадок. Однако, с другой стороны, необходимо отметить и тот факт, что большинство городов, включая значительное число крупных городов, не являются частью этой новой транснациональной урбанистической системы.

Тем самым, растет пространственное неравенство между глобальными городами и остальной территорией страны, причем это происходит в разных регионах мира, однако, в первую очередь затрагивает те страны, в которых существуют явно выраженные города-лидеры. К ним, в частности, относятся и Россия, где Москва и Санкт-Петербург традиционно значительно опережают все остальные города не только по численности населения, но и по включенности в мировую экономику.

Как результат, в ряде стран, включая Россию, усугубляется пространственное неравенство, поскольку в случае существования несбалансированной урбанистической системы города-лидеры совмещают выполнение целого ряда функций (политических, экономических, культурных и т.д.), концентрируя ресурсы на своей территории и ослабляя возможности для развития других городов. По словам С. Сассен, это новая форма пространственного, а точнее межгородского неравенства, для которой уже не так значимы прежние иерархии, основанные на размерах городов [18. Р. 41]. Новое неравенство между городами, в первую очередь, отличается от традиционного тем, что существует на транснациональном уровне. Оно является результатом глобализации в разных ее сферах, начиная с интернационализации производства и заканчивая международным туризмом. Однако последствия этого глобального неравенства между городами имеют место не только на транснациональном, но

также на национальном, региональном и локальном уровнях.

Необходимо отметить, что обостряется неравенство не только между глобальными городами и всеми остальными населенными пунктами, но и на территории самих глобальных городов, которые зачастую представляют собой огромные города-регионы. По словам М. Мюррея, «растянутые глобальные города-регионы без узнаваемого, единичного и динамичного городского ядра, где урбанизированные территории преимущественно фрагментированы и представляют собой отдельные зоны, характеризующиеся концентрированным богатством, глобальной связанностью, излишествами и фантазией, с одной стороны, и запущенностью, обнищанием и лишениями, с другой стороны» [19. Р. X]. Тем самым, все более отчетливо фиксируется воспроизводство на территории глобальных городов двух совершенно разных миров, для одного из которых характерно благополучие, обеспечиваемое включенностью в глобальную экономику, а для второго – лишения, связанные с исключением из нее.

По мнению экспертов ООН, «стремительная урбанизация открывает потенциальные возможности преобразования городов в уникальные центры для оказания услуг, обеспечения устойчивости и улучшения социальных и экономических возможностей, однако, если процесс урбанизации не будет надлежащим образом управляться, он может приводить к экологическому стрессу, неравенству и новым формам уязвимости и изоляции» [20. С. 8].

Таким образом, представляется, что социальные проблемы, с которыми сталкиваются города, включая быстрые демографические изменения и социальное неравенство, могут быть сглажены благодаря их устойчивому развитию, которое должно быть главным приоритетом тех, кто принимает управленческие решения. В этом контексте концепция устойчивого развития представ-

ляет модель, в рамках которой возможно рассмотрение одновременно экономических, экологических и социальных аспектов общественной жизни. Несмотря на противоречивость этой концепции, на которую часто указывают и зарубежные, и отечественные авторы [21; 22], лишь попытка комплексного междисциплинарного анализа будет способствовать снижению пространственного неравенства, а, значит, и связанных с ним других измерений социального неравенства.

Литература

1. Soja E. W. Postmodern geographies. The reassertion of space in critical social theory. L., N.Y.: Verso, 1995.
2. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2008.
3. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120.
4. Sociology of Spatial Inequality / Ed. by L. M. Lobao, G. Hooks, A. R. Tickamyer. N.Y.: State University of New York, 2007.
5. Вершинина И. А. Коннектография Парага Ханны: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44.
6. Зубаревич Н. В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Социально-экономическая география: традиции и современность. Под ред. А. И. Шкириной и В. Е. Шувалова. Москва – Смоленск: Ойкумена, 2009.
7. Зубаревич Н.В. Неравенство доходов населения России: пространственная проекция // Pro et Contra. 2013. № 6.
8. Знак неравенства. Проблемы неравенства и пути их решения в современной России. Доклад Оксфам. Май 2014. URL: <https://oxfam.ru/upload/iblock/c26/c260a90fb29a863c00b7e5a6cd68d51c.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

9. Spatial Inequality and Development (UNU-WIDER Studies in Development Economics / Ed. by R. Kanbur, A. J. Venables. Oxford: Oxford University Press, 2005.

10. Galster G., Sharkey P. Spatial Foundations of Inequality: A Conceptual Model and Empirical Overview // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2017. Vol. 3. № 2. P. 1-33. DOI: 10.7758/RSF.2017.3.2.01.

11. Jargowsky P. A. The Architecture of Segregation: Civil Unrest, the Concentration of Poverty, and Public Policy. New York: The Century Foundation, 2015.

12. Reardon S., Bischoff K. Income Inequality and Income Segregation // American Journal of Sociology. 2011. Vol. 116. № 4. P. 1092–1153.

13. Kasakoff A. B., Lawson A. B., Dasgupta P., Feetham S., DuBois M. J. Spatial Inequality in Wealth: A Bayesian Analysis of the Northeastern US in 1860 – Does Space Matter // Spatial Demography. 2013. Vol. 1. № 1. P. 56–95. DOI: 10.1007/BF03354887.

14. O'Connell H. A., Shoff C. Spatial Variation in the Relationship between Hispanic Concentration and County Poverty: A Migration Perspective // Spatial Demography. 2014. Vol. 2. № 1. P. 30–54. DOI: 10.1007/BF03354903.

15. Benassi F., Naccarato A. Foreign Citizens Working in Italy: Does Space Matter? // Spatial Demography. 2018. Vol. 6. № 1. P. 1–16. DOI: 10.1007/s40980-016-0023-7.

16. Glass R. London: Aspects of Change. London: Centre for Urban Studies and MacGibbon and Kee, 1964.

17. Smith N. New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // Antipode. 2002. Vol. 34. № 3. P. 437; Planetary Gentrification / ed. by L. Lees, H. B. Shin, E. López-Morales. Cambridge: Polity Press, 2016.

18. Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000.

19. Murray M. J. The Urbanism of Exception: The Dynamics of Global City

Building in the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

20. От глобального – к локальному: содействие устойчивости и жизнеспособности общества в городских и сельских населенных пунктах. URL: <https://undocs.org/ru/E/2018/61> (дата обращения: 08.04.2020).

21. Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем / Л.М. Григорьев, И.А. Макаров, А.К. Соколова, В.А. Павлюшина, И.А. Степанов // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. №1. С. 7-30.

22. Новожилова Е.О. Социология глобальных экологических процессов // Социологические исследования. 2008. № 9(293). С. 59-67.

Current approaches to the study of spatial inequality

Vershinina I.A., Martynenko T.S.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article is devoted to modern approaches to the study of spatial inequality. The main perspectives of including space in the sociological analysis of social inequality are presented, the features of modern approaches are demonstrated. The article deals with the main dimensions of spatial inequality and their relationship. In conclusion, the role of the concept of sustainable development in reducing spatial inequality is discussed.

Key words: space, social inequality, spatial inequality, gentrification, sustainable development.

References

1. Soja E. W. Postmodern geographies. The reassertion of space in critical so-cial theory. L., N.Y. : Verso, 1995.
2. Filippov AF Sociology of space. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2008.
3. Dobrinskaya D. Ye., Martynenko T. S. Prospects of the Russian information society: levels of the digital divide // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2019. Vol. 19, No. 1. P. 108–120.
4. Sociology of Spatial Inequality / Ed. by L. M. Lobao, G. Hooks, A. R. Tickamyer. N.Y. : State University of New York, 2007.
5. Vershinina IA Connectography of Paraga Hanna: city networks in the XXI century // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No. 44.
6. Zubarevich NV Myths and realities of spatial inequality // Socio-economic geography: traditions and modernity. Ed. A.I.Shkirina and V.E.Shuvalov. Moscow - Smolensk: Oikumena, 2009.
7. Zubarevich N.V. Income inequality of the population of Russia: a spatial projection // Pro et Contra. 2013. No. 6.

8. The sign of inequality. Inequality Problems and Ways to Solve Them in Contemporary Russia. Oxfam Report. May 2014. URL: <https://oxfam.ru/upload/iblock/c26/c260a90fb29a863c00b7e5a6cd68d51c.pdf> (date accessed: 15.04.2020).
9. Spatial Inequality and Development (UNU-WIDER Studies in Development Economics / Ed. By R. Kanbur, A. J. Venables. Oxford: Oxford University Press, 2005).
10. Galster G., Sharkey P. Spatial Foundations of Inequality: A Conceptual Model and Empirical Overview // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2017. Vol. 3. No. 2. R. 1-33. DOI: 10.7758 / RSF.2017.3.2.01.
11. Jargowsky P. A. The Architecture of Segregation: Civil Unrest, the Concentration of Poverty, and Public Policy. New York: The Century Foundation, 2015.
12. Reardon S., Bischoff K. Income Inequality and Income Segregation // American Journal of Sociology. 2011. Vol. 116. No. 4. P. 1092-1153.
13. Kasakoff A. B., Lawson A. B., Dasgupta P., Featham S., DuBois M. J. Spatial Inequality in Wealth: A Bayesian Analysis of the Northeastern US in 1860 - Does Space Matter // Spatial Demography. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 56-95. DOI: 10.1007 / BF03354887.
14. O'Connell H. A., Shoff C. Spatial Variation in the Relationship between Hispanic Concentration and County Poverty: A Migration Perspective // Spatial Demography. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 30-54. DOI: 10.1007 / BF03354903.
15. Benassi F., Naccarato A. Foreign Citizens Working in Italy: Does Space Matter? // Spatial Demography. 2018. Vol. 6. No. 1. P. 1-16. DOI: 10.1007 / s40980-016-0023-7.
16. Glass R. London: Aspects of Change. London: Center for Urban Studies and MacGibbon and Kee, 1964.
17. Smith N. New globalism, new urbanism: gentrification as global urban strategy // Antipode. 2002. Vol. 34. No. 3. P. 437; Planetary Gentrification / ed. by L. Lees, H. B. Shin, E. López-Morales. Cambridge: Polity Press, 2016.
18. Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks: Sage, Pine Forge Press, 2000.
19. Murray M. J. The Urbanism of Exception: The Dynamics of Global City Building in the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
20. From global to local: promoting the sustainability and resilience of societies in urban and rural communities. URL: <https://undocs.org/ru/E/2018/61> (date accessed: 04/08/2020).
21. Climate change and inequality: potential for joint problem solving / L.M. Grigoriev, I.A. Makarov, A.K. Sokolova, V.A. Pavlyushina, I.A. Stepanov // Bulletin of international organizations. 2020. Vol. 15. No. 1. S. 7-30.
22. Novozhilova E.O. Sociology of global ecological processes // Sociological research. 2008. No. 9 (293). S. 59-67.

Сетевая архитектура пространства конструирования теоретических прообразов феномена образования: трансдисциплинарный аспект

Вихман Виктория Викторовна,
кандидат педагогических наук, кандидат технических наук, доцент кафедры философии факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет, vvv@smc.nstu.ru

Введение. Данная статья раскрывает попытку взглянуть на проблемную ситуацию, связанную со спецификой не столько объекта познания в его конструируемых теоретических представлениях («теоретических прообразов») феномена образования (Образование осмысливается как социальный феномен, как фрагмент социальной реальности), сколько с архитектурой пространства конструирования, рождающих их. Специфика анализируемого социального феномена заключается, с одной стороны, в предметной детерминированности его теоретических интерпретаций, конструируемых исследователями в научных дисциплинарных пространствах, с другой стороны, в ограниченности эвристического потенциала подобных пространств в его целом теоретическом постижении.

Ключевые слова: феномен образования, дисциплинарные прообразы феномена образования, трансдисциплинарное конструирование, пространство конструирования, сетевая архитектура.

Введение. Развивая ранее начатый нами дискурс относительно возможностей, способов и механизмов постижения феномена образования в его теоретических интерпретациях [3], мы пришли к умозаключению, что, с одной стороны, все они являются теоретическим результатом конструирования мыслителей, продуцирующих в дисциплинарных пространствах [4, 5], с другой подобные предметно-дисциплинарные пространства конструирования могут быть рассмотрены с позиции их архитектуры¹ (в т.ч. визуальной ее интерпретации) [6]. Анализируемый ряд теоретических представлений исследуемого социального феномена, зарождающихся в том или ином дисциплинарном пространстве представляется нами как его теоретические дисциплинарные прообразы². Отметим, что умозаключение о том, что продуцирование мыслителей, исследующих социальный феномен образования, осуществляется в пространстве, которое ими же и воссоздается восходит к концепции А. Лефевра [7]. Под предметно-дисциплинарными пространствами конструирования понимается области исследования, формируемые дисциплинарными науками, в призме внимания которых находится изучаемый социальный феномен. В кон-

¹ Под архитектурой пространства конструирования теоретизаций социального феномена понимается общий принцип формирования (конструирования) теоретических интерпретаций изучаемого феномена как нечто целое, композиционно завершенное, проявляющийся в единстве и дополнении друг

друга подходов, дисциплинарных исследовательских программ, методов, традиций и т.д.

² Дисциплинарный прообраз образования – любая теоретическая интерпретация исследуемого социального феномена, сконструированная исследователем в рамках его дисциплинарных предпочтений, методов, традиций и т.д.

тексте нашей работы подобные пространства конструирования теоретических интерпретаций образования рождают «образовательно-ориентированные» дисциплины: педагогика, психология образования, социология образования и т.д. Специфика сконструированных в подобных пространствах дисциплинарных прообразов образования заключается в том, что они отражают лишь отдельные стороны столь многоаспектного социального феномена, коим является образование. Пространство конструирования откладывает на них своей уникальный штамп, даже не оно само в прямом смысле этого значения, а его архитектоника. Иными словами, дисциплинарные прообразы несут на себе «архитектонический отпечаток» пространства конструирования. Любое пространство конструирования дисциплинарных прообразов образования может быть описано в унифицированных пространственных координатах, в нашем случае: предмет научной дисциплины (ГД), дисциплинарные методы (ДМ), теоретические конструкты (ТК), что определяет их архитектонику. Ранее мы выдвинули предположение, что дисциплинарным пространствам конструирования свойственна так называемая *локальная архитектоника*. Ключевой аспект подобной архитектуры пространства заключается в ее эвристической ограниченности в части исследования многогранного социального феномена – образования, невозможности преодоления дисциплинарного «тяготение». Выходом из сложившейся ситуации может выступить иная архитектоника пространства конструирования, с открытой или *сетевой* конфигурацией.

Результаты исследования. Дисциплинарные прообразы образования, являя собой теоретический результат воззрений мыслителей на исследуемый социальный феномен, формируются в пространствах конструирования с *локальной архитектурой*.

Графически пространства конструирования прообразов можно представить в

виде дисциплинарных областей, описанные своими координатами (рис. 1). Из рисунка отчетливо видна их независимость пространственного расположения: пространство конструирования (дисциплинарная область) с координатами (ГД1, ДМ1, ТК1) не пересекается с другим пространством с координатами (ГД2, ДМ2, ТК2). Иными словами, мыслители продуцирующие в их дисциплинарных рамках, формируют свои «самодостаточные» дисциплинарные прообразы образования. Постепенно в дисциплинарных пространствах накапливается массив прообразов образования, как правило сложно формализуемых не только в части способов которыми они были сконструированы, но и отнесению их к конкретным дисциплинарным наукам. Оставив за рамками данной работы размышления о способах и механизмах конструирования теоретизаций образования, сосредоточим свое внимание на возможности преодоления дисциплинарного «пространственного» притяжения исследователями.

Размышления об архитектонике дисциплинарного пространства конструирования, а конкретно о ее локальной сущности, привели нас к настоящей потребности поиска иного варианта конфигурации. Пространство конструирования способное осмыслить столь многоплановый социальный феномен как образование, на наш взгляд должно иметь исключительно открытую или *сетевую* архитектонику. В то же время, просто взять и трансформировать локальную архитектонику дисциплинарных пространств в открытую представляется сложно реализуемым процессом в силу ряда обстоятельств. С одной стороны, это сложившаяся годами практика, с другой – у исследователей нет потребности в ее изменении. Ученые годами продуцируют в рамках своих дисциплинарных предпочтений и убеждены в их достаточности для исследовательских задач стоящих перед ними. В этой связи, выдвигается идея взглянуть по иному на процесс постижения образования в его теоретизациях, которые яв-

ляя собой объект пристального внимания многих дисциплин, не может быть ими целокупно описан.

Суть этой идеи в не в отказе от сложившихся традиций работать в дисциплинарных традициях, в пространстве с локальной архитектурой, а ином взгляде на сам процесс конструирования теоретических интерпретаций образования, в части архитектуры пространства в котором оно осуществляется. Представляется возможным уйти от жестких дисциплинарных рамок пространства конструирования, с тем чтобы дать исследователям новый эвристический инструментарий. Таковую возможности мы видим исключительно

в пространстве конструирования с сетевой архитектурой (рис. 2).

Ключевой аспект сетевой архитектуры в том, что исследователь получает в свое распоряжение более широкий методологический инструментарий. Расширения методологической базы возможно не только за счет оккупации научных методов иных «образовательно-ориентированных» наук, но и обращения к их теоретическим конструктам, предмету, т.е. углу зрения под которым данная наука изучает образования. Дискурсу о возможностях получаемых исследователями с предлагаемой концепцией, в части их детализации, мы посвятим отдельные работы, здесь пока зафиксируем идею.

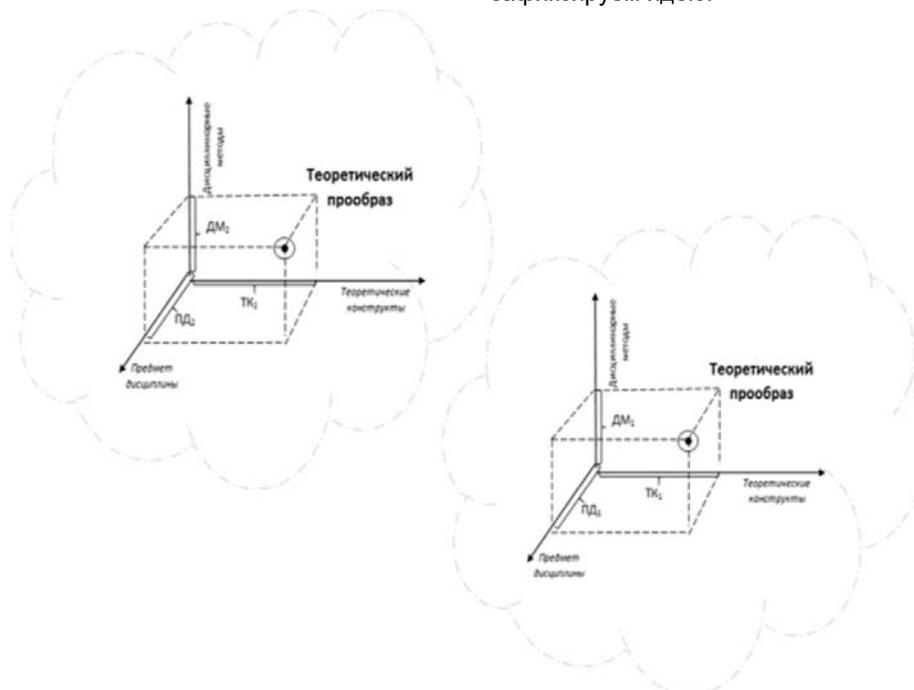
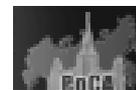

Рисунок 1. Пространства конструирования теоретических дисциплинарных прообразов образования: локальная архитектура

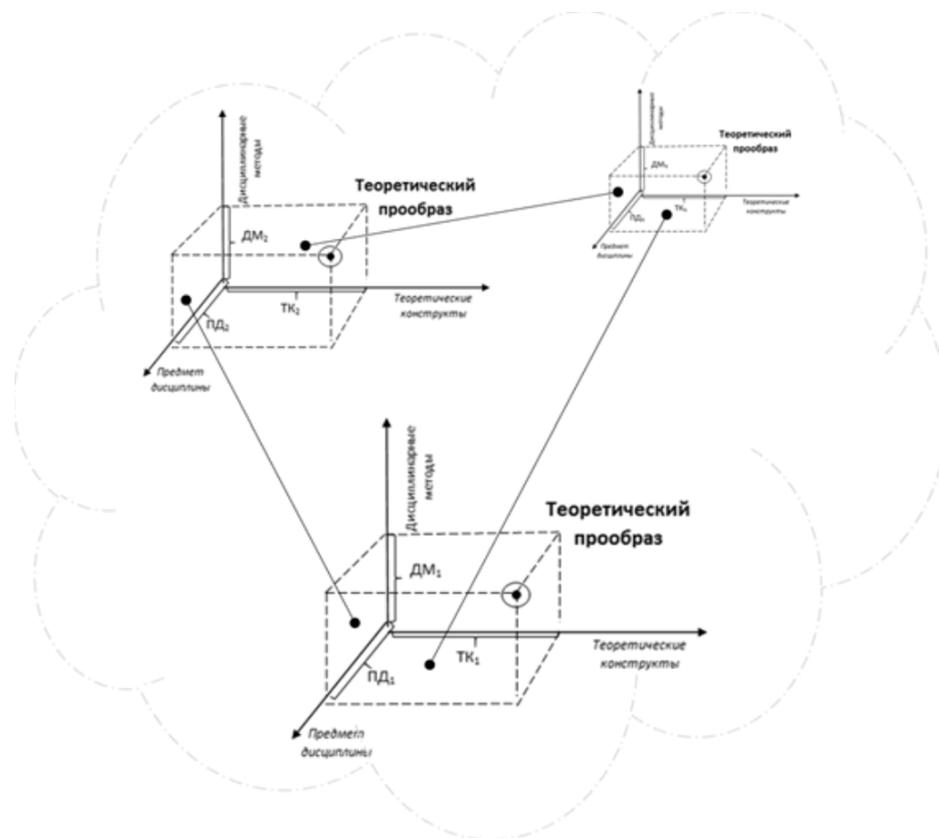

Рисунок 2. Пространства конструирования теоретических дисциплинарных прообразов образования: сетевая архитектура

Заключение. Основной акцент данной работы, в части постижения социального феномена образования, выраженного в его теоретических интерпретациях – дисциплинарных прообразах, сделан на потенциальной необходимости поиска новой формации его постижения. Переход от устоявшейся логики конструирования теоретических интерпретаций в дисциплинарных пространствах в сторону трансдисциплинарного формата, позволяет выйти на иной уровень абстракции исследования социального феномена образования. Предполагается, что сетевая (или открытая) архитектура заявленного трансдисциплинарного пространства конструи-

рования теоретического знания исследуемого социального феномена не только релевантна современной социальной реальности, но и имеет эвристическую продуктивность.

Литература

1. Бажанов В. А., Шольц Р. В. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы: монография. – М.: Навигатор, 2015. – 564 с.
2. Андреев В. В., Гибадулин Р. Я., Жданов Р. И. Формирование трансдисциплинарного подхода к научной и педагогической деятельности как основная миссия института перспективных

исследований // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 2-1. – С. 9–22.

3. Вихман В.В. Образование как трансдисциплинарный объект научной теоретизации: поиск решений/ В.В. Вихман//Фундаментальные аспекты психического здоровья: науч. журнал – 2018. - №3. С.75 – 78.

4. Вихман В.В. Цифровой дискурс конструирования теоретического образа феномена образования // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №1. С. 3447–3455. DOI: 10.15372/PEMW20200107. URL: <https://profed.nsau.edu.ru/jour/article/view/648>

5. Вихман В.В. Трансдисциплинарное конструирование теоретических образов феномена образования // Философия образования. 2020. Т. 20, № 2. С.48 – 63. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43091655>

6. Вихман В.В. Визуальные коннотации теоретизаций социальных феноменов / В.В. Вихман // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, № 1. С. 2476–2483. DOI: 10.15372/PEMW20190110. URL: <https://profed.nsau.edu.ru/jour/article/view/File/536/522>

7. Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. [Электронный ресурс] [Обращение к документу 10.07.2020]. Режим доступа: <http://sociologica.hse.ru/2002-2-3/28145145.html>

Network architectonics of the space for constructing theoretical prototype of the phenomenon of education: transdisciplinary aspect

Vikhman V.V.

Novosibirsk State Technical University

Introduction. This article reveals an attempt to look at the problematic situation associated with the specifics of not so much the object of knowledge in its constructed theoretical representations ("theoretical prototypes") of the phenomenon of education, but with the architectonics of the construction spaces that give rise to them. The specificity of the social phenomenon being analyzed lies, on the one hand, in the substantive deterministic nature of its theoretical

interpretations, designed by researchers in scientific disciplinary spaces, on the other hand, in the limitation of the heuristic potential of such spaces in its complete theoretical comprehension. It is assumed that one of the possible solutions to the current problem situation may be a methodological turn in the strategy of learning about education in its theorizations - from traditional and scientific disciplinary design spaces towards a trans disciplinary formation. In other words, realizing the heuristic failure of engineered disciplinary theoretical prototypes in terms of their holistic understanding of the whole depth and multifaceted nature of education, a different cognition algorithm is proposed - a trans disciplinary view of the social phenomenon being studied.

It is assumed that the novelty of this work lies in the focus of view on the fact that the trans disciplinary space for designing theoretical interpretations of the phenomenon of education, unlike disciplinary ones, has open or network architectonics. This position, in our conviction, allows us to claim a comprehensive research view of education. It is argued that access to the design space with network architectonics will allow you to obtain research analytical tools of a different quality, with synthesized heuristic potential in understanding the multifaceted social phenomenon under study. The result of this work is the idea of creating a method for constructing a complete (synthesized) "theoretical image of the phenomenon of education."

Methodology and research methods. The theoretical and methodological basis of this study, on the one hand, is the "spatial turn" that arose in scientific knowledge, on the other hand, a transdisciplinary approach, the heuristics of which are confirmed by a significant number of scientific works (V. Bazhanov, R. Scholz, D. J. Lang, A. Vick, A. Walter, M. Stauffacher, B. The movement of the proposed research strategy in the direction of trans disciplinary construction of theoretical interpretations of the studied social phenomenon is dictated not so much by our personal motivation to appeal to it, but by its proven productivity in the theory of knowledge (V.V. Andreev, R.Y. Gibadulin, R.I. Zhdanov and others). In this regard, the consideration of the space of designing theorizations of the phenomenon of education from the position of analytics of its architectonics allows us to attempt to go beyond the disciplinary framework of reflection over the latter.

The results of the study. Developing the idea of heuristic limitation of disciplinary spaces in terms of knowing such a multifaceted phenomenon as education, a different strategy for studying it is proposed. To such a strategy we attribute the idea on the one hand of reaching the transdisciplinary space of designing theorizations of the phenomenon of education, on the other hand - obtaining its other architectonics. The transdisciplinary nature of spaces is presented to us in the form of a number of subjects, in particular, the possibility of a departure of researchers from the disciplinary framework inherent in the area in which they produce (research programs, traditions) and an appeal to other subject

paradigms. It seems that transdisciplinary space is a space of a new level of construction of theorizations of the phenomenon of education, which is not only characterized by open (network) architectonics, but also allows you to holistically look at the social phenomenon being studied.

Conclusion. It seems that the analyzed series of socio-philosophical reflexes of education, called by us disciplinary prototypes, is the result of its theoretical design, which bear the imprint of the construction space. It seems that the design space, or rather its configuration, can be set by architectonics. Earlier we put forward that local architectonics is characteristic of the disciplinary spaces for designing theorizations of the phenomenon being studied. In case of turning the research strategy of studying the phenomenon of education towards the transdisciplinary format, we are faced with a different configuration of the architectonics of space - open, called by us "network." Access to network architectonics allowed us to get an author's toolkit that, in our opinion, can interactively look at the comprehension of such a multifaceted social phenomenon as education, represented in its theorizations.

Key words: the phenomenon of education, disciplinary prototypes of the phenomenon of education, transdisciplinary design, design space, network architectonics.

References

1. Bazhanov V. A., Scholz R. V. Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects: monograph. M.: Navigator, 2015. 564 p. (In Russian)
2. Andreev V. V., Gibadulin R. Ya., Zhdanov R. I. Formation of a transdisciplinarity approach to scientific and pedagogical activity as the main mission of the Institute for advanced Research // Teacher of the XXI century. 2019. № 2-1. P. 9-22. (In Russian)
3. Vikhman V. V. Education as a transdisciplinary object of scientific theorization: the search for solutions. *Fundamental Aspects of Mental Health*, 2018, no. 3, pp. 75–77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36424715> (In Russian)
4. Vikhman V.V. Digital discourse of constructing a theoretical image of the phenomenon of education. *Vocational education in the modern world*, 2020, Vol. 10, no. 1, pp. 3447–3455. DOI: 10.15372 / PEMW20200107. URL: <https://profed.nsau.edu.ru/jour/article/view/648> (In Russian)
5. Vikhman V.V. Transdisciplinary construction of theoretical images of the phenomenon of education. *Philosophy of Education*, 2020, Vol. 20, no. 2, pp.48–63. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43091655> (In Russian)
6. Vikhman V.V. Visual connotations of theorizations of social phenomena. *Professional education in the modern world*, 2019, Vol. 9, no. 1, pp. 2476–2483. DOI: 10.15372/PEMW20190110. URL: <https://profed.nsau.edu.ru/jour/article/viewFile/536/522> (In Russian)
7. Lefebvre A. Production of space. *Sociological review*, 2002, Vol. 2, no. 3. [Electronic resource] [Address to the document 07/10/2020]. Access Mode: <http://sociologica.hse.ru/2002-2-3/28145145.html> (In Russian)

Теоретические основы исследования общественного мнения в политике

Сингаевская Марина Владимировна
аспирант кафедры политологии и социологии политического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

В статье рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию общественного мнения в политике на различных этапах истории социально-политической мысли. Так, в отечественной социологии всестороннее научное осмысление феномена «общественное мнение» стало постепенно разворачиваться в конце 1950-х - начале 1960-х годов. На сегодняшний день только в отечественной литературе существует более 30 определений общественного мнения. Однако, в российской социологии, существуют три базовые концепции общественного мнения, которые подробно рассматриваются в данной статье: монистическая, плюралистическая и динамическая концепция общественного мнения.

В статье операционализируется определение общественного мнения в рамках динамической концепции общественного мнения. Базовым для данной статьи стало определение общественного мнения как своеобразного способа существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности.

Ключевые слова: общественное мнение, общественное сознание, массовое сознание, монистическая концепция, плюралистическая концепция, динамическая концепция

Считается, что *термин «общественное мнение»*, буквальный перевод которого звучал как «public opinion», был впервые употреблён в 12 веке английским писателем и государственным деятелем Д. Солсбери для обозначения моральной поддержки со стороны народа¹. Хотя в то время данный термин не получил широкого распространения, но само его появление можно считать важным событием в истории данного феномена. Из Англии это выражение стало проникать в другие страны и с конца 18 века уже стало общепринятым.

Проблема общественного мнения является, бесспорно, не новой. На протяжении многих веков учёные проявляли большой интерес к данному феномену, причём этот вопрос стал рассматриваться задолго до появления социологического знания. Ещё не используя само понятие «общественное мнение», на различных этапах истории социально-политической мысли, учёные размышляли над вещами, непосредственно связанными с данным явлением и его воздействием на власть и политику, о значении и роли общественного мнения в государственной и общественной жизни.

Так, особое место уделялось рассмотрению общественного мнения в рамках философских концепций. Предпосылки изучения общественного мнения зародились в Античной философии. В этот период мыслители задавались вопросом о роли общественного мнения в государственном управлении, пыта-

¹ См. об этом: Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 161.

лись осмыслить роль мнения большинства в принятии управленческих решений. Причём, доминирующей в античные времена и Средневековье являлась *элитарная концепция* формирования и проявления общественного мнения.

Школа Сократа, например, противопоставляла народному самоуправлению аристократическое правление людей мудрых и знающих. Эта идея получила разработку и в трудах Платона, который развивал идеи Сократа о приоритете аристократического управления, обосновывая положение о том, что принятие государственных решений является прерогативой избранных – правителей-философов, так как только им доступна истина, которая является результатом работы разума. По его мнению, основным субъектом общественного мнения является аристократия¹. Мнение же «ремесленников» формируется из непосредственного опыта, собственных чувств и влияния окружающих, поэтому оно не может быть истинным.

В отличие от Платона, воззрения Аристотеля на общественное мнение оказались под влиянием демократических традиций. В своём трактате «Политика» учёный размышлял над вопросом о том, над чем должна иметь верховную власть масса свободных граждан, которые не обладают богатством и не отличаются выдающимися чертами. С одной стороны, полагал Аристотель, «допускать таких к занятию высших должностей не безопасно ... они могут поступать то не справедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нём много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остаётся одно: предоставить

им участвовать в совещательной и судебной власти»³.

В Древнем Риме мнение большинства широко использовалось для принятия важных политических решений. Известный римский оратор и политический деятель Цицерон с целью обоснования своих политических доводов нередко использовал изречение: «Глас народа – Глас Божий».

В Средние века общественно-политическая мысль развивалась в тесном взаимодействии с религией, в виду этого объяснение социальной реальности, как правило, обосновывалось религиозными догмами. Сама же христианская церковь претендовала на некую особую роль в обществе и государстве: «град божий – есть высший град». Поэтому, ввиду тотальной религиозности людей мнение церкви в решении многих социально значимых проблем было доминирующим. В своей повседневной политике церковь выражала и отстаивала интересы государства - «всякая власть от бога». По существу, она представляла идеологический институт, одной из основных функций которого являлся контроль над формированием и проявлением общественного мнения.

В эпоху Возрождения итальянский мыслитель Н. Макиавелли полагал, что государь в своей политике должен опираться на мнение народа: «Тем государям, которые больше боятся народа, нежели внешних врагов, крепости полезны; а тем из них, кто больше боится внешних врагов, чем народа, крепости не нужны. Поэтому лучшая из всех крепостей - не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы»³.

Государю, указывал Н. Макиавелли, необходимо избегать того, что вызовет к нему неприязнь или презрение. Он должен стараться, чтобы люди были им

¹ См.: Платон. Государство / Избранные диалоги. М.: Эксмо, 2013. С. 559-718.

² Аристотель. Политика / Соч.: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 464.

³ Макиавелли Н. Государь / Избр. соч. М.: Художественная литература, 1982. С. 364-365.

довольны. Чтобы быть государем и управлять, нужно прежде всего основательно знать природу своего народа.

Представитель теории общественного договора, французский просветитель Ж. Ж. Руссо отстаивал идеалы демократического государства, считая, что общественное мнение является источником неписанного нравственного закона, на который должны опираться все иные виды законов. Он высказал суждение о том, что взаимоотношение общества и граждан будет бесконфликтным, если государство станет считаться с общественным мнением, выражающим мнение народа.

Изложив три типа законов, на которых основано государство (общественное право, уголовное право, гражданское право), он объяснял: «К этим трём родам законов добавляется четвёртый, наиболее важный из всех; эти законы запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства; они изо дня в день приобретают новые силы; когда другие законы стареют или слабеют, они возвращают их к жизни или восполняют их, сохраняют народу дух его первых установлений и незаметно заменяют силою привычки силу власти. Я разумею нравы, обычаи и, особенно, *мнение общественное*. Это область неведома нашим политикам, но от неё зависит успех всего остального»¹.

В трактате «Об общественном договоре» французский просветитель смог обосновать систему демократических прав, осуществление которых должно было, по мнению Ж.Ж. Руссо, создать «идеальное общество» и обеспечить торжество общечеловеческой демократии. Мыслитель указывал, что деятельность правительства во многом зависит от суждений народа, в результате чего

правительство вынуждено следовать наказам народного собрания. «В самом деле, первый закон, первый подлинной основной закон, вытекающий непосредственно из общественного соглашения – писал Ж.Ж. Руссо, заключается в том, что каждый отдаёт во всё предпочтение тому, что есть наибольшее благо для всех»².

Значительный вклад в изучение феномена общественного мнения внес немецкий философ Г. Гегель. По мнению М. К. Горшкова, Г. Гегель был первым, кто разработал целостную теоретическую концепцию общественного мнения³. В своей работе «Философия права» он выделяет условия и факторы формирования общественного мнения, его объект, субъект, характер суждения, соотношение «всеобщего» и «особенного» мнений, диалектику истины и лжи⁴. Г. Гегель считал субъектом общественного мнения народ и связывал возникновение общественного мнения с демократической возможностью народа высказывать свои суждения о «всеобщем», отстаивая свою точку зрения даже применительно к условиям буржуазной демократии. Он рассматривал нравственные основы общественного мнения и считал, что во все времена оно обладало большой силой, а также призывал не спекулировать тезисом «глас народа - глас божий».

С середины 19 века приоритет в доминирующем направлении переходит на сторону *плюралистической концепции*, которая предполагает, что общественное мнение складывается из мнений различных социальных общностей, каждая из которых имеет право на своё мнение по обсуждаемому вопросу. Исходя из данной доктрины, все социальные слои, общественные классы и социальные группы вовлекаются в процесс

¹ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / Об общественном договоре: Трактаты. М.: КАНОН-пресс-ц, 2000. С. 243 – 244.

² Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или опыт о форме республики / Там же. С. 435.

³ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 167.

⁴ См.: Гегель Г. Ф. Государство / Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 352 – 354.

формирования и проявления общественного мнения. Проблема «общественное мнение» становится центральной для социологии: исследователи изучают сущность данного феномена, его структуру, механизмы формирования и практического управления производством мнений.

В середине 19 века стали складываться целенаправленные исследования общественного в рамках *социально-психологического направления*, исследующее внутренние психологические механизмы функционирования и формирования общественного мнения. Особый вклад внесли исследователи конца 19 - начала 20 века в западной науке французские исследователи Г. Тард и Г. Лебон. Первый из них выводил понятия «публика» и «толпа» - как совокупность людей, вырабатывающих во многом схожие мнения и оценки и как источники общественного мнения. В первой группе люди физически сплочены, во - второй они рассеяны. Г. Тард называет публику «рассеянной толпой»¹. Первая «гораздо более нетерпима», вторая группа более пассивна. Публика, по мнению Г. Тарда, является объединением людей, которое, в отличие от толпы, структурировано интеллектуальными идеями. Публика является группой более развитой психологически и интеллектуально.

Мыслитель обосновывал положение о том, что общественное мнение порождается публикой. Публика возникает в результате «интеллектуализации» различных социальных слоёв и групп, которая происходит под воздействием быстро распространяющейся прессы. Взаимодействуя в публичном пространстве, люди обмениваются знаниями, убеждениями, оценками, мнениями. Таким образом происходит формирование общественного мнения.

Продолжение идей Г. Тарда отразилось в концепции Г. Лебона, который в свою очередь полагал, что «наступающая эпоха будет поистине эрой масс». «Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушиваться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы наций»². Г. Лебон считал, в толпе формируется единое умонастроение, способное, в зависимости от конкретной ситуации, к героическим или варварским поступкам. Исходя из черт толпы, Г. Лебон давал характеристику общественному мнению.

Причём сам он считал, что народные массы полностью лишены разума, а элита в свою очередь, олицетворяет самые великие достижения человечества. Он считал, что с людьми происходят драматические перемены, когда они становятся частью толпы. Разумные люди превращаются в жестоких, обезумевших зверей, способных на поступки немислимые вне толпы. Толпа – не просто скопление людей, согласно теории Г. Лебона, а особая психологическая общность, в которой растворяется личность независимо от её интеллектуального уровня, культуры или благосостояния. Французский мыслитель полагал, что в толпе формируется коллективный разум³.

Идеи французских социологов получили дальнейшее развитие в «субъективной школе» русской социологии в трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева⁴. Проблема общественного мнения в отечественной науке была связана с исследованием роли масс и личности в истории.

Одним из главных представителей этого направления был П. Л Лавров, который полагал, что ведущей силой со-

¹ Тард Г. Публика и толпа// Психология толп. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 257.

² Лебон Г. Психология толп// Там же. С. 126.

³ Лебон Г. Психология толп// Психология толп. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 135-136.

⁴ См.: Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Типография

Стасюлевича, 1914; Лавров П. Л. Исторические письма / Философия и социология. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1965; Михайловский Н.К. Герои и толпа / Избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998.

циального развития является критически мыслящая личность – «орган прогресса». Главная особенность личности – её критическое сознание, осознанное стремление к изменению культуры. Лишь с возникновением критической личности начинается историческая жизнь человечества. Но прогресс, который может принести сила личности, способен захватить, по мнению учёного, крайне небольшое число людей, способных критически мыслить и иметь собственные убеждения. Схожие идеи развивает Н. Михайловский, предметом социологии которого было учение о «борьбе за индивидуальность». Иными словами П. Л. Лавров осмыслил общественное мнение сквозь призму анализа критически мыслящей личности, которая является органом прогресса.

В работе «Герои и толпа» (1882) русский социолог Н.К. Михайловский говорил об общественном мнении в связи с анализом поведения толпы. *Героем* он называет «человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело»¹, *толпа* - это «масса, способная увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным»². Механизм формирования и функционирования общественного мнения в теории Н. К. Михайловского запускает понятие «*социальный гипнотизм*» как выражение подражания или внушения. С помощью данного понятия автор пытается объяснить причины движения масс.

Мыслитель считал, что на человеческую душу влияют очень разнообразные мотивы, но в числе их, притом заглушая иногда все остальные, действует и склонность к подражанию и повиновению. «Эта склонность воспитывается теми же условиями, которые

определяют автоматическое подражание и повиновение гипнотизированного субъекта: скудостью, постоянством и однообразием впечатлений. Это, значит, и суть необходимые условия для образования того, что мы согласились называть «толпой»³. Иными словами, механизм формирования общественного мнения, полагал Н.К. Михайловский, запускает подражание и повиновение, которые существуют в толпе.

Один из самых заметных американских политологов и исследователей общественного мнения 20 столетия Дж. Цаллер, в свою очередь, полагал, что «именно элиты всегда влияют на массы и ни в коем случае не наоборот»⁴. Иными словами, мыслитель придерживался *элитарной концепции*, в основе которой лежит идея, что лишь мнение элит может адекватно отражать социальные, экономические, политические проблемы и предполагать компетентные варианты их решения.

В 20-ых годах 20 века появляется ряд значимых работ в исследовании общественного мнения в *политической социологии*. Одной из ведущих фигур данного направления в США был У. Липпман, который развивал идею ограниченности применения общественного мнения в государственном управлении. Он считал, что большинству людей сложно разобраться во всех тонкостях происходящих событий: «Для того чтобы частное лицо смогло аргументировать свою позицию по данному вопросу, кто-то должен вытопить жир из предложенного ему продукта»⁵. Кроме того, помехой в формировании верного общественного мнения являются ранее сформированные индивидуальные и групповые стереотипы.

¹ Михайловский Н.К. Герои и толпа / Избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998. С. 6.

² Там же.

³ Михайловский Н.К. Герои и толпа / Избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998. С. 6.

⁴ Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 25.

⁵ Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. С.368.

В середине 20 в. выдающимся исследованием теоретических основ общественного мнения стала работа Н. Лумана, который считал субъектами общественного мнения не социальные общности, а его содержание – актуальную для людей тему. «Темы – это необходимые условия коммуникации»¹. Н. Луман полагал, что у общественного мнения не существует особых субъектов, а выраженные мнения фиксируют лидирующую тему, приковывающую внимание людей, чьи взгляды могут быть весьма различными. Такой подход он объяснял тем, что нельзя коммуницировать несколько тем сразу. Поэтому приходится делать выбор, в ходе которого может происходить борьба между сторонниками различных тем. Сама же «выбранная» тема, как правило, является по своей сути дискуссионной, что стимулирует её обсуждение и оценку. Таким образом, Н. Луман как бы отрывает тему от её творца – субъекта.

Одной из популярных и влиятельных концепций общественного мнения является концепция Э. Нозль-Нойман². Феномен «спирали молчания» влияет на прогнозирование результатов политических выборов. Суть концепции состоит в том, что многие люди, мнение которых не совпадает с мнением большинства, предпочитают не демонстрировать своё, отличное мнение, по крайней мере, из-за элементарной боязни остаться в изоляции. Сторонники большинства, не видя возражений, начинают ещё громче высказывать своё мнение, а другие замыкаются. Все эти факторы способствуют нарастанию «спирали молчания». Социологи в некотором роде объясняют победу на выборах США 8 ноября 2016 г. Дональда Трампа «спиралью молчания»³.

В отечественной социологии всестороннее научное осмысление феномена «общественное мнение» стало постепенно разворачиваться в конце 1950-х - начале 1960-х годов, и на сегодняшний день только в отечественной литературе существует более 30 определений общественного мнения⁴. Можно выделить три **базовые концепции общественного мнения: монистическая концепция, плюралистическая концепция и динамическая концепция.**

Создание *монистической концепции* связано с именем А. Уледова и появлением в 1963 году его работы «Общественное мнение советского общества»⁵. В данной концепции общественное мнение рассматривается как состояние общественного сознания. «Одним из состояний общественного сознания, - пишет А. Уледов, - выступает общественное мнение. Такими же состояниями выступают социальные нормы поведения людей, традиции, программы политических партий»⁶.

А. Уледов утверждал, что общественное сознание может быть рассмотрено в трёх планах. Во-первых, в плане специфических форм отражения. Во-вторых, в плане уровней сознания, т.е. как глубоко проникает сознание в сущность явлений. «По глубине отражения общественное сознание подразделяется на теоретическое сознание и сознание обыденное. Теоретическое сознание отражает существенные стороны вещей и процессов и отличается определённой системностью и доказательностью. Обыденное сознание складывается в повседневной жизни людей на основе эмпирического опыта, иногда без серьёзного и глубокого анализа

¹ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 26.

² См.: Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996.

³ См.: РИА Новости: Российские социологи: Трампа подтолкнула к победе «спираль молчания».

URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=115942> (дата обращения: 25.02.2017 г.).

⁴ См. об этом подробнее: Академик Михаил Горшков. Пути в социологию – исповедимы. М.: Весь Мир, 2015. С. 31.

⁵ Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцгиз, 1963.

⁶ Там же. С. 49-50.

объективных процессов жизни»¹. В – третьих, в плане состояний сознания. В таком случае одним из состояний общественного сознания, полагал учёный, выступает общественное мнение.

Учёный полагал, что общественное мнение всегда является мнением большинства². В социалистическом обществе всегда должно складываться единое общественное мнение, поэтому говорить о каком-либо плюрализме общественного мнения здесь невозможно. Общественное мнение отличается – и в этом его суть – внутренним единством. Отсюда и название – монистическая концепция, то есть внутренне единое образование. Основная идея заключается в том, что если бы не было этого единого образования, если бы общественное мнение не выступало мнением большинства, оно не имело бы того морально-политического авторитета, которым отличается в реальной жизни. Оно бы так не давило на всех нас, в том числе и на государственных и общественно-политических деятелей.

Таким образом, в концепции А. Уледова общественное мнение представляет собой единое суждение народа по вопросам социальной жизни, затрагивающим общие интересы и требующим практического решения. Единое мнение, утверждал А. Уледов, достигается отнюдь не путём насилия, а путём борьбы мнений.

Плюралистическая концепция возникла как реакция на монистическую концепцию А. Уледова. Она предполагает, что общественное мнение складывается из мнений различных социальных общностей, каждая из которых имеет право на своё мнение по обсуждаемому вопросу. Разработкой данной концепции стал заниматься Б. Грушин. В своей книге «Мнение о мире и мир

мнений» (1967) ссылался на монографию А. Уледова и говорил о том, что общественное мнение – это плюралистическое образование, и иным оно быть не может. Суть его заключена не в одной, пусть доминирующей точке зрения, а в совокупности позиций различных социальных групп. «Общественное мнение – общественное сознание со сложными внутри него перегородками»³. Мыслитель придерживался мнения о том, что плюрализм является сущностной характеристикой любого общественного мнения. Просто в условиях социализма – в условиях отсутствия частной собственности и оппозиции – возможности плюрализма ограничены⁴.

Главное в этом типе сознания – то, что оно представляет собой произведение двух величин – *обыденного сознания* и *теоретического знания*. Общественное сознание включает в себя, во-первых, научные взгляды и построения, являющиеся результатом особой теоретической деятельности людей – это теоретическое сознание, и, во-вторых, взгляды и представления, порождаемые повседневной, будничной практикой масс – повседневное сознание. Два вида общественного сознания находятся в состоянии подвижного взаимодействия.

Б. Грушин считал, что общественное мнение можно определить, как состояние массового сознания или массовое сознание в чистом виде (массовое сознание *in actu*, в действии)⁵. Причём, анализу массового сознания как особого типа общественного мнения Б. Грушин посвятил отдельную работу – «Массовое сознание». «Массовое сознание – это один из видов общественного сознания, наиболее реальная форма его практического существова-

¹ Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 45.

² Там же. С. 80.

³ Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. С. 61.

⁴ Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967. С. 186.

⁵ Грушин Б. А. Массовое сознание. Там же. С. 164.

ния и воплощения. Это особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей («массам»)»¹. Б. Грушин утверждал о том, что массовое сознание, как правило, неоднородно, противоречиво по своим позициям, в виду этого если одна его часть высказывается «за», то другая непременно «против». Массовое сознание изменчиво и подвижно в своих предпочтениях – то поддерживает силы прогресса, то может вдруг оказаться на стороне самых отсталых представлений и даже откровенной реакции.

Помимо этого Б. Грушин говорил о содержании массового сознания, выделяя три критерии массового сознания: «наличный (средний) уровень развития сознания масс в обществе; диапазон и характер (направленность) потребностей, запросов, интересов, отличающих жизнь масс и диапазон информации, открыто и в массовом масштабе циркулирующей в том или ином обществе»².

Значимый вклад в развитие теории общественного мнения был внесён академиком РАН М.К. Горшковым, который предложил объединить концепцию А. Уледова и Б. Грушина. Сам учёный называет свою концепцию - «динамической концепцией общественного мнения». «Дело заключается в том, - говорит учёный, что надо не противопоставлять эти концепции, а слить их в одну динамическую концепцию общественного мнения, характеризующую общественное мнение через единство прерывного и непрерывного, обязывающую различать это явление и как формирующееся, складывающееся, и как уже сложившееся, иначе говоря, анализировать общественное мнение и как процесс, и как результат»³. Речь идёт о том, что как оценочно-ценностное по своей природе суждение оно способно не

только определять духовное (вербальное) отношение людей к событиям, явлениям и процессам, но и влиять на практическую составляющую данного отношения.

Согласно М. К. Горшкову, *общественное мнение* – «своеобразный способ существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности»⁴. Иными словами, общественное мнение – это подвижное и «текущее» образование, которое развивается в континууме точек⁵.

М. К. Горшков полагает, что «общественное сознание» и «массовое сознание» - из разного категориального ряда, что зачастую не принимают во внимание многие исследователи. Речь идёт о том, что если общественное сознание в своих устойчивых формах существования (нормы, традиции, обычаи и т.п.) отражает конкретно-исторический тип общественных отношений, то через состояния массового сознания (социальные умонастроения, социальные чувства, духовно-психологический климат и др.) фиксируется своеобразие периодически меняющейся общественной ситуации.

Таким образом, трудности с демаркацией общественное сознание - общественное мнение М.К. Горшков решает через определение понятия «массовое сознание». Массовым сознанием может называться сознание распространенное, это и есть сознание большинства. И только с этим сознанием связано общественное мнение как оперативная форма выражения и способ существования массового сознания в виде мнений, оценок, суждений. Общественное

¹ Ольшанский Д. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002. С. 367.

² Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. С. 312-324.

³ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 285.

⁴ Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тоценко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 584.

⁵ См.: Горшков М.К. От общественного мнения – к общественному действию. // Н.Г. 2008.02.13. С. 17. URL: http://www.ng.ru/science/2008-02-13/17_action.html (дата обращения: 05.05.2016 г.).

мнение не может оперативно руководствоваться фундаментальными принципами. Оно отталкивается от них, но всегда своеобразно тем, что представляет собой оперативную реакцию на события, процессы действительности.

Так, в данной статье было обозначено базовое определение общественного мнения М. К. Горшкова в рамках его динамической концепции и рассмотрены основные теоретические подходы к исследованию общественного мнения в политике на различных этапах истории социально-политической мысли.

Литература

1. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 161.
2. Платон. Государство / Избранные диалоги. М.: Эксмо, 2013. С. 559-718.
3. Аристотель. Политика / Соч.: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 464.
4. Макиавелли Н. Государь / Избр. соч. М.: Художественная литература, 1982. С. 364-365.
5. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / Об общественном договоре: Трактаты. М.: КАНОН-пресс-ц, 2000. С. 243 – 244.
6. Гегель Г. Ф. Государство / Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 352 – 354.
7. Тард Г. Публика и толпа// Психология толп. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 257.
8. Лебон Г. Психология толп// Психология толп. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 135-136.
9. Михайловский Н.К. Герои и толпа / Избранные труды по социологии в 2-х т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998. С. 6.
10. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 25.
11. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.:

Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. С.368.

12. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 26.

13. Нозль–Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996.

14. РИА Новости: Российские социологи: Трампа подтолкнула к победе «спираль молчания». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=115942> (дата обращения: 25.02.2017 г.).

15. Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963.

16. Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. С. 61.

17. Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967. С. 186.

18. Ольшанский Д. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002. С. 367.

19. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 285.

20. Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С.584.

Theoretical foundations of the study of public opinion in politics Singaevskaya M.V.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article discusses and defines the main theoretical approaches to the study of public opinion in politics at various stages of the history of socio-political thought and operationalizes the definition of public opinion in the framework of a dynamic concept of public opinion. In domestic sociology, a comprehensive scientific understanding of the phenomenon of «public opinion» began to unfold gradually in the late 1950s and early 1960s. Today, only in domestic literature there are more than 30 definitions of public opinion. However, in Russian sociology, there are three basic concepts of public opinion, which are discussed in detail in this article: a monistic concept, a pluralistic concept, and a dynamic concept. The basis for this article was the definition of public opinion as a peculiar way of existence and manifestation of mass consciousness, through which the spiritual or spiritual-practical attitude of the majority of the people to facts, events, phenomena and processes of reality relevant to it is expressed.

Key words: public opinion, public consciousness, mass consciousness, a monistic concept, a pluralistic concept, a dynamic concept.

References

1. Gorshkov M.K. Public Opinion: History and Modernity. M.: Politizdat, 1988.S. 161.
2. Plato. State / Selected Dialogues. M.: Eksmo, 2013.S. 559-718.
3. Aristotle. Politics / Works: in 4 volumes.Vol. 4.M.: Mysl', 1983. P. 464.
4. Machiavelli N. Sovereign / Elected. op. Moscow: Fiction, 1982.S. 364-365.
5. Rousseau J.J. On the social contract, or the principles of political law / On the social contract: Treatises. M.: KANON-press-c, 2000.S. 243 - 244.
6. Hegel GF State / Philosophy of law. Moscow: Mysl', 1990.S. 352 - 354.
7. Tarde G. The audience and the crowd // Psychology of crowds. Moscow: Institute of Psychology RAS, 1998. P. 257.
8. Lebon G. Psychology of crowds // Psychology of crowds. Moscow: Institute of Psychology RAS, 1998.S. 135-136.
9. Mikhailovsky N.K. Heroes and the crowd / Selected works on sociology in 2 volumes.Vol. 2. St. Petersburg: Aleteya, 1998. P. 6.
10. Zaller J. The origin and nature of public opinion. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. P. 25.
11. Lippmann U. Public opinion / per. from English. T.V. Barchunov, ed. K.A. Levinson, K.V. Petrenko. M.: Institute of the Public Opinion Foundation. 2004.S. 368.
12. Luhmann N. Reality of mass media / Per. with him. A. Yu. Antonovsky. M.: "Canon +" ROOI "Rehabilitation", 2012. S. 26.
13. Noel-Neumann E. Public opinion. Opening a spiral of silence. M.: Progress-Academy; Whole World, 1996.
14. RIA Novosti: Russian sociologists: Trump was pushed to victory by the "spiral of silence". URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=115942> (date of access: 25.02.2017).
15. Uledov A.K. Public opinion of the Soviet society. M.: Sotsekgiz, 1963.
16. Grushin BA Mass consciousness: The experience of definition and research problems. M.: Politizdat, 1987.S. 61.
17. Grushin BA Opinions about the world and the world of opinions. Problems of public opinion research methodology. Moscow: Politizdat, 1967.P. 186.
18. Olshansky D. Political psychology. SPb.: Peter, 2002.S. 367.
19. Gorshkov M.K. Public Opinion: History and Modernity. M.: Politizdat, 1988.S. 285.
20. Political sociology: textbook / ed. J.T. Toshchenko. M.: Yurayt Publishing House, 2015.S. 584.

Иррациональность социальных представлений молодежи о субкультурах

Ардашев Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, ardashevrg@bk.ru

В статье рассматриваются особенности формирования и развития социальных представлений молодежи о субкультурах. Доказывается их иррациональный характер и укорененность в общественном сознании ярлыков представителя той или иной молодежной субкультуры. Оцениваются социальные условия возникновения субкультурных движений и последствия воздействия субкультур для общественного воспроизводства.

Ключевые слова: социальные представления, молодежь, субкультуры, иррациональность представлений, альтернативные движения

В отечественной науке в последние годы обсуждается с разных сторон цивилизационное развитие России. Уникальность исторического момента такова, что сегодня в обществе возникают новые социальные группы, новые общественные явления, которые своим существованием показывают изменения, происходящие с обществом. Если в советское время культурное пространство страны представляло единый комплекс принятых и реализуемых властью идей по просвещению, приобщению и развитию необходимых для советского общества идеалов «культурного» человека, то в современной России единое пространство культуры разбито на множество элементов и блоков. Каждый из них развивается по своим правилам и законом. Например, принципы и идеи развития элитарной и массовой культуры, художественной и повседневной, профессиональной и этической будут крайне размытыми и не однозначными. Это же можно сказать и о различных субкультурах, характеризующих на легитимных основаниях развитие культуры в целом.

Субкультура – это часть общей культуры нации, в отдельных аспектах отличающаяся или противостоящая целому, но в главных чертах согласующаяся и продолжающая культуру нации, которая получила название доминирующей культуры. Субкультура отличается от доминирующей культуры языком, взглядами на жизнь, манерами поведения, прической, одеждой, обычаями. Различия могут быть очень сильными, но субкультура не противостоит доминирующей культуре. Она включает ряд ценностей доминирующей культуры и добавляет к ним новые ценности, характерные только для нее.

Субкультура – это, прежде всего, система норм и ценностей, отличающих группу от большинства обществ. Она формируется под влиянием таких факторов, как возраст, этническое происхождение, религия, социальная группа или место жительства. Развитие субкультуры затрагивает множество аспектов – от социокультурного развития общества в целом до психологических особенностей определенных возрастных групп. Для того чтобы понять, что такое субкультура, почему она возникает, какую роль играет в жизни общества, каким образом развивается и функционирует, необходимо понять сам феномен культуры, его значение и его роль в жизни отдельного человека и общества в целом.

В настоящее время уделяется большое внимание молодежным субкультурам и объединениям. И это внимание обоснованно. Молодость характеризуется как период формирования личности, самосознания, становления системы ценностей. Этот период можно назвать периодом создания себя в этом мире. Каким будет человек в дальнейшем и какой путь изберет для себя в большой степени зависит от установок, которые он создаст для себя в этот период. Критичность мышления и неоднозначность суждений свойственны для молодого человека, каждому явлению и событию он хочет дать свою особенную оценку, старается быть непохожим на остальных. Но в то же время проявляется острая потребность найти единомышленников, быть членом какой-либо группы. Так же большое влияние оказывают стереотипы и правила прошлых поколений, от которых молодой человек старается отстраниться, создав свои собственные. В свете всех внешних и внутренних факторов, влияющих на самоопределение, молодому человеку довольно сложно найти себя и свой собственный стиль жизни. Многие представители современного поколения находят выход в том, что примыкают к какой-либо молодежной субкультуре, неформальному объединению[2].

Таким образом, они удовлетворяют массу своих потребностей: 1) появляется группа единомышленников, которые их понимают; 2) у каждого неформального объединения есть свой неповторимый стиль, который выделяет их; 3) они чувствуют себя причастными к чему-то особенному, бросают вызов стереотипам; 4) возможность создания своей культуры и ценностей в рамках данного объединения и т. д.

Все это притягивает и дает ключ к созданию своего мира. Неформальные движения занимают довольно большую часть в общей совокупности различных молодежных направлений и изучение их влияния на становление личности молодого человека в этом свете становится особенно актуальным.

Но этот вариант социализации не является абсолютной панацеей для молодежи и содержит свои подводные камни. Основной проблемой, с которой можно столкнуться при изучении неформальных объединений, по моему мнению, является некоторая условность их структурирования и деления, так как в литературных источниках есть абсолютно четкое определение того или иного объединения, его описание, философия, образ жизни членов, стиль и так далее, а на практике большинство «неформалов», особенно более старшего возраста, не могут точно отнести себя к тому или иному объединению.

Эта проблема исходит из особенности неформальных объединений, их неструктурированности, подверженности частым изменениям, моде на тот или иной стиль. Многообразие современных неформальных течений может завести в тупик и создать массу проблем. Зачастую молодой человек приходит к выбору, исходя из предыдущего, довольно небольшого опыта, мнения друзей, ближайшего окружения, не хочет отрываться от компании. Конечно, нельзя с абсолютной уверенностью говорить, что то или иное направление субкультуры оказывает позитивное или негативное влияние на развитие личности,

все зависит от конкретной ситуации и множества сторонних факторов. Сам выбор неформального направления является в очень большой степени индивидуальным и в этом вопросе конечно может понадобится помощь.

Изучение молодежных субкультур издавна составляет важное направление социальной психологии и социологии молодежи. С 60-х гг. XX в. к этой проблематике обратились ведущие исследователи разных стран мира, в отечественной же науке анализ молодежных субкультурных феноменов до конца 1980-х гг. велся в очень узких рамках и не был сколько-нибудь значимой областью исследований молодежи. Отчасти это происходило из-за того, что такие феномены в силу утвердившихся научных парадигм воспринимались как социальная патология, а подобного рода тематика в основном носила закрытый характер, и ее разработка не могла вестись по свободному выбору того или иного исследователя или исследовательского коллектива. Существенно и то, что субкультуры, свойственные Западу, были мало представлены (по крайней мере, на поверхности) в формах социальной и культурной активности молодого поколения.

С конца 1980-х гг. внимание исследователей к молодежным субкультурам России стало более заметным как у нас, так и за рубежом. В 2000-е гг. исследовательская активность в этом направлении усилилась. Некоторые авторы стремятся прояснить субкультурные характеристики молодежи в рамках отдельных территорий (например, к такому пути по мотивам вполне практически склонны исследователи НИЦ «Регион» Ульяновского госуниверситета, руководимого Е.Л. Омельченко; внимание к субкультурам молодежи на региональном уровне проявляют исследователи Санкт-Петербурга). Другие идут по пути описания большого и разнородного материала, который сгруппирован на основе определенной теоретической ориентации [4].

Так, социально-психологическая направленность представителей молодежных субкультур была изучена Д.А. Парфенюк, определившей ее как комплексное образование, компонентами которого являются интеллектуальные, эмоциональные, коммуникативные качества, потребности, цели, интересы, установки, ценностные ориентации, обуславливающие выбор молодежью определенной субкультуры. При этом под молодежной субкультурой автор понимает относительно самостоятельную структуру внутри общей культурной системы, включающей в себя специфический набор социально-психологических признаков: социально-психологические качества, потребности и мотивы, цели и интересы, нормы и ценностные ориентации, влияющие на стиль жизни и мышление определенных реальных и номинальных групп людей.

Ею была предложена оригинальная модель социально-психологической направленности представителей молодежных субкультур, состоящая из трех компонентов:

- личностного (интеллектуальные, эмоционально-волевые и коммуникативные качества;
- мотивационного (личностные потребности, мотивы, интересы и цели);
- регуляторного (социальные установки, ценностные ориентации, представления о групповых нормах и стереотипах).

Д.А. Парфенюк на основе результатов своего исследования разработала социально-психологический портрет представителя молодежной субкультуры. Для представителя молодежной субкультуры характерны богатое воображение и повышенная рассеянность, радикальное настроение, неприемлемость установленных правил; конкретное мышление, эмоциональная неустойчивость и раздражительность с пониженной жизнерадостностью, переходящей в беспокойство и склонность к депрессии; неприемлемость общепринятых моральных норм, слабая интегрированность и заниженное самомнение,

повышенная возбудимость, сменяющаяся флегматичностью; низкий уровень стрессоустойчивости, хронические эмоциональные конфликты, низкая сила воли, импульсивность, слабо усвоенные моральные нормы; упрямство, настойчивость, непреклонность и нетерпимость, экспрессивность и заниженное чувство опасности, ревность, повышенная групповая зависимость; достаточная коммуникативность в своём кругу; склонность к работе, не требующей повышенной личной ответственности, и к работе в сфере искусства, литературы; развитая мотивация, стремление улучшить социальный статус.

Наконец, Д.А. Парфенюк предложила свою классификацию молодёжных субкультур в соответствии со степенью вовлеченности их представителей: комплексные и специальные субкультуры.

О.Е. Кузнецова исследовала другой аспект проблемы молодёжных субкультур - организационные субкультуры формальных групп как фактор межгрупповых отношений в организации и предложила свою типологию субкультур формальных групп [6]:

- «творческий» тип (характеризуется высокой значимостью ценностей творчества и партнёрства);
- «пассивный» тип (объединяет группы, которые характеризуются как неорганизованные, неэффективные, неориентированные на самостоятельность);
- «регламентированный» тип (включает в себя группы, которые характеризуются как сплочённые, привлекательные, независимые, ориентированные на стабильность и организованность);
- «активный» тип (объединяет группы, характеризующиеся как энергичные, эффективные, ориентированные на взаимопомощь).

О.И. Старичкова на основе исследования динамики ценностей и образа Я представителей субкультуры сформулировала критерии для описания динамики социальной идентичности члена субкультурной группы:

- степень включенности в группу по субъективной оценке респондента (декларируемая идентичность);
- слияние образа Я с образом группы;
- включение в структуру идентичности самохарактеристик личности, связанных с групповым членством;
- близость индивидуальных ценностей к ценностям группы [1].

Л.В. Шабанов на основе изучения социально-психологических характеристик молодёжных субкультур выделил наиболее важные из них: референтность группы, уровень самоорганизации ее членов, их тревожность; контактность, демонстративное поведение, склонность к агрессивным реакциям и оценочному поведению, «зеркальное восприятие» внешних (out-group) и внутренних (in-group) ситуаций, боязнь оценки. По данным этого автора, молодёжная субкультура является псевдоморфозой механизмов социализации современного общества.

Социально-психологические аспекты проблемы субкультуры молодёжных лидеров из профильных молодёжных центров исследовались курскими психологами С.В. Сарычевым, И.Н. Логвиновым, С.Г. Елизаровым и др. в рамках параметрической концепции группы.

Как видим, ответ на вопрос, влияют ли субкультуры на формирование духовности человека и если влияют, то в каком направлении, до сих пор не получен. Под духовностью мы понимаем высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности [3].

Духовность - это индивидуальная выраженность в системе мотивов личности двух фундаментальных потребностей:

- идеальная потребность познания;
- социальная потребность жить и действовать «для других».

Под духовностью преимущественно подразумевается первая из этих по-

требностей, а вторая – под душевностью. С категорией духовности соотносится потребность познания – мира, себя, смысла и назначения своей жизни. Человек духовен постольку, поскольку задумывается над этими вопросами и стремится получить на них ответ [3]. На наш взгляд, принадлежность к определенной субкультуре определяет некоторую специфику мировоззрения человека, его мироощущение, а следовательно, сказывается и на его духовно-нравственных качествах.

Субкультура как культура части населения (контактной социальной группы) может быть классифицирована по нескольким критериям: по возрасту, по этнической принадлежности, по расе и даже по полу. Этот список можно продолжать. Сообщество, приверженное к определенной субкультуре, старается выделиться из общей массы человечества, тем самым демонстрируя свое единство. Обычно приверженцы субкультуры выделяются своей одеждой и поведением, выбирая для себя определенный стиль, или устанавливая свои символы, которые трактуют в определенном смысле, чаще всего противоречащем общей культуре. Теоретики от культуры стараются изучить и понять эту символику и сравнить ее с символами массовой культуры [6].

Таким образом, изучение субкультур зачастую сводится к изучению символики, ассоциируемой с определенным стилем одежды, музыки и других внешних проявлений предпочтений поклонников субкультуры, а также своеобразных способов трактовки символов, используемых и в доминирующей культуре. Если субкультуру характеризует систематическое противостояние доминирующей культуре и существенное расхождение с ней, тогда ее определяют как контркультуру [5].

Как часто бывает, в движение субкультуры вмешивается бизнес. Продавать определенный товар с символикой субкультуры с недавнего времени стало популярным и очень востребованным. Внедрение атрибутики субкультуры в

массы через торговлю убивает ее как субкультуру. Она становится постепенно доминирующей в жизни большой массы народа. Но это дает приверженцам субкультуры искать новые стили, новые символы и тому подобное для развития нового направления в движении субкультуры [2].

Методологической базой исследования стала теория социальных представлений С. Московичи. Московичи полагал, что социальные представления – осмысленные знания, они являются в современном обществе эквивалентом тому, что в традиционных обществах рассматривалось как мифы и верования. Они могли бы называться поэтому «современной версией здравого смысла» [3, с. 207]. Социальные представления образуют определенную форму познания, включающую социально обусловленный здравый смысл, содержание, функции явлений, поступков, событий, т. е. социальные представления – это форма познания социальной действительности. Именно благодаря им человек может осмыслить, понять окружающий его социальный мир, интерпретировать и осмыслить окружающую социальную реальность. Основные компоненты структуры социальных представлений – это информация, поле представления и установка.

Механизмы формирования социальных представлений включают в себя категоризацию и наименование; язык и память. В результате категоризации и наименования происходит закрепление социальных представлений. А закрепление в памяти через образы и через языковые формы приводит к восприятию их как обязательных элементов, объясняющих окружающий мир.

Благодаря социальным представлениям формируется и развивается идентификация индивида с субкультурой, с особым мировоззрением, с особой философией.

Социальные представления способствуют формированию социальной (групповой) идентичности. Сформированный в любой субкультуре набор

представлений об общественной жизни становится почти осязаемой реальностью: проникая в социальное окружение человека, представления о чём-либо неизбежно воспринимаются им как реальность, условная, но всё же реальность, имеющая почти материальную форму.

Именно эта «реальность» и представляет для нас интерес в связи с поставленной нами задачей – исследовать, какими же характеристиками наделяется субкультура в среде современной молодёжи (при этом, мы не стремились выделить особенности какой либо отдельной субкультуры – мы пытались рассмотреть их как общий, показательный элемент социальной реальности).

В ходе исследования были опрошены студенты российских вузов в количестве 2200 человек в возрасте от 17 до 22 лет. Мы полагаем, что этот возраст является наиболее близким к различным субкультурам и именно в это время у молодых людей формируется критическое отношение, более объективное восприятие тех ценностей, идеалов и идей, которые пропагандируются в той или иной субкультуре.

В ходе исследования использовался анкетный опрос, в который включили элементы методики транссимволического анализа (ТСА) (более подробно о методике см.: [1]). Также проводился анализ материалов форума, в котором участвовали студенты, посвященного субкультурам.

Результаты исследования позволяют нам заключить то, что представления о субкультуре в молодежной среде не одинаковы и зависят от разнообразных факторов.

Рассмотрим более подробно полученные результаты. Все респонденты указали на то, что сталкивались с представителями различных субкультур (не состоят в какой-либо субкультуре, но имеют о них общее представление 45%, имеют знакомых и друзей, состоящих в какой-либо субкультуре – 35%, сами состоят в какой-либо субкультуре – 20%).

То есть, можно сказать, что информация о субкультурах как о социальном явлении в молодежной среде достаточно распространена.

Возникает вопрос, как оценивают сами субкультуры (идеологию и философию) и представителей этих субкультур (конкретных людей) опрашиваемые нами респонденты. И тут мы получили интересные данные. Субкультуры, опрашиваемые нами респонденты склонны оценивать в большей степени негативно (45%), чем конкретных представителей данных субкультур (35%), (20% – затруднились дать оценку). Чем это объясняется? Тем, что идеи, объединяющие людей в некую субкультуру, всегда обезличены, и они, в общем виде, могут и не затрагивать и не волновать окружающих. Но, когда эти идеи реализуются в поступках, образе жизни и мыслях конкретных людей (друзей, соседей, знакомых), когда с этим человеком сталкиваешься в повседневной жизни и он обладает вполне «нормальными» и «адекватными» чертами, то, в целом, возникает и закрепляется более положительный образ этого человека, а субкультура, в целом, будет такой же далекой и непонятной.

Результаты использования методики ТСА позволили нам выявить через символические триады социальные представления студентов о субкультурах. По анализируемой категории выявлено более 86 единиц анализа, которые были сведены в несколько переменных или категорий анализа: «убеждение» – «притягательное» – «изменяет», «показуха» – «мнимая» – «придает уверенность», «фантазия» – «иллюзорная» – «осмысливает».

Когнитивные символы (К-символы) – «убеждение» (42%), «показуха» (37%), «фантазия» (32%) позволяют нам говорить о том, что субкультуры отражают некий конструируемый образ в среде молодежи, желание которому следовать или приобщиться к нему заставляет молодых людей искать в них опору.

Аффективные символы (А-символы) доказывают это предположение тем, что указывают на привлекательные и в то же время нереальные сферы: «приятельное» (40%), «мнимая» (35%), «иллюзорная» (30%).

Деятельностные символы (Д-символы) показывают результат воздействия субкультур, что, по мнению молодежи, люди получают, приобщаясь к ним: «изменяет» (33%), «придает уверенность» (30%), «осмысливает» (25%). Мы видим, что субкультура хоть и обладает некоей нереальностью (на что указывают аффективные символы), она все же меняет жизнь молодого человека, т. е. выполняет ту функцию, ради которой он в нее вступает. Через символические триады прослеживается изменение восприятия роли субкультуры в жизни молодого человека. Это не может не отразиться на дальнейшем изменении мировоззренческого восприятия социальной реальности последующими поколениями.

Также использование элементов трансимволического анализа позволяет разделить опрошенных респондентов на две примерно одинаковые части – тех, кто воспринимает субкультуру как позитивное явление, расширяющее мир для ее членов (48%). И тех, кто считает все прерогативы, возникающие в рамках субкультуры – иллюзорными, уводящими от реальности (52%).

В ходе опроса выяснилось что, по мнению половины респондентов, субкультура положительно влияет на личность человека, обогащает его новым опытом, знаниями, представлениями как о мире, так и о себе самом. Большая часть опрошенных либо нейтрально (25%), либо позитивно (35%) оценивает влияние субкультур на общество и культуру в целом (30% оценивают как негативное влияние и 10% – затруднились с ответом). В позитивных и нейтральных оценках преобладают такие объяснения, как «определяется смысл жизни человека» и «выявляются ценностные ориентации» (хакеры, рэперы, рокеры), «определяется досуг и положительные

увлечения» (ролевики, толкиенисты, историческая реконструкция) и др. В негативных оценках присутствуют такие объяснения, как «уводит человека от реальности» (готы), «не позволяет решать настоящих задач и проблем» (геймеры, эмо), «негативно настраивает на представителей других культур, групп, этносов» (скинхеды) и др.

Среди девушек наблюдается более романтичный образ представителей практически всех субкультур (80%), среди юношей – этот процент ниже практически вдвое (35%). Мы это можем объяснить тем, что девушки более романтично представляют реалии, повседневность той или иной субкультуры. Например, «прогулки ночью под луной по кладбищу» (у готов), «формирование идеальных представлений об личных отношениях мужчины и женщины / между людьми в обществе / героях-спасителях» и т. д. (у ролевиков, толкиенистов), эмоционально-ранимого восприятия окружающего мира (у эмо) и пр.

По мнению респондентов, существует несколько факторов, способствующих возникновению и распространению субкультур (см. рис. 1).

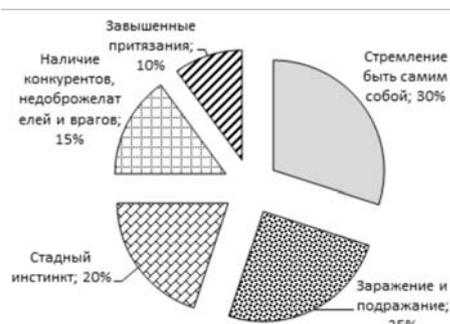

Рис. 1. Факторы способствующие распространению субкультур

Стремление быть самим собой. Для юношеского возраста характерен поиск собственных возможностей, своего места в мире и в общественном признании. Это закономерно приводит к ревизии общезначимых норм и ценностей и поиска тех, кто думал схожим образом

(30%). Субкультуры дают возможность получить социальное признание в символической, магической форме. Они делают попытку быстро и с помощью символов создать особый мир, в котором люди оказались бы на вершине социальной лестницы, компенсировав тем самым заниженную самооценку и определенное чувство неполноценности.

Заражение и подражание. Необходимость соотносить свое поведение с поведением референтной группы, с ее характерным стилем общения, поведения и образа жизни (25%) и придания этому всему общему смысла.

Стадный инстинкт. Несформированность целевых и ценностных установок приводит к тому, что ключевое значение придается групповым ценностям и целям (20%).

Наличие конкурентов, недоброжелателей и врагов. Необходимое условие для сплоченности группы, не имеющей определенной цели. Нонконформистские тенденции в поведении, натываясь на препятствия со стороны окружающих, приобретают еще большую силу, по принципу: «запретный плод сладок». Свобода, приобретенная путем борьбы, ценнее доступной. К тому же, наличие врага – необходимое условие для вычленения «нас» и «их», бунтовать необходимо против кого-то (15%).

Завышенные притязания. Желание выделиться, которое, вкуче с недооценкой реальных жизненных трудностей, дает эффект завышенных притязаний (10%).

Параллельно с этим, некоторые респонденты (40%) указывают на то, что представителям субкультур не хватает событийности в повседневной жизни, поэтому они уходят в мир той или иной субкультуры.

Итак, возникновению субкультур и формированию оценки («со стороны») данных субкультур способствуют формы разнообразных социальных, идеологических, стилевых, профессиональных, возрастных, этнических и дру-

гих локусов, общностей и групп, характерных для социального пространства современного города.

Субкультуры формируют определенный образ, стиль жизни. Субкультуры структурируют жизнь людей, включенных в пространство данной культуры, определяют их жизненные ценности и видение мира.

Участие в субкультуре – это результат личного выбора человека, результат взаимодействия его личных характеристик, устремлений с социумом. Если его поведение не находит положительный отклик в традиционной культуре, то он находит самовыражение в различных видах субкультур. Любая субкультура создает собственную значащую среду, которая очевидна для ее членов (и выражается через встречи, беседы, поведенческие акты и др.), но скрыта от сторонних наблюдателей. Именно это явление разграничивает субкультуру и массовую культуру.

Представления молодежи о субкультурах строятся на основе их личного, зачастую иррационального опыта, включенного или стороннего наблюдения за той или иной субкультурой. Имеет значение также и общественная оценка действий представителей различных субкультур, но все же позитивное или негативное отношение строится на личном опыте знакомства с представителями разнообразных субкультур, а не на общепринятых шаблонах и нормах.

Таким образом, социальные представления молодежи о субкультурах являются одним из показателей изменения социального устройства, которое в дальнейшем приведет к более масштабным цивилизационным сдвигам, начальные этапы которых мы можем проследить уже сейчас, наблюдая за потребностями и способами их удовлетворения среди молодежи. Иррациональность заключается в том, что объективно взвесить и оценить данные процессы молодым людям достаточно сложно.

Молодежные субкультуры – это один из пластов современного общества – не обращать на него внимания, –

значит упускать очень важный сегмент мировоззренческих сдвигов целых последующих поколений. Но необходимо корректно и объективно освещать информацию о субкультурах в СМИ и сети Интернет, чтобы не возникали иррациональные искажения об этом сообществе и его представителях.

Литература

1. Кармадонов О. А. «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 130–138.

2. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // DIXI – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 94-100.

3. Московичи С. Век толп : пер. с фр. М. : Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.

4. Полюшкевич О.А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутск. 2019. С. 139-143.

5. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. Вологда, 2018. С. 63-68.

6. Субкультуры в современном обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fst.my1.ru/forum/2-2-2>.

Irrationality of social representations of youth about subcultures

Ardashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the features of the formation and development of social ideas of young people about subcultures. Their irrational nature and rootedness in the public consciousness of the labels of a representative of one or another youth subculture are proved. The social conditions for the emergence of subcultural movements and the consequences of the impact of subcultures for social reproduction are evaluated.

Key words: social representations, youth, subcultures, irrationality of representations, alternative movements

References

1. Karmadonov OA "Symbol" in empirical research: the experience of foreign sociologists // Sociological studies. 2004. No. 6. P. 130–138.

2. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Identity as a way of perceiving strangers and friends // DIXI - 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 94-100.

3. Moskovichi S. Century of crowds: trans. with fr. M.: Center for Psychology and Psychotherapy, 1996. 478 p.

4. Polyushkevich O.A. Construction of youth identity: visual presentation in social networks // Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk. 2019. S. 139-143.

5. Polyushkevich O.A. Public discontent in social reproduction // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the III international scientific and practical Internet conference: in 2 parts. Vologda, 2018. S. 63-68.

6. Subcultures in modern society [Electronic resource]. - Access mode: <http://fst.my1.ru/forum/2-2-2>.

Общественное мнение населения Республики Северная Осетия-Алания о принципах преемственности образования в современной школе

Дзуцев Хасан Владимирович

доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, khasan_dzutsev@mail.ru.

Кудзиева Фатима Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Северо-Осетинского государственного университета, kudzfatima@yandex.ru.

Дибирова Аминат Паруковна

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, dibirova59@mail.ru

Корниенко Наталья Владимировна

научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, a-editor@yandex.ru

Статья основана на материалах массового опроса, проведенного в апреле–мае 2019 года Центром исследования приграничных территорий Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета было проведено повторное исследование (2012 г.) общественного мнения по вопросу эффективности системы среднего общего образования в Республике Северная Осетия–Алания в условиях модернизации с участием 637 респондентов из г. Владикавказ и районов республики.

Ключевые слова: образовательный стандарт, модернизация, гуманизация образования, образовательная система, нравственное воспитание, электронные технологии обучения, социально активный, нравственные ценности, гражданин России, нормы поведения.

Принципы преемственности и развития являются значимыми принципами стандартов основного общего образования. Психосоциальный личностный ориентир – это портрет выпускника школы, и он становится стандартом на каждом этапе обучения. Ученик основной школы – это более глубокая, дополненная «версия» выпускника начальной школы, имеющая более весомый багаж знаний и социальный опыт [4]. Выпускник начальной школы должен уметь воспринимать информацию, учиться, обслуживать себя и уметь рационально организовать собственную деятельность; выпускник основной школы обязан уметь осуществлять процесс обучения со своей стороны, осознавать важность самообразования и образования для жизнедеятельности, а также уметь применять полученные знания на практике. Кроме того, детям младшего школьного возраста необходимо учиться действовать самостоятельно и отвечать за свои поступки перед семьей и обществом, а подростку – стать социально полезным и активным, воспитывать в себе уважение к закону и правопорядку, уметь соотносить свои поступки с социальными нормами, осознавать свои обязанности перед семьей, обществом, Отечеством.

Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) второго поколения построен на деятельностном подходе, предполагающем получение знаний в решении научно-познавательных и учебно-практических задач[2].

Новый стандарт также имеет своей целью усиление воспитательной работы. Деятельность школы во все времена была направлена на решение воспитательных задач, однако результаты

воспитания определены лишь в стандарте второго поколения. В его основе лежит концепция воспитания личности гражданина России и духовно-нравственного развития.

Одной из главных проблем системы школьного образования XX – начала XXI вв. является то, что зачастую при достаточно высоком академическом уровне подготовки применение знаний и решение нестандартных задач вызывает трудности у учащихся. Задача школы в стремительно меняющемся мире – не просто вооружить школьника определенным объемом знаний, но и способствовать формированию у него как потребностей, так и возможностей обучаться на протяжении всей жизни, адаптируясь к происходящим изменениям. Учебный стандарт определяет умения и навыки через различные компетенции (необходимые для достижения успеха на работе, в учебе и в жизни): ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные.

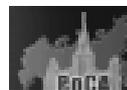
Известно, что в школу также приходят дети, имеющие проблемы со здоровьем, да и современная публичная культура не совсем способствует укреплению сознания человека в значимости здоровья и здорового образа жизни. Так, современный учебный стандарт обеспечивает формирование знаний, установок, ориентиров и норм поведения, обеспечивающих сохранение, укрепление здоровья, заинтересованное отношение к собственному здоровью, информирование о негативных факторах риска и т.д. (т.наз. «здоровьесберегающие технологии»). Школьные мероприятия: традиционные Дни здоровья, третий час физкультуры, динамические часы, физкультминутки, наличие кабинетов здоровья, и др. – направлены на формирование культуры здоровья, его укрепление и сохранение у детей.

Переход на новые стандарты предъявил новые требования к работникам системы образования, и сегодня многое

делается в плане повышения квалификации. К примеру, в учебном процессе особое место занимает внеурочная работа – кружки, секции, объединения, а это значит, что учителю приходится быть еще и педагогом дополнительного образования.

Развитие и умение работать с информацией реализуются в требованиях к результатам освоения основных образовательных программ. Это – системообразующий и ведущий компонент стандарта. Таким образом, современные образовательные стандарты способствуют осуществлению перехода от освоения общеобязательного минимума содержания образования к достижению индивидуального максимума результатов. Благодаря этим стандартам формируются инструменты института гражданского общества, регулирующие взаимоотношения, в том числе в сфере образования. Факторами, затрудняющими их внедрение в образовательный процесс, специалисты считают и сохранение «старинного» подхода руководителей к анализу урока и оценке деятельности учителя, и неспособность педагогических работников всех категорий оценивать планируемые результаты в новом ключе. По этой причине возникло решение – было предложено сформировать образ современного учителя. Однако замысел оказался слишком далек от реальности. Руководители районных отделов управления образования отмечают, что главной проблемой в решении вопроса является ограниченный бюджет, не позволяющий оплачивать внеурочную деятельность педагогов.

Результаты проведенного в 2019 году в РСО–А социологического исследования показали, что введение новых образовательных стандартов полностью поддерживают 57,8% от всех опрошенных (28,9% считают, что время перемен в образовании давно настало, показатель по сравнению с 2012 годом вырос с 16,3%); столько же респондентов считают, что новые стандарты нуждаются в доработке, данный показатель

по сравнению с прошлым исследованием снизился с 51,0% до 28,9%). За 7-летний период люди постепенно приходят к мысли о том, что образовательная сфера достаточно динамична и требует частых перемен. Быстрое распространение информации и демографический бум последних лет побуждают людей все больше задумываться о проблемах в образовании. Наиболее активны в данной позиции респонденты Иристонского (32,6%) и Затеречного (32,6%) муниципальных округов г. Владикавказ. Среди сельских районов нововведения в 2019 г. поддерживает достаточно отдаленный от столицы республики Ирафский.

К 2019 году уровень неприятия респондентами новых образовательных стандартов несколько снизился – 14,8%. Тем не менее, люди по-прежнему настроены достаточно пессимистично, полагая, что никаких позитивных изменений в систему образования эти стандарты не принесут. Лидерами по данной позиции являются респонденты Северо-Западного муниципального округа г. Владикавказа – процент неприятия относительно относящихся вырос с 16,0 в 2012 до 23,3 в 2019г. Причиной этому может служить наличие в микрорайоне больших школ и переполненных классов (что существенно снижает качество обучения). В Пригородном районе отношение к данной проблеме аналогичное (26,0%). 14,1% респондентов полагают, что недостаточно информированы по поводу новых образовательных стандартов, чтобы делать какие-либо аналитические выводы. Данный показатель за 7 лет вырос с 10,6%. Совершенно не интересуются проблемой 6,3% от всех опрошенных («не хотел(а) бы в это вникать», «мне это не нужно», «не интересно», «не обязан знать это»). Безразличие к появлению новых образовательных стандартов возросло – в 2012 г. таких респондентов было ровно в три раза меньше. Это может говорить о том, что население со временем привыкает к постоянным нововведениям в

сфере образования и перестает интересоваться деталями. Самыми безразличными в данном случае оказались жители Северо-Западного МО (94,7%) и Ардонского района республики (6,0%).

Респонденты, затруднившиеся с ответом, по данным опроса 2019г., составили 7,0% опрошенных.

В свете последних реформ и нововведений в сфере образования необходимо осознавать, что эти стандарты – не последние. Перемены в социально-экономической сфере неотвратимо влекут за собой изменения в характере подготовки педагогов, так как с развитием экономики происходит изменение характера подготовки специалистов и как следствие – изменение стандартов в системе общего образования. Катализаторами изменений являются два аспекта [3].

Первым аспектом можно считать информационную (содержательную) компоненту. Реалии информационного общества требуют максимальной информатизации процесса обучения. Растет количество школ, переходящих на электронный формат учебников, использующих в учебном процессе мультимедийные устройства и дистанционное обучение (в том числе, в рамках инклюзии). Содержание учебного материала, размещенного на электронном носителе, свободно от излишних деталей, сам материал представлен более наглядно, доступно и, по возможности, в игровой форме.

Второй аспект, способствующий изменениям в учебных стандартах, – экономический. Государству необходимо рассчитать весь объем средств, которые оно должно выделить для обеспечения общей подготовки в школах. В смету также должны быть включены средства на непрерывное обучение учителей и повышение их квалификации.

Планируемые нововведения призваны повышать качество образования, так как базой стандартов второго поколения является идеология развивающего обучения, а также самостоятельного поиска и обработки информации.

Предполагается, что методики, основанные на данной идеологии, смогут помочь учителю заинтересовать и мотивировать (например, проектная деятельность, дающая ребенку возможность почувствовать себя исследователем, научит ставить цели, достигать их и нести ответственность за результаты). Кроме того, с введением в действие новых стандартов образования родители получили больше возможностей для участия в учебном процессе и взаимодействия со школой. Образно говоря, между школой и родителями заключается общественный договор, регламентирующий права и обязанности каждой из сторон [2].

Наблюдения показывают, что система образования не только в республике, но и во всей стране устарела и нуждается в новых технологиях, пересмотре средств обучения. По мнению экспертов, идеи, заложенные в новых стандартах, неплохие, но к их воплощению еще не готовы ни школы, ни педагогические коллективы, ни дети, ни их родители:

- родители мало информированы о принципах новых стандартов;
- педагоги не прошли соответствующее переобучение;
- школы не подготовлены, например, для длительного пребывания в них учеников;
- нет системы дошкольного образования, которая должна была бы стать исходной точкой образовательного процесса.

Начинать преобразование надо не с начальной школы, а с дошкольного образования. Детские дошкольные учреждения (ДОУ) должны сначала овладеть единым минимумом теории и практики подготовки детей к школе. А для этого необходимо решить две масштабные проблемы:

- создать достаточное количество мест в детских дошкольных учреждениях для всех детей соответствующего возраста;

- обеспечить эти ДОУ финансированием, достаточным для их содержания и оплаты труда квалифицированных педагогов-воспитателей.

Отрицательным фактором эксперты признают также сокращение часов на обязательные предметы. Советская, а затем и российская школы выработали традиции глубокой подготовки школьников по естественнонаучным дисциплинам (физике, математике, химии, биологии и т.д.) От этой традиции нельзя отказываться. Напротив, она должна стать отличительной особенностью российского образования, учитывая, что от качества технического образования напрямую зависят темпы развития экономики.

Начальная школа стала стартовым этапом апробации новых стандартов. Эффективность внедрения изменений на других уровнях образования во многом зависит от того, каковы будут результаты в начальной школе. На наш взгляд, родители учеников начальных классов сегодня особенно заинтересованы в том, чтобы их дети получили качественное образование. Планируемые изменения способны значительно повысить качество, тем более что базой для стандартов второго поколения является хорошо зарекомендовавшая себя идеология развивающего образования. В связи с введением нового стандарта школьнику будет намного интереснее учиться, ему предопределена роль исследователя на уроках и во внеурочной деятельности. В роли исследователя ребенок легко сможет быть уже с первого класса. При такой деятельности создаются условия для приобретения опыта самостоятельной работы, опыта достижения цели, которые ориентируют детей на развитие самостоятельности и ответственности за результаты. Родители (законные представители) ребенка с введением новых стандартов получат более широкие возможности участвовать в образовательном процессе и управлении школой. Между родителями ученика и образовательным учрежде-

нием заключается общественный договор, который регламентирует права и обязанности каждой стороны.

Федеральный государственный образовательный стандарт предъявляет определенные требования к условиям реализации. Результатом должно стать создание в каждой школе комфортной развивающей образовательной среды, обеспечивающей высокое качество образования, его доступность, открытость и привлекательность для обучающихся, их родителей (законных представителей) и педагогических работников.

Так, при рассмотрении проблемы влияния на деятельность образовательных учреждений новых образовательных стандартов в 2019 г. отметили «улучшение материально-технической базы» 23,6% в 2019 против 18,8% в 2012г. Очевидно, это связано с прекращением поборов в некоторых школах и предоставлением бесплатного питания. 33,6% отметили «увеличение компьютерного оснащения». Главным образом это респонденты-родители Промышленного и Затеречного МО г. Владикавказа и Пригородного района республики (62,0 и 68,6% соответственно). За последние 7 лет в школах появились дополнительные технические и электронные средства обучения – наглядные модели, планшеты, интерактивные доски. Отметили, что «стало интересно на уроках», 12,6% от общего числа. Здесь лидируют респонденты Затеречного МО – 21,0% и Моздокского района республики (которому в последнее время уделяется большое внимание со стороны местной власти) – 26,8%. Следующая позиция – «изменение программы обучения в 1-х классах» – определила 38,6% всех опрошенных. Среди них – 25,7% респондентов Иристонского МО (30,6%) и Кировского района (45,0%). Число респондентов, не отметивших изменения в учебном процессе с введением новых образовательных стандартов, составило 22,0%.

Внушает оптимизм пусть и небольшой, но уверенный показатель в 18,1% по поводу улучшения качества знаний.

Наиболее довольны эффектом от введения образовательных стандартов нового поколения респонденты Иристонского МО г. Владикавказа (24,0%) и Дигорского района (21,4%).

В варианте «другое» (0,7%) были высказаны следующие мнения:

- «на детей увеличилась учебная и физическая нагрузка»;
- «объем домашнего задания возрос»;
- «нет индивидуального подхода к ученикам»;
- «нововведения не изменят к лучшему школу»;
- «учителя плохо объясняют материал, часто говорят «посмотрите сами в Интернете»;
- «необходимо увеличить число высококвалифицированных специалистов в учебных заведениях, особенно в начальной школе»;
- «в школах проводится мало спортивных мероприятий».

В 2006 году началась реализация приоритетного национального проекта «Образование». По логике вещей, нужно было подводить итоги его реализации, провести жесткий анализ результатов по всем заданным в программе индикаторам, причем с привлечением экспертов и общественности, и только после этого говорить, что делать дальше. К примеру, если в производстве еще можно провести какие-либо эксперименты, попытавшись выпускать небольшими партиями новую продукцию, то в образовании подобные эксперименты весьма рискованны. При неудачном раскладе производство можно обанкротить, людей направить в службу занятости.

Экспертами дана противоречивая оценка эффективности введения новых образовательных стандартов. С одной стороны, они связывают внедрение альтернативной тестовой формы оценивания итоговых знаний, заметную безыдейность и отсутствие внятных стратегических целей воспитательной работы со школьниками. Вместе с тем

эксперты отмечают, что в классах, которые перешли на новые стандарты, улучшилось материально-техническое оснащение, стали чаще использоваться электронные средства для презентации педагогами учебной информации и оценок знаний учащихся (электронный дневник и журнал успеваемости), кое-где появились игровые зоны для детей, в школах организованы питание и дополнительные кружки.

В 2019 году эксперты отметили достаточно заметные и полезные результаты введения ФГОС нового поколения. Школа в последние несколько лет стала уделять более пристальное внимание личностным и физическим особенностям учеников, усилила воспитательную работу (экскурсии, мероприятия, беседы), стала активнее использовать технические средства обучения на уроках (видеопрезентации, обучающие фильмы и ролики, тренировочные упражнения); в рамках здоровьесберегающей функции школы в ФГОС в классах проводятся физкультминутки, на каникулах работают оздоровительные пришкольные лагеря.

В рамках Распоряжения Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. N 1993-р утвержден Сводный перечень первоочередных государственных и муниципальных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в электронном виде, а также услуг, предоставляемых в электронном виде учреждениями субъектов Российской Федерации и муниципальными учреждениями согласно приложению N 1 этого распоряжения. Для его реализации в настоящее время актуальна организация предоставления услуг в электронном виде для всех участников образовательного процесса. Электронный дневник и журнал успеваемости – это услуга, которую может оказывать образовательное учреждение родителям, школьникам, учителям. Реализует

эти возможности электронный ресурс «Дневник.ру».

Интернет-проект «Дневник.ру» позволяет создать единую информационно-образовательную сеть для основных участников образовательного процесса – учеников, учителей, родителей. Он представляет собой современный и удобный инструмент взаимодействия.

При помощи электронного дневника родители могут отслеживать оценки своего ребенка, узнавать о его успехах и достижениях, контролировать посещаемость занятий. Также существует возможность их интерактивного общения с администрацией школы.

Для современных школьников система электронного дневника – это удобная форма просмотра расписания школьных предметов на всю неделю и текущих домашних заданий, также она позволяет им быть в курсе всех событий школьной жизни. Дневник дает ученику возможность просматривать свою статистику и рейтинги по оценкам за определенные периоды времени. Он создает дополнительную мотивацию учащегося к повышению успеваемости и закреплению достигнутых успехов.

Для учителей электронный дневник – это быстрый и удобный способ общения с родителями, возможность оперативного донесения информации ученикам и родителям¹.

С этим утверждением согласны и эксперты, которые в то же время отмечают не совсем ответственное отношение как преподавателей, так и самих родителей к ведению дневника, что, несомненно, сказывается на степени полезности данного ресурса.

Как видно из таблиц 3 и 4, более половины опрошенных пользуются услугами всероссийского школьного образовательного ресурса «Дневник.ру». Главным образом это респонденты-жители города (68,0%). За 7-летний период показатели существенно возросли – в 2012г. он составлял 44,3% от числа всех опрошенных. Это связано с возросшей

¹ Сайт Министерства образования и науки PCO-A <http://edu.osetia.ru/dnevnik.php>

компьютеризацией населения и настоятельной необходимостью быть в курсе школьной жизни своих детей. В данной позиции лидируют респонденты-родители, чьи дети обучаются в школах Иристонского МО – 78,4% (с 2012г. процент возрос с 50,0 пункта), а также представители Ардонского района (61,9%). Реже всего сетью «Дневник.ру» пользуются в Северо-Западном муниципальном округе Владикавказа и Пригородном районе республики (58,2 и 63,3% соответственно).

Более половины респондентов в 2019г. (58,6%) оценили в целом эффективность взаимодействия через сеть «Дневник.ру» как «плодотворную» и «удовлетворительную» (35,9% и 22,7% соответственно). В исследовании 2012 г. по позиции лидировали Северо-Западный МО (62,5%) и Дигорский район (61,9%). По причине того что школы в Северо-Западном округе большие, они первыми взяли на вооружение систему «Дневник.ру» для облегчения контроля за успеваемостью и коммуникации с большим числом детей и их родителями. В 2019г. плодотворным взаимодействием являлось прежде всего для респондентов Иристонского МО и Моздокского района (41,2 и 38,7% соответственно), как удовлетворительное – Затеречного МО г.Владикавказ (43,9%) и Ардонского района (47,4%). Исследование 2012 г. показывает, что в то время удовлетворительным взаимодействием через сеть считали жители того же Затеречного МО (45,7%) и Кировского района (75,0%).

Оценили данный способ взаимодействия как «никакой» преимущественно респонденты Промышленного МО г.Владикавказа (14,8%) и Алагирского района (29,1%). Неэффективным же взаимодействие родителей и школы посредством ресурса посчитали всего 8,0% опрошенных, затруднились ответить 23,3,5% (4). Скорее всего, категория затруднившихся с ответом – это родители, которые слабо знакомы с системой «Дневник.ру». Как правило, новше-

ства воспринимаются в социуме с большим трудом: родителям проще контактировать с преподавателями по телефону либо посредством визита в школу, чем узнавать об успеваемости и поведении своего ребенка по сети.

С положительной ролью сайта «Дневник.ру» согласны и эксперты, которые в то же время отмечают не совсем ответственное отношение как преподавателей, так и самих родителей к ведению дневника, что, несомненно, сказывается на степени эффективности данного способа общения.

Основными причинами, по которым родители не пользуются сетью «Дневник.ру», является отсутствие технической возможности и навыков работы на компьютере, что подтвердили и результаты проведенного исследования. У 43,7% респондентов дома нет компьютера/Интернета (в 2012г. эта группа составляла 46,3% от всех опрошенных), у 39,1% техническая возможность есть, но они не умеют пользоваться компьютером (чаще это респонденты, живущие в сельской местности) – 40,3%:

Не пользуются сетью «Дневник.ру» по причине отсутствия технической возможности респонденты, проживающие в Промышленном МО, – 38,7%, Ирафского района – 47,7%. Отсутствие навыков работы на компьютере является причиной игнорирования сети «Дневник.ру» для родителей, чьи дети учатся в школах Затеречного МО (27,3%) и Дигорского района республики (42,1%).

В варианте ответа «другое» по данной позиции (17,2%) респонденты привели следующие причины:

- «школа не пользуется данным ресурсом»;
- «нет времени»;
- «нет необходимости»;
- «не доверяю»;
- «привычнее смотреть дневник»;
- «я часто посещаю школу»;
- «я доверяю своим детям»;
- «эта сеть только занимает время учителя, которое он мог бы потратить на ученика»;
- «я звоню преподавателю»;

– «электронный дневник не ведется учителями»;

– «не знаю о таком сайте».

Эксперты одобряют идею электронного дневника, но отмечают невозможность для классного руководителя общаться с родителями по сети из-за отсутствия Интернета почти у каждого второго. Из 10 родителей только у 6-8 есть возможность выхода. Кроме того, в силу инновационности, технических неполадок и т.д. данные об успеваемости и другая информация не вносятся каждый день, что снижает у родителей интерес и потребность ежедневного обращения в данную сеть.

В исследовании 2019 года эксперты отмечали нежелание большинства родителей пользоваться системой «Дневник.ру» по причине нехватки времени или неумения пользоваться Интернетом. Учителя в свою очередь не всегда успевают вовремя заносить данные в систему также из-за высокой загруженности и нехватки времени.

Первоначально идея создания сети «Дневник.ру» заключалась в повышении роли родителей в образовательном процессе их ребенка. Насколько удается реализовывать эту идею, учитывая, что не у всех есть техническая возможность, не все могут выйти в Интернет, сказать трудно. Но с уверенностью можно констатировать, что новое поколение родителей, уже привыкших общаться через компьютер с разными службами, уже сейчас воспринимают нововведение намного легче: выходят через телефон в Интернет на сайт и получают информацию об успеваемости своих детей.

Эксперты в целом поддерживают новый стандарт, его основные идеи и концепцию. Но есть вопросы и опасения по поводу ресурсного (финансового, кадрового, учебно-методического) обеспечения перехода и работы по его принципам. Одной из проблем является отсутствие в штатном расписании школ таких

специалистов, как логопеды, психологи, дефектологи, тьюторы¹ - а этого требует новый стандарт. Крайне необходимы подготовка и переподготовка педагогических кадров для его реализации.

Новые образовательные стандарты – это переход от освоения обязательного минимума содержания образования к достижению индивидуального максимума результатов. Благодаря новому стандарту формируются те самые инструменты института гражданского общества, которые регулируют взаимоотношения, в том числе в сфере образования. Переход на новые стандарты предъявляет новые требования к работникам системы образования, и здесь предстоит многое сделать в системе повышения квалификации.

Итак, в обществе есть понимание того, что путь к становлению мощного, развитого государства лежит через качественное и развивающееся всеобщее образование и научный прогресс.

Литература

1. Багаутдинова Н. Г. Проблемы образования, профессиональной адаптации и социализации молодежи / Багаутдинова Н. Г. // Проблемы современной экономики: Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2002. № 3/4(3/4). <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=13647> (дата обращения 18.04.2019)

2. Беляков С. А. О концепции, структуре и основных экономических показателях "Стратегии развития системы образования Российской Федерации до 2020 года": недостатки, проблемы и направления совершенствования / Беляков С. А., Федотов А. В. // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 6(58). С. 6–11.

3. Искорцева Н.В. Менеджериализация социальных сервисов: основные принципы и проблемы/ Искорцева Н.В. // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т.3, № 4. С.479–496.

¹ Тьютор (англ. tutor — наставник, репетитор, преподаватель) — неформальная педагогическая должность <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

4. Пинский А. А. Новая школа: основы комплексного проекта обновления школьной экономики, управления школой и содержания общего образования / Пинский А. А. - М.: ГУ ВШЭ, 2012. 104 с.

Public opinion of the population of the Republic of North Ossetia-Alania on the principles of continuity of education in a modern school

Dzutsev Kh.V., Kudzieva F.S., Dibrova A.P., Kornienko N.V.

FCTAS RAS

The article is based on the materials of a mass survey conducted in April – May 2019 by the Center for Research on the Border Territories of the South of Russia ISPI FNISTS RAN and the Department of Sociology of North Ossetian State University a second study (2012) of public opinion on the effectiveness of the secondary education system was conducted The Republic of North Ossetia – Alania in the context of modernization with the participation of 637 respondents from the city of Vladikavkaz and regions of the republic.

Key words: educational standard, modernization, humanization of education, educational system, moral education, electronic teaching technologies, socially active, moral values, citizen of Russia, norms of behavior.

References

1. Bagautdinova NG Problems of education, professional adaptation and socialization of youth / Bagautdinova NG // Problems of modern economy: Eurasian international scientific-analytical journal. 2002. No. 3/4 (3/4). <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=13647> (date of access 04/18/2019)
2. Belyakov S. A. On the concept, structure and main economic indicators of the "Strategy for the development of the education system of the Russian Federation until 2020": shortcomings, problems and areas of improvement / Belyakov S. A., Fedotov A. V. // University management: practice and analysis. 2018. No. 6 (58). S. 6-11.
3. Iskortseva N.V. Management of social services: basic principles and problems / Iskortseva N.V. // Journal of Social Policy Research. 2015.Vol. 3, No. 4. P. 479–496.
4. Pinsky A. A. New school: the foundations of a comprehensive project of renewing the school economy, school management and the content of general education / Pinsky A. A. - Moscow: SU HSE, 2012. 104 p.

Факторы формирования социального капитала российских организаций

Игумнов Олег Александрович

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», кафедра экономической теории и менеджмента, oleg_igumnov@mail.ru

Статья посвящена анализу данных социологического исследования факторов формирования социального капитала (организационно-структурных, факторов социальной политики и корпоративной культуры). Отмечен высокий уровень социального капитала в организациях интеллектуально-творческой направленности и низкий – в организациях, связанных с интенсивными коммуникациями. Определено, что внутриотраслевые различия в развитии социального капитала выражены более отчётливо, чем межотраслевые. Значимой связи между размером организации и уровнем развития социального капитала не выявлено. Определена значимая положительная связь между внутриорганизационными факторами и социальным капиталом, в частности использование электронных коммуникаций. В качестве значимого фактора формирования социального капитала выделена социальная политика организации. Сильная положительная связь выявлена между корпоративной культурой, ориентированной на работника, свободу и открытость, и социальным капиталом организации.

Ключевые слова: социальный капитал, корпоративная культура, реляционный компонент социального капитала, когнитивный компонент социального капитала, структурный компонент социального капитала, социальная политика.

Характеристика состояния социального капитала и его отдельных компонентов в российских организациях представляется неполной без ответа на вопрос о факторах его формирования и возможностях развития, обеспечиваемых менеджментом компании и институциональными акторами. Проведённое нами исследование позволило выявить роль внутриорганизационных факторов в развитии социального капитала современных российских организаций, а также индикаторы, позволяющие оценить три группы таких факторов: организационно-структурные, относящиеся к социальной политике, а также относящиеся к корпоративной культуре.

Проанализируем влияние каждой группы факторов. Информация о состоянии организационно-структурных факторов позволяет оценить их связь с показателями развития социального капитала. Рассматривая интегральный показатель социального капитала в качестве независимой переменной, мы оценили влияние на него типа организации, используя однофакторный дисперсионный анализ. Результаты показали, что тип организации (коммерческая, бюджетная и т.п.) не влияет на её социальный капитал. Социальный капитал не зависит также и от того, является она самостоятельной структурой или же филиалом (представительством).

Отраслевое разнообразие выборки также оказалось очень высоким, из-за чего роль специфических отраслевых факторов не может быть установлена с достаточной степенью надёжности. На рис. 1 представлены показатели значения индекса социального капитала для различных отраслей.

Насколько нам известно, это первая попытка зафиксировать существование межотраслевых различий в уровне социального капитала среди российских компаний.

Рисунок 1. Значения индекса социального капитала для организаций различных отраслей экономики

Рисунок 2. Сквозные индексы социального капитала в организациях различных отраслей экономики

Для уточнения и подтверждения приведённых данных необходимы дополнительные исследования, однако отметим, что как наиболее высокие, так и наиболее низкие значения социального капитала характерны для сектора

услуг, тогда как отрасли реального сектора экономики занимают промежуточное положение.

Отметим, что более высокий уровень социального капитала характерен для отраслей, содержание основной деятельности в которых связан, в первую

очередь, с интеллектуальными и творческими операциями, а самый низкий капитал – в отраслях, связанных с интенсивной работой с людьми и требующих значительного «эмоционального интеллекта».

Отраслевой фактор, по всей видимости, имеет значение и для развития отдельных компонентов социального капитала. На рис. 2 представлены значения сквозных индексов социального капитала в компаниях из разных отраслей.

В целом, результаты анализа соответствуют приведённым выше данным о межотраслевых различиях в значении интегрального показателя социального капитала. Отметим, что для разных отраслей характерна различная степень выраженности отдельных компонентов.

Например, для финансового сектора и сферы досуга характерна заметно большая выраженность реляционного социального капитала в сравнении со структурным. Противоположная ситуация наблюдается в бюджетных секторах – здравоохранении и образовании, а также в добывающих и обрабатывающих отраслях. Наличие достаточных структурных возможностей для социального взаимодействия сопровождается определённой атомизацией, недоверием и относительной неготовностью к просоциальному поведению.

Полученные данные показывают, что внутриотраслевые различия оказываются более существенными, чем межотраслевые. Это позволяет предположить, что при всей важности объективных особенностей разных видов бизнеса для развития социального капитала большее значение имеют собственно управленческие факторы.

Одна из гипотез, выдвинутых до начала исследования, предполагала, что на особенности формирования социального капитала может непосредственно влиять размер организации. В частности, мы предположили, что в небольших организациях должны складываться более благоприятные условия для развития социального капитала в

силу того, что они способны обеспечить распространение отношений аффилиации (и связанных с ними позитивных эффектов) на всю организацию.

Для оценки связи между размером организации и показателями социального капитала был использован корреляционный анализ, в ходе которого размер организации рассматривался как переменная, измеренная по порядковой шкале. Результаты показали, что значимая связь между размером организации и социальным капиталом отсутствует.

Полученные данные позволяют предположить, что в небольших организациях иерархические отношения имеют больше шансов быть персонализированными, а руководители рассматриваются в значительной мере как члены группы, чем как представители другой страты. Поскольку цепь подчинения в малой организации не может быть большой, общая воспринимаемая дистанция власти оказывается меньше, чем в больших организациях с множеством уровней подчинения, а отношения социальной иерархии в значительной мере интерферируются с отношениями аффилиации.

В дополнение к организационным факторам, которые были описаны выше при характеристике выборки (тип, отрасль, размер организации), используемый инструментарий содержит индикаторы для измерения социально-коммуникационной организации бизнес-процессов. Являясь результатом принятия конкретных управленческих решений относительно организации рабочего процесса, организационных коммуникаций и интеракций, эти факторы находятся в сфере управленческого контроля, хотя во многом определяются и особенностями конкретного бизнеса.

Данные показывают, что работа в небольших коллективах остаётся самой распространённой формой организации труда. Такая модель способствует естественному замыканию социальных контактов внутри отделов, бригад, команд и других малых групп. Однако сама по себе пространственная организация не

предопределяет потребности во взаимодействии, связанном с выполнением трудовых функций, и может отражать лишь стереотипное представление менеджмента о структурировании размещения работников.

Учитывая возрастающую значимость новых технологий в организации деловых коммуникаций, респондентам был задан вопрос об интенсивности использования средств коммуникации в сети интернет (электронная почта, чаты, социальная сеть и др.) для решения рабочих задач. Средняя оценка по 5-балльной шкале в целом по выборке равна 4,04 балла.

Степень распространённости электронных коммуникаций в российских предприятиях достаточно высока и компании из разных отраслей решают определённую часть рабочих задач с их помощью. При этом более половины респондентов (51,2%) оценили интенсивность использования информационных технологий максимально высоко (5 баллов). Совсем не используются информационные технологии для организационных коммуникаций только в 5,4% российских компаний, участвовавших в исследовании.

В результате анализа выяснилось, что тип организации рабочего процесса, в целом, оказывает незначительное влияние на социальный капитал. Однако в компаниях, основанных на работе в сети интернет, показатель уровня как общего социального капитала, так и его отдельных компонентов оказался выше, чем для других типов компаний. Особенно это проявляется на примере наиболее значимого компонента социального капитала – реляционного. Его значение для компаний, активно использующих интернет-коммуникации, выше, чем в среднем по выборке (0,58 против 0,53). Несколько более высоким оказалось также значение иерархического социального капитала – 0,53 в сравнении с 0,49 в среднем по выборке.

Указанные данные позволяют предположить, что современные формы организации труда, несмотря на отсутствие или дефицит личных контактов,

не препятствуют формированию положительных социальных связей. Не исключено, что более высокая гибкость таких компаний, а также отсутствие личных контактов минимизируют социальные конфликты и другие негативные стороны групповой динамики.

Можно предположить также, что новые организационные формы в большей степени ориентированы на поколения Y и Z, для которых технологическая опосредованность социальных коммуникаций является естественной, и одновременно характерен высокий запрос на комфортные социальные связи [2]. Признав корректность этой гипотезы, можно предположить, что по мере дальнейшего увеличения доли «интернет-поколений» на рынке труда будет усиливаться и роль компаний с технологически опосредованной организацией рабочих процессов, а, соответственно, и социальный капитал предприятий.

Для оценки возможной роли степени взаимозависимости и интенсивности использования электронных коммуникаций, был использован корреляционный анализ (по Спирмену). Значения коэффициентов для различных индикаторов социального капитала представлены в табл. 1.

Как следует из представленных в табл. 1 данных, существует небольшая, но устойчивая и статистически значимая положительная связь между внутриорганизационными факторами и социальным капиталом. За исключением двух, все коэффициенты значимы на уровне 0,01. Небольшая величина эффекта может быть объяснена сложностью и многоаспектностью социального капитала, не дающих основания полагать, что его формирование может быть детерминировано каким-то одним фактором.

Есть основания полагать, что и взаимозависимость, и использование информационных технологий формируют условия, способствующие развитию разных компонентов социального капитала. В отличие от последнего, они не являются результатом социального вза-

имодействия, а отражают либо специфику бизнес-процессов, либо управленческие решения в области организационных коммуникаций.

Таблица 1
Коэффициенты корреляции (Спирмена) между показателями внутриорганизационных факторов и индикаторами социального капитала

Индикатор СК	Степень взаимозависимости на рабочем месте	Интенсивность использования электронных коммуникаций в рабочем процессе
Структурный СК	0,131	0,196
Когнитивный СК	0,168	0,232
Реляционный СК	0,219	0,242
Аффилиационный СК	0,210	0,198
Рыночный СК	0,119	0,193
Иерархический СК	0,097	0,195
СК (средний)	0,208	0,275
СК (мультипликативный)	0,212	0,277

* курсивом отмечены корреляции, значимые на уровне 0,05, **полужирным** шрифтом – значимые на уровне 0,01.

Степень взаимозависимости при выполнении профессиональных задач характеризуется заметно более сильной связью с реляционным компонентом социального капитала. Это можно объяснить тем, что профессиональная взаимозависимость задаёт объективную потребность в более высоком уровне доверия и ориентации на других, делая социальный капитал функциональным не только с организационной, но и с индивидуальной точки зрения.

Анализ интенсивности использования электронных коммуникаций показал, что полученные данные соответствуют приведённым выше данным о более развитом социальном капитале в организациях, основанных на интернет-взаимодействии. Насколько можно заключить, технологическая опосредован-

ность коммуникаций в профессиональной сфере положительно влияет не только на структурные возможности контактов, но и на качество социальных связей. При этом корпоративные коммуникативные технологии способствуют развитию социальных связей в отношениях аффилиации, иерархии и обмена.

Суммируя результаты анализа структурно-организационных факторов, можно сделать вывод, что на развитие социального капитала положительно влияют высокая взаимозависимость профессиональных операций, а также использование электронных коммуникаций для организации выполнения рабочих задач. Есть также основания полагать, что на возможности развития социального капитала влияют отраслевая специфика и размер организации, хотя в последнем случае это влияние, по имеющимся данным, ограничивается большей способностью небольших компаний формировать позитивные и функциональные социальные отношения в иерархическом измерении.

Вторая группа факторов, которые, как мы предполагаем, могут влиять на формирование социального капитала, связана с социальной политикой компании и деятельностью в сфере корпоративной социальной ответственности (КСО). Эти направления управления напрямую отражают социальную ориентированность компании и её способность целенаправленно формировать отношения доверия, особенно в иерархических отношениях, а также универсальные правила, гарантирующие справедливость в распределении благ и возможностей, а также урегулировании конфликтов. Инструментарий исследования содержит два типа индикаторов, позволяющих косвенно отразить содержание и развитость социальной политики предприятия.

Первый тип индикаторов отражает информированность респондентов относительно наличия в организации формальных документов, регулирующих социальную политику. Мы предпо-

ложили, что сама по себе информированность может быть косвенным признаком того, в какой мере в компании выстроена и эффективно действует социальная политика (фактическое наличие таких документов, о которых типичный работник ничего не знает, скорее всего, свидетельствует о формальном подходе к их разработке, а соответственно – о неспособности оказывать позитивное воздействие на социальные отношения).

Рассматривая данный индикатор исключительно как элемент субъективного восприятия и косвенный признак развитости социальной политики, нами был проведён дисперсионный анализ для оценки его возможной связи с социальным капиталом. Результаты показали наличие сильной положительной связи: компании, в которых приняты (по мнению респондентов) различные типы документов, социальный капитал выражен в большей степени, чем в компаниях, относительно которых респонденты не уверены, и в ещё большей степени – по сравнению с теми, в которых таких документов нет.

Непосредственная интерпретация выявленной связи позволяет рассматривать её как свидетельство того, что компании, активно внедряющие документы, регламентирующие социальную сферу, более заинтересованы в формировании благоприятного социального климата.

Важно также отметить, что из трёх типов социального капитала, наибольшее влияние наличие внутренних документов в области КСО и социальной политики оказывает на рыночные отношения, то есть отношения с малознакомыми коллегами, связи с которыми основаны не столько на групповой идентичности и солидарности, сколько на взаимовыгодных обменах. Особая роль отводится социальным и этическим кодексам.

Они действительно способствуют формированию общих правил и стандартов поведения, которые, в свою очередь, не только повышают доверие, готовность соблюдать нормы, формируют просоциальные установки, но также в определенной мере способствуют формированию общих, разделяемых представлений.

Таблица 2
Коэффициенты корреляции (Спирмена) для показателей развитости социальной политики и социального капитала (СК)

Элемент социальной политики	Компоненты СК			СК по типам отношений			Интегральный показатель СК	
	структурный	когнитивный	реляционный	аффилиация	обмен	иерархия	средний	мультипликативный
Соблюдение трудового законодательства	0,321	0,400	0,433	0,350	0,363	0,331	0,466	0,470
Профсоюзы	0,137	0,155	0,215	0,120*	0,168	0,167	0,197	0,203
Коллегиальные органы управления	0,218	0,238	0,330	0,203	0,255	0,257	0,307	0,312
Система социальной поддержки	0,314	0,436	0,501	0,397	0,389	0,368	0,500	0,508
Механизмы урегулирования конфликтов	0,326	0,402	0,469	0,301	0,366	0,428	0,474	0,479

*курсивом выделены корреляции, значимые на уровне 0,05; остальные корреляции значимы на уровне 0,01.

Второй тип индикаторов, использованных для анализа социальной политики и КСО компании, основан на оценках респондентами степени соблюдения в организации конкретных форм и проявлений такой деятельности.

В целом социальная политика российских организаций характеризуется высоким разнообразием; при этом общие оценки смещены в отрицательную сторону, что свидетельствует о заметном несоответствии между высоким запросом на развитую социальную политику, отвечающим специфике российской деловой культуры, и реалиями трудовых отношений и корпоративной социальной ответственности. Представленные в табл. 2 результаты корреляционного анализа показывают, как различные элементы социальной политики связаны с социальным капиталом.

Приведённые данные подтверждают вывод о положительном влиянии социальной политики компании на развитие её социального капитала. Все формы социальной политики и деятельности в области КСО демонстрируют устойчивую положительную связь с различными компонентами и типами социального капитала.

Наиболее высоким оказалось влияние системы социальной поддержки. Как мы уже отмечали, для российской социокультурной модели характерна высокая степень патернализма в трудовых отношениях. От работодателя ожидается, прежде всего, высокий уровень социальной поддержки работников, в обмен на которую работники готовы продемонстрировать лояльность и работать при относительно невысоком уровне материального вознаграждения [4].

Приведённые данные согласуются с данными ряда других исследований. Например, в исследовании Российского института директоров (2015 г.) показано, что самым развитым элементом КСО в российских компаниях являются именно мероприятия в области социальной поддержки работников и членов их семей [1, с. 84]. В свою очередь, ис-

следование Российского союза промышленников и предпринимателей (2018 г.) также показало, что поддержание достойной жизни своих сотрудников и членов их семей находится в числе приоритетов российских предприятий при реализации концепции устойчивого развития [3, с. 9].

Соответствие патерналистским ожиданиям способствует росту доверия и позитивному восприятию своей организации, а, следовательно, и развитию социального капитала. И наоборот, несоответствие таким ожиданиям в российской культуре должно вызывать серьезное напряжение и взаимное недоверие. Можно предположить, что компании, которые не реализуют социально ориентированную политику, должны предпринимать экстраординарные усилия, чтобы обеспечить развитие социального капитала в организациях с российской деловой культурой.

Альтернативные модели развития социального капитала, основанные, например, на реализации общих и универсальных стандартов поведения, соответствующих культуре конкуренции и индивидуальных достижений, для российских компаний могут оказаться сложными в реализации. Более перспективными представляются подходы, основанные на сочетании социального патернализма и внедрения универсальных стандартов корпоративного поведения.

Значительную роль в формировании социального капитала играют также механизмы урегулирования конфликтов и гарантии соблюдения трудового законодательства.

Третья группа факторов, которые могут оказывать влияние на условия развития социального капитала, относится к корпоративной культуре, то есть целенаправленно формируемым и продвигаемым принципам, регулирующим практические способы решения организационных задач и направленным на создание единого символического пространства. В своём исследовании мы

ограничились лишь некоторыми компонентами корпоративной культуры, относительно которых есть теоретические основания ожидать определённого влияния на социальный капитал.

Общий баланс оценок смещен в сторону более технократических, закрытых и контролируемых организаций, однако вариативность корпоративных культур очень высока (табл. 3).

Таблица 3
Вариативность корпоративных культур российских организаций

Измерение корпоративной культуры	Доля организаций, имеющих определённую выраженность черты, %			Измерение корпоративной культуры
	1-2,5 балла	3-5 баллов	5,5-7 баллов	
Ориентация на работу*	36,2	48,7	15,4	Ориентация на работника
Закрытость	27,7	51	21,3	Открытость
Жёсткий контроль*	23,4	53,5	23	Слабый контроль

*при оценке ориентации на работу/работника и степени контроля рассчитывалось среднее значение от двух использованных пар утверждений

Корреляционный анализ показал, что существует устойчивая положительная связь между всеми тремя измерениями корпоративной культуры, определяющая, что ориентация на работника предполагает также большую открытость (коэффициент Спирмена = 0,662) и свободу (0,538), а открытость предполагает свободу (0,515).

Проведённый в разведочных целях двухэтапный кластерный анализ в программе IBM SPSS показал, что используя три измерения корпоративной культуры в качестве входных переменных, наилучшие результаты классификации организаций достигаются при двух кластерах. При этом один кластер характеризуется большей ориентацией на работу, закрытостью и жёстким контролем, а второй – большей ориентацией на работника, открытостью и свободой.

Это означает, что теоретические предположения, которые были положены в основу используемого инструментария, соответствуют исходной гипотезе о том, что именно второй тип организаций отличается более благоприятными условиями для развития социального капитала.

Результаты корреляционного анализа однозначно указывают на наличие сильной положительной связи между корпоративной культурой, ориентированной на работника, свободу и открытость, и социальным капиталом организации.

Проведённый анализ демонстрирует наличие устойчивых связей между различными организационными факторами и социальным капиталом. Это подтверждает, что социальный капитал, как многокомпонентный феномен, может быть объектом целенаправленного управленческого воздействия. Однако установление связи социального капитала с множеством отдельных факторов не позволяет в полной мере понять, какая комбинация факторов, характерная для организаций, действующих в современной российской экономике, обеспечивает его максимально возможный уровень.

Для определения комбинации факторов, наиболее благоприятных для развития социального капитала в институциональных и культурных условиях современного российского общества нами проведён дополнительный анализ.

Используя факторы значимой связи с социальным капиталом в качестве вводных переменных, был проведён двухэтапный кластерный анализ в программе SPSS, чтобы определить оптимальное число кластеров, позволяющих сгруппировать фактически существующие типы организационных сред. Для этой цели были использованы следующие факторы (если один тип индикаторов представлен несколькими переменными, отбирались самые значимые):

- **организационно-структурные факторы:** размер организации, степень взаимозависимости при выполнении организационных задач, интенсивность использования электронных коммуникаций для рабочих процессов;

- **факторы социальной политики:** наличие стандартов в области КСО, наличие кодекса корпоративной этики, наличие социального кодекса, развитость системы социальной поддержки, соблюдение трудового законодательства, наличие механизмов урегулирования конфликтов;

- **факторы корпоративной культуры:** ориентация на работу/работника, закрытость/открытость, степень контроля, интенсивность использования инструментов корпоративной культуры: корпоративных мероприятий и нарративов.

В результате применения процедуры двухэтапного кластерного анализа наилучшей оказалась модель из четырех кластеров. В табл. 4 приведены стандартизированные значения использованных факторов, показывающие сравнительные характеристики кластеров. Четыре выделенных кластера, характеризующаясь разным набором организационных признаков, имеют и выраженные различия в структуре и степени развития социального капитала.

В табл. 5 показаны различия в уровне развития социального капитала разных типов организаций.

Выделенные кластеры явно различаются и уровнем социального капитала. Наиболее высоким социальным капиталом обладают организации из кластера 1, наименьшим – из кластера 3. Отметим, что различия в степени и структуре социального капитала носят линейный характер. Аналогично в целом линейно распределены и значения факторов, на основании которых проведена кластеризация.

Единственным значимым исключением является одно из измерений корпоративной культуры, а именно – степень контроля, которая приблизительно одинакова в трех кластерах из четырёх.

Таблица 4
Характеристика основных типов организационных сред российских организаций, значимых для формирования социального капитала (стандартизированные значения¹)

Характеристика (фактор)	Кластеры			
	1	2	3	4
Размер организации	3,67	3,13	2,24	2,73
Степень взаимозависимости	3,62	3,11	3,22	2,94
Интенсивность использования электронных коммуникаций в рабочем процессе	4,47	3,99	3,79	3,76
Соблюдение трудового законодательства	4,30	3,52	3,08	3,09
Развитость системы социальной поддержки	3,92	2,91	2,35	2,61
Наличие эффективных механизмов разрешения конфликтов	3,80	2,83	2,21	2,54
Наличие документов в области социальной политики, среднее, % ²	0,99	0,14	-0,96	0
Ориентация на работника	4,22	3,28	2,87	3,31
Открытость	4,44	3,65	3,21	3,82
Либерализм (слабый контроль)	4,02	4,02	3,60	4,03
Интенсивность использования корпоративных нарративов	3,97	3,08	2,03	2,79
Интенсивность использования корпоративных мероприятий	3,46	3,10	2,34	2,86
Размер кластера, % от общего числа организаций	25,3	41,6	14,1	19,0

Таблица 5
Структура и уровень развития социального капитала различных кластеров организационных сред (средние значения)

Кластеры	Компоненты СК			СК по типам отношений			Интегральный показатель СК	
	структурный	когнитивный	реляционный	аффлиация	обмен	иерархия	средний	мультипликативный
1	0,60	0,69	0,61	0,71	0,54	0,55	0,63	0,28
2	0,54	0,61	0,52	0,66	0,47	0,49	0,56	0,19
3	0,51	0,54	0,47	0,62	0,42	0,42	0,51	0,16
4	0,53	0,57	0,50	0,65	0,45	0,45	0,54	0,17

¹Более высокое значение соответствует большей выраженности признака

²Доля организаций, имеющих документы в области социальной политики, минус доля организаций, не

имеющих таких документов, в среднем по трём типам документов

Характер распределения факторов кластеризации и компонентов социального капитала позволяет сделать следующие выводы: во-первых, сам социальный капитал является целостным феноменом, разные компоненты которого тесно связаны друг с другом; во-вторых, высокий уровень развития социального капитала достигается за счет комплексного социально-ориентированного развития, а не за счёт каких-либо отдельных организационных факторов или управленческих решений.

Анализ кластера с наиболее развитым социальным капиталом, образованного четвертью всех проанализированных организаций, позволил определить перечень характеристик, которыми они обладают.

Организация с высоким уровнем социального капитала – это организация: довольно крупная с высоким уровнем взаимозависимости трудовых функций; активно использующая электронные коммуникации; осуществляющая целенаправленную социальную политику и имеющая соответствующие документы; учитывающая интересы работников; ориентированная на открытость и отсутствие жесткого контроля; использующая корпоративные нарративы и регулярно проводящая корпоративные мероприятия.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что в институциональных и культурных условиях современного российского общества, которое, в целом, не является благоприятным для развития социального капитала, существуют, тем не менее, возможности для выстраивания внутриорганизационной системы, способствующей его развитию. Около четверти российских организаций в той или иной мере смогли создать достаточно благоприятные условия для развития социального капитала, и если базовые теоретические предпосылки настоящего исследования верны, эти компании должны получить определённые преимущества и с точки зрения организационного функционирования и эффективности.

Литература

1. Исследование практики корпоративного управления в России: сравнительный анализ по итогам 2004-2014 гг. – М.: Российский институт директоров, 2015. 88 с.
2. Полянок О.В. и др. Поколение Z: фиджитал-поколение сотрудников // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7. С. 389-393.
3. Российский бизнес и цели устойчивого развития. М.: РСПП, 2018. 200 с.
4. Свердликова Е.А. Традиции российского бизнеса и корпоративный патриотизм // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 23. С. 95-115.

Factors of social capital formation in russian organizations Igunnov O.A.

Moscow state pedagogical University

The article is devoted to the analysis a sociological study of social capital formation factors data such as organizational and structural, social policy and corporate culture factors. A high level of social capital in organizations of intellectual and creative orientation and a low level in organizations associated with intensive communications was determined. It is determined that intra-industry differences in the development of social capital are more pronounced than inter-industry differences. No significant relationship was found between the organization size and its social capital development level. A significant positive relationship between internal organizational factors and social capital, in particular the use of electronic communications was exposed. The social policy of the organization is highlighted as a significant factor in the formation of social capital. A strong positive relationship was found between the corporate culture focused on the employee, freedom, openness and the social capital of the organization.

Key words: social capital, corporate culture, social capital relational component, social capital cognitive component, social capital structural component, social policy.

References

1. Research of corporate governance practice in Russia: comparative analysis based on the results of 2004-2014. - M.: Russian Institute of Directors, 2015.88 p.
2. Polyankov OV and others. Generation Z: the digital generation of employees // Eurasian legal journal. 2019.No. 7.P. 389-393.
3. Russian business and sustainable development goals. M.: RSPP, 2018.200 s.
4. Sverdlukova E.A. Traditions of Russian business and corporate patriotism // Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science. 2017. No. 23. S. 95-115.

Современные подходы к управлению организациями в условиях развития

Коргова Марина Анатольевна

доктор социологических наук, профессор, профессор Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, m.korgova@yandex.ru

Салогуб Анжела Михайловна

доктор социологических наук, профессор, кафедра креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», salogubam@yandex.ru

Галан Иван Константинович

аспирант, кафедра креативно-инновационного управления и права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», ivangalan2009@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития организаций через генерацию и внедрение прорывных технологий и радикальных инноваций, современные подходы к управлению организациями (талантливый сотрудниками) в условиях развития. Представлено видение инновационных стратегий организаций, формат управления деловыми организациями в режиме развития, решение актуальных вопросов управления инновационной культурой крупной компании через внедрение преимуществ «стартап-культуры», как образа мышления менеджмента и сотрудников. Авторы убеждены, что креативность как потенциал инноваций и драйвер роста бизнеса – это следствие передовой практики управления и качества руководства. Только от эффективной концепции управления деловой организации зависит в пользу роста и энергии или упадка и гибели будет сделан выбор.

Ключевые слова: развитие организаций, инновационная система, стратегии, инновационная культура, креативность, инновации.

Современная реальность является уникальной по своей сложности. Неопределенное будущее – имманентная характеристика сегодняшней истории. Кризис, связанный с пандемией и ее последствиями (самоизоляция государств и граждан, снижение бизнес-активности, поиски новых смыслов и др.), продемонстрировал уязвимость экономик и бизнесов, поставил многие компании на грань выживаемости, стал стресс-тестом для управленцев. В тоже время критические моменты в жизни общества, организаций и людей часто выступают драйвером развития.

Компании внедряют инновации, чтобы расти. Сегодня, больше чем когда либо, актуальна тема развития организаций. Практики развития лучших организаций мира привлекательны своим примером, но копировать опыт Apple или Google – решение бесперспективное. Организациям надо искать собственные подходы к решению проблем развития.

В свое время инженер эффективно-сти эпохи классического менеджмента Гаррингтон Эмерсон (1853-1931) утверждал, что историю пишут не короли или политические деятели, а толковые или bestолковые организаторы, имеющие на вооружение эффективную или неэффективную концепцию управления [1, с. 38]. Сегодня эта мысль звучит так, кризис экономики организаций – следствие кризиса управленческого.

Большинство компаний создаются с определенной целью и с определенной идеей. Жизнь уходит из них, когда эта идея или цель достигается, устаревает, или, даже не устарев, перестает быть новой. Это основная причина, по которой компании не могут существовать вечно. И «естественной» причиной в

этом случае является именно неспособность компаний быть в тренде с инновациями, во внедрении которых они сыграли решающую роль на стадии активного роста [2, с. 111]. С другой стороны, компании часто сравнивают с живыми организмами, на которых распространяется теория жизненного цикла с идеей, что «старикажи умирают от старости». Еще в 1939 году Д. Шумпетер утверждал, что зрелые успешные компании уязвимы перед «штормами разрушения» [2, с. 14].

Компании не подчиняются законам физики или биологии, которые определяют их судьбу как биологических видов. Только от руководства зависит, в пользу энергии и роста или упадка и гибели будет сделан выбор.

Стимулирующим фактором здесь выступают не только личные амбиции менеджмента, но и «невидимая рука рынка», конкуренция. На рынке никто не сбавляет обороты, участники по бизнесу действительно хотят нейтрализовать своих конкурентов.

Ретроспективный анализ бизнес-историй впечатляет успехами крупнейших компаний XIX-XX веков: DuPont, Ford, General Electric, Disney, Johnson & Johnson, McDonald's, IBM, Walmart, Intel, Microsoft и технологических лидеров XXI века - Amazon, Google, Apple, Facebook, Netflix - все новаторы либо в технологиях, либо в выстраиваемых ими бизнес-моделях. Компании лидеры (в Amazon сегодня работают более 550 000 сотрудников по всему миру) даже в условиях кризиса не сократили свои бюджеты на научные исследования и разработки, на программы удержания и развития перспективных сотрудников, сохраняли достаточно высокую инновационную активность конечно с определенной инвентаризацией перспективных проектов.

Показательны и трагические истории некогда таких успешных компаний как Xerox, Polaroid, Kodak, Nokia, AT&T, Yahoo и других, не сумевших не только возглавить революционный процесс, но и «держать удар» от новых игроков

рынка. Их идеи иссякли, организационные модели были инерционны и бюрократизированы, компании были не толерантны к деловому риску и имели устаревшие неэффективные системы управления инновационными процессами, чрезмерно фокусируясь на правилах, процедурах, совещаниях и нетерпимости менеджмента к крупным неудачам. В связи с этими историями, в том числе, многие компании сочли, что развиваться самостоятельно за счет собственных инноваций нет смысла, а вместо этого можно приобретать инновации путем поглощения прорывных стартапов.

Создавать инновационное предприятие с нуля – это крайне сложное занятие, по сути, действовать без гарантии успеха, но задача поддержания и обновления инновационного потенциала существующего игрока рынка – еще труднее. Состоявшимся компаниям для того, чтобы сохранить свой темп роста и возглавлять прорывные технологии необходимо со временем создавать и интенсифицировать непрерывный поток инноваций.

Конкурентное преимущество современных организаций основывается на обладании уникальными и с трудом воспроизводимыми (копируемыми) знаниями и навыками. Компании Apple, Google, Tesla преуспели, потому что стали уникальными по сути и духу, таких больше нет на мировом рынке. Инновационный потенциал является мощным источником конкурентного преимущества именно потому, что его трудно создавать и поддерживать [3, с. 35]. Поглощать и покупать стартапы могут многие компании, в том числе прямые конкуренты, поэтому такие решения не всегда приводят к кратчайшему пути к эффективной инновационной модели.

Развитие через инновации, по нашему мнению, возможно посредством решения трех стратегических задач на конкретную перспективу:

- разработка инновационной стратегии;
- построение инновационной системы управления;

– формирование инновационной культуры.

Стратегия – это не что иное, как следование набору последовательных, взаимосвязанных подходов или действий, направленных на достижение конкретной цели [1, с. 97]. Хотя в последнее время все более актуальной становится не целевая стратегичность, а векторная, в которой важно не достижение конкретной цели, а следование вопреки обстоятельствам своей стратегической канве, имея множество вариантов достижения успеха на разные случаи жизни. Выбор инновационной стратегии – это не привилегия, а требование и условие выживаемости и долгосрочной перспективы жизни деловой организации.

На протяжении многих десятилетий компания Apple запускала разные инновационные продукты (Applell, iPod, iTunes, iPad, iPhone, AppStore), все они объединены общей идеей – сделать пользовательский опыт простым и приятным [3, с. 46], умные технологии для всех и каждого. Все инновационные решения Amazon – от оформления заказа в один клик и отзывов пользователей о товарах до AmazonPrime и AmazonEcho- нацелены на то, чтобы цифровой ритейл стал очень удобным и безопасным шопингом. В этом ряду прочно обосновалась компания с богатой исторической биографией IKEA, как пример выживаемости и инновационного успеха. Инновации в IKEA – это ее бизнес-модель.

Стратегия – это в первую очередь про действия компании в рыночном пространстве. Холдинг Alphabet выделяет 70 % всех ресурсов на основной бизнес – поисковую систему Google, 20% - на перспективные направления развития (облачные сервисы), 10% ресурсов инвестирует в прорывные технологии и трансформационные инновации (автономные транспортные средства), которые потенциально выведут компанию на совершенно другой качественный уровень развития. Суть инновационной стратегии сводится к поиску баланса

между краткосрочными (перспективными) инновационными решениями на «своем поле» и прорывными технологиями, способными трансформировать рынок и отрасль на «чужом поле». В данном случае у крупных состоявшихся компаний есть «фора» перед начинающими стартапам - это ресурсы.

Способность организации к инновациям основывается на системе решений и методов в области общего и HR - менеджмента, процессов, структур и моделей поведения. Особо следует отметить коррекцию состояния кадрового менеджмента в организациях. Именно кадровый менеджмент (не умаляя потенциал других ипостасей менеджмента), являясь сердцевинной организационного менеджмента, направлен на перевод управления организацией из режима функционирования в режим развития [4, с. 46].

Проблема в том, что многие руководители на самом деле не знают, как в их организации ищут инновационные идеи. Инновации – это человеческий фактор. В основе любой научной разработки и ноу-хау идеи лежит когнитивный интерес (любопытство). Мы не предполагали, что нам нужны персональные компьютеры и разные девайсы, пока они у нас не появились. При всех современных достижениях технологического прогресса, потенциала цифровых технологий, возможностей анализа больших данных, искусственного интеллекта и обучения 2.0 все же бесспорно то, что инновации в целом и поиск инновационных идей в частности – это исключительно человеческая деятельность. По теории креативности, чтобы повысить продуктивность управления творчеством, необходимо конструировать такую логическую систему, которая бы вела сотрудников к постоянному «инсайту» (производству ноу-хау идей). В данном случае речь идет о косвенном пути решения проблемы, которая сводится к созданию условий или среды для творчества [5, с. 101].

Большой трудностью в современных деловых организациях являются про-

блемы совмещения творческих (разработчики) и рутинных процессов (операционисты). Творческий процесс рождается в некоем хаосе, беспорядке. В то же время специалисты, занятые выполнением рутинных задач, следуют формализованным правилам игры и вообще лишены возможностей «творить», что является признаком организационной дискриминации. Однако эту проблему решили передовые компании мира. В них руководство развивает организационный потенциал, принимая ряд взаимосвязанных решений относительно людей, процессов и структур. Способность к синтезу заложена в людях, соединяющих разные области и сферы деятельности; в процессах, которые позволяют экспериментировать и приобретать новые знания, а также в структурах, способствующих, а не препятствующих свободному притоку идей из разных источников [3, с. 263-265]. Все это напрямую зависит от общего и кадрового менеджмента организации. Способность компании к креативности как потенциалу инноваций - следствие не масштаба, а качества управления.

Специфика управления деловой организацией в период ее развития обусловлена, прежде всего, необходимостью постоянной генерации новых идей и их эффективного внедрения. Вся система управления на этапе организационного развития направлена на решение этой задачи. Под развитие меняются организационные структуры и организационная культура, деятельностные аспекты управления, организационные отношения, система управления персоналом. Все компоненты системы управления организации зависимы между собой. Невозможно сбалансировать систему и эффективно ее использовать, если такая зависимость не прослеживается.

Формат управления организациями на этапе развития представлен в Таблице 1.

Несмотря на тотальную цифровизацию общества, экономики и организа-

ций именно люди принимают важнейшие решения, касающиеся инноваций: от каких проектов отказываться, а какие реализовывать. Независимо от размера организации или обстоятельств оптимальная стратегия и наилучшая инновационная система не дадут никакого результата, если в организации не сложилась соответствующая инновационная культура. Подобно современным компьютерам компании нуждаются в наличии и «железа» и «софта». Инновационная культура – это можно сказать «soft-skills» организации [6, с. 34].

Таблица 1
Формат управления деловыми организациями на этапе развития

Категория управления	Характеристика
Принципы управления	Принципы постоянного развития, поддержки инновационных идей, самогенерации, полисемичности, беспрецедентности, инволюции, экологичности.
Методы управления	Интегративный подход: используются в совокупности все группы методов при доминанте социально – психологических и экономических методов.
Функции управления	Высокотехнологичная реализация управленческих функций. Большую роль играют IT-технологии.
Организационные отношения	Интеграция формальных, неформальных и внеформальных отношений. Доминируют внеформальные отношения. Профессиональное управление всеми видами отношений.
Организационная структура	Плоские структуры. Бесструктурные организации.
Организационная культура	Инновационная корпоративная культура с элементами других культур
Субъекты и объекты управления	Паритет субъектов и объектов в управлении. Субъект – субъектные отношения (интерсубъектность).
Лидерство	Командный подход к работе в проектах. Креативный, созидательный лидер.
Стиль руководства	Партисипативный стиль руководства, «рассеянное» руководство.
Отношение к персоналу	Персонал – ключевой ресурс организации, интересы которого надо обязательно учитывать. Самый ценный персонал – креативный персонал, генерирующий инновационные идеи.
Системы управления персоналом	Консенсус интересов организации и персонала. Системы управления персоналом персонализированы и реализуются технологично.

Формирование инновационной культуры – дело рукотворное и это задача менеджеров. Основа любой культуры – ценности. На наш взгляд, ценности, которые позволяют организациям независимо от их размера удерживать лидерство и развиваться в условиях «культуры стартапа», следующие:

Терпимость к неудачам и нетерпимость к некомпетентности. Организации с передовой практикой управления и с высоким инновационным потенциалом задают высокие стандарты деятельности и критерии профессиональной и личной эффективности. В компании нанимают только профессионалов. Google, например, возглавляет мировой рейтинг лучших работодателей, культура труда и коммуникаций в ней – одна из лучших в мире. Устроиться на работу в компанию – крайне сложно (каждый год примерно на 5 000 вакансий претендуют более 2 млн. соискателей). В Google не увольняют людей, когда они не демонстрируют высокую профессиональную и личную эффективность. Сотрудников ротуют на нижестоящие должности и позиции, создавая косвенные причины для увольнения по собственному желанию. Парадокс заключается в терпимости к ошибкам и неудачам с наличием строгих индивидуальных показателей эффективности, скорректированных с командными и организационными KPI. Руководство Google позволяет сотрудникам рисковать и ошибаться, потому что знает, что большинство из них – специалисты высшего уровня, слабому сотруднику никогда не доверят рискованный проект.

Готовность к экспериментам и строгая дисциплина. В передовых организациях существует больше идей для инноваций чем ресурсов для их реализации. Поэтому компании тщательно планируют и отбирают проекты, серьезно относятся к тестированию и экспериментам с прототипами, стремясь извлечь максимум ценных знаний и информации при небольших затратах. Дисциплину в этом случае следует рассматривать как четкие критерии синтеза

людей и проектов, скорость принятия решений. Например, Amazon много экспериментирует, но и прекращает много проектов.

Психологическая безопасность и предельная откровенность. В компаниях руководство и сотрудники уверены, что открыто критиковать проекты, идеи, гипотезы и принимать достойно критику – есть признак уважения. Существует тонкая грань между критикой идей и критикой самих людей. Эти ценности разделяет как руководство, так и сотрудники.

Сотрудничество и личная ответственность. Коллективная ответственность не «спорит» с ответственностью индивидуальной. Сотрудничество не стоит путать с единодушием. В компании Pixar, например, режиссеры получают обратную связь разными способами, но только сам режиссер решает, какие замечания учесть, а какие нет, в конечном счете, именно он несет полную ответственность за свой фильм [3, с. 270]. Однако когда режиссер не справляется с замечаниями и фильм не выходит в кинопрокат, с ним расстаются быстро. В любом случае, прежде всего руководитель (а не команда, отдел, подразделение) будет «праздновать» неудачу.

Плоская структура и сильное лидерство. Отсутствие организационной иерархии не означает отсутствия руководства. Чрезмерная децентрализация ограничивает взаимодействие между подразделениями, способствует дезинтеграции идей и как следствие плохой циркуляции информации. Плоские структуры больше нуждаются в сильных лидерах и отлаженных бизнес-процессах чем иерархические. Стив Джобс (1955-2011) Apple, Джефф Безос (Amazon), Ларри Пейдж и Сергей Брин (Google) – это неординарные, лидеры-легенды, представляющие свободу своим инженерам и креативным сотрудникам в плане работы над собственными проектами, выходящими за границы рабочих задач, однако они требовательные и жесткие в плане критериев

личной эффективности и ответственности.

Принцип «сильное руководство/плоская структура» применим ко всей организации в целом. Сильные руководители (а не координаторы или менеджеры) в первую очередь созидательные креативные лидеры, которые не обязательно занимают должности в верхних эшелонах власти. Креативное лидерство в инновационных компаниях сосредоточено в венчурных подразделениях и самоуправляемых командах, в которых они внедряют новые ценности, элементы инновационной культуры, обеспечивают проект необходимыми ресурсами. Инновационная культура требует оптимального баланса между различными ценностями, а найти такой баланс – задача сильного лидера.

Деловые стремительно растущие организации, обладающие конкурентными преимуществами, не придерживаются распространенного мнения, что по мере роста и развития компания неизбежно теряют свой инновационный потенциал. Лидеры этих организаций управляют своим бизнесом в условиях «культуры стартапа» и не повторяют путь «созидательного разрушения».

Сергей Брин и Ларри Пейдж, соучредители Google, в своем первом письме акционерам и общественности, сделали заявление, которое сегодня в компании повторяется как мантра: «Google не обычная компания и не намерена такой становиться» [3, с. 275]. Инновации – это есть сам бизнес.

Для того, чтобы жить организациям надо постоянно развиваться. Один из способов развития организаций – внедрение инноваций. Авторами представлено видение инновационных стратегий организаций в условиях их развития, формат управления деловыми организациями, решение актуальных вопросов управления инновационной культурой.

Литература

1. Коргова М.А., Салогуб А.М. История управленческой мысли. Учебное по-

собие для академического бакалавриата. - М.: Издательство Юрайт, 2019. – 166 с.

2. Joseph A. Shumpeter, *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process* (New York: McGraw-Hill, 1939).

3. Пизано Г. Креативное созидание: Системный подход к инновациям в крупных компаниях. – М.: Альпина Паблшер, 2020. – 341 с.

4. Колесникова И.В., Коргова М.А., Семенова Э.Х. Создание инновационной модели кадрового менеджмента. Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. №6. С. 91 – 94.

5. Салогуб А.М., Галан И.К. Формат управления в быстрорастущих зарубежных IT-компаниях // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. - № 3. – С. 98-103.

6. Салогуб А.М. Доверие как социокультурный феномен / Коллективная монография – Уфа: АЭТЕРНА, 2019. – 135 с.

Modern approaches to managing organizations in the context of development

Salogub A.M., Korgova M.A., Galan I.K.

Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Pyatigorsk state University

Modern organizations will experience strong market pressure. In the business world, there are at least two statements: the scale of a business kills its innovative potential and it is easier for companies to acquire breakthrough startups than to create and develop innovative activity on their own. The article deals with the current problems of organization development through the generation and implementation of breakthrough technologies and radical innovations, and modern approaches to managing organizations (talented employees) in the context of development. The article presents the vision of innovative strategies of organizations, the format of managing business organizations in the development mode, the solution of topical issues of managing the innovation culture of a large company through the introduction of the advantages of «startup culture» as a way of thinking of management and employees. The authors believe that creativity as a potential for innovation and a driver of business growth is a consequence of best management practices and the quality of leadership only from.

Keywords. Organization development, innovation system, strategies, innovation culture, creativity, innovation.

References

1. Korgova M.A., Salogub A.M. History of managerial thought. Textbook for academic baccalaureate. - Moscow: yurayt publishing house, 2019. – 166 p.
2. Joseph A. Shumpeter, Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process (New York: McGraw-Hill, 1939).
3. Pisano G. Creative creation: a Systematic approach to innovation in large companies. – Moscow: Alpina publisher, 2020. – 341 p.
4. Kolesnikova I. V., Korgova M. A., Semenova E. H. Creating an innovative model of personnel management. Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2019. No. 6. S. 91 – 94.
5. Salogub A.M., Galan, I.K. control Format in fast-growing foreign IT companies // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. - 2020. - No. 3. – Pp. 98-103.
6. Salogub A.M. Trust as a socio-cultural phenomenon / Collective monograph – Ufa: AETERNA, 2019. – 135 p.

Основные тенденции развития организаций культурно-досуговой сферы в постиндустриальную эпоху

Ли Сяочжоу

аспирант, социологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 453410849@qq.com

В статье изучается культурно-досуговая деятельность, как одна из важных составных частей функционирования социума, которая обладает значительной силой эмоционального и смыслового влияния на личность. С дальнейшим развитием постиндустриального общества всё больше усиливаются разные тенденции к универсализации и интеграции заведений культуры. Это связано с всё более усиливающимися различными тенденциями глобализации и применением иностранного опыта в области развития личности и социально-культурной анимации. Имеющийся опыт изучения культурно-досуговой сферы не может претендовать на полное и законченное исследование, так как в большинстве случаев, авторы ограничиваются рамками лишь одного обособленного элемента. Культурно-досуговая деятельность до сих пор становится предметом исследования различных сфер науки: педагогики, культурологии, социологии, психологии и т. д. Но специальная научная литература страдает от противоречивости научных позиций и взглядов, слишком большим разбросом подходов и мнений. В то же время практика развития сферы культурно-досуговой деятельности требует определения выверенных и устойчивых теоретических основ и категориального аппарата.

Ключевые слова: культурно-досуговая сфера, постиндустриальное общество, социальная подсистема, учреждения культуры, предприятия социокультурной сферы.

Важная проблема исследования содержания и структуры развития культурно-досуговой сферы обретает в последние годы новые качественные очертания. В существенной мере это продиктовано не только самим масштабом тех изменений, которыми определяется такая сфера жизнедеятельности социума за последнее время, но и новыми вызовами культурному и интеллектуальному уровню общества [13].

Перспективы эволюции мирового общества в XXI в. определяются характером перехода национальных систем к новому этапу развития производительных сил: от индустриальной стадии, где доминировало крупное механизированное машинное производство, к постиндустриальной, где экономическую эффективность определяет использование высококвалифицированного труда, новых знаний и методов управления. На базе новейших информационных технологий разворачиваются процессы взаимопроникновения культур, верований и укладов жизни, происходят так называемые разломы цивилизаций.

В соответствии с господствующим технологическим укладом, что определяет тип социально-экономической организации, последние два века мир жил в рамках индустриальной мировой цивилизации, которой предшествовали три века доиндустриальной. Все эти пять столетий эпицентром мировой цивилизации была Западная Европа, волнами распространяла свое господство и влияние, свою систему ценностей на остальной мир.

Революция в информационных технологиях основала новую технологиче-

скую систему, которая распространилась по всему миру, выступив доминантой социальных изменений во второй половине XX века. Были созданы и внедрены в массовое производство персональные компьютеры, постоянно совершенствовались их технические параметры, огромными темпами рос спрос на новые разработки в информационной сфере.

Течение второй половины прошлого века, сопровождали столь значительные изменения, что у специалистов появилась потребность определить сдвиг терминологически. Ответом на них стало появление ряда новых категориальных характеристик: постиндустриальное общество (Д. Белл), цивилизация «третьей волны» (Э. Тоффлер), информационное общество (М. Маклюэн), общество сетевых структур (М. Кастельс).

Информационно-технологическая революция, которую переживает современное сообщество, стала настолько же значительным историческим событием, как и индустриальная революция XVIII века. Она вызвала переломы в материальной основе экономики, культуре и обществе в целом, основала новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни, вытесняющий индустриальную систему [4].

Исследователи постиндустриальных тенденций общественного развития большое значение придает конvergенции электронно-вычислительной техники с техникой средств связи. По мнению приверженцев информационного прогресса: «в следующем веке решающее значение для экономического и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает становление нового социального уклада, базирующегося на телекоммуникации» [20]. Именно эволюция техники, в процессе которой машинная технология уступила место интеллектуальной, за последние 200 лет превратила общество из индустриального в постиндустриальное.

Рассматривая социальное развитие как «смену стадий», сторонники теории информационного общества связывают его возникновение с появлением «четвертого» сектора национальной экономики, которая встала в один уровень с сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг.

Впервые о «революции 4.0» заговорил Е. Тоффлер, как важном прогрессивном скачке всего современного общества. История наблюдала три качественные революции цивилизации: аграрную, индустриальную и постиндустриальную.

Как отмечает Н. Кастельс, структура информационных пространств пронизывает жизнь современного человека в различных направлениях: и по горизонтали, и по вертикали, формируя некие сети и коммуникационные взаимодействия всех участников обмена информации посредством этих информационных технологий. Н. Кастельс утверждает, что основой всех этих процессов становится «сетевая логика базисной структуры, которая предоставляет расширяемой информации особую специфику, системно организуя все основные сферы жизнедеятельности людей (экономику, политику, образование, науку, культуру, ценностные ориентации и др.)» [12]. Таким образом, сетевое современное общество – это динамическая, открытая система, допускающая образование в нем различных нововведений.

Комплексность и многогранность влияния этих тенденций на характер общественного развития требует тщательного анализа проявления их отдельных аспектов, в частности тех специфических особенностей, которые выступают фактором общественно-культурной трансформации.

В последние годы в нашем обществе увеличивается количество научных трудов, посвященных проблемам развития культурно-досуговой деятельности в связи с появлением его новых форм и организаций. Мнение исследователей

относительно определения досуга разные. Мнения исследователей можно разбить на две группы (два подхода): 1) досуг – это лишь время, не занимаемое выполнением какой-либо работы, т.е. свободное время, содержащее в себе развлечения, хобби, личные занятия и т.п.; 2) досуг – это социальная организация свободного времени в виде досуговых занятий, досуга.

Современная культурология изучает культурно-досуговую деятельность в виде процесса формирования условий для обдуманного выбора личностью предметной деятельности. При этом такой процесс определяется разными потребностями и интересами личности [5].

Рассмотрим распространенные определения понятий «культура», «досуг» и «культурно-досуговая деятельность» (таблица 1).

Таблица 1
Определения и понятия «культура»

Понятие	Определение	Автор(ры)	Подход
культура	определенную сферу жизни общества, закрепленную в отдельных институтах (министерство культуры; высшие учебные заведения, где готовят специалистов по культуре; журналы, клубы, театры и музеи, занимающиеся производством и распространением духовных ценностей)	Давидович Ю. [6]	Социальная организация
культура	совокупность духовных ценностей и норм, присущих большой социальной группе, нации или эпохе (например, элитарная культурная, национальная культура, античная культура, др.)	Межуев В. [14]	Социальная организация
культура	высокий уровень качественного развития духовных достижений («культурный» человек в значении «воспитанный»)	Даль В. [7]	Социальная организация
культура	совокупность знаний, верований, искусств, морали, законов, обычаев, а также других способностей и навыков, которые усвоенные человеком как членом общества	Е. Тейлор [19]	Свободное время
культура	достижения человечества, все общепринятые в обществе формы жизни – обычаи, нормы, социальные институты (религию, науку, семью, государство, экономику, право).	Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. [13]	Социальная организация
культура	сфера духовного творчества, искусство, интеллектуальная деятельность	Нельга Т.А. [17]	Свободное время

Источник: составлено автором

В середине XX в. выдвинулось отдельное учение о культуре-культурология, основателем которого считают американского антрополога Л. Уайта. Так, в труде ученого «Наука о культуре» (1949) феномен культуры определен как способность, присущая только человеку, придавать символическое значение мыслям, действиям и предметам, а также воспринимать символы [14]. К явлениям культуры Л. Уайт отнес идеи, верования, действия, язык, обычаи, законы, произведения искусства и т. п.

Эффективное использование человеком свободного времени – важная задача общества, потому что, когда человек общается с искусством и техникой, со спортом и природой, с другими людьми, важно делать это рационально, продуктивно и творчески. Что же такое свободное время? Общепринятого определения этого понятия не существует. Более того, в специальной литературе это понятие имеет широкий спектр определений и толкований.

Досуг часто отождествляется со свободным временем; с вне учебным или

вне рабочим временем. Но можно ли отождествлять свободное время с досугом? Поскольку свободное время есть у всех, а досуг имеет не каждый. Существует много интерпретаций слова «досуг». Досугом называется деятель-

ность; отношение; состояние ума. Многие подходы усложняют попытки понять, что означает это понятие [18, 15].

Приведем четыре основных определения этого понятия (рисунок 1):

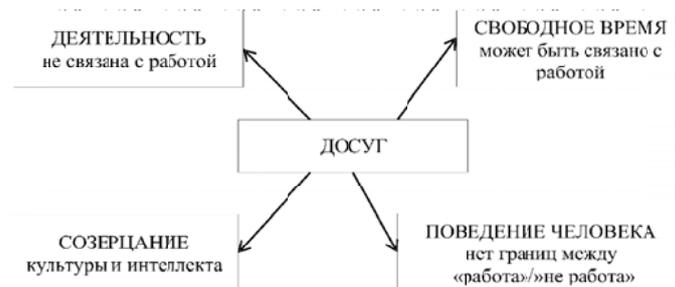

Рисунок 1 – Подходы к определению понятия «досуг»
Источник: составлено автором на основе [8, 10, 16, 17].

Досуг является благотворительной основой для испытания фундаментальных человеческих потребностей. Во время досуга человеку гораздо проще формировать уважительное отношение к себе; даже собственные недостатки можно преодолеть посредством досуговой активности. Досуг способствует снижению стрессов и мелкой тревожности. Поэтому организация культурно-досуговой деятельности – является важной задачей современного постиндустриального общества.

Григорьева Е. И. рассматривает культурно-досуговую деятельность как «автономное образование, в тоже время тесно связанное с иными видами деятельности: религиозной, бытовой, социальной, торговой, политической» [5].

По мнению Н.В. Апажиховой: «в современном и историческом аспектах довольно отчётливо можно увидеть разница между организацией досуга в каком-либо специализированном центре культурной деятельности (театр, картинная галерея, концертный зал) и в некотором неорганизованном пространстве. Культурно-досуговая деятельность в этой ситуации сопутствует какому-нибудь иному процессу, а не называется самоцелью» [2].

Киселева Т.Г. считает, что «характерным свойством культурного досуга выступает его эмоциональная окраска, возможность добавить в каждую форму занятий особые душевные переживания» [13].

Обобщая вышеизложенное, можно вывести такую формулу:

«культура» (объект) + «досуг (субъект) = «культурно-досуговая деятельность» (механизм взаимодействия и развития).

Таким образом, сама по себе культура в социуме – это отображение уровня развития человечества в определенный момент времени, но ее главной задачей является помощь и содействие человеку развиваться и отдыхать в процессе своего существования посредством получения продуктов культурно-досуговой деятельности.

Ещё на рубеже 1960-70-х годов были заметны отдельные признаки постиндустриального общества. Настала особая информационная революция, отличающаяся применением разных информационно-компьютерных технологий наукоёмкого характера [3].

Предприятия досуга способны придать совместной социально-культурной деятельности людей качественную

определённость, значимость для отдельного человека и для разных групп людей, а также для общества в целом [13]. В то же время происходит развитие социальной активности и творческого потенциала, формирования культурных потребностей и запросов, организация разных форм отдыха и досуга, формирование условий для дальнейшего духовного развития и самой полной реализации молодой личности в области досуга. В этом как раз и заключается предназначение заведений культуры в виде социально-культурного института. Главная функция, заключающаяся в организованном объединении граждан, для совместной деятельности с целью удовлетворения разных культурных потребностей людей и решения определённых социально-культурных задач.

По мнению авторов, учреждений культуры, это различные комплексы ценностей и регулятивных систем, нормы в виде культурных объектов или форм культурной деятельности, различные коллективные действия в специально созданных ситуациях, определяющие поведение людей (зрителей в музее, слушателей в концертном зале, участников клубного объединения и др.). Это культурная сфера, которая непосредственно занимается сохранением, видоизменением, прохождением различных культурных стандартов [3].

В мире формируется глобальная инфраструктура индустрии культурно-досуговой деятельности и досуга. Её главными элементами являются [9]:

-значительные по масштабам охвата, скорости и интенсивности информационно-культурные коммуникации (кинопроизводство, телесистемы, музыкальная индустрия, радио, интернет);

-международный туризм (курортно-туристская индустрия: индустрия перевозок, питания, размещения, развлечения).

Развитие глобальных сетей связи предоставляет важную возможность по трансляции культурной продукции в разные регионы мира.

Модернизация видов, форм, средств, методов, технологий социально-культурной деятельности связана с такими основными тенденциями [5]:

1. Изменение социальной структуры общества;

2. Рост свободного времени (компьютеризация технологических процессов в области хозяйственной деятельности, интерактивность сетей);

3. Развитие частной собственности;

4. Увеличение широкой сети коммерческих организаций, корпораций, фирм;

5. Увеличение коммерческих вариантов социально-культурных услуг.

В решении основных проблем организации социально-культурной деятельности на текущий момент преобладающим является экономический подход. Подобный подход помогает расширить и сделать разнообразнее методы, формы и средства социально-культурной деятельности. Помимо этого, доля государственных заведений культуры снижается, а доля частных, негосударственных, коммерческих центров быстро увеличивается. Приёмы, используемые руководителями коммерческих заведений культуры, нередко отличаются от методов, форм и средств социально-культурной деятельности, использующихся в государственных заведениях. Часть таких новшеств полагается на европейский и американский опыт в области анимации и реабилитации личности [13]. Однако, нужно понимать, что весь досуг и клубная деятельность управлялись предприятиями, которым они и принадлежали! Все услуги были бесплатны, поэтому доступны [2].

В настоящее время происходит развитие позитивных тенденций в области формирования культурно-досуговой среды, адекватной текущим социально-культурным потребностям общества. Формирование новых типов заведений культуры таких, как социально-культурные центры и центры досуга, обусловлено качественными изменениями потребностей граждан.

В подобных заведениях культуры гарантируют [11]:

- высокий уровень качества предлагаемых гражданам культурных услуг;
- непрерывное расширение и обновление форм досуговой деятельности;
- демократичность условий вовлечения личности в активную культурную деятельность.

Сейчас деятельность культурно-досугового заведения призвана решать, в первую очередь, социальные проблемы в регионе, предложив новые модели образа жизни. Сфера досуга в настоящее время выступает сосредоточением таких важных социальных проблем, которые общество не способно решить в иных сферах жизнедеятельности (алкоголизм, наркомания, проституция, преступность и т.д.). Естественно, это не говорит о том, что досуговая деятельность полностью может выполнить этот социальный заказ. Однако предложить социально-значимые, альтернативные, досуговые программы клубная сфера должна [1].

В наши дни происходит дальнейшее развитие позитивных тенденций в области формирования культурно-досуговой среды, адекватной текущим социально-культурным потребностям общества. И культурно-досуговые центры современного типа должны оказаться носителями целостной культурно-досуговой среды. А она в то же время станет позитивно воздействовать на содержание и характер всей деятельности в области организации досуга и вызывать у граждан потребность в активном участии в ней.

Принадлежность определенных направлений культурного производства и разновидностей досугового сервиса к ведомствам затрудняет выработку политики российского государства в сфере культуры, досуга и рекреации. Однако сегодня невозможно избежать ведомственной разобщенности, так как культурные и досуговые виды деятельности остаются столь многофункциональными по своей сущности и сложными по своему строению, что их

трудно интегрировать в рамках одной отрасли. Тем более с развитием высоких технологий в России и мире современное общество все чаще и чаще отдает предпочтение продуктам инновационной культуры (культуры постиндустриального общества).

Для постиндустриального общества научно-интеллектуальная, техническая и технологическая составляющая является определяющей. Она влияет на качество человека, которое априори должна быть высоко образованным да еще и способной стремительно прогрессировать в этом направлении, которая создает новые производственные профессии, основанные на использовании сверхсовременных технологий и самых новых научных разработок, которая продуцирует развитие новых перекрестных отраслей научного знания, которые, в свою очередь, требуют таких специалистов, которых можно условно назвать специалистами широкого и широкого профиля (но не потому, что они понемногу обладают разными знаниями, а потому, что они фундаментально обладают глубокими знаниями различных наук и способны их в инновационный способ сочетать).

Инновационная культура – это, как мы уже выше отметили, форма современной культуры, ориентирована на продуцирование и тиражирование самых разнообразных инноваций. Поэтому можем с уверенностью утверждать, что инновационная культура является следствием становления и развития структур постиндустриального общества, является одной из ипостасей этого общества. Инновационная культура возникает как следствие научного развития современного общества, основанного на знаниях и информации, ориентированного на их производство и тиражирование. Впрочем, это не тиражирование усредненного продукта, устраивающего, в целом, посредственного потребителя. Это создание высокотехнологического и высокоинтеллектуального продукта, который ориентирован

на человека технологически образованного и интеллектуально развитого.

Есть еще одна важная характеристика человека постиндустриального общества, как и самого общества. Уровень развития науки и технологические возможности производства, которые к тому же стремительно эволюционируют, такие мощные, что могут быть как очень полезными для человека, так и губительными не только для нее, но и для всего живого на планете, да и для самой планеты. Поэтому актуально важность гуманитарной экспертизы знаний, которыми обладает человек, этической составляющей сверхсовременных технологий.

Бесспорно, мощный гуманитарный, по своему направлению, и гуманистический, по своему содержанию, контент является важной чертой постиндустриального общества. Носителем этого контента и есть инновационная культура, которая не просто продуцирует инновации как реализацию собственной мировоззренческой установки на новизну, она продуцирует такие инновации, которые при этом является культурно- и антропо-центрической, с мощнейшим гуманистическим содержанием такого антропоцентризма.

По нашему мнению, инновационная культура является, несомненно, новейшей современной формой культуры, которая связана с мировоззренческо-методологической настроенностью этого исторического типа культуры на инновации во всех сферах жизни и деятельности человека, на их всестороннее продуцирование и тиражирование. Ее институциональное изучение – предмет дальнейших научных исследований. Концептуально инновационная культура связана с постиндустриальным обществом, потому что является реализацией его стержневых особенностей.

Выводы. Итак, культурно-досуговая среда является самостоятельной, самоценной культурно-досуговой системой, обладающей собственной базой, целями, задачами, формами деятельно-

сти и существования. Культурно-досуговая среда является пространственным окружением, вводящим человека в мир художественных и культурно-эстетических отношений и высокотехнологических ценностей, позволяющих обеспечить культурно-формирующие условия его дальнейшего развития в современном обществе.

В ходе анализа были выявлены следующие тенденции развития организаций культурно-досуговой сферы в постиндустриальную эпоху: 1) цифровизация и компьютеризация общества, что приводит к формированию совершенно новых форм культурно-досуговой деятельности; 2) частичная коммерциализация культурно-досуговой деятельности – появление и практический переход отрасли в частный сектор экономики (значительная и государственно важная часть отрасли по-прежнему будет контролироваться государством); 3) повышение роли культурно-досуговой деятельности в социальном аспекте – сегодня (в постиндустриальную эпоху) роль культуры намного важнее для социума, чем в индустриальную эпоху: задача не только сохранить имеющийся потенциал и наследие, но и создать инновационные актуальные культурные объекты для будущих поколений; 4) превращение организаций культурной сферы в важный фактор экономического развития региона – новые формы культурно-досуговой деятельности не только интересны и уникальны своими новыми качествами, но и эффективны с позиции бизнес-единиц.

Литература

1. White L.A. The Concept of Culture // *American Anthropologist*. Wash., 1959. Vol.61. P. 227-251.
2. Апажихова Н.В. Социально-педагогические подходы к организации досугового пространства подрастающего поколения // *Социально-экономические явления и процессы*. 2011. № 1-2. С. 305-309.
3. Ариарский М. А. Прикладная культурология / М. А. Ариарский. – 2-е

изд., испр. и доп. – СПб.: Ассоциация музеев России, 2001. – 561 с.

4. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330.

5. Григорьева Е.И. Современные технологии социально-культурной деятельности. Тамбов, 2011.

6. Давидович Ю. Человек – культура – природа // Проблемы теории культуры. К., 1999. 109 с.

7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 2. 779 с.

8. Дьюи Д. Труд и досуг: [Отрывок из кн. Д. Дьюи "Демократия и образование"] // Воспитательная работа в школах и вузах. 2016. №2. С.7–14.

9. Зарубежный опыт функционирования различных учреждений культуры (реферативные обзоры). – М.: ГИВЦ МК РФ, 1991- 77 с.

10. Зборовский Г.Е. Социология досуга и культуры. М., 2006.–245 с.

11. Зеленко А. Общественные центры и народные дома в Северной Америке. – Прага: YMCA PRESS LTD, 1923. – 292 с.

12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 164.

13. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность. М., 2004.

14. Межуев В. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 300–331.

15. Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. №6. С.112–119.

16. Михайлова Л.И. Социология культуры. М., 2008. Гл.14. Культура свободного времени и досуга. С.314–336.

17. Нельга Т.А. Свободное время: к вопросу о структуре и содержании // Вестник МСУ. Сер. Социология. 2001. №7. С.23–28.

18. Рекорд И.Г. Социальное время. Заметки об онтологии // Социологические исследования. 2006. №7. С.137–140.

19. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Москва: Издательство политической литературы, 1989. 2-е изд. OCR Busya, 2009.

20. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

The main trends in the development of cultural and leisure organizations in the post-industrial era
Li Xiaozhou

LomonosovMoscow State University

The article studies the cultural and leisure activities as one of the important components of the functioning of society, which has a great power of semantic and emotional impact on the individual. With the development of post-industrial society, trends towards the integration and universalization of cultural institutions are increasing. This is due to the increasing trends of globalization and the use of foreign experience of socio-cultural animation and individual developing. The existing experience of studying this field cannot claim to be quite a voluminous and complete study, since most often the authors are limited to the framework of one of the elements. Cultural and leisure activities eventually become the subject of research in various branches of science: pedagogy, cultural studies, sociology, psychology, etc. However, the special literature suffers from contradictory scientific positions, unjustifiable dispersion of opinions. At the same time, the practice of developing the sphere of cultural and leisure activities necessarily requires the definition of verified and stable theoretical foundations of its life activity.

Keywords: cultural and leisure sphere, post-industrial society, social subsystem, cultural institutions, enterprises of social and cultural sphere.

References

1. White L.A. The Concept of Culture. American Anthropologist. Wash., 1959. Vol.61. P. 227-251.
2. Apazhikhova N. V. Socio-pedagogical approaches to the organization of leisure space of the younger generation. Socio-economic phenomena and processes. 2011. no. 1-2. Pp. 305-309.
3. Ariarsky M. A. Applied cultural studies. 2nd ed., ISPR. St. Petersburg: Association of museums of Russia, 2001, 561 p.
4. Bell D. the Social framework of the information society. New technocratic wave in the West, Moscow: Progress, 1986, P. 330.
5. Grigorieva E. I. Modern technologies of social and cultural activity. Tambov, 2011.
6. Davidovich Yu. Man-culture-nature. Problems of the theory of culture, K., 1999, 109 p.
7. Dal V. Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 volumes. foreign. and NATs. dictionaries, 1955, Vol. 2, 779 p.
8. Dewey D. Labor and leisure: [Excerpt from D. Dewey's book "Democracy and education"].

- Educational work in schools and universities. 2016. No2. C. 7-14.
9. Foreign experience of functioning of various cultural institutions (abstract reviews). M.: givc MC of the Russian Federation, 1991 - 77 S.
 10. Zborovsky G. E. Sociology of leisure and culture, Moscow, 2006, 245 p.
 11. Zelenko A. Public centers and people's homes in North America. Prague: YMCA PRESS LTD, 1923, 292 p.
 12. Castels M. Information age: economy, society and culture. under the scientific editorship of O. I. Shkaratan, Moscow: higher school of Economics, 2000, P. 164.
 13. Kiseleva T. G., Krasilnikov Yu. D. Socio-cultural activity, Moscow, 2004.
 14. Mezhujev V. Culture as a problem of philosophy. Culture, man and picture of the world. Moscow: Nauka, 1987, Pp. 300-331.
 15. Merton R. K. Social time: experience of methodological and functional analysis. Sociological research. 2004. No6. Pp. 112-119.
 16. Mikhailova L. I. Sociology of culture. Moscow, 2008. Chapter 14. Culture of free time and leisure. Pp. 314-336.
 17. Nelga T. A. Free time: to the question of structure and content. Bulletin of MSU. Ser. Sociology. 2001. No7. Pp. 23-28.
 18. Record I. G. Social time. Notes on ontology. Sociological research. 2006. No7. Pp. 137-140.
 19. Tylor E. B. Primeval culture. Moscow: Political literature publishing house, 1989, 2nd ed. OCR Busya, 2009.
 20. Toffler E. Third wave, Moscow: AST, 2010, 784 p.

Социальные аспекты стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров: сравнительный анализ

Осеев Александр Александрович
доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Oseev.a@mail.ru

Ногой Екатерина Андреевна
магистр программы «Социальные технологии современного управления» Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Katya_nogay@mail.ru

В статье показаны возможности оценки стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров и ограничивающие их факторы, а также специфика реализации данных стратегий. В отличие от множества других работ по экономической социологии, экономике, маркетингу и другим дисциплинам гуманитарного профиля торгово-развлекательные центры в настоящее время и само стимулирование сбыта, как элемент комплекса продвижения товаров услуг торгово-развлекательных центров, рассматривается с точки зрения реализации важных социальных функций. Ключевым показателем эффективности тех или иных мероприятий по стимулированию сбыта для торгово-развлекательных центров является повышение посещаемости центра, в отличие от отдельных брендов, где цель стимулирования, как и основной показатель, отражающий его эффективность, — это увеличение продаж.

Ключевые слова: торгово-развлекательные центры, социальные функции, стратегии стимулирование сбыта, эффективность, сравнительный анализ.

1. Методологические основы исследования

В научной литературе сложилось несколько подходов к исследованию торгово-развлекательных центров и специфики потребления в таких местах. В работах В.И. Ильина¹, И.С. Винниковой², К. Левина³ торгово-развлекательные центры выступают как особые социально-экономические поля, механизм трансформации социального пространства. В трудах Дж. Ритцера⁴ и Дэниела Дж. Бурстина⁵ торговые центры рассматриваются как дворцы потребления, в которых сотрудники с самого момента их возникновения были нацелены предложить что-то достаточно близкое к тому, что клиент, возможно, уже желает, и возбудить в нем желания, о которых он никогда не подумывал. Покупателя убеждали не просто стать потребителем, а присоединиться к сообществу потребления⁶. Исследователь Р. Ольденбург⁷ относит торговый центр к «третьим местам», которые следуют после дома и работы (первого и второго места, соответственно)⁸. Третье место в данной концепции способствует объединению района, ассимиляции, местом примирения конфликта отцов и детей. Кроме того, автор выделяет, что подобные места дают возможность вышедшим на пенсию людям не потерять связь

¹ Ильин В.И. Поведение потребителей. М., 2000. 320 с.

² Винникова И. С. Торговый центр в современной России как социальное явление опыт классификации // Российское общество в зеркале социологии. Саратов: Научная книга, 2006. С. 233-240.

³ Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. 368 с.

⁴ Ritzer G. Expressing America: A Critique of the Global Credit Card Society. 1995. 256 p.

⁵ Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. 170 p.

⁶ Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. P. 151-155.

⁷ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с.

⁸ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. С. 312.

с теми, кто еще работает, а в лучших случаях обеспечивают общение самого старшего и самого молодого поколений. R. Hutchison¹ и P. Corrigan² говорят о торговых-развлекательных центрах как о символах перехода к современному капитализму и потребительской культуре.

Однако исследования в области маркетинговых программ торговых-развлекательных центров как особых и специфических субъектов деятельности практически отсутствуют. Стимулирование сбыта принято рассматривать в качестве инструмента маркетинговых коммуникаций наряду с другими методами продвижения товаров. В европейской маркетинговой традиции, исследуя понятие «стимулирование сбыта», принято в качестве основообразующего фактора выделять потребности потребителей, в то время как американские маркетологи во главу угла ставят стимулы и реакции. Американский учёный Филип Котлер³, по праву считающийся основателем современной теории маркетинга, определил стимулирование сбыта как «использование многообразных средств стимулирующего воздействия, призванных ускорить и/или усилить ответную реакцию рынка. Методы стимулирования сбыта представляют собой совокупность, как правило, краткосрочных приемов, направленных на увеличение или ускорение приобретения товаров или услуг»⁴. А. Дейан, А. Троядек, Л. Троядек⁵ рассматривают стимулирование сбыта как основу маркетинговых коммуникаций. Ученые утверждают, что именно этот метод сглаживает сезонные колебания сбыта, обеспечивая кратковременное привлечение внимания к компании и ее продуктам в периоды праздников или различных значимых событий, выступая при этом определённым противодействием

мероприятиям по стимулированию сбыта компаний-конкурентов, а также поощряет целевую аудиторию продукта и привлекает новых покупателей и других субъектов (которые могут выступать и в качестве потребителей, и в качестве бизнес-партнеров).

Особенность стимулирования сбыта заключается в том, что оно представляет собой особое коммуникативное послание, содержит в себе важную информацию для потребителя, которая говорит не просто о достоинствах товара, необходимости его купить, а также о наличии специальной определённой краткосрочной возможности для потребителя реализовать собственную потребность и получить удовольствие от взаимодействия с продвигаемым продуктом. Основная задача метода стимулирования сбыта – информационная, осветить, донести, напомнить, привлечь внимание, предоставить возможность попробовать то, о чем говорится в данном сообщении. Его значительное достоинство – отсутствие «навязывания» продукта, неагрессивный и спокойный характер метода. «Сочетание дополнительной мотивации и ограничения на период ее действия создает условие для быстрой реакции потребителей на предлагаемые стимулы»⁶.

Однако, несмотря на значительное число исследований в данной области, вопросы, связанные с комплексной разработкой программ стимулирования сбыта с учетом отраслевой специфики ведения бизнеса, остаются недостаточно проработанными. Таким образом, несмотря на то, что стимулирование сбыта активно применяется в маркетинговых стратегиях торговых-развлекательных центров, остается много нераскрытых вопросов, которые требуют своего

¹ Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. Shopping Center. 2020. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/urbanstudies>.

² Corrigan P. The Sociology of Consumption: An Introduction. 1997. URL: <http://sk.sagepub.com/books/the-sociology-of-consumption>.

³ Котлер Ф. Основы маркетинга. М., Вильямс, 2012. 752 с.

⁴ Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. СПб., 2012. С. 461.

⁵ Дейан А., Троядек А., Троядек Л. Стимулирование сбыта. СПб., 2003. 128 с.

⁶ Дейан А., Троядек А., Троядек Л. Стимулирование сбыта. СПб., 2003. С. 13.

решения и систематизации собранных на данный момент подходов.

Согласно масштабному опросу потребителей электронной коммерции, в котором в этом году приняли участие более 24 000 потребителей в 29 странах на всех континентах, проблемы изменения потребительского поведения, а также резкого роста онлайн-торговли являются ключевыми на сегодняшний день¹. Такие изменения носят не только количественный, но и качественный характер. Потребитель обращает большее внимание на соотношение цены товара и его качества, импульсивные покупки вытесняются из привычной практики², люди становятся всё более критически настроенными и требовательными, а методы продвижения товаров и услуг, используемые ранее, теряют свою популярность³. В конечном итоге это означает, что у большинства населения меняются стили потребления. Кроме того, рынок интернет торговли в России постоянно растет, что негативно сказывается на традиционных форматах торговых центров. Российские покупатели приобретают привычку покупать онлайн даже такие классические офлайн категории как продовольственные товары⁴. Эти факты, в свою очередь, обуславливают необходимость изменения маркетинговой стратегии компаний.

Как отмечает Д.О. Транков: «Рост внимания к проблеме управления стимулированием сбыта в российских организациях определяется тем, что на сегодняшний день модели потребительского поведения адаптируются к новым экономическим условиям, и применение подобных методов становится необходимым условием сохранения компании на рынке, одним из ключевых факторов ее конкурентоспособности»⁵.

Опыт экономического развития западных стран свидетельствует, что стимулирование сбыта с учётом потребностей различных социальных групп занимает одно из перспективных направлений. Организации, не применяющие подобные методы, уступают свои позиции на рынке в самых разных товарных категориях⁶.

Исследование данной проблемы на примере торгового центра является наиболее востребованным для России, так как в условиях активного развития торговли, начиная с 1990-х годов, основным форматом торговых предприятий являются именно торговые центры. Стрит-ритейл⁷ и такие форматы как аутлет⁸ составляют малую часть от общего объема качественных торговых площадей в России⁹.

Исследуя понятие торгово-развлекательного центра, мы можем определить его как объект торговой недвижимости, арендуемая площадь которого составляет не менее пяти тысяч метров квад-

¹ Тотальные продажи. Десять инвестиций ретейлеров в неопределенное будущее // PWC Russia, 2017. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/total-retail-2017-rus.pdf>.

² Mattson-Teig B. Encouraging Aspiring Developers to Think Both Big and Small // Urban Land Magazine, 2018. URL: <https://urbanland.uli.org/development-business/encouraging-aspiring-developers-think-big-small/>.

³ Abrams A. Attracting Younger Consumers with Connective Experiences across Property Types // Urban Land Magazine, 2018. URL: <https://urbanland.uli.org/economy-markets-trends/attracting-younger-consumers-connective-experiences-across-property-types/>.

⁴ Последние тенденции на рынке розничной торговли и производства потребительских товаров // PWC Russia, 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/poslednie-tendentsii-na-rinke-roz-nichnoy-torgovli-i-proizvodstva-potrebitelskikh-tovarov-1-kvartal-2019.pdf>

⁵ Транков Д.О. Маркетинговые коммуникации как часть маркетинговой стратегии предприятия: дис. ... док. соц. наук: 22.00.03.М., 2005. 231 с.

⁶ Customers are calling the shots. It's time for retailers to get fit for the digital age // PWC Global, 2017. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/customers-are-calling-the-shots.pdf>.

⁷ Формат торгового объекта, расположенного, как правило, на первых этажах зданий, имеющий отдельный вход и собственные витрины.

⁸ Формат открытого торгового объекта, специализирующегося на продаже уцененных товаров известных брендов.

⁹ Dyer S. Markets in the Meadows: Department Stores and Shopping Centers // University of Oxford, 2016. P. 710 p.

ратных, высокого качества строительства, в котором присутствует четко выраженная концепция и единое управление, выполняющий ряд ключевых социальных функций, о которых мы скажем далее. В отличие от множества работ по экономической социологии, экономике, маркетингу, психологии потребления и другим дисциплинам гуманитарного профиля торгово-развлекательные центры в настоящее время и само стимулирование сбыта, как элемент комплекса продвижения товаров услуг торгово-развлекательных центров, нами рассматривается с точки зрения реализации важных социальных функций.

Проведенный нами анализ показал, что ключевые социальные задачи, стоящие перед российским обществом на сегодняшний день, реализуется на площадках торгово-развлекательных центров как объектов социального назначения. Кроме того, мы проследили, что, как представителями научного сообщества различных дисциплин, так и в маркетинговых исследованиях принято ассоциировать торговые центры как, в первую очередь, экономические зоны, рассматривать их в контексте взаимодействия городских властей и застройщика, арендодателя и арендаторов, а также продавцов и потребителей. Такие системы взаимодействия рассматривают постепенный переход различных структурных и организационных уровней, однако взаимодействие управляющей компании торгового центра как особого субъекта и потребителей практически не рассматривается. Однако именно в данной системе взаимоотношений мы можем говорить о реализации социального назначения торговых центров.

2. Социальное значение крупных торгово-развлекательных центров

Предпринимая попытки систематизировать социальную роль торгово-развлекательных центров, мы предлагаем следующие реализуемые функции.

Функция социальной адаптации.

Данная функция может распространяться на различные половозрастные группы. Для детей торгово-развлекательные центры представляют широкий спектр как развлекательных, так и образовательных компонентов. Кроме того, как правило, на фудкортах¹ предусмотрены детские игровые зоны в зоне видимости родителей, что позволяет детям попадать в новую среду и в новое социальное окружение. Для школьников торговые центры предлагают ряд новых социальных практик: самостоятельное взаимодействие с сотрудниками магазинов, возможность проведения времени со сверстниками в неформальной обстановке, в целом, практики, связанные с потреблением и поведением в общественных местах. Что касается молодежи и более взрослого населения, то торгово-развлекательные центры выступают как место, где можно встретить обладателей общих интересов и вкусов. Для пожилого поколения торговые центры обеспечивают связь с молодым, способ адаптации к происходящим в обществе изменениям, возможность проследить трансформирующиеся и новые практики, принять в них участие, войти в коммуникацию с представителями других поколений. Нельзя не отметить тот факт, что торговые центры могут выступать платформой для адаптации людей с ограниченными возможностями, способом их включения в социальную активность. Современные торговые центры адаптированы и обладают необходимыми техническими средствами для полноценного пользования людьми с ограниченными возможностями, тем самым предоставляя им равную возможность доступа к различным социальным благам.

Формирование здорового образа жизни. В стратегии стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров зачастую вводится спортивный компонент, кроме того, среди многих

¹ Часть торгового центра, объединяющая в себе трёх и более операторов быстрого питания, где есть зона с общими столами.

арендаторов различные физические активности также широко представлены. Помимо этого, как будет представлено далее тренд «на здоровье» широко распространен в практике стимулирования сбыта торговых центров, что позволяет включать различные семинары и мастер-классы о питании, тренировках и медитациях в регулярные мероприятия по стимулированию сбыта.

Образовательная функция. Как показывает практика, на сегодняшний день образовательный компонент реализуется не только в рамках систем стимулирования сбыта, а также торговыми центрами на постоянных площадках. Так, во многих из московских торговых центрах представлены в рекреационных зонах читальные места, различные настольные игры, а также филиалы библиотек. Кроме того, помимо традиционного образовательного формата стимулирования сбыта также возникает все больше концепций *edutainment* – «обучайся, играя», направленных на популяризацию науки посредством увлекательных игровых форматов взаимодействия и изложения фактов. В целом, торгово-развлекательные центры расширяют образовательную инфраструктуру.

Функция взаимодействия культур. В данном положении мы имеем ввиду несколько направлений, так или иначе реализуемых в торгово-развлекательных центрах. Во-первых, выставки произведений искусства – неотъемлемая сложившаяся практика стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров (концерты, художественные и скульптурные выставки, современные перформансы¹). Таким образом, торговые центры предоставляют равный доступ к произведениям культуры и искусства независимо от социального статуса и благосостояния посетителей. Кроме того, зачастую культурные мероприятия направлены на детей и предо-

ставляются в занимательном и развлекательном формате, что также расширяет возрастной охват. Второй аспект заключается в распространении различных культур, который реализуется как в многообразии кафе, так и во взаимодействии представителей различных культур. «Унифицированный» в определенной степени формат торгово-развлекательных центров по всему миру становится площадкой взаимодействия туристов, мигрантов и постоянного населения города. Появляется возможность культурного отбора, знакомства с различными традициями, стилями поведения. Общим итогом функции культурного взаимодействия становится снижение уровня социальных конфликтов на национальной или этнической почве.

Функция унификации. Торгово-развлекательные центры на сегодняшний день представляют собой кластеры всевозможных услуг. Классические форматы бытовых услуг и продажи товаров расширяются, как было показано ранее, сильным рекреационным компонентом, компонентом физической активности, образовательными элементами. Кроме того, важно отметить, что оказание государственных услуг также появляется в торгово-развлекательных центрах. На примере г. Москвы мы видим представление в торговых центрах многофункциональных центров «Мои документы». Кроме того, большое количество коворкингов² арендует площади в торгово-развлекательных центрах, тем самым трансформируя рабочее пространство и включая эту особую категорию также в спектр реализуемых в торговых центрах услуг. В рамках данной функции мы можем наблюдать смещение большинства необходимых практик в одно пространство. Традиционные прежде поход за продуктами, поход в парк развлечений, поход в библиотеку, офис, на почту или в государственные органы на сегодняшний день заменяется одним единственным выходом

¹ Формой современного искусства, в которой произведения составляют действия художника или группы в определенном месте и в определенное время

² Коллективный офис, гибкая организация рабочего пространства.

в торговый центр. С одной стороны, такая тенденция говорит о доступности всех благ и услуг, об упрощении человеческой жизни. С другой стороны, это свидетельствует об отмирании части повседневных практик. На наш взгляд, в контексте соотнесения данной функции с целями социальной политики, мы наблюдаем положительный аспект: доступность образовательной, развлекательной, бытовой, спортивной инфраструктуры, включение государственных организаций в традиционно капиталистическую структуру – свидетельствуют об общем росте уровня жизни!

Функция укрепления социальных связей представляет собой одну из важнейших функций торгово-развлекательных центров. Торговые центры предстают в качестве особого социального поля для взаимодействия: друзей, родственников, коллег, детей и родителей, супругов, предоставляя способы совместного времяпрепровождения. Здесь нужно отметить следующий аспект: маркетинговые стратегии в целом направлены на то, чтобы сделать пребывание в торговых центрах максимально приятным для того, чтобы легче склонить потребителя к совершению покупки. Таким образом, время, проведенное в торговом центре, должно принести общее ощущение радости и удовлетворения, а при совместном походе такой благоприятный фон служит базой для укрепления взаимоотношений.

Таким образом, мы показали актуальность исследования стратегий стимулирования сбыта в торгово-развлекательных центрах как объектах социального назначения, что позволяет нам перейти к анализу содержания и формы самих стратегий стимулирования.

3. Анализ содержания и формы стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров

Стимулирование сбыта является неотъемлемым компонентом в торговых центрах, соответствующих высоким стандартам. Более того, в торговых центрах данной категории должен существовать заранее утвержденный ежегодный план таких работ и мероприятий. Для объектов более низкого класса – отвечающих современным требованиям, данный критерий является факкультативным.

Ключевым показателем эффективности мероприятий по стимулированию сбыта для торгово-развлекательных центров является повышение посещаемости центра, в отличие от отдельных брендов, где цель стимулирования, как и основной показатель, отражающий его эффективность, – это увеличение продаж. В связи с чем проведенный анализ эффективности стратегий стимулирования сбыта основывается на исследовании отклонения посещаемости торгово-развлекательного центра в день проведения данного мероприятия от среднего показателя посещаемости за месяц.

Кроме того, сравнивая эффективность стратегий стимулирования сбыта, нельзя исключать ряд факторов, также оказывающих значительное влияние на посещаемость торгово-развлекательных центров. Выбор объектов исследования был сделан с учетом данных факторов, для наиболее точного определения влияния именно стимулирования сбыта. Таким образом, перейдем к рассмотрению параметров изучаемых нами торгово-развлекательных центров по выделенным критериям.

Во-первых, необходимо рассмотреть основные характеристики торгово-развлекательных центров (Таблица 1).

Важно обратить внимание на то, что проект Торговый центр В был запущен недавно, однако активная маркетинговая политика и большое количество различных мероприятий позволяет сравнивать данные проекты. Кроме того, для сравнения были выбраны объекты девелоперов¹,

¹ Компания, занимающаяся коммерческой деятельностью по созданию объектов недвижимости с целью получения прибыли.

имеющих большой опыт в данной отрасли, так как, как правило, стратегии продвижения уникальных торговых объектов у девелоперов значительно отличаются от общей картины на рынке. Кроме того, мы считаем данную разницу в площадях незначительной, так как количество арендаторов в торгово-развлекательных центрах практически совпадает, что мы покажем далее.

Таблица 1.
Основные характеристики исследуемых
торгово-развлекательных центров

	Торговый центр А	Торговый центр В
Количество качественных торговых центров в портфеле девелопера	5	11
Год открытия	2016	2018
Общая площадь, м ²	137 000	196 750
Арендуемая площадь, м ²	60 450	71 000
Средняя посещаемость		
Среднегодовая посещаемость в будни, человек	37 222	31 813
Среднегодовая посещаемость в выходные, человек	42 879	35 078
Парковка, машиномест	1 100	1 500
Масштаб по ULI	Региональный	Региональный
Район	Фили-Давыдково	Орехово-Борисово Северное
Округ	ЗАО	ЮАО

Следующим важным фактором является местоположение торгово-развлекательных центров, которое раскрывается в четырех категориях транспортная доступность (разделенная на зоны охвата торгово-развлекательного центра), просматриваемость (видимость, обзорность) фасадов, наличие конкурирующих торгово-развлекательных центров поблизости (Таблица 2).

Нельзя отрицать тот факт, что низкий показатель по первичной зоне доступности Торгового центра В и значительная удаленность от метро окажут наиболее сильное влияние на посещаемость торгово-развлекательного центра. В маркетинговых исследованиях данный фактор определяется как самый значительный для торгово-развлекательного центра и успешности проекта

в целом, его вес составляет 35%. Данное замечание обязывает нас учитывать этот фактор при подсчете эффективности тех или иных маркетинговых мероприятий. Кроме того, такой фактор как видимость фасадов целесообразно оценить по пятибалльной шкале в связи с невозможностью представления данной характеристики в натуральном выражении. Таким образом, оба торгово-развлекательных центра находятся на первой линии крупных транспортных магистралей по направлению к центру. Обзор на фасады не перекрыт деревьями либо иными конструкциями, однако балл у Торгового центра А выше, так как объект обладает медиа-фасадами.

Таблица 2.
Местоположение торгово-развлекательных центров

Территориальный фактор	Торговый центр А	Торговый центр В
Транспортная доступность		
Первичная зона (10 минут), чел	183 196,00	151 530,00
Вторичная зона (20 минут), чел	436 478,00	705 240,00
Третичная зона (30 минут), чел	644 238 000,00	568 720,00
Всего, чел	1 263 912,00	1 425 490,00
Удаленность от метро, минут пешком	4	12
Просматриваемость фасадов, видимость, обзорность	5	4
Наличие конкурентов поблизости, штук	5	4

Отдельно стоит отметить тот факт, что конкурентное окружение вокруг торгово-развлекательных центров определялось следующим образом: не более 30 минут транспортной доступности на автомобиле. Как мы видим, в данной зоне охвата у Торгового центра А конкурентов больше, кроме того, по качеству и масштабу они значительно превосходят конкурентов Торгового центра В, однако они удалены от объекта в большей степени, нежели конкуренты Торгового центра В. Так, вокруг второго исследуемого центра в пешей доступности (15 минут) расположены два крупных торговых центра, которые оказывают значи-

тельное влияние на посещаемость объекта, перетягивая многих посетителей на себя за счет близости к метро и устоявшимся традициям потребителей (торговые центры значительно старше исследуемого объекта).

Следующим фактором, оказывающим влияние на посещаемость торгово-развлекательного центра, является совокупность социально-экономических характеристик района, в котором расположен торгово-развлекательный центр.

Таблица 3
Социально-экономическая характеристика окружения (социальной среды) на 2018 г.

Социально-экономические факторы	Торговый центр А	Торговый центр В
Население, человек	115 128,00	132 265,00
Общая площадь района, Га	695,7	767,1
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м ²	18,40	15,00
Среднемесячная заработная плата, руб	85 942,1	65 674,9
Общая площадь жилых помещений, тыс м ²	2 317,00	1 927,8
Ввод в действие жилых домов на территории муниципального образования, м ²	55 495,00	7 821,00
Количество новостроек	1	1
Цена на жилье, руб / м ²	170 835	144 081

Как мы видим, несмотря на высокую плотность населения в первичной зоне охвата Торгового центра А, общее население района торгово-развлекательного центра В выше.

В целом, местоположение торгово-развлекательного центра А мы можем охарактеризовать как густо населенная зона охвата с качественными объектами жилищного строительства. Конкурирующие торгово-развлекательные центры находятся в значительной удаленности от объекта, ближайший ТРЦ Галереи Времени года в силу представленного ценового сегмента не может быть рассмотрен как конкурент. В районе достаточно активный ввод нового жилищного фонда, что будет также положительно сказываться на посещаемости торгово-развлекательного центра в перспективе. Цена за квадратный

метр жилого помещения в районе торгово-развлекательного центра А на 19% выше, чем в районе Торгового центра В. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что при меньшем количестве населения общая площадь жилых помещений в районе Фили-Давыдково значительно выше, чем в Орехово-Борисово Северное, что говорит о более высокой обеспеченности населения жилой площадью. Важным обстоятельством является превышение средней заработной платы по району Фили-Давыдково на 31% по сравнению с показателем в районе Орехово-Борисово Северное. Безусловно, более высокий уровень доходов населения обеспечивает высокую проходимость торгово-развлекательного центра, а также повышает время, которое посетители проводят в нем. Данный фактор, вместе с отдаленностью от метро, можно отнести к наиболее важным и определяющим потребительское поведение и предпочтения покупателей, а также их покупательную способность.

Немаловажным будет обратить внимание на тот факт, что наличие детей в районе расположения торгово-развлекательного центра оказывает значительное влияние на организацию стратегии стимулирования сбыта и её специфику (Таблица 4). Кроме того, наличие детей у посетителей сказывается на характеристиках посещаемости, а также времени посещения торгово-развлекательного центра. В дальнейшем именно этот фактор будет определять применяемые методы стимулирования сбыта, их сезонность, продолжительность и направленность.

Таблица 4
Численность детей в исследуемых районах на 2018 г.

	Фили-Давыдково	Орехово-Борисово Северное
1 - 6 лет, человек	7 680	6 394
5 - 18 лет, человек	15 736	9 571
Детей всего	23 416	15 965
Население всего	115 128,00	132 265,00
Доля детей от общего населения		
1 - 6 лет, %	7%	5%
5 - 18 лет, %	14%	7%
Детей всего, %	20%	12%

Как мы видим, в районе торгово-развлекательного центра А проживает значительно больше детей, чем в районе торгово-развлекательного центра В, что необходимо учитывать в дальнейшем анализе.

Кроме того, необходимо рассмотреть возрастные группы населения, проживающего в исследуемых районах, в целом, однако данная статистика представлена только за 2010 год. Необходимо уточнить, что подобного рода исследования не проводятся муниципальными и городскими органами статистики, данные показатели отражены исключительно в переписях населения, наиболее актуальная из которых – за 2010 год. Для отражения основных тенденций представляется необходимым использовать более актуальные данные, однако в связи с ограниченностью статистического материала мы вынуждены использовать показатели за 2010 год. Кроме того, в данном исследовании мы отражаем методику анализа стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров, показываем возможности предлагаемого метода. В связи с вышесказанным представляется возможным перейти к анализу социально-демографической структуры населения данных районов.

Таблица 5
Возрастная структура населения районов Фили-Давыдково и Орехово-Борисово Северное на 2010 г.

Возраст, лет	Фили-Давыдково, %	Орехово-Борисово Северное, %
0-9	8,9	5
10-19	8,7	6,3
20-29	15,6	18,4
30-39	15,4	18,6
40-49	14,3	14
50+	37,1	37,7
Всего	100	100

¹ Шерешева М. Ю., Валитова Л. А., Березка С. М. Потребительское поведение россиян возрастной категории 50+: пилотное исследование // Вестник СПбГУ. 2017. С. 245.

Как мы видим, самой широкой возрастной группой является группа старше 50 лет. Здесь стоит отметить, что зачастую в стратегиях стимулирования сбыта данная группа остается неучтенной, что, как показано в исследовании М.Ю. Шерешевой, Л.А. Валитовой, С.М. Березки, оказывает значительное негативное влияние на эффективность маркетинговых программ. Осознание маркетологами различий в восприятии собственного возраста людьми старших поколений повлекло формирование таких возрастных подкатегорий в как «молодые старые» (young old), «старые старые» (old old), «молодые душой» (young at heart), но в практике стимулирования сбыта это практически не распространено. Тем не менее, исследование М.Ю. Шерешевой, Л.А. Валитовой, С.М. Березки потребительского поведения как раз данной возрастной группы показало, что для них характерна «заинтересованность в образовательных курсах и организованном досуге (клубы по интересам, кружки, мастер-классы), они критично относятся к рекламе, спокойно относятся к шопингу, они могут получать удовольствие от покупок, но особо отмечают ценность экономии времени»¹. Важным в данном исследовании фактором является то, что представители данной группы отдают предпочтение групповым занятиям спортом, и наиболее интересными для данной группы оказываются занятия специального формата, нацеленные на их возрастную категорию как по квалификации преподавателей, так и по контингенту².

Следующей по объему категорией является население в возрасте от 20 до 39 лет, которые и представляют собой основную целевую группу торгово-развлекательных центров, и специфику потребления которой нельзя не учитывать.

² Шерешева М. Ю., Валитова Л. А., Березка С. М. Потребительское поведение россиян возрастной категории 50+: пилотное исследование // Вестник СПбГУ. 2017. С. 245.

Наиболее точный анализ распределения состава населения районов, в которых расположены исследуемые торгово-развлекательные центры, в зависимости от пола по документальным источникам информации возможен был только по данным 2010 года по результатам Всероссийской переписи населения¹.

Таблица 6
Половозрастное распределение населения в районах Фили-Давыдково и Орехово-Борисово Северное на 2010 г.

Возраст, лет	Фили-Давыдково		Орехово-Борисово Северное	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0-9	4%	4%	3%	2%
10-19	4%	4%	3%	3%
20-29	8%	8%	7%	11%
30-39	8%	8%	8%	10%
40-49	7%	7%	7%	7%
50+	14%	23%	15%	22%

Как мы видим, в районе Фили-Давыдково мужчины и женщины в различных возрастных категориях представлены в равной мере в отличие от района Орехово-Борисово Северное, где в большинстве категорий перевес на стороне женщин. В данном случае преобладание женщин в окружении торгово-развлекательного центра можно считать положительным фактором, так как, согласно рассмотренным нами ранее теоретическим подходам к изучению потребительского поведения, женщины в большей степени склонны к импульсивным покупкам и тратам.

В рамках данного исследования нельзя не обратить внимание на пул арендаторов торгово-развлекательных центров. Нам необходимо учитывать данный фактор для репрезентативности исследования эффективности тех или иных мероприятий по стимулированию сбыта. В исследовании мы разделяем всех арендаторов по группам реа-

лизуемых ими товаров, а затем определяем их долю от арендуемой площади торгово-развлекательного центра.

Общие и арендуемые площади торгово-развлекательных центров А и В приведены в Таблице 7.

Таблица 7
Показатели общей и арендуемой площади в торгово-развлекательных центрах Торговый центр А и Торговый центр В

	Торговый центр А	Торговый центр В
Общая площадь, м ²	137 000	196 750
Арендуемая площадь, м ²	60 450	71 000

Как мы видим, разница в общих площадях составила 59 750 м², что является достаточно большим показателем, однако данный фактор обеспечивается не за счёт площади магазинов (арендопригодных зон), а за счёт коридоров и технических пространств, не пригодных для размещения магазинов. Несмотря на разницу арендуемой площади в 10 500 м² в торговом центре А представлено 314 магазинов, в то время как в торговом центре В магазинов 290. Кроме того, вакантность арендуемых площадей составила 1,8% и 13,5% соответственно. Таким образом, на момент исследования в торговом центре А арендовано суммарно 59 361 м² и в торговом центре В – 61 409 м².

Далее мы определили основные группы арендаторов в торгово-развлекательных центрах. К ним мы отнесли продовольственные товары, одежда, обувь, аксессуары и кожгалантерея, товары для детей, спортивные товары, бытовая техника и электроника, косметика и товары для здоровья, товары для дома (посуда, декор), товары для дома и мебель, ювелирные украшения, часы, товары для досуга, кафе и рестораны, фудкорт, кинотеатр, развлекательный центр, бытовые услуги, салоны красоты,

¹ Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Вопросы статистики. 2012. URL:

https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/cro/c/perepis_itogi1612.htm.

зоомагазин, спорт-клубы, фитнес-клубы.

Всего было выделено 17 категорий, после чего все арендаторы торгово-развлекательных центров (604 магазина) были распределены по данным категориям. Затем в соответствии с планировкой зданий, полученными от руководства торгово-развлекательных центров, мы определили арендуемую площадь каждого из магазинов. Данные процедуры позволили нам определить суммарно арендуемую площадь для каждой из категорий. Для возможности сравнения показателей между торгово-развлекательными центрами мы представили их в процентном отношении ко всей арендуемой площади. Кроме того, нами были вычислены свободные площади, которые мы также приводим в таблице 8.

Таблица 8
Структура арендуемых площадей по типу арендатора

Группы товаров и услуг	Торговый центр А, %	Торговый центр В, %
Продовольственные товары	19,4	27,0
Одежда	11,3	6,8
Обувь, аксессуары и кожгалантерея	9,2	4,4
Товары для детей	3,1	3,1
Спортивные товары	2,6	1,5
Бытовая техника и электроника	3,5	2,8
Косметика и товары для здоровья	9,1	6,3
Товары для дома (посуда, декор)	1,8	2,2
Товары для дома и мебель	2,0	2,9
Ювелирные украшения, часы	2,7	1,4
Товары для досуга	1,8	0,6
Кафе и рестораны	8,5	5,0
Фудкорт	7,9	3,9
Кинотеатр	6,2	5,5
Развлекательный центр	1,8	4,7
Бытовые услуги, салоны красоты, зоомагазин	3,4	6,9
Спорт-клубы, фитнес-клубы	3,9	1,5
ИТОГО	98,2	86,5
Вакантные помещения	1,8	13,5

Как мы видим, в торгово-развлекательном центре А показатель вакантности очень низкий по сравнению с В, что

можно объяснять разницей во времени открытия. На данный момент есть основания полагать, что торгово-развлекательный центр В еще не смог выйти на пик своего развития, но имеет большие перспективы. Важным качественным недостатком в подборе арендаторов остается отсутствие в торговом центре В представителей группы Inditex, однако реальные причины отсутствия таких ключевых арендаторов остаются за рамками нашего анализа. В целом представленные категории распределены равномерно, нельзя отметить полное отсутствие услуг или каких-либо групп товаров ни в одном из торговых центров. Значительным фактором становится небольшая площадь развлекательного центра в торговом центре А, демографическая характеристика района которой была дана нами ранее. Как мы видим, в целом детские категории в данном торговом центре достаточно узко представлены, несмотря на значительную долю детей среди общего населения района.

В целом, нужно сказать, что в целях исследования стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров не представляется необходимым более углубленный анализ пула арендаторов торгово-развлекательных центров, включающий в себя расположение отдельных категорий товаров в зависимости от половозрастной характеристики посещаемости этажа или холла, а также в зависимости от наличия якорного арендатора поблизости.

В связи с вышесказанным целесообразно будет измерять эффективность тех или иных мероприятий в процентном отношении к среднему показателю посещаемости для минимизации влияния указанных ранее нами факторов. Кроме того, период для анализа выбранный нами – 6 месяцев. Он был взят с учётом целей и масштабов исследования, за данный период мы сможем исследовать как крупные и дорогостоящие акции по стимулированию сбыта, так и регулярно проводимые мероприятия.

Таким образом, мы определили, что ключевым показателем эффективности

тех или иных мероприятий по стимулированию сбыта для торгово-развлекательных центров является повышение посещаемости центра, в отличие от отдельных брендов, где цель стимулиро-

вания, как и основной показатель, отражающий его эффективность, – это увеличение продаж.

Переходя к исследованию стратегий стимулирования сбыта, приведем общие данные по посещаемости торгово-развлекательных центров А и В.

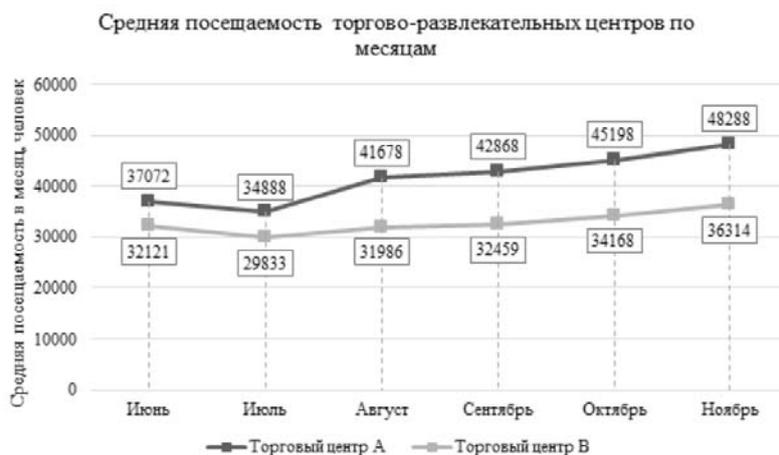

Рисунок 1

Как мы видим, в целом тенденции по снижению или росту посещаемости в торгово-развлекательных центрах совпадают. В тёплое время года количество посетителей торгово-развлекательных центров остается достаточно низким, в связи с возможностью проводить время на улице и в парках, а также фактором отпусков. Конец августа и начало сентября представляют положительный скачок в связи с подготовкой к учебному году и возвращением из отпусков, в октябре высокая посещаемость была связана с наступлением холодов и отсутствием иных вариантов времяпрепровождения, в то время как в ноябре уже начинается активная подготовка к новогодним праздникам. Выбранный нами период не включает месяц декабрь в связи с аномально высокими показателями посещаемости в торгово-развлекательных центрах.

Для измерения эффективности тех или иных мероприятий по стимулирова-

нию сбыта мы будем учитывать отклонение посещаемости в день мероприятия от среднемесячного показателя. Таким образом мы сможем учесть сезонный фактор и нивелировать его влияние, тем самым показав приток посетителей, обеспеченный примененным методом стимулирования сбыта.

Для начала приведем общие данные по программам стимулирования сбыта в исследуемых торгово-развлекательных центрах (таблица 9).

Все проведенные мероприятия в торгово-развлекательных центрах были разделены нами на 10 категорий в зависимости от их формата и целевой группы. Так, были представлены такие категории как автограф-сессия, детские мастер-классы, детские представления, лотереи, мастер-классы для взрослых, онлайн розыгрыши, праздники, розыгрыши за покупку, спортивные мероприятия, фестивали. Отдельно стоит подчеркнуть разницу онлайн розыгрышей, лотереи и розыгрышей за покупки. Так все онлайн розыгрыши,

проводимые торгово-развлекательными центрами, были представлены в их социальных сетях, но отсутствовали на их сайтах, кроме того, принцип их работы был таков, что для участия необходимо было стать участником сообщества торгово-развлекательных центров и поделиться их записью, либо это был конкурс самых активных участников групп (необходимо было оставить наибольшее количество комментариев, лайков и репостов), также была представлена игра в слова, и конкурс комментариев о причинах посещения конкретного торгово-развлекательного центра. Таким образом, все онлайн розыгрыши были нацелены на продвижение торгово-развлекательных центров в сетях, но проведенные мероприятия этой категории ни в одном торгово-развлекательном центре не стимулировали увеличение посещаемости. Да, получение подарка предполагало визит от 2 до 5 человек в торгово-развлекательный центр, но, как мы видели ранее, подобная практика зачастую может быть основана на совместном стимулировании сбыта, когда призовой фонд предоставляется несколькими арендаторами, что позволяет значительно увеличить количество победителей и, тем самым, количество посетителей торгово-развлекательного центра. Что касается лотереи, то такой формат предполагает освещение мероприятия в социальных сетях торгово-развлекательных центров за несколько дней до его начала, далее возможны два варианта: для участия необходима онлайн регистрация (как правило, она также включает в себя репост информации о мероприятии) либо лотерея без регистрации. Формат розыгрыша призов за покупку подразумевает регистрацию чеков за покупку на определенную сумму, совершенную в данном торгово-развлекательном центре, после чего проводится крупное мероприятие, где разыгрываются призы. Отдельно отметим форматы праздник и фестиваль, в категорию праздников мы отнесли мероприятия, посвященные общенациональным и государственным праздникам, а также праздникам, популярным в

России, в то время как фестивали – крупные тематические проекты, в основе которых не лежит отдельное событие. Именно эти два формата предполагают наибольшее привлечение посетителей и наибольшие затраты. Таким образом, мы видим, что Торговый центр А проводит активную стратегию стимулирования сбыта в Интернете, в то время как Торговый центр В практически полностью отказывается от подобных мероприятий и делает упор на детском сегменте, а именно детских мастер-классах. В целом, количество мероприятий за период в 6 месяцев приблизительно равно, но мы видим сильное расхождение по основным категориям и направлениям стратегий.

Таблица 9
Мероприятия по стимулированию сбыта в торгово-развлекательных центрах по категориям

	Торговый центр А	Торговый центр В
Автограф-сессия	1	–
Детский мастер-класс	8	20
Детское представление	–	4
Лотерея	–	10
Мастер-класс для взрослых	–	6
Онлайн розыгрыш	21	2
Праздник	1	2
Розыгрыш за покупку	3	1
Спорт	1	–
Фестиваль	6	–
Всего	41	45

Рассмотрим временной фактор проведения мероприятий по стимулированию сбыта.

Как мы видим, летние месяцы были самые активные по проведению мероприятий, в то время как в сентябре был самый низкий показатель. Объяснить это можно сезонностью: как правило, в летние месяцы люди склонны в меньшей степени проводить время в торгово-развлекательных центрах из-за отъездов в отпуска, на дачи, возможности проводить время на открытом воздухе в парках и гуляя по городу, таким образом, торгово-развлекательные центры вынуждены проводить наиболее агрессивную политику по стимулированию сбыта именно в этот период, в то время как конец августа

и начало сентября – традиционный период увеличения посещаемости и подготовки постелей к началу учебного года, что позволяет снизить количество мероприятий и сохранить посещаемость. Таким образом, в торгово-развлекательном центре В представлена традиционная система распределения мероприятий: наибольшее количество мероприятий по стимулированию сбыта проводится в наименее популярные месяцы. Обратимся к анализу данного фактора в другом торговом центре.

Таблица 10
Мероприятия по стимулированию сбыта в торгово-развлекательном центре В по месяцам

	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
Детский мастер-класс	3	4	4	3	2	4
Детское представление	2	-	1	1	-	-
Лотерея	1	4	4	-	-	-
Мастер-класс для взрослых	2	1	-	-	2	1
Онлайн розыгрыш	-	-	-	-	-	2
Праздник	1	-	-	-	1	-
Розыгрыш за покупку	-	-	-	-	-	1
Спорт	-	-	-	-	-	-
Фестиваль	-	-	-	-	-	-
Всего	9	9	9	4	5	8

Таблица 11
Мероприятия по стимулированию сбыта в торгово-развлекательном центре А по месяцам

	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
Детский мастер-класс	-	-	-	-	-	1
Детское представление	-	-	4	2	-	-
Лотерея	-	-	-	-	-	-
Мастер-класс для взрослых	-	-	-	-	-	-
Онлайн розыгрыш	-	-	-	-	-	-
Праздник	2	6	6	4	1	2
Розыгрыш за покупку	1	-	-	-	-	-
Спорт	-	-	-	1	2	-
Фестиваль	-	1	-	-	-	-
Всего	3	7	10	7	3	3

Мы видим, что в торгово-развлекательном центре А наиболее активный месяц – август, для которого характерно повышение посещаемости независимо от стимулирующих факторов, то есть цель данной стратегии заключается не в том, чтобы подтянуть посетителей тогда, когда их мало, а привлечь еще больше в наиболее активные месяцы.

Для определения эффективности таких подходов обратим внимание на следующие данные.

Рисунок 2

Рисунок 3

На данных графиках представлена посещаемость торгово-развлекательных центров в дни проведения мероприятий по стимулированию сбыта и средняя посещаемость в месяц. Мы видим, что мероприятия, проводимые торговым центром В, практически всегда обеспечивали посещаемость выше среднего показателя. Кроме того, данные мероприятия смогли обеспечить в наиболее непопулярные месяцы посещаемость на уровне с удачными месяцами. Что касается торгово-развлекательного центра А, то проводимые мероприятия характеризовались либо значительным привлечением аудитории, либо отсутствием эффекта. Здесь стоит отметить, что торговый центр А в своей стратегии делала значительный акцент на онлайн розыгрыши, которые не обеспечивали большой приток посетителей, а продвигали социальные сети торгово-развлекательного центра.

Обратим внимание на влияние отдельных категорий мероприятий по стимулированию сбыта на посещаемость торгово-развлекательных центров. Мы приводим отклонение среднего показателя посещаемости в дни мероприятий определенных категорий от среднего показателя по месяцу.

Как мы видим, наибольшую посещаемость смогли обеспечить торгово-развлекательным центрам такие виды мероприятий как праздники, лотереи,

спортивные мероприятия и розыгрыши за покупку. В то время как наименьший эффект оказали онлайн розыгрыши, как было описано ранее.

Таблица 12
Влияние отдельных категорий мероприятий на посещаемость торгово-развлекательных центров

	Торговый центр А	Торговый центр В
Автограф-сессия	+7	-
Детский мастер-класс	+4,75	+13,75
Детское представление	-	+11,5
Лотерея	-	+25,8
Мастер-класс для взрослых	-	+6,1
Онлайн розыгрыш	-0,6	-4
Праздник	+34	+11
Розыгрыш за покупку	+5	+22
Спорт	+23	-
Фестиваль	+11,5	-

Другим важным фактором, характеризующим стратегию стимулирования сбыта в исследуемых торгово-развлекательных центрах, является организация мероприятий по стимулированию в зависимости от дня недели. Как правило, показатель посещаемости по выходным дням значительно превосходит будние дни. Исключение могут составлять торговые центры, расположенные в кластере бизнес-центров. Но рассматриваемые нами объекты к данной категории не относятся. Таким образом, средняя

посещаемость торгово-развлекательных центров в зависимости от дня недели составила:

Таблица 13
Средняя посещаемость торгово-развлекательных центров в зависимости от дня недели

	Торговый центр А	Торговый центр В
Среднегодовая посещаемость в будни, человек	37 222	31 813
Среднегодовая посещаемость в выходные, человек	42 879	35 078

Обратим внимание, в какие дни, как правило, проводятся мероприятия по стимулированию сбыта.

Таблица 14
Мероприятия в торгово-развлекательных центрах по дням недели.

	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс	Всего	
Торговый центр В	Детский мастер-класс				3	14	3	20	
	Детское представление					3	1	4	
	Потеря				1	9		10	
	Мастер-класс		1		1	4		6	
	Онлайн розыгрыш		1	1				2	
	Праздник				1			2	
	Розыгрыш за покупку						1	1	
	Всего		2	1	1	5	32	4	45
	Торговый центр А	Автограф-сессия			1				1
		Детский мастер-класс	1	1			1	5	8
Онлайн розыгрыш		4	10	3	2	1	1	21	
Праздник						1		1	
Розыгрыш за покупку		1				1	1	3	
Спорт						1		1	
Фестиваль			1			1	2	2	6
Всего	6	12	3	3	2	6	9	41	

Как мы видим, в данном случае наибольшее количество мероприятий приходится на выходные дни и в торговом центре А, и в В. Мероприятия в будние дни практически отсутствуют, кроме онлайн формата. Торгово-развлекательные центры оценивают отсутствие

бизнес-кластера вокруг и отсутствие источника посетителей в будние дни, в связи с чем предлагают более семейный формат.

Продолжительность мероприятий – также важный фактор, характеризующий применяемые стратегии. Как было отмечено ранее, акции по стимулированию сбыта, как правило, носят краткосрочный характер, однако рамки «краткосрочности» не определяются. Крупные и дорогостоящие мероприятия могут проводиться в несколько этапов, а их освещение в социальных сетях начинается задолго до самого мероприятия. При этом формально данное мероприятие считается краткосрочным, так как само действие и шоу-программа проходит в течение одного-двух дней. В связи с чем стоит обратиться к рассмотрению длительности мероприятий в исследуемых торгово-развлекательных центрах.

Таблица 15
Длительность мероприятий в торгово-развлекательных центрах

Продолжительность мероприятия, дней	Торговый центр А	Торговый центр В
1	20	16
2	1	25
3	0	3
4 и более	20	1

Стоит отметить, что в данном вопросе показатели торгово-развлекательных центров значительно разошлись. В торгово-развлекательном центре А онлайн розыгрыши длились 7 дней, то есть в течение недели можно было подать заявку на участие в розыгрыше, и отбирались самые активные пользователи. В то время как в торговом центре В онлайн розыгрыши длились по 3 дня, при этом аудитория в сообществе торгового центра В в 3 раза меньше аудитории А, в связи с чем в такой короткий срок подобное мероприятие не могло обеспечить достаточное распространение и даже ознакомление уже подписанных пользователей с ним.

Двухдневный формат мероприятий в торговом центре В был представлен детскими мастер-классами (самой распространенной категорией в данном

торговом центре), так как они регулярно проводились и в субботу, и в воскресенье. Каждую неделю данное мероприятие проводилось на новую тему. Двухдневное мероприятие в торговом центре А – это также детский мастер-класс – «Школа робототехники». Как мы видим, в целом торговый центр А проводит достаточно короткие мероприятия (за исключением онлайн формата), которые задолго до их начала освещаются в социальных сетях.

Характер мероприятий по стимулированию сбыта также необходимо рассмотреть с точки зрения субъекта-организатора, как было отмечено ранее, именно торгово-развлекательные центры в этом плане имеют наибольшее количество возможностей в связи с наличием арендаторов, которые являются потенциальными партнёрами в проводимых мероприятиях. Рассмотрим полученные нами данные. Партнёрство торгово-развлекательного центра с какими-либо другими компаниями определялось исходя из организатора мероприятий по стимулированию сбыта. Так, торговые центры имели возможность проводить самостоятельные акции, либо привлекать команду для проведения мероприятий со стороны, либо организовывать мероприятия совместно со своими арендаторами.

Таблица 16
Субъекты-организаторы мероприятий по стимулированию сбыта в торгово-развлекательных центрах

	Торговый центр А	Торговый центр В
Самостоятельные акции	16	21
Партнёр-арендатор	23	1
Внешний партнёр	2	23

Как мы видим, торгово-развлекательный центр А активно использует имеющиеся ресурсы и взаимодействует с арендаторами, реже – привлекает внешние компании для проведения мероприятий. Подобное равномерное распределение собственных мероприятий и мероприятий, проведенных совместно

с арендаторами, – наиболее оптимальный вариант для усиления собственной концепции, регулярного проведения мероприятий, а также финансовой составляющей. В торгово-развлекательном центре В значительно чаще приглашается внешний партнёр, специализирующийся на детских мероприятиях, чем обусловлен такой высокий показатель, при этом данный внешний партнёр в меньшей степени заинтересован в проведении проекта, нежели внутренний, так как финансирование деятельности внешнего партнёра полностью возлагается на торгово-развлекательный центр, кроме того, увеличение продаж как цель не стоит перед внешним партнёром, в то время как для арендатора торгово-развлекательного центра основная цель – привлечение новых клиентов в свой собственный бренд, в связи с чем финансирование мероприятий осуществляется обеими сторонами. Кроме того, данный торгово-развлекательный центр практически не взаимодействует с собственными арендаторами, тем самым обременяя себя дополнительной финансовой нагрузкой.

Подводя итоги анализа, мы можем представить общую характеристику стратегий стимулирования сбыта двух торгово-развлекательных центров.

4. Результаты сравнительного анализа стратегий стимулирования сбыта торгово-развлекательных центров

Стратегию стимулирования сбыта торгово-развлекательного центра В можно охарактеризовать следующим образом:

1. За период в 6 месяцев с июля по ноябрь 2019 года торговый центр провел 45 мероприятий по стимулированию сбыта. Чаще всего проводились детские мастер-классы и лотереи (44% и 22% соответственно).

2. По времени проведения мероприятий в торгово-развлекательном центре представлена традиционная система распределения: наибольшее количество мероприятий по стимулированию

сбыта проводится в *наименее популярные месяцы* (месяцы с наименьшим количеством посетителей). При этом, стоит отметить, что проведенные мероприятия практически всегда обеспечивали посещаемость выше среднего показателя посещаемости за месяц. Кроме того, данные мероприятия смогли обеспечить в наиболее непопулярные месяцы посещаемость на уровне с удачными месяцами.

3. Что касается проведения мероприятий в определенные дни недели, то наибольшее количество мероприятий приходится на выходные дни, мероприятия в будние дни практически отсутствуют, кроме онлайн формата, представленного достаточно узко. Отдельно об этой категории стоит сказать, что проведенные розыгрыши длились по 3 дня, при этом в такой короткий срок подобное мероприятие не могло обеспечить достаточное распространение и даже ознакомление уже подписанных пользователей с ним.

4. Характер мероприятий по стимулированию сбыта с точки зрения субъекта-организатора отличаются следующие особенности: в торгово-развлекательном центре В значительно чаще приглашается *внешний партнёр*, специализирующийся на детских мероприятиях, но торговый центр практически не взаимодействует с собственными арендаторами, тем самым обременяя себя дополнительной финансовой нагрузкой.

Стратегию стимулирования сбыта торгово-развлекательного центра А можно охарактеризовать следующим образом:

1. За период в 6 месяцев с июля по ноябрь 2019 года торговый центр провел 41 мероприятие по стимулированию сбыта. Чаще всего проводились онлайн розыгрыши и детские мастер-классы (51% и 20% соответственно).

2. По времени проведения мероприятий в торгово-развлекательном центре наиболее активный месяц – август, для которого характерно повышение посе-

щаемости независимо от стимулирующих факторов, то есть цель данной стратегии заключается не в том, чтобы подтянуть посетителей тогда, когда их мало, а привлечь еще больше в наиболее активные месяцы. Стоит отметить, что проводимые мероприятия характеризовались либо значительным привлечением аудитории, либо отсутствием эффекта. Здесь стоит отметить, что торговый центр А в своей стратегии делала значительный акцент на онлайн розыгрыши, которые не обеспечивали большой приток посетителей, а продвигали социальные сети торгово-развлекательного центра.

3. Что касается проведения мероприятий в определенные дни недели, то наибольшее количество мероприятий приходится на выходные дни, мероприятия в будние дни практически отсутствуют, кроме онлайн формата.

4. Характер мероприятий по стимулированию сбыта с точки зрения субъекта-организатора отличаются следующие особенности: торгово-развлекательный центр А *активно использует имеющиеся ресурсы и взаимодействует с арендаторами, реже – привлекает внешние компании для проведения мероприятий*. Подобное равномерное распределение собственных мероприятий и мероприятий, проведенных совместно с арендаторами, – наиболее оптимальный вариант для усиления собственной концепции, регулярного проведения мероприятий, а также финансовой составляющей.

Выводы

Важным этапом становится оформление практических рекомендаций, направленных на решение содержательных и логических проблем при построении стратегий стимулирования сбыта.

1. На наш взгляд, наиболее важным замечанием становится необходимость комплексного применения всех инструментов и методов стимулирования сбыта, учет отраслевой специфики, а

также анализ опыта конкурентов. На сегодняшний день мы видим усугубление экономического положения всей отрасли, таким образом роль различных относительно недорогих методов стимулирования сбыта значительно возрастает. Таким образом, первым и важнейшим шагом становится необходимость углубленного анализа опыта проведенных мероприятий.

2. Кроме того, обязательного учета требует анализ целевой группы, создание портрета типичного покупателя, определение наиболее активных категорий, а также категорий выпадающих. То есть встает необходимость проведения комплексного социологического анализа потребителей, изучения теоретических подходов к мотивации различных половозрастных групп. Кроме того, данный шаг требует проведения исследований зоны охвата торговых центров. Стратегии стимулирования сбыта должны не только учитывать необходимость поощрения постоянных клиентов и привлечения новых, представителей неучтенных групп, а также должны согласовываться с общей социально-демографической ситуацией того района, в котором они расположены. Анализ понятия «потребление» позволил нам проследить, что специфика потребностей зависит от того, насколько были удовлетворены основные, в том числе социальные потребности, в связи с чем для поощрения потребителей необходимо изначально реализовать их базовые нужды, которые и поможет выявить социологический анализ зоны охвата торгово-развлекательных центров.

3. Третьим этапом становится разработка самой стратегии. Здесь мы говорим о необходимости создания единой долгосрочной концепции, определения цели и целевых показателей, основных принципов и системы временного и бюджетного распределения мероприятий. То есть по результатам проведенного анализа становится возможным говорить о планировании единой концепции. Подобный подход, на наш взгляд, является необходимым для достижения

высоких результатов каждого из мероприятий. Отсутствие единой стратегии влечет за собой несогласованность мероприятий, возникновение «навязчивых» информационных рассылок либо их отсутствие в определенный период вовсе, отсутствие единого бренда торгового центра, единства его информационного сетевого образа.

По результатам каждого из проведенных мероприятий обязательным элементом представляется учет обратной связи и ее анализа: количества посетителей, рост объема выручки, половозрастная характеристика посетителей и многие другие показатели. Учет обратной связи, активные маркетинговые мероприятия, связанные с изучением мнения потребителей, позволит не только оценить эффективность проведенных работ, а также выявит проблемы, требующие обязательной корректировки стратегии.

4. Необходимым этапом становится регулярный учет и мониторинг возникающих на данном рынке инноваций, различных методик и методов, технических устройств и приложений по оптимизации работы отдела маркетинга.

Таким образом, на наш взгляд, комплексный подход к разработке стратегий стимулирования сбыта, объединяющий в себе исследование теоретических, методологических подходов, социологического анализа целевой аудитории и зоны охвата, мониторинга инновационных направлений и учета обратной связи по результатам проведенных мероприятий, становится необходимым компонентом маркетинговой политики торговых центров. Именно данный подход позволяет учитывать потребности посетителей, быстро реагировать на их изменение и привлекать новые целевые группы.

Литература

1. Ильин В.И. Поведение потребителей. М., 2000. 320 с.
2. Винникова И. С. Торговый центр в современной России как социальное

явление опыт классификации // Российское общество в зеркале социологии. Саратов: Научная книга, 2006. С. 233-240.

3. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. 368 с.

4. Ritzer G. Expressing America: A Critique of the Global Credit Card Society. 1995. 256 p.

5. Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974. 170 p.

6. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с.

7. Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. Shopping Center. 2020. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/urbanstudies>.

8. Corrigan P. The Sociology of Consumption: An Introduction. 1997. URL: <http://sk.sagepub.com/books/the-sociology-of-consumption>.

9. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., Вильямс, 2012. 752 с.

10. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. СПб., 2012. С. 461.

11. Дейан А., Троядек А., Троядек Л. Стимулирование сбыта. СПб., 2003. 128 с.

12. Mattson-Teig B. Encouraging Aspiring Developers to Think Both Big and Small // Urban Land Magazine, 2018. URL: <https://urbanland.uli.org/development-business/encouraging-aspiring-developers-think-big-small/>.

13. Abrams A. Attracting Younger Consumers with Connective Experiences across Property Types // Urban Land Magazine, 2018. URL: <https://urbanland.uli.org/economy-markets-trends/attracting-younger-consumers-connective-experiences-across-property-types/>.

14. Траньков Д.О. Маркетинговые коммуникации как часть маркетинговой стратегии предприятия: дис. ... док. соц. наук: 22.00.03.М., 2005. 231 с.

15. Dyer S. Markets in the Meadows: Department Stores and Shopping Centers // University of Oxford, 2016. P. 710 p.

16. Шерешева М. Ю., Валитова Л. А., Березка С. М. Потребительское поведение россиян возрастной категории 50+: пилотное исследование // Вестник СПбГУ. 2017. С. 245.

Social aspects of strategies sales promotion of trade entertainment centers: comparative analysis

Oseev A.A., Nogay E.A.

Moscow State University. M.V. Lomonosov

The article shows the possibilities of evaluating strategies to stimulate the sale of shopping and entertainment centers and the factors limiting them, as well as the specifics of the implementation of these strategies. In contrast to many other works on economic sociology, economics, marketing and other disciplines of the humanitarian profile, shopping and entertainment centers are currently considered sales promotion as an element of the complex of promoting goods and services of shopping and entertainment centers. In terms of the implementation of important social functions. The key indicator of the effectiveness of certain sales promotion measures for shopping and entertainment centers is the increase in traffic to the center, in contrast to individual brands, where the goal of stimulation, like the main indicator reflecting its effectiveness, is to increase sales.

Key words: shopping and entertainment centers, social functions, sales promotion strategies, efficiency, comparative analysis.

References

1. Ilyin V.I. Consumer behavior. М., 2000.320 p.
2. Vinnikova IS Shopping center in modern Russia as a social phenomenon, the experience of classification // Russian society in the mirror of sociology. Saratov: Scientific book, 2006.S. 233-240.
3. Levin K. Field theory in social sciences. SPb., 2000.368 p.
4. Ritzer G. Expressing America: A Critique of the Global Credit Card Society. 1995.256 p.
5. Daniel J. Boorstin. Consumption Communities. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974.170 p.
6. Oldenburg R. Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of "parties" as the foundation of the community. М., 2014.456 p.
7. Hutchison R. Encyclopedia of Urban Studies. Shopping Center. 2020. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/urbanstudies>.
8. Corrigan P. The Sociology of Consumption: An Introduction. 1997. URL: <http://sk.sagepub.com/books/the-sociology-of-consumption>.
9. Kotler F. Fundamentals of Marketing. М., Williams, 2012.752 p.
10. Kotler F., Keller K.L. Marketing management. SPb., 2012.S. 461.

11. Deian A., Troadek A., Troadek L. Sales promotion. SPb., 2003. 128 p.
12. Mattson-Teig B. Encouraging Aspiring Developers to Think Both Big and Small // Urban Land Magazine, 2018. URL: <https://urbanland.uli.org/development-business/encouraging-aspiring-developers-think-big-small/>.
13. Abrams A. Attracting Younger Consumers with Connective Experiences across Property Types // Urban Land Magazine, 2018. URL: <https://urbanland.uli.org/economy-markets-trends/attracting-younger-consumers-connective-experiences-across-property-types/>.
14. Trankov D.O. Marketing communications as part of the marketing strategy of the enterprise: dis. ... doc. social Sciences: 22.00.03.M., 2005. 231 p.
15. Dyer S. Markets in the Meadows: Department Stores and Shopping Centers // University of Oxford, 2016. P. 710 p.
16. Sheresheva M. Yu., Valitova L. A., Berezka S. M. Consumer behavior of Russians of the age category 50+: a pilot study // Bulletin of St. Petersburg State University. 2017. S. 245.

Развитие розничной торговли (опыт Китайской Народной Республики и Республики Саха (Якутия))

Подойницына Ирина Ивановна,
доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, irena_ivan@mail.ru

Москвитина Надежда Григорьевна,
аспирант кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 677005@bk.ru

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что малые и средние бизнесы являются основой экономического развития страны, именно с развития торговли и в КНР, и в России начинается становление рыночных отношений. В данной статье осуществляется компаративный анализ организации бизнеса в супермаркете «Rt-mart» (г. Харбин, провинция Хэйлунцзян) и супермаркета «Айгуль» (г. Якутск, Республика Саха (Якутия)). Использовались методики: анализ специальной литературы, вторичных статистических данных, PEST-анализ, анкетирование. Анализ специальной литературы выявил, что в Китае в большей степени, нежели в России, развита господдержка малого и среднего бизнеса. В то же время как для китайской, так для российской моделей менеджмента характерны коллективные моральные ценности, длинная социальная дистанция между начальником и подчиненными. В Республике Саха (Якутия) в постперестроечный период пионерами развития рыночной торговли выступили челноки. И сегодня этот вид самозанятости имеет реальную силу в республике. Анализ вторичных статистических данных продемонстрировал позитивную динамику развития розничной торговли в двух странах. **Ключевые слова:** Китайская Народная Республика, Республика Саха (Якутия), розничная торговля, малый и средний бизнес, PEST-анализ, социологическое исследование, потребительское поведение горожан

Современные российские и китайские исследователи высказывают в принципе схожие взгляды на развитие бизнеса. Большое внимание уделяется усилению инновационных аспектов. Так, Ярных Э.А. отмечает: малые и средние предприятия в условиях ужесточения конкурентной борьбы вынуждены прибегать к внедрению инноваций и нововведений. Современные МСП имеют уникальные характеристики: создают возможности для реализации предпринимательской деятельности населения, сглаживают социальную напряженность в обществе, экономно расходуют ресурсы. Но есть и недостатки - повышенный риск, связанный с низкой рыночной устойчивостью, низкий уровень управленческой культуры [9].

Якутские и китайские социологи Подойницына И.И., Николаева И.В. и Шан Мин Сю в совместном исследовании выявили, что доля малого и среднего бизнеса в ВВП Китая в процентном отношении почти в три раза больше соответствующих показателей по России. Высок индекс деловой активности малых предприятий Китая. В Китае в большей степени, нежели в России, развита господдержка малого и среднего бизнеса. Авторы исследования также пишут о том, что основа китайского менеджмента – это система «гуанхи», опирающаяся на «три кита» - повиновение, терпение и упорство. Российский менеджмент в сфере бизнеса – симбиоз западного и восточного подходов. Для китайской и российской моделей менеджмента в сфере бизнеса характерны коллективные моральные ценности, длинная социальная дистанция между начальником и подчиненными [4].

Якутский социолог Подойницына И.И. детально рассмотрела развитие

торговли в Якутии. Торговля в Республике Саха (Якутия) стала развиваться динамичными темпами в постперестроечный период, пионерами ее становления выступили челноки. Челночество – особый вид международной торговли, сутью которого является импорт товаров широкого потребления для последующей продажи их оптом или в розницу. Челноки не регистрируют свою деятельность в качестве юридических лиц, а получают лицензию на право ведения розничной торговли. Челноки – это типичные самозанятые, которые внесли весомый вклад в становление торговой сферы РС(Я). Автор статьи проводит интервью с ветеранами челночного бизнеса, перекидывая мостик из 90-х гг. в 2016 г. Выясняется, что челноки продолжают торговать с Китаем. Произошла переориентация центров закупок товаров, усложнилась инфраструктура челночного бизнеса, изменилась налоговая политика, появились карго-перевозчики, фиксируется особая иерархия в числе самозанятых «путешествующих торговцев». Однако челноки продолжают оставаться реальной силой торговли [5].

Обратимся к краткому анализу китайской прессы, посвященному МСП. Прежде всего китайские исследователи отмечают большой удельный вес малого и среднего бизнеса в экономике Китая. Китайские МСП составляют почти 99% от общего числа предприятий бизнеса. По сути, такого нет ни в одной стране мира. Чжан Мулиан отмечает: «Согласно отчету американского журнала «Fortune», средняя продолжительность жизни МСП в Китае в 2018 году составляла всего 2,5 года, а продолжительность жизни компаний группы составляла всего 7-8 лет». В Соединенных Штатах Америки ежегодно разоряются около 100 000 компаний, а в Китае – около 1 миллиона. Чжан Мулиан выражает уверенность, что существует только один основной источник неудач предприятия, и это – дефицит руководителей предприятий, которые могут при-

вести свою фирму к постоянному продвижению вперед. Наличие (отсутствии) управленческой культуры в бизнесе китайские исследователи выдвигают на приоритетное место [7].

Известный экономист Ли Хунген отметил, что текущие эксплуатационные трудности многих малых и средних предприятий в основном связаны с ростом затрат и снижением прибыли корпораций, и лишь немногие из них могут поддерживать нормальное производство, а фонды корпоративной ликвидности не справляются с ежедневными операциями и циклами заказов. МСП в Китае часто превращаются в малые и средние ростовщические фирмы и хватаются за это как за соломинку. Ежемесячная процентная ставка по акциям частных займов в десятки раз превышает процентные ставки по банковским кредитам [1].

Чжоу Девэнь, вице-президент Китайской ассоциации малых и средних предприятий в своей недавней речи сказал: «Цифровая трансформация малых и средних предприятий являются источником устойчивого и здорового экономического развития Китая и становятся ключом к изменению международной конкурентоспособности Китая» [8]. С макроэкономической точки зрения, внезапное падение спроса и производства, происходящее в том числе и в период пандемий и эпидемий оказывает влияние на инвестиции, потребление и экспорт. Это неизбежно затрагивает бизнес в сфере общественного питания, туризма, кино, транспорта, образования и обучения. В таких условиях, пишет Чжоу Девэнь, предприятия должны превратить «кризис» в «возможность» и изменить бизнес-модель: например, успешно использовать беспилотную доставку, разработать онлайн-проекты, удаленный офис.

Остановимся на характеристиках сферы розничной торговли в Китае и России, сосредоточим внимание прежде всего на вторичном статистическом анализе. По данным Федеральной службы государственной статистики

Российской Федерации, оборот розничной торговли в 2019 году составил 33624.3 млрд рублей, или 101.9% (в сопоставимых ценах) к 2018 году. В структуре оборота розничной торговли удельный вес пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий составил 47,9% [2]. Продажи на розничном рынке России демонстрируют положительную динамику роста.

Согласно данным, опубликованным Бюро статистики Китайской Народной Республики, общий объем розничных продаж потребительских товаров за весь 2019 год составил 411664.9 млрд юаней, увеличившись на 8,1% по сравнению с предыдущим годом. Темпы роста также имеют тенденцию к ускорению [3].

В обеих странах вырос объем рынка электронной коммерции – в России электронная торговля составила в 2019 году 30,6 млрд долларов, заняв 8,5% от оборота всего российского ритейла. Всего за год в России сделано 425 млн заказов в интернет-магазинах. Это на 41% больше, чем год назад. Третий год подряд падает средний чек заказа, как утверждают аналитики рынка [2].

Китайская онлайн-торговля занимает первое место в мире по размеру. Объем рынка электронной коммерции в Китае составляет 738 млрд долларов. Увеличилось на 16,5% по сравнению с предыдущим годом. Электронная коммерция быстро захватывает сельский рынок Китая, сельскохозяйственная продукция открыла новые каналы продаж [3].

Известный китайский предприниматель Джек Ма в 2016 году предложил концепцию «новой розницы». Новая розничная продажа означает, что предприятие принимает бизнес-модель: онлайн + офлайн + доставка + данные. Тем не менее, нет единого стандарта для онлайн-операции. Это зависит от собственной стратегии компании и масштаба вложенных средств. Новые розничные предприятия имеют соответствующие бизнес-модели, что привело к

диверсификации новой розничной индустрии в Китае [6].

Изучив текущую ситуацию с розничной торговлей в двух странах – КНР и РС (Я) – была составлена Программа социологического исследования, основной целью которого было изучение развития малых и средних предприятий розничной торговли в двух странах. Предмет исследования: макротенденции торговли в двух странах – КНР и РС (Я). Объектом исследования являются предприятия розничной торговли в КНР и РС (Я). В качестве исследовательских центров выбраны Харбин (КНР) и Якутск (РС(Я)), китайская компания «RT-Mart» (г. Харбин, провинция Хэйлунцзян) и российская компания «Айгуль» (г. Якутск, Республика Саха (Якутия)) - в качестве субъектов исследования.

Было опрошено 640 респондентов, 340 респондентов в Харбине и 300 – в Якутске. Тема исследования - «Потребительские предпочтения горожан в сфере розничной торговли». Анкеты распространялись среди покупателей в супермаркетах RT-Mart и Айгуль, раздавались прямо в торговых залах, при этом в обеих странах особое внимание уделялось соблюдению границ квотной выборки, то есть учитывались возрастно-половые характеристики респондентов. Подразумевалось, что данные характеристики могут повлиять на потребительское поведение и китайцев, и якутян.

Обратимся к PEST-анализу, который помогает охарактеризовать внешнюю среду исследуемых предприятий. Политическая ситуация. Правительство Якутии активно поддерживает развитие МСП, создавая благоприятные условия для развития бизнеса. Например: правительство Якутска сократило комиссию по закупкам МСП до 1,5% в течение трех месяцев и предоставило портативные POS-терминалы для организации внешней торговли. Республика Саха (Якутия) участвует в реализации Национального проекта «Малое и среднее

предпринимательства и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Сегодня политическая обстановка в Китае стабильна, это создает базу, платформу для быстрого развития розничной торговли. Издаются различные налоговые законы, которые снижают налоговое бремя для торговых МСП. Государство в Китае ввело ряд преференциальных политик для развития розничной торговли, решительно привлекая иностранные инвестиции. Китайское правительство опубликовало «Меры управления для справедливой торговли поставщиков розничной торговли», «Меры управления для стимулирующего поведения ритейлеров», «Правила управления коммерческой франшизой» и многие другие законы.

Сравним экономическую ситуацию, внешние факторы, воздействующие на два исследуемых предприятия. Рынок розничной торговли в Республике Саха (Якутия) является высококонкурентным. Сильнейшими игроками на этом рынке, и соответственно противниками-конкурентами «Айгуль» являются такие компании как «Ганза», «Туймаада», Универсамы. Тормозящие факторы, которые могут помешать успешному функционированию розничной торговли, это - недостаточная покупательная способность населения из-за снижения реальных доходов, рост инфляции; дорогая транспортировка товаров в отдаленные населенные пункты республики.

Если рассуждать в глобальном плане, стоит отметить, что вступление Китая в ВТО, быстрое экономическое развитие страны и повышение уровня жизни населения в целом способствуют дальнейшему развитию розничной торговли в КНР. Если говорить о мезоуровне, то у RT-Mart есть много конкурентов, таких как Wal-Mart, Carrefour и другие крупные сети супермаркетов.

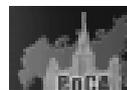
Социальные условия, в которых функционируют исследуемые предприятия. Якутск является городом с высокой долей молодежи в структуре насе-

ления и это говорит о динамичности, активности населения, которая проявляется в том числе и в плане потребительского поведения. Структура потребления населения в Якутске и концепция потребления изменились, что является благоприятным фактором для развития компании «Айгуль».

Так как Китай - густонаселенная страна с большим количеством активных людей, в том числе и в потребительском плане, это создает возможности бесперебойной работы для RT-Mart. Концепция потребления жителей Китая изменилась, сбережения уменьшились, но при этом покупательная способность жителей значительно улучшилась. Образ жизни различных групп населения Китая также постепенно меняется: увеличивается средний доход населения, расширяются экономические свободы. Философия бизнеса и культура обслуживания RT-Mart: «Свежий, дешевый, удобный».

Техническая среда. Компания Айгуль является непроизводственной отраслью, и влияние технологий невелико, но интернет-трейдинг является будущей тенденцией, поэтому компании необходимо развивать технологии, связанные с Интернетом. В компании RT-Mart онлайн-заказы становятся все более популярными. Супермаркет поддерживает самостоятельную оплату через предложение, такое как Alipay или WeChat.

Проанализируем результаты социологического исследования «Потребительские предпочтения горожан в сфере розничной торговли». В обеих странах были опрошены примерно равные пропорции мужчин и женщин, но в Якутске женщин опрошено на 12% больше, что в принципе соответствует ситуации. Подростки до 15 лет встречаются в подобных супермаркетах достаточно редко: в Якутске – 1,6%; в Харбине – 2,9%. Молодые люди от 16 до 25 лет и в Якутске, и в Харбине – это самые многочисленные и активные покупатели (39% и 29% соответственно). Но после 60 лет в обеих странах происходит

«резкий спад» покупателей: их количество уменьшается примерно в 10 раз.

Прокомментируем ответы на вопросы китайских и якутских любителей супермаркетов. Первый, простой вопрос анкеты: «В какое время вы обычно посещаете магазины?» В г. Якутке покупатели посещают магазины в таких двух интервалах времени: от 12:00 до 17:00 и от 17:00 до 21:00 часа (соответственно 36,7% и 49,7%). В Харбине люди приходят в торговые центры с 9.00 до 12.00 и с 12.00 до 18:00 часов, но пик покупок наступает после 18:00 часов (более 50% посетителей).

Наиболее информативным представляется вопрос: «Какую приблизительную сумму вы тратите в магазине каждую неделю?» В Якутске 45,7% людей тратят менее 5 000 рублей в неделю, 39,7% могут потратить в среднем от 5 000 до 15 000 рублей в неделю. Еженедельные расходы в магазинах

больше 20 000 могут позволить себе всего 3,6% покупателей.

В Харбине более половины жителей, 61, 76% тратят в магазинах не более 500 юаней (равно 4,813 рубля) в неделю. Приблизительные расходы в 500-1500 юаней (равно 4813-14440 рублей) и 1500-2000 юаней (равно 14440-19290 рублей) составили 20,59% и 18% соответственно. А люди, которые тратят более 2000 юаней в неделю (равно 19290 рублей) составляют 0%. Как видим, якутяне все-таки тратят больше денег в магазинах, нежели харбинцы.

Один из главных вопросов данного анкетирования: «Почему Вы выбрали этот магазин для покупок? Укажите факторы выбора магазина». Данный вопрос позволяет выявить конкурентные факторы, которые имеют важное значение для развития магазинов и в целом для становления розничной торговли.

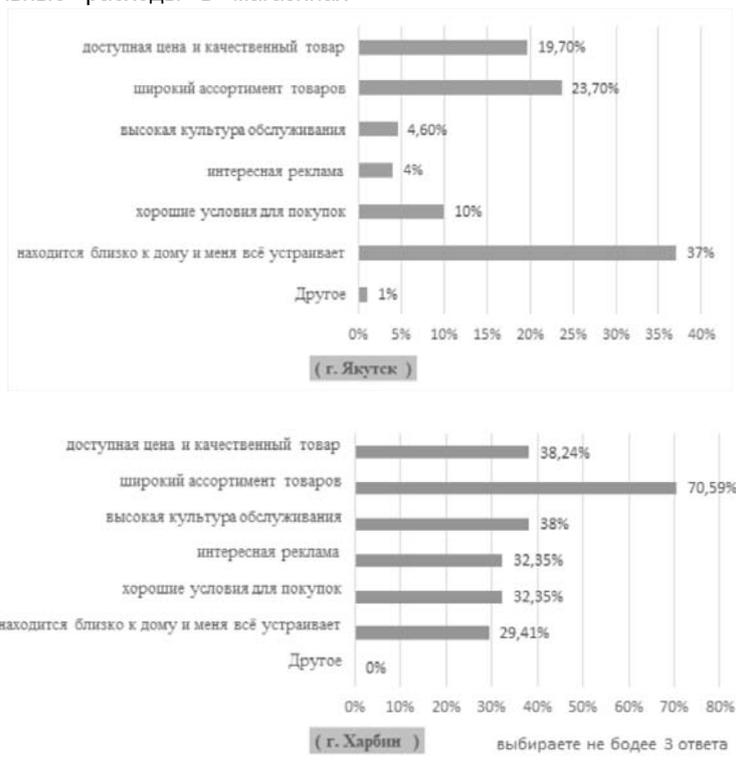

Рисунок 1 - Факторы выбора магазина.

В Якутске называют следующие факторы предпочтения магазина: расположен близко к дому (выгодное географическое положение), широкий ассортимент товаров, доступная цена и качественный товар (37%, 23,7% и 19,7% выборов соответственно). Потребители также уделяют внимание хорошим условиям для покупок (10%). А вот влияние рекламы на продажи и культура обслуживания якутянами явно недооцениваются. Доля интересной рекламы и доля высокой культуры обслуживания в Якутске составили всего 4% и 4,6% соответственно.

В Харбине ответ «широкий ассортимент товаров» вышел на первое место, его доля составила 71% от общего количества ответов. Потребители считают важным фактором такие аспекты, как доступная цена и качественный товар, выгодное географическое положение магазина, высокая культура обслуживания, интересная реклама и хорошие условия для покупок. Наиболее рельефно отличие в ответах якутян и харбинцев заметно в плане рекламы. Ключевым фактором называют рекламу 32% харбинцев, это почти в 10 раз больше соответствующих ответов якутян.

На вопрос «Какие товары вы в основном покупаете в магазинах?» респонденты отвечают идентично, независимо от того, находятся они в Якутске или в Харбине. Они чаще всего покупают продукты питания, овощи и фрукты. В Якутске третье и четвертое места занимают молочные продукты (45%), бытовые товары (36%) и замороженные продукты (36%). В Харбине – молочные продукты (35%), замороженные продукты (29,41%) и напитки (29,41%).

В опросе был задан классический вопрос разведывательных маркетинговых бечмаркинггов: «На что вы в первую очередь обращаете внимание при покупке товара?»

В Якутске, согласно процентным распределениям, покупатели при покупке обращают внимание на марку,

внешний вид (дизайн) товара, оказывает влияние привычка покупать определенные товары. В варианте «другие» респонденты упомянули внимание к цене, к составу, к тому, истек ли срок действия товара и др. Согласно исследованиям якутских социологов, потребительскую аудиторию, особенно молодежь серьезно волнует слабое присутствие в Якутске таких брендов как H&M, KFS, Zara, Pull and Bear, Adidass, Nike [5].

Рисунок 2 - Стимулы к покупке товара

В Харбине потребители сначала обращают внимание на цену и качество товара - 76,47% и 76% от общего объема, а потом - на бренд, дизайн и различные акции на товары (соответственно 47,06%, 32,25% и 47,26%). В качестве акций называются различные типы скидков и второй товар в подарок.

В Якутске на вопрос «Считаете ли вы, что роль потребительского опыта в шоппинге важна для инноваций?» 50% потребителей заявляют, что важна,

34,3% потребителей отвечают половинчато. 94% потребителей в Харбине высказываются с уверенностью, что покупательский опыт важен для инноваций в магазинах. Как видим, отношение к инновациям в Китае более ответственное.

Очевидно, что потребители в Якутске и в Харбине имеют общее понимание внутренних и внешних факторов, влияющих на инновации в магазинах. Внутренние факторы, влияющие на инновации магазина: доступная цена и качественный товар (г. Якутск 36,42% / г.Харбин 27,87%); работа службы персонала (г. Якутск 24,42% / г.Харбин 26,6%); оснащённость современным оборудованием (г. Якутск 20,27% / г.Харбин 16,47%). Из внешних факторов стратегию проведения розничной торговли могут сформировать: национальная торговая политика и правила (г. Якутск 22,85% / г.Харбин 25,92%); особенности потребительского спроса (г. Якутск 24,8% / г.Харбин 25,92%); количество потребителей (г. Якутск 20,5% / г.Харбин 17,29%); деятельность поставщиков (г. Якутск 17% / г.Харбин 13,58%). Как видим, мнение простых потребителей, опрошенных нами в магазинах, в целом совпадает с мнением экспертов, которые были проанализированы при проведении PEST-анализа.

Итак, как мы можем улучшить работу двух крупнейших супермаркетов, а также других предприятий розничной торговли, идентичных им? Важно создать корпоративный бренд и товарную марку, установить стратегию бренда на основе характеристик потребления. Необходимо улучшить информацию на корпоративном веб-сайте, опубликовать информацию о продуктах, скидках, найме персонала и др. Один из вариантов развития центров розничной торговли - это добавление дополнительных услуг в супермаркетах: бесплатная вода, зоны отдыха, услуги парковки, бесплатные купоны для покупателей, чтобы купить одежду в этом магазине, бесплатные цветочные композиции, бесплатные упаковочные товары и др.

Вспоминаются торговые центры на Арбате, или Китайской улице в центре Харбина – это не просто торговые – это культурные центры, в которых работают рестораны, играют джазовые группы, проходят дефиле моды. Эти торговые центры воспринимаются как центры семейного отдыха, но подобного пока еще нет в Якутске.

Развитие услуг доставки «от двери до двери» в Китае достигло зрелости. Однако развитие этого бизнеса в Якутии идет медленно. Выше мы писали, что многие пенсионеры не могут делать покупки в супермаркетах, есть и другие группы населения, которые не хотят выходить на улицу или не имеют времени делать покупки из-за работы или учебы – необходимо запустить сквозное обслуживание для этих групп. Особое значение приобретает разработка программного обеспечения для онлайн-заказов. Помимо экономически развитых городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, электронная коммерция развивается медленно, особенно в отдаленных городах России.

Углубить китайско-российское международное торговое сотрудничество и торговую модель B2B между китайскими и российскими предприятиями. Торговая модель B2B позволяет компаниям обмениваться информацией и данными, чтобы лучше содействовать развитию предприятий. B2B - это аббревиатура Business-to-Business, то есть бизнес-модель, в которой осуществляется обмен информацией и транзакции между предприятием и предприятием через частную сеть или Интернет. Он использует корпоративную интрасеть и корпоративные продукты и услуги через B2B Веб-сайт тесно интегрирован с клиентом и обеспечивает более качественное обслуживание клиентов за счет быстрого реагирования сети.

Необходима цифровая трансформация розничной торговли. В условиях развития новой розничной торговли и электронной коммерции активное преобразование розничных предприятий в цифровую является важной стратегией

развития. Суть цифровых продаж заключается в том, чтобы помочь потребителям завершить покупки, просматривая цифровые полки и информацию о товаре, установленную продавцом на платформе. Преимущества цифрового преобразования заключаются в оптимизации управления запасами, ускорении продаж, увеличении скорости товарооборота и экономии расходов на связь между персоналом.

Литература

1. Ли Хунген. Проблемы финансирования малого и среднего бизнеса / [Электронный ресурс] // - Режим доступа <https://cj.sina.com.cn/articles/view/5439404312/14436b91800100sdlr>
2. Оборот розничной торговли в России - Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] - Режим доступа : <https://www.gks.ru/folder/23457?print=1>
3. Общий объем розничных продаж потребительских товаров - Национальное бюро статистики. [Электронный ресурс] - Режим доступа : <https://zhuanlan.zhihu.com/p/109767002>
4. Подойницына И.И., Николаева И.В., Шан Мин Сю. Кросс-культурные особенности развития малого и среднего бизнеса в Китайской Народной Республике и в Республике Саха (Якутия) // Экономика и управление. – 2018. - № 10. – С.39-49
5. Подойницына И.И. Развитие торговли в столице Республике Саха (Якутия) // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». - № 2 (06) 2017. – С. 22-32.
6. Состояние рынка новой розницы и тенденции развития. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://free.chinabaogao.com/lingshou/201902/02264011F2019.html>
7. Чжан Мулиан. Некоторые взгляды на развитие предприятия [Текст]/Чжан Мулиан // China Journal Net. – 2018. — №2 – С. 56-63.
8. Чжоу Девен . Как изменить бизнес-модель для МСП под давлением

[Текст]/Чжоу Девен // XIN JIN BAO – 2020.- №2. – С. 10-19.

9. Ярных Э.А. Роль малого и среднего бизнеса в инновационном развитии общества.[Текст]/ Э.А. Ярных // - Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-i-srednego-biznesa-v-innovatsionnom-razviti-obschestva/viewer>

Development of small and medium-sized businesses in the retail sector (experience of China and Russia)

Podoyunitsina I.I., Moskvitina N.G.

Northeast Federal University. M.K. Ammosova

The relevance of the research topic is due to the fact that small and medium-sized businesses are the basis of the country's economic development, it is with the development of trade both in the PRC and in Russia that the formation of market relations begins. This article provides a comparative analysis of business organization in the Rt-mart supermarket (Harbin, Heilongjiang province) and the Aigul supermarket (Yakutsk, Sakha (Yakutia)). Methods were used: analysis of special literature, secondary statistical data, PEST analysis, questionnaire. Analysis of the specialized literature revealed that in China, to a greater extent than in Russia, state support for small and medium-sized businesses is developed. At the same time, both the Chinese and Russian models of management are characterized by collective moral values and a long social distance between the boss and subordinates. In the Republic of Sakha (Yakutia) in the post-perestroika period, shuttle traders were pioneers in the development of market trade. And today this type of self-employment has real force in the republic. Analysis of secondary statistics showed a positive trend in the development of retail trade in the two countries. The survey "Consumer preferences of urban residents in retail trade" (340 respondents in Harbin and 300 in Yakutsk) showed some differences between Chinese and Russians. The most striking difference in the answers is noticeable in terms of advertising. In both countries, a digital transformation of retail is needed.

Keywords: People's Republic of China, Republic of Sakha (Yakutia), retail trade, PEST analysis, sociological research, consumer behavior of citizens.

References

1. Lee Hungen. Problems of financing small and medium-sized businesses / [Electronic resource] // - Access mode <https://cj.sina.com.cn/articles/view/5439404312/14436b91800100sdlr>
2. Retail trade turnover in Russia - Federal State Statistics Service. [Electronic resource] - Access mode: <https://www.gks.ru/folder/23457?print=1>
3. Total retail sales of consumer goods - National Bureau of Statistics. [Electronic resource] - Access mode: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/109767002>

4. Podoinitsyna II, Nikolaeva IV, Shang Min Xiu. Cross-cultural features of the development of small and medium-sized businesses in the People's Republic of China and in the Republic of Sakha (Yakutia) // Economics and Management. - 2018. - No. 10. - P.39-49
5. Podoinitsyna I.I. Development of trade in the capital of the Republic of Sakha (Yakutia) / Bulletin of NEFU. Series "Economy. Sociology. Culturology". - № 2 (06) 2017. - S. 22-32.
6. State of the new retail market and development trends. [Electronic resource] - Access mode: <http://free.chinabaogao.com/lingshou/201902/02264011F2019.html>
7. Zhang Mulian. Some Views on Enterprise Development [Text] / Zhang Mulian // China Journal Net. - 2018. - No. 2 - P. 56-63.
8. Zhou Deven. How to change the business model for SMEs under pressure [Text] / Zhou Deven // XIN JIN BAO - 2020.- №2. - S. 10-19.
9. Yarnykh E.A. The role of small and medium-sized businesses in the innovative development of society. [Text] / E.A. Yarnykh // - Access mode <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-i-srednego-biznesa-v-innovatsionnom-razviti-obschestva/viewer>

Консультативные системы и муниципальное управление

Ушаков Евгений Владимирович.

кандидат философских наук, кафедра государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), e_uszakow@mail.ru

В статье рассматривается проблема использования потенциала управленческого консультирования для нужд муниципального управления. Сегодня за рубежом активно проводится изучение деятельности консультативных систем в сфере публичного управления. Исследования этой темы на муниципальном уровне пока отстают, однако имеющиеся результаты показывают, что недоиспользование консультативных систем в муниципальном управлении представляет собой фундаментальную проблему. Отмечается, что консультативные системы могут оказать помощь муниципальному управлению по многим вопросам. В том числе это относится к переносу образцов успешной практики в другие условия (трансферу политики). Высказывается предположение, что систематическое недоиспользование консультативных систем связано с ограниченными возможностями муниципального управления. Проблемы повышения эффективности муниципального управленческого консультирования представляют собой открытое поле исследований и разработок.

Ключевые слова: управленческое консультирование, муниципальное управление, консультативные системы, эффективность муниципального управления, исследования муниципального управления

Исследования управления муниципальными образованиями пока отстают от исследований государственного управления, а также от исследований управления на уровне организаций. В том числе это относится к проблеме использования управленческого консультирования.

В развитых странах консультативная помощь для нужд публичного управления, осуществляемая в разнообразных формах, является широко распространенным явлением. В частности, исследования в ряде стран (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Нидерланды и др.) показали, что лица, ответственные за выработку политики, действуют сегодня в окружении целой сети разнообразных консультантов [1, р. 217]. К ним относятся как внешние, так и внутренние участники. Внутренние консультанты обычно представлены специальными правительственными ведомствами, аналитическими агентствами при правительстве, специально создаваемыми временными комиссиями и т.п. К внешним консультантам относятся сотрудничающие с правительством научно-исследовательские центры, статистические бюро, независимые аналитические центры (особенно негосударственные «фабрики мысли» - think tanks), организации-посредники (брокерские организации), служащие связью между сферами науки и политики, и др.

Для описания этой широкой совокупности вспомогательных инстанций сегодня за рубежом стал применяться термин «консультативные системы политики» (policy advice systems).

Исследователями разрабатываются различные классификации участников, входящих в консультативные системы.

Например, М. Хауллетт предложил выделять четыре сообщества управленческих консультантов согласно двум основаниям: ближайшие и периферические акторы; государственный и неправительственный сектор [1, p. 12].

Консультативная помощь правительственным организациям представляет собой широкий спектр деятельности: прогнозирование, разработку программ для различных направлений политики, создание социальных и экономических проектов, подготовку аналитических отчетов и научных обзоров, предоставление экспертных рекомендаций и т.д.

Сегодня за рубежом проводятся специальные исследования того, как действуют консультативные системы правительств (в русле социологии, политологии, менеджмента и других наук). Эти исследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение, так как в том числе ставят цель улучшить работу правительственных учреждений на основе эмпирических знаний о том, как в реальности протекает процесс взаимодействия консультативных систем с правительствами. Особенно важное значение придается сегодня возможностям использования властями научно обоснованных рекомендаций (и уже существует немало примеров такого плодотворного сотрудничества).

Консультативные системы особенно активно используются на государственном уровне. Муниципальное управление тоже имеет собственную уже длительную историю сотрудничества с консультативными организациями. Так, аналитическая поддержка муниципального управления, как принято считать, берет свое начало из деятельности знаменитого Нью-Йоркского бюро муниципальных исследований – новаторской организации, открытой в 1906 г. на пожертвования частных спонсоров. Нью-Йоркское бюро ставило целью улучшение городского управления, информирование граждан, воспитание «эффективного гражданства». Сегодня дея-

тельность этой организации продолжает вызывать интерес и является предметом многочисленных исследований [2], [3].

Тем не менее, использование консультативной помощи для нужд управления в муниципальной сфере пока не вышло на должный уровень активности – даже в развитых странах.

Это было ярко показано в классическом исследовании Питера Шентона, посвященном проблеме консультирования городских чиновников академическими сообществами. Работа П. Шентона «Не рекомендовано: Город как клиент» (1981) до сих пор остается одной из лучших работ в мировой литературе по проблеме консультативной помощи на муниципальном уровне [4].

Это исследование интересно и с методологической точки зрения. Используя дизайн множественного кейс-стади, П. Шентон разбирает случаи, в которых университетские группы потерпели неудачу в своих попытках помочь идеями городским властям. Вначале П. Шентон рассматривает восемь ситуаций того, как представители университетских кругов не смогли внедрить свои идеи в городском управлении. Затем он приводит пять случаев аналогичной неудачи со стороны неуниверситетских групп. Из этого П. Шентон делает заключение, что эти провалы не обязательно внутренне связаны с деятельностью академических сообществ. Третья группа случаев показывает, как университетские группы смогли успешно помочь бизнесу, инженерным фирмам и другим секторам.

Заключительная подборка из трех кейсов демонстрирует, как одна немногочисленная совокупность университетских групп все же смогла помочь муниципальным властям – однако не в плане производства новых идей, а в тех случаях, когда власти были озабочены выполнением текущих программ. П. Шентон приходит к выводу, что «неотзывчивость» муниципальных властей не связана с особенностями действий академического сообщества, в то

время, как другие сектора обнаружили больше восприимчивости к научным рекомендациям.

Таким образом, следует отметить наличие фундаментальной проблемы недоиспользования важнейшего ресурса для повышения качества муниципального управления. Научно-экспертные сообщества могут оказать значительную помощь по множеству вопросов, включая проведение систематических исследований, разработку новых подходов и систем мероприятий, консультирование по проблемам реализации программ и проектов и др.

Кроме того, крайне недостаточно использован потенциал переноса успешных программ, структур и т.п. в другие условия – то, что в литературе называется термином «трансфер политики» (policy transfer) (это самостоятельная тема многочисленных публикаций).

Основоположниками этого направления исследований выступили Дэвид Доловиц и Дэвид Марш, начиная с известной статьи 1996 года [5]. Они же дали определение понятия «трансфер политики». Под этим они понимают процесс, с помощью которого знания о политиках, административных структурах, идеях, институтах из одной политической системы (прошлого или настоящего) используются для получения сходных результатов в другой системе. Более широко, под термином «трансфер политики» можно понимать разнообразное множество взаимосвязанных процессов: таких, как анализ опыта других управленческих систем, научение, заимствование, адаптация к местным условиям, создание новых политико-управленческих систем на основе определенной аналогии с уже работающими в других местах и др.

Трансфер политики изучается применительно ко многим сферам управления: в области правоохранительной деятельности, социальной политики, охраны окружающей среды, городского планирования и др. В отношении муниципального управления исследования трансфера политики пока отстают; при

этом все же имеется ряд характерных результатов, которые, к сожалению, не внушают оптимизма.

Так, в одном исследовании было показано, как муниципальные власти ряда городов Великобритании смогли перенять друг у друга продуктивные идеи по регенерации городов. Однако все это имело довольно случайный характер. Трансфер политики осуществлялся в основном за счет личных встреч муниципальных чиновников, знакомства с новыми идеями через прессу и т.п., а целенаправленные консультации с учеными играли в этом процессе чрезвычайно довольно малую роль [6].

Недоиспользование консультативной помощи в области трансфера вызывает сожаление, так как за два десятилетия исследований этой темы накоплен немалый эмпирический материал в отношении того, какие существуют формы и методы переноса, что относится к наиболее переносимым структурам (организационным, институциональным и т.п.) и, самое главное, – какие факторы в наибольшей степени способствуют или препятствуют успешному трансферу.

Имеется огромное множество полезных и уже реализованных идей, которые вполне могут быть восприняты муниципальными властями и перенесены в другие условия. Сегодня предпринимаются усилия по стимулированию трансфера лучших практик для решения многих задач местной власти – например, активно действует в этом направлении Программа ООН по населенным пунктам. Приведем лишь несколько примеров имеющегося позитивного опыта для нужд городского управления.

Мельбурн (Австралия) осуществил новый подход в городском планировании, основанный на экологических системах и адаптированный к изменению климата. Сегодня опыт Мельбурна пристально изучается во многих странах [7, p.9].

В Бельгии власти старинного портового города Гента смогли радикально изменить экологическую и экономиче-

скую ситуацию и превратить загрязненный порт в современный социоэкономический хаб [7, p.10].

Столица Гаити город Порт-о-Пренс смог осуществить радикальную перепланировку города после разрушительного землетрясения 2010 года – и это при том, что в городе фактически даже не было городского плана и отсутствовало более-менее системное управление городским строительством. Этот пример (учитывая, что Гаити – довольно бедная страна) показывает, что значительных результатов можно достичь и в условиях существенного дефицита ресурсов [7, p.22].

Многие крупные города страдают от транспортной проблемы; в этом плане привлекает внимание опыт Индии. В городе Ахмедабад (густонаселенный центр, один из пяти крупнейших городов Индии) была осуществлена полная и эффективная перепланировка транспортной сети (2006-12), которая позволила создать единую интегрированную транспортную систему с повышенным доступом и улучшенными экологическими параметрами [7, p.23].

Основная проблема для использования консультативной помощи, вероятно, состоит в отсутствии постоянной заинтересованности муниципальных властей в новых идеях, эффективных методах, а также в системной научной поддержке. Что порождает это отсутствие заинтересованности – перспективная тема для будущих исследований.

В частности, можно высказать предположение, что это хотя бы частично может быть связано с ограниченными возможностями муниципалитетов (хотя, конечно, они больше у крупных и успешных городов, но это лишь малая часть муниципальных образований). Для внедрения новых идей требуется мобилизация ресурсов (политических, финансово-экономических, организационных и др.). Добиться такой мобилизации на муниципальном уровне часто бывает очень сложно. В итоге муниципальные власти предпочитают статус-кво внедрению изменений – процессу, который,

как правило, всегда сопровождается рисками и неопределенностями различной природы.

Таким образом, впереди целое открытое поле исследований и разработок в области повышения эффективности управленческого консультирования на муниципальном уровне.

Для успешного использования муниципальными властями ценных знаний, новых идей и технологий, обоснованных подходов, имеющегося позитивного опыта нужны эффективно работающие и востребованные консультативные системы, а также восприимчивые к идеям и мотивированные к инновациям муниципальные власти. Решение этой проблемы требует совместных усилий – как консультативно-экспертных (особенно научно-исследовательских) сообществ, так и местных властей.

Литература

1 Handbook of Policy Formulation / M. Howlett, I. Mukherjee (eds.). Edward Elgar Publishing, 2017.

2 Dahlberg J. S. (1966). The New York Bureau of Municipal Research, pioneer in government administration. New York, NY: New York University Press, 1966

3 McDonald III B.D. The Bureau of Municipal Research and the Development of a Professional Public Service // Administration & Society, 2010, 42 (7), p. 815-835

4 Szanton P. Not Well Advised: The city as a client – an illuminating analysis of urban governments and their consultants. New York: Russell Sage Foundation and Ford Foundation, 1981.

5 Dolowitz D. P., Marsh D. Who Learns What from Whom? A Review of the Policy Transfer Literature // Political Studies, 1996, 44 (2), p. 343–57.

6 Wolman H., Page E. Policy Transfer among Local Governments: An Information-Theory Approach // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions, 2002, 15 (4), p. 477-501

7 International Guidelines on Urban and Territorial Planning. Towards a

Compendium of Inspired Practices. United Nations Human Settlements Programme, 2015.

Advice Systems and Municipal Governance
Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the problem of using the potential of management consulting for the needs of municipal government. Today, the study of the activities of advisory systems in the field of public administration is being actively carried out abroad. Research on this topic at the municipal level is still lagging behind, but the available results show that the underutilization of advisory systems in municipal government is a fundamental problem. It is noted that advisory systems can assist the municipal government on many issues. This also applies to the transfer of good practices to other settings (policy transfer). It is suggested that the systematic underutilization of advisory systems is due to limited capacity of municipal governance. Problems of increasing the efficiency of municipal management consulting represent an open field of research and development.

Keywords: management consulting, municipal governance, advice systems, efficiency of municipal governance, studies of municipal governance.

References

- 1 Handbook of Policy Formulation / M. Howlett, I. Mukherjee (eds.). Edward Elgar Publishing, 2017.
- 2 Dahlberg J. S. (1966). The New York Bureau of Municipal Research, pioneer in government administration. New York, NY: New York University Press, 1966
- 3 McDonald III B.D. The Bureau of Municipal Research and the Development of a Professional Public Service // *Administration & Society*, 2010, 42 (7), p. 815-835
- 4 Szanton P. Not Well Advised: The city as a client – an illuminating analysis of urban governments and their consultants. New York: Russell Sage Foundation and Ford Foundation, 1981.
- 5 Dolowitz D. P., Marsh D. Who Learns What from Whom? A Review of the Policy Transfer Literature // *Political Studies*, 1996, 44 (2), p. 343–57.
- 6 Wolman H., Page E. Policy Transfer among Local Governments: An Information-Theory Approach // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 2002, 15 (4), p. 477-501
- 7 International Guidelines on Urban and Territorial Planning. Towards a Compendium of Inspired Practices. United Nations Human Settlements Programme, 2015.

Совершенствование социально-управленческих механизмов преобразований на современном этапе развития

Чжан Лэй

аспирант, социологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1019769524@qq.com

В статье исследуются этапы проведения социально-экономических реформ в Китае. Особое внимание уделено социально-экономической политике Китая на современном этапе и ее приоритетным направлениям: повышению внутреннего спроса, достижению среднезажиточного уровня жизни каждого гражданина и построению «гармоничного общества», улучшению экологии. Ключевой причиной такого состояния являются недостатки механизмов государственного управления системой предоставления социальных услуг, находящихся на стадиях разработка, апробация или внедрение. Исходя из этого исследования механизмов государственного управления системой оказания социальных услуг актуальным, отвечающим требованиям времени и связанным с важными практическими задачами, отнесенными к приоритетам современного развития китайского общества. Предложены направления совершенствования социально-управленческих механизмов преобразований на современном этапе развития.

Ключевые слова: государственное управление, властно-управленческие отношения, социальный сектор экономики, сяокан, уровень бедности, социальная реформа, экономика Китая.

Введение в проблему. Государство всегда было, наверное, и будет в перспективе особой социальной площадкой, на которой люди пытались и пытаются сформировать прочные основы социального порядка для больших гражданских территорий. Однако в ряде случаев подобные попытки сохраняют лишь видимость стабильных контуров жизнеустройства, а некоторые ученые вообще сомневаются в способности государства изображать из себя какое-либо социальное целое. Но, как бы там ни было, управление государством было и остается важнейшим инструментом достижения желаемого состояния, и даже более того – средством приведения внешней среды в соответствие с намерениями человека. И хотя некоторые ученые, например, С. Кнорринг трактует этот процесс в более экономичном формате, кажется, что и в данном случае данное понятие отражает желание людей в сознательном преобразовании внешнего мира, как в соответствии с интересами общества (или его групп), так и в связи с особенностями его (их) внутреннего состояния [13].

Учитывая интегрированный характер государства как общественного института, который действует во всех сферах общественной жизни, можно утверждать, что такой же диверсифицированный характер имеет и система управления. Эта форма целенаправленного воздействия предполагает как политические, так и административные, экономические, правовые, культурно-этические и некоторые другие свои составляющие. Такой комплексный характер воз-

действия государства на общество позволяет ему регулировать сложные связи и отношения людей.

Учитывая сложно интегрированный характер деятельности государства и принимая его как особого общественного актера (поскольку управленческие интенции имеют и целый ряд других социальных агентов), управленческую активность этого института целесообразно трактовать как специфическую форму воздействия на объект, которая существует рядом с другими способами преобразующей активности. Следует указать, что, кроме управления, государство имеет возможность оказывать воздействие на внешние объекты, применять власть, осуществлять регулирование и контроль, а также проводить антикризисные действия. В этой связи управление предстает как высшая форма целенаправленной деятельности государства, которая имеет собственные атрибуты, что свидетельствует о способности актера конструировать внешние объекты.

Управление является весьма нормативным явлением. Стремление управлять – и управлять эффективно – нередко становится недостижимой целью для многих государственных образований. И причиной тому является не только дефицит соответствующих (в том числе и кадровых) ресурсов, но и уровень компетенций, имеющих соответствующие институты. Надо иметь в виду, что стремление государства «управлять» любыми общественными отношениями нередко приводит не только к успеху, а вообще к использованию этого инструмента. Именно поэтому, если не выдавать за управление любые акции государственных институтов и структур, то надо видеть, что этот формат деятельности является не всегда выполнимой. Впрочем, у государства есть достаточно поводов изображать из себя субъекта управления, хотя бы из соображений повышения легитимного характера правящего режима.

Проблематичность эффективного использования инструментов управления касается не только состояния

управленческих институтов, ресурсных ограничений, коррупционных препятствий или тактических соображений государственных чиновников. Речь, прежде всего, идет о базовых параметрах государства, которые в принципе определяют его регулятивные функции и таким образом дают возможность использования им тех или иных методов целеполагания, средств и механизмов достижения цели.

Одной из важнейших объектов управления государства является социальная сфера. Рассмотрим основные проблемы и достижения в данной сфере на примере Китая в условиях современности, а также попытаемся определить направления совершенствования социально-управленческих механизмов преобразований.

Материалы исследования. В последнее время вопросом экономического развития КНР уделяется много внимания учеными постсоветского пространства [18; 19]. В своих трудах исследователи изучают различные аспекты и составляющие китайского «экономического чуда» [11], однако, часто практическая составляющая процесса модернизации, а также методы ее реализации раскрываются не достаточно [22]. Поэтому целью данной статьи является комплексное исследование генезиса социально-экономических реформ в Китае их успешной реализации, чтобы определить вектор развития социально-управленческих механизмов преобразований.

Особое значение в этой связи приобретает вопрос качества, эффективности и демократичности властно-управленческих отношений как одного из самых мощных механизмов в системе государственного управления, которые можно рассматривать как совокупность социальных интересов субъектов властно-управленческой деятельности по распределению полномочий, организации и права контроля действий органов управления.

В рамках такого подхода, в свою очередь, встает вопрос о поиске механизмов, которые бы позволили как можно

лучше регулировать властно-управленческое взаимодействие людей и институтов и при этом свести к минимуму вмешательство в другие формы человеческой активности. На наш взгляд, именно демократия может рассматриваться как механизм для управления властными аспектами той деятельности, в которую вовлечены люди и которые придерживаются собственных индивидуальных или общих представлений о благе. В этом смысле демократия является подчиненным или обусловленным благом, а креативный вызов заключается в том, чтобы найти способы демократично институционализировать и структурировать социально-управленческие отношения, одновременно ограничивая вмешательство в те виды блага высшего порядка, к которым стремятся люди.

Политическим режимом в Китае был и остается социализм, поэтому само понятие «демократия» имеет больше абстрактное значение, чем буквальное, но что касается социальной сферы, управление должно стремиться к «демократическому» окрасу и своему развитию. Для решения этой задачи нужно как минимум усилить вовлечение в процесс принятия решений тех, кого касаются эти результаты, а также открыть простор для значимой – пусть даже «лояльной» оппозиции со стороны тех, кто страдает от решений, которые принимаются. Совершенных принципов принятия решений не существует, и некоторая доля навязывания присутствует во всех коллективных решениях. Именно поэтому у тех, кто проигрывает, могут быть основания полагать, что права оппозиции имеют для демократических властно-управленческих отношений собственную ценность, которые не зависят от ценности широкоохватывающего участия [24].

На сегодняшний день Китай является одним из стремительно развивающихся государств на мировой арене XXI века [2]. В случае рассмотрения Китая в качестве «мировой державы», можно утверждать, что эта страна стоит на

успешном пути «мирового возвышения». Можно отметить, что сейчас происходит европеизация Китая: копирование успешной модели Запада и вера в научный прогресс и модернизацию страны выступает основой для «китайской мечты» (лозунг, выдвинутый китайским лидером Си Цзиньпином направлен на достижение нового великого возрождения китайской нации); восприятие Западных успехов также происходили через «беспорядок и выбор» капитализма и социализма, свободного рынка и правительственного регулирования, торгового господства и идеологической ориентации, и внедрения модернизации с китайскими особенностями.

На основе анализа текущей политической ситуации во всем мире, можно сказать, что все с интересом наблюдают за Китаем и его развитием. Политический курс «Китайская мечта» является идеей китайского правительства, которое делает всё чтобы «выйти из тени» и занять первое место среди мировых держав, таких как Россия и Соединенные Штаты. Также стоит отметить, что приоритетным ориентиром развития Китая сегодня стал социальный сектор – сформировать сильное общество («сяокан»), разорвать барьеры между социальными классами, а также упразднить элитарное общество.

По мнению древнекитайских мыслителей, «сяокан» - это модель идеального общества. «Сяокан», в переводе на русский язык буквально «общество малого достатка». Как и следовало ожидать, это стало темой горячего обсуждения на проходящих сегодня любых экономических форумах в Китае. Всестороннее построение общества «сяокан», как отмечается в докладе Цзян Цзэминя на открытии XVI съезда КПК 8 ноября, - задача Китая на первое двадцатилетие нынешнего века [3].

Понятие «сяокан» впервые было упомянуто в известном сборнике песен «Шицзин» или «Книге песен». Отбор и редакция данного сборника, который содержит 305 песен и стихотворений, со-

зданных в 11 - 6 вв. до н. э., - приписывается Конфуцию. Древнекитайские мыслители использовали понятие «сяокан», для того, чтобы определить представление об «уютном, упорядоченном обществе», основанном на дружных семьях, - отмечают эксперты. По их мнению, «сяокан» - модель идеального общества, уступающего лишь обществу разряда «да тун», в котором уже не будет классового расслоения и все будет равно и свободно.

После того, как в конце 70-х годов минувшего столетия Китай начал проводить политику реформ и открытости внешнему миру, генеральный архитектор реформ Дэн Сяопин использовал понятие «сяокан», уже давно вошедшее в лексикон рядовых китайцев, - для характеристики китайской модели модернизации. «Сяокан» стал целью, достижение которой Китай должен был обеспечить к концу XX века [6].

Научно-методический базис по социологизации китайского общества сформировали такие ученые, как Тарасов А. [20], Кива А.В. [12], Осипов Г.В. [17], Великая Н.М., Гуселетов В.П. [5], Гурова Т., Рогожников М. [8], Ден Сяопин [10], Цзян Цзэминь [23], Ху Цзиньтао [21] и ряд других.

Придя к власти, Ху Цзиньпин предложил Китаю новаторскую программу планирования, рассчитанную не только на пятилетие, как прежде, но и на целые десятилетия. Были обозначены вехи: к 2021 году – столетию основания Компартии – в Китае должно быть создано общество средней зажиточности («сяокан», как называл его Конфуций), к 2049-му – столетию КНР – страна должна вступить в эпоху процветания, став мировой супердержавой.

В середине XX века. Китай столкнулся с огромными изменениями, которые заключались в распаде существующего общественного устройства и потере традиционных ценностей. Ситуация осложнялась политической и социально-экономической отсталостью, наличием огромного количества населения, дефицитом природных ресурсов.

Однако за очень короткий промежуток времени (35 лет) Китай вышел на лидирующие позиции по многим экономическим показателям: его экономика развивается необычайными темпами (примерно на 10% растет ВВП ежегодно, в то время как темпы роста ВВП других развитых стран не достигают 4-5%), растут объемы внешней торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страну (примерно на 5% и 8% соответственно) [7]. Особенно актуальной является данная тема, учитывая возможность использования опыта развития КНР в условиях сложного социально-экономического положения отдельных провинций.

Официальной идеологией в КНР во время проведения модернизации государственного масштаба была объявлена теория строительства социализма с китайской спецификой. Политика реформ, согласно Конституции КНР, получила название «социалистическая модернизация».

В свое время Мао Цзэдун считал, что народ – это чистый лист бумаги, в который можно вписывать любые иероглифы [4]. Начать новый этап развития через коренную смену политического и социального устройства государства пытались в Китае, начиная с 1949 г. Как известно, тогда за пример политического и социально-экономического развития Китая была взята советская модель, основанная на принципах марксистско-ленинского учения. Тем не менее, этот курс начал менять уже последователь Мао Цзэдуна-Дэн Сяопин, считавший, что необходимо накапливать и обобщать опыт поколений. Именно на основе этого опыта можно было выработать обновленную стратегию модернизации страны, которая бы синтезировала в себе и традиционные конфуцианские идеалы, и марксистские теоретические представления относительно построения социализма. То есть руководство КНР рационально соединило обе концепции.

Первый пятилетний план (1953-1957 гг.) разрабатывался при непосредственном участии советских специалистов и

выполнялся с помощью поставки советского промышленного оборудования. Впоследствии, кроме традиционных пятилеток, начали разрабатываться долгосрочные планы.

Так, в 1964 г. была предложена программа, согласно которому весь период до 2000 г. (35 лет) следовало пройти за «два шага». В первые 15 лет (1966-1989 гг. – первый шаг) предлагалось создать развитую систему промышленности. В последующие 20 лет (1981-2000 гг. – второй шаг) ставилась задача всесторонне модернизировать сельское хозяйство, оборону, науку, а также достичь по уровню развития народного хозяйства показатели наиболее развитых страны мира. В историю эти предложения Чжоу Эньляя вошли как «программа четырех модернизаций» [4].

В 1982 г. Дэн Сяопин выступил с идеей «трехшаговой экономической стратегии», рассчитанной на 70 лет - до середины XXI века. Конечная цель этой экономической стратегии заключалась в том, чтобы вывести китайскую экономику к середине XXI века по производству ВВП на душу населения на уровень средне развитых стран мира, а по общему объему производства ВВП стать лидером мировой экономики. За первые два шага (1980-90-е гг.) ставилась задача увеличения ВВП в 4 раза, в области социального благосостояния – добиться обеспечения всего населения «теплом и пищей» (1-й шаг), а в 1990-е гг. (2-й шаг) поднять его до уровня «малого благосостояния» (количественным показателем которого, по закону Энгеля, считается снижение в семейных бюджетах расходов на питание до 50% и ниже).

Третий этап модернизации (2000-2010 гг.) проводился в рамках государственной концепции «социальной гармонии». В течение этого периода руководство КНР планировало целостно связать экономический рост, китайские традиционные ценности, современные цели развития КНР и внешнюю политику страны, а также решить социаль-

ные проблемы, обусловленные быстрым экономическим ростом, в частности, возникновение социального неравенства между богатыми и бедными [16].

Уровень неравенства в Поднебесной признан одним из самых высоких. По разным оценкам, индекс Джини в Китае достигает 52–53 пунктов. По данным Азиатского банка развития, это самый высокий показатель неравенства в Азии. Ещё в 1980-м году индекс Джини в Китае был около 30. С тех пор, вслед за стремительным ростом китайской экономики, сильно росло и неравенство. Китай обогнал по этому показателю США только в 2003 году. Для сравнения, индекс Джини в России в 2018 году был 42. За этот же период (с 1980 по 2018 гг.) уровень бедности в Китае упал с 90% до менее 5%. Хотя если сравнивать в процентном отношении, то в РФ более 14% людей находится за чертой бедности, а в КНР — всего 8% (таблица 1).

Таблица 1
Распределение бедного населения по регионам Китая до 2019 года [1]

Регион	Уровень бедности, %	Количество нищих уездов
Восток	4,1	7
Северо-восток	5,7	3
Центр	9,2	23
Юго-запад	17,2	42
Северо-запад	14,5	26

Сосредоточение бедности в Китае можно разделить на две категории: природно-климатическая и социально-экономическая. Проблемы первой — состоят в особенностях рельефа и климата. Значительная часть бедных проживает в горных массивах с трудной доступностью. Северо-восток отличается экстремально низкими температурами. Северо-запад страдает от засухи, а центр и юго-запад страны — от повышенной влажности.

Под бедностью подразумевается обладание доходом менее \$1,90 в день, включая детей и нетрудоспособных людей. Государство ставит задачу сократить количество бедных к концу 2019

года на 10 млн, после чего останется 27 млн. остро нуждающихся.

2016 год стал знаковым в истории реформ КНР. Именно тогда были выдвинуты цели построения «социалистической рыночной экономической системы с китайской спецификой» и курса на всестороннюю открытость. Основными направлениями этого этапа модернизации стали [14]:

1) одновременное развитие различных форм собственности с сохранением ведущей роли общественного сектора;

2) продолжение трансформации хозяйственного механизма госпредприятий (оптимизация управления, решение проблемы долгов, упрощение процесса внешнего инвестирования);

3) формирование системы открытых рынков, что сочетала городской рынок с сельским, внутренний – с мировым;

4) создание системы справедливого распределения доходов для достижения общей зажиточности;

5) стимулирование экономического развития и сохранение социальной стабильности.

Кроме того, была дана установка на поддержание стабильно высоких темпов роста. Тогда же была проведена бюджетная, банковская и социальная реформы.

Обеспечение надлежащих условий жизни граждан и социальных стандартов отнесено к основным направлениям деятельности государства. Социальная сфера, которую образуют отрасли, оказывающие различные услуги для населения, особенно «чувствительной» сферой в общественной жизни, которая нуждается со стороны государства постоянного внимания и управленческого влияния. Практика убеждает, что ошибочность и пренебрежение в выполнении государством социальных функций непременно приводят к повышению социальной напряженности, которая имеет широкомасштабный и долговременный негативный резонанс. Предоставление качественных социальных услуг является важным показателем,

который оценивает способность государства выполнять социальную функцию. Это вопрос приобретает все большую важность в реалиях современности, которые характеризуется частыми и затяжными финансово-экономическими кризисами, вследствие чего были подавляющего большинства населения становятся невысокими, платежеспособность снижается, а спрос на социальные услуги возрастает.

Современному общественному развитию Китая также присущи сложные социально-экономические и политические проблемы, которые углубляют социальную несправедливость, безработицу, неизбежное снижение уровня жизни и обнищание население [9]. Это заставляет государственную власть в Китае вести поиск эффективных и действенных механизмов государственного управления по обеспечению социальных гарантий и стандартов жизни населения.

В этом контексте усилия государства должны быть направлены на обеспечение эффективной социальной защиты населения, предоставление качественных социальных услуг.

По своей сути социальные услуги являются априори государственными. Поэтому государство берет на себя обязательства по обеспечению лицам, находящимся в сложных жизненных обстоятельствах и нуждаются в посторонней помощи (граждане пожилого возраста, инвалиды, сироты и др.) предоставление социальных услуг определенных стандартов качества и несет за это ответственность. Поэтому, государство, используя свои властные полномочия, должно осуществлять государственно-управленческое влияние на систему социальных услуг путем применения определенных механизмов (государственных программ, проектов, социальных акций и т.п.).

В контексте изложенного выше, актуализируется практическая значимость исследования управления социальными услугами, в частности поиска, разработки путей внедрения эффективных

механизмов государственного управления системой предоставления таких услуг, оптимального формата взаимоотношений между субъектами этой системы.

Выводы. Определим стратегические направления совершенствования властно-управленческих отношений, которые должны быть последовательно и неуклонно реализованы, чтобы добиться качественного улучшения управленческой системы.

Во-первых, это сбалансированное разграничение функций органов государственного управления для предотвращения конфликта интересов, когда на одно и то же ведомство возлагаются функции разработки государственной политики, ее реализации и, одновременно, контроля ее внедрения. Необходима последовательная реализация модели, которая определяет разграничение функций формирования государственной политики, принятие нормативно-правовых актов по ее внедрению, контролю за реализацией и управлением государственным имуществом. Следовательно, организационные новации с разграничением функций министерств, государственных агентств, служб и инспекций и невозможности их дублирования должны быть неуклонно реализованы на практике.

Во-вторых, необходима системная реализация задачи разграничения административных и политических функций в управлении. До сих пор этот принцип не удавалось реализовать в полном объеме. Для его реализации необходимо восстановить институт государственных секретарей, предоставив им административные полномочия. Вместе с уменьшением количества заместителей министров необходимо внедрение института «политического» заместителя [15]. В то же время необходимо последовательное возвышение статуса министра как политического чиновника, на него возложены обязанности формирования государственной политики в определенной сфере.

В-третьих, объективным признаком успеха совершенствования властно-

управленческих отношений станет обеспечение деполитизации государственной службы и ее профессионализации. Это можно достичь через неуклонное внедрение конкурсного отбора, как на должности государственных секретарей, так и на другие руководящие административные должности. Логичным шагом в реализации указанных направлений должна стать разработка объективных критериев оценки эффективности работы органов власти. В частности, это должны быть критерии, с помощью которых оцениваются экономическое положение, социальные вопросы, жилищно-коммунальное хозяйство, эффективность организации власти.

В-четвертых, совершенствование властно-управленческих отношений возможно без законодательного закрепления понятия конфликта интересов в управленческой деятельности и определение путей его предотвращения. Ведь неурегулированность проблем, связанных с конфликтом личных интересов и служебных обязанностей, является существенным препятствием в борьбе с коррупцией и повышением эффективности управления. Для достижения указанной цели необходимо внедрить декларирование как доходов, так и расходов государственных служащих, установить ограничения по использованию служебного положения в личных интересах, определить пути урегулирования конфликта интересов и тому подобное.

Современное состояние государственного управления доказывает драматическое расхождение между повседневной управленческой практикой и принятыми программами экономического и социального развития Китая. Как свидетельствует опыт, многочисленные программы, концепции и планы развития различных сфер жизнедеятельности государства и общества мало коррелируются с повседневной деятельностью органов управления. Итак, без кардинальных изменений в программно-це-

левых началах государственной политики невозможно достичь каких-то положительных сдвигов в повышении качества управления.

Литература

1. World Bank (2018). World Databank. URL: <http://databank.worldbank.org/data> (дата обращения 01.10.2019).
2. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения: монография. – М.: Восточная книга, 2010. – 240 с.
3. Барский К.М. Что такое сяокан? // Восток. 1992. № 5. С. 44–51.
4. Ван Гэпин Социально-экономическое развитие Китая [Электронный ресурс]: Автореф. дис. канд. социол. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoekonomicheskoe-razvitie-kitaya> (дата обращения: 02.10.2019).
5. Великая Н.М., Гуселетов В.П. От социальной утопии к социальному государству // Социологические исследования, 2012, №6.
6. Волохова А. Изменения во внешнеполитических концепциях КНР (взгляды китайских политологов) // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 74–82.
7. Воронова Т.А. Анализ проблем и перспектив сотрудничества России и Китая в наукоемкой и инновационной сфере / Воронова Т.А., Гончаренко Л.П., Сыбачин С.А., Шарко Е.Р. // Инновации и инвестиции. 2018. №10. С. 3–8.
8. Гурова Т. Наша революция / Гурова Т., Рогожников М. // Эксперт. 2012. №29.
9. Дегтярев А.А. Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин // Полит. исслед. 2012. № 2. С. 113–125.
10. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., Политиздат, 1988.
11. Жуджунь Дин. Феномен экономического развития Китая / Дин Жуджунь, М.М. Ковалев, В.В. Новик. М.: издательский центр БГУ, 2008. 446 с.
12. Кива А.В. Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Социологические исследования. 2012. №6.
13. Кнорринг С.В. Теория, практика и искусство управления. М.: Изд-во "Весь мир", 2007. 447 с.
14. Лапердина В.В. Модернизация экономики КНР и эволюция экономического роста // Институт экономики РАН. М., 2019. URL: <http://www.econorus.org> (дата обращения: 03.10.2019).
15. Медведев А. Социальная жизнь поднебесной // Asia Business. 14.07.2012. URL: <http://asia.business.ru/blog/socialnaya-zhizn-podnebesnoi> (дата обращения: 03.10.2019).
16. Моргунов Е.В. Теория и практика модернизации индустриальной системы страны / Е.В. Моргунов, И.В. Жаворонков // Проблемы развития рыночной экономики: (сб. науч. тр.). Ран. ин-т проблем рынка, 2011. URL: <http://www.cemi.rssi.ru/mei/articles/morgun11-03.pdf>.
17. Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом // Социологические исследования, 2012, №7.
18. Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: КНР в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2006. 248 с.
19. Селищев А.С. Китайская экономика в XXI веке / А.С. Селищев, Н.А. Селищев. СПб.: Питер, 2004. 240 с.
20. Тарасов А. Россия: «второе издание капитализма» // Свободная мысль, 2009, №1.
21. Ху Цзиньтао. Список моральных принципов гражданина КНР «Восемь добродетелей и восемь пороков» // ИА «Синьхуа». 2006.
22. Цзопин Хэ. Социально-экономические основы социалистической модернизации в КНР: Автореф. дисс. на соис. уч. степени канд. социол. наук: 22.00.03. М., 2011. 24 с.
23. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой, Памятники исторической мысли, 2004.

24. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полит. исслед. 2001. №3. С. 6–15.

Improvement of social and administrative mechanisms of transformations at the present development stage

Zhang Lei

Lomonosov Moscow State University

The article examines the stages of social and economic reforms in China. Special attention is paid to the social and economic policy of China at the present stage and its priority areas: increasing domestic demand, achieving the average standard of living of every citizen and building a "harmonious society", improving the environment. The key reason for this state of affairs is the lack of mechanisms for public administration of social services, which are at the stages of development, testing or implementation. Based on this study of the mechanisms of public administration of the system of social services relevant, meeting the requirements of the time and associated with important practical tasks related to the priorities of the modern development of Chinese society. Directions of improvement of social and administrative mechanisms of transformations at the present development stage are offered.

Keywords: public administration, power-management relations, social sector of economy, xiaokan, poverty level, social reform, Chinese economy.

References

- World Bank (2018). World Databank. URL: <http://databank.worldbank.org/data> (accessed: 01.10.2019).
- Abramov V. A. Globalizing China: facets of socio-cultural dimension: monograph. Moscow: Vostochnaya kniga, 2010, 240 p.
- Barsky K. M. What is xiaokang? Vostok, 1992, No. 5, Pp. 44-51.
- Van Gopin. Socio-economic development of China [Electronic source]: abstract of the Cand. social Sciences. URL: http://www.dissercat.com/content/sotsialno_ekonomicheskoe-razvitiye-kitaya (accessed: 02.10.2019).
- Velikaya N. M., Guseletov V. P. From social utopia to social state. Sociological research, 2012, No. 6.
- Volokhova A. Changes in foreign policy concepts of the PRC (views of Chinese political scientists). Problems of the Far East. 2016. No. 3. Pp. 74-82.
- Voronova T. A., Goncharenko L. P., Sybain S. A., Sharko E. R. Analysis of problems and prospects of cooperation between Russia and China in the science-intensive and innovative sphere. Innovations and investments. 2018. No. 10. Pp. 3-8.
- Gurova T., Rogozhnikov M. Our revolution. Expert. 2012. No. 29.
- Degtyarev A. A. Theory of political decision-making in the structure of social and managerial disciplines. Polit. research. 2012. No. 2. Pp. 113-125.
- Deng Xiaoping. Main issues of modern China, Moscow, Politizdat, 1988.
- Zhujun Ding, Kovalev M. M., Novik V. V. Phenomenon of economic development of China. M.: Publishing center of BSU, 2008, 446 p.
- Kiva A.V. Russia and China: similar past, but different present. Sociological research. 2012. No. 6.
- Knorring S. V. Theory, practice and art of management, Moscow: Vse Mir publishing House, 2007, 447 p.
- Laperdina V. V. Modernization of the PRC economy and evolution of economic growth. Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2019. URL: <http://www.econorus.org> (accessed: 03.10.2019).
- Medvedev A. Social life of the middle Kingdom. Asia Business. 14.07.2012. URL: <http://asiabusiness.ru/blog/socialnaya-zhizn-podnebesnoi> (accessed: 03.10.2019).
- Morgunov E. V., Zhavoronkov I.V. Theory and practice of modernization of the industrial system of the country. Problems of market economy development: (SB. nauch. Tr.). RAS. in-t market problems, 2011. URL: <http://www.cemi.rssi.ru/mei/articles/morgun11-03.pdf>.
- Osipov G. V. Problems of inclusion of sociology in the system of scientific management of Russian society // Sociological research, 2012, No. 7.
- Portyakov V. Ya. From Jiang Zemin to Hu Jintao: China at the beginning of the XXI century. Moscow: IDV RAS, 2006. 248 p.
- Selishchev A. S., Selishchev N. A. Chinese economy in the XXI century. Saint Petersburg: Piter, 2004, 240 p.
- Tarasov A. Russia: "second edition of capitalism". Free thought, 2009, No. 1.
- Hu Jintao. List of moral principles of a citizen of the PRC "Eight virtues and eight vices". IA"Xinhua". 2006.
- Zoping He. Socio-economic foundations of socialist modernization in China: autoref. Diss. for the degree of candidate of science. social Sciences: 22.00.03. M., 2011. 24 p.
- Jiang Zemin. On socialism with Chinese specifics, Monuments of historical thought, 2004.
- Shapiro I. Rethinking the theory of democracy in the light of modern politics. Polit. research. 2001. No. 3. P. 6-15.

Урбанизация как социальное явление глобализационных трансформаций экономики

Чжан Цзе

аспирантка социологического факультета кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. galya66888@mail.ru

В статье рассмотрены основные проблемы урбанизации как социальное явление. Анализ автор проводит на примере Китая, как яркого примера динамического развития урбанизационных процессов в современном обществе.

Интенсивный приток населения в города, концентрация в эти разные виды деятельности, рост больших городов и агломерации, урбанизация сельских территорий приводят к обострению социальных противоречий, которые, в свою очередь, приводят к этническим, культурным, экономическим и политическим конфликтам. Эти и многие другие особенности глобальной урбанизации, которые можно отнести к Китаю, вызывают необходимость поиска новых подходов к решению многочисленных проблем экономической рациональности, возникающие с быстрым ростом и развитием городов, к пониманию сущности современного этапа урбанизации в конкретном регионе страны.

Целью статьи является показать влияние глобализационных трансформаций экономики на процессы урбанизации в Китае.

Ключевые слова: урбанизация, глобализационные трансформации экономики, Китай, городское население, развитие отдельных регионов, индустриальное агломерирование, глобализация.

Проблемы урбанизации как социального явления

Урбанизационные процессы в мире за последние десятилетия сформировались в один из главных факторов социально-экономического развития, как отдельных регионов, так и национальных экономик. На данный момент Европа выступает как наиболее урбанизованная часть мира и этот показатель ежегодно растет. Китай не является исключением и также относится к высокоурбанизованным территориям. До начала постиндустриальной революции, которая привнесла принципиально новые подходы к управлению социально-экономическими факторами жизни населения планеты в виде революционных прорывов в цифровизации всех процессов, демографическая ситуация и экономическая активность менялись в Китае по-разному, в зависимости от провинций. Сейчас эта тенденция носит еще более неравномерный характер. Экономически активные провинции сформировали мощные кластеры эффективной экономики страны, которая по праву занимает лидирующие позиции развитых стран наравне с США, Японией, Великобританией, Германией, Тайванем, Италией, Францией, Россией, что не могло не стать отправной точкой для усиления процессов урбанизации в этих регионах Китая¹. Это создает разноплановые проблемы, которые трудно решить.

1. В такой ситуации под угрозой оказывается экономический рост страны –

¹ Harvey D. The Urbanization of Capital: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization. – Oxford : Basil Blackwell, 1985. – P. 118.

густонаселенные провинции с хорошим экономическим потенциалом развиваются быстрее и становятся эффективными центрами экономики страны в противовес малоразвитых регионов, которые сильно искажают картину общего состояния экономики страны.

2. Качество окружающей среды – с развитием промышленных районов Китая состояние окружающей среды ухудшается, перенаселение отдельных регионов также приводит к ухудшению экологических аспектов состояния среды. По общему количеству сточных вод, сбрасываемых в Китай, общий объем сточных вод, сбрасываемых в Китай, в 2000 году составил 41,52 млрд тонн по сравнению с 37,3 млрд тонн в 1995 году. Темпы роста за последние пять лет превысили 10%. В 1995 году общий объем выбросов диоксида серы в Китае составил 1,041 млн. Тонн, а к 2000 году он достиг 19,501 млн. Тонн с темпом роста почти 15%. По сравнению с производством твердых промышленных отходов, промышленным выбросом пыли и промышленным дымом в Китае в 1995 и 2000 годах темпы роста достигли 26,6%, 70,9% и 13,8%. В 2005 году национальные инвестиции в борьбу с загрязнением окружающей среды превысили 200 млрд. Юаней, а к 2007 году они превысили 300 млрд. Юаней. Почти каждый год на национальные инвестиции в борьбу с загрязнением окружающей среды приходилось около 1,3% ВВП текущего года, и эта доля все еще увеличивается. Тем не менее, на экономический рост Китая по-прежнему влияет загрязнение окружающей среды. По оценкам Всемирного банка, ежегодные потери Китая из-за загрязнения окружающей среды достигают 8% ВВП.

3. Благополучие и безопасность населения – чем выше развитие отдельного региона страны, тем чаще наблюдается тенденция деления населения на классы (очень богатые и бедные), что приводит к повышению угроз безопасности населения и крими-

нализации социума. Согласно информации, представленной в книге «Ориентировочные цены на рынке труда в Пекине в 2007 году и стоимости труда на предприятиях», опубликованной Пекинским муниципальным бюро труда и социального обеспечения, минимальный стандарт месячной заработной платы, введенный в Пекине в июле 2006 года, составил 640 юаней. В 2006 году средняя годовая заработная плата в Пекине составляла 36 097 юаней, но 60,7% работников не достигли этого среднего уровня. Более высокая средняя заработная плата была повышена классом с высоким уровнем дохода и небольшим количеством людей. В то же время большое число социально бедных групп считают, что они не в полной мере пользовались результатами реформ и развития, что общество является «несправедливым», «неоправданным» и «неразумным», и неудовлетворенность противоречием между богатыми и бедными превращается в недовольство к обществу, удерживает социальные отношения в чувствительном и напряженном состоянии. Скорее всего небольшой инцидент перерастет в групповое событие, в котором участвует большинство людей, вызывая разрушительной силы и угрожая общественной безопасности и нормальному социальному порядку.

Данные проблемы обуславливают необходимость поиска новых подходов к определению факторов, связанных с влиянием урбанизации на экономический рост страны, к осмыслению сущности современного процесса урбанизации, а также к изучению социальных трансформаций ценностей людей в процессе урбанизации. Так, например, перекося баланса урбанистического и сельского населения в сторону первого приводит к тому, что развитие сельского хозяйства прекращает свое развитие, тем самым замедляются процессы воспроизводства важных продуктов питания (нарушается устойчивость продуктовой безопасности страны). Еще отток молодежи из сел и деревень приводит к тому, что села и деревни превращаются в пустоши – значительная

часть территорий просто становится непригодной для жизни, так как земли не возделываются и угодья становятся заброшенными. С оттоком людей из сел и деревень происходит разрушение инфраструктуры и снижается возможность предоставлять социальные услуги малонаселенным территориям (закрываются больницы, школы, детские сады, прочие учреждения социального обеспечения и культуры).

Теоретические подходы к исследованию урбанизации как социального явления

Научно-методический базис по урбанизационным процессам сформировали такие зарубежные ученые, как П. Кругман, Дж. Гаррис и М. Тодаро, Дж. Джибс. Данные ученые не только описали явление урбанизации, но и выделили различные аспекты данного процесса.

Во-первых, существуют теории, которые описывают формирование городов с точки зрения влияния рыночных условий, определяющих концентрацию населения и бизнеса в пространстве (например, подходы новой экономической географии П. Кругмана¹, явление активных миграций населения из сельской местности в города, обоснованное теоретическими положениями модели Дж. Гарриса и М. Тодаро²).

Во-вторых, есть концепции, которые рассматривают этапы развития городов во времени, исследуя изменения в направлениях миграции населения, подробно не анализируя факторы, инициирующие эти процессы (теории стадийной и дифференциальной урбанизации Дж. Джибса³).

В-третьих, процессы урбанизации могут формироваться под влиянием неэкономических факторов, как, например, в теории плановой экономики.

В основе всех этих концепций заложены идеи классических теорий размещения.

Особенности процессов урбанизации отражено в работах российских ученых: Г. Онищука, И. Посацкого, А. Буряченко, Д. Кузьменко и других. По мнению А. Е. Буряченко «... урбанизация – это весьма сложный процесс, и его нельзя трактовать лишь как рост городов и увеличение численности городского населения. ... данное явление надо понимать как новый этап развития общества, который характеризуется концентрацией экономического, демографического и политического потенциала, который дает возможность концентрировать и контролировать значительные объемы финансовых ресурсов, создавать новые технологии, новые виды услуг, осуществлять инновационную деятельность»⁴.

Урбанизация как глобальный процесс является предметом многочисленных научных дискуссий, что характеризуется разноплановостью и иногда полярностью теоретических подходов к объяснению ее сущности. Вместе с тем в научной полемике, в частности российской, недостаточное внимание уделяется анализу взаимосвязей между урбанизацией и глобализационными изменениями в мировой экономике, что, без сомнения, является важным с точки зрения обеспечения стабильного социально-экономического развития страны, регионов и городов. Несмотря на значительные теоретические наработки, остаются недостаточно исследованными вопросы процесса урбанизации с социально-экономической точки зрения, последствия проявления урбанизации в национальной экономике именно Китая.

Урбанизация как глобальный социальный процесс

Беспрецедентный рост мегаполисов

¹ Krugman P. Space: The Final Frontier. The Journal of Economic Perspectives. – URL: <http://pubs.aea-web.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.12.2.161>.

² Harris J.R., Todaro M.P. Migration, unemployment and development: a two-sector analysis / American Economic Review. – 1970. – № 60. – P. 126.

³ Gibbs J. The Evolution of Population Concentration. Economic Geography. – 1963. – № 2. – P. 119.

⁴ Буряченко А.Е. Урбанизация в контексте финансового, демографического и социального развития // Ученые записки; редкол.: А.Ф. Павленко и др. – К.: КНЭУ, 2013. – Вып. 15. – С. 87.

начался в мире со второй половины XX века и урбанизация как исторический процесс повышения роли городов в развитии общества наполнено новыми социально-экономическими значениями и смыслами. Особенности современной урбанизации заключаются в следующем¹:

1) в ее динамичности;

2) в активном влиянии на формирование социального пространства, появление новых форм организации городской жизни, которые становятся центрами не только государственного, а иногда и международного, глобального значения. Примером служат инновационные парки, новые объекты культурного наследия современного искусства, мегамоллы, которые являются центром досуга и развития населения и т.п.

Эти тенденции позволяют нам говорить об урбанизации как глобальном процессе, характер которого определяется не только ростом городского населения, но и концентрацией основных экономических, финансовых и политических факторов, которые характерны крупнейшим городам мира.

Смагин Ю.А. считает, что: «урбанизацию следует понимать не в узком понимании как увеличение городов и городского населения, а как многогранный социально-экономический процесс, который имеет значительное влияние на общественные отношения»². Как отмечают Александров Е.Л. и Крючкова В.Н.: «Сегодня эпоха старого, индустриального агломерирования отходит в прошлое, сменяясь новым, постиндустриальными агломерированиями, когда слияние поселений происходит не вследствие экстенсивного развития

промышленности благодаря строительству промышленных предприятий и расширению промышленных зон, а в связи с развитием новых функций – жилой, туристической, образовательной, цифровой и тому подобное»³.

Другие исследователи (Гринчель Б.М. и Антонова А.А.) отмечают: «Субурбанизационный отток состоятельного населения в пригородную зону, строительство коттеджных городков и реорганизация прилегающих к городу сел способствуют возникновению агломеративных форм даже у гораздо меньших городов в традиционных сельских регионах, хотя полноценными городскими агломерациями в классическом смысле этого понятия не являются»⁴.

Автор считает, что данные определения недостаточно емко определяют сущность глобализационных трансформаций экономики, так как:

в определении Смагина Ю.А. идет уклон на то, что это социально-экономический процесс и отношения, возникающие вместе с ним, а данное явление – это совокупность разных процессов, исследованию влияния которых между ними даст ответы, почему так происходит и каковы будут их последствия;

в определении Александрова Е. Л. и Крючкова В. Н. делается акцент на агломерацию (развитие промышленности в больших городах), но сегодня мы наблюдаем процессы урбанизации не только из-за роста промышленных предприятий, но и других сфер деятельности – важный аспект – это стремительное развитие определенной отрасли на определенной территории;

автор частично соглашается с позицией Гринчеля Б.М. и Антонова А.А. – урбанизация – это не просто «оттоки

¹ Блум Д.И. Урбанистическая революция / Д.И. Блум, Х.Тарун // Финансы & развитие. – 2007. – № 3. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/09/pdf>.

² Смагин Ю.А. Территориальная организация населения: учеб. пособие; под общ. ред. В.Г. Глушковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К^о», 2005. – 244 с.

³ Александров Е. Л., Крючкова В. Н. Масштаб и социально-экономические последствия трудовой миграции: национальный и региональный аспекты

// Проблемы современной экономики. – материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 80-83.

⁴ Гринчель Б.М., Антонова А.А. Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, №5(23), 2012. – С. 79-90.

населения» - это взаимные исходящие и входящие потоки миграции населения, причины которых необходимо изучать и управлять ими.

Приведем авторское определение: «Урбанизация – это трансформационные социально-экономические процессы конкретной страны (или в пределах мирового масштаба), которые приводят к тому, что в процессе развития экономики образуются крупные промышленно-мобилизационные центры, что приводит к смещению равномерного развития всех регионов страны (стран), которое проявляется в оттоках и притоках населения страны из слаборазвитых регионов в крупные промышленно-мобилизационные центры, изменяя привычные социально-экономические связи и формируя новые социальные проблемы и способы их решения».

В индустриальных регионах Китая зачатки нового постиндустриального агломерирования сочетаются с традиционным промышленным агломерированием. Изложенное выше свидетельствует, что агломерирование является объективным процессом, которого не избежать. Но это не означает, что его не нужно изучать. Ведь только результаты научных исследований позволят улучшить управление течением агломерационных процессов и последующей их трансформацией, которая должна завершиться более совершенными пространственными урбанизационными формами образований¹.

Важными инновационными факторами возникновения более совершенных пространственных урбанизационных форм стали следующие явления:

а) социогетеротопии (образование новых социальных объектов, возникновение новейших процессов в непривычных для них местах). С одной стороны, можно фиксировать размеры и размах социальных контактов на уровнях межличностного общения, внутри и между различными профессиональными и социальными группами, внося поправки

на случайное общение; с другой стороны, можно привязывать эти уровни к конкретным территориальным единицам – дом, двор, улица, поселение, город, местность, район и т.д. Мы получаем, таким образом, первоначальную коммуникативную матрицу, в рамках которой можно, выделяя отдельные социально-территориальные ячейки, проводить целенаправленные исследования территориальной идентичности. Так, например, многие переселенцы не переезжают в другой город в одиночестве – как правило, едет целая семья, или группа товарищей, или рабочая бригада, поэтому такие социальные новые группы в процессе урбанизации рассматриваются как целая ячейка, которая имеет свою структуру, особенности и способы коммуникации. Изучая такие новые ячейки города, можно лучше понимать урбанизационные процессы – каких таких новых ячеек больше, как они адаптируются к новому городу, какой вклад привносят в развитие города и т.п.

Еще одним примером может стать появление служб по поддержке мигрантов (внутренних) в крупных городах. В городах, где урбанизация развивается очень быстро политика государства формирует дополнительные контрольные центры: такие внутренние миграционные службы ведут учет вновь прибывших, предоставление социальных услуг (социальное размещение, переоформление документов, центры переквалификации рабочих специальностей, ярмарки вакансий, необходимых в конкретном городе). Такое явление тоже характеризует проявление социогетеротопии: нестандартная служба, не характерна для каждого города, формирует новые формы взаимодействия вновь прибывших жителей.

б) экономикогетеротопии (образования новых экономических объектов и процессов в непривычных для них местах), которые зарождались в регионе вследствие социально-экономических

¹ UN report: World's biggest cities merging into «mega-«mega-regions» // Guardian News. – URL:

<http://www.guardian.co.uk/world/2010/mar/22/un-cities-mega-regions/>.

последствий маргинализационных, конкурентных и инновационных территориально-структурных процессов;

- увеличение культурно-досуговых заведений в популярных городах (прирост количества кинотеатров, театров, парков, мест отдыха и организационных мероприятий городского типа – городских праздников и фестивалей). Увеличение количества населения в городе приводит к недостаточности культурно-досуговых заведений – раньше они вмещали в себя определенное количество посетителей, но в процессе развития урбанизации – это стало невозможным. Также новый спрос рождает предложение, и некоторые «новые» люди в города способны быть инвесторами или предпринимателями по созданию новых мест отдыха и культуры. Данный факт – прирост культурно-досуговых заведений – может как раз указать места усиления урбанизационных процессов. Удачным примером демонстрации увеличения городских праздников и фестивалей служит появление в г. Москва фестиваля «Абрикос» (фестиваль кавказской кухни, традиций, культуры и искусства) – в определенный период урбанизации Правительство Москвы выявило, что новые социальные ячейки образуют кавказские семьи и кланы и в рамках «принятия» и поддержки развития многонациональной культуры был основан данный фестиваль;

- увеличение мощностей здравоохранительных заведений (дополнительные больничные корпуса и филиалы больниц, дополнительные пункты оказания медицинской помощи и т.п.). Увеличение количества населения приводит к повышенной потребности в создании дополнительных мощностей здравоохранительных заведений: во-первых, каждое учреждение рассчитано на определенную норму больных, а в результате урбанизационных процессов показатель возможности обслуживать большее количество больных не

соответствует нормативу; во-вторых, при равномерной урбанизации в городах «рождаются» целые новые районы, а каждый район города также должен соответствовать нормативным показателям уровня жизни (по количеству больниц, школ, детских садов, парков, магазинов, спортивных площадок и т.п.);

в) гиперплазационная (гиперплазия – увеличение числа структурных элементов) локализация новейших форм концентрации производственной деятельности как следствия активизации управляемости логистическими потоками в регионе и повышение их конкурентоспособности¹. Часто процессы урбанизации формируются и усиливаются в местах, где создаются промышленные агломерации – кластеры образуют «территориальное единство», которое заселяют специалисты и рабочие, готовые воспроизводить продукты определенного кластерного образования. Результатом гиперплазии становятся развитие «новых» городов, строительство дорог и прочих логистических коммуникаций для обслуживания потребностей кластера – здесь причины и следствия взаимосвязанны.

Негативные факторы (последствия) урбанизации

В Китае уже давно нагнетается ситуация с перепроизводством и перенаселением, а посевные площади не увеличиваются. Плодородных земель все меньше, климат для стабильной урожайности не благоприятный. По темпам урбанизационных процессов (как внешних, так и внутренних) Китай занимает лидирующие позиции. Интенсивная переурбанизация, таким образом, резко меняет естественную среду, сокращает сельскохозяйственные территории. Такой взрыв урбанизации, понимаемой в широком смысле, то есть не только в простом замещении урбанизованными территориями сельскохозяйственных и природных сред ставит се-

¹Пивоваров Ю.Л. Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века. – 2е изд. – Москва : Моск. центр: Полиграфсервис и Т, 2017. – 256 с.

резные вопросы относительно экологических границ, которые может выдержать регенерационная способность природы. Известно, что экологические пределы, по оценкам специалистов, которые позволяют природе воспроизводить результаты человеческой деятельности в рамках существующего образа жизни составляют 2,2 условных га.

Для оценки степени такого показателя существует категория «экологический след», согласно которому уже сейчас человечество использует ресурсы в 1,5 раза больше, чем нужно для их восстановления. Понятно, что этот показатель изменяется вследствие роста биопродуктивности в сельском хозяйстве благодаря новым технологиям, но конечный результат зависит от темпов изъятия сельхозземель и чрезмерного вылова морепродуктов.

Следует также обратить внимание на неравномерность территориального размещения ступеней использования биоресурсов на отдельных урбанизированных территориях.

Ярким примером негативных последствий урбанизации может стать появление пневмонии COVID-19 в Китае, а затем и во всем мире. Китай первым вошел в кризис, связанный с коронавирусом, и первым из него выходит. По количеству зараженных и скорости распространения коронавирус превзошел многие эпидемии, с которыми сталкивались человечество за всю историю. Вспышкой пандемии как раз стал город Ухань – город с высоким уровнем урбанизации, город, в котором количество «внутренних» мигрантов превышает в несколько раз городское население¹.

Статистика распространения коронавируса в Китае на 24 мая 2020²: заражено – 82974 чел., вылечено – 78261 чел., погибло – 4634 чел.

За все время эпидемии в Ухане было выявлено 50 339 случаев заражения, 3 869 человек скончались. Постоянное проживающее население Уханя составляет около 11 миллионов человек³.

В данном примере мощностей здравоохранительных заведений не хватило для быстрой ликвидации вспыхнувшей эпидемии, что продемонстрировало неготовность городского управления к созданию условий для быстрого развития урбанизации – ошибка стала роковой для многих миллионов людей⁴.

Какие выводы сделали в Китае? Во-первых, в процессе борьбы с коронавирусом были изучены все ресурсы городов к готовности ликвидировать возможные риски, в том числе и риски распространения пандемии. Во-вторых, жесткий запрет на перемещение в момент эпидемии сдержал и оптимизировал потоки внутренних мигрантов – произошло естественное перенаправление урбанизационных потоков (в сельской местности распространение вируса COVID-19 значительно ниже, чем в городах) в деревни и села, а также отдаленные от агломераций небольшие города. В-третьих, после устранения последствий эпидемии Правительство КНР предпримет ряд мер по упреждению переурбанизации крупных мегаполисов Китая, чтобы в будущем избежать последствия повышенных рисков от чрезвычайных ситуаций, связанных с перенаселением территорий.

Возможен ли социальный баланс урбанизации в Китае?

Для того, чтобы проиллюстрировать

¹ Valeria V. Burmakina, Dmitry V. Pomazkin, Ivan D. Prokhorov. Methods for constructing an assessment of the development of the coronavirus pandemic. *Population and Economics* 4(2): 96-102. doi: 10.3897/popecon.4.e53686.

² Коронавирус // Коронавирус-монитор — интерактивная карта распространения и статистика Covid-19. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/china/> (дата обращения: 24.05.2020).

³ Все 11-миллионное население Уханя решили проверить на коронавирус из-за новых случаев заражения // NEWSru.com – самые быстрые новости 2000-

2020. URL: https://www.newsru.com/world/12may2020/wuhan_check.html (дата публикации 12.05.2020).

⁴ Китайский метод борьбы с вирусом. 22 факта как поступил Китай в карантин // Яндекс. Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/redpion/kitaiskii-metod-borby-s-virusom-22-fakta-kak-postupil-kitai-v-karantin-5e8170d2d421bb7d8627ba99> (дата публикации 30.03.2020).

и доказать, что процессы урбанизации в Китае набирают обороты и количество городского населения неумолимо растет, составим таблицу и диаграмму соотношения городского и сельского населения Китая за временной период с 2006 по 2016 гг. (табл. 1, рис. 1).

Сельское население в Китае в 2016 году составило 595 млн. человек, что на 12,7 млн. меньше, чем в 2015 году (608 млн. человек). Темп падения по сравнению с 2015 годом оказался равным 2,09%.

За период с 2006 по 2016 годы сельское население в Китае уменьшилось на 140 млн. человек. Среднее значение составило 672 млн. Среднегодовой темп роста сельского населения в Китае за этот период составил -1,9%.

Год	Сельское население	% от общего количества	Городское население	% от общего количества
2006	735 901 746	56	575 118 254	44
2007	722 214 159	54	595 670 841	46
2008	708 173 810	53	616 481 190	47
2009	693 852 712	52	637 407 288	48
2010	679 206 337	50	658 498 663	50
2011	664 363 135	49	679 766 865	51
2012	649 832 871	48	700 862 129	52
2013	635 688 202	46	721 691 798	54
2014	621 970 693	45	742 299 307	55
2015	608 629 709	44	762 590 291	56
2016	595 886 586	43	782 778 414	57

Таблица 1
Количество городского и сельского населения Китая за временной период с 2006 по 2016 гг.¹

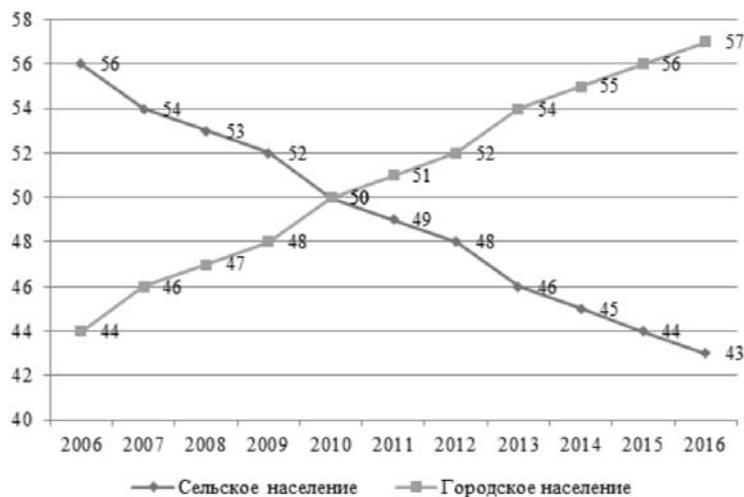

Рисунок 1. Диаграмма роста количества городского населения в Китае за 2006-2016 гг.²

Минимальное падение сельского населения в Китае за период с 2006 по 2016 гг. наблюдалось в 2016 году: -12,7

млн., максимальное падение наблюдалось в 2011: -14,8 млн. Максимальное значение сельского населения в Китае было достигнуто в 2005 году: 749 млн.,

¹ Составлено автором по данным World Development Indicators // DataBank. – URL:

http://data.trendeconomy.ru/data-viewer/wb/wbd/wdi?kf=WDI&time_period.

² Там же

минимальное наблюдалось в 2016 году: 595 млн.

Таким образом, можно предположить, что если линия тренда не видоизменится, то к 2049 году население Китая будет оставлять преимущественно городское население. Это приведет к упадку строя общества и вымиранию таких важных отраслей экономически и социально, как сельское хозяйство. Но такая тенденция в чистом виде невозможна, так как с ростом доходов населения более богатые люди стремятся покинуть большие города ближе к природе и чистому воздуху, а также обеспечить себя экологически чистыми продуктами и сырьем.

Выводы. Данная тенденция не может иметь характер бесконечного снижения, иначе мы столкнемся с феноменом того, что сельское население исчезнет как категория – определить точку экстремума в данной тенденции будет являться научной задачей последующих исследований. Сегодня сельское хозяйство действительно в упадке – смещен баланс в сторону агломерации, но многие страны решают вопрос экологизации продуктов питания при помощи инновационных форм ведения сельского хозяйства в условиях городов. Поэтому одной из задач исследования должно стать определения этого оптимального уровня тенденции урбанизации, при котором будет соблюдаться оптимальный баланс городского и сельского населения страны.

Изучая положительные и негативные аспекты развития урбанизации можно формировать различные сценарии данного процесса для каждого города конкретно, потому что факторы могут иметь двузначное влияние на развитие города: одни инструменты улучшают качество урбанизационного города, другие – ухудшают. Поиск баланса таких факторов должно стать в основе управления городами.

Переосмысливая современное состояние управления урбанистикой, архитектурой, транспортом и планирование жизнедеятельностью городов

можно определить принципиальные направления трансформации городов в «урбанизированные экосистемы».

Литература

1. World Development Indicators // DataBank. – URL: http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/wb/wbd/wdi?kf=WDI&time_period.
2. Александров Е. Л., Крючкова В. Н. Масштаб и социально-экономические последствия трудовой иммиграции: национальный и региональный аспекты // Проблемы современной экономики. – материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 80-83.
3. Блум Д.И. Урбанистическая революция / Д.И. Блум, Х.Тарун // Финансы & развитие. – 2007. – № 3. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/09/.pdf>.
4. Гринчель Б.М., Антонова А.А. Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, №5(23), 2012. – С. 79-90.
5. Пивоваров Ю.Л. Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века. – 2е изд. – Москва : Моск. центр: Полиграфсервис и Т, 2017. – 256 с.
6. Смагин Ю.А. Территориальная организация населения : учеб. пособие ; под общ. ред. В.Г. Глушковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2005. – 244 с.
7. Harvey D. The Urbanization of Capital: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization. – Oxford : Basil Blackwell, 1985. – 239 p.
8. UN report: World's biggest cities merging into «mega-regions» // Guardian News. – URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/mar/22/un-cities-mega-regions/>.
9. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division / World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights (ST/ESA/SER.A/352). – URL:

<http://esa.un.org/unpd/wup/Highlights/WUP2014-Highlights.pdf>.

10. Krugman P. Space: The Final Frontier. The Journal of Economic Perspectives. – URL: <http://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.12.2.161>.

11. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, unemployment and development: a two-sector analysis / American Economic Review. – 1970. – № 60. – P. 126–142.

12. Gibbs J. The Evolution of Population Concentration. Economic Geography. – 1963. – № 2. – P. 119–129.

13. Буряченко А.Е. Урбанизация в контексте финансового, демографического и социального развития // Ученые записки; редкол. : А.Ф. Павленко и др. – К.: КНЭУ, 2013. - Вып. 15. - 208 с.

14. Valeria V. Burmakina, Dmitriy V. Pomazkin, Ivan D. Prokhorov. Methods for constructing an assessment of the development of the coronavirus pandemic. Population and Economics 4(2): 96-102. doi: 10.3897/popecon.4.e53686.

15. Коронавирус // Коронавирус-монитор — интерактивная карта распространения и статистика Covid-19. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/china/> (дата обращения: 24.05.2020).

16. Все 11-миллионное население Уханя решили проверить на коронавирус из-за новых случаев заражения // NEWSru.com – самые быстрые новости 2000-2020. URL: https://www.newsru.com/world/12may2020/wuhan_check.html (дата публикации 12.05.2020).

17. Китайский метод борьбы с вирусом. 22 факта как поступил Китай в карантин // Яндекс. Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/redpion/kitaiskii-metod-borby-s-virusom-22-fakta-kak-postupil-kitai-v-karantin-5e8170d2d421bb7d8627ba99> (дата публикации 30.03.2020).

Urbanization as a social phenomenon of globalization transformations of the economy
Zhang Jie

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article deals with the main problems of urbanization as a social phenomenon. The author

analyzes China as a vivid example of the dynamic development of urban processes in modern society.

The intensive influx of people to cities, the concentration in these different types of activities, the growth of large cities and agglomeration, and the urbanization of rural areas lead to the aggravation of social contradictions, which, in turn, lead to ethnic, cultural, economic, and political conflicts. These and many other features of global urbanization, which can be attributed to China, make it necessary to find new approaches to solving the numerous problems of economic rationality that arise with the rapid growth and development of cities, to understand the essence of the current stage of urbanization in a particular region of the country.

The purpose of the article is to show the impact of globalization transformations of the economy on the processes of urbanization in China.

Keywords: urbanization, globalization transformations of the economy, China, urban population, development of individual regions, industrial agglomeration, globalization.

References

1. World Development Indicators // DataBank. - URL: http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/wb/wbd/wdi?kf=WDI&time_period.
2. Aleksandrov EL, Kryuchkova VN The scale and socio-economic consequences of labor immigration: national and regional aspects // Problems of modern economics. - materials of the IV International scientific. conf. (Chelyabinsk, February 2015). - Chelyabinsk: Two Komsomolets, 2015. -- S. 80-83.
3. Bloom D.I. Urban revolution / D.I. Bloom, H. Tarun // Finance & Development. - 2007. - No. 3. - URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/09/pdf>.
4. Grinchel B.M., Antonova A.A. Measuring the dynamics of agglomeration processes in the regional economy // Economic and social changes: facts, trends, forecast, No. 5 (23), 2012. - P. 79-90.
5. Pivovarov Yu.L. World urbanization and Russia on the threshold of the XXI century. - 2nd ed. - Moscow: Mosk. center: Polygraphservice and T, 2017. -- 256 p.
6. Smagin Yu.A. Territorial organization of the population: textbook. allowance; under total. ed. V.G. Glushkova. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Publishing house-bargaining. corporation "Dashkov and K", 2005. - 244 p.
7. Harvey D. The Urbanization of Capital: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization. - Oxford: Basil Blackwell, 1985. -- 239 p.
8. UN report: World's biggest cities merging into "mega-regions" // Guardian News. - URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/mar/22/un-cities-mega-regions/>.
9. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division / World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights (ST / ESA / SER.A / 352). - URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/Highlights/WUP2014-Highlights.pdf>.
10. Krugman P. Space: The Final Frontier. The Journal of Economic Perspectives. - URL:

- <http://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.122.161>.
11. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, unemployment and development: a two-sector analysis / American Economic Review. - 1970. - No. 60. - P. 126-142.
 12. Gibbs J. The Evolution of Population Concentration. Economic Geography. - 1963. - No. 2. - P. 119-129.
 13. Buryachenko A.E. Urbanization in the context of financial, demographic and social development // Uchenye zapiski; editorial board : A.F. Pavlenko et al. - K.: KNEU, 2013. - Issue. 15. - 208 p.
 14. Valeria V. Burmakina, Dmitriy V. Pomazkin, Ivan D. Prokhorov. Methods for constructing an assessment of the development of the coronavirus pandemic. Population and Economics 4 (2): 96-102. doi: 10.3897 / popecon.4.e53686.
 15. Coronavirus // Coronavirus Monitor - an interactive map of the distribution and statistics of Covid-19. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/china/> (date accessed: 05/24/2020).
 16. The entire 11 million population of Wuhan decided to be tested for coronavirus due to new infections // NEWSru.com - the fastest news 2000-2020. URL: https://www.newsru.com/world/12may2020/wuhan_check.html (publication date 05/12/2020).
 17. The Chinese method of fighting the virus. 22 facts about how China entered quarantine // Yandex. Zen. URL: <https://zen.yandex.ru/media/redpion/kitaiskii-metod-borby-s-virusom-22-fakta-kak-postupil-kitai-v-karantin-5e8170d2d421bb7d8627ba99> (publication date 03/30/2020).

Эмпирические и теоретические исследования в современной правовой социологии

Глазырин Валерий Алексеевич

доктор социологических наук, доцент, кафедра философии и социологии, Уральский государственный юридический университет, glazur@olympus.ru

Фундаментальной основой социологического познания права выступает тот факт, что юридико-правовые институты присущи любым обществам кроме архаичных. В последней четверти 20 века в зарубежной и несколько позднее в российской правовой социологии утвердился и, пожалуй, стал доминирующим эмпирический подход в изучении права, оттеснивший теоретические социолого-правовые изыскания на «второй» план. Дисбаланс в развитии между эмпирической и теоретической социологией права составляет познавательную проблему этой работы, цель которой состоит в том, чтобы показать эмпирические и теоретические ракурсы социологического постижения права.

Анализ исследовательской проблемы, осуществлённый в работе, показывает, что сведение правовой социологии к эмпирической социологии права ограничивает исследовательский потенциал изучения права в правовой социологии и возможности её развития.

Ключевые слова: эмпирическая социология права, теоретическая социология права, коррупция, преступность, социальный порядок, верховенство права.

Фундаментальной основой социологического познания права выступает тот факт, что юридико-правовые институты присущи любым обществам кроме архаичных. В последней четверти 20 века в зарубежной и несколько позднее в российской правовой социологии утвердился и, пожалуй, стал доминирующим эмпирический подход в изучении права. Исследователи-эмпирики высказывают мнение, что у теоретической социологии права нет будущего. Существующий дисбаланс в развитии между эмпирической и теоретической социологией права составляет познавательную проблему этой работы, цель которой состоит в том, чтобы показать эмпирические и теоретические ракурсы социологического постижения права.

Раскроем кредо и ключевые исследовательские ориентиры эмпирической социологии права [1, с. 34-42; 2, с.184-201; 3, р. 537-549].

Прежде всего выбор в пользу эмпирической правовой социологии манифестируется положениями, что сегодня рост нового знания в социальных науках в большей степени определяется умножением и доступностью новых эмпирических данных, совершенствованием и появлением новых методов их сбора, обработки и анализа, а не развитием теории, что теоретическая социология права, являясь академическим знанием, не обладает институциональными возможностями воздействия на юридико-правовые процессы, происходящие в обществах, и правовую политику, ей уготована судьба, уходящей интеллектуальной традиции.

Отправной познавательный интерес исследователей в эмпирической социологии права заключается в описании «механики» действия юридических институций в различных социальных контекстах, объяснении того, как работают – действуют или бездействуют – принятые юридические установления, законы. Социологи-эмпирики, руководствуясь исследовательской установкой «на самом деле», рассматривают вопросы о том, как на самом деле судьи принимают решения, на самом ли деле в обществе с глубокой социальной поляризацией все граждане равны перед законом и судом, какие институциональные связи складываются у участников правоприменительной деятельности, каким образом неформальные социальные отношения, образующиеся между различными социальными акторами, сказываются на их поведении в юридически значимых ситуациях, др.

В познании права эмпирическая социология значительно отличается от юридической догматики. Так, с юридико-догматической точки зрения «погрешности и провалы» в действии законов могут быть следствием нечётких формулировок, лакун, пробелов, содержащихся в текстах юридических документов, результатом ненадлежащего администрирования и контроля за применением законов со стороны уполномоченных инстанций, либо связаны с недостаточной профессиональной квалификацией юридических агентов или вызваны противоправными деяниями различных лиц. Эмпирическое социологическое познание права не исключает анализ нормативных актов, юридических документов, но в сравнении с юриспруденцией сосредоточено на изучении поведения социальных акторов в обстоятельствах, имеющих юридико-правовое измерение.

В эмпирической социологии прогресс в изучении права связывается с развитием прикладных межпредметных исследований, «затушёвывающих» в известной мере дисциплинарные границы между различными областями

знания и исследовательскими направлениями. Поэтому социологи, принимая в них партнёрское участие, понуждены поступаться категориальной строгостью своей науки.

С позиций эмпирической правовой социологии эмпирико-правовые обследования рассматриваются, как обладающие научной актуальностью и критичностью, прикладной и публичной направленностью в познании права [4, с.8-51], что позволяет социологам включаться в разработку экспертных заключений, рекомендаций, социальных технологий.

В.В. Волков - один из самых известных российских социологов права - выделяет основные ветви изучения права эмпирической правовой социологией [1, с. 34] : 1) исследования приговоров; 2) применение организационного подхода к исследованиям судов и полиции; 3) изучение мобилизации и использования права со стороны граждан; 4) изучение юридической профессии; 5) исследования правового плюрализма. Социологическая плоскость этих исследований обеспечивается постановкой познавательных проблем и инструментарием работы с эмпирическими данными, изучением юридических установлений под углом зрения их влияния на поведение социальных акторов.

Отдавая должное исследованиям права в эмпирической социологии права, следует ли признать, что эмпирическое описание правовых институтов и правоотношений социальных акторов — это всё, что требуется для развития современной социологии права? Полагаю, что корректный ответ на этот вопрос заключается в следующем. Важность проведения эмпирических исследований права не подлежит сомнению. Но правопознание, сложившееся в эмпирической правовой социологии, эксплицитно/имплицитно опирающееся на допущение, что в изучении права эмпирический подход необходим и достаточен, не является непреложным. Право и правовые отношения - сложные объ-

екты познания. В изучении социо-правовых вопросов материалы и результаты эмпирических исследований не всегда имеют решающее значение. Обычной процедурой работы с эмпирическими данными является их трактовка в рамках существующих научных концепций, но также может возникнуть потребность в умножении их объяснительных возможностей или разработке новых теорий. Помимо этого, иногда в науках меняются парадигмы познания.

Теоретическая социология права имеет много граней [5, с. 33-39]. Остановимся на некоторых из них, представляющих её в соотношении с эмпирической социологией права.

Сначала приведем пример, демонстрирующий случай, когда эмпирико-статистических данных оказалось недостаточно для объяснения феномена резкого сокращения преступности в 90-е годы XX века в Нью-Йорке. Несмотря на то, что этому факту были даны разнообразные объяснения, не удавалось найти убедительные пояснения быстрого произошедших перемен. Что-то ещё не выявленное и неизученное сыграло важную роль в повороте вспять «эпидемии» преступности, присущей этому американскому городу в предшествующие 70-80-е годы. Для разъяснения этого «что-то ещё» было обращено внимание на концепцию «разбитых окон» [6, с. 185-210]. Её авторами являются Дж. Уилсон и Дж. Келлинг (1982) [7], утверждающие, что преступность — это следствие отсутствия порядка. Если должного порядка нет, то стоит ли тогда обращать внимание на нормы, обеспечивающих его. Пренебрежение правилами, отмечают эти американские исследователи, вызывает рост негативных девиаций. Разбитое окно словно бы по закону домино порождает другие акты вандализма. В теории «разбитых окон» возникновение у людей побудительных мотивов к действиям не по правилам сопоставляется с визуально наблюдаемыми ими проявлениями беспорядка — разбитыми окнами и доро-

гами, мусором и обшарпанными фасадами домов, т.п. Как видно, документальные показатели преступности в городе Большого Яблока не проявили истоки её динамики. Для этого потребовался определённый концептуальный взгляд на них. Им стала теория «разбитых окон», позволявшая истолковывать данные криминальной статистики.

Борьбе с коррупцией посвящены многочисленные исследовательские проекты. В современной России противодействие ей остаётся острой насущной проблемой. Рассматривая рейтинги и индексы, представляемые аналитическими и исследовательскими группами и центрами, показывающих состояние и динамику коррупции в Российской Федерации, трудно не заметить, что пока результаты борьбы с ней не соответствуют общественным ожиданиям. Так, например, Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI) за 2019 год, опубликованный международным антикоррупционным движением International Transparency [8], демонстрирует, что Россия, набрав 28 баллов из 100, поднялась на одну позицию выше, чем в предыдущем году, заняв 137 место из 180 (страны ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов, ноль означает самый высокий уровень восприятия коррупции, а 100 — самый низкий). Столько же баллов, как и Россия, получили Доминиканская республика, Кения, Либерия, Ливан, Мавритания, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай и Уганда. Приведённые результаты CPI можно сравнить с данными за 2012 год. Тогда у России были те же 28 баллов, что и в 2019 году, а с 2012 по 2018 годы имела по 29 баллов. Корректное понимание показателей CPI предполагает учёт того, что страны, в которых общественность и бизнес вовлечены в политические коммуникации в среднем получают 61 балл, в государствах с «законсервированными» политическими отношениями, средний показатель составляет 32 балла.

Исследователи International Transparency считают, что России для полноценной борьбы с коррупцией, в

частности, надо: содействовать разделению властей, усилив систему сдержек и противовесов; обеспечить условия для того, чтобы решения касающиеся бюджета и действий властей, не диктовались личными связями и интересами; совершенствовать законодательство, касающееся регулирования конфликта интересов; урегулировать лоббистскую деятельность, содействовать открытому и осмысленному процессу принятию решений в органах власти; усилить контроль за честностью избирательного процесса; исполнять обязательства в рамках международного антикоррупционного права, рекомендации Группы государств по борьбе с коррупцией (Group of States Against Corruption, GRECO) [8].

Что препятствует эффективной борьбе с коррупцией в современном российском обществе? Может быть не достаёт эмпирической информации? Едва ли острота проблемы заключается в дефиците фактических данных. В противоборстве коррупции есть многочисленные «технические» моменты [9], но также имеются фундаментальные вопросы, затрагивающие уяснение институционального устройства обществ, их соответствия принципам конституционализма, верховенства права [10, с. 98-112]. На практике эмпирико-правовые исследования концентрируются на изучении уголовной юстиции, судопроизводства, юридических профессий [11; 12; 13; 14; 15], а познание проблем публичного права является редким исключением. Между тем именно публично-конституционные установления выступают правовым стержнем современных обществ. Очевидно, что без понимания институциональных начал воспроизводства коррупции в общественных системах, противодействие ей будет носить паллиативный характер [16].

В обществах складываются (и/или устанавливаются) определённые социальные порядки. В социумах, преодолевших состояние архаики, юридические институты относятся к основам,

конституирующих общества. Действенность юридических установлений в поддержании социальных порядков базируется на их общеобязательности, определённости письменных законодательных актов, прецедентах, судопроизводстве, властно-государственном принуждении к исполнению законов. Однако не всякие легальные (законные/юридические) порядки являются правовыми; юридические институциональные системы могут олицетворять и создавать разные социальные порядки. Это связано с тем, что *lex* («rule of government» - правление посредством норм/правил правителя/государства) не идентично *jus* («rule of law» - правление посредством принципов/норм права; верховенство права). В.С. Нерсесянц – один из крупнейших российских юристов писал, что юридические законы должны соответствовать природе и требованиям права, в противном случае они могут применяться в не правовых целях [17, с. 37]. Развёрнутые характеристики правового закона представлены в Докладе о верховенстве права Венецианской Комиссии [18]. Поэтому социологам, осуществляющих эмпирические обследования в области права, требуются не только знания и умения проведения конкретных социологических исследований, но также нужно обладать запасом сведений о законе и праве, отличать верховенство права от диктатуры закона, сознавать границы между фактическими, юридическими и правовыми социальными порядками, реализовывать эти знания в своей работе.

Завершая обсуждение эмпирической и теоретической сторон социологического изучения права, обратим внимание на правовую социологию в фокусе особенностей социологического познания социального мира. В не малой степени возникновение социологии продуцировалось поиском ответов на пул вопросов, заложивших основу социологического подхода изучения социумов, общественных отношений, которые, как отмечает видный польский социолог П. Штомпка, сохранили своё значение до

наших дней [19, с. 15-16]. Первый из них: как ситуация выглядит на самом деле? Этот вопрос означает, что социология должна проверять факты надлежащим образом, искать более глубокие, скрытые от поверхностного наблюдения пласты общественной жизни, видеть не только преднамеренные, но и выявлять непреднамеренные последствия действий социальных акторов. Следующий вопрос: почему всё это есть именно так на самом деле? Здесь речь идёт о том, что социологии нужно раскрывать каузальные связи, причины и механизмы общественных явлений и процессов. В социологии также важно понимание вопроса: «Что и как будет дальше?» Ответ на него подразумевает обоснованные предположения о социальных тенденциях. Наконец, формирующим прикладное предназначение социологии выступает вопрос: что нужно делать, чтобы социальные преобразования происходили в «достойном» направлении? Этот обзор вопросов-оснований социологического воззрения на мир обществ, говорит, в том числе, о том, что противостояния между эмпирической и теоретической социологией права, не существует. Чем разнообразнее исследовательский потенциал правовой социологии, тем благоприятнее условия для её развития и разнообразнее возможности её воздействия на социальную практику.

Подводя итоги работы, отметим, что право имеет значение в жизни обществ, глубинный смысл которого раскрывается в понимании правовой свободы. Поэтому правовая социология, как эмпирическая, так и теоретическая, вместе с другими науками, изучающими право и закон, обречены на изучение места и роли права и его институтов в различных обществах, присущих им социо-правовых противоречий.

Литература

1. Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4.

2. Фридман Л.М. Взросление: исследование права и общества вступают в эксклюзивный клуб // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. – М.: Статут, 2014.

3. Schluchter W. The sociology of Law as an empirical theory of validity // European sociological review. 2003. № 5.

4. Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии. – М.: ООО «Вариант», 2008.

5. Глазырин В.А. Право имеет значение (социологический контекст) // Социология и право. 2019. № 3.

6. Гладуэлл М. Переломный момент: как незначительные изменения приводят к глобальным переменам. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006.

7. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows [Электронный ресурс]. URL: http://www.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf (дата обращения: 15.09.2019).

8. Россия в Индексе восприятия коррупции – 2019: 28 баллов и 137 место [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/index-s-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html> (дата обращения: 01.03.2020).

9. 100 social innovations from Finland / edited by Ilkka Taipale. – Helsinki: Itämerikeskussäätiö, 2007.

10. Лапаева В.В. Социология права: послесталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды // Социологические исследования. 2018. № 3.

11. Бочаров Т., Моисеева Е. Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2017. – 278 с.

12. Как изучать жертв преступлений? / А.М. Веркеев, В.В. Волков, А.В. Дмитриева, А.В. Кнорре, В.Е. Кудрявцев, Д. А. Кузнецова Д. А., Р.К. Кучаков, К.Д. Титаев, Е.А. Ходжаева // Монито-

ринг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4-31. DOI: 10.14515 / monitoring. 2019.2.01.

13. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. – М.: Статут, 2012. – 368 с.

14. Паниях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 476 с.

15. Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. – М.: Норма, 2016.

16. Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – М.: Изд. Дом высшей школы экономики, 2019.

17. Нерсесянц В. С. Философия права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

18. Доклад о верховенстве права. Утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года). Страсбург, 4 апреля 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 25.09.2020).

19. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005.

Empirical and Theoretical Research in the Modern Sociology of Law

Glazyrin V.A.

Ural State Law University

A fundamental basis for sociological study of the law is the fact that law institutions are found in all societies except archaic ones. Empirical approach to the study of the law was firmly established and probably became dominant in the foreign sociology of law in the last quarter of the 20th century and a bit later in the Russian sociology of law. This approach pushed aside theoretical sociological research. Imbalance in development between empirical and theoretical sociology of law is the problem studied in this article. The aim of the article is to show empirical and theoretical aspects of sociological study of the law.

Analysis of the research problem carried out in the article shows that reducing sociology of law to empirical sociology of law limits research potential of the study of the law in sociology of law and possibilities of its development.

Key words: empirical sociology of law, theoretical sociology of law, corruption, crime, social order, supremacy of the law.

References

1. Volkov V.V. Empirical sociology of law in the conditions of interdisciplinary synthesis // Sociological research. 2017. No. 4.
2. Fridman L.M. Growing up: studies of law and society join an exclusive club // Law and law enforcement in the mirror of the social sciences: a reader of contemporary texts. - M.: Statut, 2014.
3. Schluchter W. The sociology of Law as an empirical theory of validity // European sociological review. 2003. № 5.
4. Buravov M. For public sociology // The social role of sociology. - M.: LLC "Variant", 2008.
5. Glazyrin V.A. Law matters (sociological context) // Sociology and Law. 2019. No. 3.
6. Gladwell M. Tipping Point: How Minor Change Leads to Global Change. Moscow: Williams Publishing House, 2006.
7. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows [Electronic resource]. URL: http://www.manhattan-institute.org/pdf_atlantic_monthly-broken_windows.pdf (date of access: 15.09.2019).
8. Russia in the Corruption Perceptions Index - 2019: 28 points and 137 places. [Electronic resource]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatya-korruptsii-2019-28-ballovo-i-137-mesto.html> (date of access: 01.03.2020).
9. 100 social innovations from Finland / edited by Ilkka Taipale. - Helsinki: Baltic Sea Center Foundation, 2007.
10. Lapaeva V.V. Sociology of law: post-Stalinist, perestroika and post-socialist periods // Sociological studies. 2018. no. 3.
11. Bocharov T., Moiseeva E. Being a lawyer in Russia: a sociological study of the profession. - SPb.: Publishing house of the European University in SPb., 2017.
12. How to Study Victims of Crime? / A.M. Verkeev, V.V. Volkov, A.V. Dmitrieva, A.V. Knorre, V.E. Kudryavtsev, D.A. Kuznetsova D.A., R.K. Kuchakov, K. D. Titaev, E.A. Khodzhaeva // Monitoring public opinion: Economic and social changes. 2019. No. 2. P. 4-31: DOI: 10.14515 / monitoring. 2019.2.01.
13. How Judges Make Decisions: An Empirical Study of Law. - M.: Statut, 2012.
14. Paniyah E., Titaev K., Shklyaruk M. Trajectory of the criminal case: institutional analysis. - St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2018.
15. Titaev K., Shklyaruk M. Russian investigator: vocation, profession, everyday life. - M.: Norma, 2016.
16. Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. A rental society: in the shadow of labor, capital and democracy. - M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019.
17. Nersesyants V.S. Philosophy of law. - M.: Norma: INFRA-M, 2016.
18. Rule of Law Report. Approved by the Venice Commission at the 86th Plenary Session (Venice, 25-26 March 2011). Strasbourg, 4 April 2011. [Electronic resource]. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (date accessed: 09/25/2020).
19. Shtompka P. Sociology. Analysis of modern society. - M.: Logos, 2005.

Современные теории мотивации персонала: ответы на актуальные вопросы практики

Коргова Марина Анатольевна,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы, m.korgova@yandex.ru

Колесникова Ирина Владимировна,
доктор философских наук, профессор, декан факультета международного бизнеса и делового администрирования ИБДА, заведующий кафедрой гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ivk@ibs-m.ru

Висханова Нурьяна Шейхахметовна
аспирант кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета.
nvisханова@mail.ru

В статье проанализированы основные современные теории мотивации, содержащие ответы на актуальные вопросы мотивации персонала организаций инновационной направленности, на мотивацию персонала в условиях возникшей интерсубъектности, на мотивацию персонала в условиях новой реальности и кризисных явлений (теории Дж. Аткинсона, Дж. Роттера, Ф. Хайдера, Т. Стюарта, Р. Престаса, Дж. Хэкмена и Г. Олдхема, Б. Трейси, М. Чиксентмихайи и др.). Определены тренды и особенности мотивации персонала современных организаций.

Ключевые слова: управление персоналом, теории мотивации, особенности мотивации, проблемы мотивации, тренды мотивации.

Анализ систем менеджмента передовых организаций мира показывает, что их ключевым звеном и основой конкурентоспособности является система HR менеджмента, ориентированная на реализацию как интересов организации, так и интересов персонала. В основе современного подхода к управлению персоналом - признание приоритета личности сотрудника перед прибылью. Именно люди рассматриваются как главное богатство компании, которое надо беречь и приумножать.

Цель управления персоналом в лучших компаниях мира заключается в том, чтобы сформировать и развивать команды управленцев и сотрудников, способный производить и продавать востребованные рынком товары и услуги [5, с. 11].

Для достижения данной цели применяются современные концепции и теории управления персоналом, реализуются классические и инновационные функции в системах управления персоналом, учитываются тренды.

Мотивация персонала, как функция в системе управления персоналом, играет особую роль в активации профессионального, интеллектуального и инновационного потенциалов сотрудников организации.

Научный менеджмент на сегодняшний день содержит большое количество теорий мотивации и стимулирования персонала, которые с успехом применяются на практике. Классические и современные мотивационные теории не противоречат, а взаимодополняют друг друга, отражая многогранность и нестандартность процесса мотивации как процесса побуждения сотрудников к действию ради достижения целей организации и личных целей.

Вместе с тем, классические теории в большинстве своем не содержат ответы на

актуальные вопросы мотивации персонала организаций инновационной направленности, на мотивацию персонала в условиях возникшей интересу субъектности, на мотивацию персонала в условиях новой реальности и кризисных явлений и т.п.

Самые известные современные теории мотивации - это теории Дж. Аткин-

сона, Дж. Роттера, Ф. Хайдера, В. Арнольда, В. Зигерта, Л. Ланга, Т. Стюарта, Р. Престаса, Дж. Хэкмена и Г. Олдхема, Б. Трейси, М. Чиксентмихайи и др.

Анализ основных современных теорий мотивации персонала, имеющих практическое значение для практики мотивации персонала, представлен в табл. 1.

Таблица 1
Современные теорий мотивации персонала

Название теории и ее смысл	Возможности практического применения для нематериальной мотивации
Теория трудовой мотивации Дж. Аткинсона Согласно теории, поведение сотрудников есть результат индивидуальных качеств личностей, склонности к достижению успеха и реального восприятия ими ситуации, в которой они находятся.	Персонал, ориентированный на успех, целесообразно направлять на достижение конкретных результатов и на поиск нетипичных решений, на решение инновационных задач, на генерирование креативных идей. Сотрудников не склонных к успеху и боящихся риска - к точному выполнению предписаний, инструкций, сроков и т.п.
Теория социального научения Дж. Роттера Суть теории заключается в том, что осознанный контроль над сотрудниками влияет на удовлетворенность трудом и прогулы.	Все достижения сотрудников нужно контролировать (методика когнитивной ориентации).
Теория В. Арнольда Суть теории заключается в том, что результативность мотивации определяется направлением и качеством усилий по достижению результатов, а не суммированием их.	Необходимо качественно реализовывать программу мотивации для каждого сотрудника. Продуктивность мотивации усиливается энергией целенаправленного поведения, продвижением сотрудника к эффективным для организации поступкам.
Теория В. Зигерта и Л. Ланга Суть теории в том, что критерием оптимальности мотивации персонала является достижение взаимной удовлетворенности организации (руководства) и сотрудников.	Критерием эффективности мотивации сотрудников в организации должна быть взаимная удовлетворенность руководства и сотрудников друг другом.
Теория атрибуции Ф. Хайдера В соответствии с теорией, внутренние силы сотрудников (личные качества, способности, усилия, утомляемость) и внешние силы (факторы окружающей среды), дополняя друг друга, определяют поведение сотрудников организации.	Важно правильно диагностировать внутренние и внешние факторы, влияющие на мотивацию сотрудников и целенаправленно управлять ими.
Теория Т. Стюарта Основная идея теории состоит в том, что сотрудник будет мотивирован к деятельности, если получит в свои руки четыре символа вознаграждения: знания, власть, информацию и вознаграждение.	Необходимо разрабатывать комплексные мотивационные программы для сотрудников (оплата в зависимости от результатов труда, участие в доходах, участие в собственности, единовременные бонусы, привязка оплаты труда к знаниям, гибкие рабочие графики) и наделение их властью через делегирование полномочий.
Теория Р. Престаса Автор предлагает тройную классификацию моделей организационного приспособления: «продвигающиеся вверх» (те, кто понимает и принимает все ценности организации), «индифферентные» (те, кто отвергает такие ценности и находит личное удовлетворение вне работы) и «амбивалентные» (те, кто хочет пользоваться благами жизни организации, но не отвечает её требованиям).	Менеджер, отнеся своих сотрудников к какой-либо модели, определит для себя их ценность и поймет, как их надо мотивировать.
Теория редизайна труда Дж. Хэкмена и Г. Олдхема Согласно теории, в качестве мотивационной меры эффективен редизайн труда сотрудников организаций.	Создавая благоприятные условия для сотрудников организаций, в частности, занимаясь дизайном их труда, можно обогатить их труд и способствовать повышению его производительности.
Теория потока М. Чиксентмихайи Эффективно мотивировать сотрудников – это управлять состоянием потока (состоянием, которое испытывает человек, занимаясь любимым делом).	Поддерживая состояние потока у сотрудников через четко поставленные задачи; мгновенную обратную связь; соотношение задачи/навыки можно добиться повышения производительности их труда.
Теория мотивации Б. Трейси Автор рассматривает только 4 мотивационных фактора, определяющие мотивацию в положительную или отрицательную стороны: стиль руководства, систему вознаграждения, атмосферу в компании, структуру работы.	Практическое значение данной теории в том, что используя в компании оптимальный стиль руководства, справедливую и объективную систему вознаграждения, благоприятную атмосферу в компании, и продуманную структуру работы можно существенно повысить мотивацию труда.

Основные выводы из современных теорий мотивации, на наш взгляд, таковы:

- Создавая системы мотивации персонала, необходимо через профессиональную диагностику дифференцировать персонал организации на группы: персонал, ориентированный на успех, направлять на достижение конкретных результатов, на поиск нетипичных решений, на решение инновационных задач и генерирование креативных идей; персонал не мотивированный на успех - к точному выполнению предписаний, инструкций, сроков и т.п. Первым шагом к созданию любой системы мотивации персонала должна быть диагностика исходных данных каждого сотрудника организации. Анализ должны быть подвергнуты их знания и навыки, социально - психологические характеристики, достиженческие мотивации и т.п.;
- необходимо разрабатывать комплексные мотивационные программы для каждого сотрудника организации в прямой зависимости от результатов оценки его труда и достиженческих мотиваций (оплата в зависимости от результатов труда, участие в доходах, участие в собственности, единовременные бонусы, привязка оплаты труда к знаниям, гибкие рабочие графики, делегирование полномочий, дизайн труда, создание благоприятных условий для работы и т.п.);
- есть смысл создавать оригинальные системы мотивации персонала и вкладывать в них ресурсы только для тех сотрудников, которые разделяют организационные ценности (корпоративную культуру);
- искусство менеджмента в области мотивации заключается в поддержании у сотрудников состояния потока через четко поставленные задачи, мгновенную обратную связь, правильное соотношение задачи/навыки;
- критерием эффективности работы по мотивации персонала организации является обеспечение взаимной удовлетворенности организации (руководства) и сотрудников. Результативной работы в данном направлении можно достичь не суммированием усилий

по достижению результатов, а качеством усилий.

Несмотря на большой потенциал современных теорий мотивации, в практике мотивации персонала большинства компаний они не хабиитуализированы.

Только эффективные деловые компании мира в многообразии моделей мирового менеджмента (американская, японская, китайская, корейская, европейская и др. модели) демонстрируют целенаправленное управление мотивацией персонала организаций, способствующее решению внутренних и внешних проблем сотрудников и обеспечивающее успешное функционирование организаций и вывод их на траекторию развития.

Как показывает практика эффективных компаний мира, функция мотивации персонала в них реализуется на научной основе, технологично, с использованием современных цифровых технологий, эффективно.

Современные тренды мотивации персонала таковы:

- мотивация персонала персонафицирована, т.е. осуществляется с учетом индивидуальных особенностей сотрудников;
- мотивация тесно связана с разными функциями управления персоналом (с отбором, с обучением, с оценкой деятельности, с карьерным развитием и т.д.);
- реализация функции мотивации автоматизируется и оцифровывается;
- разнообразие методов, форм и инструментов мотивации;
- мотивация непременно связана с созданием комфортных условий для работы и созданием атмосферы разнообразия, в которой есть большое количество точек зрения, чтобы запустить процесс создания творческих и инновационных решений;
- рутинная работа по мотивации персонала выполняется HR специалистами компаний, а нетривиальные задачи отдаются на аутсорсинг или выполняются с привлечением экспертов – консультантов.

Для создания современных систем мотивации персонала следует учитывать и новые проблемы, которые появились в HR менеджменте в мире [3, с. 93]. Прежде всего, стоит отметить:

- мотивацию квалифицированного персонала на работу по проектам, а не в штате организации. Здесь важен фокус на результат, а не на проведённые часы на рабочем месте;

- мотивацию персонала не только на профессиональное, но и на личностное развитие, на развитие в сфере digital.

- мотивацию талантливого, критически важного для компаний персонала, способного генерировать инновационные идеи и превращать их в продукты и услуги.

Перспективы мотивации связаны с интесубъектностью управления, развитием бренда работодателя и диффузией собственности компаний.

Подводя итоги статьи, отметим, что на сегодняшний день имеется достаточное количество теорий мотивации персонала, которые отвечают на основные актуальные вопросы в данной области и дают возможность практикам кадрового менеджмента использовать научный потенциал теорий и создать собственные эффективные мотивационные системы персонала. Лучшие результаты по мотивации персонала демонстрируют компании, которые учитывают основы всех мотивационных теорий, современные тренды, богатый опыт передовых компаний мира, имеющих свои оригинальные системы мотивации персонала и собственные оригинальные идеи в области мотивации.

Литература

1. Брэнсон Р. Обнаженный бизнес / Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2010. – 304 с.
2. Ким Ч, Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других рынков / Пер. с англ. Изд. 4-е. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 305 с.
3. Колесникова И.В., Коргова М.А., Семенова Э.Х. Создание инновационной модели кадрового менеджмента // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 6. – С. 91 – 94.

4. Коллинз Дж. Построенные навечно: успех компаний, обладающих видением. Пер. с англ. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 359 с.

5. Коргова М.А. Современные системы управления персоналом эффективных компаний мира // Актуальные вопросы менеджмента и управления персоналом в современных организациях. Коллективная монография под ред. М.А. Корговой. М.: Русайнс. 2018. – 292 с.

6. Мэнтл Дж. Компании, которые изменили мир. Пер. с англ. – М: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 288 с.

7. Нордстрем К. Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта. Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 296 с.

Modern theories of personnel motivation: answers to current practice questions

Korgova M. A., Kolesnikova I. V., Vishanova N. Sh. Russian presidential Academy of national economy and public administration, Pyatigorsk state University

The article analyzes main modern theories of motivation, containing answers to current questions motivation of organizations personnel innovation orientation, on staff motivation in the conditions of intersubjectivity, on staff motivation in the new reality and crisis phenomena (theories of J. Atkinson, J. Rotter, F. Haider, T. Stewart, R. Prestas, J. Hackman, G. Oldham, B. Tracy, M. Csikszentmihalyi and other). Trends identified and features of staff motivation modern organization.

Keywords: personnel management, theories of motivation, features of motivation, problems of motivation, trends of motivation.

References

1. Branson R. Nude business / Per. from English. - M. : Eksmo, 2010. -- 304 p.
2. Kim Ch, Mauborn R. Blue ocean strategy. How to find or create a market free from other markets / Per. from English. Ed. 4-e. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2014. --305 p.
3. Kolesnikova I.V., Korgova M.A., Semenova E.Kh. Creation of an innovative model of personnel management // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2019.No. 6. - P. 91 - 94.
4. Collins J. Built to Last: Success for Companies with a Vision. Per. from English. - M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2014. -- 359 p.
5. Korgova M.A. Modern personnel management systems of effective companies in the world // Actual issues of management and personnel management in modern organizations. Collective monograph, ed. M.A. Korgova. M. : Rusays. 2018. -- 292 p.
6. Mantle J. Companies that changed the world. Per. from English. - M: Mann, Ivanov and Ferber, 2015. -- 288 p.
7. Nordstrom K. Funky business: Capital dances to the tune of talent. Per. from English. - M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2012. -- 296 p.

Пространственная справедливость в социологической перспективе

Григорьева Екатерина Александровна
аспирант Института социологии ФНИСЦ
РАН, yreewda@gmail.com

В данной статье рассматривается эволюция идеи пространственной справедливости в социологической науке. Пространственная справедливость подразумевает наличие у всех жителей территории равного доступа к социально-значимым территориальным объектам, общественным и культурным благам, который может быть обеспечен посредством справедливого и эффективного городского планирования и управления городскими ресурсами. Реализация данной идеи способствует развитию и поддержанию социальной справедливости и социального равенства в широком смысле. Получив особую популярность в современной социологической урбанистике на Западе, пространственная справедливость является перспективным и в то же время мало изученным в отечественной науке способом территориального устройства и планирования. В рамках данной статьи представлены подходы к пониманию рассматриваемого феномена, предложенные американскими исследователями Д. Харви и П. Маркузе.

Ключевые слова: пространственная справедливость, справедливый город, Дэвид Харви, Питер Маркузе, право на город, социальная справедливость, неравенство

Предпосылки возникновения концепций пространственной справедливости

Проблема социального неравенства преследовала человечество на протяжении всей истории общественного развития и приобрела особое значение в городах. По мере развития городской жизни развивались и представления об идеальном городском и территориальном устройстве. Особое значение идея создания благоприятной городской среды для достойной жизни всех слоев населения приобретает в конце XIX в., когда вследствие бурной индустриальной урбанизации имело место резкое ухудшение условий жизни в городах. Нищета, антисанитария, эпидемии, нехватка жилья, высокая плотность населения, бездомные дети, резкое увеличение преступности – все эти негативные явления усиливались по мере скопления наемных рабочих в тесном пространстве, ограниченном городскими стенами [1, с. 381-382]. На фоне поисков адекватных решений социальных проблем, обрушившихся на города в связи с их бурным ростом и индустриализацией, возникает ряд утопических концепций преобразования городского пространства, наиболее влиятельной из которых стала концепция города-сада английского мыслителя Э. Говарда; проводятся социальные исследования городской жизни и бедности, среди которых особое значение имеют труды школы британских проектировщиков городского пространства, возглавляемой П. Геддесом, и работа французского социолога Ф. Ле Пле «Европейские рабочие»; а также предпринимаются попытки реконструкции городов в соответствии с новыми социальными реалиями.

Значительное ухудшение условий жизни рабочего класса привело к накоплению социального напряжения и недовольства в городах и стало причиной постоянных волнений. С этого момента начинается история городской классовой борьбы. Возникающие движения городских рабочих обычно боролись за повышение заработной платы (например, всеобщая забастовка в Сиэтле 1919 г.), сокращение рабочего дня (например, бунт

на Хеймаркет в Чикаго в 1886 г.), изменение условий аренды (например, забастовка арендаторов в Глазго в 1915 г.). Эти выступления, направленные против собственников или административных властей с целью добиться лучших жилищных условий французский социолог А. Турен в своей теории обозначил как городскую борьбу, отдавая ей большое значение как особой форме конфликта [3, с. 57]. Подобные движения зачастую характеризуют как пролетарские рабочие движения, однако, стоит подчеркнуть, что возникают и локализуются классовые противоречия именно в городе.

Эти два фактора – острые социальные проблемы, вызванные во многом хаотичной застройкой городов в период бурного промышленного роста, и последующий подъем рабочего движения в крупных городах, – оказали значительное влияние на дальнейшие представления об идеальном городском пространстве. С точки зрения американского социолога П. Маркузе ключевыми событиями западного мира в XX в., оказавшими влияние на развитие социальной мысли о пространственной справедливости, являлись: волнения и неудачи классических марксистских революций в Европе, обнищание рабочего класса (1919 г.); выборы А. Гитлера на фоне обнищания рабочего класса и незащищенности среднего класса, а также успешного культурного и идеологического манипулирования социальным недовольством (1933 г.); поражение фашизма и становление государства всеобщего благосостояния, решающее те же проблемы путем уступок и контр манипуляций обещанием потребления и быстрого технологического прогресса (1946 г.); массовые беспорядки в США, во главе которых оказался не рабочий класс, а дискриминированные и исключенные из государства всеобщего благосостояния слои населения, в первую очередь афроамериканцы, протесты которых подпитывались отвращением к идеологическим манипуляциям и пустотой ценностей потребления (1960-е гг.); подавление беспорядков, период процветания и согласия, сотрудничества с системой, увеличение общественных благ и частного потребления, глобализация производства (1970-е гг.); растущее разочарование и критика капитализма, финансиализация, поиск альтернативы исключенными, эксплуатируемыми и недовольными (2008-2010 гг.) [8, с. 4-5]. Эта ретроспектива во многом

объясняет повышенный интерес к идеям равенства и справедливости, в том числе в контексте городского развития, в 1960-е гг. и в настоящее время. Указанные события анализируются большим количеством теорий, фундаментом для которых во многом послужили работы, появившиеся после беспорядков 1960-х годов и в значительной степени представляющие собой новые прочтения марксистской теории. Речь идет в первую очередь о работе французского мыслителя А. Лефевра «Право на город» (1968 г.), ставшей отправной точкой для дальнейших рассуждений о справедливости в городе.

Автор утверждает, что город является результатом творения (*oeuvre*), производства и воспроизводства социальных отношений, а самые выдающиеся городские творения, самые «красивые» произведения городской жизни («красивые», поскольку являются именно произведениями, а не продуктами) относятся к эпохам, предшествующим эпохе индустриализации. Речь идет о восточном городе (основанный на азиатском способе производства), античном городе (греческом и римском, связан с владением рабами), а затем средневековом городе (встроенным в феодальные отношения, и в то же время борющимся с земельным феодализмом) [7, с. 65-66]. А. Лефевр трактует изменения городского пространства в рамках марксистской перспективы и полагает, что каждый тип общества и способ производства предполагают формирование особого типа города, производят особый тип физического и социального пространства. Изменение способа производства немедленно должно привести к изменению пространства [2, с. 51].

В период интенсивной урбанизации и индустриализации, двух процессов, идущих параллельно, основы традиционного города претерпевают серьезные изменения и возникают следующие проблемы, характерные для городов XX в. В так называемых развивающихся странах распад аграрной структуры толкает обездоленных крестьян, разоренных и жаждущих перемен, в города. Там им приходится жить в городских трущобах, которые становятся (неадекватным) посредником между городом и деревней, сельскохозяйственным и промышленным производством. В других странах, особенно в социалистических, города все более разрастаются и привлекают рабочую силу из

сельской местности, что приводит к перенаселенности и хаотичному строительству жилых кварталов, связь которых с городской жизнью, как пишет А. Лефевр, не всегда заметна. Всемирный кризис сельского хозяйства и традиционной крестьянской жизни сопровождается, лежит в основе и усугубляет всемирный кризис традиционного города, который носит глобальный характер. Индустриальная урбанизация осуществляется параллельно с распадом того, что мы все еще называем «городом». И в этом кризисе наиболее актуальным становится жилищный вопрос [7, с. 125-127].

В рамках своей работы А. Лефевр формулирует идею права на город как призыв, как политическое требование социальной справедливости, социальных изменений и реализации того потенциала, который заложен в технологических достижениях послевоенного времени. Позднее П. Маркузе назвал этот призыв «боевым кличем», «знаменем борьбы» не только за искоренение бедности, но и за ликвидацию несправедливости и неравенства вообще [8, с. 5]. А. Лефевр стремился перейти от теории к практике, от критики к реализации фундаментальных социальных изменений, агентами которых должны стать классы, способные на осуществление революционной инициативы.

Но право на город нельзя рассматривать как право возвращения в традиционные города. Его можно сформулировать только как преобразованное и обновленное право на городскую жизнь [7, с. 158]. А. Лефевр задает вопрос: «Кто не является утопистом сегодня?», и настаивает на том, что настоящие зрелые проекты городского планирования должны выстраиваться вне зависимости от возможности их осуществления в настоящий момент и, соответственно, наличия в них утопического аспекта. Не представляется возможным, чтобы грамотная городская стратегия была результатом простого изучения существующих городов. Необходимо использовать воображение и уходить от повсеместного ограничения любого проекта морфологией существующего пространства и времени [7, с. 155].

Позднее Д. Харви, англо-американский географ, развивая идеи А. Лефевра, подчеркивал, что право на город представляет собой не просто условное право доступа к тому, что уже существует в го-

роде; оно есть активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с общими нуждами и желаниями. Оно укоренено в повседневных практиках городских жителей, которые индивидуально и сообща создают городское пространство, предпринимая политические, интеллектуальные и экономические усилия [4, с. 82-89]. В то же время П. Маркузе замечает, что на практике в рамках реализации стратегии права на город, само физическое пространство города не оспаривается в той форме, в какой оно существует, и, соответственно, не строится физически новый город. Поэтому такие городские движения как, например, «Захвати Уолл-стрит» (*Occupy Wall Street*) скорее стремятся наполнить имеющееся городское пространство новым содержанием. Сам лозунг «Захвати Уолл-стрит» имеет как пространственное, так и экономическое и политическое значение. Опираясь на существующее пространство, активисты одновременно сохраняют некоторые из его полезных элементов и изменяют властные отношения, которые определяют то, как эти элементы будут использоваться [8, с. 8-9].

Под влиянием работ А. Лефевра и на фоне бурных городских выступлений и восстаний с 1970-х гг. формируется дискуссия о пространственной справедливости и справедливом городе. Многие исследователи трактовали призыв А. Лефевра к праву на город как призыв, направленный конкретно и буквально на город в его пространственно-территориальном смысле, и, соответственно, видели в идее французского мыслителя прежде всего призыв к проектированию и совместному созданию идеального города. Сугубо пространственное прочтение идеи А. Лефевра, безусловно, является узким прочтением права на город, не учитывающим более широкие цели, такие как изменение властных отношений, ведущих к эксплуатации и эксклюзии определенных слоев городского населения [8, с. 7]. В то же время рассмотрение пространственных, социальных и политических аспектов достижения справедливости в совокупности представляется перспективным. Центральными фигурами в разработке данных идей в конце XX в. являлись Д. Харви, П. Маркузе, М. Кастельс, М. Харло и др. В основе их исследований лежал антагонизм по отношению к не-

справедливости, порождаемой и воспроизводимой движущими силами капитализма. Позднее в разработку данной проблематики внесли значительный вклад американские исследователи С. Файнштейн и Э. Сойя.

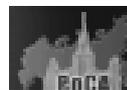
Концепция социальной справедливости Д. Харви

Практически сразу после публикации «Права на город», выходит работа Д. Харви «Социальная справедливость и город» (1973 г.), в которой автор исходит из того, что для прогрессивных городских исследований необходим синтез социологического и географического воображения, а всякая общая теория города должна связывать социальные процессы в городе с предлагаемой им пространственной формой. Он стремится уйти от классического нормативного анализа пространственного размещения, в основе которого лежит определение в качестве оптимального способа размещения тот, при котором ни один индивид не может поменять местоположение таким образом, чтобы получаемые им от этого изменения преимущества не ухудшили ситуацию для другого. Другими словами, речь идет об эффективном использовании пространственных ресурсов. Вместо этого исследователь приступает к созданию нормативной теории пространственного размещения, основанной на принципах социальной справедливости [5, с. 121-122]. Однако такой подход к размещению не претендует на статус альтернативы теориям, основанным на эффективности. В действительности же необходимо совмещать оба подхода, иначе достижение эффективности в краткосрочной перспективе грозит обернуться игнорированием социальных издержек и, соответственно, появлением новых источников неэффективности в виде определенных социальных групп, «принявших эти издержки на себя». В долгосрочной перспективе ориентация лишь на социальную справедливость чревата неэффективным использованием ограниченных ресурсов, что представляется контрпродуктивным. Исходя из этих рассуждений, Д. Харви заключает, что в широкой перспективе социальная справедливость и эффективность это одно и то же [5, с. 122].

Приступая к разработке концепции социальной справедливости, исследователь формулирует базовое утверждение следующим образом – «справедливое

распределение справедливим путем» [5, с. 124]. Соответственно, основной проблемой, которую исследует Д. Харви, становится исследование того, как центральная власть может обеспечить максимальную социальную справедливость при распределении ограниченных ресурсов между территориями. Используя типологию критериев справедливого распределения, предложенную американским политологом Дж. Ролзом, он выделяет три основных критерия, упорядочивает их и формулирует в рамках пространственного анализа. На первом месте оказывается потребность, т.е. неравное распределение ресурса между территориями в зависимости от степени нужды в нем; во втором – вклад в общее благо, предполагающий, что те регионы, чья деятельность полезна для большого числа других регионов, имеют большие притязания, чем остальные; и на третьем – заслуги, которые выражаются в оценивании природных условий территории, вносящей вклад в общий продукт (тяжелые климатические условия, зоны сейсмической активности и т.д.) [5, с. 126-134]. Комбинация этих трех измерений дает гипотетическую схему распределения ресурсов по регионам. Индекс территориальной справедливости, таким образом, можно получить путем корреляции существующего распределения ресурсов с гипотетическим распределением. Такая процедура позволит выявить территории, которые сильно отклоняются от нормы, предполагаемой стандартами социальной справедливости [5, с. 127-128].

Осуществленная Д. Харви разработка процедуры оценки каждого из трех критериев дала следующие результаты. Прежде всего, он определил потребности, которые остаются относительно стабильными во времени и пространстве: (1) пища; (2) жилище; (3) медицинская помощь; (4) образование; (5) социальные и природоохранные услуги; (6) потребительские товары; (7) условия для отдыха/восстановления; (8) социальная инфраструктура; (9) транспортные услуги. В каждой из этих категорий необходимо примерно определить тот минимум количества и качества блага, которое будет приравнено к потребности. Этот минимум будет неизбежно варьироваться в зависимости от господствующих в определенное время социальных норм (например, потребность в жилище в настоящее

время не может быть удовлетворена землянками, палатками и т.д.). Соответственно, будут различаться и способы удовлетворения этих нужд. В зависимости от категории, Д. Харви предлагает определять и измерять потребности с помощью рыночного спроса (потребительские товары) и экспертного опроса (медицинское обслуживание), а также скрытого спроса, потенциального спроса, уровня депривации и статистического анализа [5, с. 128-133].

Оценка критерия вклада в общее дело предполагает, что необходимо определить, как выделение ресурсов одной территории влияет на состояние другой территории. Для этого достаточно использовать технологии межрегионального мультипликативного анализа – исследование полюсов роста и внешних эффектов (например, вредным эффектом может быть загрязнение) [5, с. 133]. Оценив данный критерий, можно улучшить имеющуюся систему распределения, либо совершить попытку изменения конфигурации межрегиональных мультипликаторов, реорганизуя саму пространственную систему.

Наконец, заслуги предполагают, что общество должно нести более высокие расходы на поддержание безопасности в районах высокого социального риска и в данном случае, необходимо оценивать уровень потребности в использовании ресурсов данного региона и его служение общему благу, поскольку эти два критерия, в соответствии с представленной выше иерархией критериев социальной справедливости, играют большую роль [5, с. 134].

Таким образом, для достижения пространственной справедливости необходимо создать такую форму пространственной организации, которая максимизировала бы шансы наименее успешного региона. Необходимым первичным условием, например, является социально справедливый способ определения границ территорий и справедливый способ распределения ресурсов между ними. На основе рассмотренных принципов социальной справедливости, Д. Харви заключает, что для достижения пространственной справедливости необходимо соблюдение следующих условий:

1. Распределение дохода должно быть таковым, чтобы:

- потребности населения на каждой территории удовлетворялись;

- ресурсы распределялись так, чтобы максимизировать межрегиональные эффекты мультипликатора;

- дополнительные ресурсы распределялись на преодоление специфических отягощений физической и социальной среды.

2. Механизмы (институциональные, организационные, политические и экономические) должны быть таковы, чтобы шансы наиболее бедных территорий были максимизированы. Если эти условия выполняются, то мы достигнем справедливого распределения справедливыми средствами [5, с. 147].

Однако данные положения едва ли осуществимы в рамках капиталистической системы. Д. Харви полагает, что принятие того режима прав, который сложился при неолиберальной фазе капитализма, означает принятие того, что у нас нет иной альтернативы, кроме как жить при режиме бесконечного накопления капитала и экономического роста, какими бы ни были социальные, экологические или политические последствия этого. Это также означает, что распространение этого режима прав в мире должно вести к географическому расширению бесконечного накопления капитала [4, с. 89]. Пространственная справедливость будет осуществима только тогда, когда на смену неолиберальному капитализму придет неоконсерватизм, в основе которого будет лежать открытая демократия [6, с. 67-68].

Концепция пространственной справедливости П. Маркузе

Значимость утопического мышления в борьбе за пространственную справедливость, вслед за А. Лефевром, подчеркивает П. Маркузе. С его точки зрения хороший город должен не просто обладать справедливым пространством, а должен быть городом, который поддерживает полное развитие каждого жителя. Исследователь ставит своей задачей «поместить пространство на свое место» (*putting space in its place*) и стремится определить роль пространства в борьбе с несправедливостью. Он выдвигает пять положений, на основе которых выстраивается его теория пространственной справедливости:

1. Есть две основные формы пространственной несправедливости:

- произвольное сдерживание какой-либо группы на ограниченной территории – сегрегация, геттоизация;
- неравномерное распределение ресурсов в пространстве.

2. Пространственная несправедливость является производной от социальной несправедливости в широком смысле. Устранение причин пространственной несправедливости всегда предполагает устранение причин социальной несправедливости в целом, поскольку пространственная несправедливость не может быть изолирована от исторического и социально-политического экономического контекста, в котором она существует.

3. Социальная несправедливость всегда имеет пространственный аспект, и социальная несправедливость не может быть устранена без учета их пространственного аспекта.

4. Пространственные средства правовой защиты необходимы, но не достаточны для устранения пространственной несправедливости.

5. Роль пространственной несправедливости по отношению к социальной несправедливости в широком смысле зависит от меняющихся социальных, политических и экономических условий, и сегодня существуют тенденции, которые имеют тенденцию как уменьшать, так и увеличивать важность пространственного [9, с. 3-4].

Эти пять положений П. Маркузе иллюстрирует следующим примером. Район Гарлем, расположенный в северной части Нью-Йорка, известен как район проживания афроамериканцев. Он представляет собой классический случай пространственной несправедливости и отвечает сразу обоим подпунктам из первого положения, выдвинутого П. Маркузе. Проживание в этом районе полностью добровольно, однако, он имеет четкие границы и 99% его жителей являются афроамериканцами, в то время как во всем городе их доля составляет 24%, что характеризует Гарлем как гетто. Кроме того, распределение ресурсов в данном случае действительно отличается неравномерностью – обслуживание в медицинских учреждениях Гарлема хуже, чем в других районах города; данная территория менее экологически устойчива и обладает более высокими показателями заболеваемости астмой и отравления свинцом; школы переполнены в большей степени, чем в дру-

гих районах Нью-Йорка; кроме того в Гарлеме хуже благоустроена парковая зона [9, с. 4-5].

В соответствии со вторым положением, пространственная несправедливость, которую представляет Гарлем, является частью общей дискриминации в отношении афроамериканцев, которая имеет глубокие исторические корни в Соединенных Штатах, начиная с импорта рабов из Африки и привилегий для «белого» населения, пронизывающих все жизненные аспекты. Пространственная несправедливость в виде сегрегации и неравномерного распределения ресурсов являются производными от этих более широких несправедливостей. Но, согласно третьему положению, с социальной несправедливостью в широком смысле нельзя бороться без учета ее пространственного аспекта. Как государственные, так и частные ресурсы распределяются в пространстве (школы, поликлиники и больницы, пожарные депо, загрязняющие объекты, жилье и уход за детьми) и, как мы видим из примера, зачастую это происходит неравномерно. Тем не менее, и это вывод, который вытекает из четвертого положения, использование лишь пространственных средств правовой защиты не является адекватным для устранения социальной несправедливости по отношению к афроамериканцам, проживающим в Гарлеме. Это связано с тем, что социальная несправедливость в значительной степени касается всех афроамериканцев, где бы они ни жили в Нью-Йорке. В этом отношении социальная политика Соединенных Штатов (как и Европейского Союза) сосредоточена на локальных пространственных улучшениях, размещением недостающих ресурсов в гетто, но при этом игнорируется социальная несправедливость в широком смысле и в долгосрочной перспективе проблема не искореняется. В англоязычной литературе подобные решения проблемы получили название «позолоченные гетто» (*gilding the ghetto*) [9, с. 5].

П. Маркузе настаивает на том, что эффективная политика в борьбе с пространственной несправедливостью должна включать справедливое распределение ресурсов не только для Гарлема, но и для всего Нью-Йорка: контроль за арендной платой; ограничение прибыли от жилья и спекуляция землей;

организация и укрепление политической власти афроамериканцев; где бы они ни жили; расширение социальных программ; особенно жилищных [9, с. 5].

Таким образом, Д. Харви в своем исследовании заключает, что для достижения пространственной справедливости необходимо создать такую форму пространственной организации, которая максимизировала бы шансы наименее успешного региона. Необходимым первичным условием, в таком случае, является социально справедливый способ определения границ территорий и справедливый способ распределения ресурсов между ними. В то же время главный вывод, к которому приходит П. Маркузе таков – ни пространственная, ни социальная справедливость не могут быть искоренены без учета политических, экономических и социальных причин и общего исторического контекста. Большинство проблем имеют пространственный аспект, но их истоки лежат в экономической, социальной, политической сферах. Поэтому для борьбы за право на город необходимо отказаться от мотива прибыли в пользу других форм солидарности и коллективности, то есть взять курс на города для людей, а не для получения прибыли.

В заключении стоит отметить, что устойчивое развитие территорий является приоритетным направлением деятельности современных государств. Города и регионы, которые являются социально, экономически и экологически устойчивыми – это не «данность», а достижение. И большую роль на пути к этому достижению играет реализация идеи пространственной справедливости, пренебрежение которой грозит обернуться обострением бедности, маргинализацией, экологическими кризисами, ростом этнических и социально-региональных проблем, беспорядками, особенно в развивающихся странах. Поэтому необходимо критически изучить концепции пространственной справедливости, представленные в социальной мысли, а также опыт реализации проектов справедливых городов и территорий для выработки грамотных стратегий достижения пространственной справедливости в современных городах.

Литература

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: «Весь Мир», 2008.

2. Вершинина И.А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. №2.

3. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.

4. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. Т. 3. №. 66.

5. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

6. Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006.

7. Lefebvre H. The right to the city // Writings on cities. Wiley-Blackwell. 1996.

8. Marcuse P. Reading the Right to the City // City. 2014. V. 18. №. 1.

9. Marcuse P. Spatial justice: derivative but causal of social injustice // Justice spatiale/Spatial justice. 2009. V. 1. №. 4.

Spatial justice in a sociological perspective Grigoreva E. A.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article is devoted to the evolution of the spatial justice idea in social science. Spatial justice implies that all territory residents have equal access to socially significant territorial objects, public and cultural goods, which can be provided with equitable and effective urban planning and resources management. This idea application contributes to the development and maintenance of social justice and social equality in a broad sense. Spatial justice gained particular popularity in modern western sociological urban studies and is prospective but poorly researched in Russian science territorial organization and planning method. This article presents approaches to understanding this phenomenon proposed by American researchers D. Harvey and P. Marcuse.

Keywords: spatial justice, just city, David Harvey, Peter Marcuse, right to the city, social justice, inequality

References

1. Braudel F. Grammar of civilizations. M.: "the Whole World", 2008.
2. Vershina I. A. Henri Lefevre: from "the right to the city" to "urban revolution" // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2018. №. 2.
3. Touraine A. Return of the actor. Sociological essay, Moscow: Scientific world, 1998.
4. Harvey D. The right to the city // Logos. 2008. Vol. 3. №. 66.
5. Harvey D. Social justice and the city. M.: New literary review, 2018.
6. Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006.
7. Lefebvre H. The right to the city // Writings on cities. Wiley-Blackwell. 1996.
8. Marcuse P. Reading the Right to the City // City. 2014. V. 18. №. 1.
9. Marcuse P. Spatial justice: derivative but causal of social injustice // Justice spatiale/Spatial justice. 2009. V. 1. №. 4.

Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска

Иванов Роман Викторович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет. dorwardrv@list.ru

В статье анализируются результаты исследования городского публичного пространства Иркутска и роли в этом пространстве молодежи. Рассматриваются характеристики оценки публичного пространства, которые выделены автором в результате анализа экспертного интервью и опроса населения (имидж публичного пространства, социальная ориентация, удовольствие от взаимодействия, возможность наблюдать за другими, возможность участвовать во взаимодействии, карнавальность, безопасность и комфортность, системность).

В статье используются материалы исследования «Публичное пространство Иркутска», проводимого под руководством О.А. Полюшкевич в 2019 году. Исследование проходило в виде опроса и экспертного интервью. В опросе приняло участие 2400 жителей Иркутска в возрасте от 18 до 65 лет, 60% женщин и 40% мужчин. В экспертном опросе приняло участие 14 человек, выступающих экспертами в той или иной сфере публичной жизни Иркутска.

Ключевые слова: публичное пространство, гражданская активность, городская идентичность, правовое регулирование, сферы реализации.

В последние десятилетия в области гуманитарного знания все активнее обсуждают проблему публичного; в социальной философии она стала одной из самых актуальных. Проблема эта, впрочем, не с меньшим вниманием обсуждается в европейской литературе; ряд интересных работ посвящен ей и в российских научных публикациях.

Чем же вызван такой глубокий интерес к теме публичного? Прежде всего, надо сказать, что вопрос о ее значимости - не чисто теоретический, а более чем практический. Публичное пространство города - это общественная территория; его ключевое значение выражает идея общности, стимулируя развитие политических, правовых, экономических, культурных и иных смыслов социального взаимодействия. И актуальность вызвана возрастающим беспокойством о прогрессирующей приватизации различных типов городских общественных пространств, не говоря уже о дальнейших перспективах расширения того, что связывается с пониманием области частного. Кризисы, порожденные глобальными процессами, и больше всего дерегуляция и реформирование отношений между государством, частной и общественной сферой, - вот, что в конечном итоге стоит за столь широким интересом к теме публичного.

Впрочем, не только сегодня, но и в историческом прошлом интеллектуальной мысли публичное было предметом осмысления Платона, Аристотеля, Альберти, А.Фергюсона, И.Е.Забелина, В.Ф.Одоевского, М.Вебера, П.Сорокина, Х.Арендт, Ю.Хабермаса и других.

Во многом именно эти исследователи определили тот угол зрения, под которым тема публичного обсуждается и в настоящее время, а именно как вопрос об организующем принципе общественной жизни, действий и отношения человека к городу, государству и себе подобным, как гражданам. Однако сегодня обсуждение проблемы публичного имеет свою специфику: оно сместилось в сферу социальной философии, что,

разумеется, не могло не привести новых важных акцентов в характер и способы ее изучения.

Не будет большим преувеличением сказать, что в середине XX столетия критика пространственной организации и распределения территориального ресурса города не находила своих приверженцев среди тех, кто обосновывал эффективность системного метода или искал основания достоверности в методиках инвайронментального подхода.

Город выступал как площадка для решений политических, экономических и культурных задач национальных государств [17].

Город третьего тысячелетия вовлечен в поле сложных глобальных проблем, обусловленных ролью новых коммуникационных технологий, усилением международной и транслокалистской динамики социальных и межличностных связей, возросшей значимостью мировых (глобальных) городов. Повсюду каждый из этих процессов прослеживается в фактуре быстро меняющейся городской жизни, будь то в сторону улучшения, либо, наоборот, в направлении спада и ухудшения.

Не случайно в социальной философии последнего периода сложилось критическое отношение к политике глобального рынка, влияние которого так неравноценно и несправедливо отражается на жизни горожан. Гуманитарно-общественная критика варьируется от суждений об избыточном индивидуализме до минимальной социализации, от атрофии политического интереса до ощущений тотального риска, от «приватизации жизни» до ее «опубликования» и т.п.

Более того, проблема публичного широко проговаривается в политической риторике, в речи общественных деятелей, аналитиков и журналистов, в которых она актуализируется в масштабе государственных институтов и капиталистической экономики, в круге гражданских, художественных, научных, культурных вопросов. К тому же, сама постановка вопросов по линии качества публичных дебатов, их значения и сферы влияния на общественное мнение, на отстаивание прав или институциональных реформ приобрела сегодня значение чрезвычайной важности и потому не позволяет закончить дискуссии на все эти темы.

Социальная теория XVIII- начала XIX столетия уже намечает модус традиционной общины в ее разнообразных формах

- родовой, крестьянского товарищества, рабочей артели, христианской общины и т.п. Община рассматривается под давлением двух впечатлений, с одной стороны, в качестве социально-политического идеала (гражданское общество), а с другой – в ней усматривается наметившаяся склонность к распаду. Дальнейшее теоретизирование направлено на констатацию утраты человечеством общинной формы жизни и разложение ее на классы, идентичности, независимых индивидов, причина которых объясняется ростом организованности и бюрократизации общества.

В сказанном выше следует, конечно, учитывать позиции, которые наметили движение возврата к идее соучастия. Основы и методики общественной интеграции были представлены в виде, например, социальной группы интеллектуальной публики (Г.Тард), городских коммуни (Р.Парк), теоретического возрождения и идеализации публичного пространства греческой демократии (Х.Арендт), «публичной сферы» (Ю.Хабермас), средневековых общностей (Х.Патнэм) и т.п.

В последние десятилетия XX века понятие «публичное пространство» продолжает развиваться и углубляться, прежде всего, в рамках теории общества сетевых структур, урбанизма и проектной организации городской среды. Требование глобальности выводит пространство публичного за пределы локального плана; оно формируется в системе глобальных СМИ, относится к восприятию и к действию, осуществляемому публикой, и направлено на то, чтобы привлечь к участию в дискурсе каждого во всей своей сложной индивидуальности.

Такое публичное пространство плюралистично, динамично и воплощает неотъемлемый компонент (норму и принцип) «свободной демократии».

Об Иркутске можно говорить как о городе с активно развивающимся публичным пространством, где реализуется гражданская активность молодежи. Иркутск это город где зарождаются и работают частные галереи, арт-классы, творческие кофейни и новые музеи. Это город где молодежь находит свое место для реализации не только своих творческих способностей, но и гражданских прав, через работу открытых дискуссионных площадок, коворкинг-центров и иных открытых пространств для диалога (InЛермонтов, Точка кипения и прочее).

Формирование малого и среднего бизнеса, а также социального предпринимательства в сфере создания среды для социально активного взаимодействия. Самореализация и реализация личных интересов выступает ключевым моментом для укрепления публичного пространства. Старинные улицы и современные парки, набережные и скверы выступают платформой для самовыражения и коммуникации граждан. Публичное пространство выступает инструментом развития города и одновременно развития его жителей.

Важным моментом выступает в данном вопросе пространство легитимности реализации социальных проектов, творческих акций, публичных выступлений, собраний горожан и прочих социальных действий, влекущих за собой изменение социального самочувствия и социальной активности населения. Одним из нормативных актов, регулирующих данные процессы, выступает ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. Но он далеко не все процессы и сферы развития и активизации городского публичного пространства затрагивает и это позволяет говорить об ограниченности правового обеспечения данной сферы общественной жизни общества.

Публичность предполагает открытость, доступность для других, для выстраивания коммуникации незнакомцев и совместной социализации, решению творческих и насущных задач. Это может происходить на основе совместных действий (пространство как место действия – трактовка в стиле Х. Арендт [2]) или на основе обмена мнениями, обмена информацией (пространство как место информационной коммуникации – трактовка в стиле Ю. Хабермаса [16]). И первый, и второй подход позволяет переносить и формировать новые смыслы жизни города и его жителей, определять их идентичность и совместные установки и представления о себе, о своем городе, о прошлом, настоящем и будущем города. Взаимосвязь социальной идентичности иркутян и городской топонимики представлена в работах О. А. Полюшкевич [5,6,7,8] и М. В. Поповой [9], влияния городской среды на психоэмоциональное состояние в работах В. А. Скуденкова [12,13,14,15]. Вопросы публичности городского пространства также рассматривались в работах О. А. Полюш-

кевич [10,11]. Например, уличные граффити могут стать примером как реальных действий (протеста против каких-либо решений власти или рекламирование продуктов или же творческая реализация отдельных групп молодежи), что продемонстрировано в работах А.В. Завьялова [3] и С.В. Малых [4]. Среди ответов наших респондентов можно обозначить следующие, наиболее ярко иллюстрирующие данные выводы.

Реализуя какие-либо социальные проекты на публичных площадках Иркутска, я понимаю, что делаю наш город лучше. Я действую во благо горожан. И от этого чувствую, что живу не зря, так как мои проекты цепляют душу и меняют мировоззрение, поведение, мысли тех, кто в них участвует или за ними наблюдает (А.П., общественный деятель, 43 года).

Я провожу бесплатные мастер-классы и публичные лекции, я делаю что-то важное и нужное для города, я помогаю людям поверить в себя, найти внутренние ресурсы для реализации. Я верю в то, что это по-настоящему меняет лицо нашего города (Н.Н., публицист, психолог, 38 лет).

Можно выделить несколько характеристик оценки публичного пространства, которые сформировались в результате анализа экспертного интервью и нашли подтверждение при опросе населения (имидж публичного пространства – 21%, социальная ориентация – 17%, удовольствие от взаимодействия – 15%, возможность наблюдать за другими 12%, возможность участвовать во взаимодействии – 12%, карнавальность – 10%, безопасность и комфортность – 8%, системность 5%).

Имидж публичного пространства. Без знаковости места или персоны, на которую придут – публичное пространство безлико. Оно оживает новыми смыслами и знаками тогда, когда продуцирует условия для коммуникации (Ю. Хабермас) или возможность для действий (Х. Арендт). Иными словами, важным моментом выступает сфера и идеология деятельности.

Бывая на публичных мероприятиях, лекциях, ворк-шопах, мастер-классах я приобретаю новый круг знакомых, контактов и возможностей. Даже фиксация на фотографиях того или иного места – формирует мой имидж, размещая это у себя в социальных сетях – я фор-

мирую свой незримый социальный капитал, который позволит реализоваться мне в новом качестве, неожиданных проектах (М.А., журналист, блогер, 29 лет).

Некоторые события в публичных пространствах города просто обязывают тебя быть там. Это нужно для того, чтобы действовать. Обозначить то, что ты есть, готов работать, включаться в процессы, быть активным актором любой коммуникации. Это нужно для тебя самого, для твоих друзей, для города. Это имидж человека и гражданина (С.В., психолог, коуч, 42 года).

Социальная ориентация. Проекты, реализуемые в публичных пространствах, имеют социальную ориентацию, вне зависимости от того – реализация личного потенциала человека или какой-то социальной группы. Итоговый результат – социальная трансформация общества в позитивном направлении.

Социальные проекты, в которых я участвую или организую – всегда нацелены на развитие горожан, на улучшения имиджа города, на укрепление идентичности и солидарности граждан. Это творческая реконструкция исторических событий в виде ролевых игр, позволяет крепить коллективную память о прошлом, реализовать творческий потенциал в пошиве исторически соответствующих костюмов, заучивании аутентичных песен, вовлечении населения в совместную работу по реконструкции событий прошлого на улицах Иркутска (С.Ю., преподаватель истории, реставратор, 49 лет).

Важно делать не только то что тебе нравится (хотя и это важно), но и то, что полезно для города, для его жителей, что позволяет им узнавать что-то новое о себе (внутренние качества, навыки, способности). Именно этот потенциал позволяет нам верить в себя, надеяться на лучшее и идти вперед (Т.И., бизнес-тренер, 44 года).

Удовольствие от взаимодействия. Если вам не нравится то, что вы делаете, то это будет сделано плохо. Если вас заставляют что-то делать, а вы этого не хотите, то это также будет сделано плохо. Только процесс внутреннего удовлетворения и удовольствия от собственной деятельности позволяет развиваться публичному пространству, вовлекать в него новых людей, привлекать новые идеи и реализовывать интересные проекты.

Я могу заниматься своим делом в любое время дня и ночи, без денег и с деньгами. Мне это нравится, это мое хобби, мое увлечение, моя жизнь. Без рисования – я никто. Поэтому, когда я выиграл грант Губернского собрания Иркутской области, я был рад реализовать проект по обучению живописи всех желающих. Но до этого – я также проводил занятия для желающих и делал то же самое. Я не могу без этого жить (М.С., художник, фотограф 39 лет).

Я поучаю такое удовольствие от того что делаю, что даже не могу представить свою жизнь без этого. Ко мне часто приходят дети – лепить игрушки из глины, опираясь на традиционные старинные рецепты. Хотелось бы чаще видеть их родителей, но они значительно реже остаются. Но это не значит, что я делаю что-то не так. Это всего лишь возможность для моей удовлетворенности жизнью и я ей активно пользуюсь! (С.В., мастер по глине, архитектор, 31 год).

Возможность наблюдать за другими. / Возможность участвовать во взаимодействии. Эти два пункта в опросе населения заняли одинаковое количество процентов и, по сути, говорят о двух сторонах одного процесса. Возможности наблюдать за теми, кто что-то делает и самим участвовать в этом действии. Это реализация психологических особенностей человека.

Я стараюсь присутствовать на общегородских публичных мероприятиях – это позволяет чувствовать сопричастность с городом и горожанами. Наблюдая за концертами, участвуя в выставках или присутствуя на мастер-классах мы формируем единое пространство для развития города. В этом и есть наша солидарность, которая проявляется на повседневном уровне взаимодействия (А.В., юрист, 34 года).

Мне нравится наблюдать за теми, ко участвует в акциях, флеш-мобах и других проектах в публичных проектах в городе. Это вызывает удивление и искренний интерес к людям и их жизни, мотивам их поступков и готовности что-то делать. Когда я их вижу, во мне просыпается ученый-исследователь (С.В., переводчик, аниматор, 26 лет).

Карнавальность (возможность включения в игру). Фестивали, постановки, флеш-мобы способствуют развитию твор-

ческой импровизации и ощущения со-участия в публичном пространстве со множеством незнакомцев. Возможность примерить новые маски и роли, расширить поле идентичности. Карнавалы, шествия, балы-маскарады, тематические исторические балы стали модными в Иркутске за последние 10 лет, что выступает сигналом к формированию нового типа идентичности – горожанина развлекающегося, карнавальность как признак нового мира.

Карнавалы – это возможность соприкоснуться с другим временем, с историей, с иной жизнью. Я работаю в Сбербанке и уже несколько лет подряд специально с коллегами готовимся к городскому карнавалу – шьем костюмы, готовим номера с выступлениями. Это возможность соприкоснуться с новыми гранями жизни (А.Ю., ведущий экономист, 37 лет).

Организация развлекательного досуга – мечта моей жизни. Пока я участвую и помогаю в организации развлекательных, досуговых городских мероприятий на день города и на другие знаковые события. Это позволяет мне раскрыться и увидеть бесконечное количество возможностей для самореализации и способов украсить, улучшить наш город (М.С., студентка, 19 лет).

Безопасность и комфортность. Публичное пространство должно создавать рамки, позволяющие любому человеку чувствовать себя в безопасности и комфорте, пребывая в этом пространстве.

Публичное пространство будет привлекать молодежь тогда, когда оно будет безопасно и будет позволять творчески реализовываться (С.В., архитектор, 25 лет).

Комфортная городская среда, удобные и красивые публичные места города сами по себе создают ауру привлекательности и располагают к творческой реализации тех, кто там находится. Задача властей, бизнеса – создать эту среду и тогда молодежь станет прорывным инструментом развития городской среды (С.В., помощник депутата, 30 лет).

Сложность в том, что правовым обеспечением безопасности в городском пространстве по факту никто не занимается. Полиция регулирует уже свершившиеся нарушения общественного порядка или преступления, но не занима-

ется их предотвращением. Другие правовые институты также не задействованы в данном вопросе (К.Ю., руководитель благотворительного фонда, 62 года).

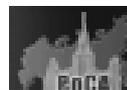
Системность. Публичное пространство развивается только тогда когда оно изменяется, постоянно прирастает новыми формами, идеями, проектами через тех, кто организует и участвует в мероприятиях, проводимых в этих местах. Системно развивающаяся среда – это условие развития города и горожан. Во всех этих сферах – основное действующее лицо – это молодежь. Новые лики и формы, ракурсы и грани жизни молодежи задают условия для реализации в городских публичных пространствах. Даже в проектах, где основными участниками выступают пенсионеры или инвалиды, молодежь присутствует в виде волонтеров, организаторов и иных активных лидеров, способных реализовать пространственную сферу города. На данный момент есть понимание системности в идеях и проектах, но их правовом обеспечении представления и реальные действия отсутствуют.

Системность, которая соединяет в себе комфорт и безопасность, модность и актуальность, удобство и возможность вовлеченности в разные процессы позволяет всем кто может и готов реализовать свой потенциал. Развивая только одно направление – в результате мы угробим все. Необходимо постепенно выходить на новый уровень (М.С., директор кинотеатра, 42 года).

Системная работа публичного пространства строится на прозрачности и правовом регулировании всех процессов – данная сфера в Иркутске совсем не развита. И мы можем говорить о социальной активности, но говорить о безопасности или правовой защищенности социальных инициативы – увы, не можем (А.Е., правозащитник, 31 год).

Таким образом, развитие публичного пространства Иркутска становится неотъемлемой частью городского развития. Участие молодежи в этом процессе и закономерно и необходимо, так как именно она выступает носителем идей и главным действующим лицом в их реализации в городском пространстве. Для того чтобы городское публичное пространство развивалось более интенсивно стоит активизировать работу в области:

- Разработки и реализации муниципальных программ поддержки молодежных проектов.

- Проведения мониторинга социального самочувствия молодежи.
- Координация работы молодежных объединений в городе.
- Системное проведение молодежных мероприятий.
- Информационная и финансовая поддержка молодежных проектов в рамках публичного пространства Иркутска.
- Правовое сопровождение реализации проектов в публичных пространствах города (как для организаторов, так и для участников).

Возможность раскрытия потенциала молодежи в развитии публичного пространства Иркутска возможно при взаимодействии органов муниципальной власти и социальной ответственности бизнеса в рамках создания условий для развития социального предпринимательства и креативного потенциала развития города.

Город вобрал в себя все, чем богат мир, он призван творить эту вечно живую реальность, эту бесконечно разнообразную, бесконечно сложную жизнь; он обречен созидать все, что нужно для этой жизни. В процессах исторического становления городские структуры фиксируют моменты постоянства и изменчивости. Что же изменяется и что остается неизменным? Как город отвечает на вызовы времени? По-разному, но всегда голосом живущих в нем людей. Изменения порождают как противоречия, так и согласие, они ужасают и дарят счастье, вызывают протест и творчески переосмысливаются [17]. Так или иначе, перемены связаны с мечтой о том, что нужно для достижения лучшей жизни.

В стремлении к этой цели все пути ведут в город, вернее, к сообществу людей, к их способности интегрировать свои интересы и действия. И в этом аспекте много неясности. Способны ли, разрозненные по жизненным принципам и установкам сообщества объединить усилия для общего дела? Не будут ли политические институты работать на партикулярные интересы так, как это происходит на сегодняшний день? Что, в конечном счете, нас ждет в пункте системной бифуркации? Видимо, в эпоху нестабильности устойчивым является лишь факт исторической миссии города – быть центром судьбоносных решений. И это уже не только философский и социальный вопрос, но духовный. Публичное пространство остается напоминанием и ключом к решению многочисленных во-

просов и проблем, которые неизменно порождает сотворенный человеческой общностью мир города.

Литература

1. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06.10.2003. (ред. 01.05.2019) // КонсультантПлюс [электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата доступа 28.05.2019)
2. Арндт Х. Vita activa, или о деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
3. Завьялов А.В. Новое лицо города: граффити в Иркутске // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы всероссийской научной интернет-конференции, Иркутск. 2010. С. 228-232.
4. Малых С.В. Граффити-реклама как часть визуального пространства города // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса Материалы Первой региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию ИГУ. Иркутск. 2018. С. 153-156
5. Полюшкевич О.А. Место топонимики в социокультурном воспроизводстве Иркутска // Социология. 2018. № 4. С. 39-45.
6. Полюшкевич О.А. Образ исторического города: топонимические проблемы // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе Материалы X Всероссийской научной интернет-конференции. 2018. С. 231-240.
7. Полюшкевич О.А. Топонимика Иркутска в оценках его жителей // Урбанистика. 2018. № 2. С. 12-22
8. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. – № 11 (107). – С. 80-94.
9. Полюшкевич О.А., Попова М.В. Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 86-97.
10. Полюшкевич О.А. Поствиртуальность повседневного публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2019. № 3 (34). С. 3-10.
11. Полюшкевич О.А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2019. № 4. С. 143-149.

12. Скуденков В.А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 119-122.

13. Скуденков В.А. Психогеография в фокусе социальных притязаний горожан // DIXI – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 117-124.

14. Скуденков В.А. Психогеографические притязания жителей Иркутска // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно - практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. 2019. С. 197-204.

15. Скуденков В.А. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самочувствию // Философия здоровья: интегральный подход Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 69-79.

16. Хабармас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 418 с.

17. Филимонова О.Ф. Публичное пространство города: Монография – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017 – 185 с.

Civil activity of the population in the public space of Irkutsk

Ivanov R.V.

Irkutsk State University

The article analyzes the results of a study of the urban public space of Irkutsk and the role of youth in this space. The author considers the characteristics of the public space assessment, which were identified by the author as a result of the analysis of expert interviews and population surveys (public image, social orientation, pleasure from interaction, the ability to observe others, the opportunity to participate in interaction, carnival, safety and comfort, systematicity).

Key words: public space, civic activism, urban identity, legal regulation, areas of implementation

References

1. "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation" No. 131-FZ dated 06.10.2003. (revised 05/01/2019) // ConsultantPlus [electronic resource] URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA_W_44571/ (access date 05/28/2019)

2. Arendt H. Vita activa, or about active life / Per. with him. and English. V.V. Bibikhin. Saint Petersburg: Aleteya, 2000. 437 p.
3. Zavyalov A.V. The new face of the city: graffiti in Irkutsk // Culture and explosion: social meanings in a transforming society. Materials of the All-Russian Scientific Internet Conference, Irkutsk. 2010. S. 228-232.
4. Malykh S.V. Graffiti advertising as part of the visual space of the city // Creative industries in the regional space of social services and business Materials of the First Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of ISU. Irkutsk. 2018. S. 153-156
5. Polyushkevich O.A. Place of toponymy in the sociocultural reproduction of Irkutsk // Sociology. 2018. No. 4. P. 39-45.
6. Polyushkevich O.A. The image of a historical city: toponymic problems // Culture and explosion: social meanings in a transforming society Materials of the X All-Russian Scientific Internet Conference. 2018. S. 231-240.
7. Polyushkevich O.A. Toponymy of Irkutsk in the assessments of its inhabitants // Urban Studies. 2018. No. 2. P. 12-22
8. Polyushkevich O.A. Symbolic construction of territorial identity (on the example of Irkutsk toponymy) // Management consulting. 2017. - No. 11 (107). - S. 80-94.
9. Polyushkevich O.A., Popova M.V. Influence of toponymy on the identity of city residents (based on materials from Irkutsk) // Sociodynamics. 2018. No. 9. P. 86-97.
10. Polyushkevich O.A. Postvirtuality of the everyday public space of the city // City management: theory and practice. 2019. No. 3 (34). S. 3-10.
11. Polyushkevich O.A. Creativity and openness of the public space of Irkutsk // Sociology. 2019. No. 4. P. 143-149.
12. Skudencov V.A. Psychogeography of urban space // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Collection of scientific papers. FSBEI VO "ISU"; under total. ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2019. S. 119-122.
13. Skudencov V.A. Psychogeography in the Focus of Social Claims of Citizens // DIXI - 2019: Ideas, Hypotheses, Discoveries in Social and Humanitarian Research, Collection of Scientific Papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 117-124.
14. Skudencov V.A. Psychogeographic claims of Irkutsk residents // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of a small homeland. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. 2019. S. 197-204.
15. Skudencov V.A. Psychogeography of the city: from architecture to social and psychological well-being // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2019. S. 69-79.
16. Habermas Y. Involvement of the other. Essays on political theory. Saint Petersburg: Nauka, 2001. 418 p.
17. Filimonova O.F. Public space of the city: Monograph - Saratov: Publishing house "Saratov source", 2017 - 185 p.

Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения

Маленков Вячеслав Викторович

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета, vvmalenkov@gmail.com

Мальцева Наталья Владимировна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, n.v.malceva@utmn.ru

В статье рассматриваются представления современной молодежи о гражданственности и патриотизме, репрезентации в их сознании традиционных патриотических установок и патриотизма гражданского типа. Проведенное эмпирическое исследование построено на синтезе качественно-количественных методов. Эмпирической базой статьи являются данные полужформализованных интервью и анкетного опроса, проведенных в 2019 г. в городе Тюмени. Объектом социологических исследований выступают разные группы молодежи (работающая молодежь, студенты вузов, учащиеся СПО, школьники) как представители постсоветского поколения. В ходе анализа социологической информации зафиксированы различия в ответах, полученных при проведении количественного и качественного исследования. По результатам качественного анализа делается вывод о преобладании среди молодежи традиционалистских представлений о патриотизме, основанных на доминирующей в общественно-политическом дискурсе модели. При этом гражданственность слабо актуализирована в сознании молодежи, о чем свидетельствует ограниченность ассоциаций, связанных с данным концептом. Анкетный опрос, напротив, выявил разнообразие представлений о патриотизме. При этом элементы его гражданской сущности оказались более востребованными среди молодежи, хотя и явно не преобладающими.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, гражданско-политические ориентации, постсоветское поколение, молодежь

Формирование и воспроизводство патриотических ценностей является важным условием преодоления внутренних противоречий на общенациональном уровне и основой для развития гражданственности. В связи с этим возникает необходимость в изучении представлений студенческой молодежи о гражданственности и патриотизме как ключевых составляющих национального самосознания, основы формирования гражданско-политических ориентаций.

Понятие патриотизма довольно многозначно, что вызывает сложность его концептуализации в научном дискурсе и многочисленные общественно-политические дебаты по поводу способов формирования патриотического сознания молодых граждан.

Концепт «патриотизм» имеет долгую историю. Как отмечает С.А. Магарил, «патриотизм не является чем-то неизменным и с течением времени модифицируется. Исторически предшествующие версии патриотизма подвергаются «моральному износу» и постепенному распаду в массовом сознании, а само понятие наполняется новым смыслом» [9, С. 143].

Появившись в Древней Греции, термин «патриотизм» означал любовь и преданность Отечеству. Впоследствии он существенно трансформировался и приобрёл множество различных коннотаций. Понимание патриотизма, отличное от античного, появляется в связи с формированием политических наций в Западной Европе, благодаря чему его трактовка тесно увязана с проблематикой национального бытия и гражданства.

В России патриотическая тематика приобрела особую актуальность в 19 веке и была связана с «модой» на идеи республиканизма, ядром которой является понятие «гражданские добродетели». В отечественном дискурсе, хотя

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №19-011-00632 «Гражданско-политические ориентации постсоветского поколения: модели и типы»

и была своя специфика, ключевые подходы к пониманию патриотизма и гражданственности во многом созвучны западной традиции.

В советское время данные понятия полностью трансформировались, наполнились смыслами, совместимыми с преобладающей идеологией. Так В.А. Сухомлинский писал о большом мире коммунистической гражданственности, ядром которой являются коммунистические идеалы, верность трудовому народу, готовность отдать силы и жизнь во имя Советской Отчизны [18, С. 222].

Исследовательский (описательно-оценивающий) контекст анализируемого термина реализован в работах Ю.Р. Вишневого и Д.Ю. Нархова [2]; Ю.Г. Волкова, А.В. Лубского и Н.К. Бинеевой [3]; Л.В. Гуляевой и Г.З. Ефимовой [4]; В.Н. Иванова, М.М. Назарова и Е.А. Кублицкой [5]; В.К. Левашова [7]; Н.П. Нарбуто и И.В. Троцук [13]; Т.Н. Самсоновой [16]; И.А. Халий [20]. Данные авторы предпринимают попытки «замерить» патриотическое сознание и степень патриотизма представителей разных социальных групп, дополняя формальные количественные способы диагностики патриотизма качественными методами (глубинные интервью, метод фокус-групп и т.п.).

Дискурс о патриотизме структурирован по принципу дихотомий, обращение к которым позволяет отделить понимание патриотизма от непатриотизма, а также выявить различия между моделями патриотизма и представлениями о нем. Ключевыми точками дискурса являются следующие: «рациональное (осознанное) – иррациональное (интуитивное)», «пассивное (созерцательное) – активное (деятельное)», «традиционное – современное», «донациональное – национальное», «государственное – гражданское».

«*Рациональное – иррациональное*». Патриотизм часто рассматривают как нечто иррациональное, определяемое через чувства любви, гордости, преданности, долга и т.п. Как отмечал А.Н. Малинкин, «первоисточником любого эмоционального отношения к родине, в том

числе негативного (например, ненависти), всегда является любовь» [12, С. 27].

Рациональное же в патриотизме связано с тем, что субъект, определяющий себя как патриот, является рефлексивным индивидом, который осознанно конструирует свою гражданскую ипостась. В этом смысле рациональный патриотизм созвучен компетентной (просвещённой) гражданственности. П. Я. Чаадаев, характеризуя российскую патриотическую идентичность, писал: «Надо сознаться, причина в том, что мы имеем пока только патриотические инстинкты. Мы ещё очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещённых научным знанием и мышлением; мы любим наше отечество ещё на манер тех юных народов, которых ещё не тревожила мысль ...» [21, С. 47].

Противопоставление иррационального и рационального в зарубежных источниках часто выражают в терминах слепого и конструктивного патриотизма [25]. Последний более приближен к идеалу гражданина независимо от того, в какой идеологической плоскости его не рассматривать [24].

«*Пассивное – активное*». Пассивные патриоты не предпринимают никаких действий, реально поддерживающих нацию. Активные патриоты добровольно участвуют в жизни нации, их любовь к стране и стремление к процветанию демонстрируются делами [23, С. 603].

Рассуждая о патриотизме, еще Н. А. Бердяев отмечал, «любовь человека к земле не есть рабство человека у земли, не есть пассивное в неё погружение и растворение в её стихии. Любовь человека к земле должна быть мужественной. Мужественная любовь есть выход из натуралистической зависимости, из родовой погруженности в стихийный первородный коллективизм» [1, С. 249].

В определении Н.А. Бердяева помимо апелляции к пассивности присутствует понятие натуралистической зависимости, свойственной общинному коллективизму. Важным моментом в его

теории выступает различие патриотизма органического (донационального) и национального.

«*Донациональное – национальное*». В рассмотрении патриотизма как донационального феномена акцент смещён к более близким объектам (своя земля, община и т.д.). Чаще всего подобное понимание патриотизма отделяется от понятий «государство», «нация», «гражданство». Органическая модель патриотической идентичности в качестве объекта отождествления имеет догосударственные формы социальной общности, с одной стороны, и преимущественно локальные идентичности, с другой.

Донациональный патриотизм тесно связан с территорией как формой локализации традиционной общности, и практически не затрагивает другие объекты идентификации, характерные для более развитых национальных сообществ [6]. Донациональная модель патриотической идентичности ассоциируется с традиционными формами солидарности («локальный патриотизм», «общинный патриотизм», «этнический патриотизм» и т.д.) и нередко приобретает негативный оттенок в контексте дифференциации от «других», в частности, как проявление ксенофобии и этнического национализма.

Объекты идентификации в национальной и донациональной моделях аналогичны:

- 1) территория (пространственность). Отождествление с территорией является базовым в структуре патриотической идентичности (например, историческая родина, родная земля, отчизна);
- 2) сообщество, локализуемое на данной территории (земляки, соотечественники, соплеменники);
- 3) политическая власть, государство;
- 4) темпоральность как осознание времени, общего прошлого, настоящего и будущего (сверка часов, синхронизация сообщества).

В донациональном типе, в отличие от национального, данные структуры менее выражены, поскольку находятся в стадии становления и институционализации. Для

данной модели характерны значительные изменения при переходе от локальности, присущей донациональному типу идентификации и предполагающей непосредственное восприятие территории как её объекта, к идентичности с воображаемой территорией.

В первом случае предполагается, что территория совпадает с местом проживания, рождения. Так, по утверждению Э. Ренана, «Афины, Спарта, Сидонь, Тирь являются незначительными центрами удивительного патриотизма, но все это незначительные города с относительно малой территорией» [16, С. 90]. Во втором – территория является существенно более масштабным объектом, недоступным в качестве предмета непосредственного созерцания. Человеку необязательно визуально ощущать территорию, на которой локализована его нация (страна, гражданином которой он является), чтобы проникнуться патриотическими чувствами по отношению к ней, тогда как, по замечанию О. Шпенглера, «античный человек ощущает как родину только то, что он видит с кремля своего родного города. Там, где кончается горизонт Афин, начинается чужое, вражеское – «родина» других» [22, С. 491].

Современная национальная идентичность включает территориальную принадлежность, последняя же подвергается существенной проработке посредством инструментария символической политики [11, 14]. В результате территория представляется как ключевая терминальная ценность, которая входит в ядро ценностной системы, являясь фундаментом конструирования патриотической идентичности.

Темпоральность национального патриотизма также ощутимо отличается от временной структуры традиционного патриотизма локальной общности. Он в той или иной трактовке обычно встроен в исторический нарратив нации, легитимируя определенную схему прошлого, принятую в качестве релевантной. В этой схеме прошлого акценты расставлены иначе: здесь ярко проявляется тип национальной идентичности – превалирование государства либо общества в

истории. Так называемая «карамзинская схема» истории России отождествляет общество и государство, «частное» как проявление патриотизма редко звучит в историческом нарративе. Историческая программа современного российского патриотизма более связана с военной тематикой, нежели с гражданской, что подтверждают результаты изучения общественного мнения.

Национальная модель патриотической идентичности пересекается со многими понятиями, составляющими крайние точки философского и социально-политического дискурса. Одним из ключевых противопоставлений здесь является «традиционное – современное». Согласно Ю. Хабермасу, «национализм знаменует собой первый шаг к рефлексивному усвоению традиции, к которой причисляет себя националист; ведь уже национальная идентичность является посттрадиционной» [19, С. 129]. Речь идет об объектном наполнении патриотической идентичности. Последняя структурируется в зависимости от отношения социального актора к базовым параметрам общества, в рамках которого он себя мыслит и отождествляет.

«Государственное – гражданское». Наиболее важно, на наш взгляд, выделить две модели патриотизма национального типа: *этатистский и гражданский*.

Этатистский (государствоцентричный) патриотизм основан на лояльности, прежде всего, государству, являющемуся политической формой существования общества. Национальная государственность воспринимается как нечто сакральное, как абсолютная ценность. Патриотическая идентичность такого типа предполагает уважение к власти, восприятие её как высшей формы политической субъектности.

Характерной особенностью национально-государственной модели идентичности является то, что государство выступает не только объектом патриотизма, но и активным субъектом в вопросе конструирования социетальной патриотической идентичности и реализации её через систему социализации,

образования и воспитания (вертикальная гражданская социализация).

Значимым представляется и то, что описываемая модель идентичности довольно часто включает в себя государство в узком смысле, то есть ассоциируется с историческими личностями и конкретными субъектами, составляющими правящий класс. В таком виде патриотическая идентичность выступает важной частью механизма неопатримониального господства, нередко встречающегося в современной реальности государственного управления.

Гражданский патриотизм в мировоззренческом плане тесно связан с понятием «гражданская нация», олицетворяющим некую завершенность процесса строительства нации. Прилагательное «гражданский» акцентирует в данном контексте детерминированность функций государства, производность его от нации как сообщества граждан (нация как согражданство), являющейся источником суверенитета [15]. Образ государства представляется более рационализированным – в виде института, а не тотальной формы общественного устройства.

В рамках гражданской нации государство как объект идентификации трансформируется в административную структуру, осуществляющую ограниченные функции в обществе, в противовес этатистской модели, где национальное государство выступает надобщественным образованием. Патриотизм как часть гражданской идентичности основан на формальных принципах и процедурах реализации общей воли членов гражданского сообщества. В отличие от государственного патриотизма, связанного с интеграцией в национальное государство, гражданский патриотизм составляет ядро механизма национальной консолидации как гражданской кооперации.

Этатистская модель патриотической идентичности тесно связана с национально-государственной идентичностью, гражданская же модель сочетается с национально-гражданской идентичностью. В.Д. Соловей относит национальную российскую идентичность к

государственному типу, имея в виду, что «государственная идентичность подразумевает образ государства в массовом сознании и стремление к интеграции с ним (или, наоборот, отталкивание от государства); гражданская – то же самое, но в отношении страны и общества» [17, С. 142].

Гражданский патриотизм созвучен понятию «конституционный патриотизм», определяемый Ю. Хабермасом как «готовность граждан идентифицировать себя с политическим строем и с принципами основного закона» [19, С. 123].

С целью выявления ключевых параметров гражданско-патриотической идентичности российской молодежи как фактически первого поколения, прошедшего гражданско-политическую социализацию в постсоветский период [6], в 2019 году нами было проведено социологическое исследование. На первом этапе применялся метод полуструктурированного интервью со студентами тюменских вузов (n=126), на втором этапе использовался метод анкетного опроса разных групп учащейся и работающей молодежи (n=1364).

Согласно данным интервьюирования, концепт «гражданственность» ассоциируется у молодежи в основном с гражданством, правами и обязанностями гражданина, государством. Данный концепт эмоционально и ценностно нейтрален, чаще воспринимается как формальный, нежели сущностный. Патриотизм в свою очередь более насыщен смыслами, вызывает ценностно и эмоционально окрашенную реакцию. Ядром представлений студентов о патриотизме является его интерпретация как *иррационального* (созерцательного, пассивного) *чувства*, изначально присущего каждому человеку в силу его рождения на определенной территории. Трактовки данного понятия сводятся к таким чувствам, как любовь (отметили 102 человека из 126 опрошенных), преданность (27), гордость (13), верность (12), способность жертвовать собой (10), уважение (8), вера (6), нравственное чувство (5).

подавляющее большинство участников интервью использовали данные

высказывания применительно к родине и стране, например:

«Бескорыстная любовь к своей родине, какой бы она ни была» (студентка, 21 год);

«Патриотизм для меня – это когда ты верен своей стране и родине, не способен на предательство (как любят делать многие люди в нашей стране)» (студентка, 21 год).

Государство, народ, нация, территория, земля, отечество, гражданство в качестве объектов иррационального патриотизма встречались нечасто:

«Это нравственное чувство преданности, любви и гордости к своей стране. Оно проявляется в отношении к своему народу, местам и окрестностям, где вырос человек» (студент, 22 года);

«Это особенное эмоциональное переживание по отношению к своей стране, гражданству, традиции, родной земле» (студент, 28 лет).

Важно отметить, что в ответах на вопрос, где интервьюируемым предлагалось дать характеристику настоящего гражданина, выделить его качества, патриотизм фигурировал крайне редко. Беседы с молодыми людьми свидетельствуют об отсутствии понимания патриотизма как составной части национальной идентичности. Это касается не только ориентации на государство, но и понимания патриотизма как гражданского феномена. Значительная часть трактовок патриотизма ассоциируется с лояльностью к власти и государству.

«Умение видеть проблемы и помогать государству, власти в их решении» (студент, 20 лет);

«Способность пренебречь своими желаниями ради желаний государства» (студент, 20 лет);

«Восприятие положительного общего духа общества. Объединение мышления во благо государства» (студентка, 29 лет);

«Принятие многих недостатков в политической системе страны» (студентка, 24 года).

Однако встречаются, хотя и гораздо реже, суждения, в которых связь между

патриотизмом и государством (властью) отрицается. В этих высказываниях проявляется критическое отношение к властным структурам и политическим институтам, олицетворяющим государство:

«Патриотизм – это любовь к своей родине, любовь к своей стране, но никак не к государству и власти. Поэтому я считаю себя патриотом, хоть и не поддерживаю нынешнюю власть» (студент, 21 год);

«Государство может поменяться, а Родина одна. Государство, власть можно и нужно критиковать постоянно. Это признак патриотизма, а не наоборот» (студентка, 26 лет);

«Патриотизм – не значит молча сглатывать и безропотно соглашаться со всем, что предлагает и делает власть» (студентка, 27 лет);

«Адекватное отношение к своей стране, т.е. одновременно и любовь к Родине, и умение видеть недостатки своей страны, государства» (студентка, 21 год).

В некоторых случаях иррациональное восприятие патриотизма связывается с материальными объектами:

«Любовь ко всему, что сделано в России (машины, оборудование и т.д.)» (студентка, 21 год);

«Благодарность, преданность своей Родине за созданные условия благоприятной жизни» (студентка, 22 года).

Активный патриотизм, связанный с совершением конкретных действий во благо страны довольно сильно отстает от пассивного по частоте и силе упоминания. Такие проявления патриотизма, как отстаивание национальных интересов, активное участие в жизни государства, деятельность во благо страны, поддержка страны, желание сделать свою Родину лучше, неравнодушное отношение, участие в решении проблем страны, подвиги на благо Отечества, желание прославить страну, упоминались молодыми людьми в единичных случаях:

«Патриотизм – это одно из инстинктивных чувств человека. Оно означает жить ради улучшения своей Родины,

своей страны, служить ей всеми возможными способами и жертвовать своей жизнью всякий раз, когда есть необходимость» (студентка, 21 год);

«Моральный долг гражданина, способность внести вклад в развитие страны» (студент, 21 год);

«Любовь к родине, которая может проявляться в различных действиях в пользу своей страны, улучшение её, участие в различных акциях с целью развития страны (например, выборы)» (студент, 19 лет);

«Патриот – человек, который любит русскую музыку, литературу, участвует в митингах, может принадлежать к какой-либо партии, тот, кто не замалчивает о проблемах в стране» (студентка, 27 лет).

В противовес количественным данным результаты интервью показали, что ассоциативный ряд, связывающий патриотизм с защитой Родины, участием в военных действиях, готовностью встать на защиту страны в случае необходимости, в ответах молодежи представлен весьма незначительно:

«Патриотизм – это такое состояние, при котором ты готов на всё, чтобы защитить место, где ты вырос» (студент, 21 год);

«Любовь к своей стране, желание при необходимости встать на её защиту» (студентка, 21 год);

«Патриот – человек, который отдаёт долг перед Родиной» (студент, 21 год).

Отдельную категорию определений составляют констатация необходимости воздерживаться от определенных действий либо сравнения с какими-то внешними объектами. В основном они касаются отношения к другим странам и отношений с другими странами. К первой категории можно отнести следующие определения:

«Желание, чтобы Родина была лучше других» (студент, 24 года);

«Патриотизм – это любовь к своей Родине, отрицание европейских ценностей» (студент, 21 год);

«Патриотизм не связан с оскорблением других стран» (студентка, 21 год).

«Патриоты – люди, стремящиеся к благополучию своей страны, но уважающие «чужой» менталитет» (студентка, 21 год).

В контексте отношений с другими странами патриотизм трактуется в основном как отказ от временного либо постоянного пребывания в другой стране:

«Когда считаешь ненужным отдыхать за границей» (студентка, 21 год);

«Готовность всю жизнь провести в своей стране, без желания уехать за границу» (студент, 26 лет);

«Зачастую люди думают, что в другой стране или городе лучше, чем там, где ты сейчас находишься, но это всё ерунда» (студентка, 27 лет).

«Патриот – человек, который чтит традиции своей страны, гордится своей малой и большой Родиной, любит приезжать в любимые места нашей необъятной страны и наслаждаться каждым мгновением» (студентка, 21 год);

«Патриот – человек, который всегда и везде думает, помнит и продвигает свою родину, для которого все иные места чужды» (студент, 27 лет);

«Патриоты – это просто люди, которые живут в нашей стране и не хотят уезжать» (студент, 23 года).

Весьма слабо отражен в определениях патриотизма темпоральный аспект. Апелляция к истории, предкам, необходимости соблюдать традиции и беречь культуру, представлены в ответах участников интервью более отчетливо, нежели ассоциации с будущим страны:

«Любить свои традиции и чтить их» (студентка, 21 год);

«Знание истории и выдающихся людей» (студент, 20 лет);

«Знание истории своей страны, сохранение памятников» (студентка, 21 год);

«Желание прогресса и развития своей стране» (студент, 21 год);

«Позитивный взгляд на развитие страны в будущем» (студент, 28 лет).

Практически не представлены в трактовках патриотизма концепты импе-

рии, державности, которые были популярны ранее [10]. Также очень слаба ассоциация с официальными государственными символами России (флагом, гимном, гербом). Характерным является минимальное количество резко негативных определений патриотизма, например: *«добровольное рабство»* (студент, 20 лет); *«промывка мозгов»* (студент, 24 года); *«создание иллюзии для пролов»* (студентка, 21 год).

Следует отметить, что в рассуждениях об абстрактном патриотизме молодые люди чаще скучали и неохотно выражали свои мысли. Однако при ответе на вопрос о настоящем патриоте респонденты заметно оживлялись.

В определении настоящего патриота превалирует образ военного человека, защитника Родины. Наиболее часто в качестве патриотов упоминаются люди, прошедшие войну:

«Те, кто прошли войну (ветераны). Они воевали за свою страну и сделали всё возможное для своей страны, но страна для них ничего не делает» (студент, 22 года);

«Все, кто совершал подвиги на войне» (студентка, 21 год).

В данном контексте патриотизм часто связывается с героизмом и самоотверженностью:

«Патриот – человек, который готов пойти на жертвы ради своей страны (взять оружие и пойти воевать). Я не являюсь патриотом, но если понадобится, то воевать я пойду» (студент, 22 года);

«Патриоты – это спортсмены, которые борются до конца за честь Родины» (студент, 19 лет).

Тем не менее, подлинные патриоты – это не обязательно известные люди, прославившие свою Родину за её пределами, ими можно считать и рядовых граждан, которые не равнодушны к проблемам страны и своими поступками стремятся принести ей пользу:

«Патриот – это человек, который живёт своей страной» (студентка, 21 год);

«Тех, кто желает стране процветания и делает её лучше. Ни одного политика не считаю таким. Думаю, настоящих патриотов очень много, но истинные патриоты, которые готовы на всё ради страны, – это фанатики, на мой взгляд» (студент, 21 год);

«Человек, который что-то делает в интересах своей Родины. Патриот живёт в своей стране и в хорошие времена, и в трудные» (студентка, 20 лет);

«Истинный патриот видит недостатки своей страны и старается исправить их, становится на её защиту» (студентка, 21 год);

«Люди, которые внесли вклад в развитие страны» (студент, 21 год);

«Патриоты – это волонтеры, которые просто так помогают людям» (студентка, 24 года).

«Человек, который безразличен к событиям (и жизни, в целом) в своём государстве. Человек, имеющий активную жизненную позицию и отстаивающий интересы своего государства и народа» (студентка, 21 год).

В качестве патриотов также рассматривались соотечественники, живущие за рубежом, но сохранившие свою идентичность с Родиной:

«Уважение вызывают люди, которые, несмотря на проживание в другой стране, являются также патриотами своей родины» (студентка, 21 год);

«Понятие «патриот» ассоциируется с человеком, который, находясь за границей, скучает по берёзам, которого охватывает гордость при мысли, что он родился именно в этой стране, который знает историю своей страны и передаёт её через года, который без сомнения и колебаний встанет на защиту своей Родины» (студентка, 21 год).

Кроме того, *«можно быть патриотом не только своей страны, но и патриотом своего города»* (студентка, 21 год).

Настоящий патриот зачастую ассоциируется у молодежи с добропорядочным гражданином, проявляющим лояльность по отношению к стране и государству, честным налогоплательщиком,

добросовестным и ответственным работником, человеком, готовым сделать всё для своей страны и народа:

«Люди, которые всю жизнь прожили в стране, не меняя гражданство» (студентка, 21 год).

«Человек, который никогда не променяет свою страну на другую» (студент, 23 года).

«Тот, кто готов сделать много для своей страны, участвует в выборе правительства и не готов сменить свою страну» (студент, 25 лет).

«Патриот – человек, слепо идущий за волей государства» (студент, 20 лет).

«Человек, не рассматривающий для жизни другие государства, кроме того, в котором проживает. Человек, поддерживающий политику данного государства» (студентка, 26 лет).

Полученные в ходе интервью высказывания также подтверждают наличие оппозиционно настроенных молодых людей, несогласных с проводимым в стране политическим курсом:

«Я люблю свою страну, но власть и ее действия не совсем устраивают» (студентка, 21 год).

«Чем больше узнаешь людей, тем больше понимаешь, что значительное число людей действительно уехали бы из страны, где подавляются всяческие попытки личностного и финансового роста» (студентка, 22 года).

«Если жить в лесу и любить каждую берёзку, то да, в этом плане я патриот, но если реально взглянуть на этот мир, то страну, в которой мы живём, не очень хочется любить, во всех её проявлениях» (студентка, 22 года).

В этом ключе вполне логично выглядят рассуждения некоторых участников интервью, содержащие явно негативную оценку понятия «патриот»:

«Человек в чёрной куртке с геральдикой на спине» (студент, 20 лет);

«К сожалению, в российских реалиях слово «патриот» у меня ассоциируется с «ватниками», бездумными толпами зомби, которым пропагандой промывают мозги. Ну что же, видимо»

«пролам» суждено оставаться всего лишь «пролами» (студент, 21 год);

«В России сейчас патриотизма почти нет, есть показушность только. Из-за фанатизма некоторых и искажения понятия в современном обществе слово «патриот» вызывает негативные эмоции» (студент, 23 года).

Высказывания, полученные в ходе интервью, свидетельствуют о доминировании у студентов традиционалистских представлений о патриотизме. В тоже время по результатам анкетного опроса гражданская сущность патриотизма проявляется более явно (Таблица). Несмотря на превалирование традиционных для патриотизма смыслов (связь с землей, языком, традициями, государством), достаточно часто встречаются ассоциации с чувством долга, осознанием своих гражданских обязанностей, чувством ответственности за происходящее в стране, стремлением к развитию своей страны, города.

По ряду параметров расхождения между разными группами молодых людей несущественные. Однако гражданская сущность патриотизма у учащейся молодежи проявляется более ярко, чем у работающей. Ассоциации с такими его составляющими как чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей, ответственность за происходящее в стране чаще встречаются в ответах школьников и студентов. Среди учащихся школ чуть больше тех, кто считает патриотизм устаревшим понятием.

На основании вышеизложенного, можно утверждать, что в структуре представлений о патриотизме превалирует традиционалистская модель, а не гражданская, что обусловлено спецификой преобладающего в настоящий момент общественно-политического дискурса. По результатам проведенных интервью данная тенденция прослеживается наиболее отчетливо. Среди молодых людей доминируют иррациональные элементы социальной ориентации, установки на пассивность и воспроизводство вертикальных отношений между обществом и государством,

направленность на объекты локального масштаба. Вместе с тем, осознанность, активность, самостоятельность, современные горизонтальные модели взаимодействия граждан, общества и государства слабо представлены в высказываниях молодежи. Актуальным в настоящее время патриотический дискурс наполнен милитаристским содержанием, что отразилось на представлениях молодых граждан. Подавляющее число участников интервью патриотами считают, прежде всего, ветеранов Великой Отечественной войны, а также профессиональных военных. Однако несмотря на высокую степень ассоциации патриотизма с военно-защитной тематикой, готовность защищать страну, как с оружием, так и мирными средствами, среди участников интервью невелика.

Таблица 1
Распределение ответов респондентов на вопрос «Что такое патриотизм с Вашей точки зрения?», %

Варианты ответа	Школьники	Учащиеся ссузов	Студенты	Работающая молодежь
Привязанность к родной земле, языку, традициям	60	47	56	61
Привязанность к отчужденному дому (своей малой родине)	28	26	27	27
Гордость за принадлежность к государству	44	45	46	38
Чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей	47	38	42	27
Чувство ответственности за происходящее в стране	31	27	33	21
Готовность жертвовать личными интересами ради интересов Отечества	28	22	25	19
Готовность к защите Отечества от внешних угроз	39	33	34	29
Стремление к развитию своей страны, города	46	33	46	38
Гордость за спортивные достижения России	16	20	25	23
Ощущение причастности, интерес к прошлому, настоящему и будущему своей родины	31	32	36	28
Хорошо выполнять свою работу, дело	13	15	18	15
Патриотизм – это устаревшее понятие и к современной жизни не имеет никакого отношения	12	5	9	8

На формирование представлений современной российской молодежи о патриотизме и гражданственности серьезное влияние оказывают существующие механизмы гражданско-политической социализации. Вследствие этого государство выступает как субъект, задающий ключевые параметры патриотизма на макроуровне, но в то же время оно воспринимается в качестве объекта, образующего ценностное ядро гражданско-патриотической идентичности.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России // Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К. С., 1997. С. 222–537.
2. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. №1(69). С. 31–39.
3. Волков Ю.Г., Лубский А.В., Бинева Н.К. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский, Н.К. Бинева, В.О. Вагина, А.В. Верещагина, В.П. Войтенко, А.Н. Дьяченко, В.В. Ковалев, Е.Ю. Колесникова, О.М. Шевченко. Ростов-на-Дону, 2018. 412 с.
4. Гуляева Л.В., Ефимова Г.З. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодежи: региональная специфика // Siberian Socium. 2018. Том 2. №1. С. 53–73.
5. Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А. Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. №3. С. 470–480.
6. Иванов Р.В., Полюшкевич О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
7. Кравченко А.И. Кризис поколений? Или наших представлений? // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. №3(167). С. 61–71.
8. Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 67–76.
9. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. №2. С. 47–66.
10. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. №1. С. 142–151.
11. Маленков В.В. Векторы будущего в темпоральной конструкции российской нации и их отражение в сознании молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. №4. С. 64–75.
12. Маленков В.В. Локальная гражданственность как фактор городского развития // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. С. 89–92.
13. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. №1–2. С. 27–59.
14. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Патриотические настроения: дилемма «родина или государство» // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. №1(66). С. 31–38.
15. Полюшкевич О.А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. №11(107). С. 80–94.
16. Ренан Э. Что такое нация // Собрание сочинений. Том 6. Киев: Типография М.М. Фиха. Большая Васильковская №10, 1902. С. 87–102.
17. Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории. 2013–2014. Том VII. Вып. 1–2. С. 231–239.
18. Соловей В.Д. Русские против империи // Свободная мысль. 2002. №12. С. 141–156.
19. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива (Методика воспитания коллектива) // Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения. Том 3. М.: Педагогика, 1981. 640 с.
20. Хабермас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Ю. Хабермас. Политические работы / Сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 114–136.
21. Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. №2. С. 67–74.

22. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 37–48.

23. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / Пер. с нем. – Минск: ООО «Попурри», 1998. 688 с.

24. Kahne J. Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors' Patriotic Commitments. *Phi Delta Kappan*. April. 2006. Vol. 87. №8. P. 600-607.

25. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. 2014. Values, ideological attitudes and patriotism. *Personality and Individual Differences*. №64. P. 141–146.

26. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. 1999. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*. Vol. 20. №1. P. 151-174.

Citizenship and patriotism in the ideas of the post-Soviet generation

Malenkov V.V., Maltseva N.V.

Tyumen State University

The article discusses the ideas of modern youth about citizenship and patriotism, the representation in their minds of traditional patriotic attitudes and patriotism of a civil type. The conducted empirical study is based on the synthesis of qualitatively-quantitative methods. The empirical base of the article is the data of semi-formalized interviews and a questionnaire conducted in 2019 in the city of Tyumen. The object of sociological research is different groups of youth (working youth, university students, students of vocational schools, schoolchildren) as representatives of the post-Soviet generation. During the analysis of sociological information, differences were recorded in the answers obtained during the quantitative and qualitative research. Based on the results of a qualitative analysis, it is concluded that traditionalist ideas about patriotism prevail among young people, based on the model that dominates the socio-political discourse. At the same time, citizenship is poorly actualized in the minds of young people, as evidenced by the limited associations associated with this concept. A questionnaire, on the contrary, revealed a variety of ideas about patriotism. At the same time, elements of his civic essence turned out to be more in demand among young people, although obviously not prevailing.

Keywords: civics, patriotism, civil-political orientations, post-Soviet generation, youth

References

1. Berdyaev N.A. The Russian idea. Fate of Russia. Moscow: Svarog i K, 1997. P. 222–537.
2. Vishnevsky Yu.R., Narkhov D.Yu. Civil identity of youth of Sverdlovsk region // *Society and Power*. 2018. №1 (69). P. 31-39.
3. Volkov Yu.G., Lubsky A.V., Bineeva N.K. Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia: a collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky, N.K. Bineeva, V.O. Vagina, A.V. Vereshchagin, V.P. Voitenko, A.N. Dyachenko, V.V. Kovalev, E.Yu. Kolesnikova, O.M. Shevchenko. Rostov-on-Don, 2018. 412 p.
4. Gulyaeva L.V., Yefimova G.Z. A Comparative Study of the Patriotic Attitudes of Youth: Regional Specificity // *Siberian Socium*. Vol. 2. №1. P. 53-73.

5. Ivanov V.N., Nazarov M.M., Kublitskaya E.A. Political values of Russian society (results of a comparative project) // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2018. Vol. 18. №3. P. 470-480.
6. Kravchenko A.I. The crisis of generations? Or our ideas? // *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*. 2017. Vol. 12. №3 (167). P. 61-71.
7. Levashov V.K. Patriotism in the context of modern socio-political realities // *Sociological studies*. 2006. №8. P. 67–76.
8. Lubsky A.V. Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficit of citizenship in Russian patriotism // *Humanitarian of the South of Russia*. 2019. Vol. 8. №2. P. 47-66.
9. Magaril S.A. The meanings of patriotism - historical transformations // *Sociological studies*. 2016. №1. P. 142-151.
10. Malenkov V.V. Vectors of the future in the temporal structure of the Russian nation and their reflection in the minds of youth // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. 2016. Vol. 2. №4. P. 64-75.
11. Malenkov V.V. Local citizenship as a factor in urban development // *Theory and practice of social development*. 2013. №12. P. 89-92
12. Malinkin A.N. The concept of patriotism: an essay on the sociology of knowledge // *Sociological Journal*. 1999. №1-2. P. 27-59.
13. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Patriotic moods: the dilemma «homeland or state» // *SEARCH: Politics. Social Studies. Art. Sociology. The culture*. 2018. №1 (66). P. 31-38.
14. Polyushkevich O.A. The symbolic construction of territorial identity (on the example of the toponyms of Irkutsk) // *Management Consulting*. 2017. №11 (107). P. 80-94.
15. Renan E. What is a nation // *Collected Works. Volume 6*. Kiev: Printing house M.M. Fiha. Bolshaya Vasilkovskaya №10, 1902. P. 87–102
16. Samsonova T.N. Becoming a citizen-patriot // *Social theory issues*. 2013-2014. Vol. VII. № 1-2. P. 231–239
17. Solovey V.D. Russians against the Empire // *Free Thought*. 2002. №12. P. 141–156.
18. Sukhomlinsky V.A. Wise power of the collective (Methods of educating the collective) // *Sukhomlinsky V.A. Selected pedagogical essays*. Vol. 3. M.: Pedagogy, 1981. 640 p.
19. Habermas J. Historical consciousness and post-traditional identity. Western orientation of Germany // *Yu. Habermas. Political work / Comp. A.V. Denezhkin; per. with him. B.M. Skuratova*. M.: Praxis, 2005. P. 114–136.
20. Khalil I.A. Patriotism in the Russian: typology // *Sociological Studies*. 2017. №2. P. 67–74.
21. Chaadaev P.Ya. Apology of a Madman // *Russian Idea / Comp. and auth. entry MA articles Maslin*. M.: Republic, 1992. P. 37–48.
22. Spengler O. Sunset of Europe: Essays on the Morphology of World History. Vol. 1. Image and reality. Minsk: ООО «Potpourri», 1998. 688 p.
23. Kahne J. Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors Patriotic Commitments // *Phi Delta Kappan*. 2006. April Vol. 87. No8. P. 600–607.
24. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. 2014. Values, ideological attitudes and patriotism // *Personality and Individual Differences*. No64. P. 141–146.
25. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. 1999. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. Vol. 20. No1. P. 151–174.

Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности

Полюшкевич Оксана Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета. okwook@mail.ru

В статье рассматриваются особенности конструирования социальной идентичности в виртуальном пространстве. Приводятся результаты исследований иррациональных основ формирования социальной идентичности в виртуальном пространстве. Анализируются формы развития виртуальной социальной идентичности человека будущего.

Ключевые слова: социальная идентичность, виртуальная реальность, социализация, исследование, цифровизация мира

Современное общество все больше пронизывается влиянием сети Интернет. Виртуальность становится частью жизни любого человека. Это не может не влиять на социальную идентичность наших сограждан, создавая новые или воспроизводя уже известные социальные практики воспроизводства условий конструирования социальной идентичности человека.

Виртуальное пространство из иллюзорного мира становится реальным артефактом реального мира, оно создает пространство для учебы, работы, досуга, позволяет не только играть, но и зарабатывать, не только расслабляться, но и строить карьеру, не только придумывать миры, но и вовлекать в свои фантазии других. Виртуальная реальность – это новый мир проектирования будущего человечества. Поэтому, важным моментом ее изучения является тот факт, каким образом конструируется, развивается и моделируется социальная идентичность участников виртуального взаимодействия. Насколько важны, в этом процессе, реальный статус, возраст, пол, реальный жизненный опыт или что то еще? И каким образом данную реальность будут использовать в будущем для формирования человека нового виртуального мира?

Теоретические истоки социологической трактовки социальной идентичности

Начиная с 40-50-х годов XX века, благодаря трудам Э. Г. Эриксона, термин идентичность вошел в научные круги и повседневное пространство обывателя [11]. Вплоть до настоящего времени, как в отечественной, так и за-

рубежной науке данный термин применялся в различных ситуациях, что привело к некоторому размыванию понимания, что же такое идентичность.

В классической психологической трактовке – идентичность это целый ряд феноменов индивидуального сознания и характеристик социальных общностей; оно объясняет единство индивидуально-психологических и социокультурных условий жизнедеятельности индивида.

В социологическом дискурсе встречается понятие социальной идентичности, где понимается отнесение человека к различным социально-демографическим категориям: полу, возрасту, классу, расе, национальности и т.д. Изначально, идентичность характеризовала личность как субъекта действия, то теперь эти трактовки значительно шире и многообразней (например, групповая идентичность, связанная с самосознанием и социальным поведением). В рамках понимания социальной идентичности формируется постоянный диалог – где идет постоянный диалог с самим собой, на тему Кто Я, какой Я, с кем Я и т.д. Она дает субъективное понимание своей целостности и самостождественности, возникающее в процессе идентификации с различными социальными категориями: статусом, полом, возрастом, нормами, ролями, культурой, религией, территорией и т.д. В большинстве случаев идентичность складывается к концу подросткового периода, в результате его социализации. Личность формируется благодаря идентичности. Социальная идентичность формируется всю жизнь и по мере изменения круга общения, условий и уровня жизни, наполняется новыми смыслами и социальная идентичность. И такое явление как кризис идентичности – вполне нормальный процесс становления и развития социальной идентичности.

Социальная идентичность формируется под влиянием среды, учитывая характер и особенности различных сообществ. Социальная идентичность вы-

ступает стратегией адаптации к внешним условиям и понимания своего места в них. На социальную идентичность влияет «национальный характер» (М. Мид), «модальная личность» (К. Дюбуа), «статусная личность» (Р. Линтон), «социальный характер» и «персональная идентичность» (Э. Фромм).

Дж. Г. Мида считают родоначальником социологической интерпретации идентичности человека. По его мнению, способность человека воспринимать свое поведение как включенное в социальные связи других, в общее целое социальной ткани общества формирует уникальную структуру социальной идентичности. П. Бергер и Т. Лукман социальную идентичность рассматривали с позиции конструирования реальности [6]. Они полагали, что социальная идентичность всегда раскрывается в условиях конкретного общества, социально-исторического момента, обладает уникальными чертами и характеристиками, способными адаптироваться именно к этому моменту исторического развития, про изменении ситуации необходимо изменение социальной идентичности человека, если это не происходит – то начинаются деструктивные аномальные процессы в жизни человека или целых социальных групп. Убедительность данных аргументов подтверждает практика, когда после перестройки СССР в 90-91 годах XX века далеко не все смогли изменить свою социальную идентичность и оказались выброшены на обочины жизни.

Для адаптации, Бергер и Лукман выделяют основной элемент – социальную социализацию, которая у каждого человека длится всю жизнь, но у одних более мобильна и активна, у других ригидная. Именно этот факт позволяет первым встроиться в новые социальные реалии, а вторым быть вне новых условий. По нашему мнению, современная ситуация, вызванная пандемией коронавируса во всем мире – приносит и еще принесет новые рамки и условия жизни, что изменит стратегии социальной идентичности. В этих условиях одни

смогут найти себе место и их социальная идентичность обогатиться новыми социальными практиками, другие более инертные останутся в рамках старых норм и практик, что не позволит им идти в ногу со временем. Основной сферой изменений социальной идентичности нам видится виртуализация жизни: начиная от работы или образования (все больше имеющими форматы удаленного взаимодействия), заканчивая реальными условиями досуга, общения, покупок.

Говоря языком Бергера и Лукмана, изменяется возможность участвовать в определенном социальном порядке, то есть занимать определенный социальный статус в обществе, выполнять определенные социальные роли, сохранять и презентовать во вне свою индивидуальность, так как социальное участие тогда удовлетворяет человека, когда признается другими. Виртуальное пространство меняет эти условия и формы кардинально – давая возможность через социальные сети предъявлять себя, конструируя и доигрывая образы (дорисовывая и доделывая себя в определенных программах). Сбывается пророчество Э. Фромма – все больше людей старается *иметь* что-то, а не *быть* кем-то (казаться, а не быть – счастливым, успешным, креативным, активным, умным и т.д.) [9]. В рамках идей И. Гофмана раскрывается суть социальной идентичности в условиях множественности социальных ролей («масок», которые определяют особенности поведения, рамки, стратегии адаптации и формы реализации своих целей).

Большинство актуальных на сегодняшний день теорий социальной идентичности говорят о ее сконструированности и динамичности, постоянно меняющемся процессе в личности человека и целых сообществ. З. Бауман определил современное состояние общества как «текучую современность» [4], что позволяет наиболее близко понять особенности формирования изменчивости социальной идентичности, в том числе

и в условиях цифрового изменения нашей жизни.

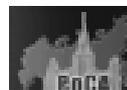
Формирование виртуальной идентичности происходит за счет переноса либо реальной социальной идентичности в Интернет, либо через создание там личности, которая ведет активную деятельность по отстаиванию своих интересов в сети Интернет.

Особенности проведения исследования и интерпретация результатов

Вслед за Э. Эриксеном и его последователями (Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая [5], А. Е. Жичкина [7], А. С. Ким [8], О. А. Полюшкевич [9] и др.) мы проследили, как формируется личная и социальная идентичность наших современников, дополнив классические трактовки идентичности современными интерпретациями и сделав особый акцент на роли виртуального мира в процессе конструирования социальной идентичности. Но в современном мире усиливается тенденция иррационализации представлений о самом себе под влиянием виртуальности [1,2,3].

Для этого в 2019–2020 годах в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Исследование проводилось в различных группах респондентов: менеджеры, рабочие, неработающие пенсионеры, работники образования, студенты, безработные, мигранты (n-1500). Коэффициент погрешности не превышал 3%. Помимо этого, мы провели экспертное интервью (n-30) среди основных групп респондентов (квота осуществлялась по следующим критериям: по возрасту (старшее (старше 56 лет), среднее (31-55 лет) и младшее (18-30 лет) поколение); по полу (мужчины и женщины); социально-профессиональному статусу (указанные выше группы). Это позволило выявить более точные социально-символические структуры формирования социальной идентичности в современных условиях.

В табл. 1 представлены основные условия конструирования социальной и личной идентичности современников.

Респондентам предлагался ряд параметров из списка, где они могли выбрать наиболее значимые для них. В ходе экспертного интервью, задавался тот же вопрос, но с просьбой уточнения более развернутого ответа.

В параметры мы включили такие категории как:

1. Осознание своей индивидуальности – понимание себя самого, в чем ценность и уникальность себя и в чем схожесть с другими людьми. Позволяет выявить универсальные черты, объединяющие с другими и уникальные, делающее человека неповторимым.

2. Целостность личности – принятие своего жизненного опыта, планирование жизненного пути, позволяет определить включенность в привычные и / или распространенные практики в данном сообществе или следование индивидуальными, нетипичными путями, поиска и самореализации себя.

3. Принадлежность к различным социальным группам – присвоение индивидуального и социального опыта, разделение ценностей и убеждений с другими участниками сообщества. Указывает на тех, кого респонденты считают своими, кто для них выступает опорой и поддержкой в любой ситуации.

4. Выделение ведущих характеристик личности, влияющих на идентичность – например, профессиональная идентичность или статусно-ролевая идентичность (мама, жена, дочь / отец, муж, сын).

5. Способность размышлять о личности, человеке и обществе – умение видеть себя и других со стороны, возможность рационально и субъективно оценивать свой и социальный опыт – показывать возможность развития рефлексивности, повышения самооценки и оценки других, возможности вхождения в другие группы.

Осознание своей индивидуальности – понимание себя самого, в чем ценность и уникальность себя и в чем схожесть с другими людьми.

Молодые люди чаще говорят о том, что они себя не знают, но при этом от-

стаивают свою независимость и индивидуальность. Два противоречивых состояния. Которые показывают неоднородность данной группы и готовность меняться. В данном случае, их социальная идентичность подвержена большим личностным переосмыслениям, влияния социального опыта и принятия новых социальных реалий.

Таблица 1
Социальная и личная идентичность современников (в %)

Параметры	Старшее поколение (56 лет и старше)			Среднее поколение (31-55 лет)			Младшее поколение (18-30 лет)		
	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж
Осознание своей индивидуальности	37,4	54,3	45,7	35,3	62,4	37,6	27,3	49,8	50,2
Целостность личности	23,6	55,4	44,6	36,5	43,4	56,6	39,9	54,2	45,8
Принадлежность к различным социальным группам	19,1	37,7	62,3	28,6	42,1	57,9	52,3	55,5	44,5
Выделение ведущих характеристик личности	14,7	55,9	44,1	33,2	58,7	41,3	52,1	49,9	50,1
Способность размышлять о личности, человеке и обществе	16,9	54,7	45,3	29,7	56,7	43,3	53,4	44,2	55,8

Я не могу сказать, что я полностью себя знаю и понимаю. Иногда как сделаю что-нибудь, так сам потом ужасаюсь, как же так вышло? Но когда мне родители навязывают, как надо делать, постоянно поучают и ограничивают – я сразу вижу, где мои границы, где моя идентичность. Я ее буквально кожей чувствую (С. П., студент, 18 лет).

Я уже взрослая, чтобы стремиться самовыразиться, оставить свой след. Хотя, конечно завишу от родителей, они снимают мне жилье, дают денег на еду, одежду, развлечения и оплачивают мое обучение. Но если я не смогу найти себя, то я не смогу реализоваться. (А. Ю., студентка, 21 год).

Настороженность вызывает тот факт, что люди среднего возраста также не осознают свою индивидуальность. Это может быть симптомом пролонгированной молодости, взрослыми не желающими взрослеть (кидалты) или же невозможностью найти себя, принять себя. Возможно из-за постоянной изменчивости внешней среды, или же из-за психологической неготовности постоянно подстраиваться под обстоятельства. Данное явление более проявлено среди мужчин. Возможно потому, что среди мужчин больше тех, кто не справляется с несоответствием традиционным гендерным ролям на работе, семье и в результате теряет свою идентичность, как личную, так и социальную.

Я живу как все. Я не чувствую что нашел себя. Делаю что надо, что ожидает жена, теща, друзья, родители. Но радости это не приносит. Учиться пошел в тот вуз, где были бюджетные места, а не куда хотел. Женился на девочке из класса, а не на той о которой мечтал, так как побоялся, что откажет и посмеется. Живем с тещей, потому что так выгоднее. Да и все так живут. Ответить – кто я, я не могу (В. В., инженер, 43 года).

Я не чувствую своих лет. Моей дочери уже 17, а я спокойно могу ее одежду носить, слушать ее музыку,

всегда нахожу общий язык с ее друзьями – я всегда на позитиве и на молодежной волне. Люблю все яркое, броское – прямо как я сама. Не люблю вести хозяйство, этим моя мама занимается – очень степенная женщина, деньги зарабатывает муж. А я с дочкой: развлекаемся, учимся, саморазвиваемся... (С. В., фрилансер дизайнер, 39 лет).

Даже среди представителей старшей возрастной группы – данные тенденции достаточно проявлены, хотя и в значительно меньшей доле, чем в более младших группах.

Да, большую часть жизни прожил, а сказать, что знаю, кто я – не могу. Всегда выполнял свой долг, делал что надо. А радости нет. Вот только как на пенсию вышел, задумался над тем, а кому это надо было? Да и зачем? Кому я сейчас нужен – большой пенсионер? (С. А., пенсионер, военный в отставке, 63 года).

Я знаю, кем я был, и кто я есть сейчас. Возможно, можно было бы и иначе прожить жизнь. Но я не жалею о своих выборах, решениях. Я несу за них ответственность и принимаю (А. А., пенсионер, охранник, 60 лет).

Целостность личности – принятие своего жизненного опыта, планирование жизненного пути также достаточно противоречиво воспринимаются респондентами.

Молодые люди более оптимистичны. И это одна из черт, что в принципе присуща молодежи любого времени – смотреть на себя и мир с большими надеждами и планами.

У меня все распланировано. Я знаю, что буду делать после завершения университета, где буду работать, куда поеду отдыхать. Я знаю, где хочу жить, и полагаю, смогу реализовать свои планы. Все говорят – кризис в стране, а я четко понимаю, что для меня точно найдется место под солнцем (В. С., студент, 22 года).

У меня грандиозные планы еще со школы, воз дал мне новые возможности самоутвердиться, если раньше я

был только в городском школьном парламенте, то теперь и в молодежный вошел, познакомился с депутатами и министрами, мэром и губернатором. Я вижу свое будущее в сфере политики или государственной службы как минимум. Я только в этом себя видел еще с пятого класса (А. К., студент, 23 года).

Чем старше наши респонденты, тем более они пессимистичны или же реалистичны. Настораживает тот факт, что представители среднего возраста все чаще не принимают и не признают свой жизненный опыт, и также как и представители старшего возраста не планируют жизненные события. Но если для старшей возрастной группы – это условно можно объяснить ограниченными возможностями жизни, реализации каких-то событий из-за проблем со здоровьем, финансовыми возможностями и так далее.

Я прожил жизнь. Какие-то мои планы реализовались, еще больше – остались мечтами. Сейчас их реализовать – смысла нет: нет здоровья, сил, да и необходимости. Все надо делать в свое время. Мое время прошло, а то, что осталось – уже на исходе. (М. М., пенсионер, 75 лет).

Я о многом в юности мечтала, но моим планам не суждено было сбыться. Надо было выживать, потом семью содержать, детей учить, потом внуков. Вот так времени до себя не хватало. А сейчас уже и сил на свои юношеские мечты нет, да и деньгами стараюсь внукам помогать, их цели важнее моих. Есть только тень сожаления о том, что что-то я все-таки упустила... (А. Е., пенсионерка, 74 года).

В среднем возрасте – сказывается скорее психологическая усталость и зависимость от внешних обстоятельств, невозможность что-то изменить. Полагаем, что не хватает внутренних ресурсов для сопротивления внешнему давлению, желания реализовать и реализоваться, во что бы то ни стало. Постоянный день сурка ограничивает на духовном, социальном и материальном

уровне большую часть представителей среднего поколения. На духовном не позволяет найти высшие смыслы своей деятельности или даже смыслы жизни, присутствует определенная депрессивность и отчаяние, бессмысленность и пустота. На социальном уровне – восприятие того что делаешь, как живешь, с кем и где живешь воспринимается как неизбежность. Нет надежд юности – поменять мир и даже более локально – изменить что-то в своей жизни. На материальном уровне – смирение с тем, что мало что есть, и никогда уже не будет большего. Зависть и раздражение к тем, у кого есть больше материальных символов успеха. Раздражение и недовольство ограничивающими моментами собственной жизни (например, ипотека, потребительские кредиты и проч.).

Ох, да у меня каждый день похож на предыдущий. Главное чтобы ничего не поменялось. Хотя на выходных тоже ничего не хочется – только спать, уткнувшись в стенку. Но тут родственники требуют – делай то, делай се, то дача, то гараж. А мне это не надо. Но делаю, так как лучше, чтоб оставили, чем это все выслушивать. Вот летом поеду на рыбалку с другом, где никого нет. Правда рыбы как обычно мало поймает, и жена все равно ругать будет. Но там тишина да друг мой – вот нам хорошо там... (А. Д., слесарь, 38 лет).

Работаю в офисе – работа стабильная, понятная, одинаковая. Могу с закрытыми глазами делать то, что надо систематизировать. Компьютер раздражает своим видом. В молодости мечтала путешествовать – сейчас отпуск только на даче провожу. А в течение года куда-то уехать нет ни времени, ни денег. Два кредита и ипотека связали меня с мужем на двадцать лет, а то бы и с ним развелась. (О. Ю., менеджер по рекламе, 35 лет).

Да какие у меня могут быть цели? Ипотеку выплатить, да не помереть до этого. И все, можно сказать – жизнь прожил не зря. А на большее то и денег особо не хватает. Все что в фильмах

показывают – это точно не для нас. Не наша жизнь. Да и я не один так живу. Мои друзья, соседи, коллеги – все в одной кабале. У кого-то больше, у кого-то меньше. (Д. А., работник почты, 45 лет).

Принадлежность к различным социальным группам – присвоение индивидуального и социального опыта, разделение ценностей и убеждений с другими участниками сообщества также выступает важным фактором и условием формирования социальной идентичности.

Среди молодых людей значительно больше тех, кто состоит в разных группах и тем самым их идентичность более разноплановая. С возрастом у большей части населения, отпадает часть социальных контактов, и принадлежность к группе становится условной или концентрируется вокруг семьи, работы, дачи и т.д.

Я учусь в университете, состою в активе профкома, пою в хоре и занимаюсь фитнесом. Раньше ходила в музыкальную школу. С начальной школы и до сих пор хожу в бассейн. И везде меня окружают очень разные люди, с которыми я дружу или поддерживаю приятельские отношения. В социальных сетях у меня более трех тысяч подписчиков и друзей. Я очень коммуникабельна. Нет места в нашем городе, куда бы я ни пришла и кого-нибудь не встретила из своих знакомых. Думаю, по моим друзьям обо мне нельзя судить, так как их слишком много и они очень разные. Но они мне нужны – общаясь с каждым из них – я совсем другая становлюсь. (А. М., студентка, 20 лет).

У меня есть двое школьных друзей, с кем я поддерживаю отношения, на работе с коллегами скорее официальные отношения, хобби мои касаются и школьных друзей, так что круг достаточно ограничен. Из членов семьи мы особо ни с кем не общаемся – семья, да двое детей. С тетей пару раз в год созваниваемся на дни рождения, да на Но-

вый год, но уже лет десять не встречались, хотя живем в соседних городах – Иркутск-Ангарск (Л. Л., инженер, 39 лет).

Да я общаюсь только с дачниками-пенсионерами, да с соседями-пенсионерами, кроме моей семьи мало с кем взаимодействую, да и с теми ругаемся часто – не уделяют внимания внукам, не правильно питаются, одеваются в рваные джинсы и внуков также одевают – словом, поводов для расстройства хватает. В собес разве что хожу, чтобы поругаться. Но так это же не общение, это решение проблем. (А. А., пенсионерка, 69 лет).

Сужение круга общения не говорит об утрате социальной идентичности, но указывает на изменение приоритетности внутренней структуры и социальных ориентиров, точек внимания респондентов. Если не входить в какую-то группу достаточно долго, то ее воздействие на личность будет уменьшаться. И соответственно, возрастет значимость тех групп, что остались. И не будет иметь значения, какое взаимодействие в них (положительное или отрицательное) оно будет обладать особой ценностью – в силу отсутствия других социальных групп.

Да мне не с кем общаться так-то кроме родственников, да коллег. И те и другие вынуждены взаимодействовать со мной. Порой мне кажется, что если бы у них были возможности, то они бы и этого не делали. Я стараюсь подстроиться под их ожидания, так проще – не вызывать лишнего внимания к себе. (П. Ю., экономист, 42 года).

В университете я учусь ради родителей, мне не интересна специальность, на которой я учусь и тем более не интересно общаться с одногруппниками, одни только и разговоры что о шмотках, да парнях. Мой круг друзей в интернете – я играю в сетевые игры и по-настоящему понимаю тех, кто со мной играет, но живет в других городах, и даже странах. (Р. Н., студентка, 19 лет).

Выделение ведущих характеристик личности, влияющих на идентичность. Среди более молодых респондентов доминируют оценки учебно-профессиональных статусов и гендерные характеристики, тогда как с возрастом семейные и социально-профессиональные статусы (хобби) набирают значимость.

Я – студентка, а также продавец-консультант в магазине. Когда закончу – хочу работать по специальности – и быть хорошим маркетологом. Еще я хорошая подруга и девушка классного парня. (С. О., студентка, 21 год).

Я мать, жена, ценный сотрудник. Еще я дочь, возможно, не самая лучшая. Я хороший учитель, садовод. (М. О., учитель химии в школе, 38 лет).

Я пенсионер, я был лучшим специалистом на авиазаводе, я дед, я дачник. (Д. А., ветеран, 75 лет).

На значимость реализации в профессиональной деятельности показывает то, что во всех возрастах только к этой деятельности добавляется оценочная характеристика (в младшей группе – «*быть хорошим маркетологом*», в средней группе – «*я хороший учитель*», в старшей – «*был лучшим специалистом*»). Это позволяет нам выделить особо важную значимость данной статусной-ролевой позиции. В младшем возрасте – выделяется значимость (подключается эмоциональная сценичность) гендерных и дружеских отношений («*хорошая подруга*» и «*девушка классного парня*»), а в среднем возрасте – негативная оценка семейных связей «*не самая лучшая дочь*». По нашему мнению, оценочно выделяется наиболее важная для респондента сфера или характеристика во взаимодействии с кем-то, которая влияет на его самооценку и идентичность.

Способность размышлять о личности, человеке и обществе – раскрывает контекст социальной и личной ответственности, включенности в социальные процессы общественного воспроизводства и личного развития.

В молодом возрасте высокая самооценка, возможно, переоцененные соб-

ственные интеллектуальные или внешние данные. С возрастом оценка становится более рациональной, а в ряде случаев и откровенно негативной и пессимистичной. Традиционно, принято считать, что с возрастом люди мудрее, думают о социальном развитии, месте личности в обществе. Опираясь на наши данные, мы не можем этого утверждать. Скорее наоборот – интересы общества отходят на второй план, личность человека мало волнует, в приоритете остаются только личные интересы, и если есть амбиции, то для реализации детей и внуков. Данный перекокс выступает, по нашему мнению, одним из симптомов времени.

Я знаю, сколько стою, у меня много идей, которые я могу реализовать. Мой потенциал может многих заинтересовать. Я хочу и могу помогать таким же активным и интересным людям – вместе мы изменим мир. И это классно (Л. О., студент, 22 года).

О развитии общества пусть думают сильные мира сего, мои рассуждения о том, что хорошо, а что плохо никому не нужны. Но мне не все равно где я буду спать, что буду есть и какое образование смогу дать своим детям. (С. А., юрист, 45 лет).

Да о человеке и обществе только философы думают. Нам, обычным людям это не нужно. Всех волнует, как жить, где хлеб брать, а не о пустом размышлять. (Л. Д., пенсионер, 70 лет).

Таким образом, социальная и личная идентичность современников достаточно противоречива. Традиционные формы становятся, во многом уже не актуальны, а современные особенности далеко не всегда полностью принимаются и одобряются. Это говорит об изменении социальных рамок и условий общественного воспроизводства. И не последнюю роль в этом процессе сыграла виртуализация нашего общества.

Говоря о виртуальной составляющей современной жизни и изменения особенностей социальной и личной идентичности можно выделить ряд основных черт (см. табл. 2). Данные черты

нами были выделены после того как в ходе анкетирования респондентам предлагалось выбрать наиболее подходящие для них черты, определяющие отношение к виртуальному пространству и свое восприятие в виртуальном пространстве. В ходе экспертного интервью, мы также попросили экспертов дать более развернутые ответы на данный вопрос.

В ходе анализа, к чертам социальной идентичности в виртуальном пространстве мы отнесли следующие:

1. Реальность иллюзорного мира – процессы происходящие в виртуальном пространстве могут быть более значимы и важны, чем события в реальной жизни, влияя на эмоции и чувства, физические и психические состояния человека.

2. Нивелируются социальные, национальные, культурные, пространственные, гендерные и любые иные противоречия, что позволяет выйти на

новый уровень коммуникации, новые смыслы взаимодействия, новые формы и условия консолидации в виртуальной среде.

3. Создание новой личности – позволяет быть не тем, кто ты есть в реальном мире; позволяет не привязываться к реальным условиям и рамкам (пол, возраст, социальный статус, место жительства), а вести себя в виртуальном пространстве так, как всегда хотелось, но не было возможности.

4. Свобода без моральных и социальных обязательств – снимает ограничения и позволяет раскрыть истинные мотивы и побуждения, позволяет проявить свое истинное лицо.

5. Дополнение и / или замена реального мира – полное погружение в значимость процессов в цифровом пространстве и обесценивание или игнорирование событий в реальной жизни.

Таблица 2

Роль виртуальности в конструировании социальной и личной идентичности (в %)

Черты социальной идентичности в виртуальном пространстве	Старшее поколение (56 лет и старше)			Среднее поколение (31-55 лет)			Младшее поколение (18-30 лет)		
	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж	Общее	М	Ж
Реальность иллюзорного мира	21,2	45,7	54,3	32,1	48,9	51,1	46,7	53,4	46,6
Нивелирование любых противоречий	23,6	49,2	50,8	37,9	55,4	44,6	38,5	57,8	42,2
Создание новой личности	12,8	53,2	46,8	43,1	59,8	40,2	44,1	62,1	37,9
Свобода без моральных и социальных обязательств	0	0	0	44,6	61,1	38,9	55,4	63,3	36,7
Дополнение и / или замена реального мира	4,6	47,8	52,2	37,5	62,2	37,8	57,9	55,4	44,6

Эти данные были получены еще до начала пандемии, на сегодняшний день можно констатировать усиление указанных фактов и тенденций в разы, а также

увеличение роли цифрового пространства в конструировании личной и социальной идентичности индивидов в разных сообществах.

Реальность иллюзорного мира (компьютерные игры и виртуальное взаимодействие становится более значимым, чем взаимодействие в обычном повседневном мире). Для представителей старшей и средней групп – это символы социальных связей с людьми, которые были значимы когда-то, но в силу разных причин (переезда, работы) – не имеющих возможность иначе контактировать с респондентами.

Да конечно – надо идти в ногу со временем, я по Skype общаюсь с детьми и внуками, которые живут за границей. Играю с невесткой в онлайн-игру «Ферма». У нас появилось больше поводов для общения – о достижениях, конкуренции. Правда все меньше говорим о том, что там волнует детей. Кроме как дела и все ли нормально? Они не посвящают меня в свою жизнь, а совместная игра позволяет мне себя чувствовать не брошенной. (О. О., пенсионерка, 63 года).

Сегодня так много надо успеть на работе, полная загрузка, что для меня вспомнить мою молодость – поиграть в какую-нибудь «стрелялку» с друзьями – становится отдушиной. Да и все чаще мы в Viber и WhatsApp переписываемся, чем по телефону звоним. А лично встречаться можем вообще только на Новый год, да и то не все. А вот поиграть в сетевую игру, каждый из своей точки (работа или дом) – могут значительно больше. (С. С. Экономист, 42 года).

Для представителей младшей группы – реальность виртуальности становится еще более осязаемой. Если старшие поколения компенсируют досуг и возможность социальных контактов с родственниками через цифровое пространство. То младшее поколение строит отношения через виртуальное взаимодействие (создает семьи, работает, отдыхает). Находит единомышленников и их идентичность становится там (в виртуальном мире) более реальной, нежели социальная идентичность в реальном мире. У существенной части молодых людей реального взаимодействия не происходит. Они живут только

в виртуальных событиях и процессах. С реальностью их связывает – удовлетворение базовых потребностей, но не более.

Я по-настоящему живу в виртуальном мире. У меня есть свой дом, друзья и даже семья, моя жена живет в Австралии, но в нашем мире – мы вместе – у нас есть две собаки, табун лошадей. Мы создаем экскурсионные туры по Дикому Западу США времен Золотой лихорадки. Разные ситуации происходят, все как в жизни. Да сейчас я уже не знаю, где по-настоящему моя жизнь протекает. Там она насыщена, интересна, разнообразна. Да и за то, что я получаю там удовольствие, я еще и деньги получают разработчиков. Мне хватает, чтобы здесь обезопасить себя. (С. В., программист, 29 лет).

Эта реальность прямо обуза для меня. Я мечтаю о том, чтобы можно было не отрываться от виртуальной реальности и просто там жить. Там есть все, что мне нужно – я такая как хочу быть, достигаю своих целей, меня окружают те, кто со мной на одной волне. И я чувствую единство и по-настоящему близость с ними. Такого никогда не было в реальном мире. (А. В., студентка, 21 год).

Нивелируются социальные, национальные, культурные, пространственные, гендерные и любые иные противоречия. Отношения строятся на основе общих ценностей и убеждений.

Конечно, я общаюсь со своими одноклассниками, которые разъехались по всему миру после 90-х годов XX века. Это позволяет нам держать связь друг с другом – прошлое нас объединяет. (Д. Д., военный в отставке, пенсионер, 61 год).

Моя сестра вышла замуж за турка, познакомившись с ним в интернете, сейчас живет в Турции, планируют переезжать во Францию. Да и я сейчас и мои родители – общаемся с ней и с ее дочкой – только через социальные сети. Для моей сестры не было преградой, что ее будущий муж жил на

другом конце земли, говорил на языке, которого она не знала, и верил в другого Бога. Интернет позволил им встретиться – родить дочурку, а скоро будет еще и сынишка. (А. А., бухгалтер, 40 лет).

В виртуальной реальности не имеет значения мужчина я или женщина, где живу, на каком языке говорю – стираются все различия, остается только интерес к взаимодействию в развлекательной игре ли, стратегии или интеллектуальном соревновании, гонках или где-то еще. (Л. О., студент, 22 года).

В виртуальном пространстве можно создать новый облик, тип личности (начиная от нового тела через аватарки (можно иметь несколько «никнов», несколько личностей и по разному себя вести, в зависимости от того, кто ты сегодня), заканчивая особенностями и манерой общения, отстаивания своих убеждений и проч.). «Другие личности», которые себе присваивают участники цифрового взаимодействия не меньше, а порой и значительно сильнее, влияют на их социальную идентичность, нежели их взаимодействие в различных группах реального мира.

В Интернете ты можешь быть собой, а можешь и быть анонимом. Это так здорово, когда никто тебя не узнает, и ты можешь побывать там, куда под своим реальным именем точно не пошел из-за страха осуждения, порицания или еще чего-то. (А. А., пенсионер, охранник, 60 лет).

С теми, кто меня знает в реальной жизни, я общаюсь под своим реальным именем. Но на некоторых сайтах – знакомств или там футурологов я нахожусь под никами, которые ближе к моему внутреннему Я, к моей душе. Я по настоящему близок с теми личностями, что на себя одеваю, когда захожу в то или иное виртуальное пространство, где я могу быть абсолютно разным. (П. Ю., экономист, 42 года).

В виртуальном мире – я повелитель воды и могу вертеть мирами как

хочу. Я очень сильный маг с большим количеством артефактов. Ко мне приносят дары и обращаются с мольбами. Я чувствую власть и ее бремя, силу, которая она мне дает. Ничто в реальном мире не может даже близко походить на эти ощущения. А порой мне кажется, что в реальном мире я как в тюрьме, в которую меня посадил мой враг – маг земли. И я лишь в виртуальном мире возвращаюсь к своей реальной жизни, своему предназначению. (А. К., системный администратор, 25 лет).

Чем больше «ник» или «аватар» не схож с идентичностью человека из реального мира, тем больше виртуальная идентичность не совпадает с реальной.

В виртуальном мире, человек реализует свои фантазии, надежды, реализует придуманную личность, делает индивида и отдельные сообщества людей более свободными, не неся моральных и социальных последствий от слов и действий в цифровом пространстве. Но данная сфера наиболее проявлена у младшего и среднего поколения, среди представителей старшего поколения – подобных ответов и оценок нет, ни в опросе, ни во время интервью. Но через несколько лет, когда среднее поколение станет старшим – ситуация изменится и все участники виртуального взаимодействия будут опровергать моральные устои общества, возможно, разрушая границы между виртуальным и реальным миром, что приведет к волнам новых актов массового насилия в обществе.

Я могу убивать, побеждать, захватывать целые миры – это моя реальность, я там царь и Бог и никто не может меня осудить. Я тот, кто создает закон и правила этого мира. Другие могут прописать свои условия и жить в своем мире. Это очень заводит и заставляет постоянно быть на адреналине. В реальности я не испытывал таких эмоций, да и наверно, мне этого не разрешат – осудят, не поймут. А мне по-настоящему хорошо и свободно только там. (С. А., ассистент руководителя, 37 лет).

В реальном мире много ограничивающих тебя рамок – нормы морали, законы, а в виртуальном мире этого ничего нет. Ты сам творишь то, что хочешь, никто не может тебя ограничить. И это дает такое потрясающее чувство всевозможности, вседоступности. Это то, что меня цепляет в виртуальном мире. Я не могу от этого отказаться. Это часть меня. И те, кто входят со мной в одну игру – подчиняются мне или враждуют и тем самым мы отстаиваем свои интересы, это увлекательно и не позволяет расслабляться. В обычной жизни – все достаточно прозаично – институт, дом, задания, сон. А там – постоянно новый опыт, новые люди, новые сражения. Да и деньги своими победами я зарабатываю не только виртуальные, но и реальные. Уже два года как не беру ничего у родителей. (А. А., студент, 20 лет).

В отдельных случаях анонимность может формировать предпосылки к вседозволенности и безнаказанности, что расширяет приемлемые социальные идентичности. Это формирует так называемый сетевой индивидуализм, отчуждающий человека от любых сообществ и социальной ответственности. Данное явление возникает из-за псевдо-безопасности – ощущения, что человек в любой момент может прервать связь с интернетом, если ему что-то не понравится. Анонимность в социальных сетях и других мессенджерах дает возможность для открытой трансляции своих эмоций и состояний, мнений и суждений.

Цифровое пространство выступает новой средой для жизни, работы, отдыха для многих социальных групп, восполняя и дополняя, а порой и заменяя реальное пространство.

Я не только общаюсь с друзьями в сети Интернет, мы там учимся – заходя в облачные технологии с преподавателями, я там работаю – выполняю небольшие заказы. Интернет для меня – это пространство учебы, работы, досуга. После универа, думаю,

дальше будет также. (Л. Д., студент, 21 год).

В реальности так не переключишься, как это можно сделать в виртуальном мире. Там больше ощущений, возможностей и форм для качественного отдыха, эффективной работы и классного общения. (О. Ю., менеджер по рекламе, 35 лет).

Мне многое в реальном мире уже недоступно. Поэтому виртуальный мир становится моим окном в настоящую жизнь. Я пробую делать то, что никогда не могла делать из-за того что не было сил, денег, здоровья. А сейчас я себя чувствую свободной и готовой к новым свершениям, несмотря на то, что из своей квартиры я не выхожу. Что надо мне доставляют домой, платежи за коммуналку я провожу онлайн. Общаюсь с родственниками через Интернет. Так что моя жизнь только сейчас стала такой, о какой я мечтала с юности. (Р. В., пенсионерка, домохозяйка, 57 лет).

Таким образом, социальная идентичность россиян под влиянием цифрового пространства получает новые очертания. Она позволяет находить альтернативные стратегии социализации и реализации, воспроизводя различные стороны социального воспроизводства как индивидуальной, так и социальной эволюции, затрагивая как материальные стороны (позволяя зарабатывать деньги, выстраивать работу), социальные стороны (затрагивая сферу отношений, коммуникаций, общения, досуга), так и духовные стороны (придавая смысл жизни, деятельности в виртуальном мире).

Заключение

Можно уверенно говорить о том, что социальная идентичность наших современников меняется. И не последнюю роль в этом процессе занимает виртуальная составляющая. Цифровое пространство вносит новые морально-этические, социально-психологические, социально-правовые рамки и условия. Это позволяет находить себя, своих

единомышленников без привязки к месту, времени, языку, вере, полу или какому-то другим социальным, культурным, экономическим и прочим факторам. Виртуальность во многом заменяет, а порой и замещает реальную жизнь у представителей разных поколений.

Виртуальная идентичность чаще связана с масками, которые надевает на себя человек. Реальная социальная идентичность более аутентична, но не всегда может устраивать человека из-за своей ограниченности. Скрытие или приукрашивание данных о себе (пол, возраст, социальный статус, данные биографии и прочее) позволяет создать более идеальный образ Я, идеальный образ идентичности того, кем хотелось бы быть, но в силу разных причин не получается.

Виртуальная социальная идентичность является способом бегства от самого себя в реальном мире. Это позволяет формировать новую идентичность, обладающую идеальными чертами. Она создается на основе разрозненных элементов идентичности других людей, поэтому она вторична. Личность и социальная идентичность в виртуальном пространстве – это другая личность, другая идентичность. Нельзя ставить знак равенства, хотя и воздействия одной на другую исключать нельзя. И в дальнейшем, это влияние будет только усиливаться.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор . 2020. Т. 15. № 2. С. 76-84.
2. Ардашев Р.Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 40-48.
3. Ардашев Р.Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В

поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 25-27.

4. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

5. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 52-54.

6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

7. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета // Образование и информационная культура. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431-460.

8. Ким А. С., Полюшкевич О. А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // DIXI – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 94-100.

9. Полюшкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I международной научно-практической конференции. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 139-143.

10. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 179 с.

11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality

Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

The article discusses the features of the construction of social identity in the virtual space. The results of research on the irrational foundations of the formation of social identity in the virtual space are presented. The forms of development of the virtual social identity of the person of the future are analyzed.

Keywords: social identity, virtual reality, socialization, research, digitalization of the world

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020.Vol. 15.No. 2.P. 76-84.
2. Ardashev R.G. Forms of irrationality of public consciousness // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. 2020.S.40-48.
3. Ardashev R.G. Irrationalization of truth as an attribute of the era of change // In search of social truth. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of V. A. Reshetnikov, O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. 2019.S. 25-27.
4. Bauman Z. Fluid modernity. SPb.: Peter, 2008, 240 p.
5. Belinskaya EP, Tikhomandritskaya OA Social psychology of personality: Textbook for universities. M.: Aspect Press, 2001.S. 52-54.
6. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge. M.: Academia-Center; Medium, 1995.323 p.
7. Zhichkina AE, Belinskaya EP Self-presentation in virtual reality and identity features of a teenager-Internet user // Education and information culture. Moscow: Center for Sociology of Education, Russian Academy of Education, 2000. S. 431-460.
8. Kim A. S., Polyushkevich O. A. Identity as a way of perceiving strangers and friends // DIXI - 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research, collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019.S. 94-100.
9. Polyushkevich OA Construction of youth identity: visual presentation in social networks // Social reality of virtual space. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: ISU, 2019.S. 139-143.
10. Fromm E. Psychoanalysis and ethics. Moscow: Respublika, 1993.179 p.
11. Erickson E. Identity: youth and crisis. Moscow: Progress, 1996.344 p.

Социально-демографические факторы и возможные последствия повышения возраста выхода на пенсию в России

Синельников Александр Борисович

доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. sinelka@mail.ru.

Основной причиной повышения возраста выхода на пенсию в России является рост доли пожилых людей в населении под влиянием двух факторов – снижения уровня смертности (т.е. повышения средней ожидаемой продолжительности жизни) и сокращения рождаемости. На основании анализа данных демографической статистики автор установил, что первый из этих факторов в период между переписями населения 1959 и 2002 гг. почти не влиял на старение населения, поскольку в этот период уровень смертности (в том числе в пожилых возрастах) не снижался, а в отдельные годы даже повышался. Только после 2002 г. началось значительное снижение смертности (в том числе и в пожилых возрастах), что, в свою очередь, способствовало старению населения. Однако главным фактором старения населения с 1960-х годов до настоящего времени является низкая рождаемость, которая приводит к неполному замещению поколений. В этих условиях численность детей меньше численности родителей, а численность родителей меньше численности прародителей (дедов и бабушек).

Ключевые слова: возраст выхода на пенсию, пенсионеры, демографическое старение населения, средняя ожидаемая продолжительность жизни, низкая рождаемость, неполное замещение поколений, родители, дети, бабушки, внуки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00020 «Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ».

Возраст выхода на пенсию – 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин был установлен в СССР, в том числе и на современной территории Российской Федерации, в 1932 г. и оставался без изменений до пенсионной реформы, которая началась в 2019 г. и предусматривает поэтапное повышение этого возраста.

Когда был установлен такой возраст выхода на пенсию, возрастной состав населения страны был очень молодым. По данным переписи 1926 г. лишь 7,9 млн человек были старше этого возраста, и на их долю приходилось 8,6% населения. Согласно данным переписи 1939 года, численность пожилых людей увеличилась до 9,4 млн, но их доля в населении, которая является основным показателем демографического старения, по-прежнему составляла те же 8,6%. Вероятно, примерно такой же она была и в 1932 г., судя по данным ближайших по времени переписей.

Установленный в начале 1930-х годов возраст выхода на пенсию оставался без изменений более 85 лет, т.е. на протяжении жизни трех поколений. Однако за это время абсолютная численность населения в пенсионном возрасте увеличилась почти в 5 раз и достигла 38,7 млн в 2020 г. Это на 9,3 млн больше, чем в 2005 г. (29,4 млн) (рис. 1). За последние 15 лет численность населения Российской Федерации в возрастах, в которых согласно прежнему законодательству, можно было получать пенсию по старости на общих основаниях, ежегодно увеличивалась примерно на 600 тысяч человек.

Доля населения в пенсионном возрасте повысилась с 8,6% в 1926 г. до 26,4% в 2020 г. (рис. 2), т.е. увеличилась в три раза за этот длительный период, в том числе на 6% за последние 15 лет (в среднем на 0,4% за один год).

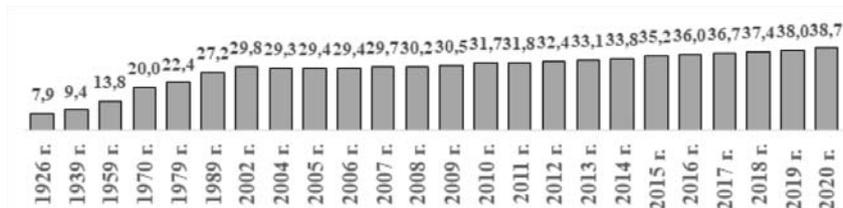

Рис. 1. Численность населения России в пенсионных возрастах (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше), 1926-2020 гг., млн.

Источник: Рассчитано по данным, опубликованным на официальном сайте Росстата: Федеральная служба государственной статистики/Официальная статистика/население/демография/численность и состав населения/распределение населения по возрастным группам; численность женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 08.08.2020).

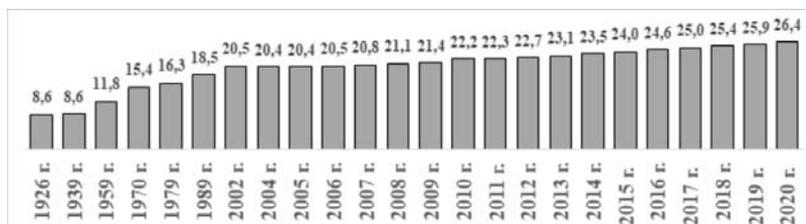

Рис. 2. Доля лиц пенсионного возраста (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше) в % к общей численности населения России, 1926-2020 гг.

Источник: см. источник данных к рис. 1

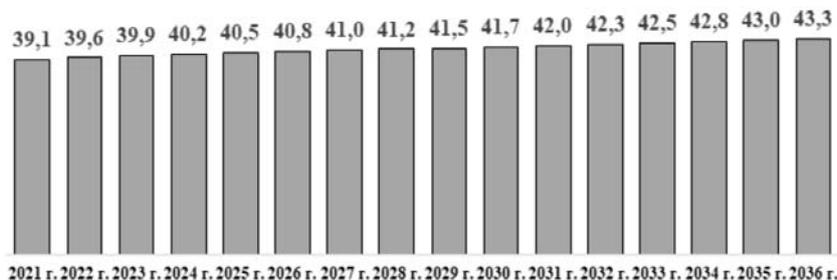

Рис. 3. Ожидаемая численность населения в «прежнем» пенсионном возрасте (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше) согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата на период с 2021 по 2036 гг., млн. чел.

Источник: Рассчитано по: [7. С. 234-236]

За 15 лет (2005-2020 гг.) численность населения в пенсионных возрастах увеличилась с 29,4 млн до 38,7 млн ежегодно возрастала примерно на 600 тысяч человек (рис. 1).

Согласно среднему, т.е. наиболее реалистичному варианту демографического прогноза Росстата, ожидается дальнейший рост численности населения в прежних «пенсионных возрастах»

– с 39,1 млн в 2021 г. до 43,3 млн. в 2036 г., (рис. 3). Но масштабы и темпы этого роста будут заметно ниже, чем в предыдущие 15 лет (2005-2020 гг.). Всего за 15 лет (2021-2036 гг.) население в этих возрастах увеличится на 4,2 млн., т.е. менее, чем на 300 тыс. в год.

Однако численность населения пенсионного возраста будет увеличиваться, несмотря на предусмотренное

прогнозом сокращение общей численности населения с 146,8 млн в 2021 г. до 144 млн в 2036 г.

Поэтому доля населения в этих возрастах повысится в несколько большей степени, чем их абсолютная численность и в 2036 г. составит уже 30,1% от общего числа всех жителей страны (рис. 4). Это будет на 3,4% больше, чем в 2021 г. Относительное увеличение доли населения в пенсионных возрастах тоже должно быть примерно в два раза меньше, чем за предыдущий 15-летний период, когда оно составило 6%.

Тем не менее, повышение возраста выхода на пенсию во многом обусловлено значительным старением возрастной структуры населения, т.е. ростом численности пожилых людей и их доли во всем населении России. Повышение доли пожилых людей в населении происходит почти во всех экономически развитых странах, а также во многих других странах с менее высоким уровнем экономического развития.

Однако решение этой проблемы за счет повышения возраста выхода на пенсию представляется не бесспорным [1; 10].

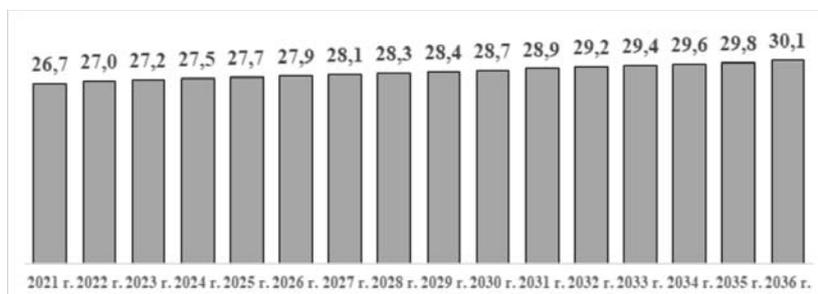

Рис. 4. Ожидаемая доля населения в «прежнем» пенсионном возрасте (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше) согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата на период с 2021 по 2036 гг., в % к общей численности населения. Источник: Рассчитано по: [7. С. 234-236]

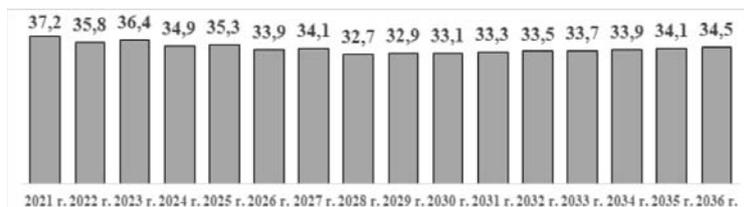

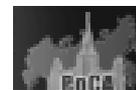
Рис. 5. Ожидаемая численность населения в пенсионном возрасте (с учетом возраста выхода на пенсию, предусмотренного законом для соответствующих календарных лет) согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата на период с 2021 по 2036 гг., млн. чел.

Источник: Рассчитано по: [12. Таблицы 1.1.1 и 1.9.1]

Согласно Федеральному закону от 3 октября 2018 года № 350-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий", повышение возраста выхода на пенсию должно происходить в несколько этапов в течение длительного

переходного периода – с 2019 года по 2028 год. После завершения этого периода, мужчины будут выходить на пенсию в 65 лет, а женщины – в 60 лет [14].

В 2020 г. Росстат опубликовал уточненные данные своего демографического прогноза в возрастном разрезе с

учетом нижней границы возраста выхода на пенсию для каждого года прогнозируемого периода (рис. 5 и 6).

Поскольку нижняя граница пенсионного возраста будет постепенно повышаться, ожидаемая численность населения в этом возрасте уменьшится с 37,2 млн в 2021 г. до 32,7 млн в 2028 г., а их доля во всем населении – с 25,4% до 22,6% (рис. 5 и 6).

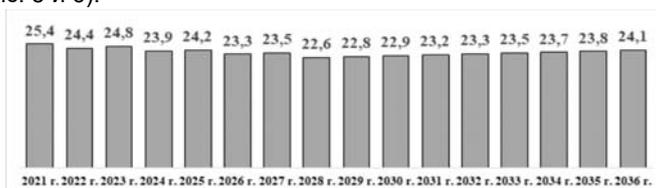

Рис. 6. Ожидаемая доля населения в пенсионном возрасте (с учетом возраста выхода на пенсию, предусмотренного законом для соответствующих календарных лет) согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата на период с 2021 по 2036 гг., в % ко всему населению.

Источник: Рассчитано по: [12. Таблицы 1.1.1 и 1.9.1]

Ожидаемый «выигрыш» от повышения пенсионного возраста должен быть значительным. Уже в 2021 г. численность лиц, имеющих право на общих основаниях получать пенсию по старости, должна уменьшится на 1,9 млн чел., т.е. на 1,3% от общей численности населения по сравнению с ситуацией при сохранении прежнего возраста выхода на пенсию. В 2028 г. эта разница составит

Однако после 2028 г., когда пенсионный возраст будет окончательно установлен в 65 лет для мужчин и 60 лет – для женщин, численность лиц, имеющих право получать пенсию по старости на общих основаниях, снова увеличится до 34,5 млн в 2036 г., что будет составлять 24,1% всего населения (см. Таблица 1).

уже 8,5 млн чел. (5,7%). Но к тому времени пенсионная реформа должна уже закончиться. В последующие 8 лет возраст выхода на пенсию уже не будет повышаться, и, соответственно, масштабы «выигрыша» почти не будут меняться. В 2036 г. эта разница составит 8,8 млн чел (6,0%), т.е. останется примерно на уровне 2028 г.

Таблица 1.

Ожидаемая абсолютная численность (млн) и % населения в «прежнем» и «новом» пенсионном возрасте по среднему варианту прогноза Росстата на 2021-2036 гг.

Год	«Прежний» пенсионный возраст				«Новый» пенсионный возраст				Уменьшение из-за повышения пенсионного возраста	
	муж-чины	жен-щины	абс. числ. (оба пола, млн)	%	муж-чины	жен-щины	абс. числ. (оба пола, млн)	%	абс. числ. (оба пола, млн)	%
2021	60 +	55 +	39,1	26,7	61 +	56 +	37,2	25,4	1,9	1,3
2022	60 +	55 +	39,6	27,0	62 +	57 +	35,8	24,4	3,8	2,6
2023	60 +	55 +	39,9	27,2	62 +	57 +	36,4	24,8	3,6	2,4
2024	60 +	55 +	40,2	27,5	63 +	58 +	34,9	23,9	5,3	3,6
2025	60 +	55 +	40,5	27,7	63 +	58 +	35,3	24,2	5,2	3,5
2026	60 +	55 +	40,8	27,9	64 +	59 +	33,9	23,3	6,9	4,6
2027	60 +	55 +	41,0	28,1	64 +	59 +	34,1	23,5	6,9	4,6
2028	60 +	55 +	41,2	28,3	65 +	60 +	32,7	22,6	8,5	5,7
2029	60 +	55 +	41,5	28,4	65 +	60 +	32,9	22,8	8,5	5,6
2030	60 +	55 +	41,7	28,7	65 +	60 +	33,1	22,9	8,6	5,8
2031	60 +	55 +	42,0	28,9	65 +	60 +	33,3	23,2	8,7	5,7
2032	60 +	55 +	42,3	29,2	65 +	60 +	33,5	23,3	8,8	5,9
2033	60 +	55 +	42,5	29,4	65 +	60 +	33,7	23,5	8,8	5,9
2034	60 +	55 +	42,8	29,6	65 +	60 +	33,9	23,7	8,9	5,9
2035	60 +	55 +	43,0	29,8	65 +	60 +	34,1	23,8	8,9	6,0
2036	60 +	55 +	43,3	30,1	65 +	60 +	34,5	24,1	8,8	6,0

Источник: рассчитано по: [7. С. 234-236; 12. Таблицы 1.1.1 и 1.9.1]

Средний вариант прогноза предусматривает повышение суммарного коэффициента рождаемости с 1,489 в 2020 г. до 1,579 в 2035 г. (по низкому варианту – 1,370, по высокому – 1,738). Таким образом, все варианты предполагают, что этот показатель в течение всего прогнозируемого периода останется значительно уровня простого замещения поколений (при низком уровне смертности в детских и репродуктивных возрастах и нормальной пропорции полов среди новорожденных (51,5% мальчиков и 48,5% девочек). Этот показатель 2,1 ребенка в среднем на одну женщину).

Начиная с 1964-1965 гг., суммарный коэффициент рождаемости в России (табл. 3) всегда был и до сих пор остается ниже уровня простого замещения поколений. Исключение составил лишь краткий период с 1986 по 1988 г. когда величина этого показателя примерно соответствовала уровню простого замещения.

Уже на протяжении двух поколений¹ каждое последующее поколение россиян численно меньше предыдущего: детей меньше, чем родителей, а родителей меньше, чем дедов и бабушек. Это и является главной причиной старения возрастного состава населения.

Другая причина старения – снижение уровня смертности (т.е. рост средней продолжительности жизни), в России имеет меньшее значение чем неполное замещение поколений, вызванное низкой рождаемостью [5].

Влияние средней ожидаемой продолжительности жизни на процент населения в пенсионном возрасте зависит от следующих показателей.

1) От средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, т.е. от среднего возраста умерших, рассчитанного по методике таблиц смертности с учетом вероятностей смерти в каждом возрасте от 0 до 100 и более лет, т.е. до полного вымирания поколения.

2) От вероятности дожить от рождения до пенсионного возраста x лет

3) От средней ожидаемой продолжительности жизни для лиц, доживших до пенсионного возраста лет, т.е. от среднего возраста умерших, рассчитанного по методике таблиц смертности с учетом вероятностей смерти за каждый год жизни, начиная от возраста выхода на пенсию и кончая полным вымиранием поколения

Поскольку возраста выхода на пенсию у мужчин и женщин, а также показатели вероятности дожития и средней ожидаемой продолжительности жизни у мужчин и женщин различаются, расчеты следует производить для каждого пола в отдельности.

По таблицам смертности 1959 г., с учетом уровня повозрастной смертности в то время, средняя продолжительность жизни мужчин при рождении (т.е. средний возраст на момент смерти) составляла 62,8 года. 67% мужчин дожили до 60 лет. Средний возраст мужчин, умерших после достижения 60 лет, составлял 75,5 лет, т.е. каждому из этих доживших предстояло прожить, в среднем, еще 15,5 лет. Если же иметь в виду всех мужчин, включая не доживших до 60 лет, то из 62,8 лет, которые им (в расчете на одного человека) предстояло прожить от рождения до смерти, на возраст после 60 лет приходилось $0,67 \cdot 15,5 = 10,4$ года.

Соответствующий расчет для женщин показывает что при вероятности дожития до 55 лет (86%) и средней продолжительности жизни для 55 летних 23,7 года из 71,1 года средней ожидаемой продолжительности жизни 20,3 года приходилось на жизнь в пенсионном возрасте.

Среднюю продолжительность жизни для обоих полов (с учетом естественного соотношения полов при рождении – 51,5% мальчиков и 48,5% девочек) можно рассчитать, как:

$$0,515 \cdot 62,8 + 0,485 \cdot 71,1 = 66,9 \text{ лет.}$$

¹ Длина поколения – это средний возраст матери при рождении ребенка, в России этот показатель колеблется, с тенденцией к росту – от 25 до 30 лет.

Из них на пенсионный возраст приходится:

$$0,515 \cdot 10,4 + 0,485 \cdot 20,3 = 15,2 \text{ года}$$

Или, в относительном выражении:

$$15,2 : 66,9 = 22,7\% \text{ от общей продолжительности жизни.}^1$$

Иначе говоря, при уровне смертности 1959 г. 22,7% населения должны были составлять люди в пенсионном возрасте (табл. 2). Правда, это «условная доля пожилых», которую можно определить только для т.н. «стационарного населения», численность и возрастная структура населения которого не меняются, уровни рождаемости и смертности также постоянны и равны друг другу. Все это возможно только при

простом воспроизводстве населения «один к одному».

В действительности же, по данным переписи 1959 года, мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет составляли лишь 11,8% населения, т.е. их фактическая доля в населении была почти вдвое меньше условной.

Это объясняется как тем, что в течение почти векового периода, когда родились поколения, прошедшие перепись 1959 года, рождаемость была намного выше, чем в 1959 г., т.е. имело место расширенное воспроизводство населения, так и тем, что и смертность в 1959 году была намного ниже, чем в среднем за предыдущие сто лет.

Таблица 2

Гипотетическая (при данном уровне повозрастной смертности) и фактическая доля населения в «прежних» пенсионных возрастах (мужчины 60 лет и более, женщины 55 лет и более). Россия, 1959-2018 гг.

Год		1959	1970	1979	1989	2002	2010	2018
мужчины	средняя продолжительность жизни для новорожденных	62,8	63,1	61,5	64,2	58,6	63,1	67,8
	вероятность дожить до пенсионного возраста (60 лет)	0,67	0,66	0,62	0,67	0,52	0,62	0,72
	средняя продолжительность жизни для 60-летних	15,5	14,8	14,3	14,9	12,8	14,6	16,0
	среднее число лет жизни в пенсионном возрасте (для новорожденных)	10,4	9,8	8,8	10,0	6,7	9,1	11,5
женщины	средняя продолжительность жизни для новорожденных	71,1	73,4	73,0	74,5	71,9	74,9	77,8
	вероятность дожить до пенсионного возраста (55 лет)	0,86	0,89	0,88	0,90	0,86	0,89	0,92
	средняя продолжительность жизни для 55-летних	23,7	23,6	23,3	23,8	22,3	24,2	25,6
	среднее число лет жизни в пенсионном возрасте (для новорожденных)	20,3	21,0	20,6	21,5	19,2	21,7	23,5
оба пола	средняя продолжительность жизни для новорожденных	66,9	68,1	67,1	69,2	65,1	68,8	72,6
	среднее число лет жизни в пенсионном возрасте (для новорожденных)	15,2	15,2	14,5	15,6	12,8	15,2	17,3
Доля (%) населения в пенсионном возрасте	условная, при данном уровне смертности и постоянной численности населения	22,7	22,3	21,6	22,6	19,6	22,1	23,8
	фактическая (по данным переписи или оценки)	11,8	15,4	16,3	18,5	20,5	22,2	25,4

Источник: Рассчитано по: [7. С. 80-81], а также по: Демоскоп Weekly. Приложение. Информационно-аналитическая система. 3. <http://www.demoscope.ru/weekly/ias/ias04.php?terr=1&ind=16> (дата обращения 09.08.2020); Федеральная служба государственной статистики/Официальная статистика/население/демография/численность и состав населения/распределение населения по возрастным группам; численность женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 08.08.2020).

¹ Расчеты произведены по более точным данным до округления приведенных здесь значений показателей с точностью до одного десятичного знака после запятой.

Однако в течение большей части длительного периода между переписями 1959 и 2002 года рождаемость была ниже уровня простого воспроизводства населения (Табл. 3), а смертность либо стабилизировалась на весьма высоком уровне, либо даже повышалась.

Таблица 3
Суммарный коэффициент рождаемости
1958-2018 гг.

Годы	суммарный коэффициент рождаемости
1958-1959	2,63
1961-1962	2,42
1964-1965	2,14
1969-1970	1,97
1974-1975	1,99
1979-1980	1,90
1984-1985	2,06
1990	1,89
1995	1,34
1996	1,27
1997	1,22
1998	1,23
1999	1,16
2000	1,20
2001	1,22
2002	1,29
2003	1,32
2004	1,34
2005	1,29
2006	1,31
2007	1,42
2008	1,50
2009	1,54
2010	1,57
2011	1,58
2012	1,69
2013	1,71
2014	1,75
2015	1,78
2016	1,76
2017	1,62
2018	1,58

Источник: [6. С. 73; 7. С. 45]

В 2002 г. средняя продолжительность жизни составляла лишь 65,1 лет, из которых только 12,8 года (19,6%) приходились на пенсионный возраст. Оба эти показателя были заметно ниже, чем в 1959 году (табл. 2). Это должно было привести не к постарению, а, напротив,

к омоложению возрастной структуры населения.

Однако фактическая доля населения в пенсионных возрастах значительно увеличилась – с 11,8% до 20,5% и даже превысила условную долю (табл. 2). Это объясняется низкой рождаемостью, уровень которой на протяжении почти всего периода между переписями 1959 и 2002 годов не обеспечивал даже простого воспроизводства населения.

Иначе говоря, каждое последующее поколение уступало по численности предыдущему – детей было меньше, чем родителей, родителей – меньше, чем дедов и бабушек.

Если рассматривать тенденции рождаемости и смертности и их возможное влияние на старение возрастной структуры населения за длительный период с 1959 по 2018 г., то в целом за это время влияние динамики смертности на данную структуру было сравнительно небольшим, а влияние рождаемости – весьма значительным.

При уровне смертности 1959 года суммарная доля мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет должна была составить 22,7% населения, а при показателях таблиц смертности 2018 года – 23,8%, т.е. эта доля могла увеличиться за счет снижения смертности и роста средней ожидаемой продолжительности жизни лишь на 1,1%. Однако в действительности доля населения, принадлежащего к этой возрастной категории, повысилась с 11,8% до 25,4% т.е. на 13,6% или, иначе говоря, более, чем в два раза. В то же время суммарный показатель рождаемости на 10 женщин уменьшился с 26,3 до 15,8 (рис. 7), т.е. на 10,5 пунктов (или примерно на 40% от исходной величины). При суммарном показателе меньше 21 ребенка на 10 женщин замещение поколений будет неполным даже в условиях самой низкой смертности.

Если при уровне рождаемости конца 1950-х годов воспроизводство населения (и соответственно, замещение поколений) в России было расширенным, то

уже в середине 1960-х годов оно стало суженным и остается таким до настоящего времени. Именно снижение рождаемости является основной причиной старения населения России, а влияние смертности на этот процесс до недавнего времени было очень небольшим, а между 1959 и 2002 гг. даже противоположным по направлению, поскольку в этот период за исключением нескольких «благоприятных» лет повышалась смертность, уменьшалась вероятность

дожить до пенсии, снижалась средняя продолжительность жизни как для новорожденных, так и для достигших возраста выхода на пенсию. Если бы в этот период изменения в возрастной структуре населения зависели только от динамики смертности и средней продолжительности жизни, то могла бы произойти даже некоторое снижение доли населения в пенсионном возрасте.

Рис. 7. Тренды рождаемости, смертности и старения населения. 1959-2018 гг.

Источник: Рассчитано по: [6, С. 73, 95; 7, С. 45, 80-81], а также по: Федеральная служба государственной статистики/Официальная статистика/население/демография/численность и состав населения/распределение населения по возрастным группам; численность женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 08.08.2020).

Примечание. В данном случае в качестве характеристики уровня рождаемости был использован не суммарный коэффициент (среднее число рождений на одну женщину за всю жизнь), а суммарный показатель в расчете на десять женщин. Это необходимо для большей наглядности графика, чтобы столбики, характеризующие разные показатели, были сопоставимы друг с другом по высоте.

Однако за 16 лет между 2002 и 2018 гг. средняя продолжительность жизни увеличилась с 65,1 до 72,6 лет, т.е. каждые два года этот показатель повышался почти на год, что является очень благоприятным признаком. Вероятность дожить до пенсионного возраста у мужчин возросла с 52% до 72%, у женщин, для которых этот возраст составлял не 60, а 55 лет) – с 86 до 92%. Средняя продолжительность жизни после достижения пенсионного возраста тоже заметно увеличилась – у мужчин с 12,8 до 16 лет, у женщин – с

22,3 до 25,6 лет. Из средней ожидаемой продолжительности жизни для новорожденных обоих полов (72,6 года)

уже не 19,2 лет, а 23,5 года стали приходиться на пенсионный возраст (табл. 2). Влияние этого фактора на процесс старения возрастной структуры населения стало весьма заметным.

В дальнейшем оно будет усиливаться, поскольку демографический прогноз Росстата предсказывает повышение средней продолжительности жизни. Согласно низкому варианту прогноза в 2035 г. она составит для обоих полов 75,4 года, по высокому варианту – 81,7 года, по среднему варианту, который считается наиболее правдоподобным, – 79,1 года [12. Таблицы 2.9.1, 2.9.2 и 2.9.3].

Поэтому, как в настоящее время, так и в будущем, следует ожидать дальнейшего повышения доли населения пенсионного возраста в результате совместного действия двух факторов.

Первый из этих факторов – низкий уровень рождаемости, при котором каждое последующее поколение численно меньше предыдущего. При длительном существовании однодетной системы на каждого ребенка будут приходиться двое родителей, четверо дедов и бабушек, а при высокой средней продолжительности жизни (это уже второй фактор) – еще и восемь прадедов и прабабушек.

При повышении возраста выхода на пенсию доля населения в пенсионных

возрастах станет меньше, чем в настоящее время, но тенденция к росту этой доли будет проявляться при любых условиях.

Поэтому очень важно, чтобы как можно больше людей продолжали работать и после получения права на пенсию по старости.

За период с 2012 по 2019 г. уровень занятости населения от возраста выхода на пенсию до 72 лет менялся очень мало, все время оставаясь на уровне 29-30% от их общей численности (рис. 8). Начавшаяся в 2019 г. пенсионная реформа еще не успела повлиять на эти показатели.

Рис. 8. Уровень занятости среди мужчин 60-72 лет и женщин 55-72 лет (по данным выборочного обследования рабочей силы; в % к численности населения данного пола и возраста)

Источник: рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики/Официальная статистика/население/демография/старшее поколение/ Рабочая сила и лица, не входящие в состав рабочей силы в возрасте старше трудоспособного – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/17865549/?*= (дата обращения 21.08.2020).

Уровень занятости среди мужчин от 60 до 72 лет составлял 26-27%, среди женщин 55-72 лет – 30-31% (рис. 8). Однако сравнение этих двух возрастных групп не вполне корректно, потому что нижняя граница этих возрастных интервалов у женщин на 5 лет ниже, чем у

мужчин, а верхняя граница у обоих полов одинакова. Подавляющее большинство женщин 55-59 лет еще трудоспособны.

Около половины из них продолжают работать, хотя уже имеют право выйти на пенсию (табл. 5). Остальные уходят

на пенсию либо для того, чтобы при-
сматривать за внуками, либо по сокра-
щению штатов, если при этом сокраще-
нии в первую очередь увольняют работ-
ников пенсионного возраста. В возрас-

тах 60-72 года уровень трудоспособно-
сти как у женщин, так и у мужчин уже за-
метно снижается из-за проблем со здо-
ровьем.

Таблица 4

Рабочая сила и лица, не входящие в состав рабочей силы, в возрасте старше трудоспо-
собного

(по данным выборочного обследования рабочей силы; тыс. человек)

	Всего	Рабочая сила	в том числе		Лица, не входя- щие в со- став ра- бочей силы	Уровень участия в рабо- чей силе, в %	Уровень заян- тости, в %	Уровень безра- ботицы, в %
			занятые	безработ- ные				
Всего, мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше								
2017	35986,3	7492,6	7245,1	247,5	28493,7	20,8	20,1	3,3
2018	36685,1	7865,7	7648,6	217,1	28819,4	21,4	20,8	2,8
2019	37363,3	8141,8	7944,3	197,5	29221,5	21,8	21,3	2,4
Мужчины, 60 лет и старше								
2017	10490,0	2086,6	2015,9	70,7	8403,3	19,9	19,2	3,4
2018	10780,5	2190,9	2129,7	61,1	8589,6	20,3	19,8	2,8
2019	11108,5	2319,6	2256,8	62,8	8788,9	20,9	20,3	2,7
Женщины, 55 лет и старше								
2017	25496,4	5406,0	5229,2	176,8	20090,4	21,2	20,5	3,3
2018	25904,6	5674,8	5518,8	156,0	20229,8	21,9	21,3	2,7
2019	26254,8	5822,1	5687,5	134,6	20432,6	22,2	21,7	2,3
Всего мужчины 60-72 лет, женщины 55-72 лет								
2017	24591,3	7315,7	7071,2	244,6	17275,6	29,7	28,8	3,3
2018	25767,4	7687,0	7471,4	215,6	18080,4	29,8	29,0	2,8
2019	26859,4	7969,6	7775,8	193,8	18889,8	29,7	28,9	2,4
Мужчины 60-72 лет								
2017	7292,4	2005,9	1935,8	70,1	5286,5	27,5	26,5	3,5
2018	7736,0	2129,8	2069,1	60,6	5606,2	27,5	26,7	2,8
2019	8189,9	2254,2	2192,7	61,4	5935,8	27,5	26,8	2,7
Женщины 55-72 лет								
2017	17298,9	5309,9	5135,4	174,5	11989,1	30,7	29,7	3,3
2018	18031,4	5557,2	5402,2	155,0	12474,2	30,8	30,0	2,8
2019	18669,5	5715,4	5583,1	132,4	12954,1	30,6	29,9	2,3
Всего, 73 года и старше								
2017	11395,0	176,9	173,9	3,0	11218,1	1,6	1,5	0,0
2018	10917,7	178,7	177,2	1,5	10739,0	1,6	1,6	0,0
2019	10503,9	172,2	168,5	3,6	10331,7	1,6	1,6	0,0
Мужчины, 73 года и старше								
2017	3197,6	80,8	80,1	0,6	3116,8	2,5	2,5	0,0
2018	3044,5	61,1	60,6	0,5	2983,4	2,0	2,0	0,0
2019	2918,6	65,5	64,1	1,4	2853,1	2,2	2,2	0,0
Женщины, 73 года и старше								
2017	8197,4	96,1	93,8	2,3	8101,3	1,2	1,1	0,0
2018	7873,2	117,6	116,6	1,0	7755,6	1,5	1,5	0,0
2019	7585,3	106,7	104,5	2,3	7478,6	1,4	1,4	0,0

Источник: рассчитано по: см. источник данных к рис. 8.

После 72 лет работает только 1,5-
1,6% населения, в том числе от 2 до
2,5% среди мужчин и от 1,1 до 1,5%
среди женщин этого возраста (табл. 4 и
рис. 9).

Данные микропереписи населения
2015 года о распределении населения
по источникам средств существования в
таблице 5 и на рис. 10, 11, 12 и 13 отли-
чается от распределения на занятых и
незанятых в табл. 4 и на рис. 8 и 9.

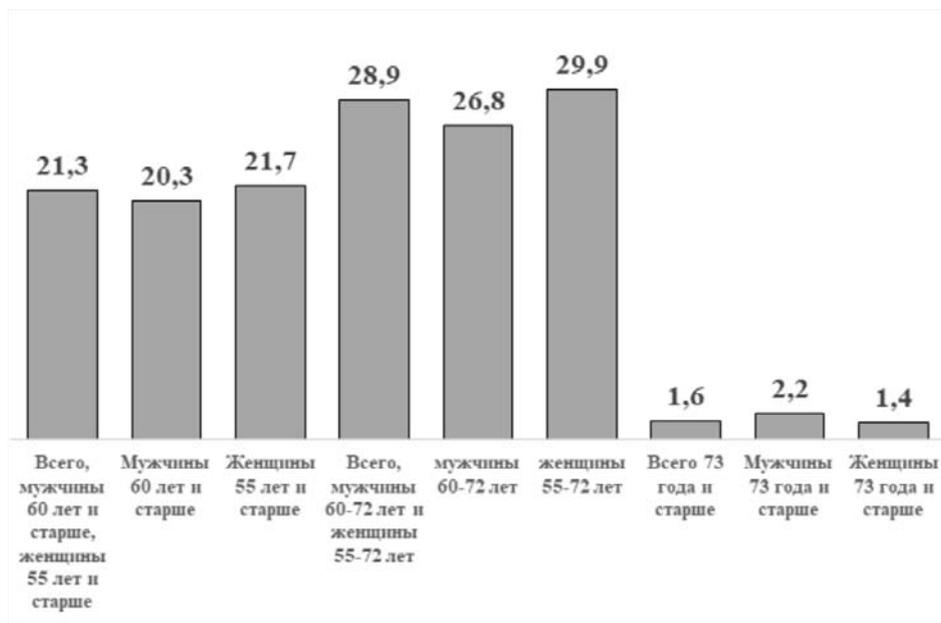

Рис. 9. Уровень занятости мужчин и женщин в пенсионных возрастах, в % к численности населения данного пола и возраста в 2019 г.

Источник: рассчитано по: см. источник данных к рис. 8.

Один человек может иметь несколько источников существования [4]. Занятыми могут считаться не только наемные работники, но и самостоятельные предприниматели. Не вполне совпадают и границы возрастных групп. Данные микропереписи населения 2015 года, охватившей 2,1 млн человек, дают представление об источниках средств существования представителей старшего поколения с дифференциацией по полу и возрастным группам (табл. 5 и рис. 10, 11, 12, 13).

Пятая часть (19%) населения пенсионного возраста (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше) продолжает работать, включая работу по совместительству. При этом 92,6% из них получают пенсии, не считая пенсий по инвалидности (9,3%). Сумма двух последних цифр превышает 100%. Российские пенсионеры не могут получать две эти пенсии од-

новременно. Если они получали пенсию по инвалидности, но продолжали работать до выхода на пенсию по возрасту, то могут выбрать одну из этих двух пенсий. Как правило, в таких случаях выбирают пенсию по возрасту – она больше. При этом можно получать еще и доплаты за инвалидность, но не пенсию по инвалидности в полном объеме. При проведении микропереписи эти доплаты могли учитываться как «пенсия по инвалидности».

Данные микропереписи 2015 г. (табл. 5) показывают, что чем старше люди, тем больше у них проблем со здоровьем и тем чаще они оформляют инвалидность уже после выхода на пенсию по возрасту, чтобы получать положенные в таких случаях доплаты и льготы. Другие виды государственных пособий являются источниками средств к существованию лишь для 2,6% пожилых людей.

Таблица 5.

Население пенсионного возраста, принявшее участие в микропереписи 2015 г., по полу, возрастным группам и источникам средств существования (в % к числу лиц данного пола и возрастной группы, указавших эти источники)

	трудо- вую деятельность, включая работу по совместительству	личное подсобное хо- зяйство	пенсию (кроме пенсии по инвалидности)	пенсию по инвалидно- сти	пособия	на иждивении отдель- ных лиц; помощь дру- гих лиц; алименты	другие источники	два источника и бо- лее
ВСЕГО	19,0%	14,2%	92,6%	9,3%	2,6%	0,8%	0,9%	35,1%
Мужчины 60 лет и старше	19,2%	15,1%	91,3%	10,6%	2,3%	0,6%	1,0%	36,1%
в том числе:								
60 – 69 лет	27,9%	16,6%	91,2%	7,8%	2,0%	0,4%	0,9%	41,4%
70 – 79 лет	4,4%	13,8%	93,1%	13,9%	2,7%	0,8%	1,1%	27,0%
80 лет и старше	0,7%	10,0%	91,1%	20,5%	3,4%	1,3%	1,4%	25,5%
Женщины 55 лет и старше:	18,9%	13,8%	93,0%	8,8%	2,7%	0,9%	0,9%	34,8%
в том числе								
55 – 59 лет	46,5%	16,7%	86,9%	3,9%	1,9%	0,7%	0,8%	49,8%
60 – 69 лет	18,0%	15,3%	96,6%	6,5%	2,5%	0,6%	0,8%	36,1%
70 – 79 лет	2,1%	11,9%	94,0%	12,7%	3,2%	1,1%	1,0%	23,7%
80 лет и старше	0,2%	7,7%	91,9%	17,6%	3,7%	1,7%	1,0%	21,9%

Примечание: сумма по строке намного больше 100% потому, что 35,1% опрошенных указали несколько источников средств к существованию.

Источник: рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики / Микроперепись населения 2015 / Итоги микропереписи населения / Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года / Раздел III / Источники средств к существованию / Таблица 3.1. URL: [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/03/03-01_\(abc\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/03/03-01_(abc).xlsx) (дата обращения 15.09.2020).

Рис. 10. Население пенсионного возраста, принявшее участие в микропереписи 2015 г., по источникам средств существования (в % к числу лиц, указавших эти источники)
Источник: - см. источник данных к таблице 5.

У 14,2% населения в пенсионном возрасте одним из источников дохода является личное подсобное хозяйство. Оно есть не только у сельских жителей, но и у многих горожан, имеющих дачные или садовые участки, на которых они выращивают овощи и фрукты, как для личного потребления, так и на продажу.

Почти у все пожилых людей источников средств существования являются их пенсии за трудовую деятельность в прошлом, зарплата или доходы от индивидуального предпринимательства (если они продолжают работать), либо труд в личном подсобном хозяйстве. Лишь 0,8% являются иждивенцами членов семьи или других родственников и прочих лиц.

92,6% населения в пенсионном возрасте получают пенсии (не считая пенсий по инвалидности). Эти показатели почти во всех половозрастных группах превышают 90%. Исключение составляют только женщины 55-59 лет, у которых эта доля несколько ниже – 86,9% (при этом около половины из них продолжают работать). Вероятно, некоторые из этих женщин, особенно те, которым недавно (т.е. незадолго до прохождения микропереписи) исполнилось 55 лет, еще не успели оформить пенсию по возрасту. В то же время пенсия является источником средств существования у 96,6% женщин 60-69 лет – больше, чем в какой-либо другой половозрастной группе.

Этот же источник средств существования указали 91,3% мужчин 60-69 лет. Вероятно, среди тех из них, которые недавно достигли пенсионного возраста, кто-то еще не оформил пенсию или не перешел от пенсии по инвалидности к пенсии по возрасту. Среди 70-79 летних мужчин пенсия является источником средств существования у 93,1%, среди мужчин старше 80 лет – 91,1% (рис. 11).

Пятая часть населения в пенсионном возрасте продолжает трудовую деятельность в качестве наемных работников или самостоятельных предпринимателей. Подавляющее большинство из них одновременно получают пенсии.

Однако с возрастом процент работающих среди населения снижается (рис. 12).

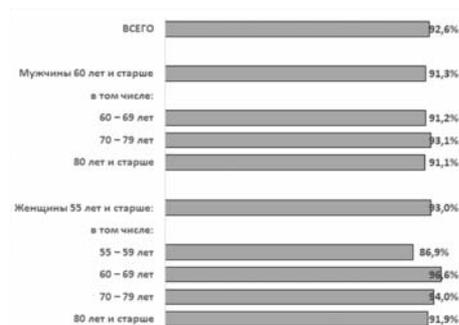

Рис. 11. Доля указавших пенсию (кроме пенсии по инвалидности), как один из источников средств к существованию (в % к числу лиц данного пола и возраста)

Источник: - см. источник данных к табл. 5.

Рис. 12. Доля указавших трудовую деятельность, как один из источников средств к существованию (в % к числу лиц данного пола и возраста)

Источник: - см. источник данных к табл. 5.

Больше всего работающих среди женщин 55-59 лет – 46,5%, т.е. почти половина. Это может быть аргументом за повышение пенсионного возраста для женщин до 60 лет, т.е. за гендерное равенство в возрасте выхода на пенсию. Такой аргумент можно обосновывать экономическими интересами государства (увеличение численности работников, уменьшение расходов на социальное обеспечение), а также феминист-

скими идеями (защита женщин от преждевременного и вынужденного ухода на пенсию, особенно при сокращении штатов, а также противодействие экономической зависимости жен от мужей, продолжающих работать).

Возможен и демографический аргумент – у женщин средняя продолжительность жизни намного выше, чем у мужчин, женщины гораздо чаще доживают до пенсионного возраста и намного дольше живут после его достижения (даже если бы этот возраст у обоих полов был одинаковым) [3].

Однако даже в рамках демографического подхода к пенсионной проблеме существуют и контраргументы против повышения пенсионного возраста для женщин до «мужского стандарта», и, соответственно, против гендерного равенства в данном аспекте. Вопрос в том, какой демографический критерий в данном отношении важнее – смертность (и, соответственно, продолжительность жизни), или рождаемость. Если на первое место поставить критерии смертности и продолжительности жизни, то повышение пенсионного возраста для женщин представляется вполне целесообразным. Если же признать более важным критерий рождаемости, то это повышение может привести к весьма негативным последствиям: бабушки не смогут помогать своим детям в воспитании внуков.

За 1990-2016 гг. в России средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился с 22,65 до 25,63 лет, при рождении второго ребенка – с 26,86 до 29,63 года [11. С. 202]. Большинство женщин, которые недавно родили первых и вторых детей, сами родились в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Данные за 1990 г. примерно соответствуют среднему возрасту их матерей при их рождении. Эти матери уже стали бабушками. При рождении первых внуков (особенно от старших дочерей) большинство бабушек еще работает. Но доля бездетных невелика [13. С. 27]. Подавляющее большинство жен-

щин в итоге рожают хотя бы одного ребенка. Правда, судя по повышению среднего возраста первородящих матерей, эти рождения все чаще откладываются на несколько лет: до завершения образования, до решения проблемы с жильем и (или) до выхода бабушки на пенсию. Повышение пенсионного возраста для женщин может привести к еще более длительному откладыванию первых рождений. Чем больше срок, на который они откладываются, тем больше шансов в итоге остаться бездетными, особенно если откладывание производится путем абортов [2]. Чем позже женщины рожают первенцев, тем меньше шансов на появление у них вторых и последующих детей.

Для того, чтобы население не уменьшалось, двух детей в среднем на семью недостаточно, поскольку девочек рождается меньше, чем мальчиков. Не все доживают до взрослого возраста, некоторые люди так и не вступают в брак в течение всей жизни, какая-то часть супружеских пар не может иметь детей. Надо иметь в виду также и то, что более половины браков заканчивается разводами, причем большинство разведенных женщин не вступают в повторный брак, либо эти новые браки тоже распадаются. Среднее число детей в расчете на одну разведенную женщину меньше, чем на одну замужнюю [13. С. 28].

С учетом всех этих обстоятельств, для того, чтобы население не уменьшалось, среднее число рожденных детей в расчете на одну замужнюю женщину, закончившую деторождение, должно составлять 2,56 ребенка. Поскольку число детей в реальных семьях не может быть дробным, эта средняя цифра складывается в случае, когда более половины замужних женщин имеют не менее трех детей. Но если такой расчет исходит из того, что какая-то часть женщин вообще не может иметь детей (минимальная доля бездетных браков – 3%), то точно так же надо учитывать, что некоторые другие женщины, как по состоянию здоровья, так и по иным причи-

нам, могут иметь только одного ребенка. Если считать, что таких женщин только 12%, то получим следующее условное распределение полных семей, закончивших деторождение, по числу детей: без детей – 3%, с одним ребенком – 12%, с двумя детьми – 35%, с тремя детьми – 40%, с четырьмя – 13%, с пятью и более (в среднем по шесть детей на многодетную мать из этой группы) – 2%. Всего 256 детей на 100 замужних женщин к концу репродуктивного возраста.

Однако, по данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 году и охватившего более 15000 респондентов в 81 из 85 субъектов РФ, реальное распределение состоящих в законном браке женщин 40–44 лет по числу рожденных детей выглядит совсем иначе: 3% без детей, 34% - с одним ребенком, 46% - с двумя детьми, 14% - с тремя, 2% - с четырьмя, 1% - с 5 и более – в среднем 181 ребенок на 100 замужних женщин к концу репродуктивного возраста. В реальном распределении доля однопородных матерей почти в три раза больше, чем в условном: 34% против 12%, а доля родивших трех и более детей – в три с лишним раза меньше (17% против 55%) [13. С. 27].

Повышение пенсионного возраста для женщин с 55 до 60 лет помешает старшему поколению ухаживать за вторыми и третьими внуками, которые рождаются как раз тогда, когда их бабушки находятся в этом возрасте. Многие семьи просто откажутся от рождения вторых и третьих детей потому, что не смогут рассчитывать на помощь бабушек, которая в российских условиях очень важна.

Между тем, именно от того, сколько родится вторых и третьих детей, и зависит характер воспроизводства населения, то есть, будет ли оно простым, расширенным или суженным, будет ли его численность увеличиваться или уменьшаться.

Степень толерантности к чайлдфри в российском обществе постепенно повышается [13. С. 28, 30], но бездетность

супружеских пар все-таки признается отклонением от социальной нормы. Однако семьи с одним ребенком считаются совершенно нормальными. Поэтому появление вторых и последующих детей гораздо больше, чем рождение первенцев, зависит от условий жизни семьи, в том числе и от помощи бабушек. Эти дети имеют больше шансов застать своих бабушек уже на пенсии. Повышение возраста выхода на пенсию для женщин с 55 до 60 лет намного уменьшит число бабушек, имеющих время для постоянного ухода за внуками. Это, в свою очередь, может привести к значительному сокращению числа вторых рождений, что, в свою очередь, повлечет за собой уменьшение числа третьих детей, поскольку они могут появиться только у женщин, которые до этого рожали дважды или родили двойню.

В США и в странах Западной Европы повышение пенсионного возраста для женщин не привело бы к таким демографическим последствиям, поскольку в этих странах бабушки, как правило, не ухаживают за внуками. Но в России пенсионная реформа может привести к дальнейшему снижению и без того низкой рождаемости, к ускорению естественной убыли населения – депопуляции. Это противоречит целям демографической политики, которая проводится в Российской Федерации [9].

В отличие от оплачиваемой работы вне дома, работа в личном подсобном хозяйстве (рис. 13), весьма распространена среди старшего поколения россиян, не препятствует уходу за внуками, которых их родители часто привозят на лето в деревни или на дачи к дедам и бабушкам.

Частота упоминания этого источника средств к существованию у мужчин несколько больше, чем у женщин, но гендерные различия невелики. В возрастах моложе 70 лет личное подсобное сельское хозяйство является источником средств к существованию реже, чем оплачиваемая трудовая деятельность. Напротив среди населения в возрастах от 70 лет и старше доля тех, кто живет

за счет оплачиваемой трудовой деятельности, падает почти до нуля (особенно у женщин), но доля живущих за счет личного подсобного хозяйства остается все же заметной, хотя и уменьшается по мере перехода в более старшие возрастные группы.

Рис. 13. Доля указавших личное подсобное хозяйство, как один из источников средств к существованию (в % к числу лиц данного пола и возраста)

Источник: - см. источник данных к табл. 5.

Более трети старшего поколения в России (35,1%) имеют два и более источника средств к существованию (рис. 14).

Рис. 14. Доля указавших два и более источника средств к существованию (в % к числу лиц данного пола и возраста)

Источник: - см. источник данных к табл. 5.

У мужчин эта ситуация встречается несколько чаще, чем у женщин (36,1% против 34,8%), но гендерное различие составляет лишь 1,3%. Однако чаще

всего два и более источника средств на жизнь имеют женщины 55-59 лет – 49,8%, т.е. половина от их численности. Как правило, это сочетание пенсии по возрасту с доходами от трудовой деятельности. В возрастах от 60 до 69 лет доля лиц, имеющих несколько источников средств к существованию, уменьшается, главным образом за счет снижения числа работающих по найму. После 70 лет вторым источником средств к существованию обычно является уже не доход от трудовой деятельности, а личное подсобное хозяйство (если оно есть).

Однако подавляющее большинство населения в возрастах старше 60 лет имеет только один источник средств к существованию – пенсию, которая, как правило, обеспечивает лишь минимально приемлемый уровень жизни.

Повышение пенсионного возраста у мужчин с 60 до 65 лет и у женщин с 55 до 60 лет позволит государству увеличить размер пенсий. Однако при этом для пенсионеров уменьшится возможность иметь также и другие источники средств к существованию. Чем они старше, тем больше у них проблем со здоровьем и тем труднее им работать по найму и даже заниматься личным подсобным хозяйством. Лишь у немногих пенсионеров есть еще какие-то источники доходов, за исключением доходов от сдачи жилья в наем. Есть основания полагать, что это весьма распространенная практика, но при проведении переписи мало кто указывает этот источник.

При переписи 2010 года только 369 тыс. человек, в т.ч. 117 тыс. лиц старше трудоспособного возраста (т.е. 0,4% из 31,7 млн. населения в данном возрасте) указали такие источники доходов как сдачу внаем или в аренду имущества; доход от патентов, авторских прав [рассчитано по: 8. С. 6-7]. В подавляющем большинстве этих случаев речь идет о доходах от сдачи жилья в аренду. Хотя с тех пор прошло уже десять лет, но и в наше время, с учетом огромного числа людей, снимающих жилье – мигрантов,

студентов, супружеских пар, которые хотят жить отдельно от родителей, но не имеют средств, чтобы купить квартиру, очевидно, что за счет сдачи жилья в наем живут многие миллионы россиян, в том числе и пенсионного возраста. По данным микропереписи 2015 года, число лиц, указавших этот источник доходов, оказалось столь незначительным, что их включили в группу «другие источники средств к существованию». Однако официальная статистика учитывает лишь небольшую «надводную» часть этого колоссального «айсберга». А без доходов от сдачи жилья в наем очень многие пенсионеры жили бы за чертой бедности.

Литература

1. Бабкин А. С. Эволюция вместо революции: обзор мировых тенденций пенсионного реформирования // SPERO №13, Осень - Зима 2010, с. 211-226.
2. Борисов В., Синельников А., Архангельский В. Аборты и планирование семьи в России: правовые и нравственные аспекты // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 75-78.
3. Васин С. Демографические проблемы повышения возраста выхода на пенсию // Современные проблемы пенсионной сферы. Комментарии экономистов и демографов. Московский Центр Карнеги. / Т.Малева. М., 1997. С. 60-95.
4. Васин С.А., Козлов В.А. Основные и дополнительные источники средств к существованию согласно переписи населения – 2010 // Демографические аспекты социально - экономического развития (серия "Демографические исследования", Вып. 22) / Под ред. М.Б. Денисенко. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 216-251.
5. Вишневский А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Продолжительность жизни и возраст выхода на пенсию // Демоскоп Weekly, 2012. № 511-512. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/demoscope511.pdf> (дата обращения 16.09.2020)
6. Демографический ежегодник России 1993. М.: Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1994.
7. Демографический ежегодник России 2019 (The Demographic Yearbook of Russia 2019). М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019. [Электронное издание]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (дата обращения 21.09.2020)
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Том 5. Источники средств к существованию. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2012. [Электронное издание] URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol5/pub-05-01.pdf (дата обращения 21.09.2020).
9. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 "Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года" - URL: <http://special.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 20.09.2020).
10. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса. Вопросы экономики, 2012, №3, с. 52-79
11. Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. — 448 с.
12. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года (статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2020. [Электронное издание]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения 09.08.2020).
13. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 27. С. 26-39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013.

14. Федеральный закон от 3 октября 2018 года № 350-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий" // Российская газета - Федеральный выпуск № 223(7686) от 5 октября 2018 г. URL: <https://rg.ru/2018/10/04/fz350-site-dok.html> (дата обращения 09.08.2020).

Socio-demographic factors and possible consequences of raising the retirement age in Russia

Sinelnikov A.B.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The main reason for raising the retirement age in Russia is the increase in the share of older people in the population under the influence of two factors—a decrease in the death rate (i.e., an increase in average life expectancy) and a decrease in the birth rate. The author, based on the analysis of demographic statistics, found that the first of these factors in the period between the population censuses of 1959 and 2002 had almost no effect on the aging of the population, since during this period the mortality rate (including in the elderly) did not decrease, and in some years even increased. Only after 2002 there was a significant decrease in mortality (including in the elderly), which, in turn, contributed to the aging of the population. However, the main factor of population aging from the 1960s to the present is the low birth rate, which leads to incomplete replacement of generations. Under these conditions, the number of children is less than the number of parents, and the number of parents is less than the number of grandparents. Raising the retirement age will reduce the number of retirees. This will increase the average pension. But in the future, the number of pensioners will increase again due to an increase in average life expectancy, as well as due to incomplete replacement of generations. In addition, raising the retirement age for women from 55 to 60 will prevent them from helping their sons and daughters care for grandchildren. This may lead to a further decline in the birth rate, which in turn will increase the trend towards an ageing population.

Funding: The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20-511-00020.

Keywords: retirement age, pensioners, demographic aging of the population, average life expectancy, low birth rate, incomplete replacement of generations, parents, children, grandmothers, grandchildren.

References

1. Babkin AS Evolution instead of revolution: an overview of global trends in pension reform // SPERO №13, Autumn - Winter 2010, p. 211-226.
2. Borisov V., Sinelnikov A., Arkhangelsky V. Abortion and family planning in Russia: legal and moral aspects // Statistics issues. 1997. No. 3. S. 75-78.

3. Vasin S. Demographic problems of raising the retirement age // Modern problems of the pension sphere. Comments by economists and demographers. Carnegie Moscow Center. / T. Maleva. M., 1997. S. 60-95.
4. Vasin S.A., Kozlov V.A. Main and additional sources of livelihood according to the 2010 population census // Demographic aspects of socio-economic development (series "Demographic studies", Issue 22) / Ed. M.B. Denisenko. M.: MAKSPress, 2012. S. 216-251.
5. Vishnevsky A.G., Vasin S.A., Ramonov A.V. Life expectancy and retirement age // Demoscope Weekly, 2012. No. 511-512. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/demoscope511.pdf> (request date 09/16/2020)
6. Demographic Yearbook of Russia 1993. M.: State Committee of the Russian Federation on Statistics, 1994.
7. Demographic Yearbook of Russia 2019 (The Demographic Yearbook of Russia 2019). M.: Federal State Statistics Service, 2019. [Electronic edition]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ej_egod-2019.pdf (date of access 09/21/2020)
8. Results of the 2010 All-Russian Population Census. In 11 volumes. Volume 5. Sources of livelihood. Moscow: Information and Publishing Center "Statistics of Russia", 2012. [Electronic edition] URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol5/pub-05-01.pdf (date of treatment 09/21/2020).
9. The concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025 // Decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 N 1351 "On approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025" - URL: <http://special.kremlin.ru/acts/bank/26299> (date accessed 09/20/2020).
10. Kudrin A., Gurchik E. Population aging and the threat of the budget crisis. Economics, 2012, no. 3, p. 52-79
11. Population of Russia 2016: twenty-fourth annual demographic report / otv. ed. S. V. Zakharov M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. -- 448 p.
12. Estimated population of the Russian Federation until 2035 (statistical bulletin). Moscow: Federal State Statistics Service (Rosstat). 2020. [Electronic edition]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (date of treatment 08/09/2020).
13. Sinelnikov A.B. Transformation of marriage and fertility in Russia // Population. 2019.No. 2.P. 27. S. 26-39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013.
14. Federal Law of October 3, 2018 No. 350-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Appointment and Payment of Pensions" // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue No. 223 (7686) dated October 5, 2018 URL: <https://rg.ru/2018/10/04/fz350-site-dok.html> (date of treatment 08/09/2020).

Структура ожиданий в диалектике потребностей: к устойчивости общества

Стоянов Александр Сергеевич

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России, доцент кафедры социологии Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, stoianoff@mail.ru

В статье проведён теоретический анализ научной литературы различных направлений по проблематике ожиданий и потребностей посредством биографического, компаративистского, системного, деятельностного и сравнительного подходов. Анализ подтверждает жёсткую взаимосвязь ожиданий с результатом взаимодействия.

Результаты исследования: выявлена интегральная взаимосвязь потребностей (А. Маслоу), типов социального (взаимо-) действия (М. Вебер) и ожиданий. Прямое влияние на формирование потребностей оказывает направление (Я-ОНИ) их обретения и удовлетворения, а также осознанности потребностей. Объединение потребностей в интегральную иерархию потребностей «Мы!» (далее ИИП «Мы!») позволило по-новому оценить их диалектику и взаимозависимость от формируемых ожиданий. Идея как оформленное ожидание, является одним из базовых компонентов ИИП «Мы!» и существенно влияет на её формирование и структуру потребностей.

Ключевые слова: иерархия потребностей, ожидания, структура ожиданий, устойчивость развития, динамика потребностей

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность проф. А.А. Гагаеву, сотрудникам редакции и рецензентам за ценные замечания и рекомендации.

Введение

Проблема устойчивости развития обусловлена процессами имплементации конструируемой социальной реальности посредством формирования ожиданий, определяющих соотношение и иерархию потребностей различных социальных единиц. Соотношение потребностей является инструментом корректирования ожиданий, с помощью которых можно отразить вектор развития различных объектов образования. Интегральная иерархия потребностей «Мы!» (далее ИИП «Мы!») предложена как новая структура взаимодействия потребностей на базе теории А. Маслоу, отражающая их динамику и основные механизмы, формирующие вектор стратегии ожидаемого личностей (групп, социальных феноменов и т.п.) с различным соотношением социально-индивидуальных потребностей социальных объектов.

Предложенная ИИП «Мы!» и структура ожиданий устанавливает взаимосвязь в диалектике потребностей, социальных действий и ожиданий. Именно социальная система наиболее полно включена в процесс формирования ожиданий. Формируя ожидания, формируются потребности. Корректируя потребности, корректируем ожидания. Структура потребностей и ожиданий кардинально влияет на устойчивость развития социальных элементов и систем.

Пирамида потребностей психически здорового человека в упрощённой форме излагает идеи американского представителя гуманистической психологии А. Маслоу. И хотя он выделил пять основных категорий потребностей [Maslow, 1943], в последствие, пирамиду подвергали более подробной классификации, увеличивая количество ступеней до девяти [Четвертаков, 2011: 387], и наоборот, сокращали до трёх

ступеней, сосредотачиваясь на диалектике потребностей [Фахрутдинова, 2009]. При всех попытках внести в неё изменения, иерархия потребностей, отображаемая в ней, продолжает быть актуальной до сих пор [Silva, Redondo, Cárdenas, 2018].

В относительно недавнем исследовании 2011 г. «Потребности и субъективное благополучие во всем мире», проведённом в 123-х странах у 60 865 респондентов американскими учёными Л. Тай и Е. Динер, подтвердили актуальность пирамиды потребностей А. Маслоу и обнаружили свидетельства её универсальности. А также обнаружили существенную независимость в последовательности удовлетворения потребностей в исследовании субъективного благополучия (SWB) [Tay, Diener, 2011: 364].

По результатам исследований М. Оздемир, пирамида Маслоу отражает эволюцию потребностей человека, как в биологическом (видовом), так и в культурно-историческом ракурсе [Ozdemir, 2015]. Исследования иерархии потребностей у респондентов разного возраста подтвердили взаимосвязь между их возрастом и направленностью на удовлетворение более высоких ступеней пирамиды. Отечественные исследования отмечают, что для более зрелой группы респондентов самореализация и социальный статус значат больше, чем для студентов, которые достоверно чаще набирали высокие баллы в категориях безопасность и наличие социальных связей. Социальные связи (т.е. общение) в целом важны для всех опрошенных [Наумова, Семенова, Шварц, 2015: 116].

В социологии проблематика ожиданий практически не разрабатывалась, несмотря на очевидную актуальность. Она частично затронута Р. Мертоном [Merton, 1948, 1968, 1995], который писал, что ожидание напрямую связано с самоисполняющимся пророчеством. «В начале самоосуществление пророчества является ложным определением

ситуации, провоцирующим новое поведение, при котором первоначальное ложное представление становится истинным, т.е. определением ситуации, провоцирующим новое поведение» [Merton, 1948: 195]. Идея самоисполняющегося пророчества была развита Р. Мертоном из ставшей классической в социологии теоремы Томаса, которая гласит: «Если человек определяет ситуацию как реальную, она — реальна по своим последствиям» [Thomas, Thomas, 1928: 572].

Ролевая теория также частично касается ожиданий, предполагая, что люди, придерживаются ожиданий относительно своего поведения и поведения других людей [Biddle, 1986: 67]. Хотя её основатели Р. Линтон [Linton, 1936] и Дж. Г. Мид [Mead, 1934] не уделяли ожиданиям должного внимания, но их взгляды наиболее близки к теории ожиданий, так же как и этнометодология Г. Гарфинкеля, который утверждал, что «социально стандартизированные и стандартизирующие, видимые, но не замечаемые ... фоновые ожидания используются в качестве схемы интерпретации реальности» [Garfinkel, 1967: 36]. «С каждой ролью связан комплекс обязанностей, норм поведения, привилегий т.п. Принцип ответственности основывается на априорном принятии того, что каждый выполняет свою роль. Это облегчает социальные отношения, так как достаточно знать роль данного человека, чтобы предположительно представлять, чего можно от него ожидать. Не приходится стоять перед чем-то совершенно неизвестным» [Кемпинский, 1998: 167].

Задолго до них, в 1856 г., Алексис де Токвиль впервые трактовал причины революций, как следствие их психологического восприятия, поскольку ожидания улучшения своего положения росли у людей гораздо быстрее, чем реальные возможности такого улучшения [Токвиль, 2008: 181-183]. И многие учёные в области политологии вслед за А. Токвилем применяют термин «революции

растущих ожиданий» или закон Токвилля.

Обзор литературы

Разработка проблематики ожиданий происходила в основном в области бихевиористской и социальной психологии, организационного поведения и менеджмента.

С. Брежниц открыл и документально подтвердил феномен «инкубации угрозы», в силу чего страх потенциальной опасности вырастает вместе с её ожиданием [Breznitz, 1968]. Х. Хекхаузен оценивал «ожидания успеха» и «страха неудачи», т.к. люди не улавливают связи стимул-реакция, а вместо этого используют ожидания... это простая когнитивная модель: *мотивация как функция ожидания и ценности* [Beckmann, Heckhausen, 2018].

Е. Толмен, один из родоначальников теории ожиданий в бихевиоризме, полагал, что когнитивное ожидание цели устанавливается с опытом [Tolman, 1952: 389], подтверждая данными множества экспериментов концепцию специфических ожиданий у крыс и низших обезьян [Tolman, Honzik, 1930]. Р. Боллс [Bolles, 1972, 1985] утверждает, что следствие определяется не реакцией на стимул, а скорее двумя видами ожиданий смежности: ситуация—следствия ($S-S^*$) и реакция—следствия ($R-S^*$). Мотивация возрастает с увеличением силы $S-S^*$ и $R-S^*$, а так-же с увеличением ценности S^* [Bolles, 1972: 394].

М. Трейполд указывает на то, что разные подкрепляющие факторы создают совершенно разные ожидания [Trapold, 1970: 129]. Л. Камин предполагал, что неожиданные события точнее запоминаются и лучше сохраняются в памяти, чем ожидаемые [Solomon, Kamin, Wynne, 1953]. Разработки Р. Рескола и А. Вагнера позволяют в количественной и объективной форме оценивать неожиданность [Rescorla, Wagner, 1972].

Дж. Катона внёс существенный вклад в социальные науки своими исследованиями ожиданий и поведения

потребителя [Katona, 1960, 1965]. «Прогнозы американских экономических тенденций стали возможными благодаря сбору данных об отношении и ожиданиях... Сильная положительная связь между отношением и поведением отмечается на макроуровне» [Katona, 1979: 118]. В экономике и финансах [Dornbusch, 1976] исследования подтверждают, что на ожидания влияют недавние доходы или убытки от акций [Hurd, Van Rooij, Winter, 2011]. В экономической статистике ожидания соотносятся с вероятностью и представлены как случайная величина [Savage, 1971]. Также предпринята попытка измерения ожиданий в субъективно-вероятностной форме в сфере принятия решений в экономике [Manski, 2004].

В отечественной литературе проблематика ожиданий отражена также незначительно и разрабатывалась учёными в различных областях: психологии [Гомелаури, 1967; Попович, 2014]; лингвистики [Сазонова, Умеренкова, 2007; Фирсова, 2013; Барсукова, 2014]; экономики [Серков, 2014]; социологии [Завершинский, 2012; Виноградова, 2016; Богданов, Лебедев 2018]. Из последних можно отметить исследования ожиданий и мотивации [Романова, Макарова, Шашков, 2012], где указывается на расширенную трактовку системы ожиданий. Ими становятся не только поведение, но и «события, услуги, явления и т.д. Важной особенностью таких объектов исследования выступает их неизбежное влияние на жизнь участвующих в выборке исследования людей. Необходимо отметить, что большая часть этих исследований – социологические». Подтверждает социологичность ожиданий и М.В. Мамонов: «Деятельность по управлению массовым поведением можно представить как процесс постоянного конструирования системы ожиданий и их реализации в повседневной практике» [Мамонов, 2009: 31].

Основные теории ожиданий, построенные на базе различных аспектов ожиданий, разрабатывались в большинстве

случаев учёными США. Подробнее остановимся на наиболее значимых.

Теория нарушения ожиданий, разработанная Дж. Бургун [Burgoon, 1978], говорит о том, что положительные нарушения приводят к более благоприятным результатам коммуникации, чем соответствующие ожиданиям, в то время как отрицательные нарушения приводят к менее благоприятным [Burgoon, Hale, 1988]. Наблюдение и взаимодействие с другими людьми ведёт к ожиданиям. М. Хаусер выделяет два типа ожиданий: прогнозирующие и предписывающие [Houser, 2005]. Дж. Бургун выделяет три фактора, которые влияют на ожидания человека: переменные взаимодействия, переменные среды и переменные, связанные с характером взаимодействия [Burgoon, Jones, 1976], которые позже развились в характеристики коммуникатора, реляционные характеристики и контекст [Guerrero, Andersen, Afifi, 2017: 91].

Данная теория может быть сведена к шести основным положениям:

1. Люди при помощи других людей формируют ожидания об их вербальном и невербальном коммуникационном поведении.

2. Нарушения этих ожиданий побуждают акцентировать своё внимание на значение этого нарушения.

3. Вознаграждение определяет интерпретацию неоднозначной коммуникации.

4. Вознаграждение определяет оценку коммуникационного поведения.

5. Нарушения валентности определяются тремя факторами: (1) оценка поведения; (2) является ли поведение более или менее благоприятным, чем ожидалось; и (3) величина нарушения. Положительное нарушение происходит, когда поведение более благоприятно, чем ожидание. Отрицательное нарушение возникает, когда поведение менее благоприятно.

6. Положительные нарушения приводят к более благоприятным результатам, чем поведение, которое соответствует ожиданиям, а отрицательные нарушения приводят к более неблагоприятным результатам, чем поведение, которое соответствует ожиданиям [Burgoon, Stern, Dillman, 2007].

Теория языкового ожидания М. Бургун [Burgoon, Jones, Stewart, 1975], отражаемая в 17 основных тезисах⁸⁹, полагает, что язык - это система, управляемая правилами, и люди развивают ожидания относительно стратегии языка или сообщений, используемой другими [Burgoon, Denning, Roberts, 2002]. Ожидания являются функцией культурных и социологических норм и предпочтений, вытекающих из культурных ценностей и общественных стандартов или идеалов для компетентного общения [Burgoon, Miller, 2018: 199].

Предполагается, что языковые ожидания зависят от трёх факторов:

⁸⁹ 1) люди создают ожидания для общения; 2) Эти ожидания определяют, будут ли сообщения приняты или отклонены человеком; 3) Положительное нарушение ожиданий приводит к изменению поведения в пользу убедительности сообщения, в то время как отрицательное нарушение ожиданий не приводит к изменению или противоположному изменению поведения; 4) Люди, обладающие авторитетом в обществе более свободны в выборе различных языковых стратегий убеждения; 5-6) Те, кто не уверен в их предполагаемом авторитете, ограничиваются низкоагрессивными стратегиями убеждения; 7-8) Нормативные языковые ожидания зависят от пола и возраста и лучше воспринимаются с использованием низкоинтенсивного и вербально неагрессивного убеждения в случае осознания вреда, наносимого сообщениями; 9) Интенсивное и агрессивное использование языка приводит к сни-

жению уровня восприятия; 10-11-12) Человека, который нарушает свои нормы общения, испытывает когнитивный стресс и будет использовать сообщения более низкой интенсивности; 13-14) Предостережение в убедительности языковых атак (поддерживающих, опровержительных или их комбинации) при нарушении ожиданий, делает получателей более склонными к убеждению. При не нарушении ожиданий, возникает сопротивление убеждению; 15-16-17) Стратегии атак низкой интенсивности более эффективны, чем стратегии атак высокой интенсивности, когда преодолевают сопротивление убеждению, созданному в ходе предварительной обработки. Первое сообщение влияет на принятие второго сообщения. Когда ожидания в первом сообщении положительно нарушаются, второе будет убедительным. Когда в первом сообщении отрицательно нарушаются ожидания, второе не будет убедительным. [Dillard, Pfau, 2002: 117-138]

1. Коммуникатор - это индивидуальные особенности, такие как достоверность источника, личность, внешность, социальный статус и пол.

2. Отношения между получателем и коммуникатором, включая такие факторы, как привлекательность, сходство и равенство статуса.

3. Контекст ожиданий; то есть, конфиденциальность и формальность ограничивают взаимодействие.

Теория ожиданий, разработанная В. Врумом в 1964 г., имея в основе разработки бихевиористов [Tolman, Honzik, 1930], получив дальнейшее развитие благодаря критике, сосредотачивает внимание в основном на организационном поведении [Heneman, Schwab, 1972], менеджменте [Hackman, Porter, 1968] и управлении [Lawler III, Suttle, 1973]. В. Врум ввёл три переменные в теории ожидания:

1. Ожидаемость (*Ожидания - вера в то, что усилия (E) приведут к ожидаемому достижению желаемых целей (P)*). Обычно основывается на прошлом опыте человека, и самооэффективности, как внутреннему мотиватору [Chiang, Jang, 2008] (E): *усилие* → *действие* (E → P);

2. Инструментальность (вера в то, что человек получит вознаграждение, если ожидаемые результаты будут достигнуты) (I): *действие* → *результат* (P → O); Инструментами мотивации действий являются, например, комиссионные вознаграждения.

3. Валентность (индивидуальная ценность награды, *ожидаемое удовлетворение конкретной наградой*): V (R) *результат* → *награда*.

Все три переменные влияют на мотивацию достижения высокого результата [Vroom, 1964].

Теория ожидаемой ценности, разрабатываемая Дж. Аткинсоном [Atkinson, 1950], в стремлении понять мотивацию отдельных лиц, в 1983 г. получила новый толчок развития в области образования у Ж. Эклс [Eccles, 1983]. В соответствии с теорией ожидаемой ценности, достижения учеников в

наибольшей степени определяется двумя факторами: ожиданиями успеха и субъективной ценностью задачи. Ожидания относятся к тому, насколько человек уверен в своей способности преуспеть в выполнении задачи, в то время как ценность относится к тому, насколько человеку задача важна, полезна или приятна для восприятия.

Ожидания и ценности взаимодействуют, предопределяя участие, интерес и академические достижения учащихся. Другие факторы, включая демографические характеристики, стереотипы, предшествующий опыт и восприятие убеждений и поведения других людей, косвенно влияют на достижения учащихся через ожидания и ценности. Ожидания - это особые убеждения людей в успешном выполнении в ближайшем или долгосрочном будущем определённых задач [Eccles, Wigfield, 2002]. Изменения ожидаемой ценности могут изменить мотивационные убеждения учащихся.

Данная модель широко применяется в психологии, теориях коммуникации, маркетинге и экономике, теориях здорового образа жизни.

Разработка проблематики ожиданий происходила также в исследованиях причин наркомании и алкоголизма [Goldman, Del Boca, Darkes, 1999]. Исследователи убедительно отмечают связь манипулирования ожиданиями с последующими изменениями в потреблении алкоголя [Jones, Corbin, Fromme, 2001]. Р. Лазарус отмечает, что опыт приводит к формированию устойчивых благоприятных или неблагоприятных ожиданий [Smith, Lazarus, 1990].

В области образования и мотивации студентов [Schunk, 2012; Olson, 2015], установлена прямая взаимосвязь между прилагаемыми усилиями и сформированными ожиданиями [Wu, Fan, 2017]. В ситуации самоопределения учащихся колледжей, эмпирически получили поддержку мультипликативные положения теории ожидаемой ценности в продолжительных исследованиях с 1966 по 1981 г. [Wanous, Keon, Latack,

1983]. Отмечается сильная взаимосвязь между ожиданиями и действиями, независимо от достигаемого при этом эффекта [Nicolai, Moshagen, Demmel, 2018]. Анализируется соответствие ожиданий окончательному результату в процессе получения образования [Mahatmya, Smith, 2017]. Указывается на сильное влияние ожидаемой, а не реальной зарплаты на выбор учащихся будущей профессии [Schweri, Hartog, 2017]. Решения учащихся сменить программу обучения зависит напрямую от их ожиданий размера будущей оплаты труда [Milla, 2017].

Исследования в области здравоохранения показывают, что ожидаемая продолжительность жизни (измеряемая как субъективная вероятность выживания) действительно определяет фактическую смертность, даже если контролируется большой набор показателей здоровья [Kutlu-Koc, Kalwij, 2017].

В социологических исследованиях ожидания часто используются в оценке субъективности восприятия. Так, например, американские учащиеся, получившие низкую оценку в международном тестировании, имеют гораздо более завышенные ожидания по сравнению с молодёжью других стран [Jerrim, 2014]. Также доход семьи, образование родителей, раса, этническая принадлежность и пол практически не влияют на предвзятость в ожиданиях, но неосознанность ожиданий способствует их завышению [Cowan, 2018]. Последние исследования показали, что положительные ожидания успеха и субъективные значения задач прогнозируют положительное отношение учащихся к точным наукам [Ball, Huang, Rikard, Cotten, 2019]. Разрыв между ожиданиями и реальностью со временем растёт. Исследования в области социологии помогут понять причины этих явлений [Jacob, Wilder, 2011].

Другими словами, обобщая всё вышесказанное, можно охарактеризовать множественность форм использования ожиданий в различных областях как пока ещё неустоявшуюся потенциальную способность данного феномена универсально

отражать взаимосвязи в любых системах со множеством элементов. Это же утверждает и И.С. Попович: «Изобилие теорий ожидания в различных научных областях говорит об универсальности понятия «ожидание», а также свидетельствует о том, что исследование ожиданий играет исключительную роль для объяснения и прогнозирования поведения как одного индивида, так и целых социальных групп» [Попович, 2014].

Иерархия потребностей Маслоу неоднократно служила теоретическим фундаментом в различных исследованиях. Например, социально-экономического неравенства в выборе здоровой пищи, что может быть объяснено различиями в уровнях удовлетворения потребностей [van Lenthe, Jansen, Kamphuis, 2015]. С другой стороны, некоторые учёные подвергают сомнению пирамидальность иерархии потребностей, т.к. Маслоу не считал это подходящим описанием своей работы [Bridgman, Cummings, Ballard, 2017, 2019]. Вследствие вышеуказанных противоречий, попытки реновации пирамиды потребностей были предприняты с позиции взаимосвязи между основными мотивами и непосредственными ситуационными угрозами и возможностями [Kenrick, Griskevicius, Neuberg, Schaller, 2010].

Е.В. Гарин, по нашему мнению небезосновательно, уточняет пирамиду А Маслоу [Гарин, 2014]. Его исследования подтверждают её иерархичность, основываясь на исследовании статистики поисковых систем, выделяя следующие потребности в процентах от 911 166 382 запросов (См. Таб. 1).

Мы, доработав их, вводим несколько логичных необходимых и достаточных критерия – *степень обретенности* потребностей (врождённые – приобретенные – вновь создаваемые) и их *направленность* (на себя (Я) – на других (ОНИ)). На наш взгляд, вышеуказанные цифры говорят и о *степени осознанности* указанных *потребностей*. Так первые три ступени являются наиболее осознанными, но, по мере возвышения

возрастает степень неудовлетворённости ими в обществе (количественно) и у индивидов (качественно). Последние две ступени осознаются менее 8% членов общества, и которые ищут способ их удовлетворения. И, соответственно, высшая ступень иерархии осознаются

лишь 0,01% индивидов, занятых поиском их удовлетворения! Также отмечается соответствие количественного и качественного состава запросов пирамидальной иерархии потребностей (См. Таб. 2).

Таблица 1
Соотношение осознанности потребностей, с направлением и средствами их удовлетворения

A. Маслоу Удовлетворённость потребностей среднего гражданина / A. Maslow Satisfaction of the Needs of the Average Citizen [Maslow, 1970: 389]	Е.В. Гарин. Удовлетворённость потребностей в обществе / E.V. Garin. Satisfaction of the needs of society [Гарин, 2014: 179]	А.С. Стоянов. Осознанность и направленность удовлетворения потребностей от личности к обществу и наоборот / A.S. Stoyanov. Conscious and direction of satisfaction the needs from the individual to the society and vice versa
10% потребности самоактуализации – духовные / self-actualization needs - spiritual	0,01% Потребность в генерации новых потребностей (потребность в реализации способности на умственный труд, самореализацию, свободу воли, самостоятельности в принятии решений) / The need to generate new needs (the need to implement the ability to mental work, self-realization, free will, independence in decision-making)	<i>самореализация посредством самосоздания новых настоящих и нижележащих потребностей у себя и (или) у других /</i> self-realization through self-creation of new real and underlying needs in oneself and (or) in others
40% потребности самоуважения и признания – персональные / self-esteem and recognition needs - personal	7,77% Осознанная потребность в реализации потребностей других людей (производство) – (Подуровни: других за счёт других; других за счёт общества; общества за счёт общества; общества за счёт своих / The conscious need for realizing the needs of other people (production) - (Sub-levels: others at the expense of others; others at the expense of society; society at the expense of society; society at the expense of your	<i>удовлетворение своих настоящих и нижележащих потребностей через реализацию потребностей других /</i> satisfaction of yours present and underlying needs through the realization of the needs of others
50% потребности привязанности и любви – социальные / belonging and love needs - social	47,86% Удовлетворение своих потребностей за счёт других людей (потребление) / Satisfaction your needs at the expense of other people (consumption)	<i>удовлетворение своих настоящих и нижележащих потребностей для себя за счёт других /</i> satisfaction of yours present and underlying needs for themselves at the expense of others
70% потребности безопасности и защиты – экзистенциальные / safety needs and security	24,41% Приобретённые потребности (потребность повторять за другими) / Acquired needs (need to repeat after others)	<i>удовлетворение своих приобретённых и нижележащих потребностей для себя /</i> satisfaction of yours acquired and underlying needs for yourself
85% потребности биологического выживания, физиологические / physiological needs	19,95% Врождённые потребности (материнский инстинкт, половой инстинкт, жажда, голод и т.д.) – Congenital needs (maternal instinct, sexual instinct, thirst, hunger, etc.)	<i>удовлетворение своих врождённых потребностей для себя /</i> satisfaction of yours congenital needs for yourself

Другими словами пирамида является моделью, отражающей качественный состав индивидов, соответствующий

иерархии запросов. С другой стороны, количественный состав запросов отражает социальную пирамиду – струк-

туру общества с точки зрения осознанности и поиска реализации потребностей.

Таблица 2

Соотношение направления удовлетворения потребностей с типами социального взаимодействия и рациональности

Степень осознанности / degree of conscious, %	Тип рациональности и тип социального взаимодействия / Type of rationality and type of social interaction [Труфанов, 2013: 67-68]	Направление удовлетворения / Direction of satisfaction		Направление обретения / Acquisition direction	
		ОНИ/ THEY →Я/И	Я/И → ОНИ/ THEY	Я/И → ОНИ/ THEY	ОНИ/ THEY →Я/И
1. Духовные / Self-actualization 0,01% неосознаны и не требуют удовлетворения / unconscious and do not require satisfaction	Постконвенциональный – инновация. Автономные индивиды, социальное поведение выходит за пределы социально-групповой детерминации. Появление новых социальных форм взаимодействия - инновационный потенциал развития общества /		+	+	
2. Престижа / Esteem needs 7,77% частично осознаны и частично удовлетворены / partially conscious and partially satisfied	Postconventional - innovation. Autonomous individuals, social behavior goes beyond the social group determination. The emergence of new social forms of interaction - the innovative potential of social development	-/+	+	+	-/+
3. Социальные / Social 47,8% осознаны + активный поиск удовлетворения / conscious + active search for satisfaction	Конвенциональный тип [Бобкова, 2018] рациональности. Социальное взаимодействие – кооперация. / Conventional rationality. Social interaction - cooperation.	+	+	+	+
4. Безопасности / Safety 90% осознаны и удовлетворены / conscious and satisfied	Прекоконвенциональный тип рациональности. Социальное взаимодействие – конкуренция - атомизация индивидов /	+	-/+	-/+	+
5. Физиологические / Physiological 100% осознаны и удовлетворены / conscious and satisfied	Прекоконвенциональный тип рациональности. Social interaction - competition - atomization of individuals	+			+

Что касается последовательности удовлетворения потребностей, то Гарин Е.В. также отмечает их пропорциональную независимость друг от друга и нелинейность их реализации. Исследование показало, что с ростом иерархического уровня потребностей количество запросов и, соответственно, потребностей падает. Это отчётливо заметно при

сравнении третьего, четвёртого и пятого уровней, что свидетельствует в пользу новой редакции иерархичности потребностей. При этом превалируют над всеми потребности третьего уровня [Гарин, 2014: 180].

Отражение пирамидой А. Маслоу трёх взаимосвязанных уровней прояв-

ления иерархии потребностей – «личностной – групповой – социальной» также подтверждает и исследования С.Ю. Корнековой. Что характеризуется наличием значимой связи и взаимным влиянием уровней иерархии потребностей, с которым на конкретном этапе своего развития ассоциируется конкретный человек или конкретное сообщество людей, и характеристиками, и параметрами его продовольственного потребления [Корнекова, 2017: 118].

В некоторых исследованиях рассматривается развитие одной из ступеней иерархии А. Маслоу через призму самой пирамиды, особо выделяя ступень безопасности [Букейханов, Закшевская, Никишечкин, Чмырь, 2013]. Либо добавляется надстройка потребности управления [Букейханов, Гвоздкова, Никишечкин, 2017].

Как отмечает В. Сургуладзе: «все отмеченные А. Маслоу потребности человека могут использоваться как отправные точки анализа мотивов индивидуального и социального поведения» [Сургуладзе, 2016: 134].

Социальная рациональность (См. Таб.2) образует семь эволюционных слоев, отражающих процесс развития социальной системы. Они могут быть эксплицированы посредством концепции базовых потребностей А. Маслоу, в рамках которой выделяется пять классов потребностей. Вместе с тем матрицей для экспликации эволюционных уровней рациональности социальной системы способна выступить любая концепция потребностной структуры, которая будет наиболее адекватна с точки зрения решения конкретных исследовательских задач [Труфанов, 2013: 68].

Материалы и методы

Итак, А. Маслоу выделяет следующие потребности: 1) потребности непосредственного биологического выживания - физиологические; 2) потребности безопасности и защиты - экзистенциальные; 3) потребности привязанности и любви - социальные; 4) потребности

самоуважения и признания - персональные; 5) потребности самоактуализации – духовные [Maslow, 1948]. Чтобы перейти на следующую ступень пирамиды, потребность настоящей ступени должна быть удовлетворена – тогда проявится и станет действующей потребность более высокого уровня, ибо удовлетворённые потребности не являются активными мотиваторами [Maslow, 1943: 395].

Именно последнее положение не находит подтверждения и противоречит многочисленным историческим наблюдениям, делая иерархию потребностей А. Маслоу малоприменимой в практике. Более того, потребности человека формируются в процессе его воспитания, поэтому для потребностей человека характерна *ненасыщаемость* – потребность раз и навсегда удовлетворить невозможно. Будучи удовлетворёнными, потребности возникают вновь и вновь, побуждая при этом человека создавать всё новые и новые материальные и культурные блага для удовлетворения потребностей [Гарин, 2014: 176].

Физиологические потребности. Рассмотрим следующий пример: человек вынужденно голодает более 3 дней, и шансы совершить что-нибудь против совести, личных взглядов, моральных принципов и интересов общества значительно возрастают. Сложившаяся ситуация приводит к тому, что инстинкт голода оправдывает асоциальные поступки индивида. Он, ссылаясь на удовлетворение первичных физиологических потребностей готов на всё. Но люди, обладающие высокими моральными качествами, воспитанием и соблюдающие социальные нормы, могут и должны перебороть инстинкты и не идти на поводу физиологических потребностей, даже столь сильных. Этому немало примеров.

Так советский и российский социолог и философ А. А. Зиновьев сначала сократил своё питание до 1 раза в день, потом до 2-3 раз в неделю, а последнюю 15 лет своей жизни он ел, с его слов, всего лишь 1 раз в неделю, сознательно

себя ограничивая. При таком образе жизни Александр Александрович дожил до 83 лет. Поэтому к фундаментальности этой первичной потребности можно отнести неоднозначно. Все зависит от уровня развития личности! «Пирамида потребностей Маслоу отражает спектр переживаний и ценностей, которыми может руководствоваться индивид, но является только общей и далеко не исчерпывающей схемой приоритетов. Она хороша для масс, но может не работать применительно к личностям, особенно если эти личности неординарны. Выдающиеся вожди, революционеры, идеократы часто не вписываются в неё» [Сургуладзе, 2016: 126].

Тай Л. и Динер Е. также отметили, что потребности достигаются в определённом порядке, но порядок, в котором они располагаются, не оказывает существенного влияния на индекс субъективного благополучия SWB [Тай, Diener, 2011: 354].

Экзистенциальные потребности (безопасности) заключаются в необходимости порядка, стабильности, защите, отсутствия страха и тревог. В детстве эта потребность видна на примере младенцев, которые после утоления голода или жажды ищут защиту матери. Во взрослой жизни потребность в безопасности выражается менее явно – в установке замков на имущество или приобретении страховок.

Социальные потребности (потребность в общении, дружбе и любви, принадлежность к определённому социуму или группе). Посредством реализации этих потребностей происходит последующая социализация индивида, которая выражается в необходимости быть приобщённым к определённому кругу, чаще всего к высшему, посредством усвоения различных специфических норм последнего. Сюда же относится и совместная молитва, посещение литургий, путешествия к святым местам и т.д. Индивид воспринимает это как духовный рост, но это не более чем сопричастность... Диплом престижного ВУЗа

также расценивается как социальный признак успеха. Пока ещё не определившийся в жизни молодой человек свято верит в этот факт, что часто мешает ему стать гением. Сам духовный рост связан с реализацией высшей ступени пирамиды потребностей – самоактуализации!

Массовый характер идеологического воздействия также обеспечивался поддержанием в обществе чувства сопричастности. Именно удовлетворение потребности людей быть сопричастными чему-то великому приводит к ностальгии по явлениям социальной жизни, которые были характерны для режимов массовых идеологий XX в. [Сургуладзе, 2016: 129].

Персональные потребности (престижа, признания, славы, статуса). После того, как человек реализовал себя в сопричастности, появляется необходимая для уверенности в своих силах потребность в признании его успехов у коллег и близких людей. Что проявляется в стремлении повышения статуса доступными и не очень (сверхпотребление) способами.

Духовные потребности (самоактуализации, самореализации, развития). Самая высшая ступень характеризуется желанием человека быть не только востребованным в обществе, но и «быть интеллектуально и духовно развитым» [Maslow, 1970: 100]. Именно на этой ступени рождается творчество. Талантливый повар, придумавший новый рецепт, гениальный учёный, артист – все они достигли этой ступени.

Этот путь поступательного движения от самого низа до вершины пирамиды кажется очень долгим – карьерная лестница от низов к верхам ступень за ступенью ведёт к вершинам самоактуализации. По оценке Е. Халл и Дж. Хансен около 3-8% людей способны пройти столь долгий путь [Hall, Hansen, 1997: 27].

С другой стороны, например, музыкант, который пишет новое произведение, создаёт новый шедевр и который в порыве вдохновения может забыть о

пище и даже жажде, поглощённый своей идеей творческой самореализации. Эта же идея и сдерживает музыканта в проявлении нижестоящих ступеней потребностей. В одухотворённом состоянии физиология отступает на последний план.

Как наиболее низким проявлением реализации духовных потребностей может выступить игромания. В этом состоянии игроку кажется, что он способен на всё и виртуальная реальность подчинена ему – «творцу» [Сасим, 2018: 859]. Это настолько завораживает, что реализация даже базовых физиологических потребностей отступает на самый дальний план, вплоть до смерти от истощения. Так на юге Тайваня 32-летний мужчина скончался после трёх суток непрерывной игры в «стрелялки»⁹⁰. Но главное, как отметили полицейские, посетители не обращали внимание на погибшего и не прекращали игру даже после прибытия на место происшествия сотрудников правоохранительных органов⁹¹.

Для анализа вышеуказанных явлений перевернём пирамиду и рассмотрим её, начиная с вершины (См. Рис. 1). Предварительно оговоримся, что идея есть оформленное ожидание. Прослеживая ступень за ступенью, путь формирования и реализации потребностей мы будем наблюдать последовательную формализацию ожиданий через идеи, ценности, цели [Стоянов, 2016: 262]. В свою очередь, данный процесс отражает структурирование ожиданий (Я-ожидания, ОНИ-ожидания, Мы-ожидания) и степень взаимодействия пирамид потребностей в ИИП (См. Рис. 3).

1. Духовные потребности выходят на первый план в тех случаях, когда жизнью человека движет какая-либо идея. Например, известный социалист-

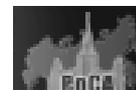
утопист Томмазо Кампанелла не отказался от своих идей, убеждений и мировоззрения даже после 27 лет мучительных истязаний в подвалах инквизиции. Ещё один человек, совершивший подвиг духа – генерал Карбышев. Чтобы выведать важную информацию, его обливали водой на морозе до тех пор, пока он не замёрз до состояния ледяной глыбы.

Другое сильное проявление увлечённости – доминирования идеи, которое испытывал практически каждый человек – это состояние влюблённости. Очень часто, особенно если объект любви не отвечает взаимностью, человек настолько волнуется и уходит в свои эмоции, что порой не может ни есть, ни спать. Таким образом, в этом случае не удовлетворяются физиологические потребности, их переступают, так же как и потребности в безопасности. Кстати, А. Маслоу различал эти чувства у самоактуализированных людей, с характерной для последних психологической близостью [Maslow, 1970: 183], и людей, не достигших этой ступени.

Для наглядности обратимся к биографии известного байкера А. Залдостанова, «Хирурга», основателя и лидера старейшего в России байкерского клуба «Ночные волки». В 1984 году, за академическую неуспеваемость был отчислен с 3-го курса 3-го Московского медицинского института. В свободное от учёбы и работы время занимался мотоделом, получив прозвище «Хирург». В 1985 году Залдостанов был женат на немке и часто бывал в Западном Берлине⁹², где узнал новую для него субкультуру, в частности, «Ангелов ада» - одного из крупнейших в мире мотоклубов, имеющих свои филиалы (так называемые "чаптеры") по всему миру. Правоохранительные органы ряда стран называют

⁹⁰ Man dies following marathon Internet cafe gaming binge
// <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/01/17/2003609460T>

⁹¹ Тайванец умер после трёхдневной игры в «стрелялки» // <https://lenta.ru/news/2015/01/17/doigralsya/>
⁹² Залдостанов, Александр Сергеевич // Википедия
// https://ru.wikipedia.org/wiki/Залдостанов,_Александр_Сергеевич

клуб «бандой мотоциклистов» и обвиняют в торговле наркотиками, рэкете, торговле краденым, насилии, убийствах и т. д.¹ С этого времени «Хирург», независимо от обстоятельств,

вынашивает идею о создании в России байкерского движения.

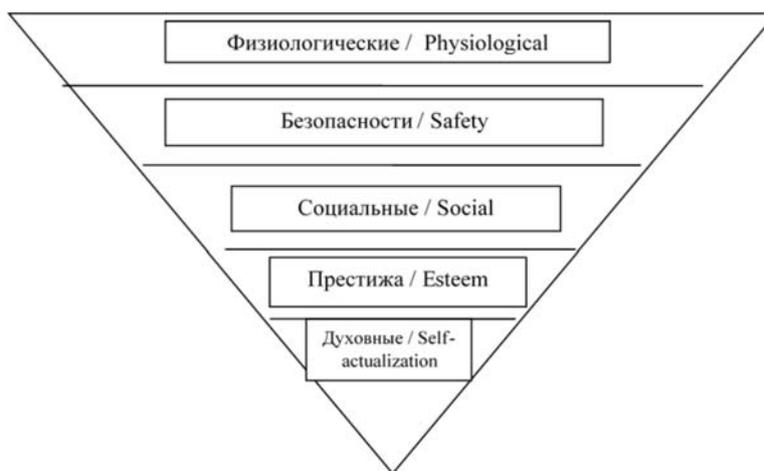

Рис. 1. Пирамида потребностей перевернутая - личная (внутренняя).

2. *Потребности престижа*, особенно профессионального, часто толкает людей на безумные поступки. Например, известен стритрейсер, объехавший 108,9 км кольца Московской МКАД всего за 28 минут². Он долго готовился к этому заезду, месяцами тюнингую свой автомобиль, часто вкладывая последние деньги «в мечту», вынашивая идею реализации данной ступени потребностей, часто, совершенно не понятную родственникам, но воспринимаемую профессиональным окружением. Что заставляет людей совершать подобное, не заботясь не только о своей, но и о социальной безопасности окружающих? Профессиональный престиж – это дело чести, соревнование между людьми одного круга, одного увлечения. Хакер, взломавший базу

данных крупной компании и рискующий оказаться в тюрьме, каскадёр под куполом цирка, игра на бирже.

Обратимся снова к байкеру «Хирургу». В 1983 году купил свой первый мотоцикл — чехословацкую «Яву». Постепенно вокруг него объединялись единомышленники. Так появилась «Хирургия» — молодёжная байк-группировка с репутацией хулиганов ввиду ночных уличных мотопробегов с шумом от мощных мотоциклов без глушителей³. Так реализуется ступень группового неформального престижа, обречение неформальными связями... Т.е. наблюдаем рост и развитие перевернутой неформальной пирамиды.

3. *Социальные потребности*. Продолжим рассмотрение примера про стритрейсера, преодолевшего МКАД за

¹Ангелы ада// Википедия // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D1%8B_%D0%B0%D0%B4%D0%B0

² МКАД за 28 минут // <http://viture.org/v/18085342/NDMzNTU4MTRfMTM3NzUyNjU0/>

³Залдостанов, Александр Сергеевич // Википедия // https://ru.wikipedia.org/wiki/Залдостанов,_Александр_Сергеевич

рекордно короткое время. Даже если кто-либо серьёзно пострадает во время заездов, из этого будет сделано шоу – ролик обязательно появится в соцсетях от вольных либо невольных участников, набирая популярность, возможно по смертную, которая и станет максимальной. Заработав подобным образом себе престиж в определённом кругу, он получает высокий статус. Статус означает признание, популярность и обретение многих апологетов, то есть социальную значимость – возможность преодолеть 20% барьер¹ (См. Рис. 2) социальной ступени и тем обрести «бессмертие» в памяти общества. Преодоление этого барьера ведёт к социальной устойчивости явления (феномена). Социализация (здесь это процесс внедрения в массы социального феномена) престижа проявляется в складывающемся отношении к человеку (социальному феномену, бренду) – возрастающее количество поклонников означает для посторонних, что этот человек (феномен, бренд) действительно что-то из себя представляет. Поэтому и бренд окружают сначала ореолом престижности 2-й ступени с целью пройти 3-ю ступень или хотя бы закрепитесь на 2-й.

Снова к А. Залдостанову... В годовщину Сталинградской битвы прошло

грандиозное шоу, где выступал знаменитый байкер «Хирург». Большинство жителей были против подобного новаторства и писали возмущённые письма президенту России о том, что подобное действие оскорбляет ветеранов и о непочтительном отношении к ним. В это же время «Хирург» сам приглашает Президента посетить шоу². Это наглядный пример борьбы субъекта с повысившимся статусом (личная пирамида) с устоявшимися традициями (социальная пирамида). В данном процессе новое движение завоёвывает следующую ступень перевёрнутой личной пирамиды - социальную, несмотря на сопротивление лиц с традиционными устоями, представляющими большинство из «формальной» внешней пирамиды (социальной - «я как все»).

Правило Парето 80/20 можно применить к рассматриваемой ситуации – как только число поклонников «Хирурга» наберёт 20%, его статус станет устойчивым и социально зафиксирован. Пока 80% пишут письма Президенту об отмене шоу, то 20% – приглашают его на шоу.

Президент также должен со всей ответственностью относиться не только к ветеранам, но и к молодёжи (эти 20 % представляет именно молодёжь), так

¹ В этом контексте важную роль играет эмпирическое правило Парето 80/20, которое звучит как «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий — лишь 20% результата» (Juran, Gyuna, Bingham, 1951). Изначально, в исторической формулировке В. Парето, известного итальянского социолога и экономиста, речь шла о том, что 80 % всех богатств принадлежит только 20 % населения, транслируя его на распределения причин и следствий в природе. В последствие правило Парето обрело много формулировок, например, что «20 % ошибок обуславливают 80 % потерь» или «20 % товара приносит 80% прибыли».

ПАРЕТО ЗАКОН (принцип Парето, «правило 20/80») — универсальный принцип распределения агентов результативности, сформулированный итальянским математиком, экономистом и социологом Вильфредо Парето (1848–1923) и в самом общем случае выглядящий так: *20% причин отвечают за 80% следствий*. «Правило 20/80» формулируется следующим образом: 20% людей выполняют 80% работы. Оно свидетельствует о неравномерном

распределении производительности труда (работы) и доходов. Закон Парето справедлив также для распределения потребительских расходов отдельных групп покупателей, доходности различных групп товарного ассортимента и др. П. з. может быть сформулирован и таким образом: чем больше величина дохода «х», тем меньше число лиц с таким доходом.

Маркетинг: большой толковый словарь / под ред. А. П. Панкрухина. – М. : Омега-Л, 2008. – 216 с.

²...*Прилететь на траурные мероприятия в Волгоград Владимира Путина пригласил лично лидер байк-клуба «Ночные волки» Александр Залдостанов (Хирург)...* Между тем волгоградцы разделились во мнениях по поводу даты байк-шоу, которая совпала с Днём памяти и скорби. *Ещё в июле некоторые местные жители отправили обращение президенту с просьбой перенести шоу, поскольку проведение его в этот день было бы равносильно, по их словам, пляскам на могилах погибших.*

Юнашев А., Звезда С./ Путин и Хирург обсудили байк-шоу в Сталинграде/ А.Юнашев, С.Звезда // <http://izvestia.ru/news/554955>

как именно они ответственны за будущее формальной пирамиды - страны. Приняв приглашение и приехав на байкер-шоу, Президент продемонстрировал свою заинтересованность и участие в воспитании нового поколения – 20%, заполняющие неформальную пирамиду. Это участие в последствие поможет ему в завоевании влияния у молодёжной части электората. Таким образом, за привлечение поклонников идёт социальная борьба на ступени социальных потребностей (перераспределение апологетов), причём как со стороны внешней «традиционной» пирамиды, так и со стороны внутренней «прогрессивной» пирамиды, несущей «ветер перемен». Соотношение во внешней – внутренней (формальной – неформальной) пирамидах рассмотрим далее. Здесь же отметим, что сам процесс перераспределения обеспечен возможностью приобщения к внедряемым идеям через массы, независимо от степени их формализации.

4. Потребности в безопасности. Продолжая разбирать пример с байкером «Хирургом», перейдём к следующей ступени пирамиды. Личная неприкосновенность и социальные гарантии безопасности байкер приобретает после приезда Президента. Личная безопасность обретается через взаимодействие с уровнем потребностей престижа формальной пирамиды и возможна только после того, как будет выиграна социальная борьба за ступень социальных потребностей – преодоление 20% социального барьера.

5. Физиологические потребности. После повышения социального статуса и обретения личной безопасности (социальной неприкосновенности), наш

уже знакомый байкер «Хирург» через свой социальный статус приобретает определённую «социальную должность»¹ и получает многочисленные гранты от правительства², следовательно, может удовлетворить свои физиологические потребности на более высоком уровне исполнения, взаимодействуя с духовным уровнем потребностей формальной пирамиды.

После этого уже «Хирург» становится не только официальным лидером молодёжного движения, но и общепризнанным в формальной пирамиде конформистов – у 80% населения. *Тем самым его личная пирамида перевернулась с вершины на основание*, став социальной, не только обеспечивая ему формальное влияние, но и делая его заложником ожиданий ближайшего его окружения. Именно поэтому Стив Джобс был несколько раз уволен, являясь основателем и идейным вдохновителем, генератором инноваций «Apple», но не удовлетворяя крупнейших акционеров (уровень престижа формальной пирамиды) в генерации прибыли.

Итак, внутренняя личная пирамида имеет свойство переворачиваться и становится внешней социальной. Только пройдя через социальную её ступень социальных потребностей, что сверху вниз, что снизу вверх, можно достичь социальной вершины. В нижней вершине находится «архитектор нового» (См. Рис. 2), который есть в каждом из нас, проявляясь у всех по-разному. Он формируют свою субъективную реальность, ориентируясь на социальную реальность, либо на высоком уровне, внедряя в массы свою субъективную реальность, уже

¹ В последние годы у «Ночных волков» появилась поддержка из бюджета. По данным «Спарк-Интерфакс», в конце 2011 года МАНО выиграла два конкурса Департамента семейной и молодежной политики Москвы на общую сумму 2,15 млн. рублей. Речь шла об организации праздников. А новогодние елки для детей-сирот вышли даже на федеральный уровень: осенью 2012-го байкеры получили на них 3,7 млн. рублей, а в середине следующего года еще 3,5 млн. рублей.

Телегина Н. / «Волчий» бизнес: как дружба с Путиным помогает байкерам / Н. Телегина // https://slon.ru/russia/volchiy_biznes_kak_druzha_s_putinym_pomogaet_baykeram-1100583.xhtml

² Молодежная автономная некоммерческая организация «Ночные Волки», ОГРН 1037717009846 // Сайт конкурса государственной поддержки ННО // <http://grants.oprf.ru/grants115/winners/rec624/>

способен формировать иную социальную реальность. «Архитектор нового» – это творец мира личного и внутреннего, своего рода лидер в возможном будущем социальном смысле.

Преодолев все ступени, «архитектор» оказывается на вершине, и он спускает свои идеи через своё окружение, которое обрастает престижем. Признанное таковым, окружение стоит выше обычных социальных рамок и влияет на всех остальных посредством навязывания ложных потребностей, моды, вкусов, стереотипов, предпочтений, а также способов социального взаимодействия. Только 20% людей сопротивляются этому насаждению вкусов и мнений, а остальные 80% - вынужденные конформисты. При усилении социального давления эти 20% вынуждены приспособливаться, и сопротивляться только на уровне внутренней пирамиды из сообщений социальной безопасности.

Процессу навязывания бренда присущи те же черты диалектики ступеней потребностей, отражающей Я-, ОНИ-, МЫ-ожидания. Для международных корпораций *выиграть социальную борьбу означает сформировать предсказуемо положительные ожидания потребителей по отношению к своим товарам и услугам* посредством практически неограниченных ресурсов, задействованных на протяжении поколений [Стоянов, 2018б]. Формирование спроса на продукт, которым «пользуются звёзды экрана», при помощи внедрения общепринятой, но недостоверной причинно-следственной связи цепочки «Знак – Интерпретация – Ожидание» (ЗИО) оформленной в санкционно-нормативную спираль [Стоянов, 2018а] ведёт к росту потребления, а вместе с ним и числа различных функциональных нарушений организма¹.

Результаты исследования

Таким образом, на рассмотренном выше примере, показано, что пирамида «Я» внутренних (неформальных) потребностей имеет свойство переворачиваться начиная с наработки и преодоления 20% барьера третьей ступени - социальной. Только пройдя через социальный слой (общепринятость), что сверху вниз, что снизу вверх, можно достичь вершины самоактуализации, где находится «архитектор», который есть в каждом из нас. Он формирует свою субъективно-социальную реальность с целью получения через формирование ОЖИДАНИЙ предсказуемой реакции окружающих либо без цели как таковой. С другой стороны этап формирования ожиданий у окружающих наступает только после формирования через социализацию - синхронизацию структуры ожиданий индивида [Стоянов, 2019б].

Например, девушки формируют последнюю через внешность, то есть, используя макияж, одежду, духи, часто становясь непохожими на самих себя, но претендуя на ожидаемую реакцию противоположного пола. Таким образом, «Архитектор нового» – это творец идеального мира личного и внутреннего, но на основе, усвоенной в результате социализации, реакции окружающих (См. Рис. 2). Если реакция на «улучшенную» при помощи вышеперечисленных различных средств внешность «модницы» не соответствует ожидаемой, то ею делается вывод об отсутствии должной на данный момент синхронизации индивида. То есть делается вывод об отсутствии «социальной синхронизации» именно у лица для которого и был сделан макияж и который не оценил этого должным (ОЖИДАЕМЫМ) образом. В данном случае оценивается соотносимость оценки оппонента на основе его личных вкусов с предлагаемыми модными тенденциями,

¹ Ещё в СССР изучалось «...аллергизирующее действие ПАВ (поверхностно активных веществ) в составе моющих средств и шампуней. Обнаружены множественные профзаболевания у рабочих на производстве СМС: «Лотос», содержащий 22% ал-

килсульфата и додецилбензосульфата, «Столичный», «Эра». Шампуни на алкилсульфатах, сульфанолах оказывают аллергизирующее действие, причем аммонийные соли, равно как и натриевые» (Селицкий, Стоянов, 1983).

которые определяют степень синхронизации модницы с «высокой модой».

Социальная синхронизация значительно шире понятия социализация. *Социальная синхронизация – процесс приведения к общему знаменателю (синхронизация) ожиданий индивида и общества, именно с точки зрения наличия общих внедрённых ожиданий у индивида и общества* [Стоянов, 2019а]. Этот процесс происходит благодаря формированию структуры интегральной иерархии потребностей (ИИП) на основе Я-, ОНИ-, Мы-ожиданий (См. Таб. 3). Рассмотрим процесс подробнее.

*Крайние санкции (См. Рис. 2) за «неправильные способы реализации» духовных потребностей с точки зрения окружающего большинства часто проявляются именно в формальной физиологической плоскости (лишение сна, голод, изощрённые пытки и т.п.). Эти две ступени находятся одна напротив другой и максимально взаимодействуют в «единстве и борьбе противоположностей» друг с другом по линии «личное - социальное», т.е. «личное (неформальное) духовное противостоит социальному (формальному) физиологическому». *Перевернутая пирамида «Я» характеризует внутреннюю ориентацию потребностей у индивида в социуме.*

Далее по аналогии взаимодействуют «личный престиж с социальной безопасностью», «неформальная социальность (неформальные группы) с формальной внешней социальностью», «личная безопасность с формальным престижем» и «личная физиология с формальной духовностью (религиозный пост, например)». Примеры взаимодействия приведены выше по тексту.

Неформальный лидер приобретает престиж и далее может преодолеть 20% социальный барьер, а формальный лидер заложник пирамиды. Если он не будет продвигать идеи и интересы внешней пирамиды, то он будет не нужен этим 80 % конформистам. Любой лидер, как формальный, так и неформальный – это, к сожалению, заложник социальных ожиданий, от которого все ждут новых

идей и предложений именно по укреплению пирамиды устоявшихся традиционных потребностей.

Здесь уместна формула О. Конта (См. Рис 2), отражающая стадии эволюции человека: «идеи управляют (социальным) миром, ибо социальный мир есть мир идей, а человек есть животное, создающее царство логического бытия — новую и высшую форму мировой энергии» [Цит. по: Сорокин, 1992: 531]. Исходя из Рис. 2 если на место архитектора подставить индивида с внедрённой плохой идеей, то и отстроенное архитектором личное здание мировоззрения будет жидиться на извращённом фундаменте, который может впоследствии стать вершиной. И это явление распространено вследствие массового внедрения общепринятых базовых идей: *все закончится и на всех не хватит.*

В предыдущих наших исследованиях показана диалектическая взаимосвязь цепочки по степени формализации (Ожидания ↔ Идеи ↔ Ценности ↔ Цели), где идея есть оформленное ожидание [Стоянов, 2016: 262]. В результате через вышеуказанное взаимодействие категорий человеческий интеллект направляется на уничтожение конкурентов, таких же людей, соседей, даже родителей. Мы готовы подавить всех этих людей ради того, чтобы нам хватило, и эти ожидания сидят в подсознании каждого. Это происходит, потому что эту идею внедрили в нашу жизнь на ступени духовных потребностей, тогда, когда каждый из нас был «архитектором».

Мы начинаем рассматривать её как само собой разумеющуюся, в результате реализация этой идеи постепенно становится элементом престижа. Для этой победы мы стремимся приобрести как можно больше интеллектуальных преимуществ. После победы появляется соответствующий социальный статус. Смена статуса связана с вертикальной мобильностью, на основе этого статуса, можно уже заботиться о своей личной охране и других методах безопасности. Социальная безопасность, так же как и «социальная опасность» - это сложившееся социальное клише, созданное общественным мнением.

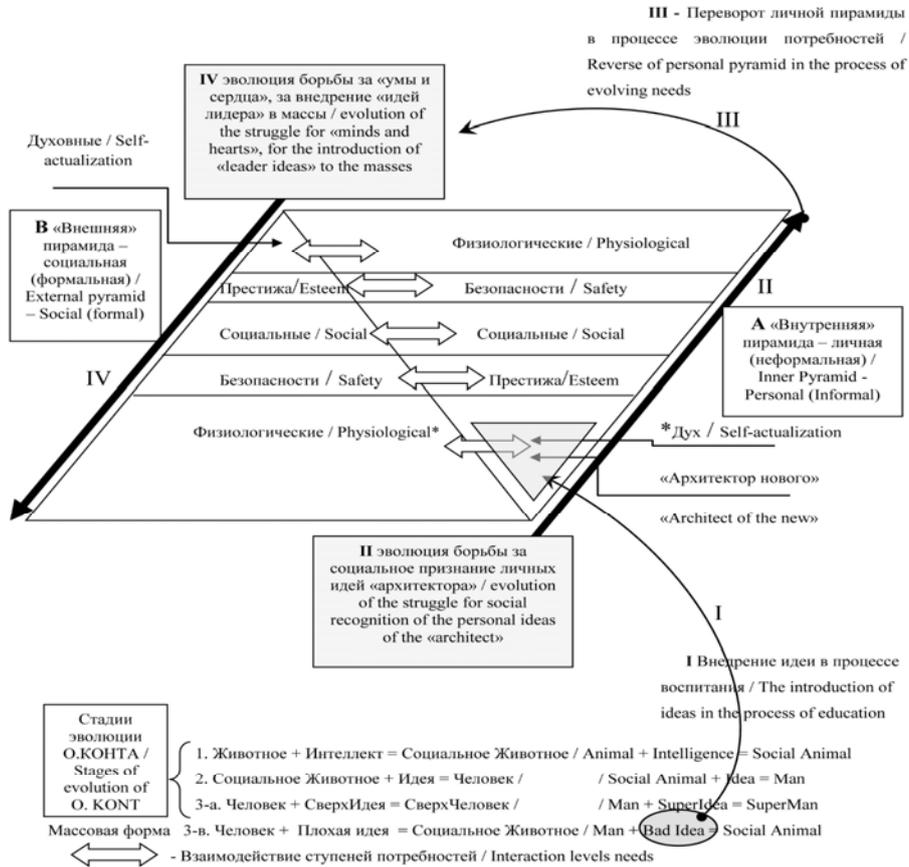

Рис. 2. Взаимодействие ступеней личного (внутренняя пирамида потребностей) и социального (внешняя пирамида потребностей). В подавляющем большинстве случаев массово внедряются «Плохие идеи» - Всё закончится, На всех не хватит. Цикл I-IV может повторяться (проигрывать мысленно) многократно в зависимости от степени реализации идей. Идея есть оформленное ожидание!
 Fig. 2. The interaction of the levels of personal (internal pyramid of needs) and social (external pyramid of needs). In the overwhelming majority of cases, "Bad Ideas" are being introduced massively - Everything will end, Not enough for everyone. Cycle I-IV can be repeated (play mentally) many times depending on the degree of realization of ideas. The idea is formed expectation!

Совмещённые пирамиды неразрывно связаны друг с другом имея доминирующее либо балансное 80/20 соотношение (См. Таб. 4). Идеи из социума переходят во внутренние идеи каждого человека. (См. Рис. 2) Идея идти учиться – это идея общества, но мы уже воспринимаем её как свою, она уже работает на уровне физиологических потребностей, уровень удовлетворения которых зависит от уровня образования. Общество призывает приложить все цели к победе, показывая пример

удачных предшественников. В итоге человек думает: Я отучусь – получу победу – сменю статус – получу безопасность – удовлетворю физиологические потребности уже более высокого типа (престиж). А потом начну распространять эти идеи по нисходящей линии.

Итак, в основе этих пирамид лежат все те же идеи – на всех не хватит и все закончится. Внешняя пирамида – это наше внешнее проявление. Внутренняя пирамида – это наш внутренний мир (См. Рис. 2).

Идеи внедряются в наше общество постепенно. В данном контексте революции осуществляются не на баррикадах, а в умах и сердцах. (Т. Карлейль) Сначала надо достичь умов и сердец, чтобы после произошла революция.

2-3 поколения нужно для того, чтобы сформировать в массах социально значимую идею (А. Зиновьев). Но мало какой лидер разработает такую идею, чтобы она интересовала 2-3 поколения людей. Лидер всегда вынужден играть по правилам группы. В этом контексте любой лидер заточен под те же две идеи. Если его организация не будет успешно бороться с этими идеями, устранять конкурентов, то

его уберут самого. Лидер становится сам заложником в своей игре.

В этом контексте снова актуально правило Парето 80/20. Лидер, которого привели к власти 20%, транслирует их идеи на остальные 80% людей. У этих 80% своё деление 80/20. Но как только лидер перестанет обеспечивать удовлетворение их физиологических и других потребностей, например, зарплату, нарушит обеспечение безопасности своих подчинённых, как только он перестанет играть в игру под названием на всех не хватит, все закончится, начнёт раздавать активы, поведёт себя неожиданным образом, то лидера уберут.

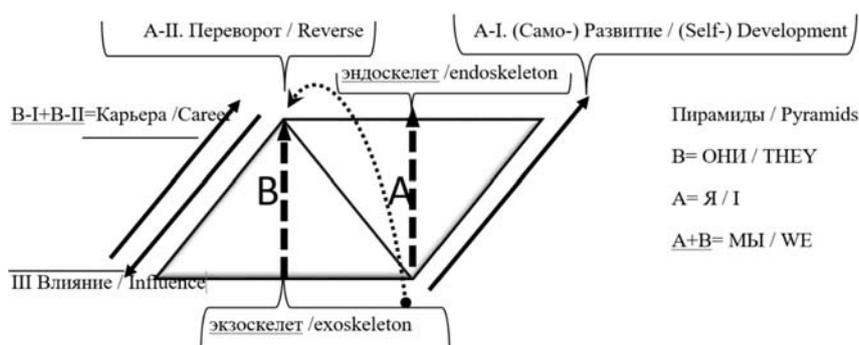

Рис. 3 Векторы и шаги развития личности (группы, общества, социального феномена)

Таблица 3
Соотношение пирамид «Я», «ОНИ», «МЫ», векторов и циклов развития

Пирамида. Pyramid	Вектор. Vector	Описание цикла развития. Description of the development cycle	Примечания. Notes
только «А» «Я» Эндоскелет only «А» «I» endoskeleton	A-I. (Само-) Развитие / (Self-) Development	1. идея (духовная) Idea (self-actualization) 2. апробация на окружении (престиж) Approbation on the environment (Esteem) 3. проверка на уникальность (социум) Check for uniqueness (social) 4. проверка на безопасность Security check (Safety) 5. воплощение в природе (физиология) Embodiment in nature (Physiological) Цикл – возврат к 1 шагу. Cycle - return to step 1.	Основа – эндоскелет. Внутренний стержень на основе осознанной идеи. Basis - endoskeleton. The inner core is based on a conscious idea.
только «В» «ОНИ» Экзоскелет only «В» «THEY»	B-I+B-II= Карьера/Career	1. Карьера. Удовлетворение первичных физиологических (врождённых) и безопасности (приобретённых) потребностей	Основа – экзоскелет. Внешняя структура или режим, обеспечивающий карьерный рост и возможность прикрытия внешними атрибутами, например, военным мундиром, погонами.

exoskeleton	III Влияние / Influence	ведёт к их социальной общепри- нятности и на этой основе даль- нейшее удовлетворение пре- стижа (погоны) и духовных по- требностей (бюрократизация) Career. Satisfaction of primary physiological (innate) and safety (acquired) needs leads to their social acceptance and on this basis further satisfaction of prestige (epaulets) and spiritual needs (bureaucratization) 2. Влияние. На основе бюрокра- тизации (усиления экзоскелета) усиление влияния на карьерный рост остальных членов органи- зации. Influence. On the basis of bureaucratization (strengthening of the exoskeleton), increasing the influence on the career growth of the other members of the organization.	Basis - exoskeleton. External structure or mode providing career growth and the possibility of covering with external attributes, for example, military uniform, shoulder straps.
A+B = «Мы»/«WE» Сочетание A+B (эн- доскелета с экзоске- летом) и горизонталь- ное взаимодействие потребностей пира- мид A+B в соотноше- нии 20/80 даёт мак- симально устойчи- вую в динамике ста- бильно развивающую- ся структуру. The combination of A + B (the endoskeleton with the exoskeleton) and the horizontal interaction of the needs of the pyramids A + B in a ratio of 20/80 gives the most stable in dynamics stably developing structure.	A-I. (Само-) Развитие / (Self-) Developme- nt A-II. Пере- ворот / Reverse III Влияние / Influence	1. Идея, ориентированная на об- щество (духовная) Society oriented idea (self-actualization) 2. Аprobация на окружении (пре- стиж) Approbation on the environment (Esteem) 3. Проверка на уникальность (со- циум) Check for uniqueness (social) 4. Проверка на безопасность Security check (Safety) 5. Воплощение в природе (фи- зиология) Embodiment in nature (Physiological) 6. Влияние. На основе бюрокра- тизации (усиления экзоскелета) усиление влияния на карьерный рост остальных членов органи- зации но посредством влияния на творчество последних. Цикл – возврат к 1 шагу. Influence. On the basis of bureaucratization (strengthening of the exoskeleton), increasing the influence on the career growth of the other members of the organization, but by influencing the creativity of the latter. Cycle - return to step 1.	1. Голодный художник + борьба с голо- дом Hungry artist + fighting hunger 2. Показ картины узкому кругу восприни- мающих и подтверждение правильности идей через единомышленников + вни- мание органов безопасности. Showing the picture to a narrow circle of perceivers and confirming the correctness of ideas through like-minded people + attention of the security 3. Расширение круга воспринимающих картину + нарастание критики со сто- роны традиционных. Expanding the circle of perceivers of the picture + increase in criticism from traditional 4. Признание безопасной со стороны прогрессивных и увеличение престижа у традиционных – приглашение на вы- ставку. Recognition of the safe from the progressive and increase the prestige of the traditional - an invitation to the exhibition 5. Продажа картины (идеи обществу) и удовлетворение физиологических по- требностей на более высоком (другом) уровне – признание и воздвижение на пьедестал у традиционных (переворот пирамиды) Selling a picture (idea to society) and satisfying physiological needs at a higher (different) level - recognition and elevation to the pedestal of traditional (pyramid reverse) 6. Влияние на творческих карьеристов. Influence on creative careerists

От общества необходимо предо-
ставление каждому индивиду возмож-
ности генерировать свои идеи, затем
делать из них свои выводы, а затем на
их основе вырабатывать жизненные
принципы – внутренний стержень - *эн-
доскелет*. (См. Рис. 3) Это сложный

процесс. Такой путь должна пройти лич-
ность, продираясь через «социальные
джунгли». А эти джунгли предлагают
нам множество простых путей, часто на
уровне инстинктов, ухода от борьбы и от
её самосознания – алкоголизм, прости-
туция и так далее.

Человек становится человеком с тех пор, как он начинает управлять своими инстинктами. Репрессии же наоборот делают инстинкты неуправляемыми для большинства индивидов. В этом случае «Я-ожидание социальное» вступает в конфликт с инстинктами. Я-ожидания - это сформированные лично ожидания на основе личной интерпретации знаков, полученных при «ориентации на себя» [Riesman, Glazer, Denney, 1950: 24]. Они, в свою

очередь, исходя из наличия внутренней (личной) и внешней (социальной) интерпретации на основе взаимодействия пирамид «А» и «В» (См. Рис. 3), разделяются на «Я-ожидание личное (внутреннее)» и «Я-ожидание социальное (внешнее)» [Стоянов, 2016: 190]. То есть в личности (группе, обществе) имеем взаимодействие и сочетание пирамид «А» и «В» как интегральной иерархии потребностей ИИП (См. Таб. 4).

Таблица 4
Соотношения пирамид, типов ожиданий и социального (взаимо-)действия (М. Вебер)

типы соотношений пирамид pyramid ratio types	тип социального действия [Вебер, 1990] type of social action (M. Weber)	тип Ожиданий (А. Стоянов) type of Expectations (A. Stoyanov) [Стоянов, 2016: 190-200]	уровни взаимодействия interaction levels / пример соотношений пирамид example of pyramids ratio			
			личный personal	групповой group	социальный social	
чисто А – «Я» pure A - «I»	аффективный affective	Я I	внешние (социальные) external (social)	отшельник, recluse	монастырь monastery	официальные религии official religions
			внутренние (личные) internal (personal)	изгой outcast	неформальные группы informal groups	религиозные секты religious sects
чисто В (Маслоу) – «ОНИ» pure B (Maslow) - «THEY»	целе-рациональный purposeful-rational	ОНИ THE Y	внешние (социальные) external (social)	администратор administrator	бюрократия bureaucracy	МИД Ministry of Foreign Affairs
			внутренние (личные) internal (personal)	карьерист careerist	номенклатура nomenclature	МВД Ministry of the Interior
A+B, A >> B =«Мы»/WE	ценностно-иррациональный* value-irrational*	Мы WE	внешние (социальные) external (social)	экстремал extreme	экстремальный спорт extreme sport	экстремизм extremism
B+A, B >> A =«Мы»/WE	традиционный traditional		внутренние (личные) internal (personal)	фанат fan	фан-клуб fan-club	фанатизм fanaticism
A+B (20/80) =«Мы»/WE	ценностно-рациональный value-rational		гармоничные harmonious	герой hero	инновационное производство innovative production	патриотизм patriotism

*Тип социального действия введен нами. Характеризуется отсутствием понимания окружающих, но наличием собственных ценностных ориентиров и мотивов/ Type of social action introduced by us. Characterized by a lack of understanding of others, but the presence of their own values and motives.

В итоге пирамида «ОНИ» (А. Маслоу) отражает сформированные «ОНИ-ожидания», пирамида «Я» отражает «Я-

ожидания», ИИП «Мы» отражает «Мы-ожидания». Ожидания – наиболее вероятная субъективная модель будущего

состояния объекта (субъекта, среды) взаимодействия [Стоянов, 2018б] - кардинально влияют на выбор вектора взаимодействия (т.е. поведения либо его модели). Ожидания жёстко взаимосвязаны и согласованы с элементами цепочки «Знак – Интерпретация – Ожидание» (ЗИО), которая оказывает определяющее влияние на взаимодействие структурных элементов любых систем (социальных, биологических, кибернетических и т.п.). Таким образом, *общество есть система взаимосвязей его структурных элементов, в основе которой лежат взаимные ожидания последних* [Стоянов, 2016]. Именно система образования наиболее полно включена в процесс формирования ожиданий. Формируя ожидания, формируются потребности. Корректируя потребности, корректируем ожидания. Структура потребностей кардинально влияет на устойчивость развития социальных элементов и систем. *Неосознанная индивидом социализация приводит к тому, что у человека сформирована цель, но он не знает, для чего она ему нужна. Мы всегда боремся с этим противоречием: у меня есть цель, я ее добьюсь... а МОЯ ли это цель?*

Мы чьи-то цели начинаем воспринимать как свои, и готовы отдать за них жизнь, готовы получать травмы, готовы на все что угодно, лишь бы их достичь.

К целерациональному действию (рациональной бюрократии) стремятся все фирмы и компании, точнее их управленцы. Они стремятся создать набор пошаговых инструкций, которые приведут нас к цели. Обучение точно также создаёт пошаговые инструкции, другой вопрос – кто пишет эти инструкции? Кто определяет цели?

Если через призму четырёх типов действий [Вебер, 1990] посмотреть на любую новую идею, возникающую в обществе и её эволюцию в социально осознанном, то, например, вначале Стива Джобса не воспринимали всерьез, считали его сумасшедшим, его идеи расценивали как иррациональные (даже порою аффективные). Его действия имели

только для него некую ценность (См. Таб. 4) Это действие для него становится ценностно-рациональным. А позже появляется у него мысль, уверенность, что он делает все правильно, и действие становится целерациональным, особенно при появлении хотя бы промежуточного, но положительного результата его взаимодействия со средой на основе доминирующей «сумасшедшей идее». Ещё позже его идеи, действия становятся традиционными для его окружения (узкой группы), но, ещё не достигнув уровня общепринятости в обществе. При достижении последнего уровня - идеи становятся традиционными и для социума. Далее эти идеи формализуются, превращаясь в законченную жёсткую структуру, т.е. отражают целе-рациональное действие бюрократии.

Другими словами, идеи – оформленные ожидания – определяют структуру потребностей. Иначе говоря, последние детерминируются ожиданиями, оформленными в идеях. Ожидания реализуются в структуре потребностей. То есть потребность – есть реализованное ожидание.

В Итоге диалектика ожиданий (Ожидания ↔ Идеи ↔ Ценности ↔ Цели) [Стоянов, 2016] и потребностей приобретает следующий вид:

Ожидания → Идеи → Структура потребностей (Ценности ↔ Цели) → Действие → (НЕ) Подтверждение Ожиданий (Коррекция) → Идеи' → Структура потребностей (Ценности ↔ Цели)'...

Обобщая всё вышесказанное, отметим, что выявленная взаимосвязь между ожиданиями, потребностями и типом социального действия (М. Вебер) обеспечивает гармоничное формирование социальной системы, как системы взаимных ожиданий, на всех уровнях: личности – группы – общества.

Именно на основе ожиданий, посредством оформления их в доминирующие идеи, формируется соотношение пирамид ИИП, образуя эндоскелет и экзоскелет личности (группы, общества),

обеспечивая их устойчивость и направление вектора их развития. Пирамида «ОНИ» (А. Маслоу) - экзоскелет - отражает сформированные «ОНИ-ожидания». Пирамида «Я» - эндоскелет

- отражает «Я-ожидания». ИИП «МЫ» отражает «МЫ-ожидания». Отсутствие одного из вышеперечисленных компонентов нарушает гармоничность развития вплоть до однобокости.

Таблица 5
Парные категории инструментария для измерения и анализа ожиданий и потребностей. Перспектива устойчивости и развития личности (группы, общества).

Категории явлений Phenomenon categories	Категории институтов и процессов Categories of institutions and processes		Пирамиды A+B=«МЫ» - ожидания Pyramids A+B=«WE» - expectations
	Пирамида А - «Я»-ожидания Pyramid A - «I»-expectations	Пирамида В - «ОНИ» -ожидания Pyramid B - «THEY» -expectations	
Бренд Brand Развитие Development Сознание Consciousness Воля Will Разум Mind Интеллект Intelligence Желание Wish Лидерство Leadership Power Оппозиция Opposition Подчинение Subordination Брак Marriage Карьера Career	Неформальная Informal	Формальная Formal	ГАРМОНИЯ, СТАБИЛЬНОСТЬ, УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ, ЦЕЛОСТНОСТЬ. 100% = ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ «МЫ» // HARMONY, STABILITY, VERSATILITY, SUSTAINABILITY OF DEVELOPMENT, INTEGRITY. 100% = INTEGRAL HIERARCHY OF NEEDS «WE»
	Личная Personal	Социальная Social	
	Внутренняя Internal	Внешняя External	
	Оппозиция Opposition	Власть Power	
	Конформизм Conformism	Нонконформизм Nonconformism	
	Знание Knowledge	Пропаганда Propaganda	
	Искусство Art	Карьера Career	
	Иновация Innovation	Традиция Tradition	
	Созидание Creation	Распространение Distribution	
	Уникальность Uniqueness	Транслируемость Translability	
	Изменчивость Variability	Косность Stagnancy	
	Революция Revolution	Реакция Reaction	
	Прорыв Breakthrough	Застой Stagnation	
	Хочу Want	Можу Can	
	Желания Wishes	Возможности Opportunities	
	Интуиция Intuition	Формализация Formalization	
	Творческая Creative	Механическая Mechanical	
	Идеальное Perfect	Бытийное Existence	
Солидарность Solidarity	Творческая Creative	Механическая Mechanical (Э. Дюркгейм E. Durkheim)	Органическая Organic
Благополучие Well-being	Субъективное «Я» Subjective «I» SWB	Субъективное «ОНИ» Subjective «THEY» SWB	Объективное Objective
Изменение Change	Революция Revolution	Реакция Reaction	Эволюция Evolution
Человек – единство бытия и идеала (П. Л. Лавров) Man is the unity of being and ideal (P. L. Lavrov) Существо Being	Идеальное Perfect	Бытийное Existence	Развитый гар- моничный чело- век. Developed harmonious person

Пирамида А - «Я» и Пирамида В - «ОНИ» гармонично дополняют друг друга до целого в соотношении 20/80. Pyramid A - "I" and Pyramid B - "THEY" harmony complement each other to the integrity in the ratio of 20/80.

В Таб. 5 предложены инструменты наших дальнейших эмпирических исследований. Апробирование данного инструментария предусмотрено в

Литература

1. Барсукова С. С. Приёмы создания эффекта обманутого ожидания на уровне предложения //Филология и человек. 2014. №1. С. 134-138.
2. Бобкова Е.М. Приднестровские реалии в контексте конвенционального подхода. Тирасполь. 2018.
3. Богданов М. Б., Лебедев Д. В. «Главное не бояться!» – воздействие тренингов на ожидания интервьюеров при переходе от RAPI к CAPI //Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2018. №. 45. С. 103-132.
4. Букейханов Н. Р., Гвоздкова С., Никищечкин А. П. Иерархия потребностей А. Маслоу и потребность в управлении //Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. Т. 4. №. 4. С. 15-28.
5. Букейханов Н. Р., Закшевская Н. Н., Никищечкин А. П., Чмырь И. М. Пирамида А. Маслоу в маркетинге безопасности //Социология. 2013. №. 2. С. 139-143.
6. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс. 1990.
7. Виноградова Е. Ю. Социальные ожидания как элемент идеологии и детерминанта социального статуса субъекта (гендерный аспект) //Социальные явления. 2016. №. 5. С. 58-64.
8. Гарин Е.В. Иерархия потребностей человека //Вестник науки Сибири. №. 2 (12). С. 168-181. 2014.
9. Гомелаури М. Л. К вопросу о мотивационном значении социальных ожиданий. Автореф. дис.... канд. пед. наук (по психологии). Тбилиси. Изд-во Тбилис. ун-та. 1967.
10. Завершинский К. Ф. Структуры «социальных ожиданий» как предмет исследования цивилизационных процессов //Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. №. 6. С. 50-59.
11. Кемпинский А. Психология шизофрении. СПб.:Ювента. 1998.
12. Корнекова С. Ю. О связи продовольственного потребления с иерархией потребностей (пирамиды) А. Маслоу //Вестник ТвГУ. Серия "География и Геоэкология". 2017. №. 3. С. 107-119.
13. Мамонов М. В. Темпоральная структура ожиданий населения: основания классификации //Вестник Поволжского института управления. 2009. №. 2. С. 26-31.
14. Маркетинг: большой толковый словарь / А. П. Панкрухин (ред.). – М.: Омега-Л. 2008.
15. Наумова Е. А., Семенова О. Н., Шварц Ю. Г. Иерархическая пирамида Маслоу: результаты анкетирования врачей и учащихся медицинского университета //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №. 11-6. С.114- 116.
16. Попович И. С. Социальные ожидания в теориях мотивации личности //Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. №. 4 (20). С. 53-63.
17. Popovich I.S. (2014) Social Expectations in Theories of Motivation of the Person. Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology. No. 4 (20). P. 53-63. (In Russ., abstract in Eng.)
18. Романова Г. М., Макарова И. Н., Шашков А. В. Теоретико-методологические основы исследования ожиданий и мотивации волонтеров //Sochi Journal of Economy. 2012. №. 3. С. 151-161.
19. Сазонова Т. Ю., Умеренкова А. В.. Эффект обманутого ожидания: лингво-когнитивное моделирование //Вопросы психолингвистики. 2007. №. 5. С. 1-4.
20. Сасим А.В. Социально-философское осмысление киберспорта как молодежной субкультуры в аспектеординарной и неординарной реальности //Миссия конфессий. 2018. №. 34. С. 855-862.
21. Селицкий Г. Д., Стоянов Б. Г. Профилактика профессиональных дерматозов. М: Медицина. 1983.
22. Серков Л. А. Самоорганизация ожиданий как фактор саморазвития экономических систем //Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. №. 4 (54). С. 100-106.
23. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. – М.: Политиздат. 1992.
24. Стоянов А.С. (2005). Сущность и структура социального управления в основных сферах жизнедеятельности современного российского общества (динамика изменения и перспективы развития): дисс....канд. соц. наук (22.00.04) М.: МГУ.
25. Стоянов А.С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. / А.С. Стоянов. М.: ФЛИНТА: Наука. 2016. 336 с. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_2590

5782_18991982.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

26. Стоянов А.С. (а). Санкционно-нормативная спираль социума в контексте теории «Общества ожиданий» //Миссия конфессий. 2018. №. 34. С. 834-844.

27. Стоянов А.С. (b). Основные сферы жизнедеятельности общества в структуре социальных ожиданий: диалектика и взаимодействие //Миссия конфессий. 2018. №. 35. С. 955-967.

28. Стоянов А.С. (а). Социальное действие: реакция как взаимность ожиданий //Миссия конфессий. 2019. №. 36. С. 81-88.

29. Стоянов А.С. (b). Формирование «Общества ожиданий» как процесс социальной синхронизации //Миссия конфессий. 2019. №. 37. С. 170-180.

30. Сургуладзе В. Место идеологии в системе мотивации личности //Свободная мысль. 2016. №. 1. С. 123-136.

31. Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. Л.Н. Ефимова. СПб.: Алетейя. 2008.

32. Труфанов Д. О. Рациональность как социологическая проблема. Постнеклассический (универсальный) подход //Социологические исследования. 2013. №. 4. С. 60-69.

33. Фахрутдинова Е. В. Диалектика потребностей человека //Экономические науки. 2009. №. 8. С. 43-47.

34. Фирсова Е. В. Прагматингвистические основания классификации социальных ожиданий //Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. №. 2. С. 81-87.

35. Четвертаков С. А. Реконструкция теории Маслоу. СПб.: Алетейя. 2011.

36. Atkinson J. W. (1950) Studies in projective measurement of achievement motivation. Microfilm Abstracts. Vol.10. No.4. P. 290-291.

37. Ball C., Huang K. T., Rikard R. V., Cotten S. R. (2019) The emotional costs of computers: An expectancy-value theory analysis of predominantly low-socioeconomic status minority students' STEM attitudes. Information, Communication & Society. Vol. 22. No.1. P. 105-128. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1355403

38. Beckmann J., Heckhausen H. (2018) Motivation as a function of expectancy and incentive. Motivation and action (eds. Heckhausen J, Heckhausen H). Springer, Cham. P. 163-220.

39. Biddle B. J. (1986) Recent developments in role theory. Annual review of sociology. Vol. 12. No.1. P. 67-92.

DOI:10.1146/annurev.so.12.080186.000435

40. Bolles R. C. (1972) Reinforcement, expectancy, and learning. Psychological Review. Vol. 79. No.5. P. 394-409.

41. Bolles R. C. (1985) The slaying of Goliath: What happened to reinforcement theory. Issues in the ecological study of learning. Vol. 3. P. 387-400.

42. Breznitz S. (1968) 'Incubation of Threat' in a Situation of Conflicting Expectations. Psychological reports. Vol. 22. No.3. P. 755-756. DOI:10.2466/pr0.1968.22.3.755

43. Bridgman T., Cummings S., Ballard J. A. (2017) Triangulating Maslow's Hierarchy of Needs: The Construction of Management Studies' Famous Pyramid. Academy of Management Proceedings. Briarcliff Manor, NY 10510: Academy of Management. Vol. 2017. No.1. P. 14177. DOI:10.5465/ambpp.2017.14177

44. Bridgman T., Cummings S., Ballard J. A. (2019) Who built Maslow's pyramid? A history of the creation of management studies' most famous symbol and its implications for management education. Academy of Management Learning & Education. Vol. 18. No.1. P. 81-98.

45. Burgoon J. K. (1978) A Communication Model of Personal Space Violations: Explication and an Initial Test. Human Communication Research. Vol. 4. No.2. P 129-142. DOI 10.1111/j.1468-2958.1978.tb00603.x

46. Burgoon J. K., Hale J. L. (1988) Nonverbal expectancy violations: Model elaboration and application to immediacy behaviors. Communications Monographs. Vol. 55. No.1. P. 58-79. DOI:10.1080/03637758809376158

47. Burgoon J. K., Jones S. B. (1976) Toward a theory of personal space expectations and their violations. Human Communication Research. Vol. 2. No.2. P. 131-146. DOI: 10.1111/j.1468-2958.1976.tb00706.x

48. Burgoon J. K., Stern L. A., Dillman L. (2007) Interpersonal adaptation: Dyadic interaction patterns. Cambridge University Press.

49. Burgoon M., Denning V. P., Roberts L. (2002) Language expectancy theory. The persuasion handbook:

Developments in theory and practice. Sage Publications. P. 117-138.

50. Burgoon M., Jones S. B., Stewart D. (1975) Toward a Message-Centered Theory of Persuasion: Three Empirical Investigations of Language Intensity. *Human Communication Research*. Vol. 1. No.3. P. 240-256. DOI:10.1111/j.1468-2958.1975.tb00271.x

51. Burgoon M., Miller G. R. (2018) An expectancy interpretation of language and persuasion. *Recent advances in language, communication, and social psychology*. Routledge. P. 199-229.

52. Chiang C. F., Jang S. C. S. (2008) An expectancy theory model for hotel employee motivation. *International Journal of Hospitality Management*. Vol. 27. No.2. P. 313-322. DOI:10.1016/j.ijhm.2007.07.017

53. Cowan B. W. (2018) Sources of Bias in Teenagers' College Expectations. *Social Science Quarterly*. Vol. 99. No.1. P. 136-153. DOI: 10.1111/ssqu.12354

54. Dillard J. P., Pfau M. (2002) *The persuasion handbook: Developments in theory and practice*. Sage Publications.

55. Dornbusch R. (1976) Expectations and exchange rate dynamics. *Journal of Political Economy*. Vol. 84. No.6. P. 1161-1176.

56. Eccles J. Expectancies, values, and academic behaviors. *Achievement and achievement motives: Psychological and sociological approaches* (ed. Spence J. T.), WH Freeman. P. 75-146.

57. Eccles J. S., Wigfield A. (2002) Motivational beliefs, values, and goals. *Annual review of psychology*. Vol. 53. No.1. P. 109-132.

58. Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs. N.Y.: Prentice-Hall.

59. Goldman M. S., Del Boca F. K., Darkes J. (1999) Alcohol expectancy theory: The application of cognitive neuroscience. *Psychological theories of drinking and alcoholism*. Vol. 2. P. 203-246.

60. Guerrero L. K., Andersen P. A., Afifi W. A. (2017) *Close encounters: Communication in relationships*. Sage Publications.

61. Hackman, J.R., & Porter, L. W. (1968) Expectancy theory predictions of work effectiveness. *Organizational Behavior and man Performance*. Vol. 3. No.4. P. 417-426.

62. Hall E. G., Hansen J. (1997) Self-actualizing men and women - A

comparison study. *Roeper Review*. Vol. 20. No.1. P. 22-27.

63. Heneman, H. G., & Schwab, D. P. (1972) Evaluation of research on expectancy theory prediction of employee performance. *Psychological Bulletin*, 1972, T. 78. No.1. P. 1-9.

64. Houser M. L. (2005) Are we violating their expectations? Instructor communication expectations of traditional and nontraditional students. *Communication Quarterly*. Vol. 53. No.2. P. 213-228. DOI:10.1080/01463370500090332

65. Hurd M., Van Rooij M., Winter J. (2011) Stock market expectations of Dutch households. *Journal of Applied Econometrics*. Vol. 26. No.3. P. 416-436. DOI: 10.1002/jae.1242

66. Jacob, B.A., Wilder T. (2011) *Educational Expectations and Attainment. . Whither opportunity?: Rising inequality and the Uncertain Life Chances of Low - Income Children* (eds. G.J. Duncan, R. J. Murnane), New York, NY: Russell Sage Press. DOI: 10.3386/w15683

67. Jerrim J. (2014) The Unrealistic Educational Expectations of High School Pupils: Is America Exceptional? *The Sociological Quarterly*. Vol. 55. No.1. P. 196-231. DOI: 10.1111/tsq.12049

68. Jones B. T., Corbin W., Fromme K. (2001) A review of expectancy theory and alcohol consumption. *Addiction*. Vol. 96. No.1. P. 57-72. DOI:10.1046/j.1360-0443.2001.961575.x

69. Juran J. M., Gryna F. M., Bingham R. S. (1951) *Quality control handbook*. Vol. 3. New York: McGraw-Hill.

70. Katona G. (1960) *The powerful consumer*. New York: McGraw-Hill.

71. Katona G. (1965) Private pensions and individual saving. *Survey Research Center, Institute for Social Research, University of Michigan*. No. 40.

72. Katona G. (1979) Toward a macropsychology. *American Psychologist*. Vol. 34. No.2. P. 118-126. DOI: dx.doi.org/10.1037/0003-066X.34.2.118

73. Kenrick D. T., Kenrick, D. T., Griskevicius, V., Neuberg, S. L., Schaller, M. (2010) Renovating the pyramid of needs: Contemporary extensions built upon ancient foundations. *Perspectives on psychological science*. Vol. 5. No.3. P. 292-314. DOI: 10.1177/1745691610369469

74. Kutlu-Koc V., Kalwij A. (2017) Individual survival expectations and actual mortality: Evidence from Dutch survey and

- administrative data. *European Journal of Population*. Vol. 33. No.4. P. 509-532. DOI: 10.1007/s10680-017-9411-y
75. Lawler III E. E., Suttle J. L. (1973) Expectancy theory and job behavior. *Organizational Behavior and man Performance*. Vol. 9. No.3. P. 482-503.
76. Lenthe F. J. van, Jansen T., Kamphuis C. B. M. (2015) Understanding socio-economic inequalities in food choice behavior: can Maslow's pyramid help? *British Journal of Nutrition*. Vol. 113. No.7. P. 1139-1147. DOI:10.1017/S0007114515000288
77. Linton R. (1936) *The study of man: an introduction*. Oxford, England: Appleton-Century.
78. Mahatmya D., Smith A. (2017) Family and Neighborhood Influences on Meeting College Expectations in Emerging Adulthood. *Emerging Adulthood*. Vol. 5. No. 3. P. 164-176. DOI:10.1177/2167696816663833
79. Manski C. F. (2004) Measuring expectations. *Econometrica*. Vol. 72. No.5. P. 1329-1376. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2004.00537.x
80. Maslow A. (1943) A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*. Vol. 50. No.4. P. 370-396
81. Maslow A. (1970) *Motivation and personality*. New York: Harper and Row.
82. Maslow A.H. (1948) Some theoretical consequences of basic need-gratification. *Journal of Personality*. Vol. 16. No. 4. P. 402-416.
83. Mead G. H. (1934) *Mind, self and society*. University of Chicago Press.: Chicago.
84. Merton R. K. (1948) The self-fulfilling prophecy. *The Antioch Review*. Vol. 8. No.2. P. 193-210. DOI: 10.2307/4609267
85. Merton R. K. (1968) *Social theory and social structure*. Simon and Schuster.
86. Merton R. K. (1995) The Thomas Theorem and the Matthews Effect. *Soc. F.* Vol. 74. P. 379-424.
87. Milla J. (2017) Updating higher education expectations and choices with learning. *Education Economics*. Vol. 25. No.6. P. 640-658. DOI:10.1080/09645292.2017.1331204
88. Nicolai J., Moshagen M., Demmel R. (2018) A test of expectancy-value theory in predicting alcohol consumption. *Addiction Research & Theory*. Vol. 26. No.2. P. 133-142. DOI: 10.1080/16066359.2017.1334201
89. Olson M. H. (2015) *Introduction to theories of learning*. Routledge.
90. Ozdemir M. (2015) Residential choice in different countries: Maslow, evolution of human brain and culture. *International Journal of Economics and Statistics*. Vol. 3. P. 32-38
91. Rescorla R. A., Wagner, A. R. (1972) A theory of Pavlovian conditioning: Variations in the effectiveness of reinforcement and nonreinforcement. *Classical conditioning II: Current research and theory*. Vol. 2. P. 64-99.
92. Riesman D., Denney R., Glazer N. (1950) *The lonely crowd. A study of the changing American character*. New Haven & London: Yale University Press.
93. Savage L. J. (1971) Elicitation of personal probabilities and expectations. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 66. No.336. P. 783-801.
94. Schunk D. H. (2012) *Learning theories: an educational perspective*. 6th ed. Pearson.
95. Schweri J., Hartog J. (2017) Do wage expectations predict college enrollment? Evidence from healthcare. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 141. P. 135-150. DOI: 10.1016/j.jebo.2017.06.010
96. Silva W. F., Redondo R. P., Cárdenas M. J. (2018) Intrinsic Motivation and its Association with Cognitive, Attitudinal and Previous Knowledge Processes in Engineering Students. *Contemporary Engineering Sciences*. Vol. 11. No.3. pp.129-138. DOI: 10.12988/ces.2018.79114
97. Smith, C. A., Lazarus, R. S. (1990) Emotion and adaptation. *Handbook of personality: Theory and research*. (ed. Pervin L.A.) New York: Guilford pp. 609-637.
98. Solomon R. L., Kamin L. J., Wynne L. C. (1953) Traumatic avoidance learning: the outcomes of several extinction procedures with dogs. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 48. No.2. P. 291-302. DOI: 10.1037/h0058943
99. Tay L., Diener E. (2011) Needs and subjective well-being around the world. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 101. No.2. P. 354-365. DOI: 10.1037/a0023779
100. Thomas W. I., Thomas D.S. (1928) *The child in America: Behavior problems and programs*, New York: AA Knopf.

101. Tolman E. C. (1952) A cognition motivation model. *Psychological review*. Vol. 59. No.5. P. 389-400. DOI: 10.1037/h0057209

102. Tolman E. C., Honzik C. H. (1930) Introduction and removal of reward, and maze performance in rats. *University of California publications in psychology*. Vol. 4. P. 257-275.

103. Trapold M. A. (1970) Are expectancies based upon different positive reinforcing events discriminably different? *Learning and Motivation*. Vol. 1. No.2. P. 129-140. DOI:10.1016/0023-9690(70)90079-2

104. Vroom, V. H. (1964) *Work and motivation*. New York: Wiley.

105. Wanous J. P., Keon T. L., Latack J. C. (1983) Expectancy theory and occupational/organizational choices: A review and test. *Organizational Behavior and Human Performance*. Vol. 32. No.1. P. 66-86.

106. Wu F., Fan W. (2017) Academic procrastination in linking motivation and achievement-related behaviors: a perspective of expectancy-value theory. *Educational Psychology*. Vol. 37. No. 6. P. 695-711. DOI:10.1080/01443410.2016.1202901

The Structure of Expectations in the Dialectic of Needs: To the Sustainability of Society

Stoyanov A.S.

Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko

Introduction: dynamics of ratio of hierarchies of needs reflects the process of formation of structure and vector of expectations, with help of which it is possible to predict and form vector of development of various social subjects (objects). This article for the first time analyzes the structure of expectations in dialectic of needs in process of their transformation and interaction at various levels of their hierarchy.

Materials and methods: theoretical analysis of scientific literature of different areas on problems of expectations and needs through biographical, systemic, activity and comparative approaches. The analysis confirms the rigid relationship of expectations with result of interaction.

Results: integral interrelation of needs (Maslow), types of social (inter-) actions (Weber) and expectations is also revealed. Conscious of needs, direction of acquisition and satisfying them (I-THEY), has a direct influence on the formation of needs. Integral hierarchy of needs "WE" (hereinafter, IHN "WE") allowed a new assessment of their dialectics and interdependence on the formed expectations. The idea as formed expectation, and is one of the basic components of the IHN "WE" and significantly influences its formation and structure of needs.

Discussion and Conclusions: formation of "WE-expectations" through IHN "WE" makes all known social institutions sustainable and harmonious in development and dynamics. Pyramid "THEY" (Maslow) reflects "THEY-expectations", pyramid "I" - "I-expectations", IHN "WE" - "WE-expectations". Expectations - the most likely subjective model of future state of object (subject, environment) of interaction. Expectations fundamentally affect the choice of interaction vector (that is, the behavior or its model). Expectations are tightly interconnected and aligned with elements of chain "Sign - Interpretation - Expectation" (SIE), which has decisive influence on interaction of structural elements of any systems (social, biological, cybernetic, etc.). Society is system of interrelations of its structural elements, which is based on mutual expectations of latter.

Keywords: hierarchy of needs, expectations, structure of expectations, sustainability of development, dynamics of needs

Сожительство как альтернатива зарегистрированным бракам в современной России: тенденции и факторы

Устинова Оксана Вячеславовна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет. ustinovaov@tyuiu.ru

В статье обсуждается актуальная для современного российского общества тенденция роста числа незарегистрированных гражданских союзов. Показано, что с одновременным закреплением в общественном сознании «сожителств» на нормативном уровне, происходит их стигматизация со стороны таких базовых социальных институтов, как церковь и государство. Осуществлено семантическое разделение основных понятий, связанных с сожительством и зарегистрированным браком, распространенных в общественном дискурсе. Выделены факторы, оказывающие влияние на распространение незарегистрированных отношений в российском обществе. Сделан вывод об эволюционном характере происходящих изменений в семейно-брачной сфере. Эмпирической основой работы выступили данные социологических исследований по семейной проблематике, реализованных автором в разные годы, вторичный анализ данных, анализ статистики.

Ключевые слова: семья, брак, матримониальное поведение, сожителство, цифровизация, индивидуализация, социально-экономические факторы, социологическое исследование.

Пристальное отношение к семье со стороны широкой общественности и исследователей связано с тем, что данный институт связан с одной из важнейших общественных ценностей. Ряд научных теорий приписывают семье ключевую роль в направлении эволюции крупных социальных систем. Для подавляющего большинства населения, семья – это место удовлетворения основных социальных потребностей и социализации новых поколений. Не случайно семейно-брачное состояние, наряду с этнической принадлежностью, социальным статусом и материальным положением, является ключевой социально-демографической характеристикой индивида.

В нашей стране семейная политика является одним из главных направлений государственного регулирования. Подтверждением является факт, что среди поправок в конституцию, внесение которых было предложено главой государства в Послании Федеральному собранию 15 января 2020 года, ряд изменений касались института семьи. В частности, президент поддержал предложение членов рабочей группы о закреплении в основном законе таких принципов, как защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях [6].

Трансформация характера семейных отношений, фиксируемая отечественными исследователями в последние десятилетия, является объектом

особого внимания. В частности, одной из наиболее обсуждаемых тем, постепенно перешедшей из научного в общественный дискурс является проблема изменения баланса официально зарегистрированных браков и гражданского сожительства в сторону последнего. Так, в последнее время в публичном пространстве всё чаще звучит критика незарегистрированных отношений, которые в общественном сознании фактически становятся нормой. Наиболее заметным из них являются высказывание представителя церкви протоиерея Димитрия Смирнова, который фактически оскорбил женщин, находящихся в состоянии незарегистрированного гражданского брака используя словосочетание «бесплатные проститутки». Другим резонансным высказыванием стало мнение телеведущей Розы Сябитовой, которая призвала наказывать россиянок «ремнём» за сожительство без официальной регистрации брака.

В первом случае, учитывая должность Димитрия Смирнова (председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства), высказывание можно считать официальной позицией современной русской православной церкви по вопросам брака. Ни патриарх Кирилл, непосредственный руководитель Смирнова, ни другие высокопоставленные представители патриархии данное высказывание принципиально не опровергали. Во втором случае автором высказывания является соведущая популярной телепередачи, выступающая в амплуа профессиональной свахи на центральном российском канале, что делает её лидером общественного мнения и авторитетом в вопросах семьи и брака среди рядовых обывателей. Не вдаваясь в эмоциональную окраску высказываний, а также рассматривая их сквозь призму институциональной принадлежности авторов, можно сделать вывод о соответствии озвученных ими идей официальной государственной точке зрения. В то же время болезненная реакция об-

щества, последовавшая за резонансными высказываниями, является ярким симптомом того, что такие позиции идут вразрез с существующими ценностями в обществе.

Указанная дихотомия актуализирует необходимость исследования характера практик совместного проживания россиян вне зарегистрированного брака, вытекающей из этого степени объективированности в общественном сознании ценностей традиционной семьи, а также соотнесения актуальных тенденций в брачном поведении населения с идеями, транслируемыми ключевыми социальными институтами современной России.

Конкретные методы эмпирического исследования, использованные в статье, включают в себя опросы, реализованных автором в разные годы, анализ текстов, включающих в себя общественный дискурс по рассматриваемой проблематике. Также были использованы методы, позволяющие анализировать изучаемую ситуацию в широких временных масштабах – это анализ статистики, анализ вторичных данных (работа с базами и архивами социологических исследований), работа с открытыми источниками больших данных [15].

Во избежание терминологической путаницы, представляется целесообразным разграничить ряд понятий, составляющих семантическое поле исследуемой проблемы и обозначающих форматы взаимоотношений брачных партнёров. Отношение мужчины и женщины, не зарегистрированные в органах ЗАГС, в повседневности часто называют гражданским браком, хотя терминологически это не совсем верно. Формально понятие «гражданский брак» является синонимом «светского брака» и представляет собой союз, зарегистрированный в органах власти, без участия каких-либо религиозных лиц и учреждений. То есть гражданский брак и есть официальный брак, заключённый, согласно Семейному кодексу РФ, между двумя гражданами: мужчиной и женщиной. Выражение «гражданский брак»,

обозначающее фактическое сожительство, использовалось в Российской империи как противопоставление церковному браку, который был в то время единственной официально признанной формой брака, и сегодня в ряде словарей признается как разговорное и устаревшее [7].

Для незарегистрированных браков правильнее использовать такие понятия, как: фактический (неформальный) брак, сожительство. Для юридической квалификации подобные отношения чаще всего обозначаются терминами фактические брачные отношения и бракоподобные отношения.

В отдельных странах фактические отношения признаются государством и сопровождаются некоторым набором прав и обязанностей. Например, во Франции существует правовой институт, занимающий промежуточное положение между официальным браком и фактическими отношениями. В Германии закон частично защищает так называемые «внебрачные жизненные сообщества», которые могут быть однополными. И хотя в России, как и в большинстве стран мира, юридическую силу имеет только официально зарегистрированный гражданский брак, закон не исключает возможность сожительства.

Незарегистрированные отношения проживающих в браке мужчины и женщины являются объектом морального порицания на протяжении долгого времени. Уже в период расцвета римской империи конкубинат (от от лат. *con* – вместе, и *subare* – лежать), как неофициальное сожительство, в отличие от формального брака был лишен прав, а дети считались незаконнорожденными [5]. И если подобные отношения римским правом допускались, то появившееся в тот же период христианство не одобряло сожительство в морально-этическом плане, а в качестве одной из десяти заповедей закрепила принцип «не прелюбодействуй». В СССР сожительство без брака также осуждалось, что стало прямым следствием послево-

енной государственной политики. Семейные дела нередко рассматривались на общественных собраниях, а в качестве давления использовали лишение премии, исключение из партии и т.п.

Произошедшие в постсоветской России перемены привели к сдвигу от ранней всеобщей брачности, к осознанному матримониальному поведению и росту числа незарегистрированных союзов. Сегодня этот процесс продолжается, незарегистрированные отношения постепенно становятся нормой, а использование термина «сожители» у большинства перестает нести в себе негативную коннотацию.

В западных странах тенденция роста незарегистрированных браков возникла значительно раньше, чем в России, соответственно и уровень лояльного отношения общества к таким союзам проявился раньше. Первые теории, объясняющие изменения в матримониальном поведении появились в середине 80-х годов, а наиболее популярной из них стала теория Второго демографического перехода. Учёные, проводившие исследования в рамках указанной теории на обширном эмпирическом материале показали фундаментальный характер изменений и связали их с ориентацией индивидов на саморазвитие и независимость. На смену алгоритмичной последовательности событий, сопровождавших жизненный путь человека, пришло разнообразие жизненных путей, с возможностью их выбора [14].

Распространение контрацепции наряду с осознанным подходом к последствиям сексуальных отношений позволило отодвинуть на второй план репродуктивную функцию семьи, сопровождающуюся обширными связями с родственниками. На смену традиционной семейной структуре приходит модель семейного союза, основу которой составляют романтические отношения и саморазвитие. Формализуя эту тенденцию, М. Миллс с коллегами определили сожительство как «эмоциональные и физические интимные отношения, подразумевающие общее место

жительства и существующие без законодательного или религиозного санкционирования». Другой крупный исследователь социальной структуры Э. Гидденс пришёл к выводу о постепенной утрате семьёй своих традиционных функций, отметив, что «сегодня более удачным определением происходящего в личной жизни является образование и расторжение пар, чем брак и создание семьи».

По мнению группы исследователей, сожительство в процессе институционализации проходит четыре этапа: инновации, популяризации, легитимации и хабиитуализации [21]. На первом – сожительство характерно для экономически неблагополучных слоёв общества и слабо распространено в других группах населения. На втором этапе практика сожительства получает распространение в масштабах всего общества, но незарегистрированные союзы по сравнению с официальными браками непродолжительны. На этом этапе сожительство в основном воспринимается парой как пробный брак и редко приводит к рождению детей. На третьем этапе незарегистрированные союзы воспринимаются обществом как альтернатива браку, сопоставимы с ним по продолжительности и часто позволяют паре реализовывать репродуктивные потребности. На четвёртом этапе незарегистрированные браки мало чем отличаются от официальных и эффективно выполняют все их функции.

По результатам исследования, реализованного в ВШЭ, А.В. Артамонова и Е.С. Митрофанова показали, что в современной России сожительство находится на стадии перехода от этапа популяризации к этапу легитимации [1]. Формы брачно-партнерского и репродуктивного поведения становятся разнообразнее и непредсказуемее, а локомотивом изменений в матримониальной сфере становятся горожане, молодежь, и образованные люди, придающие меньше значения традиционным ценностям и опирающиеся на собственные приоритеты.

В целом соглашаясь с выводами указанных исследователей, отметим, что на фоне трансформации массового сознания, обусловленной научно-техническим прогрессом, росту популярности незарегистрированных союзов способствует совокупность более конкретных факторов, в ряде случаев специфических для современных российских реалий.

1. Перекосы в законодательстве.

Одним из факторов, препятствующим созданию полноценных, зарегистрированных семей, по мнению ряда экспертов, являются перекосы в законодательстве. В частности член комиссии по поддержке семьи, материнства и детства Общественной палаты РФ Э.Ю. Жгутова считает, что для женщины стимулом не заключать официальный брак является статус матери-одиночки, которая имеет право на ряд льгот. К их числу можно отнести двойной размер стандартного налогового вычета на детей, субсидию на оплату коммунальных услуг, внеочередное место в детском саду (а также компенсация оплаты детского сада в отдельных регионах), региональные ежемесячные выплаты, ряд трудовых льгот (дополнительные дни отпуска, запрет на увольнение, неполное рабочее время и др.) [8].

Для мужчин преградой для вступления в брак может стать практика ущемления прав на детей в случае развода. Согласно статистике, сегодня в подавляющем большинстве случаев в результате бракоразводного процесса дети остаются жить с матерью, а возможность выбора ребёнком с кем из родителей он хочет проживать, даётся только с десятилетнего возраста. Исключения составляют случаи, когда мать ребёнка состоит на учёте в психоневрологическом диспансере, либо совершила незаконные действия, подтверждённые соответствующими приговорами. Только в этом случае отец может претендовать на ребёнка. В этой связи возникло даже понятие «феминизированное семейное право», а возник-

кающие в последние годы мужские движения в качестве одного из своих ключевых защищаемых принципов считают «справедливое рассмотрение судебных дел об определении места жительства детей с одним из родителей».

2. Низкий уровень жизни населения. По нашему мнению, росту числа незарегистрированных браков способствует также низкий уровень жизни населения. Начиная с 2014 года в России наблюдается стагнация или падение реальных доходов населения при одновременном увеличении уровня бедности в стране. Реальные располагаемые доходы населения по итогам 2014 года снизились на 1,2%, в 2015 году – на 2,4%, в 2016 году – на 4,5% (максимум за период), в 2017 году – на 0,5%. В 2018 году снижение доходов остановилось, и они показали прирост близкий к нулю (+0,1%). В 2019 году реальные доходы россиян показали незначительную положительную динамику (+0,8), но из-за глубокого падения в предыдущие годы доходы россиян по итогам 2019 года остаются ниже уровня 2014 года на 7,5%. По прогнозам экспертов в 2020 году реальные доходы населения из-за пандемии коронавируса могут сократиться более чем на 5% [20]. Также высок уровень и субъективной бедности. Согласно результатам исследования Левада-центра, 40% респондентов имеют ежемесячный доход ниже субъективной границы бедности [16].

Данные Росстата, подтверждаемые рядом других исследований, свидетельствуют, что наиболее высокий уровень бедности в России характерен для семей с детьми. Значение в этой группе составляет 26,7%, что в два раза превышает уровень бедности среди населения в целом. Значимыми факторами возникновения такой ситуации являются высокая иждивенческая нагрузка, наличие незанятых членов семьи и низкая заработная плата [10]. При этом, как свидетельствует данные обследования Росстата «Выборочное наблюдение до-

ходов населения и участия в социальных программах», существующие меры поддержки в целом сокращают бедность семей с детьми незначительно: с 22,6 до 20,8% (в 1,1 раза) [4].

На этом фоне финансовое состояние семьи при рождении ребёнка часто не позволяет одному из членов семьи полноценно содержать остальных, если второй выключается из трудовых отношений. С учётом прагматичного отношения современной молодёжи к вопросам брака это влияет на откладывание деторождения. За последние 15 лет возраст рождения первого ребенка существенно вырос и в 2018 году составил 26 лет. По прогнозам Росстата возраст рождения ребенка будет расти и дальше приближаясь к общеевропейской тенденции. В этих условиях незарегистрированные отношения выступают альтернативой полноценной семье, когда люди удовлетворяют свои психологические, экономические, физиологические, рекреативные потребности не заводя детей.

Цифровизация повседневных практик и процесса знакомства. Сегодня можно встретить исследования, демонстрирующие отдельные аспекты влияния информационных процессов на семейные ценности. Например, В.М. Сидоркина и И.М. Фадеева показали, что с повышением степени включённости студенческой молодёжи в виртуальное общение снижается место семейных ценностей в их общей иерархии [17]. Исследование уральских социологов, демонстрирует влияние дистанционной женской занятости на репродуктивные установки и родительство [18]. Различные международные исследования посвящены таким аспектам, как порносексуальность – распространение удовлетворения потребностей при помощи порно контента; влияние развивающейся шеринговой экономики и расширение использования онлайн-сервисов на снижение необходимости в рутинных бытовых практиках, которые зачастую выполняют рекреативную функцию в семейной жизни и т.д.

В цифровую среду переходит и процесс знакомства молодых людей. Особую роль в расширении возможностей знакомств онлайн сыграло появление так называемых дейтинг-приложений (напр. Tinder, Badoo, Mamba и др.). По мнению Д. Ортега, онлайн-свидания полностью изменили систему, при которой люди были ограничены в круге общения социальным статусом и местоположением – «Когда люди знакомятся в интернете, они устанавливают социальные связи, которые ранее в принципе не могли возникнуть» [3].

В большом количестве публикаций, посвящённых исследованию влияния дейтинг-приложений на психологию можно встретить тезис, что молодые люди, «подсаживаясь» на постоянное перелистывание фотографий потенциальных партнёров, перестают ценить другого человека, легко заменяя одну симпатию на другую и отказываясь в конце концов от вдумчивых отношений ради одноразовых. Американские психологи ввели в обиход понятие Attention Deficit Dating (ADD) — неспособность в период ухаживаний развить эмоциональную привязанность к одному человеку из-за иллюзии возможности найти более привлекательного [22].

Психолог Б. Шварц, рассуждая о свободе выбора указывает, что человеку никогда раньше не приходилось принимать столько решений, сколько приходится принимать сегодня. Это, по его мнению, сильно вредит людям по ряду причин. Во-первых, бесконечный выбор парализует – люди стараются отложить сложный выбор на потом. Во-вторых, чем больше выбор, тем сильнее разочарование в случае неудовлетворённости им – выбрав, человек по-прежнему держит в уме все упущенные возможности. В-третьих, в бесконечном количестве вариантов возрастают и ожидания от выбора. На наш взгляд указанные тезисы в полной мере применимы к matrimониальному поведению, что в существенной мере влияет на установки молодых людей к сожительству.

Еще одна важная особенность, характерная для сервисов знакомств - возможность общения только при условии взаимной симпатии, которая выстраивается в основном на физической привлекательности. Такие представления часто базируются на транслируемых в массмедиа стереотипах, что не только провоцирует необъективную оценку личностных качеств возможного партнёра, но и приводит к появлению стереотипных способов самопрезентации [19].

Естественно, что каналы поиска спутника жизни не ограничиваются сервисами знакомств. По данным ВЦИОМ 2018 года, в России знакомство онлайн - второй по распространенности способ найти «вторую половинку», после знакомств при помощи друзей и коллег [9]. Однако информационные технологии становятся посредником и в случаях «оффлайн» знакомств. Как правило, после первой, межличностной коммуникации, знакомство и общение продолжается через социальные сети и мессенджеры. В этой среде существует гораздо больше возможностей самопрезентации, выражения своих мыслей и эмоций, для чего используется разнообразный мультимедийный контент, смайлы, эмодзи. В итоге формируемый человеком цифровой образ может не соответствовать реальному, что приводит к разочарованию и прекращению отношений после длительного общения.

Индивидуализация и атомизация.

В современной социологической литературе социальная атомизация представляется как следствие индивидуализации общества, ставшей возможной благодаря увеличению уровня свободы индивидов. З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» представляет индивидуализацию как утрату определяющего влияния прежних форм социальности под влиянием объективных социально-эволюционных процессов и считает её неизбежностью, а не сознательным выбором современного человека [2]. Представление об атоми-

зации можно найти ещё у Т. Гоббса, который ввел социально-философское понятие «войны всех против всех», описывая естественное состояние общества до заключения «общественного договора» и образования государства. По мнению мыслителя, данное явление происходит от предельной социальной свободы при неготовности людей эту свободу ограничивать. В современном понимании социальная атомизация возникает на основе развития технологий вследствие роста свобод и впервые встречается у Х. Арендт [13].

На наш взгляд, рост лояльности населения к незарегистрированным отношениям является следствием усиливающейся тенденции к индивидуализации. Наглядно этот процесс демонстрируют распределения ответов на вопрос «Что предпочтительней в наши дни: вступить в брак и жить в семье или в брак не вступать, жить одному (одной)?» [12], который задавался ВЦИОМ респондентам с разницей в 25 лет.

В современных условиях индивидуализация, зачастую принимает крайние формы: нарциссизм, стремление к «атомарности жизни», рост социопатии. Распространение практики жизни в одиночестве позволяет оградить человека от стресса, давления социальной и профессиональной сферы. Наличие собственного жизненного пространства позволяет успешным одиноким профессионалам уединённо и более эффективно заниматься саморазвитием. Примечательно, что глобальные события типа «чёрный лебедь» - финансовые кризисы, вирусные эпидемии лишь усиливают индивидуальный изоляционизм. По мнению автора указанная тенденция способствует продолжительности периода узнавания людьми друг друга и представляет собой психологический механизм, ограничивающий вмешательство в личное пространство. Это, в свою очередь оказывает влияние на рост незарегистрированных отношений в современном обществе.

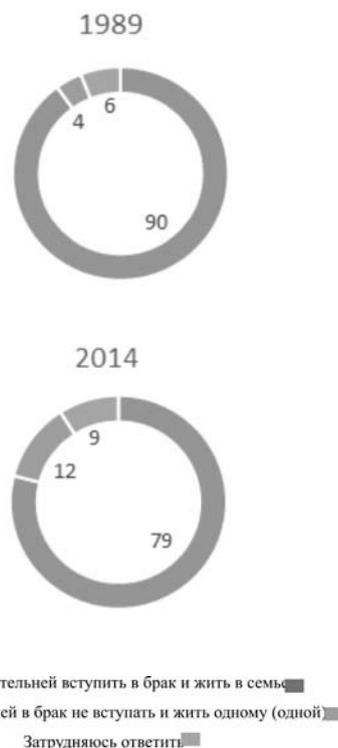

Рис. 1. Предпочтения респондентов относительно вступления в брак

Распределение ответов респондентов на данный вопрос по полу и возрасту указывают на одинаковые пропорции вариантов ответов в мужской и женской подвыборках, а также на увеличивающуюся в старших поколениях популярность семейного формата жизни (рис. 2.).

Формирование общественной морали тесно связано с процессом институционализации и является обобщением предшествующего позитивного и негативного социального опыта. В семейно-брачной сфере официальная регистрация позволяет снизить неопределенность в отношениях между людьми и создаёт оптимальные условия для выполнения институтом семьи основных функций, в первую очередь репродуктивной.

Современные психологи объясняют высокий процент разводов среди сожителей, по сравнению с зарегистрированными парами, особыми установками

людей, являющимися следствием отсутствия формальных обязательств. Ощущение временности сложившейся жизненной ситуации не позволяет в полной мере выстроить представления о совместном будущем, что лишает сожителей общего ориентира. Большую психологическую роль здесь играет ритуал бракосочетания, который обозначает границу разных жизненных стадий и помогает сделать переход к семейной жизни. С точки зрения репродуктивного поведения, регистрация брака даёт женщине ощущение социальной определённости за своё будущее и будущее ребёнка. В период беременности и ухода за младенцем женщина наиболее уязвима в социально-экономическом отношении. Официально и добровольно взятая на себя роль кормильца со стороны мужа, позволяет женщине рассчитывать на помощь [11]. Таким образом, существующие в обществе морально-нравственные ценности имеют практический смысл и позволяют нормативно закрепить наиболее удачный социальный опыт, способствующий репродуктивной функции. Их нарушение вызывает социальное неодобрение и влечёт за собой санкции.

В то же время существующая ситуация показывает, что институт семьи эволюционирует. Формируются новые ценности, в которых репродуктивная составляющая отходит на второй план, а новый подход к семье разделяет всё большее число людей. Сегодня ещё рано говорить о редукции традиционной семьи, более того, вполне вероятно, что два разных формата семейно-брачных отношений будут долгое время полноценно сосуществовать параллельно. Однако уже сейчас важно понимать, что перекосы в отношении ключевых социальных институтов к семейно-брачной сфере не допустимы, поскольку, как показывает опыт, это может привести к довольно высокому уровню социального напряжения.

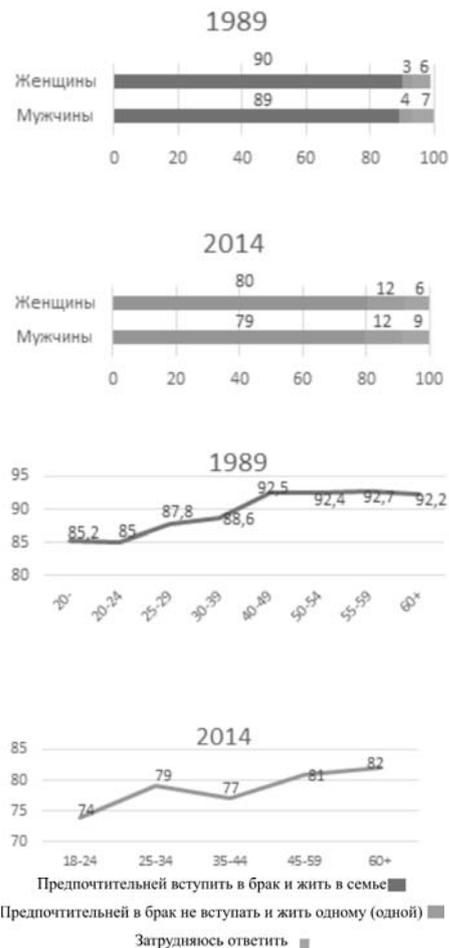

Рис. 2. Предпочтения респондентов относительно вступления в брак в зависимости от пола и возраста

Литература

1. Артамонова А.В. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт / А.В. Артамонова, Е.С. Митрофанова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – №1 (131). – С. 126-145.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. - Логос, 2002. - 390 с.

3. Виртуальный поцелуй: почему растет популярность рынка онлайн-знакомств [Электронный ресурс] // Сетевое издание Forbes. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/359431-virtualnyy-poceluy-pochemu-rastet-populyarnost-rynka-onlayn-znakomstv>
4. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html
5. Кайнов В.И. Правовое регулирование брака и семейных отношений в древнем Риме // Мир юридической науки. – 2013. – № 3. – С. 28-32.
6. Кузнецова оценила поправку в Конституцию о семье и детях [Электронный ресурс] // Сайт сетевого издания "РИА Новости". – URL: <https://ria.ru/20200308/1568311444.html>
7. Куткин В.С. Брак церковный и брак гражданский: понятие, содержание, взаимосвязь / В.С. Куткин // Проблемы в российском законодательстве. 2017. – №1. – С. 109-112.
8. Льготы для матери-одиночки в России [Электронный ресурс] // Электронное издание. "Т-Ж"- URL: <https://journal.tinkoff.ru/singleparent/>
9. Любовь нечаянно нагрянет? [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск №3748 от 30 Августа 2018. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9278>
10. Малева Т.М. Гришина Е.Е. Каким должно быть детское Пособие? // Экономическая политика. 2019. №3. с. 54-69.
11. Маркатун М.В. Сравнительная характеристика официального брака и сожительства (фактического брака) / В.М. Макартун, И.В. Добряков // Journal of Siberian Medical Sciences. 2008. – №4. с. 15.
12. Омнибус ВЦИОМ 1989-5 [Электронный ресурс] // Единый архив экономических и социологических данных. – URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=924/Q=2/>
13. Петрова Е.И. Атомизированный социум в аспекте теории солидарности Э. Дюркгейма / Е.И. Петрова // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2015. – №1. – с. 27-31.
14. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика / О.А. Полюшкевич // Социология. 2019. № 3. С. 88-92.
15. Полюшкевич О.А. Семейная история и идентичность / О.А. Полюшкевич // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины Материалы Всероссийской научно - практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. 2019. С. 221-228.
16. Россияне назвали «субъективную границу» бедности [Электронный ресурс] // Сайт РБК. - URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/09/2019/5d8df8eb9a794772f4a2fd6d>
17. Сидоркина В. М. Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений / В. М. Сидоркина, И. М. Фадеева // Регионология . – 2017. – №4 (101). – С. 628-641.
18. Тонких Н.В. Методические аспекты исследования влияния дистанционных форм женской занятости на институт родительства / Н.В. Тонких // e-FORUM. – 2018. – № 1 (2). – С. 1-11. ;
19. Урусова Е.А. Неслучайные встречи: как технологизируются знакомства и отношения в условиях общества постмодерна / Е.А. Урусова, Т.М. Хусьянов // Logos et Praxis. – 2018. – №4. – С. 31-40.
20. Экономисты оценили снижение реальных доходов населения из-за карантина Падение может стать максимальным с 2014 года [Электронный ресурс] // Сайт РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/04/2020/5e8732e89a79470b55b42d72>
21. Kiernan K. Cohabitation in Western Europe: trends, issues and implications // Just Living Together: implications of cohabitation on families, children and

social policy / ed. by Booth A. and Crouter A. NY : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 3-31.

22. Tinder and the Dawn of the «Dating Apocalypse» [Electronic resource] // <https://www.vanityfair.com/culture/2015/08/tinder-hook-up-culture-end-of-dating>

Cohabitation as an alternative to registered marriages in modern Russia: trends and factors

Ustinova O.V.

Tyumen Industrial University

The article discusses the trend of growth in the number of unregistered civil unions that is relevant for modern Russian society. It is shown that with the simultaneous consolidation of "cohabitation" in the public consciousness at the normative level, they are stigmatized by such basic social institutions as the church and the state. The semantic separation of the basic concepts related to cohabitation and registered marriage, common in public discourse. The factors that influence the distribution of unregistered relations in Russian society are identified. The conclusion is drawn about the evolutionary nature of the changes in the family and marriage sphere. The empirical basis of the work was the data of sociological studies on family issues, implemented by the author in different years, secondary data analysis, and statistical analysis.

Keywords: family, marriage, matrimonial behavior, cohabitation, digitalization, individualization, socio-economic factors, sociological research

References

1. Artamonova A.V. Cohabitation in Russia: an intermediate link or a legitimate institution / A.V. Artamonova, E.S. Mitrofanova // *Monitoring public opinion: economic and social changes.* - 2016. - No. 1 (131). - S. 126-145.
2. Bauman Z. Individualized society / Z. Bauman; translation from English edited by V.L. Inozemtseva. - Logos, 2002. -- 390 p.
3. Virtual kiss: why the popularity of the online dating market is growing [Electronic resource] // *Forbes online edition.* - URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/359431-virtualnyy-poceluy-pochemu-rastet-populyarnost-rynka-onlayn-znakomstv>
4. Selective observation of the population's income and participation in social programs [Electronic resource] // Site of the Federal State Statistics Service. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html
5. Kainov V.I. Legal regulation of marriage and family relations in ancient Rome // *World of legal science.* - 2013. - No. 3. - S. 28-32.
6. Kuznetsova appreciated the amendment to the Constitution on family and children [Electronic resource] // Website of the network edition "RIA Novosti". - URL: <https://ria.ru/20200308/1568311444.html>

7. Kutkin V.S. Church marriage and civil marriage: concept, content, relationship / V.S. Kutkin // *Gaps in Russian legislation.* 2017. - No. 1. - S. 109-112.
8. Benefits for a single mother in Russia [Electronic resource] // *Electronic edition. "T – Z"* - URL: <https://journal.tinkoff.ru/singleparent/>
9. Will love come unwittingly? [Electronic resource] // VTsIOM website. Press release No. 3748 of 30 August 2018. - URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9278>
10. Maleva T.M. Grishina E.E. What should be the Child Benefit? // *Economic policy.* 2019. No. 3. from. 54-69.
11. Markatun M.V. Comparative characteristics of official marriage and cohabitation (actual marriage) / V.M. Makartun, I.V. Dobryakov // *Journal of Siberian Medical Sciences.* 2008. - No. 4. from. fifteen.
12. Omnibus VTsIOM 1989-5 [Electronic resource] // Unified archive of economic and sociological data. - URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=924/Q=2/>
13. Petrova E.I. Atomized society in the aspect of E. Durkheim's theory of solidarity / E.I. Petrova // *Interexpo Geo-Siberia.* - 2015. - No. 1. - from. 27-31.
14. Polyushkevich O.A. Family history as social practice / O.A. Polyushkevich // *Sociology.* 2019.No. 3.P. 88-92.
15. Polyushkevich O.A. Family history and identity / O.A. Polyushkevich // *Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of the small homeland. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation.* Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. 2019.S. 221-228.
16. Russians called the "subjective border" of poverty [Electronic resource] // *RBC website.* - URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/09/2019/5d8df8eb9a794772f4a2fd6d>
17. Sidorkina VM Family values in the regional society: factors of change / VM Sidorkina, IM Fadeeva // *Regionology.* - 2017. - No. 4 (101). - S. 628-641.
18. Tonkikh N.V. Methodological aspects of the study of the influence of distance forms of female employment on the institution of parenthood / N.V. Thin // *e-FORUM.* - 2018. - No. 1 (2). - S. 1-11. ;
19. Urusova E.A. Non-accidental meetings: how acquaintances and relationships are technologized in the conditions of postmodern society / E.A. Urusova, T.M. Khusyainov // *Logos et Praxis.* - 2018. - No. 4. - S. 31-40.
20. Economists have estimated the decline in real incomes of the population due to quarantine. The fall may be the maximum since 2014 [Electronic resource] // *RBC website.* - URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/04/2020/5e8732e89a79470b55b42d72>
21. Kiernan K. Cohabitation in Western Europe: trends, issues and implications // *Just Living Together: implications of cohabitation on families, children and social policy* / ed. by Booth A. and Crouter A. NY: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 3-31.
22. Tinder and the Dawn of the Dating Apocalypse [Electronic resource] // <https://www.vanityfair.com/culture/2015/08/tinder-hook-up-culture-end-of-dating>

Анализ феминистских взглядов философа династии Мин – Ли Чжи

Арчугова Анна Сергеевна,
ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук (КИЯ ФГСН) Российского университета дружбы народов,
archugova-as@rudn.ru

Данная статья посвящена анализу феминистских взглядов философа династии Мин - Ли Чжи. Ли Чжи был одним из первых философов в Китае отстаивавших права женщин. Ли Чжи не только решительно опровергал традиционную для Китая того времени точку зрения, что женщины не способны участвовать в дискуссиях на философские темы и не имеют права получать образование, но и доказывал свою теорию на практике, обучая женщин и обсуждая с ними вопросы этики и метафизики. Также в статье присутствует авторский перевод фрагментов эссе «Суждения о муже и жене» (Фу фу лунь) и «Письмо в ответ на [утверждение, будто] недалекие взгляды женщин [несовместимы с] изучением Пути-дао» (Да и нюй жэнь сюэ дао вэй дэнь дуань шу), в которых нашли отражение основные идеи Ли Чжи о равенстве мужчин и женщин.

Ключевые слова и фразы: китайская философия; неоконфуцианство; минская философия; Ли Чжи; феминизм в Китае.

В традиционной китайской культуре гендерные отношения между мужчиной и женщиной заложены в фундаментальную модель всего сущего – *Инь-Ян*. «Книга перемен» заложила основу традиционной гендерной философии Китая. А более поздние поколения ученых продолжали разъяснять строки «Книги перемен». Это стало теоретической основой для формирования таких этических норм, как «уважение к мужчине и презрение к женщине» (*нан цзунь нюй бэй*), «слушаться троих [отца, мужа, сына]; сочетать четыре добродетели [хранить свою честь, соблюдать нормы приличия, следить за своими речами и вести семейное хозяйство]» (*саньчун сидэ*). Конфуций делил всех людей на тех, кто рожден «мудрецами» (*шан чжи*), к ним он относил, например, «благородного мужа» (*цзюнь-цзы*), и тех, кто рожден «глупцами» (*ся юй*), и писал - «Трудно иметь дело только с женщиной и мелким человеком» [1, Яо Хо: 25]. Таким образом, женщина была классифицирована как *ся юй*. Хань Фэй писал, что принцип мироздания состоит в том, что подданный служит властителю, сын служит отцу, а жена – мужу [6].

Устанавливая доминирующее положение мужчин, феодальная система лишала женщин возможности проявлять интеллект в социальной и общественной сферах. Женщины были прикованы к стенам дома. Практически все их жизненные ценности отражались в браке и семье. Женщины могли зависеть только от мужчин, у них не должно было быть независимого сознания и личности. С момента формирования феодальной этики и до середины династии Мин власть мужа продолжала укрепляться и расширяться. Чэн Хао и Чэн И писали,

что «женщина без таланта - добродетель». Во времена династии Мин неоконфуцианцы также придерживались мнения, что женщины недалевидны и не способны к обучению. В истории китайской этики Ли Чжи, прогрессивный мыслитель поздней династии Мин, был первым, кто яростно критиковал феодальную этику. Ли Чжи - один из первых конфуцианцев, серьезно отстаивающих гендерное равенство. Отношение к женщине стало одним из важнейших пунктов идеологии Ли Чжи. Взгляд Ли Чжи на положение женщин в обществе противоречит глубоко укоренившимся традиционным феодальным представлениям.

Эти идеи нашли отражение в эссе Ли Чжи «Суждения о муже и жене» (*Фу фу лунь*) и в «Письме в ответ на [утверждение, будто] недалекие взгляды женщин [несовместимы с] изучением Пути-дао» (Да и нью жэнь сюэ дао вэй дянъ дуань шу).

В эпоху, когда жил Ли Чжи, «Учение [братьев] Чэн» (*чэн чжу сюэ*) энергично продвигало принципы «три устоя и пять постоянств» (*сань ган у чан*) и «слушаться троих; сочетать четыре добродетели» (*саньцун сыдэ*), которые дискриминировали женщин и заключали их поведение в рамки феодальной этики.

Ли Чжи выступает против иерархической концепции отношений между полами, он настаивает на том, что отношения между полами должны иметь взаимодополняющий характер. Ли Чжи говорит, что природа мужчин и женщин одинакова в том смысле, что они равны в своих интеллектуальных и духовных возможностях.

В «Письме в ответ на [утверждение, будто] недалекие взгляды женщин [несовместимы с] изучением Пути-дао» он пишет: «Сказать, что среди людей есть мужчины и есть женщины – приемлемо, но разве можно сказать, что среди взглядов есть мужские и женские?» [2, с. 143].

Ли Чжи говорит о том, что мужчины и женщины обладают одинаковыми способностями, что есть женщины, чьи

взгляды выходят далеко за «пределы женской половины дома» (*гуй гэ чжи цзянь*). Он приводит в пример женщин, которые достигли почести среди обычных людей, среди писателей, ученых и правителей за свои труды. Эти женщины, хоть их было и немного, тем не менее, ничуть не уступали мужчинам в дальновидности. Например, И Цзян, которая входила в число самых известных министров во времена правления Увана (1122-1115 до н.э.), Вэнь Му (мать чжоуского Вэнь-вана, отца первого правителя китайской династии Чжоу; XII-XI вв. до н. э.), которая считалась одним из комментаторов «Эр нань» (разделы «Ши Цзина»: Чжоунань и Чжаонань), Сюэ Тао, чьими стихотворениями восхищался сам Юань Вэй-чжи (писатель и поэт эпохи Тан, автор «Повести об Инин»). Ли Чжи приводит в примеры исторических и современных ему женщин, чтобы показать, что во все времена были женщины, которые не уступали мужчинам ни в интеллектуальных, ни в духовных возможностях. Причиной того, что проявивших свой потенциал женщин так мало в том, что они социально ограничены в возможности развивать свои таланты.

Взгляды Ли Чжи на права мужчин и женщин также очевидно прослеживаются в его осуждении социально-политической практики, сужающей пространство, в котором женщины могут жить своей жизнью. Например, пишет Ли Чжи, запрет на повторный брак вдовам. Всем известно также, что высоко ценился поступок женщины, которая, пережив смерть своего мужа, совершала самоубийство. Подобные традиции упоминаются, например, в трудах выдающегося философа-неоконфуцианца Чжу Си: «Женщина рождена для того, чтобы служить другим, жена должна служить мужу и умереть вместе с ним» [7]. Один из основоположников «учения о принципе» (*ли сюэ*) Чэн И писал, что даже если вдова и ее дети будут умирать от голода, то пусть лучше умрут от голода, чем женщина нарушит супружескую верность [8]. Ли Чжи высмеивает

моральный запрет повторного брака. В своем эссе «Сыма Сян-жу» Ли Чжи восхищается поступком Чжо Вэнь-цзюнь. Рано овдовев, Вэнь-цзюнь жила вместе со своим богатым отцом, но однажды к ним на пир попал поэт Сыма Сян-жу. Сыма Сян-жу и Чжо Вэнь-цзюнь полюбили друг друга, сбежали из дома ее отца и открыли свой маленький кабачок, где жили и работали вместе. Но вскоре легкомысленный Сыма Сян-жу захотел взять себе наложницу. И Чжо Вэнь-цзюнь снова вопреки всем правилам решила бороться за себя и за свое счастье. Она написала стихотворение «Плач о седой голове» (*бай тоу инь*), в котором осуждала измены, многоженство, запрет на второй брак, обычай заключать брак через сватов и т.д. Ли Чжи высмеивал поступок отца Чжо Вэнь-цзюнь, который стыдился поступка своей дочери: «Вся Поднебесная до сих пор знает, что такая дочь, как дочь Чжо Вэнь-суна, должна была быть большой радостью для него. Чего он должен был стыдиться?» [4, с. 147-175].

«Женщины недальновидны и не в силах изучать Дао» [2, с. 143], - была точка зрения даосов, которая преобладала в то время. Считалось, что взгляды женщин примитивны, что им не должно быть дано право учиться, вступать в полемику с мужчинами, обсуждать вопросы философии. Ли Чжи указывал на причину женской недальновидности.

Женская социальная активность замыкалась во внутреннем дворе дома ее мужа, где она могла общаться только с другими женщинами. Ли Чжи считает, что женская недальновидность и мужская дальновидность – это результат разграничения социального пространства, да и пространства в целом, на мужское и женское: «Женщины не покидают внутренний двор [жилища], мужчины же подобны луку из тутового дерева и стрелам из стеблей полыни, стреляющих во все стороны. Взгляды есть недалекие и дальновидные, нечего и говорить» [там же].

Ли Чжи не только выступал против заточения женщин во «внутреннем

дворе», но и считал, что с женщинами, так же как и с мужчинами, можно обсуждать вопросы этики и метафизики. Он был одним из первых, кто стал привлекать женщин на свои лекции и даже практиковать дискуссии посредством писем, что стало причиной обвинения Ли Чжи в разврате.

Среди женщин, которые стали ученицами Ли Чжи, дочь Мачэн Мэй Хэнсян была самой выдающейся, Ли Чжи называл ее «переродившаяся в мужчину» (*чу ши чжан фу*). Также в своем труде «Первый сборник, созданный у заводи, с комментариями» (*Чу тань цзи чжу*) Ли Чжи выделил 25 исключительно талантливых женщин, сказав, что силой ума и дальновидностью эти женщины не уступают мужчинам, а даже превосходят их [5, с. 128].

Наиболее радикально свою позицию Ли Чжи изложил в эссе «Суждения о муже и жене» (*Фу фу лунь*). Основанием для равноправия мужчин и женщин у Ли Чжи стала теория приоритета бинарности. Ли Чжи отвергает общепринятое положение «Дао дэ цзина», согласно которому «единое рождает два», концепцию Чжу Си о тождестве «единого» и Великого предела, тезис «Канона перемен» о рождении инь-ян (двоицы образов) из Великого предела. Ли Чжи провозглашает исходную двойственность/бинарность единого и двух, принципа и пневмы, инь-ян и Великого предела, Великого предела и Беспредельного: «Вся тьма вещей в Поднебесной рождается из двух, а не из одного» [2, с. 251]. Символом двоичности наряду с вышеперечисленными явились муж и жена. Отношения между мужем и женой – олицетворение отношений между всеми вещами в Поднебесной: «Когда [отношения между] мужем и женой приведены в порядок/выверены, тогда и среди всей тьмы вещей нет таких, что не на своем месте» [там же].

Профеминистическая позиция Ли Чжи, как и многие другие его идеи, нашли отражение и в его собственной жизни. В стихотворении «Скорбь по любимому сыну» (*ку гуй эр*), написанном

после смерти одного из сыновей, Ли Чжи пишет, что жена его сына должна иметь возможность снова вступить в брак [3, с. 340].

Эта «еретическая» практика Ли Чжи вызывала у «ортодоксальных» защитников негодование. Они распространяли слухи, клеветали на моральное разложение и непристойное поведение Ли Чжи. Несмотря на это, Ли Чжи не боялся порицания со стороны защитников, и на протяжении всей своей жизни придерживаться своих собственных утверждений.

В консервативно настроенном китайском обществе это не могло не привести к неминуемым последствиям. «Еретическая» практика Ли Чжи вызывала у «ортодоксальных» защитников негодование. Они распространяли слухи, клеветали на моральное разложение и непристойное поведение Ли Чжи. Творчество Ли Чжи стало угрожать общественному спокойствию, в результате чего, начиная с 1590-х годов, Ли Чжи подвергся повсеместным преследованиям. А в 1602 году он был обвинен в аморальном поведении и в попытке дезинформировать людей своими неортодоксальными учениями. В возрасте 75 лет Ли Чжи был арестован и заключен в тюрьму недалеко от Пекина. В один из дней Ли Чжи попросил бритву, чтобы побриться, и перерезал себе горло. Спустя два дня Ли Чжи умер (06.05.1602 г.).

Для своего времени Ли Чжи представил поразительно прогрессивные взгляды на систему отношений между мужчиной и женщиной, и хотя его идеи не были приняты консервативным обществом Китая, но они посеяли сомнения в умах людей, это стало началом трансформации традиционного отношения к женщинам в китайской культуре.

Автором данной статьи выбрано эссе «Суждения о муже и жене» наиболее полно отражающее суть отношения Ли Чжи к равенству мужчин и женщин.

Литература

1. Лунь юй: Ян Хо (Беседы и суждения: Ян Хо), [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.confucius.org/lunyu/langz.htm> (дата обращения: 15.10.2020)
2. Ли Чжи цюаньцзи чжу (Полное собрание сочинений Ли Чжи с комментариями). Ди 1-2 цэ: Фэнь шу чжу (Т. 1-2: Книга для сожжения с комментариями) / Чжан Цзянь-е, комментарии Чжан Дай, Пекин, 2010.
3. Ли Чжи цюаньцзи чжу (Полное собрание сочинений Ли Чжи с комментариями). Ди 3 цэ: Сюй фэнь шу чжу (Т. 3: Продолжение книги для сожжения с комментариями) / Чжан Цзянь-е, комментарии Чжан Лань, Пекин, 2010.
4. Ли Чжи цюаньцзи чжу (Полное собрание сочинений Ли Чжи с комментариями). Ди 4-8 цэ: Цан шу чжу (Т. 4-8: Книга для сокрытия с комментариями) / Чжан Цзянь-е, комментарии Чжан Фань, Пекин, 2010.
5. Ли Чжи цюаньцзи чжу (Полное собрание сочинений Ли Чжи с комментариями). Ди 12-13 цэ: Чу тань цзи чжу (Т. 12-13: Первый сборник, созданный у заводи, с комментариями) / Чжан Цзянь-е, комментарии Цзи Сю-цин, Пекин, 2010.
6. Чэнь Ци-ю. Хань Фэй-цзы цзи ши («Хань Фэй-цзы» с собр. комментариев), т. 1–2. Шанхай, 1958
7. Чжу Си. Цзя ли (Семейные Церемонии), Шанхай, 2002
8. Чэн И. Хэнань Чэн ши и шу (Оставленные [после смерти] произведения господ Чэн из Хэнани), Шанхай, 1935, [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/69995.htm> (дата обращения: 15.10.2020)

Li Zhi: a feministic views of late-ming china philosopher

Archugova A.S.

Peoples' Friendship University of Russia

The paper contemplates feminist views of the philosopher of the Ming dynasty - Li Zhi. Li Zhi was one of the first philosophers in China to defend women's rights. Li Zhi not only strongly refuted the point of view, traditional for China at that time, that women were not able to participate in discussions on philosophical topics and did not have the right

to receive education, but also proved his theory in practice, teaching women and discussing issues of ethics and metaphysics with them. The article also contains the author's translation of fragments of essays, which reflected Li Zhi's ideas about gender equality.

Key words: Chinese philosophy; Neo-confucianism; thinkers of the Ming dynasty; Li Zhi; Chinese gender equality.

References

1. Lun Yu: Yang Huo (The Analects: Yang Huo), [Electronic resource]. URL: <http://www.confucius.org/lunyu/langz.htm> (accessed: 15.10.2020)
2. Li Zhi Quanji Zhu Di 1-2 ce: Fen shu zhu / Zhang Jianye, Zhang Dai Zhu, Beijing, 2010.
3. Li Zhi Quanji Zhu Di 3 ce: Xu fen shu zhu / Zhang Jianye, Zhang Dai Zhu, Beijing, 2010.
4. Li Zhi Quanji Zhu Di 4-8 ce: Cang shu zhu / Zhang Jianye, Zhang Dai Zhu, Beijing, 2010.
5. Li Zhi Quanji Zhu Di 12-13 ce: Chu tan ji zhu / Zhang Jianye, Ji Xuqin Zhu, Beijing, 2010.
6. Han Feizi ji shi, Volume 1-2, / Chen Qiyu, Shanghai, 1958
7. Zhu Xi. Jia li, Shanghai, 2002
8. Chen Yi. Henan Chen shi yi shu, Shanghai, 1935, [Electronic resource]. URL: <http://baike.baidu.com/view/69995.htm> (accessed: 15.10.2020)

Некоторые компоненты теоретико-социологического изучения доверия в военной организации: комплектование вооруженных сил и идеология

Барановский Максим Витальевич

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; доцент Финансового университета при Правительстве РФ, m.baranovskij@gmail.com

В статье рассмотрены теоретические аспекты анализа доверия как элемента системы социального управления военной организацией. Цель работы заключается в попытке социологического анализа некоторых теоретико-методологических основ изучения управленческой сущности социального феномена доверия в вооруженных силах. С помощью общенаучных методов анализа и классификации рассмотрены пространственные измерения реализации и функционирования доверия в военной среде. Особое внимание уделяется описанию тенденций развития современных процессов комплектования вооруженных сил, а также военной идеологии. Представлены результаты некоторые эмпирических социологических исследований одобрения военнослужащими политики государства в сфере обороны, а также ценностных ориентаций профессиональных военнослужащих.

Ключевые слова: доверие, военная организация, социальное управление, социальное пространство, идеология, ценностные ориентации, социологическое сопровождение, комплектование, социологическое исследование, социальный институт.

Введение

Термин «доверие» прочно вошел в современный научный социологический дискурс. Исследование этого феномена детерминировано необходимостью установления константных социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества: экономической, политической, правовой, духовной, бытовой и других [1-3]. Воплощение идей преобразования и прогресса общества, с которыми столкнулось российское государство на рубеже веков, возможно лишь на основе доверия граждан друг другу и социальным институтам. Весьма значимую роль доверие играет и в сфере обеспечения личной, институциональной и общественной безопасности. Удовлетворение этой социальной потребности находит свое прикладное выражение в эффективной системе социального управления военной организацией.

Актуальность социологических исследований социально-управленческих аспектов доверия в военной организации обусловлена, прежде всего, гносеологически. Недостаточные знания о состоянии и детерминантах (объективных и субъективных) доверия может вести, в том числе, и к росту напряженности в вооруженных силах и других силовых структурах, несогласованности действий институтов армии и государства, неудовлетворенности деятельностью органов государственного и военного управления. А недоверие профессиональных военнослужащих социальным институтам общества не позволит армии выполнять свою основную функцию

обеспечения национальной безопасности государства.

Цель статьи – анализ некоторых концептуальных теоретических основ исследования доверия в социальном управлении военной организации. Для реализации целей используются общенаучные методы анализа и классификации.

К таким концептуальным основам социологического осмысления исследовательских практик доверия применительно к военной сфере общества относятся, прежде всего современные аспекты и проблемы функционирования военной организации (как социального пространства реализации отношений доверия), а также идеология (как мировоззренческого пространства для функционирования доверия).

Тенденции развития военной организации России: перспективы комплектования профессиональной армии

Позитивные преобразования в системе социального управления военной организацией, как правило, сопровождаются не только достижениями, но и рядом трудностей, которые обусловлены различными социальными факторами. К таким факторам, например, целесообразно отнести высокие требования к современным вооруженным силам, способным эффективно противостоять угрозам и вызовам национальной безопасности России.

Главной положительной тенденцией модернизации российской армии является осознание высшим государственным и военным руководством важности укрепления боеготовности профессиональных вооруженных сил, а также повышения социального статуса профессиональных военнослужащих.

Вместе с тем, недостаточно изученными остаются вопросы определения и описания конкретных социальных факторов, детерминирующих комплектование современной российской армии профессиональными военнослужащими

как важнейшего аспекта функционирования военной организации [4-5]. Под системой комплектования понимается совокупность источников комплектования, органов управления ими и механизма их функционирования – предназначена для восполнения потребности Вооруженных Сил Российской Федерации в профессионально подготовленных военнослужащих по контракту.

Сегодня особенно важно надежно и качественно обеспечить совершенствование организационно-штатной структуры и системы базирования войск; повышение эффективности системы управления вооруженными силами; совершенствование системы подготовки кадров, военного образования и науки; оснащение армии самым современным оружием; и, наконец, дальнейшее улучшение социального самочувствия военнослужащих: от денежного содержания, жилищных и бытовых условий до поддержания атмосферы доверия в воинских коллективах [6].

Результаты социологических исследований показывают, что военнослужащие-профессионалы не представляют будущего российской армии без современной техники и оружия. Обновлена правовая и доктринальная база, проведены серьезные организационно-штатные преобразования [7]. Начался переход от радикальных реформ к последовательному и рассчитанному на перспективу развитию армии. флота, к их глубокому преобразованию в целях повышения боевых возможностей воинских соединений и частей всех родов войск [8]. Поэтому большинство кадрового состава Вооруженных Сил РФ поддерживает все начинания в военном строительстве, связанные с техническим перевооружением армии и флота (78%), качественным улучшением социального положения военнослужащих и членов их семей (71%), оказание государственной поддержки оборонным предприятиям (38%), переходом к профессиональной армии (34%), улучшением системы подготовки и переподготовки военных кадров (27%) [9].

Система комплектования Вооруженных Сил России представляет собой субъект-объектный процесс, в котором субъектом выступает государство и органы военного управления, а объектом – военнослужащие по контракту и граждане, способные пополнить ряды Вооруженных Сил в качестве военнослужащих по контракту. Субъект оказывает влияние на объект и на саму систему комплектования с помощью принятия и реализации конкретных управленческих решений. В свою очередь, система комплектования детерминирована социальными факторами и экономическими факторами, а также наличием угроз национальной безопасности государства.

Важно отметить, что высокий уровень доверия гражданским обществом и самими военнослужащими, проводимых в Вооруженных Силах преобразований, позволяет эффективно проводить мероприятия по комплектованию российской армии¹.

Социологический подход к изучению идеологии в военной организации

Доверие выступает не только в роли основы социального порядка в организации, но также является и важным элементом в мировоззренческом пространстве ценностных ориентаций и идеологий.

Прежде всего, необходимо отметить, что социологическое изучение проблем идеологии и, в частности, идеологической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации (как элемента системы социального управления) лежит не в нормативно-правовой и формальной плоскости. Идеология в социологической науке рассматривается как социальное явление и социальный феномен. На наш взгляд, именно такой

подход позволяет решить возникающие трудности в определении понятий военно-идеологической подготовки и создании прочного научного фундамента военно-политической работы.

Анализ выступлений руководства страны и Министерства обороны подтверждает этот тезис. Президент России В. В. Путин отмечал в одном из своих выступлений в 2016 г.: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» [10]. Идеи патриотизма, преданности Отечеству и традициям, в первую очередь, имеют социальную природу и свойственны развитому обществу, независимо от государственного и политического устройства.

Идеология, как социальное явление достаточно подробно рассмотрено как в классической, так и в современной социологической науке. Мы не ставим задачи детально рассмотреть все их множество. В статье приведем в пример идеи лишь двух выдающихся исследователей: Э. Дюркгейма и Г. Маркузе.

Французский социолог Эмиль Дюркгейм обращается к понятию «идеология» в ходе анализа религии и ее места в социуме. Религия, по Дюркгейму, отождествляется с некой абстрактной идеологией перманентного характера [11].

Представитель Франкфуртской школы, немецкий социолог Герберт Маркузе в своих трудах исследовал идеологические основы индустриального общества. Он рассматривал идеологию современного общества как идеологию потребления и отмечал, что основной ценностью для человека XX века (т.н. «одномерного человека») является удовлетворение своих потребностей. В свою очередь, по мнению

¹ По данным мониторинга институционального доверия, проведенного Левада-Центром в 2012–2018 гг. Отсортирован вариант ответа «вполне заслуживает» на закрытый вопрос «В какой мере, на ваш взгляд заслуживает доверия...?». Источник: Институциональное доверие // Левада-Центр. 2016; 2018.

URL: <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/>; <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (дата обращения 17.07.2019).

Маркузе, эти потребности ложны и навязаны людям извне, что делает их рабами собственных желаний. Чтобы изменить ситуацию в обществе в лучшую сторону люди должны провозгласить «Великий Отказ». Потребности индивидов целесообразно переориентировать на гармонию с природой, а не ее эксплуатацию. Чувства и желания людей должны быть обращены к высоким идеалам морали и духовности [12].

Говоря о социологическом изучении идеологии в Вооруженных Силах Российской Федерации, отметим, что для органов военного управления актуально будет, прежде всего, исследование так называемой корпоративной идеологии, идеологии военной организации, ее традиций, норм, ценностей.

Таким образом, прикладные социологические исследования проблем идеологии в военной организации реализуются прежде всего в измерении отношения военнослужащих к ценностям военной службы, а также уровня институционального доверия к руководству страны и одобрения деятельности государства в сфере обороны.

Согласно данным исследований Научно-исследовательского центра (социологического) в ценностной структуре офицеров российской армии преобладают морально-нравственные ценности: причастность к защите Отечества (73%); воинская честь и достоинство (54%); привлекательность профессии военнослужащего (51%) [13].

В то же время, половина (55%) опрошенных офицеров считают весьма значимым условием эффективной служебной деятельности обязательное решение жилищной проблемы, а треть (32%) – возможность получения различных социальных гарантий [13].

Степень одобрения военнослужащими государственной политики в сфере обороны и обеспечения безопасности государства, а также доверия высшему военно-политическому руководству страны в последние годы сохраняет высокие значения [14].

Абсолютное большинство (89%) военнослужащих уверены в том, что их ожидания, связанные с реализацией эффективной оборонной политики в Российской Федерации, полностью оправдаются [13].

Отметим, что социологическое сопровождение мероприятий военного управления в настоящее время выходит на новый организационный и технологический уровень, позволяющий эффективно решать возникающие задачи, в том числе и задачи военно-идеологической подготовки [15].

Структура доверия в военной организации

Доверие в военной организации может рассматриваться в трех социальных измерениях:

1) Доверие внутри военной организации – здесь доверие рассматривается как определенный тип социальных отношений между военнослужащими. Поддержание высокого уровня доверия в коллективах способствует формированию важнейшего компонента боевой готовности – морально-психологического состояния военнослужащих.

2) Доверие общества военной организации – оценка обществом эффективности деятельности вооруженных сил по обеспечению национальной безопасности. Выражается в престижности военной профессии, а также субъективных оценках граждан об уровне институционального доверия армии.

3) Доверие военной организации обществу – заключается в степени одобрения деятельности различных социальных институтов, а также в том, насколько военнослужащие ощущают поддержку со стороны гражданского общества.

Особенно важным, на наш взгляд, является именно доверие представителей военной организации различным социальным институтам общества, так как оно обуславливает эффективность обеспечения безопасности этих институтов, а соответственно и стабильность всего общества. Доверие, в принципе,

выступает основой всех социальных институтов.

Доверие – способ ограничения неопределенности. В целях избегания этой неопределенности в современных условиях политизации и некоторого социального напряжения, необходимо получение актуальной валидной информации о состоянии и факторах доверия военнослужащих социальным институтам современного российского общества.

Для выполнения своей основной функции – обеспечения национальной безопасности государства, уровень доверия военнослужащих к социальным институтам должен быть достаточно высок, поскольку военнослужащие являются не только членами этих институтов, но и опорой стабильности общества. Каждый член общества участвует в функционировании нескольких общественных институтов, и профессиональные военнослужащие не являются исключением. Например, являясь членом института армии, военнослужащий также является членом института семьи, церкви и т.п. Кроме непосредственного участия, происходит процесс взаимного обмена социальными ресурсами между всеми институтами.

Таким образом, исходя из взаимного обмена ресурсами между населением и армией нами выделено два аспекта, обуславливающих отношения доверия между ними:

1) Профессиональная армия комплектуется на добровольной основе из населения страны. Сформировать боеспособную профессиональную армию возможно только из населения, испытывающего доверие к социальным институтам.

2) С другой стороны, вооруженные силы удовлетворяют базовую потребность общества в безопасности обеспечивая силовую защиту населения и общества.

Таким образом, при рассмотрении доверия военнослужащих к социаль-

ным институтам необходимо целесообразно выделить три основных элемента:

1) Субъективные представления военнослужащего о добросовестности (честное выполнение своих обязательств), искренности (выражение подлинных чувств, правдивость, открытость), надежности (способность качественно выполнять свои функции, сохраняя основные характеристики).

2) Осознание риска профессиональной деятельности, связанной с обеспечением безопасности.

3) Сложившиеся в обществе стереотипы, уровень доверия всего населения в целом к различным социальным институтам.

Выводы

1. Доверие в военной организации является важным механизмом обеспечения эффективности социального управления. Оптимизация и модернизация вооруженных сил всегда сопровождается турбулентными процессами, угрожающими стабильности социальной организации. Только в атмосфере доверия возможно создать условия для удовлетворения потребностей общества, а также минимизировать риски дестабилизации социально-управленческих отношений в воинских коллективах.

2. Доверие как социальный феномен реализуется в двух пространствах – непосредственно социальном (пространство военной организации) и мировоззренческом (пространство идеологии). В социальном пространстве доверие реализуется, в том числе, через современную систему добровольного комплектования Вооруженных Сил РФ профессиональными военнослужащими. В идеологическом плане наиболее показательны оценки военнослужащими степени доверия и одобрения государственной политики в сфере обороны, а также система их ценностных ориентаций.

3. Структура доверия представляет собой целостное социальное поле, элементы которого могут быть рассмотрены в трех измерениях: доверие внутри организации, доверие общества военной организации, доверие военной организации обществу и его социальным институтам.

Представленные в статье теоретические аспекты концептуализации доверия в социальном управлении военной организацией позволяют приблизиться к социологическому пониманию этого сложного феномена, особенно в экстремальных условиях военной службы.

Литература

1. Митяева Н. В. Доверие как инструмент экономического развития // Экономическая безопасность и качество. 2020. № 1 (38). С. 5-10.

2. Терин Д. Ф. Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 144-157.

3. Карпова А. В. Нравственно-эстетическая культура сотрудника органов внутренних дел как фактор формирования уровня доверия граждан // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 133-136.

4. Евенко С. Л., Дорофеев Д. В. Детерминанты социальной напряженности в воинских коллективах // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 257-264.

5. Алексеенко В. Э. Социально-функциональная структура военной организации Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 255-261.

6. Сизов В. Ю. Военная политика и военная безопасность России // Россия и Америка в XXI веке. 2010. № 2. С. 3.

7. Певень Л. В., Степанова Е. Е. Проблемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими, проходящими военную службу

по контракту на должностях солдат, матросов, сержантов и старшин // Военный академический журнал. 2014. № 2 (2). С. 126-133.

8. Третьяков А. В. Военно-профессиональная ориентация кандидатов на военную службу по контракту и ее социологическое обеспечение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 4. С. 378-382.

9. Гасан Р. А. Проблемы заключения новых контрактов на прохождения военной службы военнослужащими по контракту в 2018 году (сравнительный анализ) // Военно-социологические исследования: сборник информационно-аналитических и методических статей. 2019. № 1 (63). С. 13-18.

10. Сабитова А., Анисимова Н. «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». 03.02.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907316> (дата обращения: 28.09.2020).

11. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Изд. дом Дело: РАНХиГС, 2018. 732 с.

12. Савватеева В. В. Духовная свобода и зависимость в современном мире // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 2. С.258-262.

13. Певень Л. В. И др. Военно-социологические исследования: современные подходы и концепции. М. ВУ: 2017. 165 с.

14. Барановский М. В. Доверие в военной организации (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 137-145.

15. Веремчук В.И., Скок А.С. Социологическое сопровождение военно-социального управления в Вооруженных Силах РФ как социальная технология // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 166-174.

Some Components of the Theoretical and Sociological Study of Trust in Military

Organization: Armed Forces Manning and Ideology

Baranovsky M.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the theoretical aspects of the analysis of trust as an element of the system of social management of a military organization. The aim of the work is to attempt a sociological analysis of trust in the military environment are considered. Particular attention is paid to describing the development trends of modern processes of manning the armed forces, as well as military ideology. The article presents the results of some empirical sociological studies of the approval of the state policy in the field of defense by the military personnel, as well as the value orientations of professional military personnel.

The main conclusions of the conducted theoretical analysis are: 1) trust in the military organization largely determines the effectiveness of management; 2) the space in which trust is realized in the military sphere is the military organization itself (directly the social space), as well as its ideology (value and worldview space). 3) the structure of trust can be represented in three social dimensions: trust within the organization, trust in the society of the military organization, trust in the military organization in the society and its social institutions. The scientific novelty of the provisions of the article lies in the fact that the author considered not only the usual social structure of interpersonal and institutional trust, but also made an attempt to present trust in the social space of the phenomena that determine it. This allows a deeper analysis of the social nature of trust in conditions of extreme military activity.

Keywords: trust, military organization, social management, social area, ideology, value orientations, sociological support, recruitment, sociological research, social institution

References

1. Mityaeva NV Trust as an instrument of economic development // *Economic security and quality*. 2020. No. 1 (38). S. 5-10.
2. Terin DF Political trust, satisfaction and ideas about the causes of poverty: the role of normative aspects of institutions in the production of trust // *Polis. Political Studies*. 2020. No. 3. S. 144-157.
3. Karpova A. V. Moral and aesthetic culture of an employee of the internal affairs bodies as a factor in the formation of the level of trust of citizens // *Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and governance*. 2020. No. 7 (122). S. 133-136.
4. Evenko S. L., Dorofeev D. V. Determinants of social tension in military teams // *Social and humanitarian knowledge*. 2020. No. 2. S. 257-264.
5. Alekseenko VE Social and functional structure of the military organization of the Russian Federation // *State and municipal management. Scholarly notes*. 2020. No. 2. S. 255-261.
6. Sizov V. Yu. Military policy and military security of Russia // *Russia and America in the XXI century*. 2010. No. 2.P. 3.
7. Peven L. V., Stepanova E. E. Problems of recruiting the Armed Forces of the Russian Federation with servicemen undergoing military service under contract as soldiers, sailors, sergeants and foremen // *Military Academic Journal*. 2014. No. 2 (2). S. 126-133.
8. Tretyakov AV Military-professional orientation of candidates for military service under a contract and its sociological support // *Izvestiya of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*. 2018.Vol. 18.No. 4, pp. 378-382.
9. Hasan R. A. Problems of concluding new contracts for military service by contract servicemen in 2018 (comparative analysis) // *Military sociological research: a collection of information, analytical and methodological articles*. 2019. No. 1 (63). S. 13-18.
10. Sabitova A., Anisimova N. "We do not and cannot have any other unifying idea, except for patriotism" // *Official site of the newspaper "Kommersant"*. 02/03/2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907316> (date accessed: 09/28/2020).
11. Durkheim E. *Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia*. Moscow: Ed. House Delo: RANEP, 2018.732 p.
12. Savvateeva VV Spiritual freedom and dependence in the modern world // *Bulletin of Science and Practice*. 2020.Vol. 6.No. 2.P. 258-262.
13. Peven L. V. et al. *Military sociological research: modern approaches and concepts*. M. VU: 2017.165 p.
14. Baranovsky MV Trust in the military organization (experience of sociological research) // *Sociological research*. 2019.No. 10.P. 137-145.
15. Veremchuk V.I., Skok A.S. Sociological support of military-social management in the Armed Forces of the Russian Federation as a social technology // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2017. No. 1 (778). S. 166-174.

Влияние гендерного равенства на развитие современных цивилизаций

Воронина Ольга Александровна

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН, Olga-voronina777@yandex.ru

Основная идея статьи заключается в рассмотрении вопросов о том, какой тип гендерной системы сформировался в российской цивилизации, как он влияет на ее развитие и какие тенденции в области прав человека, протекающие в развитых цивилизациях, необходимо поддерживать в нашей стране. Дается краткий обзор современных теоретических подходов к определению термина цивилизации. Особое внимание уделяется рассмотрению концепций универсальной общечеловеческой цивилизации, выдвигаемых отечественными мыслителями. Автор отмечает, что признанная специфика российской цивилизации (византийское происхождение религии и принципов политической организации, подчинение человека общине и государству как духовный принцип, матрифокальность культурных традиций) сформировала российскую гендерную систему как патриархальную. На основе международных исследований показываются позитивные социально-экономические и гуманитарные последствия использования политики гендерного равенства. В заключение описываются объективные тенденции к формированию общечеловеческой универсальной цивилизации, основанной в том числе и на принципе гендерного равенства.

Ключевые слова: цивилизация, культура, гендерное равенство, права человека, развитие

В самом общем виде цивилизация понимается как устойчивая общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими, историческими рамками. Цивилизационный подход к анализу общества и истории связан прежде всего с именем Н. Данилевского, впервые предложившего эту идею в конце XIX в., а затем – с работами О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, С. Хантингтона и многих других. Академический интерес к этой проблематике то угасал, то возникал снова. Основной вектор дискуссий в XIX - в начале XX веков шел по линии противопоставления цивилизации как синонима технического прогресса и культуры как выражения духовности человека, причем в основном речь шла о Европе. Основателями этой идеи стали немецкие мыслители, которые провели четкую грань между понятиями “цивилизация”, которое включало в себя технику, технологию и материальные факторы, и “культура”, которое подразумевало ценности, идеалы и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества. Сегодня это противопоставление не только сохранилось, но даже усилилось в ряде отечественных теорий.

Однако многие современные зарубежные исследователи не делают такого жесткого разделения и даже противопоставления цивилизации и культуры. Так, С. Хантингтон подчеркивает тождество цивилизации и культуры, утверждая, что “центральными элементами любой культуры или цивилизации являются язык и религия” [1, с. 80]. Именно поэтому различия между цивилизациями обусловлены, с его точки зрения, типом религиозной веры. “Ос-

новные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира...» [1, с. 49]. На этом основании и построена распространенная сегодня типология цивилизаций – западная (базирующаяся на католицизме и протестантизме), российская (православная), мусульманская, буддийская, индуистская цивилизации. В. М. Межуев справедливо отмечает, что определение цивилизации через религию не всегда обоснованно. Так, например, хотя христианство является религией Запада, но другим истоком западной цивилизации стала греко-римская античность, откуда и заимствовано слово «цивилизация». Секуляризация, индустриальная революция, развитие философии также сыграли значимую роль в развитии западной цивилизации. И сегодня, как полагает В. М. Межуев, можно говорить о цивилизациях традиционных и современных, доиндустриальных (аграрных), индустриальных и постиндустриальных [2, с. 12].

Тойнби, а вслед за ним и Хантингтон, не исключали в будущем возможность столкновения между ними. Идеи С. Хантингтона о «множественности цивилизаций» и о том, что «все цивилизации по-своему цивилизованны» не принимаются теми исследователями, которые обвиняют его в культурном релятивизме. Для них критерием цивилизации является технический и духовный прогресс (т.е. движение вперед), и поэтому они не приемлют таких выражений, как, например, «цивилизация майя». Но важно заметить, что сами понятие технического и духовного прогресса не имеют общепринятого определения, и часто оказываются ценностно нагруженными.

В этой статье невозможно дать даже краткий обзор актуальных работ по проблеме цивилизации. А. Г. Дугин попытался дать некоторую классификацию «концептуальных подходов к понятию цивилизация» и выделил тринадцать вариантов. По его мнению, цивилизация может пониматься как субстанция (он-

тологический подход); как процесс (динамическая концепция); как социокультурная (П. Сорокин) или историко-культурная (Н. Данилевский) система; как структура; как пайдеума, когда цивилизация рассматривается как трансляция культурного кода, который определяет практики в области экономики, политики, духовной культуры, обрядов, ритуалов, символов; как набор ценностей (М. Вебер и К. Гирц); как организованное бессознательное (З. Фрейд и К. Юнг); как культура (здесь цивилизация и культура выступают синонимами, а сама культура эксплицитно понимается как религиозная); как язык (понимаемый как обобщенный эквивалент цивилизации); как производная от этноса; как конструкт; как Dasein (экзистенциальная концепция цивилизации); и, наконец, нормативное поле человека (антропологическая концепция цивилизации) [3, с. 34-39]. Совершенно очевидно, что некоторые из этих подходов весьма схожи, и их можно объединять и использовать при изучении понятия цивилизации (что признает и сам автор).

Однако большинство отечественных исследователей цивилизации интересуется не столько академическими схемами и дефинициями, сколько вопросами о сущности российской цивилизации и путях ее развития. При этом большинство из них опирается на парадигму «византизма как рока российской цивилизации», заложенную в работах Данилевского и Тойнби [4;5]. В рамках этой концепции самобытные черты российской цивилизации определяются как приверженность традициям, авторитарность власти, специфическая государственность, подчинение индивида коллективу, примат государственных интересов над личными. Западные исследователи оценивают эти качества как препятствия на пути социального, экономического и политического прогресса. Большинство отечественных исследователей, наоборот, считают, что приверженность традициям, вере, превалирование государственных (общинных)

интересов над личными, отказ от индивидуализма, примат мистицизма над рационализмом являются свидетельством особой духовности России (российской цивилизации) [6, с.9-10]. Эта тенденция стала особенно популярной вместе с поворотом к консервативной идеологии в государственной политике. При этом многие авторы признают, что «единая (глобальная) модальность» пронизывает в наше время все страны, все «цивилизации» (как развитые, так и развивающиеся) по нескольким направлениям. Это – техника и технологии; финансово-экономические институты (все имеют стандартные банковские и рыночные структуры и механизмы); современные государственно-политические формы управления (парламенты и другие атрибуты современности). Однако мнения расходятся относительно «духовной культуры» (включая сюда и религию) как базовой системы ценностей. Одни полагают, что культура и религия являются вершинами цивилизации и поэтому не поддаются глобализации и унификации, да и принципиально в этом не нуждаются [7, с. 39-42]. Такая позиция легла в обоснование концепции мультикультурализма и политики сохранения любых культур на основании их самобытности. И здесь необходимо сделать два кратких комментария. Во-первых, на мой взгляд, в действительности культура испытывает значительное влияние глобальных процессов – как с точки зрения технологий, так и с точки зрения взаимопроникновения ценностей. И, во-вторых, далеко не всегда самобытность цивилизации и культуры является непреходящей ценностью. Вряд ли кто-либо из современных мыслителей сможет одобрить традиции фемцида (убийство плода или новорожденной женского рода), т.н. «женского обрезания», «добровольного» самосожжения вдовы на погребальном костре мужа на основании их характерности для той или иной цивилизации, культуры, религии. Это – как и сохранение самодержавия, тоталитаризма, подавление личности – скорее признаки не цивилизации,

а неизжитого варварства, свидетельства исторической отсталости страны [2].

Н. В. Мотрошилова в своей книге «Цивилизация и варварство в современную эпоху» поднимает вопрос о необходимости принятия общего

понятия цивилизации. Она полагает, фундаментальным для общего определения цивилизации является оппозиция варварству. Однако вслед за этим возникает вопрос – а что такое варварство? Ведь это понятие тоже менялось вследствие развития исторического знания, теории культуры, гуманизма, философии прав человека. Н. В. Мотрошилова не дает ответов на поставленные вопросы, а предлагает начать логико-теоретическую работу по разработке общего философско-онтологического понятия цивилизации в целом [8, с. 54]. В. М. Межуев задает справедливый, на мой взгляд, вопрос: что здесь имеется в виду — общее понятие цивилизации или понятие общей (универсальной) цивилизации? И, что очень важно, является ли такое понятие результатом чисто логической операции или отражением реально существующего феномена? [2, с. 10]. В. М. Межуев полагает, что ответить на эти вопросы можно только, если понимать цивилизацию «не как эмпирически фиксируемое множество разных цивилизаций, а как процесс становления общей, единой для всего человечества и, следовательно, универсальной цивилизации. Общим понятием цивилизации будет...итог всего общецивилизационного движения. В такой, пусть только мысленной, форме цивилизация и может быть понята как антипод варварства и одновременно как аналог реального гуманизма» [2, с. 11]. Оценивая роль западной цивилизации (в силу известной традиции этого не может избежать ни один российский мыслитель) В. М. Межуев отмечает, что Запад мыслил себя универсальной цивилизацией, способную распространиться по всему свету. И это, по его мнению, связано отнюдь не с особенностями религии, а с принципами

научной и правовой рациональности. Создав современную науку и технику, а также светские формы жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, Запад предложил способ интеграции человечества.

В гуманитарной сфере важнейшими принципами западной цивилизации является концепция прав человека и гендерного равенства. Однако в настоящий момент в теоретических работах по проблемам цивилизационного развития практически не рассматривается вопрос о том, какая гендерная система формируется в рамках той или иной цивилизации. Возможно, это связано с тем, что в историческом плане все цивилизации в целом носили патриархальный характер. Гендерная система западной, российской, азиатской цивилизаций строилась на схожих основаниях. Культурными универсалиями, поддерживающими гендерную иерархию во всех сферах жизни, выступали монотеистическая религия, разделение сфер жизни на публичную и частную, гендерная дифференциация труда, моногамный гетеросексуальный брак, семья с главенством мужчины и освящающая эти социальные институты символическая система. По мере развития в недрах западной цивилизации таких социальных процессов, как секуляризация, индустриализация, модернизация, возникновение теории прав человека, менялись социальные институты и нормы, составляющие каркас гендерной системы. В самом общем смысле гендерная система представляет собой совокупность социальных институтов (разделение труда, семья, образование и социализация, СМИ), традиций, культурных норм и идеологии, определяющих поведение, роли, взаимодействие и сознание людей «в зависимости» от их пола.

В западной цивилизации за последние 50 лет все больше утверждаются ценности гендерного равенства. Это означает отказ от сохранения традиционных гендерных иерархий в обществе. Женщины получают больше прав и воз-

можностей в сфере образования, политики, семьи, наемного труда, карьеры, бизнеса. Государства создают специальные структуры – т.н. национальные механизмы по соблюдению гендерного равенства, в обязанности которых входят разработка новых законов и наблюдение за их исполнением, мониторинг социальных последствий правовых новаций для женщин и мужчин, контроль за деятельностью исполнительной власти. Разумеется, в разных странах, относящихся к западной цивилизации, изменения гендерной системы протекают по-разному, однако в целом траектория движения в сторону гендерного равенства очевидна.

А в России ситуация иная. Модернизационные процессы (секуляризация, индустриализация, развитие демократических принципов в политике, индивидуация человека) начались здесь значительно позже или не начались совсем. Специфика национального самосознания, опирающаяся на традиционные ценности («Святая Русь», сильное государство, православие), трансформирует многие модернизационные процессы. И. Г. Яковенко в своей монографии подробно анализирует развитие российской цивилизации на протяжении истории (власть, собственность, экономика в целом, религия, мировоззрение) и делает вывод, что в сущности своей и досоветская, и советская системы были традиционно-патриархальными [9; 10; 11].

Если в западной цивилизации эмансипация женщин началась в середине XIX в., то у нас – только после 1917 г. При этом советская модернизация не затронула, а только преобразовала патриархальные нормы. Несмотря на формально провозглашенное равенство женщин и мужчин, гендерная политика базировалась на убеждении в естественности и неизбежности социальных различий женщин и мужчин, что имманентно блокировало любые новации. В СССР возник специфический тип традиционной гендерной системы – советский патриархат, при котором основным

механизмом дискриминации женщин являлись не мужчины как группа, а государство. Для того чтобы полнее господствовать над женщиной, функциональнее использовать ее продуктивные и репродуктивные ресурсы в своих собственных целях, государство-патриарх должно было уничтожить легитимацию юридических и экономических прав мужчины на женщину. Именно в «переподчинении» женщины от мужа – государству и кроется глубинный смысл советской гендерной политики. На уровне символической системы советская власть на всем протяжении своего существования скрыто или явно (в зависимости от политического момента) опиралась на русскую матрифокальную традицию. Антиномия западной рациональной маскулинности (воплощаемой в том числе в понятиях государства и права) и русской национальной задушевности (воплощаемой в мифологеме Матушки-Руси) стала составной частью концепта русской идеи. Это надолго определило русское национальное самосознание. В советский период эта идея ушла в культурное зазеркалье, и вновь возродилась в постсоветские времена [12, гл. 2].

В постсоветский период происходили довольно резкие смены политического курса – и, соответственно им менялась идеология и культура гендерных отношений. На первом «демократическом» этапе произошла либерализация многих культурных норм и правил – в том числе в сфере гендерной культуры. Однако на фоне сильного экономического кризиса 1990-х гг., приведшего к безработице (особенно среди женщин) и росту конкуренции за рабочие места, произошло усиление дискриминации женщин и сексистских предрассудков. При этом власть формально следовала международным нормам гендерного равенства, создавая некие государственные институты и механизмы [12, гл. 3].

Смена политического курса на консервативный сопровождалась призывами к возврату к архаическим «национальным» традициям, основанным прежде всего на

православии. Демонстративная архаизация общественного пространства затрагивает все сферы, но более всего культуру гендерного равенства. Свидетельствами этого являются усиление пронаталлистской политики (поддержка многодетности и постепенное сужение репродуктивных прав женщин), введение в школах уроков религиозной культуры (в основном православной), популяризация в массовой культуре материнства как единственного подлинного предназначения женщины и даже попытки введения санкций за бездетность (мужчин и женщин). С таким предложением выступил некий «Совет матерей». Подобную инициативу малоизвестной организации можно расценивать как пробный шар для понимания реакции населения [14]. Государство фактически устранилось от проведения политики гендерного равенства, «похоронив» в 2012 г. рассмотрение законопроекта о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Не менее показательным является отказ законодателей и политиков высшего уровня рассмотреть проблему домашнего насилия в отношении женщин и детей и принять закон о его предотвращении. Это косвенным образом поддерживает домостроевскую идеологию главенства мужчин в семье. В целом совершенно очевидно, что гендерная политика государства все больше опирается на традиционные и даже фундаменталистские религиозные нормы.

Возрождение роли православия в нашей многонациональной стране сопровождалось также и возрождением иных конфессий, прежде всего ислама. На протяжении прошлых веков он играл второстепенную роль на фоне государственной православной религии, а позже – советского государственного атеизма. Консервативный поворот в государственной политике в начале 2010-х сопровождался установками на возрождение традиций и повышение роли религиозной идеологии. И хотя православие фактически получило статус государственной религии, вторая

роль по необходимости отведена исламу. В ряде регионов России это приводит к возрождению архаических мусульманских норм традиций в отношении женщин: наблюдается ограничение прав девочек и женщин на образование, на работу вне дома, свободное перемещение, самостоятельный выбор супруга, на ношение одежды «европейского образца». Более того, все большее распространение получают дифференцированные по полу аборт (фемцид), а также варварский обряд «женского обрезания» [13]. Эти нормы противостоят действующей Конституции РФ, однако региональные власти оправдывают это необходимостью сохранять традиции, а федеральные власти просто игнорируют проблему. В современном обществе давность традиции не является априорным основанием для признания ее ценности. Существует масса многовековых жестоких и антигуманных традиций, сохранение которых обосновывается тем, что они являются частью национальной культуры.

В современном обществе обсуждается вопрос о том, какие культурные традиции следует поддерживать, а какие необходимо изживать. В последнее время в связи с развитием глобализма и перемещением мигрантов вопрос о том, является ли самобытность той или иной культуры настолько важной, чтобы сохранять ее, несмотря на имеющиеся там архаичные традиции, противоречащие основополагающим либеральным ценностям западной демократии – и прежде всего принципам свободы и равенства всех граждан. Или, как жестко сформулировала проблему С. Бенхабиб, в какой мере «притязания культур» совместимы с фундаментальными представлениями о свободе и равенстве [15, с. 32]. И именно здесь пролегла нерв проблемы сохранения культурных традиций в эпоху прав человека. Не рассматривая все коллизии такого рода, остановимся только на проблеме гендерных традиций, поскольку и в наше время такого рода традиции вызывают ожесточенные споры и глубокое

культурное противостояние: среди причин межкультурных столкновений преобладают культурные практики, касающиеся подчиненного положения женщин и всего с ним связанного. Это связано с тем, что регулирование сферы сексуальной жизни и репродукции всегда находится в центре внимания большинства человеческих культур. Издревле женщины и женское тело были тем, что Бенхабиб называет «культурно-символическая «доска», на которой человеческие общества записывают свой моральный кодекс. Поэтому конфликты между культурами, бросающие вызов символическому порядку в этой сфере, добираясь до самых ранних и самых потаенных уголков психики, не могут не вызывать сильнейшей эмоциональной реакции. Вследствие этого утрата собственной культуры, искоренение и смешение культур часто представляются в терминах сексуальности. Так, навязывание старой культуре новых и инородных обычаев нередко описывается в терминах «изнасилования»; переплетение культур часто описывают как скрещивание, или кровосмешение. Бенхабиб полагает, что использование этих метафор фундаменталистскими идеологиями, питающими ненависть к разнородности и отрицающими множественность культур, далеко не случайно. Движения за сохранение культурной идентичности и традиций, независимо от того, какие мотивы лежат в их основе – религиозные, национальные, этнические, гендерные – пытаются зафиксировать и заморозить во времени и пространстве границы, разделяющие группы людей и культуры на «наши» и «чужие». Бенхабиб последовательно обосновывает недопустимость пренебрежения принципами либерализма и демократии в угоду требованиям специфических религиозных, этнических и культурных сообществ: «конфликты между всеобщими правами и суверенным самоопределением присущи демократическим формам государственности», – пишет она, – но в самом факте их наличия не следует усматривать повод

для пересмотра демократической либеральной традиции» [15, с. 179].

Международное сообщество в ряде своих документов признало, что давность традиции не является априорным основанием для признания ее ценности, и выдвинуло единый критерий для определения позитивного и негативного содержания традиций. Это – универсально признанные нормы прав человека, закрепленные в международных документах. В частности, относительно нашей темы уже в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (и всех последующих документах) отмечается необходимость изживания традиций, мешающих гендерному равенству.

С точки зрения исследуемой мною темы большой интерес представляет концепция А.Г.Вишневого, в которой он описывает и анализирует социальные и гендерные последствия демографических и культурных изменений, происходящих в современном мире. Он поддерживает идею, что концепция универсальной цивилизации является продуктом Запада. В основе ее распространения лежат научные и технические достижения, например, дифференциальное и интегральное исчисление, паровая машина, двигатель внутреннего сгорания, теория происхождения видов, электричество, авиация и пенициллин, пулемет и атомная бомба, парламентская демократия и равноправие женщин [16, с. 59]. Помимо этого, практически повсеместно используются достижения западной медицины, основанной на науке и технологиях: антибиотики, практика массовой вакцинации, обеззараживание питьевой воды, методы профилактики болезней, гигиенические стандарты и многое другое. Важно подчеркнуть идею А. Г. Вишневого, что развитие и распространение новых методов здравоохранения невозможно без глубоких культурных изменений, предполагающих пересмотр базовых представлений о жизни и смерти, о ценности человеческой жизни, о праве людей бо-

роться за ее сохранение. Это с неизбежностью, отмечает он, меняет повседневные бытовые практики, образ жизни, который по ряду ключевых параметров, определяющих здоровье и долголетие, становится неотличимым у жителей Москвы, Нью-Йорка или Токио, которых Вишневский называет представителями «новой универсальной медицинской цивилизации». Важнейшим фактором становления всей современной цивилизации он считает резкое снижение смертности. Известно, что на протяжении тысячелетий высокая смертность была одним из важнейших оснований, на которых выстраивалась система культурных норм, религиозных и нравственных предписаний, регулировавших поведение людей в демографической сфере. Несмотря на этнические, исторические и социальные различия, во всех культурно-религиозных системах можно выделить одинаковые базовые нормы. Это – гетеросексуальность и пожизненность брака; семейное предназначение женщины, которая должна была рожать как можно больше детей и выхаживать их; запреты на контроль рождаемости, разводы и др. На этом основании А. Г. Вишневский делает вывод об общецивилизационных процессах. Я со своей стороны отмечу, что это общие для всех прошлых цивилизаций принципы построения гендерной системы.

Резкое снижение смертности повлекло за собой изменение традиционных культурных норм и бытовых практик. Культурный запрет на свободу прокреативного выбора (то есть на регулирование родителями числа и сроков рождения детей) сменяется признанием права на планирование деторождения. Это становится характерным даже для многих исламских стран [16, с. 66]. Разрыв монолитной системы сексуального, матримониального и прокреативного поведения влечет за собой многообразные изменения брака, семьи, внутрисемейных отношений, норм морали, положения женщин в семье и обществе. А. Г. Вишневский полагает, что демографи-

ческие изменения первичны по отношению ко многим экономическим и культурным переменам, а не вытекают из них. «Рождаемость снизилась не потому, что женщины стали учиться, работать, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства и отказываться навеки связать свою жизнь с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала, и перед каждым человеком открылась свобода индивидуального выбора, которой никогда не было прежде» [16, с.68]. Вишневский полагает, что идет формирование универсальной новой цивилизации, отличительной чертой которой является плюрализм индивидуальных жизненных путей. И хотя ситуация эта пока довольно противоречива, поскольку на фоне сохранения традиционных семейных ценностей происходит поиск новых форм организации личной жизни. А. Г. Вишневский делает весьма оптимистичный прогноз развития этой ситуации. Он утверждает, что объективно протекающие демографические изменения (включая глобальную миграцию) разрушают монолитность традиционных этнических и религиозных норм, способствуя формированию «гибкой мультикультурной и в то же время общей цивилизационной идентичности. В мире есть сотни миллионов верующих христиан и мусульман, которые, не утрачивая своей религиозной идентичности, ведут себя совершенно одинаково во всем, что касается их здоровья или их семейной жизни. Это – результат свободного выбора, сделанного носителями разных культур в ходе адаптации к новой цивилизации, указывающий как на огромный адаптационный потенциал разных культур, так и на возможности их спокойного сосуществования без всякого «столкновения»» [16, с. 76].

¹ Макромодель учитывает двенадцать локальных цивилизаций пятого поколения и объединяет их в

Концепция А. Г. Вишневского представляется вполне убедительной, а его оптимистический прогноз вселяет надежду на возможности формирования общечеловеческой цивилизации, ориентированной на интересы человека. Однако вопросы о полноценном учете интересов женщин как гендерной группы и о воплощении принципа гендерного равенства в существующих цивилизациях пока еще нуждаются в обосновании и продвижении. В последнее время появилось немало работ, в которых международные эксперты и исследователи доказывают, что гендерное равенство оказывает значительное влияние на развитие цивилизаций – как с экономическо-социальной, так и с гуманитарной точек зрения [17]. Например, более активное участие женщин в производительной сфере увеличивает национальный доход; равный доступ женщин к занятости на рынке труда и равная его оплата способствуют сокращению бедности. Доказано, что уровень образования женщин напрямую влияет на благополучие семьи, здоровье и образование детей (чем выше образование женщин, тем больше вложений в развитие человеческого капитала детей). Более активное участие женщин в процессе принятия решений на всех уровнях управления страной способствует повышению внимания к решению социальных проблем, гуманизации социальной политики государства.

На основе анализа международных экономических данных и опираясь на гецивилизационную макромодель¹, И. Е. Калабихина определила приоритетные направления в развитии современных цивилизаций. Это – повышение женской занятости и равная оплата труда; повышение уровня образования, особенно в сфере передовых информационных технологий и знаний; гендерное выравнивание доступа к участию в принятии политических решений (особенно в евразийской цивилизации); решение демографических проблем (гендерные диспропорции населения вследствие культурных стереотипов);

три группы (цивилизации Европы и Севера Евразии; Азии и Африки; Америки и Океании) [18].

равный доступ женщин и мужчин к медицинским услугам [19]. Полностью поддерживая позицию И. Е. Калабихиной, я считаю, что необходима также более активная работа в сфере культурной политики для изменения традиционных дискриминационных практик, норм и предрассудков. Об этом, кстати, говорится и в ряде международных документов – Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Пекинской Декларации и Платформе действий (1995), а также в докладе Программы развития ООН [20].

Достижение гендерного равенства является одним из условий и развития современных цивилизаций. Для его достижения в России необходимо выполнять положения общепринятых международных документов, ратифицированных РФ; создать национальный механизм гендерного равенства и внедрять комплексный гендерный подход при принятии управленческих решений.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 1996. 296 с.
2. Межуев В.М. Гуманизм и современная цивилизация // Человек. 2013. № 3. С. 5-16.
3. Дугин А.Г. Концептуальные подходы к понятию "цивилизация" // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 33-41.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб.: Изд-во «Глаголь». 1995. 552 с.
5. Фукуяма Ф., Тойнби А. Д., Пайпс Р. 1000 лет одиночества. Особый путь России. М.: «Алисторус». 2019. 153 с.
6. Алексеев В. В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический Вестник. 2010. № 3 (28). С. 5-14.
7. Щелкин А. Российская цивилизация предполагает дискуссию о российской цивилизации //Телескоп. 2011. №1 (85). С. 39-42.
8. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН. 2007. 480 с.
9. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Издательство «Знание». 2017. 642 с.
10. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ. 1998. 432 с.
11. Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. № 3. С. 100–118.
12. Воронина О.А. Гендерная культура в России: традиции и новации / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФ РАН. 2018. 111 с.
13. Пошнагиди Ф. Ф. Гендерная модификация семейно-брачных отношений на Северном Кавказе // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ. 2014. № 4. с. 146-148.
14. Электронный ресурс Лента.ру. URL: <http://Lenta.ru> (accessed: 12.10.2020)
15. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос. 2003. 350 с.
16. Вишневский А.Г. Цивилизация, культура и демография. // Общественные науки и современность. 2011. №2. С. 57-76.
17. Макроэкономические выгоды гендерного равенства / Подгот.: К. Эльборг-Войтек и др. Сила синергии. Взаимосвязь гендерного равенства, экономического развития и экологической устойчивости. Прогр. развития ООН. М., 2013.
18. Глобальный прогноз ООН «Будущее цивилизаций. Глобальный прогноз демографической, энергоэкологической, инновационно-технологической, экономической, геополитической и социокультурной динамики цивилизаций на период до 2050 года». Концепция и программы разработки прогноза. А.Г. Гранберг, Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. М.: МИСК, 2007.

19. Калабихина И.Е. Гендерный фактор в развитии цивилизаций// Экономические стратегии. 2009. № 2. С. 110-116.

20. 2020 Human Development Perspectives. Tackling Social Norms: A Game Changer for Gender Inequalities. URL <http://hdr.undp.org> (accessed 27.03.2020).

Impact of gender equality on the development of modern civilizations

Voronina O.A.

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

The main idea of the article is to consider several issues: what type of gender system has been formed in Russian civilization; how it affects on the development of society and culture; what trends in the field of human rights that occur in developed civilizations need to be supported in our country. The author gives a brief overview of modern theoretical approaches to the definition of the term civilization, while paying special attention to the concepts of universal human civilization put forward by Russian thinkers. The author notes that the recognized specifics of Russian civilization (the Byzantine origin of religion and the principles of political organization, the subordination of a person to the community and the state as a spiritual principle, the matrifocality of cultural traditions) formed the Russian gender system as a patriarchal one. The article shows the positive socio-economic and humanitarian consequences of the use of gender equality policies, identified in the course of international research and expert reports. In conclusion, the author describes objective trends in the formation of a universal human civilization based on the principle of gender equality.

Keywords: civilization, culture, gender equality, human rights, development

References

1. Huntington S. Clash of civilizations. M.: AST. 1996. 296 p.
2. Mezhujev V. M. Humanism and modern civilization // *Man*. 2013. No. 3. pp. 5-16.
3. Dugin A. G. conceptual approaches to the concept of "civilization" // *Vestn. Mosk.* 18. Sociology and political science. 2013. No. 1. P. 33-41.
4. Danilevsky N. I. Russia and Europe. A look at the cultural and Political relations of the Slavic world to the German-Roman world. SPb.: publishing house "Glagol". 1995. 552 p.

5. Fukuyama F., Toynbee A.D., Pipes R. 1000 years of solitude. Special way of Russia. M.: "Alisterus". 2019. 153 p.
6. Alekseev V. V. Russian civilization (signs, stages of development, results and lessons) // *Ural historical Bulletin*. 2010. No. 3 (28). Pp. 5-14.
7. Shchelkin A. Russian civilization presupposes a discussion about Russian civilization // *Telekop*. 2011. No. 1 (85). Pp. 39-42.
8. Motroshilova N. V. Civilization and barbarity in the modern era. Moscow: IF RAS. 2007. 480 p.
9. Yakovenko I. G. Cognition of Russia: civilizational analysis. M.: publishing house "Knowledge", 2017. – 642 p.
10. Vishnevsky A. G. Sickle and ruble: conservative modernization in the USSR. M.: OGI. 1998. 432 p.
11. Sergeev D. V. Socio-cultural situation in Russia at the beginning of the XXI century: recurrent culture, archaization, invented archaics // *World of Russia*. 2012. No 3. pp. 100-118.
12. Voronina O. A. Gender culture in Russia: traditions and innovations / Russian Academy of Sciences, Institute of philosophy, Moscow : IF RAS, 2018. 111 p.
13. Poshnagidi F. F. Gender modification of family and marriage relations in the North Caucasus // *Humanities and legal research*. NCFU. 2014. No. 4. pp. 146-148.
14. URL: <http://Lenta.ru> (accessed: 12.10.2020)
15. Benhabib S. The Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era / Trans. from English; edited by V. I. Inozemtsev. M.: Logos. 2003. 350 p.
16. Vishnevsky A. G. Civilization, culture and demography // *Social Sciences and modernity*. 2011. No 2. Pp. 57-76.
17. Macroeconomic benefits of gender equality / Ed.: K. Elborg-Voytek, etc. The power of synergy. The relationship between gender equality, economic development and environmental sustainability. UN development program, Moscow, 2013.
18. UN global forecast "the Future of civilizations. Global forecast of demographic, energy-ecological, innovation-technological, economic, geopolitical and socio-cultural dynamics of civilizations for the period up to 2050". Concept and programs of forecast development. A. G. Granberg, B. N. Kuzyk, Yu. V. Yakovets. M.: MISK, 2007.
19. Kalabikhina I. E. Gender factor in the development of civilizations// *Economic strategy*. 2009. No. 2. Pp. 110-116.
20. 2020 Human Development Perspectives. Tackling Social Norms: A Game Changer for Gender Inequalities. URL <http://hdr.undp.org> (accessed 27.03.2020).

Социальные предпосылки и перспективы современных процессов урбанизации

Гарнага Анастасия Филипповна,
старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет.
neklyudova.anastasiya.90@mail.ru

Дорофеева Наталья Николаевна,
доцент кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет, 000424@pnu.edu.ru

Дорофеев Егор Павлович,
старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет, 3d1@mail.ru

В статье рассматривается урбанизация как глобальный процесс. Сегодня он характеризуется разрастанием крупных городов и мегаполисов за счет развития пригородных территорий – субурбанизацией, при которой горожане организованно или стихийно образуют локальные поселения. Отличительной чертой таких субурбий является запоздалое развитие инфраструктуры – обеспечивать жителей рабочими местами, учебными заведениями, учреждениями сферы услуг продолжают другие районы города. При этом жители субурбий не становятся сельскими жителями, хотя им присущи некоторые особенности организации жизни в селе – застройка частными домами на одну семью или таунхаусами, наличие частной дворовой территории, возможность ведения натурального хозяйства – работать и учиться они продолжают в городе. Часто и сами поселения располагаются непосредственно в черте города. Процесс субурбанизации связан также с возрастанием городской транспортной нагрузки, автомобилизация населения при формировании субурбии значительно возрастает, так как жителям необходимо самостоятельно добираться до других районов города к месту приложения труда, а общественный транспорт в стихийно-организованных районах, как правило, недоступен.

Ключевые слова: урбанизация, субурбанизация, рурбанизация, субурбия.

Под субурбанизацией принято понимать один из этапов урбанизации. Процесс субурбанизации связан с ростом благосостояния населения, когда люди стремятся возводить жилье или приобретать уже готовое в городских предместьях. В первую очередь такое стремление вызвано тем, что жители пригородов избавлены от многочисленных проблем, связанных с загрязнением воздуха, сильным шумом и т. п. Так как пригороды обычно еще не обладают развитой социальной инфраструктурой в виде школ, детских садов, магазинов, учреждений сферы услуг и т. д., процесс субурбанизации сопровождается массовой автомобилизацией населения. К тому же перед населением пригородов встает вопрос: «Как добираться до места своей работы?». Ведь большинство жителей городских предместий работают на предприятиях и в организациях, расположенных непосредственно в городе, поэтому сельскими жителями они ни коим образом не становятся.

Впервые о процессе субурбанизации заговорили в середине XX века в странах Северной Америки и Западной Европы. С течением времени признаки субурбанизации стало возможным наблюдать и на территории России. В первую очередь данный процесс присущ для российской столицы [1, 2]. Однако здесь он приобрел свою очень интересную отличительную особенность. Она связана с тем, что москвичи охотно строят или приобретают загородные дома и коттеджи и проводят в них значительную долю времени. Но в то же время жители Москвы не хотят отказываться и от квартир в черте мегаполиса.

Субурбанизация имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Одна из проблем связана с тем, что качество жизни населения предместий

находится в прямой зависимости от факта наличия в пользовании автомобиля. Без личного автотранспорта во время добраться на работу в город из пригорода, который во многих случаях не обладает развитой транспортной инфраструктурой, становится практически непосильной задачей. Еще одна проблема обусловлена тем, что город не может полностью обеспечить рабочими местами всех желающих из городских предместий. Это становится причиной роста числа безработных и обострения различных проблем социально-экономического плана. Следующая проблема, обусловленная процессом субурбанизации, связана с тем, что стремительно растущие городские предместья отрицательно сказываются на природном ландшафте. Прежде всего, этот вопрос актуален для небольших по территории государств, имеющих высокую плотность населения, например, для Нидерландов, Бельгии и других [5, с. 250-253].

Процесс субурбанизации в большинстве случаев сопровождается так называемой часовой миграцией, то есть массовым притоком жителей предместий в черту города во время их пути к месту работы и столь же резким оттоком при их следовании домой. Такие массовые перемещения населения, происходящие в определенные часы суток, становятся причиной образования заторов, потерь рабочего времени, чрезмерного загрязнения воздуха выхлопными газами и т. д. Одним из способов решения вышеперечисленных проблем может стать реализация проектов по развитию пригородного общественного транспорта.

Также решению транспортной проблемы может способствовать стремительное развитие интернет-коммуникаций и IT-технологий, и, как итог, рост числа так называемых удаленных вакансий. Сегодня у некоторых сотрудников нет надобности ежедневно посещать свое рабочее место в офисе, и они могут выполнять свои непосредственные обязанности за персональным ком-

пьютером, не выходя из дома или находясь в любой точке мира. В научных кругах даже появилась весьма оригинальная теория возникновения всемирной деревни. Ее сторонники говорят о том, что рано или поздно стремительный рост мегаполисов должен замедлиться и даже прекратиться из-за того, что постепенно все виды работ в информационно-коммуникативной сфере будут выполняться исключительно удаленно.

Еще одной производной урбанизации является процесс рурбанизации. Под ним следует понимать явления, связанные с распространением условий и форм жизни, присущих для города, в сельских населенных пунктах. В том числе, в ходе рурбанизации может происходить перемещение в пригороды и сельские районы различных экономико-хозяйственных объектов, типичных для города, и, как следствие, миграция жителей мегаполиса в предместья или поселения сельского типа.

В государствах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки сегодня можно наблюдать еще один тип урбанизации – так называемую ложную урбанизацию. Причиной возникновения данного процесса стал демографический взрыв. Ложная урбанизация характеризуется стремительным ростом числа жителей мегаполисов на фоне недостаточного количества рабочих мест. Население городов крайне быстро увеличивается за счет миграции жителей из страдающих от перенаселения сельских районов страны [8, с. 231-232]. В большинстве своем такие мигранты обречены на безработицу, так как производственная и непромышленная сферы города не могут дать достаточное количество вакансий для трудоустройства всех желающих. Еще одна проблема связана с недостатком жилья. В результате на окраинах мегаполиса образуются целые районы трущоб с антисанитарными условиями для жизни.

Если говорить об урбанизации как о глобальном процессе, то сегодня можно выделить два противоположных мнения относительно дальнейших перспектив

его протекания. Одни специалисты говорят о том, что урбанизация практически достигла максимально возможных пределов, поэтому в скором будущем возможно начало другого глобального процесса, связанного с децентрацией. Вторая группа исследователей уверена в том, что процесс урбанизации продолжится и в дальнейшем. Тем не менее урбанизация с течением времени будет эволюционировать, меняясь по форме, содержанию и пространственной структуре в зависимости от особенностей того или иного государства.

Литература

1. Park R., Burgess E. W., McKenzie R. D. *The City*. Chicago, 1925.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Социологические прогулки. Город ногами социолога. 2009. URL: <http://www.urban%club.ru/?p=99> (дата обращения: 11.01.2019)
3. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. №2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html> (дата обращения: 03.05.2019)
4. Фуко М. Другие пространства. Гетеротопии // Проект International. 2007. № 19. С. 170–179
5. Социальное пространство большого города / Под ред. Г. В. Еремичевой. СПб.: СИ РАН филиал ФНИСЦ РАН, 2018. С. 392
6. Budenbender M. The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015 // *Antipod*. 2017. Vol. 49(2). P. 294–313.
7. Golubchikov O. Urban planning in Russia: towards the market // *European Planning Studies*. 2004. Vol. 12. P. 229–247
8. Вильковский М. Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. С. 590

Social background and prospects of modern urbanization processes

Garnaga A.F., Dorofeeva N.N., Dorofeev E.P.
Pacific National University

The article considers urbanization as a global process. Today, it is characterized by the growth of large cities and megacities due to the development of

suburban territories-suburbanization, in which citizens form local settlements in an organized or spontaneous manner. A distinctive feature of such suburbs is the belated development of infrastructure-to provide residents with jobs, educational institutions, service institutions and other areas of the city. At the same time, residents of suburbia do not become rural residents, although they have some features of the organization of life in the village – development of private single – family homes or townhouses, the presence of a private yard, the possibility of subsistence farming-they continue to work and study in the city. Often the settlements themselves are located directly within the city limits. The process of suburbanization is also associated with an increase in urban transport load, motorization of the population during the formation of suburbia increases significantly, since residents need to independently get to other areas of the city to the place of employment, and public transport in spontaneously organized areas is usually unavailable.

Another derivative of the modern process of urbanization is rurbanization. Unlike suburbanization, this process is characterized by the perception of rural areas and urban life. At the same time, it is not the residential function that moves to the suburbs and rural areas, but the production function. Areas of residence are also formed based on the location of economic and economic objects.

A dangerous process of urbanization today is the so-called "false urbanization". It is characterized by a large flow of migrants from rural areas and suburbs to cities that are not able to provide the necessary amount of housing and jobs. As a result, the formation of disadvantaged areas and even segregation within large cities.

Keywords: urbanization, suburbanization, rurbanization, suburbia.

References

1. Park R., Burgess E. W., McKenzie R. D. *The City*. Chicago, 1925.
2. Virt L. Urbanizm kak obraz zhizni // *Sociologicheskie progulki. Gorod nogami sociologa*. 2009. URL: <http://www.urban%club.ru/?p=99> (data obrashcheniya: 11.01.2019)
3. Lefevr A. Social'noe prostranstvo // *Neprikosnovennyj zapas*. 2010. №2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html> (data obrashcheniya: 03.05.2019)
4. Fuko M. Drugie prostranstva. Geterotopii // *Proekt International*. 2007. № 19. С. 170–179
5. Social'noe prostranstvo bol'shogo goroda / Pod red. G. V. Eremichevoj. SPb.: SI RAN filial FNISC RAN, 2018. S. 392
6. Budenbender M. The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015 // *Antipod*. 2017. Vol. 49(2). P. 294–313.
7. Golubchikov O. Urban planning in Russia: towards the market // *European Planning Studies*. 2004. Vol. 12. P. 229–247.
8. Vil'kovskij M. B. *Sociologiya arhitektury*. M.: Fond «Russkij avangard», 2010. P. 590.

Институт комплектования военно-социальных групп, выполняющих профессиональные задачи в условиях повышенной депривации, как объект изучения военной социологии

Евенко Сергей Леонидович,

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ФГКВБОУ ВО «Военный университет» МО РФ, slevenko@yandex.ru

Тимофеев Максим Олегович,

адъюнкт кафедры социологии ФГКВБОУ ВО «Военный университет» МО РФ, Maks0890@yandex.ru

В статье на основе теоретико-методологического анализа описана сущность, функции, место и роль института комплектования в военно-социальной организации. Автор уточняет классические и современные социологические концепции применительно к понятийно-категориальному аппарату военной социологии в части социального регулирования формирования военно-функциональных групп, выполняющих задачи в различных условиях возможностей социального взаимодействия военнослужащих с окружающей социальной среды по месту дислокации. В статье представлен авторское обоснование уточненного понятийно-категориального аппарата в области социологии военного управления, функционирования военно-социальных институтов и социальных условий военно-профессиональной деятельности в условиях депривации. Отдельно охарактеризована специфика комплектования подразделений, выполняющих задачи в условиях социальной депривации.

Ключевые слова: военная социология, военно-социальные группы, институты комплектования, военно-профессиональная деятельность, социальная депривация, социальная диагностика.

Введение

Институт военной службы продолжает играть важную, а в ряде случаев и решающую роль в обеспечении национальных интересов Российской Федерации, реализую функции предупреждения военного нападения на нашу страну, постоянно наращивая и сохраняя оборонительный потенциал.

Содержание этого института включает организационно-штатный, военно-технический, кадровый, служебно-боевой, нормативно-правовой, военно-политический, научно-образовательный и иные компоненты, которые в совокупности обеспечивают функциональность военной организации российского социума.

Оптимальная численность и структура функционально-боевых структур, качество субъектов военной деятельности требует эффективного функционирования институтов обеспечения, среди которых особую роль играет институт комплектования личным составом, который имеет в нашей стране законодательное закрепление [21; 22, статья 12]. Это в свою очередь обуславливает интерес военных социологов к раскрытию его сущности, содержания, способности использовать релевантные механизмы насыщения подразделений, выполняющих задачи в различных условиях, в том числе условиях повышенной социальной депривации, квалифицированным и мотивированным персоналом.

Литературный обзор

Изучение институциональных аспектов процесса комплектования войсковых подразделений опирается на соот-

ветствующую источниковую базу, в которой прежде всего необходимо выделить диссертационные исследования [1; 4; 5] и публикации, которые подтверждают научный статус военной социологии [7; 15; 16].

Интересные материалы научных исследований работы с личным составом, мотивирования, подготовки и использования военного персонала, которые позволяют их использовать для дальнейшего раскрытия проблем кадровой работы, подбора, распределения и обеспечения условий для успешной военно-профессиональной деятельности [8].

Социальные механизмы обеспечения достойного уровня жизни и создания благоприятных условий для военной службы традиционно раскрываются в работах по военной социологии в рамках концепции социальной защиты, социального работника, социальной помощи [10].

Очень близка к рассматриваемой проблематике функционирования института комплектования работы, связанные с исследованием социального смысла военно-профессиональной деятельности, профессионализма, рационального использования военных кадров с различным штатно-должностным предназначением [6; 11].

Особое значение для раскрытия институционального смысла системы комплектования в Вооруженных Силах Российской Федерации имеют научные работы, которые содержат результаты проблематики военно-социального управления [2; 3; 9; 13], а также подготовки личного состава, подразделений, частей, соединений, объединений, в целом военной организации к вооруженной борьбе [18].

При исследовании социальной депривации, как особого фактора военной службы и комплектования личным составом для обособленных (автономных, изолированных) подразделений, частей и соединений, имеется также возмож-

ность привлечь соответствующие научные наработки отечественных авторов [12].

Совокупность научно-практических наработок по заявленной проблеме позволяет на основе их анализа перейти к разработке новых аспектов функционирования института комплектования в военной организации, в том числе с учетом фактора социальной депривации.

Теория и методы

Методологические основы изучения института комплектования военной организации формируются на основе использования концептуальных построений и научных наработок общей социологии, социологии институтов и организаций, социологии управления, военной социологии, социологии безопасности.

Изучение социальных феноменов опирается на уточненный на основе соответствующей концепции понятийно-категориальный аппарат.

Для целей научного изучения заявленной предметно-объектной области институт комплектования военной организации определяется как механизм воспроизводства постоянно повторяющихся и воспроизводящихся военно-социальных отношений и практик подбора, распределения и закрепления статусно-ролевого положения субъектов военно-профессиональной деятельности в конкретно-социальной системе штатно-должностного взаимодействия в соответствии с функционально-боевым предназначением военной организации общества, средний и малых военно-социальных организационных образований (подразделений, частей, соединений).

В свою очередь под *социальной депривацией* условий военной службы понимается снижение или отсутствие у военнослужащих возможности осуществлять коммуникации с местным населением, пользоваться возможностями социально-культурной и социально-бытовой инфраструктуры по месту дислокации воинских подразделений, частей и соединений,

функционально и культурно взаимодействием с местным сообществом.

Выявление существенных социальных характеристик содержания, функционирования и трансформации института комплектования военной организации и описание специфики его функционирования при решении кадровых вопросов военно-функциональных структур, выполняющих задач в условиях повышенной социальной депривации, проведено в ходе реализации в июне-сентябре 2020 года авторского социологического проекта «Комплектование-21» (Руководитель – Тимофеев М.О., научный консультант – д.с.н., профессор Евенко С.Л. Архивные материалы размещены в научном архиве кафедры социологии Военного университета). Исследовательский проект включал проведение двух социологических исследований: а) первое – исследование «Комплектование-21(концепт)» посвящено выявлению теоретико-методологических проблем статуса и функционирования института комплектования в современных условиях, в ходе которого опрошено 57 экспертов из числа научных работников, профессорского преподавательского состава военных образовательных организаций (уровень согласованности мнений экспертов $W=0,86$); б) второе – исследование «Комплектование-21(континуум)» связано с выявлением на основе экспертного опроса показателей состояния, проблем и противоречий, детерминации и характеристик трансформации института комплектования военной организации применительно к фактору социальной депривации (всего опрошено 81 эксперт из числа должностных лиц структур комплектования, военных комиссариатов, должных лиц органов военного управления, работников кадровых служб, командиров подразделений; степень согласованности участников экспертного опроса $W=0,79$).

Анализ результатов, Основные результаты

На основе социологической институциональной концепции системы (про-

цесса) комплектования военной организации представляется возможным объединить в **комплексной исследовательской технологии** методологию и методы различных наук:

а) права – в части нормативно-правовых требований к обороне и военной службе, статусу военнослужащих, содержанию документов национальной безопасности и стратегического планирования;

б) военного управления – в части обеспечения функциональности в целом военной организации и ее отдельных компонентов на основе поддержания их боеспособности – военно-технической, организационно-управленческой, профессионально-коммуникативной (индивидуальной и групповой);

в) психологии и педагогики – в части учета социально-психологического статуса и личностного потенциала персонала и выявления адаптивного потенциала к условиям социальной депривации отдаленных гарнизонов и замкнутых функционально-боевых пространств, а также обучения и подготовки кадров;

г) кадрового менеджмента – в части квалификации предрасположенности и способности персонала к выполнению специфических задач в специфических условиях, логистики распределения и движения субъектов военно-профессиональной деятельности в интересах военной организации.

Социологическая институциональная концепция системы (и одновременно процесса) комплектования предполагает выделение таких социальных характеристик, как: массовый, постоянно воспроизводящийся феномен; придания ценности и важности этих социальных практик; наличия подготовленных, с особыми статусно-ролевыми позициями субъектов и специальных организационных структур; выделения ресурсов на поддержание характеризующих социальных практик.

Нормативно-правовой компонент института комплектования военной организации опирается за закрепление ее содержания, функций и механизмов

формирования в рамках соответствующих юридических регламентов, которые реализуют теории административного права и военного права [19; 20].

Характеризуя структурно-функциональные аспекты института комплектования в военной организации, необходимо обратить внимание на процесс подбора личного состава и назначения военнослужащих на соответствующие должности как в соответствии со штатно-должностным предназначением, так и условиями прохождения военной службы, особенностями воинского уклада жизни, повседневной и служебно-боевой деятельности подразделений, частей, соединений.

В целях научного анализа имеется возможность выделить социальные условия военной службы, связанной с автономностью, обособленностью воинских коллективов от окружающей системы жизнедеятельности административно-территориальных образований – местных сообществ, населенных пунктов, центров культуры и общения, что порождает при высокой степени раз-

рыва коммуникаций по месту расположения воинских частей феномен социальной депривации.

На основе проведенного теоретического анализа представляется возможным ввести в научный оборот военной социологии определение *процесса комплектования военно-социальных групп, выполняющих профессиональные задачи в условиях повышенной депривации*, как военно-социального института, представляющего собой организационно-функциональный механизм обеспечения эффективного воспроизводства социальных практик подбора, распределения и включения субъектов военно-профессиональной деятельности в нормативные функциональные отношения функционально-боевых организационных структур (подразделений, частей и соединений), которые в силу своей обособленности (автономности, изолированности), не имеют либо имеют существенно ограниченные возможности социального взаимодействия с местными сообществами и пользования социальной инфраструктурой по месту дислокации.

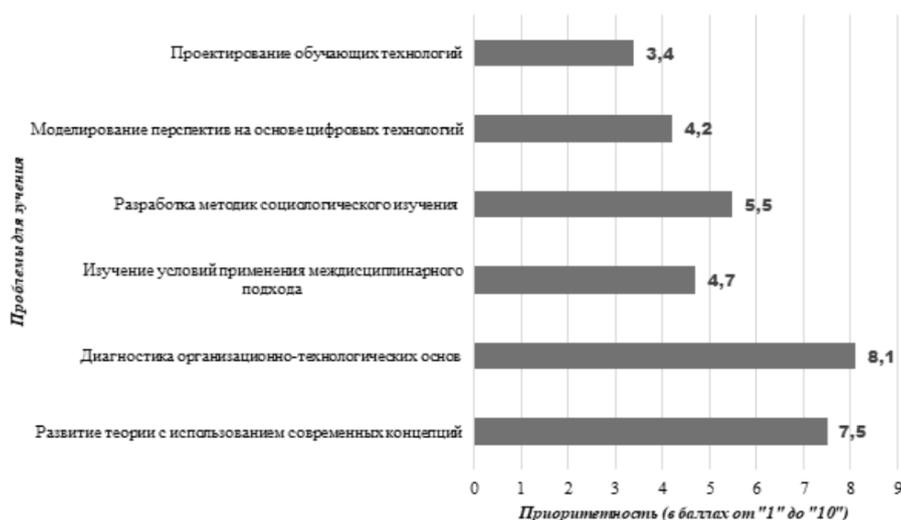

Рисунок 1 – экспертные оценки приоритетности социологического изучения проблем института комплектования военной организации (по материалам собственного исследования)

Приоритетность военно-социологического исследования отдельных аспектов институциональной проблематики была выявлена, в частности, в ходе авторского социологического исследования на основе экспертного метода, что отражено на рисунке 1.

По мнению экспертов в первоочередном порядке требуют изучения следующие теоретико-прикладные проблемы:

- развитие методологических основ определения места и роли института комплектования военной организации с учетом современных концепций общества риска, нелинейности развития, амбивалентности управленческого воздействия на военно-социальные явления и процессы – 7,5 баллов (по десятибалльной шкале);

- социальная диагностика организационно-технологических основ института комплектования с точки зрения их результативности, эффективности, технологичности, регламентов системы качества – 8,1 баллов;

- исследование возможностей, социальных коллизий и пределов допустимости использования междисциплинарного подхода к уточнению содержания и функций института комплектования военной организации применительно к особенностям условий прохождения военной службы с разной степенью социальной депривации – 4,7 баллов;

- расширение арсенала экспериментальных социологических исследовательских методов определения функциональности института комплектования военной организации на основе изучения социального самочувствия и успешности военнослужащих, проходящих военную службу в условиях повышенной депривации – 5,5 баллов;

- обоснование перспективных моделей функционирования института комплектования военной организации на основе цифровизации, с более полным использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет» в части получения обобщенной и адресной

информации о призывниках, кандидатов на прохождение военной службы по контракту – 4,2 балла;

- социальное проектирование виртуальных сред и цифровых тренажеров для развития личностных качеств и сплочения военно-функциональных групп, которые повышают потенциал противодействия негативным факторам социальной депривации, что позволит при их использовании в системе боевой учебы с военнослужащими, проходящими службу по призыву, а также в кадровой работе, системе военно-профессиональной подготовки, расширить возможности института комплектования военной организации по направлению в подразделения с высоким уровнем депривации необходимого пополнения личным составом – 3,4 баллов.

В целях реализации преобразующей функции социологического знания, предлагаются **направления** дальнейшей институционализации процесса комплектования военно-социальных групп, выполняющих повседневные и функционально-боевые задачи в условиях повышенной депривации. Исходя из структурно-функционального подхода, эти направления выделены в соответствии с функциями поддержания гомеостаза и устойчивого развития социальных систем [14; 17]. При этом в рамках научного анализа институт комплектования военной организации вполне обоснованно можно рассматривать в организационно-управленческом дискурсе в качестве социальной системы.

Первое. В рамках реализации функции поддержания нормы в рассматриваемом институте, как системе целесообразно: б) провести социально-правовой анализ правоприменительной практики и юридических коллизий в решении задач комплектования подразделений с различными условиями социальной депривации, на основании чего обосновать предложения по совершенствованию нормативно-правовых механизмов процесса комплектования; б) уточнить административные

(организационно-технологические) регламенты определения пригодности кадрового состава и призывного контингента к прохождению военной службы в условиях социальной депривации и другие.

Второе. Для реализации функции целедостижения во внешней ориентации института комплектования как системы важно: а) провести научное изучение на основе теории социального управления оптимальности нормативно закрепленных целей, задач, функций и сферы полномочий органов комплектования Вооруженных Сил с институциональным предназначением и особенностями функционирования института военной службы, военно-социальной организации государства в современных военно-политических условиях и уровне развития военного дела (сил и средств вооруженной борьбы, а также тактики, оперативного искусства и стратегии военного дела), при необходимости уточнить целеполагание и условия целедостижения с нормативным закреплением; б) провести дополнительную научную разработку проблем гармонизации социального взаимодействия военно-социальных структур (конкретно – института комплектования, связанного с потребностями военной организации) и военнослужащего, как субъекта военно-социальных отношений, с его интересами, мотивами и возможностями в контексте принятия решений о формировании штата и кадрового резерва подразделений (частей, соединений) с различными уровнями социальной депривации условий службы и выполнения служебно-боевых задач и другие.

Третье. В процессе реализации функции интеграции компонентов института комплектования как системы необходимо: а) провести социальный аудит технологичности (оптимальности, социальной результативности и социальной эффективности) деятельности института комплектования, на основе чего выявить проблемные вопросы его структуры, органов управления, процессов реализации управленческих решений; б) предусмотреть проведение со-

циальных экспериментов по определению целесообразности внедрения усовершенствованной структуры и форм работ по комплектованию в форме сценарных деловых игр, экспертных обсуждений и форсайт-сессий; в) расширить перечень и ввести в практику деятельности субъектов органов комплектования уточненные социологические, социально-психологические и психо-физиологические методики определения потенциала личности военнослужащих с точки зрения возможности адаптации к условиям депривации и другие.

Четвертое. При осуществлении мер реализации функции адаптации института комплектования как системы вполне обоснованным является: а) осуществление мероприятий научного обеспечения деятельности; б) развитие профессиональных компетенций кадрового потенциала служб комплектования; в) формирование социологических информационно-аналитических компонентов в структуре органов комплектования и в целом совершенствование социологического обеспечения характеризуемой области военно-социальных отношений; г) проведения активной информационной работы по вопросам призыва и набора на военную службу, выявления путем создания условий для инициативных обращений у призывников и кандидатов для прохождения военной службы по контракту социальных установок и предпочтений для выполнения служебно-боевых задач в условиях депривации и другие.

Реализация взаимосвязанных мероприятий органами военно-социального управления на этих направлениях должно входить в общие планы совершенствования военно-институциональных компонентов обеспечения военной и национальной безопасности нашей страны и осуществляться на системной методологической и методической базе военной социологии.

Заключение/Выводы

Таким образом, изучение сущности и функционирование института ком-

плектования военно-профессиональных групп военной организации российского социума входит в перечень приоритетных проблем военной социологии, которая способная на основе теоретических разработок и экспериментальных исследований провести научно-практическую разработку этой области военно-социальных отношений и насытить органы военно-социального управления рекомендациями по обеспечению высокой функциональности процессов комплектования подразделений в целом, а также выполняющих в условиях повышенной социальной депривации в частности.

Литература

1. Беляев, А.М. военная социология в России на рубеже XIX - XX веков (генезис метода и становление этических норм). Автореф... д-ра социол. наук. М., 2003.
2. Бондаренко, В.Ф. Социология военного управления // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 343-345.
3. Бондаренко, В.Ф., Тимошев, Р.М. Социология военного управления в системе военно-социологического знания // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 2 (30). С. 9-15.
4. Бразевич, С.С. Военная социология в России: идеи, проблемы, опыт (середина XIX - начало XX вв.). Автореф.... канд. социол. наук. СПб., 1997.
5. Ведерников, В.Н. История военной социологии: генезис, проблемы и перспективы развития. Автореф... канд. социол. наук. М., 1996.
6. Гришай, В.Н. Социология военного профессионализма в современной российской армии. Автореф... д-ра. социол. наук. Ставрополь, 2002.
7. Грошев, И.Л. Военная социология: проблемы и траектория развития // Вестник ВЭГУ. 2017. № 1 (87). С. 43-54.
8. Ермолов, Н.А., Карлова, Е.Н. Мотивация к военной службе как предмет теоретических и эмпирических исследований в военной социологии // Academy. 2018. № 1 (28). С. 96-100.
9. Зубов, И.В., Кочергин, В.Б. Социология военного управления: задачи, функции и дисциплинарная специфика в трудах отечественных исследователей // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 4. С. 24.
10. Карпухин, С.В. Военная социология и основные проблемы социальной защиты военнослужащих в России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2006. № 3 (48). С. 209-211.
11. Кобакин, М.В. Аналитические компетенции кадров в сфере национальной безопасности: проблемы формирования // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2018. №4-2(12). С.94-97.
12. Котляров, С.Е. Социальная депривация как механизм социально-экономического реформирования современного российского общества. Автореф. канд... социол. наук. Ставрополь, 2006. – 22 с.
13. Кочергин, В.Б., Панова, А.В. Социология управления в военной сфере: академическая специфика, задачи, функции, региональный фактор // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 3 (42). С. 76-84.
14. Мертон, Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: МОСКВА-ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
15. Образцов, И.В. Процесс институционализации военной социологии в России // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 134-145.
16. Образцов, И.В. Российская военная социология сегодня // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 168-173.
17. Парсонс, Т. Социальная система = The Social System. М., Академический проект, 20018. – 529 с.
18. Першуткин, С.Н. Социология войны: возможности и проблемы использования в изучении военных конфликтов XXI века (политико-социологи-

ческие аспекты) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2 (19). С. 167-175.

19. Положение о пункте отбора на военную службу по контракту (утверждено Приказом Минобороны России от 7 декабря 2015 г. №730).

20. Руководство по организации комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами (матросами), сержантами (старшинами), прапорщиками (мичманами), проходящими военную службу по контракту (утверждено Приказом Минобороны России от 7 декабря 2015 г. №733).

21. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»

22. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. №61-ФЗ «Об обороне»

Institute of recruitment of military-social groups that perform professional tasks in conditions of increased deprivation, as an object of study of military sociology

Evensko S.L., Timofeev M.O.
Military University Ministry of defense of the Russian Federation

The article describes the essence, functions, place and role of the recruitment Institute in the military-social organization on the basis of theoretical and methodological analysis. The author clarifies the classical and modern sociological concepts in relation to the conceptual and categorical apparatus of military sociology in terms of social regulation of the formation of military functional groups that perform tasks in various conditions of opportunities for social interaction of military personnel with the surrounding social environment at the place of deployment. The article presents the author's justification of the refined conceptual and categorical apparatus in the field of sociology of military management, the functioning of military social institutions and social conditions of military professional activity in conditions of deprivation. The specifics of recruiting units that perform tasks in conditions of social deprivation are described separately. The ways of expanding military-sociological research in this area, which is of particular importance in the conditions of dispersed deployment of military-social communication and management infrastructure, are presented.

Keywords: military sociology, military social groups, recruitment institutions, military professional activity, social deprivation, social diagnostics.

References

1. Belyaev, A.M. military sociology in Russia at the turn of the XIX - XX centuries (Genesis of the method and formation of ethical norms). Avtoref... d-RA sotsiol. nauk. M., 2003.
2. Bondarenko, V. F. Sociology of military management // Znanie. Understanding. Skill. 2012. no. 3. pp. 343-345.
3. Bondarenko, V. F., Timoshev, R. M. Sociology of military management in the system of military-

- sociological knowledge // Scientific and informational magazine Army and society. 2012. No. 2 (30). pp. 9-15.
4. Brazevich, S. S. Military sociology in Russia: ideas, problems, experience (mid-XIX - early XX centuries). Cand. 5. Vedernikov
5. History of military sociology: Genesis, problems and prospects of development. Author's abstract... Cand. 6. Grishay
6. Sociology of military professionalism in the modern Russian army. Abstract of thesis Doct. social Sciences. Stavropol, 2002.
7. Groshev, I. L. Military sociology: problems and development trajectory // VEG Bulletin. 2017. No. 1 (87). Pp. 43-54.
8. Ermolov, N. A., Karlova, E. N. motivation for military service as a subject of theoretical and empirical research in military sociology // Academy. 2018. No. 1 (28). pp. 96-100.
9. Zubov, I. V., Kochergin, V. B. Sociology of military management: tasks, functions and disciplinary specifics in the works of domestic researchers // Mir nauki. Sociology, Philology, cultural studies. 2019. Vol. 10. No. 4. P.24.
10. Karpukhin, S. V. Military sociology and the main problems of social protection of military personnel in Russia // Scientific and technical Bulletin of the Saint Petersburg state Polytechnic University. Economics. 2006. No. 3 (48). Pp. 209-211.
11. Kibakin, M. V. Analytical competencies of personnel in the sphere of national security: problems of formation // Humanitarian Bulletin of The military Academy of strategic missile forces. 2018. No. 4-2(12). P. 94-97.
12. Kotlyarov, S. E. Social deprivation as a mechanism of socio-economic reform of modern Russian society. PhD in social Sciences. Stavropol, 2006. – 22 p.
13. Kochergin, V. B., Panova, A.V. Sociology of management in the military sphere: academic specifics, tasks, functions, regional factor // Region: systems, economy, management. 2018. No. 3 (42). Pp. 76-84.
14. Merton, R. K. Social theory and social structure. – Moscow: AST: MOSCOW-KEEPER, 2006. – 873 p.
15. Obraztsov, I. V. The process of institutionalization of military sociology in Russia. 2014. No. 7 (363). Pp. 134-145
16. Obraztsov, I. V. Russian military sociology today // Sociological research. 2019. No. 7. Pp. 168-173.
17. Parsons, T. Social system = The Social System. M., Academic project, 20018. – 529 p.
18. Pershutkin, S. N. Sociology of war: opportunities and problems of use in the study of military conflicts of the XXI century (political and sociological aspects) // Humanitarian problems of military Affairs. 2019. No. 2 (19). Pp. 167-175.
19. Position on item selection for military service under the contract (approved by Order of the Ministry of defense of Russia from December 7, 2015 No. 730).
20. Guidelines for the organization of recruitment to the Armed Forces of the Russian Federation soldiers (sailors), sergeants (petty officers), warrant officers (or warrant officers), passing military service under the contract (approved by Order of the Ministry of defense of Russia from December 7, 2015 No. 733).
21. Federal law of March 28, 1998 №53-FZ "On military duty and military service"
22. Federal law of may 31, 1996 №61-FZ "On defense»

Семья как субъект формирования человеческого капитала (на материале Республики Хакасия и юга Красноярского края)

Ибрагимов Радий Назибович,

доктор философских наук, доцент, кафедра менеджмента, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», dison1@mail.ru

В статье анализируется проблема состоятельности семьи как инвестора в человеческий капитал в условиях конкретного региона. Анализу подвергается эффективность реализации следующих функций: физиологического воспроизводства, первичной социализации, легализации секса, локализации атмосферы уюта, локализации атмосферы защищенности, ведения хозяйства, наследования, организация бюджета. Функция формирования человеческого капитала органически связана со всем комплексом перечисленных выше функций. И продуктивность данной функции под вопросом, поскольку почти все остальные функции находятся в состоянии деградации.

В ходе исследования автор обосновывает ряд таких положений, как: 1) физиологическая производительность общества обратно пропорциональна вероятности возврата добавочной стоимости индивида; 2) объект насилия в семье – это, прямо или косвенно, субъект усмотрения насилия; 3) генетическая обусловленность повышенной вероятности капитализации человека выводит социальный институт семьи на первое место среди субъектов-инвесторов человеческого капитала.

Ключевые слова: семья, человеческий капитал, субъект капитализации

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00365

Введение

В ходе работы над темой «Проблемы эффективного использования человеческого капитала в регионе» у исследовательской группы возникла необходимость детализации понятия субъекта капитализации применительно к социальному институту семьи.

В нашем понимании субъектность – это *способность социальной группы, организации или института выступать самостоятельным, морфологически обособленным источником целеполагающей деятельности и/или смыслообразования.*

Семья – это и малая группа, и социальный институт. Применительно к семье как социальной группе вопросов эмпирического характера не возникает: официальная статистика даёт конкретные цифры (около 200000 зарегистрированных браков), данные по фактическим сожительствам с совместным ведением хозяйства более размыты, но колеблются в том же диапазоне. Субъектность каждой из них очевидна и доступна.

Как институт *семья – это типическая социальная конструкция в типических социальных условиях.* И субъектность здесь образуется не явочным порядком, а «заочно». При этом доля умозрительности в конструкции «социальный институт семьи», естественно, на порядок выше. Но именно институциональный подход даёт возможность выявлять какие-либо закономерности в функционировании объекта – при усло-

вии, что и функциональный анализ будет отличаться полнотой и адекватностью.

Например, в условиях провинции следовало бы предположить большую долю естественного традиционализма, чем в мегаполисах. Республика Хакасия (далее – РХ) и находящийся на востоке от нее юг Красноярского края (далее – ЮКК) – типичный пример. Здесь вообще нет крупных городов; в РХ доля сельского населения – более 30%, а в южных районах Красноярья – более 50%. Казалось бы, всё здесь способствует процветанию социального института семьи.

Однако реальные социальные показатели и их элементарный функциональный анализ вовсе не способствуют такому оптимизму. Статистика разводов, имущественных тяжб, бытового насилия, беспризорности и безнадзорности в целом не отличается от общероссийской – в целом неблагоприятной [11]. О кризисном состоянии семьи в других российских провинциях говорят многие исследователи: Л.В. Бондаренко [1], А.А. Миронова, Л.М. Прокофьева [7], Р.Н. Валиахметов [2] и др. Это с логической необходимостью сказывается на функции субъектности семьи в процессе формирования человеческого капитала.

Но для того, чтобы выявить реальный потенциал субъектности семьи, необходимо произвести структурно-функциональную инвентаризацию всех социальных функций этого института, определить механизм взаимодействия этих функций в условиях реального региона. Главной исследовательской проблемой здесь является неоднозначность связи функции инвестора в человеческий капитал с другими функциями семьи.

Практически все определения семьи сходятся [см. напр. 11, С.408] на 3-х основных функциях – демографической, экономической и социально-психологической, которые при ближайшем рассмотрении распадаются еще на несколько социальных функций.

Демографические функции семьи

Функция физиологического воспроизводства. Патриархальные времена, когда социально полноценными признавались лишь дети, рожденные и воспитанные в полноценной семье с брачной парой в «центре», или хотя бы многоуровневой семье, обеспечивающей ребенку внимание и защиту, давно миновали. [10, С. 24-25] Сейчас не только в мегаполисах, но и в глубинке дети часто рождаются в неполных семьях. В структурно-функциональном аспекте такая семья лишь частично соответствует словарному эталону. В нашем регионе растет не только количество таких семей, но и толерантность общества к ним.

При этом собственно физиологическое воспроизводство в регионе уже давно находится в стагнации: в РХ количество населения уже более 30 лет колеблется в диапазоне 560-580 тыс. чел.

В плане формирования человеческого капитала функция физиологического воспроизводства важна, так как создает первичный субстрат, на который, по возможности, накладывается искомым предикат (рентабельность). Проще говоря, чтобы был капитал, нужны люди. Чем их больше, тем, в перспективе, выше вероятность распространения предиката «капитализируемое свойство». Но в дискурсе «человеческий капитал» (далее – «ЧК») это слишком простая, примитивная логика.

Наиболее развитые в отношении НС страны – это как раз примеры угасающей функции деторождения. Именно здесь проявляется демографический смысл теории ЧК: *физиологическая производительность общества обратно пропорциональна вероятности возврата добавочной стоимости индивида.* Иначе говоря, капитализация человека призвана играть демографически компенсаторную роль.

Функция *первичной социализации* обычно упаковывается вместе с предыдущей, что, на наш взгляд, особенно ошибочно в настоящее время. Механизм социального отчуждения разводит

и часто ввергает в противоречие социальные роли ребенка, матери, отца, бабушки-дедушки и других родственников. Привлеченные нами эксперты-психологи, например, в числе важнейших причин разводов называют самоустранение отцов от воспитательных функций, неумение и нежелание «возиться» с собственными детьми. Напомню, по статистике в нашем регионе распадаются 77% браков [9, С.83], так что проблема отстранения от участия в первичной социализации имеет устойчивые онтологические очертания. Довольно часто встречается также ситуация, когда родители надолго или навсегда «сбрасывают» детей на попечение бабушкам, дедушкам и другим родственникам.

Но это были примеры скрытого отчуждения. Нельзя упускать из виду, что институциональным, формализованным и легализованным отчуждением с более чем столетним стажем является система дошкольного воспитания, перетянувшая на себя почти всю процессуальную часть первичной социализации. Опрос родителей-клиентов детских садов в РХ показал, что 56,6%, не стесняясь относятся к дошкольным учреждениям как к «камерам хранения». Еще 14,7% отнесены к этой же категории по косвенным признакам.

Еще одно проявление отчуждения – развитие института приемных семей. Превращение внутрисемейной социализации приемных детей в источник постоянного дохода неотвратимо усиливает эффект отчуждения. Особую специфику этому эффекту придают условия экономически депрессивной провинции. Один из наших экспертов из ведомства Уполномоченного по правам ребенка приводит вопиющий пример: в отдаленном районе семьи «для галочки» меняются детьми, которые «буквально перебегают через дорогу» из родной семьи в приемную и обратно! Нечто подобное имеет место и в других российских регионах.

Функции создания и поддержания эмоционально-психологического комфорта

В действительности здесь подразумеваются как минимум три более конкретные и достаточно четко отличающиеся друг от друга функции – 1) легализации секса, 2) локализация атмосферы уюта и 3) локализация атмосферы защищенности. Далее по списку.

Легализация секса в обществах разного типа происходит по разным социальным сценариям. Для доиндустриального типа характерно сочетание стихийного и сакрального контроля, которые в конкретных ситуациях вполне могут пересекаться. В индустриальном обществе легализация приобретает искусственно-бюрократический характер. Постиндустриальное общество в данном вопросе точно отражается в тропе «сексуальный постмодерн». Императив внутрисемейного секса ослабляется или исчезает вовсе, партнерство приобретает эклектический характер, всё большую роль в половой жизни человека играют субъективность и виртуальность.

В любом сложноорганизованном обществе, в том числе и в региональной конкретизации данные типы сосуществуют одновременно, но в разных пропорциях. В провинции, естественно, патриархальная легализация секса представлена сильнее. Однако глобализационные тенденции проникают и сюда: адюльтер и проституция стали здесь обыденностью, хотя их статистические очертания требуют специальных исследований.

Соответственно, выведение функции легализации секса за пределы функциональных полномочий семьи пропорционально сокращает ее влияние на формирование человеческого капитала, каким бы оно ни было.

Локализация атмосферы уюта. Отражена в субъективно-психологическом эвфемизме «гнёздышко» и показывает, насколько важен этот фактор. Создание и поддержание атмосферы уюта – это

повседневный этический и эстетический праксис, и в этом качестве имеет прямое отношение к формированию ЧК. Детерминация «человеческих качеств» локусом семейной идиллии имеет противоречивый характер и нуждается во фронтальных лонгитюдных исследованиях, но отрицательная корреляция здесь бесспорна: бомжевание точно не вырабатывает человеческого капитала.

Несогласованность представлений о бытовом комфорте редко бывает решающей при разводах, зато почти всегда играет фоновую роль. Наши эксперты (семейные психологи), например, упоминая причины внутрисемейных напряжений, давали «бытовой неустроенности» от 3 до 5 баллов по 10-балльной шкале.

Эта функция имеет непосредственный смысловой выход на экономическую проблематику, поскольку эстетическое обустройство «гнездышка» всё отчетливее обретает финансовое оформление и детерминацию.

Функция *локализации атмосферы защищенности*, как и предыдущая, имеет существенную субъективно-конструктивистскую составляющую. Иными словами, речь идёт не о реальной безопасности, а об ощущении, как, например, в статье Н.Е. Покровского и др. [8, С.73] Объективно безопасность семьи исторически развивается от патриархального «дома-крепости» в сторону «квартиры-пенала» в постиндустриальном мегаполисе. И только усиленная социально-психологическая обработка сознания способна породить ощущение, будто картонные стены пенала безопаснее каменной башни, защищаемой всей семьей с оружием в руках.

Надо заметить, что тема оружия и насилия чрезвычайно редко всплывает в дискурсе «ЧК». А между тем это не праздный вопрос, поскольку способность убивать потенциально капитализируется так же, как и способность писать компьютерные программы, если не эффективнее. Логически ничто не препятствует рассмотреть колумбийскую мафию как вариант инвестиции в человека-боевика или человека-киллера.

При таких уточнениях вопрос корреляции этой функции с задачей и перспективой формирования ЧК вообще «зависает в воздухе», ибо в условиях конкретной провинции, весьма неравномерно преобразующейся в общество «современного типа», очень трудно предугадать все возможные сценарии обеспечения безопасности и ее эмоционального миража.

Если функция обеспечения безопасности семьи от внешних институциональных угроз в перспективе угнетается, то социальное конструирование насилия внутри семьи, наоборот, сейчас проблематизируется всё сильнее. Это проявляется во многих аспектах. Например, в прессинге правовых, политических инстанций, институтов образования и социальной опеки в отношении института семьи всё чаще проявляется усмотрение (интенция) внутрисемейного насилия. Если учесть, что в отличие от «кадрового состава» института семьи, указанные социальные подсистемы комплектуются профессионалами, то способность «...предоставлять меры социальной защиты...» [ФГОС, ПК-3] становится весомым показателем профессионализма. А эта и подобные компетенции, в свою очередь, являются элементами успешности, состоятельности специалиста и, ergo, его капитализации. В государственном образовательном стандарте направления 39.03.02 «Социальная работа» насчитывается 15 позиций из 34, прямо или латентно связанных с искоренением семейного насилия, имеющих место в концепции, идеологии и социальном поведении акторов-функционеров профессионального образования.

Экономические функции семьи

Ведение хозяйства – исторически первая функция, обособляющая семью в «ячейку общества», которая и сейчас является дефинитивным признаком: «...личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи...». Совместное проживание в жилище, его содержание составляют

важную часть существования: чем больше сил и внимания занимает совместное хозяйство, тем полнокровнее его роль в обеспечении и процветании этой малой группы, тем выше роль этой функции в иерархии ценностей членов группы. В патриархальных обществах эта функция достойно конкурировала с функциями физиологического воспроизводства и социализации.

Однако именно историческая перспектива наглядно показывает деградацию этой функции от деревенского хозяйства до городской квартиры. Правда, особенности советского периода нашей истории внесли в хозяйственную жизнь российской и, конкретно, провинциальной семьи некоторые коррективы. Жизнь в коммунальных квартирах и маломерных «хрущовках» позже, в 1990-е гг., породили в населении мощную волну жилищной мегаломании, страсть к демонстративной коттеджной застройке и городским квартирам неоправданно избыточной вместимости. В г. Абакан (население всего ок. 180 тыс.) один из (!) коттеджных районов красноречиво называется «Рублёвка».

Однако это отклонение от общемировой тенденции в настоящее время выправляется, на первое место выходит мотивация экономии – финансов, места, времени и сил на поддержание порядка. Провинция в этом дрейфе, естественно, находится в отстающих, и домашнее хозяйство еще довольно долго будет оставаться хозяйством в буквальном смысле слова, следовательно, и эта конкретная функция семьи еще долго будет функциональной «духовной скрепой» провинциальной семьи.

Еще одна социофункциональная нагрузка семьи – *обеспечение наследования собственности*. Первоначально и для многих семей поныне данная функция – это продолжение предыдущей, то есть передача прав на домохозяйство от поколения к поколению. В повседневной жизни семьи фантом наследства неактуален и редко служит определяющим мотивом социального поведения домоладцев.

Функция наследования – одна из многих функций, представляющих семью как продолженный во времени феномен. В этом смысле историческую устойчивость семьи как группы обеспечивают четыре фактора: биогенетический фактор – наследственность, номинативный – семейная фамилия, и два экономических – правовой институт фамильного наследства и, забегая вперед, человеческий капитал.

Однако дееспособность функции наследования напрямую зависит от простоты и ясности формализованных правил, что почти недостижимо в нынешних условиях либерализации и предельного усложнения семейного законодательства. В этом отношении ситуация в нашем регионе мало отличается от общероссийской, где актуализация проблем наследования, выведение их на передний план жизни семьи носит скорее конфликтный, нежели консолидирующий характер. По России лишь за 1-е полугодие 2019 г. и лишь из-за наследования имущества было рассмотрено 8781 дел [13].

Еще одна экономическая функция семьи – *организация бюджета*. В этом отношении семья – это особая микрокорпорация, занимающаяся извлечением доходов, их распределением и, далее, расходованием. Поскольку участие членов семьи в получении доходов неравномерно, то в отношении нетрудоспособных иждивенцев распределение средств происходит в соответствии с фактом принадлежности к коллективу, долей участия в хозяйственной жизни семьи, долей привязанности или любви.

Но с точки зрения кормильца всё перечисленное относится к расходной части семейного бюджета. И в этом случае дееспособность этой функции зависит от такой метафизической материи, как жизненный настрой кормильца или кормильцев.

Отрицательный экзистенциальный настрой (озвучивается в таких стигматах, как «нахлебники», «дармоеды» и т.п.) порождает распространение таких социальных проблем, как нежелание

вступать в официальные супружеские отношения, разводы, «child-free».

Положительный экзистенциальный настрой – тот, что сопряжен с эмоциональным фоном любви, заботы, ответственности. Здесь расходная часть семейного бюджета – это фактически та же благотворительность, только обращенная внутрь семьи.

Кстати, в структуре патриархальных семей очень часто встречались инородные, ино-генетические «вкрапления», которые по существу были результатами благотворительности путём фамилиарной инкорпорации приживал (они же – клиенты в Древнем Риме). Мы, например, проводя исследования в сельской местности Республики Хакасия, попутно, не планируя того, столкнулись с тремя случаями фамилиарной инкорпорации взрослых (!) людей.

Уязвимость только что описанной модели семейного бюджета состоит в том, что эта модель по умолчанию предполагает жесткое ролевое распределение «кормилец-иждивенец» и, как следствие, экономически пассивное положение иждивенца. Известная еврейская поговорка «Халява расхолаживает», видимо, была хорошо известна одному из основателей теории ЧК С.Кузнецу, потому что суть и смысл всего одноименного дискурса состоят как раз в попытке преодолеть образ пассивного иждивенца, лишь поглощающего ресурсы, добываемые экономически активными членами семьи. Выходец из советской России, знакомый как минимум с основами марксистской теории экономического отчуждения, С.Кузнец по существу сделал важное добавление к теоретическому концепту К.Маркса «родовая сущность человека». Понятие человеческого капитала вполне можно определять так: *самоокупаемая родовая сущность*.

Таким образом, мы подошли к последней из экономических функций семьи – функции *формирования человеческого капитала*.

Как известно, теория ЧК предлагает рассматривать расходы на социализа-

цию и образование человека не как безвозвратные бюджетные потери, а как инвестиции в будущее платежеспособное состояние объекта. Классическая теория ЧК под «платежеспособным состоянием» понимает довольно узкий спектр свойств личности, экономически перспективное развитие которых как правило является прерогативой системы образования. [4, С.246.]

Жизнь богаче и разнообразнее теории, богаче во всех направлениях. Начать с истории: вложения в человека с надеждой на отдачу, в том числе экономическую, встречаются на всём её протяжении. Например, еще у Аристотеля встречается упоминание о своего рода курсах повышения квалификации для рабов. Признаки преднамеренной, рационально спланированной капитализации можно усмотреть в теории и практике «просвещенной монархии». Но гораздо чаще в истории встречается стихийная, иррациональная капитализация, когда воспитание или выработка каких-либо навыков у ребенка не сопровождается калькуляцией будущей выгоды, когда приобщение к ремеслу и знаниям является одновременно игрой, практическим обучением и поведенческим императивом. Эта педагогическая тактика и сейчас является наиболее выигрышным инструментом выработки компетенций.

В регионе РХ+ЮКК встречаются оба варианта. Рационалистический отголосок модели «просвещенная монархия» проявляется в негласном выделении т.н. «элитных» школ, попасть на обучение в которые неизмеримо труднее, выпускники которых ровно в два раза чаще поступают в престижные вузы, чем выпускники «обычных» школ. Пристройка ребенка в такую школу – инициатива и заслуга именно семьи. Наш экспертный опрос подтвердил, что хлопоты по поводу социализации, обучения, эмоционального благополучия детей занимают в жизни местных семей одно из важнейших мест. Конечно, монетизация хлопот имеет место и в нашем регионе, однако

ее масштабы и темпы пока еще сильно отстают от столичных.

Жизнь богаче теории еще и в диапазоне капитализируемых качеств личности, которые реализуются путём инвестиций. Даже применительно к современным высокотехнологичным компетенциям ощущается определенная теоретическая зашоренность: реализация таланта в области IT-технологий выливается в хакерство не реже, чем в наемный труд для компьютерных корпораций. Это тем более очевидно, когда перспектива капитализации распространяется не только на интеллект или эрудицию, но и на спортивные или музыкальные способности, физиологическое совершенство, коммуникативные навыки. Размах индустрии красоты, охвативший не только мегаполисы, но и вполне отдалённые провинции, показывает, что вложение в силикон, эпиляцию и шугаринг гораздо более демократично и не менее результативно, чем вложение в высокотехнологичные компетенции.

Эти соображения были учтены при построении исследования проблем формирования ЧК в регионе РХ+ЮКК. Дело в том, что возможности региона в обучении специальностям «хай-тек», программирования, биотехнологий крайне ограничены, и в этой транскрипции ЧК наш регион можно было бы отнести к депрессивным. Но это не значит, что отпадают альтернативные сценарии капитализации. Поэтому отдельные программы социологических исследований были посвящены сценариям капитализации по спортивной, музыкальной, изобразительной траекториям.

Еще одна особенность нашего концептуального проекта – акцент на социально-энергетической составляющей ЧК, которая в определении Г.Беккера слишком абстрактно называется «мотивацией» [15, С.45], но специального глубокого исследования в экономике ЧК практически не получила. В нашем проекте используется более конкретное название и содержание – «пассионарность» [3, С.246]. Наша позиция со-

стоит в том, что наличие или приобретение знаний умений и навыков необязательно дают экономический эффект, особенно в конкурентной социальной среде. Наибольшим значением здесь является повышенный энергетический потенциал личности, позволяющий даже после краха, неудач снова и снова двигаться к успеху. Все наиболее значительные фигуры в бизнесе (и не только в бизнесе) были пассионариями – Г. Хьюз, С. Джоббс и многие другие.

В конструктивистской парадигме пассионарий, как и любой другой социальный тип – это репутация. Применительно к капитализируемому свойству пассионарности это обстоятельство является большим методологическим облегчением: пассионария не надо долго искать в социальном пространстве, он именно в силу своего предиката выделяется из общей массы и опознаётся ею в качестве такового. В нашем исследовании, например, при подборе кандидатов на формализованные интервью вполне оправдал себя метод «снежного кома».

В объективистской парадигме вместо репутации опознавательным признаком пассионарности становится реальное биологическое свойство, имеющее свою социально-поведенческую репрезентацию, своё оформление. Еще 20-30 лет назад феномен пассионарности считался в общественных науках гипотетическим. Однако сейчас, после открытия «гена авантюриности» [16] сомневаться в наследственном характере повышенного социально-энергетического потенциала и, косвенно, экономической успешности уже не нужно.

Именно генетическая обусловленность повышенной вероятности капитализации человека по-новому ставит вопрос о месте социального института семьи среди субъектов-инвесторов ЧК.

Ни бизнес, ни государство, ни даже сам автокапитализатор не могут выступать первопричиной появления конкретной точки социально-энергетической бифуркации, то есть экономически пер-

спективного индивида. Они лишь конечные потребители того «материала», который физически и социально предоставляет им семья.

Инвестиции бизнеса в ЧК отличаются наибольшей эффективностью, поскольку носят избирательный, точечный характер. Однако по степени структурно-функциональной значимости, по «весу» социальной заслуги бизнес, особенно в РФ, стоит на последнем месте, поскольку лишь снимает уже имеющиеся в обществе пассионарные «сливки».

Государство, особенно социальное, обеспечивая бесплатное образование, социальную опеку и медицину, даёт более широкий инвестиционный охват, но по той же причине доля его участия в формировании каждого индивидуального НС довольно мала. Можно сравнить, например, нормативную стоимость обучения в «обычной» школе, и стоимость обучения в частной Ломоносовской школе [6], где инвестором в ребёнка выступает семья. Понятно, что не всякая семья может позволить себе инвестировать в ребёнка 1,4 млн руб/год. Но, во-первых, даже для сверхбогатых семей такая стоимость образования – жертва, а во-вторых, будь такая возможность, многие семьи победнее так же жертвенно стали бы клиентами «элитной» школы.

Автокапитализация – очень важный способ формирования ЧК, поскольку только внутренняя мотивация придаёт этому процессу онтологическую подлинность и социальную устойчивость. Даже если инвесторами выступают государство или бизнес, эффект возможен только при условии, что и эти способы частично являются вариантами автокапитализации.

Однако автокапитализация возможна, как правило, лишь когда её субъект-объект – это уже сформировавшаяся личность, способная превратить мечту в план, а план – в реальную социальную траекторию. В этом смысле автокапитализация вторична по отноше-

нию к семье. Именно там закладываются личностные свойства, составляющие потенциал, который впоследствии примет очертания конкурентных преимуществ на рынке труда. И речь даже не о прото-профессиональных компетенциях вроде занятий 5-летних вундеркиндов теннисом или музыкой, а именно о свойствах личности вообще – мечтательности, чувстве долга, ответственности, воле к победе и т.п. Это общие слова, которые даже во времена Ч.Х.Кули не были новостью [5, С.280-282], но актуальность которых проявляется вновь и вновь в свете сформулированных выше проблем.

Семья как субъект капитализации человека может играть не только положительную, но отрицательную роль – стихийно или сознательно тормозить развитие индивида, поменять искреннюю привязанность на меркантильную мотивацию и многие иные варианты.

Выводы

Выше мы показали, что почти все функции семьи как социального института в России, конкретнее, в провинциальном регионе РХ+ЮОКК находятся в упадке, угнетаются или угасают. Из рефлекта – доступного объективному отражению реального явления – она всё отчетливее превращается в конструкт социального сознания. Возможна ли полноценная, стопроцентная субъектность, если большинство функций субъекта работают вполсилы или иллюзорно?

Семьи малодетны или вовсе бездетны; это в свою очередь порождает перекосы и деформации первичной социализации, вроде эгоизма, инфантилизма, аутизма. Хозяйственный космос семьи съёживается, сокращая тем самым возможности первичной профессиональной социализации, нивелируя миметический сценарий формирования основ хозяйственной этики. Удовлетворение потребностей – от чувственных до интеллектуальных – выносятся за скобки семьи. Это даёт основания поставить эффективность осуществления

функции формирования человеческого капитала в прямую зависимость от продуктивности других функций.

На этом фоне *функция формирования ЧК отчасти решает компенсаторную задачу*: не получается нарастить количество детей – достигнем успеха, улучшая качество оставшихся; не хватает времени и сил вложить в ребенка любовь и заботу – компенсируем их деньгами, превратив ребенка в бизнес-проект.

Но, как известно, на слуху, в поле зрения публики и экспертного сообщества лишь единицы, десятки успешных случаев капитализации человека. Большинство же бизнес-проектов ожидает фиаско. В случае с ЧК может произойти то же самое. И дело не только в рисках профессиональной самореализации. Превращаясь в бизнес-проект, будущий носитель человеческого капитала пропорционально теряет и человеческие качества. Применительно к семье это может иметь самые катастрофические последствия: сформировавшийся «автокапиталист» рискует перевести свое отношение к старшим родственникам в экономическую плоскость. Имея в виду неуклонное старение населения России, это новая проблема, вырастающая из решенной.

В известном анекдоте про стакан воды, который будет кому подать перед смертью, если персонаж женится и нарожает детей, умирающий старик разочарованно говорит: «А воды-то всем не хочется!» В нашем социальном сценарии концовка иная: «А воду-то не несет никто!» Ребенок, возвращенный как бизнес-проект, впоследствии будет тем сильнее тяготиться отцами и дедами, чем эффективнее будет реализация этого проекта. Поэтому показатель «Ожидаемая продолжительность жизни» в Индексе человеческого развития выглядит особенно трагично.

Литература

1. Бондаренко Л. В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // *Социологические исследования*. 2016. №3. С.76-82.
2. Валиахметов Р.Н. Социологические подходы к оценке и диагностике человеческого потенциала региона // *Вопросы территориального развития*, 2018, №5 (45). – С.8-28. С.10.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 560 с.
4. Диденко Д. В. Интеллектуальная экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. – СПб.: Алетей, 2015. – 408 с.
5. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000 – 320 с.
6. Ломоносовская школа-пансион. Официальный сайт // http://lomonpansion.ru/?_openstat=ZGlyZWN0LnlhbmRleC5ydTsyNjU3ODMxMzs0NDEwNTQ0Mjc0O3lhbmRleC5ydTpwcmVtaXVt&yclid=4064328274933734686, дата посещения 17.07.2020
7. Миронова А.А., Прокофьева Л.М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // *Демографическое обозрение*, 2018, Т.5., №2. С.103-121. С.106-107.
8. Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А. Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация // *Социологические исследования*, 2019, №12. – С. 71-80.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. –1162 с.
10. Рыбаковский Л. Л. *Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости* // *Социологические исследования*. 2016. №4. С.23-30.
11. Социологический словарь. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 608 с.
12. Статистика России: информация Росстат, разделы, показатели URL <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/>, дата последнего посещения 13.07.2020.
13. Статистика наследственных тяжб. <http://www.cdep.ru/index.php?id>

=79&item=5258 Дата посещения
04.07.2020 г.

14. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Heaven, 1966, 529 pp.

15. Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964, 264 pp.

16. Tovo-Rodrigues L., Callegari-Jacques S.M., M. Petzl-Erler L., Tsuneto L., Salzano F.M., Hutz M.H. Dopamine Receptor D4 Allele Distribution in Amerindians: A Reflection of Past Behavior Differences? // American Journal of Physical Anthropology. 2010.

Family as a subject of human capital formation (based on the material of the Republic of Khakassia and the south of the Krasnoyarsk territory)

Ibragimov R.N.

Katanov Khakass State University

The article analyzes the problem of the wealth of the family as an investor in human capital in a particular region. The analysis is subject to the effectiveness of the implementation of the following functions: physiological reproduction, primary socialization, legalization of sex, localization of the atmosphere of cosiness, localization of the atmosphere of security, management, inheritance, budget organization. The function of human capital formation is organically connected with the whole set of the above functions. And the productivity of this function is in question, because almost all other functions are in a state of degradation. In the course of the study, the author substantiates a number of such provisions as: 1) the physiological productivity of society is inversely proportional to the probability of the return of the added value of the individual; 2) The object of domestic violence is, directly or indirectly, the subject of the discretion of violence; 3) The genetic conditioning of the increased probability of human capitalization puts the social institution of the family in the first place among the subjects-investors of human capital.

Keywords: family, human capital, capitalization subject

References

1. Bondarenko L.V. Development of rural territories in Russia: assessments, opinions, expectations // Sociological Research, 2016. №3. pp. 76-82.
2. Valiakhmetov R.N. Sociological approaches to assessing and diagnosing the human potential of a region // Questions of territorial development, 2018. №5 (45), pp. 8-18.
3. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. Moscow, Iris Press, 2013. 560 p.
4. Didenko D.V. Intellectual-intensive economy: human capital in the Russian and world socio-economic development. St. Petersburg, Aletheia. 2015. 408 p.
5. Cooley Ch. H. Human nature and social order. Moscow, Idea-Press, House of Intellectual Books. 2000. 320 p.
6. Lomonosov boarding school. Official site // http://lomonpansion.ru/?_openstat=ZGlyZWN0LnIhbmRleC5ydTsyNjU3ODMxMzs0NDEwNTQ0Mjc0O3lhbmRleC5ydTpwcmVtaXVt&yclid=4064328274933734686, date of visit 17.07.2020
7. Mironova A.A., Prokofieva L.M. Family and household in Russia: the demographic aspect // Demographic Review, 2018. Vol.5, 2, pp.103-121.
8. Pokrovsky N.E., Nikolaeva U.G., Demidova U.A. Phenomenology of the "life world" of a city dweller in the extra-urban space of the Near North: home and domestication // Sociological Research. Sociological Research, 2019, №12, pp. 71-80.
9. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Moscow, Stat. Sat / Rosstat, 2018. 1162 p.
10. Rybakovsky L.L. Efficiency as the main indicator of assessing the state and trends in fertility // Sociological Research, 2016, №4, pp. 23-30.
11. Sociological Dictionary. Moscow: Norma, Infra-M, 2010, 608 p.
12. Statistics of Russia: information Rosstat, sections, URL <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi-indicators/>, date of the last visit 13.07.2020
13. Statistics of hereditary litigation. URL <http://www.cdep.ru/index.php?id = 79 & item = 5258> Date visited 04.07.2020.
14. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Heaven, 1966, 529 pp.
15. Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964, 264 pp.
16. Tovo-Rodrigues L., Callegari-Jacques S.M., M. Petzl-Erler L., Tsuneto L., Salzano F.M., Hutz M.H. Dopamine Receptor D4 Allele Distribution in Amerindians: A Reflection of Past Behavior Differences? // American Journal of Physical Anthropology. 2010.

Обоснование критериев оценки влияния интернет-контента на психологическое здоровье потребителя информации

Иванов Олег Сергеевич

кандидат медицинских наук, старший преподаватель, кафедра психофизиологии и клинической психологии, ГОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», sibivolga@yandex.ru

Пилькевич Сергей Владимирович

доктор технических наук доцент, кафедра системы сбора и обработки информации, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, amber@list.ru

Гнидко Константин Олегович

доктор технических наук профессор, кафедра системы сбора и обработки информации, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, greeny598@yandex.ru

Лохвицкий Владимир Александрович

кандидат технических наук докторант, Кафедра математического и программного обеспечения, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, vovan296@mail.ru

Дудкин Андрей Сергеевич

кандидат технических наук старший преподаватель, кафедра информационно-вычислительных систем и сетей, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, andry-ll@mail.ru

Сабиров Тимур Римович

кандидат технических наук старший преподаватель, Кафедра системы сбора и обработки информации, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, rowing-team@mail.ru

Предметом изучения в исследовании выступает понятие "интернет-контент", которое проблематично отнести к той или иной категории - «нейтральной», «положительной», «деструктивной», что представляет собой сложную, многофакторную задачу. Решение этой задачи необходимо, в частности, для разработки специализированного программно-аппаратного средства, способного в автоматическом режиме выявлять и интеллектуально обрабатывать «деструктивный» мультимедийный интернет-контент. Если задача по оценке влияния физических характеристик транслируемой на монитор информации имеет различные варианты технических решений, то задача оценки влияния смыслового содержания этой же информации на её акцептора не имеет удовлетворительного технического решения («Сильный» искусственный интеллект в настоящее время только разрабатывается). Для того, чтобы «научить» программное средство «интеллектуально» обрабатывать и классифицировать интернет-контент, необходимо в явном виде указать элементарные признаки «деструктивности» семантического аспекта информации. Исходя из позиционируемого авторами подхода, классификация контента на категории не имеет общего решения.

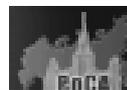
Ключевые слова: интернет-контент, психическое здоровье, субъект, смысловое содержание информации, потребитель, искусственный интеллект, специализированное программное обеспечение

В рамках научно-исследовательского проекта: «Модели и методы выявления и интеллектуальной обработки деструктивного мультимедийного интернет-контента», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), одной из научно-практических задач поставлена разработка макета специализированного программного обеспечения (СПО), способного в автоматическом режиме выполнять мониторинг просматриваемого пользователем интернет-контента на предмет наличия в нём деструктивной с психологической точки зрения и (или) законодательно запрещённой информации [1].

Соответственно, целью мониторинга интернет-контента является обнаружение в нём объектов, сообщений и другой подобной же информации, оказывающей негативное влияние на когнитивно-аффективную и сенсорно-апперцептивную сферы субъекта, т.е. на его психическое здоровье. По замыслу проекта, при обнаружении в контенте «деструктивных» элементов СПО должно своевременно оповещать, и частично или полностью блокировать (опциональная настройка) поток «вредоносной» информации.

Значимость разработки и ввода в широкодоступную эксплуатацию СПО подобного класса обусловлена ситуацией с популяционным психическим здоровьем населения России [2], которая в последнее время была усугублена ограничительными мерами в связи с «пандемией» и как бы глобальным распространением вируса SARS-CoV-2 (2019-nCoV) [3].

Поскольку речь идёт об ограничении доступа граждан к информации, фактически - о цифровой цензуре, то для реа-

лизации подобных ограничений с использованием СПО должны быть сформулированы внятные, обоснованные и верифицируемые критерии оценки качества содержания и смыслового наполнения интернет-контента по его влиянию на психическое здоровье потребителя информации.

В Сети содержится огромное количество разнообразной информации. Эта информация имеет разное содержательное наполнение и форматы своего выражения и представления (экспрессию). Так же, говоря о принудительной фильтрации информации и доступа к ней, следует помнить, что в мире существует «бесчётное» количество групп потребителей самой различной информации с самыми различными целями.

Не представляется допустимым или приемлемым волюнтаристски накладывать ограничения на тот или иной класс информации, поскольку, во-первых, любые запреты провоцируют усиленное внимание к предмету запрета; во-вторых, ограничение доступа к информации обычно приводит к каскаду негативных побочных эффектов, порой приводящих к худшим последствиям, чем если бы информация оставалась бы доступной; и, в третьих - «свято место пусто не бывает»: в современных условиях очень быстро найдутся неформальные группы, которые заполнят искусственно создаваемый необоснованными ограничениями информационный вакуум. Но сделают это исключительно в своих интересах.

Селекция и «кластеризация» информации из Сети по её влиянию на сенсорно-апперцептивную и когнитивно-аффективную сферы субъекта может иметь положительное прикладное значение. Но при условии, что ограничения на потребление информации уместны в каждом конкретном случае, обоснованны и реализуются, прежде всего, в интересах пользователя, а не в чьи-либо ещё.

Формулировка и обоснование критериев оценки интернет-контента по его

влиянию на психическое здоровье акцептора является нетривиальной задачей. Но без её приемлемого решения нельзя разработать программный продукт с заявленной функциональностью.

«Деструктивность» или, как альтернативное название - «токсичность», предъявляемого на пользовательский монитор контента относительно физических характеристик «картинки» с технической стороны особых сложностей не вызывает. Современные технические средства измерения физических параметров объектов, процессов и явлений позволяют в качественной и количественной форме охарактеризовать комплексы этих параметров: длительность непрерывного предъявления контента; частота мелькания (монитора); соотношение пиксельных областей разных цветовых тонов на изображениях; контраст; яркость; контуры разных объектов на изображении и их взаимные перемещения во времени (смена сюжетов на кадрах); частота кадров; соотношение графического, видео- и символического (текстового) содержимого на дисплее и т.д. [4].

Что же касается критериев отнесения интернет-контента к категориям «токсичного», «нейтрального» или «саногенного», исходя из его смыслового содержания и эмоциогенности, то типового решения этой задачи в настоящее время не представлено. Главным образом, в связи с отсутствием прямых, т.н. объективных признаков у «предмета исследования» - семантической составляющей информации из Сети.

Решение вопроса о том, какую информацию считать «конструктивной», «саногенной», а какую - нейтральной или деструктивной, «токсичной», патогенной для психического здоровья её потребителя, лежит в плоскости «субъективности». А значит, категоризация контента по его смысловому наполнению - это предмет общественного договора; в рамках того или иного общественно-исторического института.

Чтобы найти правильный ответ, следует сформулировать правильный вопрос.

Какими признаками должна обладать (и (или) не обладать) информация, чтобы её можно было бы отнести к «опасному для психического здоровья» классу? Как и какие именно свойства контекста - передний план, фоновая информация «второго» плана и т.п. - влияют на мысли, переживания и поведение потребителей информации? И что вообще считать контекстом - только ли фон, или фон и передний план на этом фоне, или что-то ещё? Учитывая, что мультимедийный контент воспринимается человеком как целое [5].

В общем виде контекст определяется свойствами (предрасположенностями) акцептора.

Формулировка не вызывающих (существенных) возражений у разных потребителей информации критериев отнесения мультимедийного интернет-контента к той или иной категории по его влиянию на мысли, переживания и поведение должна включать в себя и учитывать множество аспектов вопроса. Эти аспекты должны быть учтены и учитываются разработчиками СПО. Варианты решения задачи по формулировке и обоснованию критериев оценки контента могут быть разными. Однако, каким бы ни было принятое и реализованное в СПО решение, оно всегда будет частным [6, 7].

Эстетичный и относительно объективный вариант решения задачи по формулировке и обоснованию оценочных критериев позволит непротиворечиво относить смысловую (семантическую) составляющую мультимедиа-потока к какому-либо классу без ущерба для интересов потребителей этой информации [8], и позволит избежать или минимизировать вышеобозначенные риски запретов.

Сложности проблемы выбора (отбора) и обоснования критериев отнесения исходно «индифферентной» мультимедийной информации к той или иной категории по её влиянию на психическое здоровье и поведение человека лучше всего раскрываются при рассмотрении примеров, присутствующих в

повседневной жизни нашего общества и потому касающихся практически каждого его члена.

Пример первый. Уголовный кодекс РСФСР, отражающий в своём содержании практиковавшуюся различными официальными и многими неформальными институтами общественную мораль, принятую среди широких слоёв населения, культура общения и взаимодействия граждан, защищали коллективное информационно-психологическое пространство не только от прямого, грубого насаждения в него недопустимого (народным большинством) информационного содержания, но даже от сколь-нибудь заметной примеси «инфотоксичности»; в частности – касаясь половых девиаций [9].

Несомненно, специалисты-сексологи (психиатры, медицинские психологи, дознаватели и др.) имели профессионально обусловленные знания об эпидемиологии половых девиаций; их формах, видах, последствиях девиантных форм поведения для индивидов-носителей и прочее. Однако, в общественное информационное поле такая информация практически не допускалась по официальным - наиболее массовым по охвату аудитории каналам. О чём заботилось государство посредством различных своих уполномоченных структур. Забота государства о социально-психологическом благополучии граждан нашей страны обеспечивала возможность представителям молодого поколения развиваться в благоприятных социально-психологических условиях, способствующих сохранению психического здоровья и, как максима, становиться продуктивными членами общества. Советская власть реализовывала на практике свою обязанность по защите народа от моделей мышления и поведения, приводящих страну к депопуляции, дегенерации, деградации [10].

Смена общественно-экономических отношений и, неизбежно, социально-психологических условий взаимодействия членов российского общества означали стремительную смену

(официальных) критериев оценки семантической составляющей информации, транслируемых в общественное информационное пространство сообщений. В культурно-историческом и социально-психологическом смысле члены постсоветского российского общества стали заложниками «общемировых интеграционных процессов», не имея в большинстве своём «психологического иммунитета» от вала «токсичных» инфовоздействий. К тому же, поток деструктивной информации на население страны настолько плотный и интенсивный, что это вполне конкретно отражается не только на психическом здоровье, но и на репродуктивном поведении - объективном индикаторе желания или нежелания людей жить и в тех социальных и (или) экологических условиях, в которых они находятся.

В российском масс-медиа пространстве гомосексуальная и другая подобная же ЛГБТ-тематика, связанная с половыми девиациями стала регулярно транслироваться в публичное информационное пространство: и через федеральные телеканалы, и через многие Интернет-ресурсы, и через массовую рекламу товаров и услуг. Получается, что де-юре в России имеются ограничения на распространение «токсичного» контента в СМИ, но де-факто эта категория контента проникает в коллективное бессознательное в больших масштабах и регулярно [10]. Зато действительно полезная для общества информация в СМИ представлена фрагментарно, да и та часто в искажённом виде.

Будучи информационным «продуктом», контент с любым содержанием и разного происхождения влияет, прямо и (или) косвенно, на всех представителей популяции. «Нейтральной» информации не существует [11], поскольку всякая информация, с которой субъект так или иначе соприкоснулся, «записывается» в структуре нейронной сети его мозга и, вне зависимости от степени её осознанности личностью и доступности на уровне сознания субъекта, неиз-

бежно влияет на его мышление, мировосприятие и поведение. То есть влияет на психическое здоровье человека и его поведение.

В религиозных обществах критерии оценки смыслового содержания сообщений задаются религиозными догматами [12]. В светских государствах они отражены в общественной морали, обусловленной культурно-историческим развитием общества [13, 14, 18]. Без системы критериев оценки информации народ «рассыпается» в состоянии населения [15]. Идеология и цензура присутствуют всегда и везде, исходя из самой природы общества.

В условиях отсутствия или слишком размытых (что на практике равнозначно отсутствию) критериев «нормы» возникают ситуации, когда ссылаясь на «права человека», «общеευропейские ценности» и «большую значимость для общества» толерантной модели поведения, в коллективное бессознательное активно внедряется мысль, что девиации - это не просто варианты нормы, но и чуть ли не образцы для подражания [16, 19].

Соответственно, попытки отдельных лиц и объединений граждан публично заявлять о своих опасениях по поводу бесконтрольной рекламы и пропаганды в СМИ различных девиаций среди широких слоёв населения встречаются, порой яростное, сопротивление и активное противодействие со стороны бенефициаров такой рекламы и пропаганды.

Разрабатываемое СПО является частью решения проблемы распространения и проникновения в общественное информационное пространство деструктивной информации в интересах обеспечения информационных условий сохранения хорошего психического здоровья большинства граждан страны.

Пример второй. В РФ введён официальный запрет на публичную демонстрацию нацистской символики (свастики и т.п.) [20]. На первый взгляд, с определённых позиций - вроде бы приемлемая законодательная инициатива. Однако, историческая общемировая

практика показывает, что нельзя сложные проблемы решить банальным запретом на их публичное обсуждение и легитимацию решений коллективным консенсусом. Подобные решения сами по себе становятся ошибками, приводящими к усугублению проблемы. В частности, касаясь культурно-исторического значения символов свастики и их современного запрета.

Если бы граждане нашей страны прилежно следовали букве закона, то из публичного информационного пространства исчезли бы все фильмы советских времён о Великой Отечественной войне; в том числе созданные непосредственными участниками той войны и потому наиболее соответствующие исторической правде. Исчезновение же данных произведений из общественного информационного поля неизбежно приведёт к «стиранию» исторической памяти у нарождающихся поколений россиян о причинах, ходе, результатах и заплаченной в той войне народом цене. Такой эффект от введения запрета на свастику стоит своего введения?

Заключительный пример. Среди материалов известного (и потому – массового по охвату аудитории пользователей-акцепторов Интернет-контента) видеохостинга «YouTube» есть ролики с препарированием трупов. По влиянию на психическую сферу средне-статистического человека подобная информация – это сильный эмоциогенный (вплоть до дистрессогенности и психологической травмы) материал, способный в отдельных случаях привести зрителя к аффективным реакциям и длительному нарушению психического благополучия.

Но, с другой стороны, данный видеоматериал используется для обучения слушателей-судмедэкспертов качественно выполнять свою работу.

К какой категории отнести подобный Интернет-контент? К категории «деструктивной» или к категории «профессиональной информации»? Либо этот контент вхож в обе эти категории?

Авторам представляется, что категоризация контента в данном случае определяется целями, задачами, намерениями конкретного потребителя конкретной информации.

Таким образом, очевидно, что приведённый в примерах контент в одних случаях корректно рассматривать как деструктивный, «токсичный», а в других – тот же самый контент «теряет»/не проявляет подобных свойств. Отсюда следует, что у любого мультимедийного интернет-контента одновременно присутствует много граней: «нейтральные», «позитивные», «негативные», «деструктивные», «конструктивные», «экспрессивные».

В зависимости от контекста и условий предъявления и восприятия конкретного контента конкретным потребителем (субъектом) проявляют себя те или иные грани, присущие системе: «общение» – «акцептор».

Техническая реализация данной функциональности СПО представляется механизмом опциональных настроек, позволяющих администратору системы редактировать перечень критериальных признаков, наличие/отсутствие паттернов которых в мультимедийном Интернет-контенте будет его классифицировать и таргетировать в соответствии с некоторыми заданными ориентирами.

Как указывалось выше, физические характеристики подачи информации в мультимедийном формате обычно более или менее чётки и количественно измеримы, вне зависимости от контекста. Например, если, скажем, частота мелькания монитора будет 10-21 Гц, то она может вызвать эпилептоидный приступ у предрасположенных к этому лиц. И не имеет значения, что в смыслодержательном плане демонстрируется на монитор ПК: летний таёжный пейзаж на фоне восходящего Солнца, монохромная таблица или мусорная свалка с нищими, выискивающими себе пропитание, перемещающаяся по свалке в клубах пыли и гари от тяжёлой уборочной тех-

ники. Не соответствующее гигиеническим нормативам мелькание яркости монитора с определённой частотой неизбежно будет оказывать своё негативное влияние на сенсорное восприятие и сопряжённые с ними когнитивно-аффективно-вегетативно-поведенческие процессы.

Для семантической же составляющей информационного мультимедийного потока большое значение имеет смысловое содержание, наполнение и антураж (экспрессия) предъявления сообщения.

Контекст восприятия смысловой составляющей информационного потока в существенной мере определяет категорию, к которой следует относить конкретное смысловое содержание контента, выраженное посредством использования различных приёмов графической, символической, текстовой, видео-, аудио- или смешанной формы трансляции информационных сообщений.

В настоящем исследовании разработан метод оценки степени «токсичности» статичной баннерной рекламы. На улицах многих городов нашей страны в соответствии с замыслом рекламодателей баннерная реклама призвана стимулировать поведение потребителя, соприкоснувшегося с таким контентом, в пользу поведения, выгодного продавцам рекламируемых товаров или услуг. Для большего эффекта дизайнеры баннеров создают коллажи из цветовых тонов, образов (часто вычурных, карикатурных) и текстовых сообщений. Причём этот «микст» имеет такое свойство, что общий эффект вызывает у человека-акцептора эмоциональный всплеск и когнитивный диссонанс.

Отслеживать в автоматическом или автоматизированном режиме все выше перечисленные объекты и признаки контента возможно уже сегодня (хотя есть широкое поле для совершенствования этих методов и технологий). Однако, чтобы программная «фильтрация» контента была бы обоснованной и не при-

чиняла вреда, параллельно совершенствованию технической составляющей интеллектуальной обработки интернет-контента, необходимо прорабатывать социокультурные, психогигиенические и правовые аспекты решаемой задачи.

Разрабатывая СПО в рамках выше обозначенного проекта, способное выполнять возлагаемые на него задачи, авторы учитывают вышеизложенные положения. Это отражено как в дизайне эксперимента, так и в алгоритмах обработки анализируемого контента.

Для учёта и визуализации итерационно изменяющегося перечня разнообразных факторов, требующих учёта и обработки в СПО, используется методологический и инструментальный аппарат, разработанный в русле онтологического конструирования. Данный подход позволяет продуктивно взаимодействовать специалистам из разных предметных областей, реализующих представленный коллективный проект.

Литература

1. Официальный сайт Российского фонда фундаментальных исследований. Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/>. Обновление 10.09.20. Вход свободный.
2. Шматова Ю.Е. Динамика статистических и социологических показателей состояния психического здоровья населения России // Проблемы развития территории, №3 (101), 2019, С. 76-96.
3. Капитанаки В.Е., Чермянин С.В., Иванов О.С. Направления психологической помощи населению в ситуации COVID-crisis // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 2 (51). С. 72-83.
4. Дюк В.А., Сенкевич Ю.И., Цветков О.В. Исследование влияния фазоконтрастных визуальных стимулов на спектральные характеристики ЭЭГ // Биотехносфера, №5-6 (17-18), 2011, С. 11-17.
5. Антипов В.Н., Фазлыяхматов М.Г. Оценочная модель условий формирования объемного зрительного вос-

приятия плоских изображений // Сибирский психологический журнал, № 67, 2018, С. 149-171.

6. Пилькевич С.В., Иванов О.С., Сабиров Т.Р. Формирование системы признаков потенциально вредоносных мультимедийных объектов // Социотехнические и гуманитарные аспекты информационной безопасности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции 10-13 апреля 2019 года. Пятигорск.: Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2019. - С. 264-271.

7. Пилькевич С.В., Иванов О.С., Дудкин А.С. Формирование множества информационных объектов, относимых к негативному и позитивному классам // Сборн .труд.конф. «Информационная безопасность регионов России» (ИБРР - 2019). Региональная информатика. Вып .7. СПб, 23-25 октября 2019 г. С.266-271;

8. Пилькевич С .В., Гнидко К .О., Иванов О .С., Еремеев М.А. Подход к интеллектуализации системы защиты пользователей от деструктивного мультимедийного Интернет-контента // Сборник материалов XII мультikonференции по проблемам управления (МКПУ-2019), Дивноморское, Геленджик, 23-28 сентября 2019 г. С. 125-128.

9. Дьяченко А.П., Позднякова М.Е. О социальных предпосылках правового регулирования пропаганды гомосексуализма и иных сексуальных девиаций // Социологическая наука и социальная практика, №3, 2013, С. 109-123.

10. Кириленко В.П., Шамахов В.А., Алексеев Г.В. Свобода слова и медиа-безопасность = Freedom of speech and media security. Монография. ФГБУ ВО РАНХиГС при Президенте РФ, СЗИУ. - СПб., 2019. - 438 с.

11. Шалыганов Ю.В. Проект Россия. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.proektrussia.ru>. Обновление: 10.09.20. Вход свободный.

12. Маликов Р.И. Завещания татарских мулл и раздел наследства прихожан по канонам мусульманского права в среднем Поволжье в конце XIX - начале XX века. Манускрипт, Т.13, №1, 2020, С. 33-38.

13. Афаунов А.З., Чхвимиани Э.Ж., Данилов Д.В. Правовой менталитет Российского общества: особенности генезиса, тенденции изменений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, №12, 2019, С. 175-179.

14. Карнаушенко Л.В.. Влияние национального менталитета на правовой менталитет жителей России // Общество и право, №1 (71), 2020, С. 106-110.

15. Круглов А.В. Социальная толерантность и социальная нетерпимость: теоретико-методологическая концептуализация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, Т.20, №. 1, 2020, С . 40-42.

16. Видеоролик «Современное образование (Modern education)». Интернет-ресурс. Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=uYjnTnBylE4>. Вход свободный. Обращение: 06.09.20.

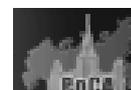
17. Видеоролик «The Expert». Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=UoKIKx-3FcA>. Вход свободный. Обращение: 06.09.20.

18. Светлана С.В. Права и свободы человека в Российской Федерации и их защита органами исполнительной власти в контексте духовно-культурной безопасности личности, общества и государства: мировоззренческий выбор. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, № 6 (58), 2019, С.104-115. doi:10.17803/2311-5998.2019.58.6.104-115.

19. Соболева И, Бахметьев Я. «Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на запрет «пропаганды гомосексуализма» // Журнал исследований социальной политики, Т.12, № 2, 2014, С. 217-232.

20. Статья 20.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ (ФЗ №195 от 30.12.2001) с изм. от 31.07.2020.

Justification of criteria for evaluating the impact of Internet content on the psychological health of the information consumer

Ivanov O.S., Pilkevich S.V., Gnidko K.O., Lohvitsky V.A., Dudkin A.S., Sabirov T.R.
Leningrad state University named after A. S. Pushkin,
Military space Academy named after A. F. Mozhaisky

The subject of the study is the concept of "Internet content", which is problematic to attribute to one or another category—"neutral", "positive", "destructive", which is a complex, multi-factorial task. The solution to this problem is necessary, in particular, for the development of specialized software and hardware that can automatically detect and intelligently process "destructive" multimedia Internet content. If the task of evaluating the influence of the physical characteristics of information transmitted to the monitor has various technical solutions, then the task of evaluating the influence of the semantic content of the same information on its acceptor does not have a satisfactory technical solution ("Strong" artificial intelligence is currently being developed). In order to "teach" a software tool to "intelligently" process and classify Internet content, it is necessary to explicitly indicate the elementary signs of "destructiveness" of the semantic aspect of information. Based on the approach positioned by the authors, the classification of the content into categories does not have a General solution. The judgments presented by the authors are implemented in specialized software that evaluates the semantic aspect of information transmitted to the user's PC monitor.

Keywords: Internet content, mental health, subject, semantic content of information, consumer, artificial intelligence, specialized software

References

- Official website of the Russian Foundation for basic research. Online resource. Mode of access: <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/>. Update 10.09.20. Admission is free.
- shmatova Yu. E. Dynamics of statistical and sociological indicators of the state of mental health of the Russian population // Problems of territory development, No. 3 (101), 2019, Pp. 76-96.
- Kapitanaki V. E., Chermnyanin S. V., Ivanov O. S. directions of psychological assistance to the population in the situation of COVID-crisis // Bulletin of the Tver state University. Series: Pedagogy and psychology. 2020. No. 2 (51). pp. 72-83.
- Duke V. A., Senkevich Y. I., Tsvetkov O. V. "investigation of the effect vasocontraction of visual stimuli on the spectral characteristics of the EEG" // Biotechnosphere, No. 5-6 (17-18), 2011, Pp. 11-17.
- Antipov V. N., Fazlyyev M. G. Evaluation model of the conditions of formation of three-dimensional visual perception of flat images // Siberian psychological journal, No. 67, 2018, P. 149-171.
- Pilkevich S. V., Ivanov O. S., Sabirov T. R. Formation of a system of signs of potentially malicious multimedia objects // Sociotechnical and humanitarian aspects of information security. Collection of articles of the all-Russian scientific and practical conference on April 10-13, 2019. Pyatigorsk: publishing house of the Pyatigorsk state University. UN-TA, 2019. - C. 264-271.
- Pilkevich S. V., Ivanov O. S., Dudkin A. S. Formation of a set of information objects related to negative and positive classes // Collected work.Conf. "Information security of Russian regions" (IBRR - 2019). Regional informatics. Vol .7. Saint Petersburg, October 23-25, 2019, p. 266-271;
- Pilkevich S. V., Gnidko K. O., Ivanov O. S., Ereemeev M. A. Approach to intellectualization of the user protection system from destructive multimedia Internet content // Collection of materials of the XII multi-conference on management problems (icpu-2019), Divnomorskoe, Gelendzhik, September 23-28, 2019, pp. 125-128.
- Dyachenko A. P., Pozdnyakova M. E. On social prerequisites for legal regulation of propaganda of homosexuality and other sexual deviations. // Sociological science and social practice, No. 3, 2013, pp. 109-123.
- Kirilenko V. P., shamakhov V. A., Alekseev G. V. Freedom of speech and media security = Freedom of speech and media security. Monograph. The research AT the Ranepa under the President of the Russian Federation, SSIU. - SPb., 2019. - 438 p.
- Shalyganov Yu. V. Project Russia. Online resource. Mode of access: <http://www.proektrussia.ru>. Update: 10.09.20. Admission is free.
- Malikov R. I. Testaments of Tatar mullahs and the division of the inheritance of parishioners according to the canons of Muslim law in the middle Volga region in the late XIX - early XX century. Manuscript, Vol. 13, No. 1, 2020, Pp. 33-38.
- Afaunov A. Z., Chkhvimiani E. Zh., Danilov D. V. Legal mentality of the Russian society: features of Genesis, trends of changes // Humanitarian, socio-economic and social Sciences, No. 12, 2019, Pp. 175-179.
- Karnaushenko L. V. Influence Of national mentality on the legal mentality of Russian residents // Society and law, No. 1 (71), 2020, Pp. 106-110.
- Kruglov A.V. Social tolerance and social intolerance: theoretical and methodological conceptualization // News of the Saratov University. New series. Sociology Series. Political Science , Vol. 20, No. 1, 2020, Pp. 40-42.
- Video clip "Modern education". Online resource. Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=uYjnTnByIE4>. Admission is free. Address: 06.09.20.
- Video "The Expert". Online resource. Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=UoKIKx-3FcA>. Admission is free. Address: 06.09.20.
- Svetlana S. V. Rights and freedoms in the Russian Federation and protection of bodies of Executive power in the context of spiritual and cultural security of individuals, society and the state: ideological choice. // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin, No. 6 (58), 2019, Pp. 104-115. doi:10.17803/2311-5998.2019.58.6.104-115.
- Sobolev, Bakhmetyev Ya. "It's like I was pushed out of the gate": LGBT reaction to the ban on "propaganda of homosexuality" // Journal of social policy research, Vol. 12, No. 2, 2014, Pp. 217-232.
- Article 20.3 of the code of administrative offences of the Russian Federation (Federal law No. 195 of 30.12.2001) as amended on 31.07.2020.

Формирование карьерных стратегий российской молодежи под воздействием инновационных форм социально-культурной деятельности

Коршунов Алексей Владимирович

к.с.н., доцент кафедры «Государственное управление и социальные технологии», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), ncsrm@mail.ru

Куликов Сергей Павлович

к.с.н., заведующий кафедрой «Государственное управление и социальные технологии», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Milena.555@mail.ru

В рамках проведенного анализа была проведена актуализация процесса формирования различных стратегий, направленных на развитие карьеры современной российской молодежи, с учетом влияния самоуправления. Процесс организации студенческого самоуправления рассмотрен с позиций социально-культурной деятельности, что позволило определить его особую форму самостоятельной, инициативной общественной деятельности осуществляемой студентами высших учебных заведений, которая позволяет решать наиболее важные жизненные вопросы. Автором статьи также отмечается, что студенческое самоуправление способствует формированию социальной активности студентов, повышает степень взаимодействия с администрацией и различными общественными организациями, позволяет оптимизировать процесс выбора будущей профессии. Установлено, что современные карьерные стратегии молодежи могут быть охарактеризованы как карьерные ориентации, которые спроектированы на основе личностного карьерного потенциала, сформированного под влиянием не только определенного набора компетенций, но и с учетом влияния разного рода особенностей связанных с построением карьеры в условиях социальной неопределенности. **Ключевые слова:** карьерные стратегии, карьерный коворкинг, социально-культурная деятельность, студенческое самоуправление, карьерный коучинг, карьерный брендинг.

Введение

Механизм профессионального самоопределения молодежи напрямую связан с различными карьерными стратегиями, которые определяются этапами транзитивных процессов, на которых у молодежи происходит формирование собственных уникальных представлений о карьере и ее статусе в современном обществе. Вузами в настоящее время активным образом проводится масштабная работа, направленная на трудоустройство выпускников, в рамках которой привлечены разнообразные студенческие организации, которые объединяют различных активных и талантливых молодых людей. Выбор будущей профессии после завершения обучения в вузе является очень важным периодом в жизни любого выпускника, так как именно тогда он начинает формировать самостоятельную поведенческую линию, на основе тех профессиональных компетенций, чтобы были успешно заложены за годы обучения. Процесс студенческого самоуправления представляет собой довольно эффективный ресурс для грамотной карьерной самоорганизации, которая в полной мере задействует весь студенческий актив и позволяет выступить в качестве субъекта моделирования условной среды образовательной среды [2, с. 42]. В основе построения карьерных стратегий находится социально-культурный подход, который в рамках студенческого самоуправления обладает обширным инструментарием организации межличностного взаимодействия, включая также инварианты практической деятельности, способствующей раскрытию скрытого творческого потенциала. Цель

проводимого в статье обзорного исследования направлена на изучение процесса формирования карьерных стратегий современной российской молодежи с учетом влияния на них различных инновационных форм социально-культурной деятельности.

Интерпретации подходов к формированию карьерных стратегий

Процесс разработки карьерных стратегий представляет собой процесс, связанный с планированием продолжительного карьерного пути, который учитывает оценку как исходного (базового) уровня карьерной компетентности так и моделирование различных образов будущей карьеры (к примеру, могут быть обозначены карьерные цели). Следующим шагом является процесс анализа реальных карьерных возможностей молодого специалиста с тем набором различных требований, который предъявляет потенциальный работодатель. Заключительным шагом в данном процессе является конструирование своего уникального персонального бренда, в основе которого находится специальный алгоритм позволяющий произвести сопоставление намеченных карьерных целей с реальными возможностями, которые представляет работодатель [5, с. 224]. Современные карьерные стратегии молодежи (в т.ч. конечно и российской) можно представить в виде так называемых карьерных ориентаций, со-

зданных с учетом личностного карьерного потенциала, а также разного рода особенностей присущих карьерной реализации проводимой в сложных условиях неопределенности социальной сферы. К настоящему моменту времени большинством экспертов выделяется три доминантных подхода к интерпретации понятия карьерная стратегия [4, с. 118]:

- в рамках процессуального подхода карьерное продвижение представляется в виде жестко структурированной организованной последовательности группы процессов связанных со смежной занимаемых на работе должностей, включая продолжительность занятия различных должностей в компании/предприятии и др.;

- в рамках содержательного подхода карьерная стратегия определяется на основе стороны карьеры связанной с ее содержательной частью, а именно с тем, чем непосредственным образом занимается в процессе своего карьерного роста, работая на предприятии;

- в рамках личностного подхода карьерная стратегия формируется на основе различных интересов присущих работнику.

Карьерные стратегии рассматриваются также с позиций профессионального развития, по трем ключевым направлениям (рис.1).

Рис.1. Основные направления профессионального развития карьерных стратегий

Российские высшие учебные заведения активным образом создают среду, которая позволила бы обучающимся студентам принимать активное участие в различных сферах: социокультурной, профессиональной и т.д. Студенты вузов должны активным образом привлекаться к работе самых разнообразных студенческих объединений, к примеру, молодежных и досуговых центров, студенческих советов, «бизнес-инкубаторов», что в конечном итоге позволит им обеспечить накопления практического опыта и предоставит в дальнейшем различные варианты построения своей карьеры. Для того чтобы успешным образом осуществить все рассмотренные выше мероприятия, необходимо использовать специальную форму самоорганизации, которая получила название карьерный коворкинг.

Карьерный коворкинг (от англ. «co-working» – работать совместно) представляет собой уникальную социально-культурную среду, которая позволяет осуществлять обмен идеями, позволяет организовывать лекционные и практические занятия, коуч-сессии, а также брифинги по развитию карьеры. Цель карьерного коворкинга заключается в создании специальной комьюнити-атмосферы, которая позволит ориентироваться в выборе карьерных стратегий [1, с. 92]. Карьерный коворкинг также является не только новым уровнем в организации карьерной проектной деятельности, но и служит мощным стимулом для построения дальнейшей карьеры и самореализации. Он также помогает обучающимся в вузе студентам встретить не только потенциальных работодателей, но и единомышленников.

Специалист в вопросах карьерного самоопределения (карьерный коуч) на специальных занятиях проводит со студентами беседы, нацеленные на планомерное развитие различных навыков позволяющих самостоятельно планировать дальнейшую карьеру, в полной мере раскрывать свой потенциал. Для того чтобы студент мог самостоятельно определить необходимые ему средства

для достижения карьерных целей, как правило применяются специальные вопросы технологии коучинга. Карьерный коучинг направлен на решение следующих групп задач [3, с. 340]:

- позволяет организовать процесс поиска работы в строгом соответствии с выбранными критериями;
- выявляет основной вектор профессионального и карьерного развития;
- решает задачи связанные с повышением у работника мотивации для развития своей карьеры;
- позволяет разработать наиболее реальный план, направленный на достижение своих карьерных целей.

Структура работы карьерного коучинга включает в себя следующие составляющие:

- идентификация своей карьерной цели;
- анализ текущего положения своей карьерной ситуации на предприятии;
- организация мозгового штурма с целью поиск новых креативных идей;
- организация своего карьерного планирования;
- анализ и оценка своих профессиональных навыков и знаний, определение «узких мест» в тех предметных областях, в которых наблюдается нехватка знаний;
- установление верных контрольных маркеров, прохождение через которые приближает достижение намеченной цели;
- организация процедур контроля со стороны персонального коуч-тренера с целью правильной реализации намеченного плана построения карьеры;
- проведение различных видов контроля, к примеру, текущего и итогового;
- проведение полномасштабного анализа информации/данных полученных по всем ключевым результатам в рамках проведения контроля.

В итоге у студентов после проведения, коучинг-сессий темой которых было карьерное самоопределение

должны определиться возможные профессиональные сферы, которые позволят им построить успешную карьеру. Важной задачей также является обеспечение пошагового процесса разработки будущей карьерной стратегии, на основе использования методик развития личности, что в конечном итоге позволит построить свой уникальный персональный карьерный бренд [6, с. 100]. Необходимо отметить, что важной составляющей при построении карьерной стратегии является портфолио. Портфолио молодого специалиста представляет собой своего рода визитную карточку, которая позволяет продемонстрировать свои различные качества и профессиональные навыки для получения желаемой работы. Структура портфолио содержит в себе различные персональные достижения, к примеру, в области спорта, образования, культуры, творчества, волонтерства которые подтверждаются документально. Создавая свое портфолио, студент должен объективным образом оценивать свои будущие карьерные возможности и учитывать выбираемое направление дальнейшей профессиональной деятельности. Рассмотрим более подробно основные разделы портфолио [7, с.72]:

- титульный лист, который содержит подробную информацию о себе (название вуза в котором проходит обучение студент, курс, выбранный профиль специальности, год его рождения, контактная информация и т.д.);

- персональные достижения студента в научной деятельности (участие в научно-практических конференциях, публикация научных работ и т.д.);

- наличие практического опыта (дипломы и сертификаты, подтверждающие повышение квалификации, положительные отзывы руководителей, полученные во время прохождения практик и т.д.);

- участие в социально-культурной деятельности (помощь в организации различных общественных мероприятий, участие в разнообразных конкурсах,

проектах в сфере волонтерства, спортивных соревнованиях и т.д.);

- предоставление информации о возможном дополнительном образовании, к примеру, получение второго высшего образования.

Проводить оценку студенческого резюме предлагается по следующим основным критериям: информативность представления данных; наличие структурной логики в изложении информации; степень соответствия выбранной специальности; уровень соответствия требованиям потенциального работодателя; креативность подачи/оформления материала. Создание персонального карьерного бренда в значительной мере помогает в последующем карьерном продвижении, но только при условии, что у соискателя достаточно хорошо развиты навыки самопрезентации.

Заключение

Традиционные и инновационные формы социально-культурной деятельности в определенной мере способствуют формированию карьерных стратегий, за счет проведения лекционных занятий со студентами, основная цель которых заключается в формировании определенных представлений о технологиях построения успешной карьеры, и практических занятий, нацеленных на формирование определенных карьерных компетенций, включая проведение тренингов по развитию карьерной креативности. При этом важным моментом является создание специальных организационных и педагогических условий, которые в определенной мере способствуют формированию различных карьерных стратегий молодежи, которые также учитывают влияние процессов самоуправления, включающих в себя:

- разработку уникальной поливариантной образовательной карьерной среды, которая функционирует в рамках самоорганизованного досуга, основанного на принципах сокреативности личности в выбранной студентом профес-

сиональной среде, позволяющей качественно новым образом осуществлять взаимодействие с коучем, в вопросах эффективного построения карьеры;

- построение карьерных стратегий должно осуществляться на основе персональных дифференцированных методик;

- индивидуальные и групповые (коллективные) формы организации досуговой деятельностью должны способствовать развитию карьерной активности;

- социально-культурный подход должен быть интегрирован в структуру проектной деятельности органов организующих студенческое самоуправление;

- процесс моделирования различных профессиональных ситуаций в определенной мере способствует развитию креативных навыков у студентов в вопросах построения карьеры.

Литература

1. Боткова В.К., Григорьева Е.И. Сущность и специфика карьерного самоопределения студенческой молодежи // Вестник ТГУ. – 2017. – №3 (167). – С.91-96.

2. Голубева Т.С. Предпочтения и ожидания студенческой молодежи, обучающейся по направлению «Государственное и муниципальное управление», при определении будущей карьерной стратегии // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – №10. – С.41-46.

3. Голобоков А.С., Тюгаев А.Р. Особенности и проблемы карьеры современной Российской молодежи // АНИ: педагогика и психология. – 2017. – №2 (19). – С.338-341.

4. Куликов С.П., Сазонов А.А. Мониторинг мероприятий по воспитательной работе вузов с обучающимися студентами в сфере предпринимательства и трудоустройства // Современное педагогическое образование. – 2019. – №11. – С.117-120.

5. Куликов С.П., Новиков С.В., Провирина Н.В., Савилова Н.В. Проблемы нормативно-правового регулирования

сферы молодежной политики // Перспективы науки. – 2019. – №12 (123). – С.221-225.

6. Мусина-Мазнова Г.Х., Тарасова И.В., Джумагалиева Г.Р. Акмеологический подход к формированию карьерных ориентаций специалистов социальной сферы // ЧиО. – 2017. №2 (51). – С.97-101.

7. Назарова Л.В. Карьерные стратегии российского студенчества в условиях рискогенности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – №3. – С.71-75.

Formation of career strategies of russian young people under the influence of innovative forms of social and cultural activities

Korshunov A.V., Kulikov S.P.

Moscow aviation institute (national research university)

As part of the analysis, the process of forming various strategies aimed at career development of modern Russian youth was updated, taking into account the influence of self-government. The process of organizing student self-government is considered from the standpoint of socio-cultural activities, which allowed us to determine its special form of independent, initiative social activities carried out by students of higher educational institutions, which allows us to solve the most important life issues. The author of the article also notes that student self-government contributes to the formation of social activity of students, increases the degree of interaction with the administration and various public organizations, and allows optimizing the process of choosing a future profession. It is established that modern career strategies of young people can be characterized as career orientations that are designed on the basis of personal career potential, formed under the influence of not only a certain set of competencies, but also taking into account the influence of various features associated with building a career in conditions of social uncertainty. It is determined that socio-cultural activities are characterized by a fairly wide Arsenal of technologies that allow you to significantly adapt the process of building a career. Socio-cultural activity is considered in the article from the position of a separate independent pedagogical science, the main task of which is the development of the individual based on the integration of various socio-cultural values.

Keywords: career strategies, career coworking, social and cultural activities, student government, career coaching, career branding.

References

1. Botkova V.K., Grigorieva E.I. Essence and specificity of career self-determination of student youth // Vestnik TSU. - 2017. - No. 3 (167). - S.91-96.
2. Golubeva T.S. **References** and expectations of student youth studying in the direction of "State and municipal administration", in determining the

- future career strategy // Society: sociology, psychology, pedagogy. - 2017. - No. 10. - S.41-46.
3. Golobokov A.S., Tyugaev A.R. Features and problems of the career of modern Russian youth // ANI: pedagogy and psychology. - 2017. - No. 2 (19). - S.338-341.
 4. Kulikov S.P., Sazonov A.A. Monitoring of measures for educational work of universities with students in the field of entrepreneurship and employment // Modern pedagogical education. - 2019. - No. 11. - S.117-120.
 5. Kulikov S.P., Novikov S.V., Prosvirina N.V., Savilova N.V. Problems of normative legal regulation of the sphere of youth policy // Prospects of science. - 2019. - No. 12 (123). - S. 221-225.
 6. Musina-Maznova G.Kh., Tarasova I.V., Dzhumagalieva G.R. Acmeological approach to the formation of career orientations of specialists in the social sphere // ChiO. - 2017. No. 2 (51). - S.97-101.
 7. Nazarova L.V. Career strategies of Russian students in terms of riskiness // Historical and socio-educational thought. - 2011. - No. 3. - P.71-75.

Формы проявления гражданского активизма деятелями культурно-досуговых учреждений

Левченко Наталья Валерьевна

научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, isras@isras.ru

В статье анализируются формы проявления гражданского активизма деятелей культурно-досуговых учреждений, выявленное в ходе полевых исследований. В качестве метода социологического опроса было выбрано проведение глубинных интервью с представителями районной администрации, с деятелями культурно-досуговых учреждений, с жителями районных центров. В статье показано, что для районных и особенно сельских библиотек и музеев актуальна проблема низкой посещаемости. Задачу по привлечению посетителей удаётся решать, как правило, инициативным сотрудникам. Нами были выявлены несколько видов действий по привлечению внимания местных жителей к их учреждениям. Во-первых, многие сотрудники библиотек проводят встречи с писателями и поэтами, во-вторых, проводятся различные мероприятия. В-третьих, и в музеях, и в библиотеках проходят разнообразные выставки. В-четвёртых, деятели культуры проводят беседы и экскурсии, на различные темы, это могут быть патриотические сюжеты, экологические и многое другое. В ходе исследования было обнаружено, что формирование мировоззрения и поддержание культурного уровня местного сообщества держится только на энтузиазме педагогов и деятелей культурно-досуговых учреждений, которые остаются одними из главных носителей российской культуры в районных центрах.

Ключевые слова: гражданский активизм, учебный процесс, преподавательская деятельность, школа, учреждения дополнительного образования, районные центры, актор, глобальные тренды

Введение

По результатам исследований было выявлено, что на местном уровне решающее значение в обучении и формировании мировоззрения приобретает роль педагогического сообщества. На начальных этапах исследований представлялось, что в результате осуществления реформ в системе образования изменилась роль преподавателя: нивелируются его функции в качестве воспитателя. В связи с тем, что в последнее время система школьного российского образования трансформируется под воздействием внедрения нововведений, изменяется сама суть процесса обучения [2, с. 174-180]. Теперь педагог должен стать поставщиком образовательных услуг, что может привести к отчуждению учителя от ученика. Однако исследование показало, что на уровне районных центров регионов РФ реализация реформ системы образования осуществляется двояко: инновации успешно внедряются на уровне организационных преобразований и технического переоснащения, в то же время изменения, происходящие в рамках учебно-воспитательного процесса, не принимаются педагогическим сообществом в полной мере и/или адаптируются в соответствии с их собственными ценностными установками и традициями. Преподаватели проявляют инициативу: дают знания сверх того, что требуется, и продолжают заниматься воспитанием учеников, что характерно для акторской модели управления. По мнению Аксеновой О.В. данная модель «до сих пор сохраняется в российской провинции, а несколько поколений воспитанных в акторской парадигме профессионалов все еще составляют большую

часть трудоспособного населения» [1, с. 372].

Помимо активной позиции учителей-энтузиастов по привлечению детей во внеурочные занятия проявляют и деятели культуры, к которым относятся сотрудники библиотек, музеев, домов культуры.

Как отмечают респонденты, и взрослая часть населения, и дети по-прежнему посещают библиотеки довольно часто, несмотря на активное распространение персональных компьютеров и появление сети интернет: *«Дети ходят хорошо, в основном, из-за того, что им многое задают в школе читать»* (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район).

Однако проблема низкой посещаемости всё же актуальна для районных и особенно сельских библиотек и музеев. Задачу по привлечению посетителей удаётся решать, как правило, инициативным сотрудникам, которые работают с энтузиазмом. Нами были выявлены несколько видов таких действий. Во-первых, многие сотрудники библиотек проводят встречи с писателями и поэтами из своего региона и из столиц:

«У нас бывают встречи с писателями и поэтами как с местными, так и со смоленскими» (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район);

«Мы устраиваем поэтические вечера, приглашаем на презентации книги местных писателей и поэтов» (из интервью с сотрудником библиотеки, Архангельская область, Холмогоры);

«У нас недавно был день «Детской книги», состоялась встреча в Изборской библиотеке, к нам приезжал писатель из Москвы. Всем очень понравилось» (из интервью с сотрудником библиотеки, Псковская область, Печоры);

«Сейчас будет проходить Волошинский сентябрь 10-го числа. В общем, что нужно делать с детьми, у нас всё делается» (из интервью с сотрудником библиотеки, Республика Крым, Феодосия).

Во-вторых, проводятся различные мероприятия, наиболее распространённые из них – это «библионочь» и «ночь в музее»:

У нас была «Библионочь», в детском и во взрослом отдела проводились экскурсии по библиотеке, викторины и другие интеллектуальные игры (из интервью с сотрудником библиотеки, Нижегородская область, Шуя).

В-третьих, и в музеях, и в библиотеках проходят разнообразные выставки:

«У нас каждый месяц новая выставка» (из интервью с сотрудником библиотеки, Тамбовская область, Мичуринск);

«Мы делаем фотовыставки, представляем изделия народных промыслов района, привлекаем мастеров. К нам приезжала женщина, которая занимается резьбой по дереву. Мы представляем на праздниках работы местных художников» (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район);

«Мы устраиваем разные выставки, и народ туда ходит. И детей к нам водят с удовольствием. Мы даже составляем график, чтобы не было накладок. У нас есть в городе школа искусств, мы с ними тоже сотрудничаем, они, например, украшают наши мероприятия своими танцами» (из интервью с сотрудником библиотеки, Псковская область, Печоры);

«Выставки различные. Это и привозные выставки из Москвы и Петербурга. Была выставка бабочек из Воронежа. Популярны восковые фигуры, динозавры, керамика, картины курских художников. В основном выставки из Воронежа, Белгорода, Орла, Тамбова. Выставки местных художников. В нашем музее 500 картин, все они подлинники» (из интервью с сотрудником музея, Курская область, Суджа).

Иногда инициатива исходит не только от сотрудников учреждения культуры, свои идеи могут предлагать посетители, учителя школы или директора учреждений: *«У нас есть программа по творчеству Грина. Есть программы*

по увековечиванию памяти знаменитых творческих деятелей. Эти все программы – инициатива наших директоров» (из интервью с сотрудником библиотеки, Республика Крым, Феодосия).

В-четвёртых, деятели культуры проводят беседы и экскурсии, на различные темы, это могут быть патриотические сюжеты, экологические и многое другое:

«Студентам и школьникам мы проводим экскурсии по периоду Великой Отечественной Войны, по природе нашего края, по археологии, по архитектуре, и все это мы рассказываем в музее. Была в этом году шоколадная выставка, по истории как появился шоколад. С дегустацией шоколада, кстати. Помогли спонсоры (из интервью с сотрудником музея, Псковская область, Рыльск);

«У нас были беседы о сквернословии, но мы это интересно проводим» (из интервью с сотрудником библиотеки, Архангельская область, Холмогоры);

«Мы делали мероприятие по блокаде Ленинграда, рассказывали про узников концлагерей, о политических репрессиях. Также у нас есть праздник 27 сентября «День освобождения Смоленщины»» (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район).

Помимо этого, сотрудники культурно-досуговых учреждений пытаются соответствовать современным запросам общества, так, например, в некоторых библиотеках сотрудники ведут страничку в социальных сетях: *«У нас есть детская страничка «Вконтакте», там у нас все новости, какие конкурсы мы проводим, есть там даже детское жюри, т.е. есть возможность проявить инициативу и оценить участников» (из интервью с сотрудником библиотеки, Республика Крым, Феодосия).*

Существуют также эксклюзивные виды деятельности, в Холмогорах Архангельской области, например, одна из

сотрудников библиотеки организует кукольный театр для посетителей. В Псковской области сотрудники библиотеки проводили молодежные выборы, аналогичные выборам в местную власть: *«Мы выбирали из 5 кандидатов среди молодежи и урны делали и бюллетени. Выбрали учителя истории из школы. Иногда мы проводим в молодежной среде мероприятия, даже в тех районах, где молодежи-то всего человека 2-3. Вручали призы, футболки и т.д. В общем, молодежь мы тормозим» (из интервью с сотрудником библиотеки, Псковская область, Печоры). В Курской области в краеведческом музее проводятся нестандартные акции: «Мы свадьбы обрядовые проводим. Русская свадьба должна по обряду состояться. Мы даже дни рождения проводили. К нам привели почти целый класс, какие-то подарки подарили имениннице, мы провели экскурсию, и дети счастливые ушли домой» (из интервью с сотрудником музея, Курская область, Рыльск).*

Кроме проводимых выставок и мероприятий, музеи, библиотеки и дома культуры участвуют в городских праздниках: *«У нас бывает праздник, например: «Праздник посёлка», мы выходим на площадь» (из интервью с сотрудником библиотеки, Свердловская область); «У нас был как-то рыцарский турнир, мы тоже там принимали участие...и на 9-е мая» (из интервью с сотрудником библиотеки, Республика Крым, Феодосия).*

В качестве ещё одного вида работы с населением можно указать деятельность любительских кружков. В ходе исследования было выявлено, что кружки организуют либо сами сотрудники библиотеки, либо их посетители:

«У нас есть ещё экологический клуб при детской библиотеке» (из интервью с сотрудником библиотеки, Псковская область, Печоры).

В домах культуры их, как правило, великое множество:

«У нас много любительских коллективов, кружков, отряд «Звёздочка»,

хореографические кружки, клуб общения «От мала до велика»» (из интервью с сотрудником Дома культуры, Псковская область, Рыльск);

«С 2011 г. у нас работает клуб «Завалинка» - это клуб любителей литературы и искусства. Там порядка 20 человек, они организуют выставки, чтения стихов и т.д. Проводят творческие встречи с поэтами Холмогорского района. Мы им рассказываем про интересные их темы в области литературы, подготавливаем лекции. У нас школа находится совсем рядом, и учителя часто приводят детей в этот клуб» (из интервью с сотрудником библиотеки, Архангельская область, Холмогорский район);

«У нас есть кружки любителей литературы и искусства, они проводят тематические встречи раз в месяц, обычно – это последнее воскресенье месяца» (из интервью с сотрудником библиотеки, Архангельская область, Северодвинск).

Наряду с положительными аспектами деятельности культурно-досуговых учреждений, существуют и некоторые сложности в их работе. Так, зачастую сотрудникам учреждений приходится сталкиваться с ведением большого количества документации: «Не успеваем проводить экскурсии, не успеваем записывать те экспонаты, которые к нам поступают. Слишком много бумажной работы для того, чтобы ещё и какие-то кружки организовывать» (из интервью с сотрудником музея, Курская область, Суджа).

Также есть серьёзные проблемы в области финансирования: как правило, выделяется небольшая сумма денежных средств, которой недостаточно для того, чтобы обеспечить библиотеки актуальной литературой, которая пользуется спросом, заменить истрепавшиеся книги старых времен или отремонтировать здание, то же самое касается музеев и домов культуры: «Выделяются деньги на выписку газет и журналов, на книги выделяли немножко. Сейчас из бюджета выделяется совсем немного,

а нам ещё требуется капитальный ремонт. Наше здание – это памятник XIX в., так что отремонтировать его очень сложно. Нам давали средства депутаты из областной думы, мы сделали окна. Будем дальше стараться выжить» (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район).

Положение усугубилось со вступлением в силу закона «об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», согласно которому финансирование библиотек теперь становится задачей местной власти: «У нас есть острая нехватка книг детской и взрослой литературы, можно сказать, что последнее время мы вообще ничего не получаем» (из интервью с сотрудником Дома культуры, Курская область, Рыльск).

В результате активисты тратят собственные деньги для печати различных трудов и сборников, на проведение праздников и т.д.:

«А сборники издаются за наш счёт, выкраиваем из нашего бюджета, но на 5-й сборник нам всё-таки выделили деньги из местного бюджета» (из интервью с сотрудником библиотеки, Псковская область, Печоры);

«Новый Год мы проводим обязательно. Раньше мы скидывались сами, т.е. складывали свои деньги, чтобы дать ребёнку подарок, иногда мы выбивали, а при России уже денег не давали, мы сами скидывались (из интервью с сотрудником библиотеки, Республика Крым, Феодосия).

В селе ситуация складывается примерно так же, как и со школами (см: Образование в школе: традиции, инновации, воспитание граждан), в некоторых сёлах нет библиотек, музеев, поэтому детям приходится идти в соседнее село: «И взрослое население ходит, и дети, но там детей мало. Осталось, наверное, школ 5 на селе. Есть сёла, где из одного села ходят в библиотеку другого села» (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район).

В целом, можно отметить, что инициатива исходит не только от сотрудников культурно-досуговых учреждений, но и от учителей общеобразовательных учреждений тоже:

«Мы проводим с нашей школой совместные мероприятия. Мы иногда приходим в школу и приглашаем к нам на какое-нибудь мероприятие, или же школа приходит к нам и даёт нам определённую тему для подготовки»(из интервью с сотрудником библиотеки, Орловская область);

«Учителя приходят с идеями, и мы к ним приходим. Мы 9 мая проводили мероприятие «Песни военных лет», это была их инициатива. Они попросили нас подготовиться к этому, мы рассказывали историю песен. Были 8-10 классы. Дети с удовольствием приходят на наши мероприятия. У нас в детской библиотеке проводятся мероприятия для более младших классов» (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район);

«Мы детей приглашаем, бывает один класс приходит, а бывает и два, как кто согласится. Мы расставляем специально стулья и занимаемся с детьми, редко два класса получается уместить, т.к. классы большие – по 30 человек, а потом они идут в Музей Древности, но здесь учителя сами разрабатывают программы» (из интервью с сотрудником библиотеки, Республика Крым, Феодосия);

«Мы приходим в школы и приглашаем в музей, тем более мы знакомы со многими учителями и им предлагаем привести школьников. Вообще, если у нас планируется какое-то мероприятие, мы делаем рекламные листовки и разносим по школам, оставляем в учительской. И мероприятия проходят не во время уроков, а в свободное время, и дети отзываются и приходят, иногда по рекомендациям учителей, иногда сами. Более активны – маленькие, начальные классы. Мы награждаем их дипломами»(из интервью с сотрудником библиотеки, Архангельская область, Северодвинск);

«Чаще всего мы проводим экскурсии для младших и средних классов, редко приходит кто-то из старших. Но у нас выставка работает постоянно, так что и родители с детьми приходят, и бабушки с внуками, у нас народ есть всегда. Какие-то экспонаты мы делаем сами, чтобы показать, например, народную одежду, в отделе нас, в основном двое»(из интервью с сотрудником библиотеки, Архангельская область, Северодвинск);

«Мы пытаемся со школами проводить работу, но я не называю это кружками. Это просто работа с детьми, которые очень любят историю и археологию. Мы совместно с техникумом искусств и археологами, которые у нас несколько лет уже работают, объединяемся и занимаемся вместе» (из интервью с сотрудником музея, Курская область, Суджа).

Помимо школы, сотрудники учреждений, связанных с поддержанием культуры, сотрудничают и с другими организациями, к ним относятся и культурные учреждения других регионов и стран, с монастырями, с различными обществами и кружками за пределами их учреждения, с учреждениями дополнительного образования:

«Есть в читальном зале – «В мире прекрасного» - это совместно с картинной галереей, раньше к нам даже приносили картины, и они у нас находились дня два. Сейчас картины мало приносят, но детей мы водим смотреть картины»(из интервью с сотрудником библиотеки, Республика Крым, Феодосия);

«Ещё у нас очень тесные связи с монастырём, у нас работает и духовная школа» (из интервью с сотрудником библиотеки, Псковская область, Печоры);

«У нас очень тесная связь с обществом слепых, мы проводим много очень мероприятий. В среднем 8-9 мероприятий в год. Летом, конечно, нет, потому что разъезжаются все. А вот, в октябре они идут. Дальше День бе-

лой трости, Декада инвалидов, Новогодний праздник, День матери, 8 марта, 9 мая. В этом году мы делали праздник по нашему земляку, поэту-инвалиду Дутову Алексею. Проводили по Асадоу, по Бунину (из интервью с сотрудником музея, Курская область, Суджа).

Также налажены прочные связи с учреждениями соседних стран:

«С Белоруссией у нас дружеские отношения, мы общаемся с нашими белорусскими коллегами, мы с ними встречаемся каждый год. Есть праздник 2 апреля «День объединения народов России и Белоруссии», и вот мы обмениваемся опытом» (из интервью с сотрудником библиотеки, Смоленская область, Краснинский район).

Таким образом, деятели культуры – энтузиасты, они активно привлекают взрослое и детское население на свои мероприятия, однако в то же время и родители заинтересованы в деятельности таких учреждений, в домах культуры начинают приводить детей с самого раннего возраста, с которого только возможно привести:

«Родители приводят маленьких детей, дети 4-5 класса уже ходят сами. Кого-то забирают, встречают, маленьких только сами родители в фойе ожидают, когда закончится занятие. У них там всё по группам, в группу много не набирают, чтобы каждому уделить время, человек по 5 и каждый день разные дети, по 2 раза в неделю ходят. В день бывают и 4 группы, достаточно. Они у нас арендуют здесь уже давно, мы их уже считаем своими» (из интервью с сотрудником Дома культуры, Курская область, Рыльск);

«У нас много детей, по последним отчётам у нас до 14 лет занимаются 400 с лишним человек. У нас идут от 3 лет, детский центр развития, туда входит всё – писать, читать, психолог, невролог, логопед. Маленькими детьми занимаются в этой студии, приезжают на лето сюда и как раз спрашивают, что для такого возраста можно, куда поводить. Дальше

мы берём, с трёх лет в принципе можно, смотря какой ребенок, с 4, с 5 в основном – хореография, пение. У нас ещё был кружок, но уехал преподаватель – художественное слово. Много стараемся для детей делать» (из интервью с сотрудником Дома культуры, Курская область, Рыльск).

В ходе исследования было выявлено, что, как правило, сотрудники культурно-досуговых учреждений являются инициативными, выполняющими свою работу с большим энтузиазмом. Предположительно, при ином подходе сотрудники долго работать в таких учреждениях не смогли бы, т.к. там достаточно специфическая работа и условия труда, требующие полного увлечения своим делом и высокой ответственности.

Таким образом, несмотря на все трудности и проблемы, с которыми сталкиваются директора, учителя и сами школьники, главное для преподавательского состава – это то, чтобы школьники получали достойное образование и двигались вперёд. И потому результаты школьной преподавательской деятельности очень высоки. Выпускники практически всех районных школ (нередко около 100%) поступают в вузы и ссузы районных и областных центров, в ведущие вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Таким образом, сохраняется «главная ориентация старшеклассников школ – это получение диплома о высшем образовании»[5, С. 160].

В рамках проведенных глубинных интервью было выявлено, что поддержание культурных традиций держится только на инициативе и энтузиазме деятелей культурно-досуговых учреждений, которые остаются одними из главных носителей российской культуры в районных центрах регионов России. Предположительно, при ином подходе сотрудники долго работать в таких учреждениях не смогли бы, т.к. там достаточно специфическая работа и условия труда, требующие полного увлечения своим делом и высокой ответственности.

Литература

1. Аксенова О.В. Модели управления в России и на Западе: риски и перспективы развития // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 348-372.

2. Байрамова, Ж.М. Интеграция образования и науки как движущая сила модернизации экономики России / Ж.М. Байрамова. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. №4. С.174–180.

3. Возьмитель А. А. Образ жизни: от советского к российскому // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М. К. Горшков. Вып. 10. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История. 2011. С. 281-303

4. Еманова С.В., Хомутникова Е.А. Дополнительное образование детей и взрослых как фактор формирования досуговой культуры студенческой молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 55-56.

5. Петросьян Д. И. Противоречия патриотических настроений как отражение социальных изменений: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/protivorechiya-patrioticheskikh-nastroenii-kak-otrazhenie-sotsialnykh-izmenenii> [Дата посещения: 03.05.2019].

Forms of civil activism by cultural and leisure institutions
Levchenko N.V.

Russian Academy of Sciences

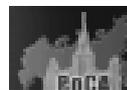
The article analyzes the forms of civil activism of cultural and leisure institutions, identified in the course of field research. As a method of

sociological survey, in-depth interviews with representatives of the district administration, cultural and leisure institutions, and residents of district centers were chosen. The article shows that the problem of low attendance is relevant for regional and especially rural libraries and museums. The task of attracting visitors can be solved, as a rule, by initiative employees. We have identified several types of actions to attract the attention of local residents to their institutions. First, many library staff hold meetings with writers and poets, and second, various events are held. Third, various exhibitions are held in museums and libraries. Fourth, cultural figures conduct conversations and excursions on various topics, such as Patriotic stories, environmental issues, and much more.

Keywords: civic activism, educational process, teaching, school, institutions of additional education, district centers, actor, global trends

References

1. Aksenova OV Management models in Russia and in the West: risks and development prospects // Reforming Russia: yearbook: issue 16 / отв. ed. M.K. Gorshkov. M.: New Chronograph, 2018.S. 348-372.
2. Bayramova, J.M. Integration of education and science as a driving force for the modernization of the Russian economy / Zh.M. Bayramova. // Bulletin of the Penza State Pedagogical University. V.G. Belinsky. 2011. No. 4. Pp. 174-180.
3. Recipient A. A. Lifestyle: from Soviet to Russian // Reforming Russia: Yearbook-2011 / Отв. ed. Academician of RAS M.K. Gorshkov. Issue 10. M.; SPb.: Institute of Sociology RAS, Nestor-History. 2011.S. 281-303
4. Emanova S.V., Khomutnikova E.A. Additional education for children and adults as a factor in the formation of leisure culture of student youth // World of Science, Culture, Education. 2018. No. 6 (73). S. 55-56.
5. Petrosyan DI Contradictions of patriotic sentiments as a reflection of social changes: Author's abstract. dis. ... Cand. sociol. sciences. M., 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/protivorechiya-patrioticheskikh-nastroenii-kak-otrazhenie-sotsialnykh-izmenenii> [Date of visit: 03.05.2019].

Семейно-брачные отношения в жизни уральского православного населения в 80-е годы XIX –начало XX вв.

Перебайнос Артем Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, pos75@mail.ru

Никитин Леонид Витальевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, nikitinlv@cspu.ru

Пташко Татьяна Геннадьевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, ptashko75@mail.ru

Савченков Алексей Викторович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, alex2107@mail.ru

В статье раскрывается вопрос формирования семейно-брачных отношений Уральского православного населения конца XIX-начала XX вв. Характеризуются мотивы создания семьи для девушек и юношей, к которым относят небольшую продолжительность жизни, устои традиционного общества, стремление обеспечить семью рабочими руками, сформированность молодых людей как кадровых рабочих. Обозначены вопросы возраста вступления в брачные отношения, подходы к выбору девушек в жены. Раскрыты вопросы организации свадеб, среди которых практиковались браки «убегом». Охарактеризованы трудности создания семьи, связанные с вероисповедальным характером, изменения в сфере семейных отношений к началу XX столетия, связанные с активным освоением молодежью элементов городской культуры. Раскрыто положение молодежи в системе внутрисемейных отношений, роль женщины в семейных отношениях.

Ключевые слова: семья, семейно-брачные отношения, нравственность, молодежь, мотив создания семьи

Вопрос формирования семейно-брачных отношений уже много веков является актуальной проблемой общества. В конце XIX-начале XX вв. наблюдаются особенности становления семейных отношений среди Уральского населения.

Распространенные в то время народные чтения, спектакли и различного рода увеселения, религиозные праздники, на наш взгляд, служили не только повышению уровня культуры и восстановлению физических и психических сил после тяжелой производственной деятельности. Для молодых уральцев они выполняли еще и коммуникативную функцию. На них молодые люди знакомились друг с другом. Нередко такие знакомства приводили к созданию семьи.

Брачные отношения занимали особое место в семейно-бытовой сфере жизни. Возраст для вступления в брак для девушек был 16-18 лет, для юношей - 18 лет. Женились на Урале рано.

Об этом говорит значительное число преждевременных (до 20 лет) браков. В Оренбурге за 1874-1883 годы на их долю пришлось 57% бракосочетаний [1, с. 67].

Особенно это касалось девушек, которые создавали семью гораздо раньше, чем мужчины. По нашим подсчетам, в 1897 году на Урале в возрасте 17-19 лет состояло в браке девушек в 2,9 раза больше, чем юношей [2, с.28]. Мужская молодежь Урала создавала семью в более зрелом возрасте. Поэтому, когда речь идет о ранних браках (20-25 лет), положение меняется. В Екатеринбурге за 1883-1891 годы количество юношей, вступивших в брак от 20

до 25 лет, по сравнению с предыдущей возрастной группой (до 20 лет) выросло на 23,8%, составив 34,2% от общего числа. Число девушек наоборот сократилось на 16,3% и стало равняться 30,9% от всех женщин, создавших семью [3, с.842]

Такие тенденции сохранялись на Урале и в начале второго десятилетия XX века. О чем свидетельствуют данные таблицы [4, с.808-824].

Таблица 1.
Возрастной состав молодежи, вступившей в брак в Оренбургской и Уфимской губерниях 1913-1914 годов

Губернии	вступило в брак в % от общего числа					
	преждевременно (до 20 лет)			рано (20 - 25 лет)		
	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.	ж.п.	об.п.
Оренбургская	48,9	76,7	62,7	25,7	12,0	18,8
Уфимская	27,4	67,4	47,4	39,6	18,6	20,8
Итого в среднем	38,1	72,0	55,0	32,6	15,3	19,8

Из данных таблицы видно, что более половины молодых людей вступало в брак, не достигнув 20 лет. Причем девушек, создававших семью в том возрасте, больше (72,0%), чем мужчин (38,1%). Положение менялось в следующей возрастной группе (20-25 лет), где мужчины вступали в брак чаще (32,6%), чем женщины (15,3%). Это можно объяснить тем, что обычно жених на 2-3 года был старше невесты. Если же юноша женился после армии, то разница достигала 6-8 лет. Подобное положение характерно как для городской, так и для сельской молодежи.

У молодежи стремление к раннему созданию семьи, на наш взгляд, модно объяснить рядом объективных причин. Во-первых, это было обусловлено небольшой продолжительностью жизни, в результате чего возникала необходимость прохождения основных этапов социализации, в том числе создание семьи, в более молодом возрасте. Этим объясняется достаточно высокий уровень брачности среди молодежи России, особенно женской. Так, в 1897 году

75,9% девушек в возрасте от 20 до 29 лет имели семью. На Урале, по нашим данным, этот показатель был еще выше - 81,4%. [5].

Во-вторых, на рубеже веков в России и на Урале в сфере брачно-семейных отношений огромную роль еще играли устои традиционного аграрного общества. Основополагающим было убеждение, что нормальное состояние человека - быть отцом или матерью семейства. Все остальные состояния считались ущербными, горестными, а то и просто позорными. В связи с этим на рубеже второго-третьего десятилетия лет жизни перед девушкой стояла реальная перспектива перехода из категории молодежи в категорию старых дев. Это подтверждают исследования В. Ю. Крупянской, Н.С.Полищук. Авторы пишут, что девушка после 20 лет с трудом могла рассчитывать на брак со сверстником, так как они считались для них «перестарками». Поэтому они нередко выходили замуж за вдовцов. Как тогда говорили, «выходили на детей» [6, с.74].

Такая же проблема вставала перед парнем, которого все чаще начинали называть холостяком (в давние времена этим термином называли кастрированное животное), а затем переводили в разряд бобылей. Ущербность одиночки в глазах общественного мнения не вызывала сомнений. Это служило, по нашему мнению, одним из самых сильных моральных стимулов к скорейшему вступлению в брак для большинства молодых людей.

В-третьих, наличие значительного числа ранних и преждевременных браков можно объяснить стремлением обеспечить семью лишними рабочими руками. Особенно это было характерно для Уфимской и Оренбургской губерний. Здесь помимо заработков на производстве существовали благоприятные климатические условия для получения хороших урожаев с надела. Поэтому брак тут нередко являлся средством для приобретения даровой рабочей силы.

В-четвертых, причиной раннего вступления в брак служит и тот факт,

что уже к 19-20 годам молодые люди становились кадровыми рабочими. Большинство исследователей относят к кадровым рабочим тех, кто отработал на производстве не менее 5 лет [7, с. 132-133]. Юноша на Урале к 19-20 годам в среднем имел производственный стаж - 6-7 лет.

Именно в этом возрасте они имели одинаковую со взрослыми квалификацию, заработную плату и продуктивное довольствие. Это им позволяло наравне со старшими заводить и содержать семью.

Из анализа периодической печати тех лет и этнографической литературы мы наблюдаем некоторую «сезонность» в заключении браков. Больше всего их заключалось в ноябре, январе, феврале. Гораздо меньше свадеб игралось в летний период. Это связано с календарем сельских работ. А небольшое количество браков в марте и декабре объяснялось большим количеством постов.

Подход к выбору кандидаток в жены в ряде районов Урала был весьма своеобразным. Особенно ярко это проявлялось у пермяцкого населения. Целомудрие невесты не имело для них никакого значения. Молодые пермяки охотно женились на явно беременных девушках. Распространена была женитьба и на пермянках, имеющих взрослых детей или мирношей (т.е. дитя рожденное от мира). Это часто объяснялось желанием иметь как можно раньше полноценного помощника (борновола) [8, с. 19].

То есть сомнительное прошлое невесты не служило препятствием для выхода замуж. Несколько иначе обстояло дело среди русского населения, где гораздо больше внимания уделялось репутации невесты, поведению девушки, ее нравственным устоям. Как тогда говорили: «Хоть и так-то девка не плоха, а по породе-то и вовсе не похаеть». Однако основным достоинством или недостатком избранницы был все же размер ее приданного.

«Брак у русских лишь иногда устраивается по взаимной склонности молодых людей, но чаще всего он происходит по расчету и представляет собой простую сделку между той и другой стороной» [10, с. 233]. Иногда такой расчет доходил до мелочей. В качестве примера можно привести такой факт. В Чермоозском заводе парень сватался к двум девушкам одновременно и женился на той, которая постарше. Причиной такого выбора стало наличие у нее швейной машинки стоимостью в 14 рублей [11, с. 46].

В конце XIX - начале XX века «ввиду страшного франтовства заводской молодежи» практиковались пьяные и разгульные свадьбы, требовавшие больших денег и долгов. Нередко обе стороны входили в непосильные долги, которые оплачивались местными кулаками, под высокие проценты. Как тогда говорили: «невесту замуж отдать, надо дом продать» [11, с. 45].

Эта пословица недалеко от истины. Мастеровой, зарабатывавший от 20 до 25 рублей в месяц, чтобы произвести впечатление на окружающих, устраивал свадьбу в 200 рублей. Когда же дни торжеств миновали, кредиторы начинали вычитать из жалованья сумму долга. Поэтому с первых же дней молодые начинали «приучать свои желудки к бражке с черным хлебом, а во сне видеть кошмарные сны про долги» [12, с. 45].

Чтобы избежать таких расходов, на Урале практиковались браки «убегом» или «уволоком». Т.е. молодые сбегали и венчались тайно. В большинстве случаев это делалось по договоренности с родителями. Они для посторонних делали вид, что невесту похитили, а сами в действительности оказывали содействие по устройству брака. Часто не только сами припасали коней для похищения, но и отвозили брачующихся в церковь. Как называемые «самокрутные» свадьбы практиковались и в среде инородческого населения регионов [13, с. 18].

«Умыкание» невест имело место и в тех случаях, когда не было надежды получить родительское благословение. Это тоже имело место, т.к. практика заключения брака по воле родителей имела широкое распространение вплоть до XX столетия.

Вместе с тем, в этот период все отчетливее набирает силу тенденция, когда молодые семьи создавались на основе взаимных симпатий. Особенно это характерно было для юношей и девушек, выходцев из рабочих семей.

На пути создания семьи молодежь сталкивалась не только с материальными, но и с трудностями вероисповедального характера. По нашему мнению, это было связано, с одной стороны, с наличием в крае значительного количества старообрядческого населения из Тулы. Они, например, упрекали переселенцев с Украины в отсутствии «твердых семейных устоев и в их разлагающем влиянии на местную молодежь». Поэтому они всячески препятствовали сближению молодых людей «не по вере». В этой связи нам кажется интересным случай, описанный в этнографическом исследовании В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищуком - «сын рабочий 19 лет женился на единоверке, и та уговорила его принять единоверие и венчаться в церкви. Мать жениха(кержачка) знала об этом и в то время, когда происходило венчание, она пошла в хлев, упала лицом в навоз и так лежала, пока шел обряд. Такова была сила ее религиозной скорби [14, с.264-265]

Несколько по-иному проблема выбора стояла перед башкирской молодежью. Дело в том, что на рубеже веков среди инородцев повсеместно бытовала экзогамия. Т.е. парень не имел права брать себе девушку из своего рода или волости. Потому часто за невестами ездили за 100 верст [15, с.61].

К началу XX столетия, с бурным развитием капиталистических отношений, активным строительством железных дорог и благодаря новому притоку на Урал пришлого населения, в брачно-семейную сферу жизни молодых уральцев,

как справедливо подметил большой знаток уральского быта Д.Н. Мамин-Сибиряк: «влилась широкая струя новых условий» [16, с.409].

Прежде всего, это связано с активным освоением молодежью элементов городской культуры. Следствием чего стала ломка областной замкнутости между различными этническими группами населения. Шла унификация культурных традиций и особенностей, бытовавших на малой родине переселенцев из Калужской, Орловской, Курской, Костромской, Тульской и других губерний. Характерным проявлением этого процесса был рост числа смешанных в вероисповедальческом и этническом отношениях браков. Кержаки (а кержаками на Урале называли выходцев из Керженской волости Нижегородской губернии, они по преимуществу были старообрядцами) все чаще рождались не только с близкими им по семейному укладу выходцами их южнорусской полосы (туляками), но и с хохлами. Башкирское население активно вступает в брак со своими соседями татарами и мищарами. По этому, к началу XX столетия, по нашему мнению, очень часто молодая рабочая семья представляла собой смешение областных, этнических и культурных элементов.

С 70-ых годов XX века в России начинаются изменения в структуре семьи. На смену большой (состоящей из 3-х поколений) крестьянской семье приходит малая (из 2-х поколений и относительно небольшим количеством детей) рабочая семья.

На Урале этот процесс имел место в изучаемый нами период. При этом у него была своя специфика. Среди населения фабричных поселков еще долго сохранялась традиция, по которой один из сыновей, как правило младший, создав свою семью, продолжал жить вместе с родителями. Т.е. под одной крышей нередко проживали три поколения. В уральских семьях данное явление сохранялось до Первой мировой войны.

На Урале была еще одна особенность в семейно-брачных отношениях.

Здесь количество рождений на один брак было выше, чем в целом по России. По нашим данным, в середине 70х - начале 80х годов в Оренбургской и Пермской губерниях количество рождений на один брак составляло соответственно 5,7 и 5,2 ребенка, тогда как в России - 4,7 [17, с.596].

Такая тенденция в уральских семьях сохранялась и в начале XX века. По нашим подсчетам в Уфимской и Оренбургской губерниях в последний предвоенный год на один брак приходилось в среднем около 5,3 рождений [18, с.796-801, 808-823; 19, с.3, 46-49].

Несмотря на высокую детскую смертность в России, рабочие семьи в изучаемый нами период оставались многодетными. При этом четко прослеживается еще одна особенность. Число детей в уральских рабочих семьях было больше, чем в семьях Центральной России. По данным В.Ю. Крупянской, в Москве в 1897 году семьи из двух - четырех человек составляли 62%, в то время как в Нижнем Тагиле около 60% горняков имели от 3-х до 5 детей [20, с.274].

Такое же число детей было и в семьях и более крупных уральских городов.

Долгое сохранение на Урале больших семей было обусловлено рядом факторов. С одной стороны, во многих районах региона состав населения продолжительное время оставался постоянным (особенно это касается старообрядческих селений, находившихся на территории современной Курганской области), что способствовало консервации устоев бытовой культуры. С другой стороны, в большинстве своем молодые уральские рабочие находились в более комфортных жилищных условиях, чем их сверстники на юге России. Большинство уральцев проживали в своих домах и почти не сталкивались с «казарменно-каморочной» системой жилья, которая была широко распространена во многих регионах России.

В исследуемый нами период постепенно меняется положение молодежи в

системе внутрисемейных отношений. Характерной чертой социально-психологического облика молодого рабочего этого времени становится его эмансипация, стремление к самостоятельному решению жизненных проблем. Это было обусловлено повышением в целом уровня социальной активности молодежи того периода [21]. Особенно это касалось девушек, которые активно привлекались как на производство, так и в качестве прислуги в семьи заводской администрации.

Нередко юноши и девушки наряду со старшими, а зачастую и вместо них становились кормильцами семей. Такое положение, с одной стороны, несомненно, повышало чувство солидарности между родственниками, создавало основу для более демократичного и равноправного строя семейных отношений.

С другой стороны, ситуация, при которой нарушались общинно-бытовые устои, меняла психологический облик рабочей молодежи, причем не всегда в лучшую сторону. В предыдущую эпоху каждая отдельная личность неразрывно была связана с семьей. А каждая семья жила в миру и была сильна этим миром. В конце XIX - начале XX веков связь поколений заметно ослабевает. Каждый подросток, устроившийся на работу и заработавший свои первые деньги, начинал чувствовать себя вполне самостоятельным, поступающим по собственному усмотрению. Нередко самостоятельность и взрослость молодые люди доказывали грубым и жестоким отношением к жене и детям. Избиение жены по самому ничтожному поводу не только не осуждалось, но даже считалось молодецеством и геройством. Так, в Сысертском заводе «муж 24 лет чуть не лишил жену 22 лет жизни топором, т.к. живет с ней не в ладу». Такого рода случаи были весьма частым явлением как на Урале, так и в России [22, с.3; 23, с.1025; 24, с.10]. Одной из распространенных причин такого поведения было пьянство. Это явление имело в стране и регионе глубокие социальные корни

[25]. Оно подрывало семью не только экономически, но и морально.

Положение молодой жены в такой ситуации становилось особенно незападным. Дело в том, что обряд венчания у православных считался священным, и развод был практически невозможен. Да и не каждая жена могла пойти на разрыв с мужем, ведь она рисковала остаться с малолетними детьми без средств к существованию. Резко отрицательно жизнь в такой обстановке сказывалась и на воспитании детей. Они с ранних лет «слышали и видели много дурного: например, отцы, насколько не стесняясь, сквернословят при детях, ссорятся со своими семьями и соседями. Отсюда все безнравственное в пермяках, здесь корень всех пороков, которыми так резко отметил себя нравственный и духовный быт [26, с. 120-121].

Обобщая вышесказанное, выделим общие тенденции: наблюдается увеличение ранних браков; стремление к созданию и сохранению семейно-брачных отношений, что объяснялось небольшой продолжительностью жизни, сохранением устоев традиционного общества, стремлением обеспечить семью лишними рабочими руками; материальная ориентированность брачных партнеров; тенденция уменьшения замкнутости между различными этническими группами населения при вступлении в брак;

рождение большого количества детей в семьях, сохранение больших семей (2-3 поколения); возрастание роли женщины в браке при условии становления ею кормильцем семьи, что являлось основой для равноправия семейных отношений, вместе с тем, сохранение грубого и жестокого отношения к ней со стороны супруга.

Литература

1. Белавин К. Оренбург географическо-статистический очерк // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1891. №7. С. 67

2. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. Т. 10. С. 28., Т. 28. С. 16, Т. 31. С. 34-35., Т. 65. С. 8-11.

3. Екатеринбургская неделя 1892. №44. С. 842

4. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа. 1915. С. 808-824.

5. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. Т. 10. С. 28, Т. 28. С. 16., Т. 31. С. 34-35., Т. 65. С. 8-11.

6. Крупянская В.Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (кон. XVIII-нач. XX веков). М. 1971. С. 74

7. Иванов Н.А. Структура рабочего класса в России 1910-1914 гг. М.: 1987. С. 132-133.

8. Камасинский Я. Около Камы этнографические очерки и рассказы. М.: тип. И.Д. Сытина, 1905. С. 19.

9. Рогов Е. Материалы для описания быта пермяков. См. Пермский сборник (повременное издание). М, 1860. С. 70-71

10. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1912. №7-8. С. 233

11. Новокрещенных Н.Н. Чермоозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб: Тип. Р. Голике, 1889. С. 46.

12. Пермская земская неделя. 1909. № 43. С. 45

13. Невзоров А.С. Из быта села Птичьего Челябинского уезда Оренбургской губернии. Юрьев, 1902. С. 18

14. Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М-Л: АН СССР. 1955. С. 264-265

15. Крупянская В.Ю., Полицук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (кон. XVIII - нач. XX веков). М: Наука. 1971. –С. 61.

16. Мамин-Сибиряк Д.Н. Три конца. Свердловск: Средне-урал. кн. изд-во. 1969. С. 409.

17. Екатеринбургская неделя. 1891. №27. С. 596

18. Хозяйственно статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа: тип. Земства. 1915. С. 796-801, 808-823.

19. Обзор заразных заболеваний в Оренбургской губернии, зарегистрированных по карточной системе. Оренбург: тип. губ. зем. упр., 1915. С. 3, 46-49.

20. Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих / В.Ю. Крупянская // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. Сб. научных статей] - М.: Наука. 1970.- С. 274.

21. Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г. Участие учащейся молодежи Урала в общественной, культурной и политической жизни во второй половине XIX – начале XX веков//Новый исторический вестник. 2018. №57. С.42–59.

22. ГАПО. Ф 276. Оп.2. Д. 10. Л. 85 об. 114. Урал. 1900 . №869.С 3

23. Екатеринбургская неделя 1890. № 46. С. 1025

24. Голговский А. Современный рабочий в физическом, нравственном отношении: причины, поддерживающие невысокий уровень его развития, и меры к поднятию его благосостояния // Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. Н. Новгород. 1896. т. 5, вып. 2.С. 10.

25. Пташко Т.Г. Перебейнос А.Е. Сравнительный историко-педагогический анализ путей решения проблемы профилактики алкоголизма среди молодежи в условиях образовательной среды (конец XIX и начало XXI веков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 7. С. 71-76.

26. Рогов, Е. Материалы для описания быта пермяков. См. Пермский сборник повременное издание. 1860. Кн.11. С. 120 – 121.

Family and marriage relations of the Ural orthodox population in the 1980s of the 19th – early 20th centuries

Perebeynos A.E., Nikitin L.V., Ptashko T.G., Savchenkov A.V.

Southern Ural State Humanitarian and Pedagogical University

The article reveals the question of the formation of family and marriage relations of the Ural Orthodox population of the late 19th and early 20th centuries. The motives of creating a family for girls and boys are characterized, which include a short life expectancy, the foundations of a traditional society, the desire to provide a family with working hands, the formation of young people as career

workers. The issues of the age of entering into marriage relations, approaches to the choice of girls as wives are outlined. The issues of organizing weddings, among which "runaway" marriages were practiced, are disclosed. The difficulties of creating a family associated with a religious nature are characterized. changes in the sphere of family relations by the beginning of the 20th century, associated with the active development of elements of urban culture by young people. The position of young people in the system of intra-family relations, the role of women in family relations are revealed.

Key words: family, family and marriage relations, morality, young people, the motive for creating a family

References

1. Belavin, K. Orenburg geographic-statistical sketch // Circular on the Orenburg educational district. 1891. No. 7. P. 67
2. The first general population census in 1897. Vol. 10, p. 28, vol. 28, p. 16, vol. 31, p. 34-35., Vol. 65, p. 8-11.
3. Ekaterinburg week 1892. №44. P. 842
4. Economic and statistical survey of the Ufa province for 1913. Ufa. 1915. P. 808-824.
5. The first general population census in 1897. Vol. 10, p. 28, vol. 28, p. 16, vol. 31, p. 34-35., Vol. 65, p. 8-11.
6. Krupyanskaya V.Yu. The culture and everyday life of workers in the mining industry in the Urals (late 18th - early 20th centuries). Moscow, 1971. P. 74.
7. Ivanov H.A. The structure of the working class in Russia 1910-1914 M. : 1987. P. 132-133.
8. Kamasinsky Ya. Near Kama ethnographic essays and stories. M. : type. I. D. Sytina, 1905. P. 19.
9. Rogov E. Materials for describing the life of the Permians. See Perm collection (time-based edition). M. 1860. P. 70-71
10. Circular for the Orenburg educational district. 1912. No. 7-8. P. 233
11. Newly baptized H.H. Chermoz plant, its past, present and chronicle of events. SPb: Type. R. Golike, 1889. P. 46.
12. Perm Zemsky Week. 1909. No. 43. P. 45
13. A.S. Nevzorov From the life of the village of Ptichiy, Chelyabinsk district, Orenburg province. Yuriev, 1902. P. 18
14. Rudenko S.I. Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays. ML: AN SSSR. 1955. P.264-265
15. Krupyanskaya V.Yu., Polishchuk N.S. Culture and everyday life of workers in the mining industry in the Urals (late XVIII - early XX centuries). M: Science. 1971. P. 61.
16. Mamin-Sibiryak, D.N. Three ends. Sverdlovsk: Middle Ural. book publishing house. 1969. P.409.
17. Yekaterinburg week. 1891. No. 27. P. 596
18. Economic and statistical survey of the Ufa province for 1913. Ufa: type. Zemsvos. 1915.S. 796-801, 808-823.
19. Review of infectious diseases in the Orenburg province, registered according to the card system. Orenburg: typ. Lips. land Upr., 1915. P. 3, 46-49.
20. Krupyanskaya V.Yu. The evolution of the family and household structure of workers / V.Yu. Krupyanskaya // Russian proletariat: appearance,

- struggle, hegemony. scientific articles] - M.: Science, 1970. P. 274.
21. Perebeinos A.E., Ptashko T.G. The participation of students in the Urals in public, cultural and political life in the second half of the XIX - early XX centuries // *New historical bulletin*. 2018. No. 57. Pp. 42-59.
 22. GAPO. F 276. Op.2. D. 10.L. 85 ob. 114. Ural. 1900. No. 869. P. 3
 23. Ekaterinburg week 1890. No 46. P.1025
 24. Golgovskiy A. Modern worker in physical, moral terms: reasons supporting a low level of his development, and measures to improve his welfare//All-Russian Trade and Industry Congress of 1896 in Nizhny Novgorod. H. Novgorod. 1896. vol. 5, no. 2. P.10.
 25. Ptashko T.G. Perebeinos A.E. Comparative historical and pedagogical analysis of ways to solve the problem of preventing alcoholism among young people in the educational environment (late XIX and early XXI centuries) // *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. –2017. No. 7. P. 71-76.
 26. Rogov E. Materials for describing the life of the Permians. See Perm collection of timed editions. 1860. Book 11. P. 120 - 121.

Тенденции развития общества в современную эпоху: новые перспективы и новые риски

Ролдугина Ольга Юрьевна

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории отечества, государства и права, Московский государственный университет геодезии и картографии, rol_olga.72@mail.ru

Цель статьи – через анализ основных тенденций развития и выявление сущностных особенностей современного общества обозначить исторические перспективы человечества, назвать главные гуманитарные угрозы и риски. Утверждается, что в современном глобальном сетевом информационно-коммуникативном обществе создаются предпосылки для качественно нового уровня и масштаба воздействия, в том числе манипуляционного, на массовое и индивидуальное сознание. Делается вывод, что возможным способом преодоления возникающих гуманитарных угроз и рисков, обеспечения социальной устойчивости и безопасности является формирование такой модели социальной коммуникации, базовыми принципами которой станут рациональность, диалогичность, ориентированность на достижение взаимовыгодного соглашения. Указывается на то, что философское обоснование данной модели содержится в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теории систем Н. Лумана.

Ключевые слова: современное общество, глобализация, информатизация, риск, сетевые структуры, коммуникация, модели социальной коммуникации.

Современное человечество стоит перед выбором оптимального сценария своего будущего. Это ставит перед социальной мыслью вопрос об основных тенденциях развития общества, которые определяют его ближайшую и отдаленную историческую перспективу.

В науке достаточно давно утвердился взгляд на современное общество как общество информационное. Информация, представляющая собой особый продукт, уникальность которого состоит в том, что он создается обществом посредством «воздействия знания на само знание» [1, с. 39], становится главным источником его развития и роста его благосостояния, а информатизация, как процесс производства и потребления информации посредством «умных» технологий, оказывается стержнем всех протекающих в нем процессов. Ключевыми факторами общественного развития становятся качество, объем и скорость производства информации и знаний.

Широкое распространение информационных технологий приводит к появлению виртуальной социальной реальности, которая сосуществует с привычной «реальной реальностью» (Н. Луман). Если реальная реальность протекает в физическом пространстве и времени, то виртуальная – в созданном телекоммуникационными средствами пространстве и времени информационных потоков, которые представляют собой «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, занимаемыми социальными субъектами в экономических, политических и

символических структурах общества» [2]. Они становятся материальной (технологической) основой всех современных социальных практик.

Представление человека о себе, своем статусе, обществе, характере, скорости и масштабах происходящих с ним или с обществом событий, в условиях сосуществования двух социальных реальностей существенно трансформируется. Английский социолог Э. Гидденс по этому поводу отмечает: «Мгновенная электронная связь – не просто способ ускоренной передачи информации или новостей. Ее существование меняет саму жизнь человека ... Если внешность Нельсона Манделы нам знакома лучше, чем лицо соседа, живущего напротив, значит, что-то изменилось в самом характере нашей повседневности» [3, с. 28].

Основные социальные противоречия возникают в таком обществе по поводу «распределения информационных потоков и ... распределительных ключей» [4, 325]. Кому принадлежат эти «распределительные ключи» и кто знает «код доступа» к информационным потокам, отмечает по этому поводу У. Бек, тот и обладает властью.

Развитие информационных технологий, в свою очередь, обусловлено развитием научного знания. Воздействие на ход социальных процессов осуществляется на основе прогнозов и оценок научного экспертного сообщества. Вся социальная реальность постепенно приобретает качество наукоемкости и техноемкости.

Развитие информационных технологий приводит к тому, что все сферы общественной жизни – производство, торговля, культура, политика – приобретают общие черты в масштабах всего человеческого общества [5, с. 52]. Формируется глобальное общество как «реальная онтологическая целостность», которая характеризуется наличием «объективных связей взаимозависимости» во всех сферах жизнедеятельности и «субъективными связями взаим-

ной солидарности» [6, с. 606]. Глобализация постепенно связывает все человечество в мировую систему, которая развивается на основе единых экономических, политических и культурных закономерностей [7, с. 84]. Рост взаимозависимости государств и народов, тесное переплетение их исторических судеб, возрастающее влияние всей совокупности внешних факторов на внутреннее национальное развитие и позволяет, по мнению, А.С. Панарина, назвать современный мир глобальным [8, с. 20].

Глобализация приносит с собой целый «пакет перемен» (Э. Гидденс): вовлеченность всех государств в мировые хозяйственные и политические процессы, возрастающую неравномерность экономического и культурного развития отдельных регионов планеты, политическую нестабильность, изменение принципов организации внутренней жизни государств [3, с. 19]. Современные государства вынуждены становиться открытыми для финансовых, экономических, трудовых потоков, для идеологического и культурного влияния со стороны других государств, политического давления – со стороны более сильных политических «игроков», а также со стороны мирового сообщества. Все протекающие в рамках государственных границ отдельных стран процессы, как и деятельность всех социальных субъектов, приобретают глобальное измерение.

Важным последствием глобализации является изменение представления о «центре» и «периферии» мира. Центры, где вырабатываются важные с точки зрения развития глобального человечества «смыслы» и «ценности», оказываются экстерриториальными и свободными от местных ограничений [9, с. 12]. С одной стороны, представляется, что это открывает новые возможности для развития всех стран и регионов, даже для тех, кто никогда не были лидерами социального развития. С другой стороны, сама возможность транс-

ляции в массовое сознание этих «смыслов» и «ценностей» определяется наличием доступа к информационным технологиям. Это указывает на то, что технологически развитые страны имеют, безусловно, более высокие шансы воздействовать на общий ход глобализационных процессов.

Интенсификация глобализационных процессов приводит к возрастанию общего уровня сложности общественной жизни [10, с. 24]. Сложность, нелинейность, подвижность – основные характеристики формирующегося на наших глазах глобального мира [11, с. 90]. Это, в свою очередь, сопровождается многократным увеличением возможности влияния случайных факторов на протекание и результат общественных процессов. Деятельность людей содержит в себе все возрастающий элемент непредсказуемости и риска. Как замечает П. Штомпка, сегодня все чаще «последствия действий людей ... уходят из-под контроля самих же людей» [6, с. 463-464]. По мнению Э. Гидденса, вопреки прогнозам мыслителей прошлого, уверенных в возрастании управляемости природного и социального мира в ходе социального и научного прогресса, мир, в котором мы живем сегодня «не только не стал более «управляемым», но, судя по всему, вовсе «вышел из-под контроля». Он «ускользает из рук» [3, с. 18, 21]. Риск становится онтологической характеристикой современной социальной реальности.

Риски, с которыми сталкивается современное общество, отличаются от тех, с которыми приходилось иметь дело человечеству в прошлом, своей новизной, «рукотворным характером», всеобщностью и глобальностью угроз. При этом, поскольку их возникновение связано с появлением промышленных технологий, то по мере совершенствования этих технологий, будут возрастать и сопровождающие их риски.

Обязательное присутствие риска в человеческой деятельности и общественных взаимодействиях, считает З. Бауман, является причиной постоянной

«неуверенности» человека в его положении, в правах и доступности средств к существованию, *неопределенности* относительно преемственности и будущей стабильности, *отсутствия безопасности* для физического тела человека, его личности и их продолжений – имущества, социального окружения, общества» [12, с. 194]. Но, как верно замечает Э. Гидденс, именно риск одновременно оказывается той динамичной и мобилизующей силой, которая подталкивает людей к переменам, свидетельствует о желании самостоятельно определять свое будущее, не оставляя его во власти традиций или природы. Стремление оценивать происходящее с точки зрения возможных рисков, по мнению социолога, присуще обществу, которое желает порвать со своим прошлым, ориентировано на будущее как «территорию, подлежащую завоеванию и колонизации». Жить в современную глобальную эпоху – значит постоянно решаться на выбор из множества ситуаций, потенциально связанных с риском [3, с. 39-40].

Нестабильность и неустойчивость – атрибуты жизни современного общества. Траектория его развития складывается как результат одновременного протекания и взаимодействия различных социальных процессов, а также действий преследующих свои цели индивидов и групп, оказывающих разнонаправленные воздействия на ход общественной жизни. Она пролегает через так называемые «точки бифуркации», представляющие собой состояния крайней неустойчивости системы, в которых даже незначительные разрозненные действия различных людей или групп могут радикально изменить направление вектора всего социального развития [13, с. 181].

В обществе риска возрастает значение безопасности. Именно безопасность превращается в важнейшую социальную ценность. На обеспечение глобальной и национальной безопасности направлены политические, экономиче-

ские, военные, административные решения; на это нацелены конкретные мероприятия, осуществляемые системами управления и контроля как в рамках небольших коммерческих структур, устанавливающих системы безопасности для своих внутренних информационных каналов, так и в международных политических и коммерческих организациях [14].

Возрастание степени риска, с которым сопряжено протекание социальных процессов, необходимость обеспечения их безопасности, приводит также к усилению роли и значения социальной и моральной рефлексии и, в целом, сознательного отношения к содержанию их деятельности со стороны участников этих процессов. У. Бек по этому поводу отмечает: общество риска – это, пожалуй, единственное общество, где индивидуальное и коллективное сознание, действительно, определяет индивидуальное человеческое и социальное бытие [4, с. 26]. Реальность угрозы гибели человечества должна, наконец, заставить человечество, дошедшее в своем нравственном, правовом, идеологическом развитии до крайностей индивидуализма, искать способы выживания в обосновании экстремальной противоположности индивидуализма – идее общности коллективной судьбы человечества [4, с. 24].

В современном мире происходит активизация человека как сознательного субъекта социальных преобразований. Изменения в обществе все чаще и в значительно более широком масштабе, нежели прежде, осуществляются при непосредственном участии сознательно действующих и заинтересованных в этих изменениях индивидов, осознающих свои интересы, потребности и возможности.

Впрочем, наряду с безусловным возрастанием степени и роли сознательного участия людей в общественной жизни, расширяется и роль и значение манипуляционных практик, направленных на внедрение в сознание людей

особых социальных установок. Манипуляции общественным сознанием, осуществляющиеся, в том числе, посредством СМИ и Интернета, становятся мощным инструментом управления общественными процессами, массовым сознанием и массовым поведением.

Содержание манипулятивных воздействий на человека сводится к поддержке в нем потребительского отношения к окружающему миру: природе, культуре, продуктам производства, другому человеку. Способ, которым сегодняшнее общество «формирует» своих членов, диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей. Вместо нормы «жить, чтобы работать», его лозунгом становится: «Потреблять, чтобы жить, и жить, чтобы потреблять» [9, с. 116].

В современном обществе теряет свою функциональность иерархический, вертикальный тип организационных структур, присущий предшествующим обществам. Подобные, «подчиненные диктату станочного ритма», структуры могли быть пригодны для того, чтобы по установившимся традициям, в раз и навсегда отлаженном ритме регулировать ту или иную деятельность, принимать стандартные решения в сравнительно стабильной социальной ситуации. Но подобные организационные структуры не способны гибко реагировать на быстрые социальные изменения.

В глобальном информационном обществе им на смену приходят структуры, построенные по принципу гибких горизонтальных «сетей». Отмечая, что сетевая форма организации социальной деятельности существовала и раньше, М. Кастельс указывает на то, что только новые информационные технологии смогли обеспечить необходимую материальную основу для всестороннего проникновения этой формы в структуру общества [15, с.494] и превратило его в «сетевое» (network society).

Современное общество – это общество, созданное «сетями производства,

власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство» [1, с. 494]. В отличие от централизованной, вертикальной, иерархической структуры, присущей обществам доиндустриального и индустриального типа, организованная «по горизонтали», как своего рода «комплекс взаимосвязанных узлов», структура сетевого общества является децентрализованной, размытой, аморфной. В ней нет устойчивых связей и отношений, а есть только «каналы», «ячейки», «узлы» и «потоки». Сетевая структура, характеризующаяся высокой степенью мобильности, открытости к инновациям, оказывается наиболее соответствующей сложному и динамичному характеру современной социальной динамики: «...Морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий» [1, с.77].

Сетевая логика, лежащая в основе организации социальной деятельности в эпоху компьютеров и Интернета, оказывает определяющее влияние на ход и результат всех социальных процессов, связанных как с производством и властью, так и повседневной жизнью и культурой.

Механизмы и операции, связанные с «включением» и «исключением» из сетей, наряду с конфигурацией отношений между самими сетями, воплощаемые при помощи информационных технологий, определяют ход и порядок протекания процессов в современных обществах. Мегасеть, которая формируется как результат этой, постоянно меняющейся конфигурации, создает постоянно обновляющееся представление о социальной и культурной значимости отдельных людей, групп, обществ и культур. Причем, формирование такого представления происходит не в результате объективно значимых характеристик «локалий», но в силу изменения их структурного значения в рамках сете-

вого информационного мегапространства, которое все больше начинает подменять собой реальное пространство общественной жизни.

Если раньше сети представляли собой сегмент в целом несетевого мира, то постепенно все, что не является сетями или еще не стало сетями, уходит на периферию, становится маргинальной частью мира [16]. Маргиналами становятся и социальные субъекты, не включенные в глобальную сеть.

В формате новой сетевой структуры общества утрачивают свою эффективность и прежние принципы организации всех социальных институтов: государства, церкви, партий и пр. Повсюду, как отмечает Э. Гидденс, мы видим социальные институты, которые внешне выглядят, как раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри. Препятствием осталась только их «скорлупа, внешняя оболочка» [2, с.35]. Представляющие эти институты организации вынуждены менять принципы организации, учитывая возросшее значение и эффективность сетевых моделей социальных и культурных практик. В сетевом обществе все социальные институты и организации обречены стать сетевыми.

Сетевые информационные технологии меняют не только экономические, политические, культурные связи и отношения между социальными субъектами. Эти децентрализованные, открытые, динамичные, мобильные системы с ячеистой структурой влияют на формирование соответствующего им особого – сетевого – типа социальных коммуникаций.

На определяющее значение коммуникации в новой исторической ситуации, в которой оказалось общество, вступая в информационный век, впервые указали представители социально-гуманитарного знания. В XX веке это понятие переместилось с периферии в самый центр философской дискуссии, стали появляться научные направления и школы по изучению коммуникации и создаваться многочисленные теории коммуникации.

В последней трети XX века наибольшую влияние приобрела теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теория систем Н. Лумана.

Теория Ю. Хабермаса возникла на фундаменте теории социальных действий М. Вебера. К выделенным его предшественникам видам социальных действий (целерациональному, ценностно-рациональному, традиционному и аффективному) Хабермас добавил так называемое коммуникативное действие, под которым понимается «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия» [17, с. 12]. Коммуникативная рациональность, лежащая в основе подобных действий, принципиально отличается от целерациональности признанием ценности другого человека как полноценного участника (партнера) коммуникативной деятельности. Идеальная модель коммуникации, позволяющая достичь согласия, по мнению мыслителя, должна отвечать требованиям истинности, правдивости, ясности и нормативной правильности.

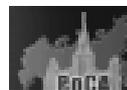
В рамках теории систем Н. Лумана коммуникация предстает не только и не столько как основной инструмент ориентации человека в человеческом мире и средство взаимодействия людей друг с другом, сколько как априорная форма социальности, универсальное средство конструирования и изменения социальной реальности. Вся социальная жизнь невозможна без коммуникации как той самой «неразложимой (элементарной) социальной операции ..., которая неизбежно включается всегда, когда образуются социальные ситуации» [20]. Общество рассматривается при этом не как более или менее прочная и устойчивая социальная конструкция, а как коммуникативный механизм. Именно благодаря коммуникации возникают связи и отношения между индивидами, группами. И, следовательно, от типа социальной коммуникации, конструктивного или, напротив, деструктивного, зависит характер, содержание и результативность всех социальных практик: от торговых

операций до политических встреч на высшем уровне.

Современные требования к содержанию и форме социальных коммуникаций вполне отвечают «индивидуализированному» характеру современного общества (У. Бек) и «индивидуализированному человеку», ориентированному на раскрытие своей самости [3, с. 328], признающему право «быть самим собой и наслаждаться радостями бытия» [18, с. 21]. Как точно замечает Ж. Липовецки, современный человек не терпит над собой диктат жестких норм и правил, требует отношения к себе по принципу «минимума строгости [со стороны общества] при максимуме желания [со стороны самого индивида]» и «минимума принуждения при максимуме понимания, насколько это возможно» [18, с. 19].

Именно такому представлению о человеке и человека о себе самом отвечает взгляд на коммуникацию как интеракцию, предполагающую активное и сознательное взаимодействие двух и более участников общения, находящихся в поисках согласия. В понимании коммуникации как интеракции проявляется также особенность современного видения способов изменения (конструирования и ре-конструирования) социальной реальности, основывающегося на признании возможности свободной и динамичной самоорганизации людей. Оптимальной моделью общества в рамках рассматриваемых концепций становится «общество неограниченной коммуникации», в котором общение становится инструментом организации социальных практик, способом проблематизации, критического анализа и «изменения тех структур социального мира, которые дают сбой» [19, с. 36], разрешения возникающих социальных противоречий.

Итак, изменения, которые произошли в экономической, политической, культурной, социальной сферах общественной жизни с середины прошлого века, привели к формированию, по сути, принципиально нового глобального сетевого информационно-коммуникативного обще-

ства. Направленность и характер социального развития такого общества определяется, в первую очередь, развитием научного знания и информационных технологий. Социальная реальность приобретает качество наукоемкости и техноемкости. Под влиянием нарастающих глобализационных процессов возрастает и взаимосвязанность и взаимозависимость людей, обществ, регионов. Возрастает и степень риска, с которым сопряжено протекание всех социальных процессов. Наблюдается активизация человека как сознательного субъекта социальных преобразований и усиление манипуляционного воздействия на массовое, коллективное и индивидуальное сознание. Появляются и широко распространяются сетевые структуры организации социальных практик. Критически важное значение в таком обществе приобретают способы и содержание социальной коммуникации, определяющие актуальное состояние и направленность изменений социальной реальности.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
2. *Сафонова Е.А.* Новая социальная реальность мира: XXI век в социологических моделях // Новая социальная реальность глобального мира. Вып. 3. Красноярск: Литера-принт, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog21.ru/>. Дата обращения: 12.04.2020
3. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 384 с.
5. *Федотова В.Г.* Меняющийся мир и глобализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 47-59
6. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2008. 664 с.
7. *Иноземцев В.Л.* Глобализация: иллюзии и реальность? // Свободная мысль. 2000. №1. С.26-36
8. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
9. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
10. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
11. *Мартынович С.Ф., Орлов М.О.* Управление социальной динамикой в условиях глобализации: парадигмы и методологии. Саратов: Саратовский источник, 2009. 196 с.
12. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
13. *Валлерстайн М.* Конец знаменитого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
14. *Диев В.С.* Управление. Философия. Общество [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=197. Дата обращения: 05.02.2020
15. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494-505.
16. *Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nazarchuk.com/articles/article16.html>. Дата обращения: 08.01.2020.
17. *Хабермас.* Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. 382 с.
18. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб: Владимир Даль, 2001. 240 с.
19. *Вербилевич О.* Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Вербилевич_Теория/. Дата обращения: 25.03.2020.
20. *Луман Н.* Что такое коммуникация? // Гуманитарный портал. [Электронный ресурс]. URL:

<https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954>.
Дата обращения: 03.01.2020.

Trends in the development of society in the modern era: new perspectives and new risks

Roldugina O.Y.

Plekhanov Russian University of Economics

The purpose of the article is to identify the historical prospects of mankind and to name the main humanitarian threats and risks through the analysis of the main development trends and identification of the essential features of modern society. It is argued that in the modern global networked information-communicative society, preconditions are created for a qualitatively new level and scale of impact, including manipulation, on the mass and individual consciousness. It is concluded that a possible way to overcome the emerging humanitarian threats and risks, to ensure social stability and security is the formation of such a model of social communication, the basic principles of which will be rationality, dialogue, focus on reaching a mutually beneficial agreement. It is indicated that the philosophical substantiation of this model is contained in the theory of communicative action by J. Habermas and N. Luhmann.

Keywords: modern society, globalization, informatization, risk, networks, communication, models of social communication.

References

1. *Castells M.* Information age. Moscow: SU HSE, 2000. 606 p.
2. *Safonova E.A.* New social reality of the world: XXI century in sociological models // New social reality of the global world. Issue 3. Krasnoyarsk: Literaprint, 2008. [Online]. URL: <http://www.dialog21.ru/>. (Accessed 12.04. 2020).
3. *Giddens A.* The Elusive World: How Globalization Changes Our Lives. Moscow: The whole world, 2004. 120 p.
4. *Beck U.* Risk Society. On the way to another modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2001. 384p.
5. *Fedotova V.G.* The changing world and globalization // Knowledge. Understanding. Skill. 2004. No. 1. P. 47-59
6. *Shtompka P.* Sociology. Analysis of modern society. Moscow: Logos, 2008. 664 p.
7. *Inozemtsev V.L.* Globalization: Illusions and Reality? // Free Thought. 2000. No. 1. P. 26-36
8. *Panarin A.S.* Strategic instability in the XXI century. Moscow: Algorithm, 2003. 560 p.
9. *Bauman Z.* Globalization. Consequences for individuals and society. Moscow: The whole world, 2004. 188 p.
10. *Inozemtsev V.L.* Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects. Moscow: Logos, 2000. 304 p.
11. *Martynovich S.F., Orlov M.O.* Management of social dynamics in the context of globalization: paradigms and methodologies. Saratov: Saratov source, 2009. 196 p.
12. *Bauman Z.* Individualized society. Moscow: Logos, 2005. 390 p.
13. *Wallerstein M.* The End of the Familiar World. Sociology of the XXI century. Moscow: Logos, 2003. 368 p.
14. *Diev V.S.* Control. Philosophy. Society. [Online]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=197. (Accessed 05. 02. 2020)
15. *Castells M.* Formation of a society of network structures // New postindustrial wave in the West. Anthology. Ed. V.L. Inozemtseva. Moscow: Academia, 1999. P. 494-505.
16. *Nazarchuk A.V.* Network society and its philosophical understanding [Online]. URL: <http://www.nazarchuk.com/articles/article16.html>. (Accessed 08.01. 2020).
17. *Habermas J.* Moral awareness and communicative action. Moscow: Nauka, 2000. 382 p.
18. *Lipovetsky Zh.* The era of emptiness. An essay on contemporary individualism. SPb.: Vladimir Dal, 2001. 240 p.
19. *Verbilovich O.* Theory of communicative action: key categories and cognitive potential [Online]. URL: https://www.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Verbilovich_Theory/. (Accessed 25.03. 2020).
20. *Luhmann N.* What is communication? // Humanitarian portal. [Online]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954>. (Accessed 03.01. 2020).

Причины социальных конфликтов в интернет-среде современного Китая и разработка мероприятий по их предотвращению

Тянь Сяоюй

аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, alla_liberi@mail.ru

В контексте социальных преобразований и быстрого развития Интернет-технологий построение гармоничного общества и правильное понимание потребностей масс стало важным вопросом содействия здоровому функционированию, скоординированному развитию общества и поддержанию социального порядка в нем. Конфликты, возникающие в интернет-среде, могут переходить в форму онлайн-популизма, поэтому перед правительством и обществом стоит проблема по их решению и предотвращению повторного появления. Используя методы социологии и статистики, в статье проведен анализ причин и состояния социальных конфликтов в сети Интернет на примере Китая, а также разработаны рекомендации по их решению и профилактике. Сделан вывод, что развитие социальных конфликтов в интернет-среде стимулирует онлайн-популизм, который способен оказать негативное воздействие на доверие населения к правительству. Предлагаемые пути решения конфликтов будут способствовать снижению вероятности повторного возникновения противоречий в интернет-среде, что в целом окажет благоприятное влияние на качество жизни населения.

Ключевые слова: социальных конфликт, онлайн-популизм, Интернет, web 3.0, сетевые группы, причины возникновения конфликтов, управление конфликтами, Китай

Введение

Вступление социализма с китайской спецификой в новую эру обусловило стремительное развитие экономики и общества. Негативным его последствием стало обострение социального неравенства между богатыми и бедными, дисбаланса регионального развития и распределения ресурсов в сфере занятости, возникновение социальных проблем, связанных с жильем, медицинским обслуживанием, образованием. Это неравенство обуславливает возникновение различий интересов, что в свою очередь часто становится источником конфликтов в социальных группах. В этих условиях одной из форм проявления социального конфликта выступает популизм, сущность которого сводится к ненависти к чиновникам, богатым.

С развитием Интернета количество пользователей сети продолжает расти. Быстрое развитие Интернет-технологий, с одной стороны, обогатило и развило жизнь людей, с другой стороны, также оказало негативное влияние на их жизнь. В частности, массовые онлайн-конфликты в последние годы нанесли большой вред обществу и создали огромную угрозу социальной стабильности [6, с.114].

Вступление в эру web 3.0, характеризующейся открытостью и высокой информативностью, способствовало усилению конфликтов в интернет-группах на почве популизма. Популизм формируют конфронтационную культуру, которая противостоит официальной культуре, а также способна воздействовать на принятие правительственных решений. Развитие социального конфликта в интернет-среде характерно для всех

стран в виду глобальности данного феномена. В связи с этим, изучение причин возникновения конфликтов в онлайн-среде, поиск путей решения данных конфликтов имеют важное значение как для развития Интернет-среды, так и для здорового развития современного общества. Поэтому проблема исследования сводится к необходимости повышения качества жизни населения за счет предотвращения социальных конфликтов в интернет-среде.

Для изучения причин социальных конфликтов в интернет-среде и разработки мероприятий по их предотвращению, в статье были поставлены задачи исследования, включающие (1) изучение научных концепций, рассматривающих популизм как причину социальных конфликтов; (2) анализ коммуникативного поведения сетевых социальных групп в китайском Интернете и выявление причин социальных конфликтов; (3) формулирование мероприятий по предотвращению социальных конфликтов в интернет-среде.

Обзор литературы

К настоящему времени исследование онлайн-популизма, как одной из наиболее распространенных форм социального конфликта в сети Интернет, привлекало внимание ученых различных областей науки, включая политику, связи с общественностью, лингвистику и социологию. Среди социологов фундаментальная монография, посвященная причинам возникновения популизма в интернет-среде, была написана Чэнь Луном (2015) [9]. Подходы к предотвращению социальных конфликтов в интернете были рассмотрены Сюй Яо (2020) [5], Ни Чуньсянь (2018) [1]. Направления разрешения конфликтов на почве популизма в сети были предложены Цзэн Хаоцзе (2017) [8], Хэ Чжиу и Сун Сюаньлинем (2017) [7].

Сюй Яо подробно изучил особенности управления сетевыми социальными конфликтами. Исследователь отметил, что «с ростом популярности Интернета и быстрым развитием искусственного интеллекта роль сетевых каналов в

управлении социальными конфликтами становится все более значимой» [5, с. 37]. Онлайн-каналы позволяют предотвратить искажение информации, решить конфликты открыто и прозрачно. Тем не менее, оптимизация управления социальными конфликтами в интернете сталкивается с проблемой недостаточного контроля в интернет-среде.

Ни Чуньсянь посвятил исследование изучению сетевых конфликтов, рассмотрев их как одну из современных форм социальных конфликтов. Исследователь подчеркивает, что сетевая форма социального конфликта является альтернативным способом представления столкновения интересов групп. Социальные конфликты обычно возникают в процессе экономического и социального развития страны, особенно в переходный период. С развитием информационных и коммуникационных технологий сочетание социальных конфликтов и информационно-коммуникационных технологий привело к возникновению особой формы сети, обладающей сильной «смертоносной силой» [1, с. 22]. Контроль над ней необходим для формирования и поддержания доверия к правительству.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время социальные конфликты в сети очень распространены, что обусловлено распространением интернет-популизма. Их решение и своевременное предотвращение важно для поддержания социальной стабильности и политического порядка в стране.

Методология и методы исследования

Для исследования социальных конфликтов в интернет-среде был использован методический подход, применяемый Сяо Лянем [6]. Он основан на теории социальных конфликтов Козера. Исходя из идей Козера можно отметить, что социальный конфликт в интернет-среде имеет как положительное, так и отрицательное значение для всего об-

щества. Поэтому в статье в рамках анализа изучается положительное и отрицательное влияние онлайн-конфликтов.

Была использована типология социальных конфликтов, предложенная Козером, согласно которой конфликты могут быть поделены на реальные и нереалистичные конфликты. В реальном конфликте, конфликт – это средство достижения определенной цели, поэтому вместо конфликта могут быть использованы и другие средства. В нереалистичных конфликтах, конфликт является единственной формой и целью коммуникации. Основываясь на этой концепции, интернет-конфликты можно поделить на конфликтные ситуации, в основе которых лежат реальные конфликты, а также ситуации, в основе которых нереалистичные конфликты.

Особый акцент в исследовании сделан на рассмотрении социальных конфликтов, основанных на популизме. Исходя из данных сборников «Отчет об общественном мнении в Китае» [2-4] и «Годовой отчет об общественном мнении в Китае» [10-12] за период 2017-2019 гг., были проанализированы конфликтные случаи, вызванные популизмом. Исследование было проведено в поисковых базах данных Baidu и Sina Weibo. Статистический анализ инструментами интернет-поисковиков позволил выявить конфликтные случаи, обладающие особой популярностью среди интернет-пользователей, свидетельством чего выступил индекс обращений к статье. Для каждого из них по методике Сяо Ляня [6] был рассчитан индекс давления противоречий в онлайн-группах в 2017-2019 гг.

Результаты исследования

В результате анализа интернет-конфликтов был рассчитан индекс давления противоречий в онлайн-обществе в 2017-2019 гг., результаты расчета которого приведены в таблице 1.

Было выявлено, что количество случаев интернет-конфликтов в 2019 г. значительно возросло по сравнению с 2017 г. Однако они стали пользоваться меньшей

популярностью у интернет-пользователей, что позволяет сделать вывод о снижении влияния социальных конфликтов в интернете на формирование общественного мнения и переход китайского общества к следующему этапу развития. В течение исследуемого периода времени возросло давление общественного мнения на ход решения социальных конфликтов.

Таблица 1
Индекс давления противоречий в онлайн-обществе в 2017-2019 гг.

Показатель	2017	2018	2019
Количество случаев	31	53	54
Среднегодовой рейтинг популярности	59.00	52.39	50.24
Давление общественного мнения	11.7	7.23	15.16

За последние три года защита несовершеннолетних и обездоленных групп вызвала наибольший рост давления со стороны общественного мнения. В 2017 и 2018 гг. давление общественного мнения на конфликты отношений между официальными и гражданскими лицами, отношений между полицией и гражданским населением, отношений между врачом и пациентом, было относительно высоким. В 2019 г. тенденция давления общественного мнения значительно снизилась, а структура конфликтов в разрезе их видов была представлена следующим образом (рисунок 1).

Наибольшую долю среди конфликтов в интернете в 2019 г. составили конфликты в сфере защиты интересов несовершеннолетних и уязвимых групп (37%). 28% конфликтов были представлены ситуациями, причиной которых выступил конфликт интересов богатых и бедных, а также разрыв между городом и деревней. 17% конфликтов возникли в сфере официально-гражданских отношений.

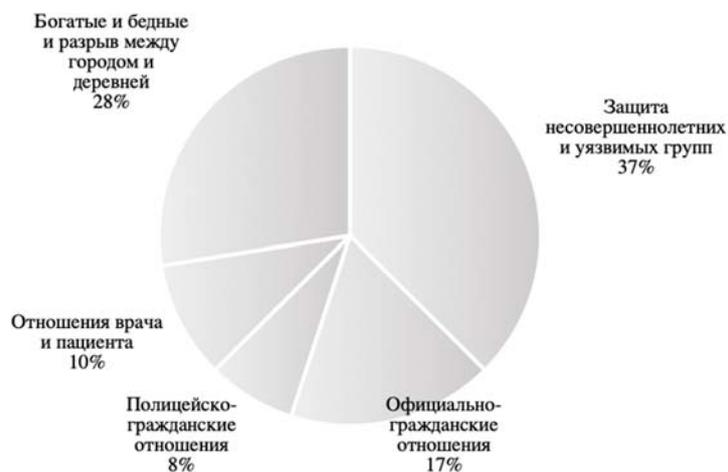

Рисунок 1. Статистика конфликтов в сети в разрезе сфер столкновения интересов, 2017-2019 гг., %

Таким образом, в ходе исследования были получены следующие основные результаты:

- защита обездоленных групп, разрыв между богатыми и бедными, отношения должностных лиц и простых людей являются сферами столкновения интересов в сети Интернет;
- давление общественного мнения и социальные конфликты приводят к возникновению онлайн-популизма.

Обсуждение результатов исследования

Предотвращение онлайн-популизма как одной из форм социальных конфликтов в сети Интернет связано со снижением значимости причин, которые его вызывают. Традиционно в Китае существовала система ценностей, основанная на уважении к чиновникам и игнорировании индивидуальной воли. Многие чиновники плохо понимают демократию, подавляют голос простых людей путем блокировки новостей. Блокировка новостей приводит к их слепому подавлению, уклонению от ответственности и ограничению голоса людей, что в свою очередь усиливает психологическую поляризацию масс и приводит к обострению популизма. В то же время,

с развитием китайского общества, тенденция к свободе выражения и активному участию в политике становится все более ясной. В связи с этим, для предотвращения развития популизма в стране важна своевременная и отлаженная работа системы управления социальными конфликтами в сети.

Во-первых, информация должна распространяться из авторитетного источника. Отсутствие авторитетного источника информации является катализатором роста и распространения слухов. Как только ложная информация получает широкое распространение, в поле общественного мнения возрастает количество точек зрения, что приводит к возникновению вторичного кризиса.

Во-вторых, необходимо защищать доверие к правительству и имидж региональных управлений. Большие объемы публикуемой в официальных источниках информации позволяют людям мыслить более рационально, что приводит к снижению подозрительности общественного мнения и предотвращению развития крайнего популизма.

В-третьих, психологическую основу для распространения популизма создают агрессивность и противостояние коммуникативным действиям с обще-

ственностью. Поэтому важно своевременное понимание проблем людей, динамическое оповещение расследования инцидентов через официальную платформу, устранение лица, ответственного за инцидент, в соответствии с законом, суровое наказание распространителя слухов и поддержание репутации правительства. Только справедливые способы укрепления общения с людьми позволят повысить чувство доверия к чиновникам, полиции, а также сделать социальный порядок в стране более устойчивым.

И, наконец, для фундаментального решения проблемы онлайн-популизма, помимо политики государства, направленной на разрешение существующих социальных противоречий на микроуровне, необходимо также, чтобы «общинные культурные группы», такие как чиновники, полиция и богатые люди, активно ассимилировались. Также важно, чтобы ассимиляция происходила наступательно.

Под наступательной ассимиляцией понимается прочная интеграция «общинных культурных групп», таких как должностные лица, полиция и состоятельные люди, в народные массы, что конкретно выражается в виде культурной группы, к которой они изначально принадлежали. С одной стороны, с теоретической точки зрения, члены совместной культуры отделяются от исходной группы и радикально имитируют ценности и нормы поведения людей, что может достичь цели успешного общения с людьми, но на практике этого трудно достичь. С одной стороны, «общинные культурные группы», такие как чиновники, полицейские и богатые, радикально и чрезмерно ссылаются на нормы масс, они сами имеют популистские тенденции, которые можно охарактеризовать как саморазрушительные.

Заключение

Развитие социальных конфликтов в сети и столкновение интересов разных социальных групп приводит к формированию феномена интернет-популизма.

Интернет-популизм формируется в результате взаимодействия множества факторов, таких как национальная популистская традиция, текущий социальный и исторический статус, анонимность в Интернете, открытость, массовая психология и управление государственной сетью.

Предотвращение развития популистского общественного мнения в сети будет способствовать устранению социального конфликта. С этой целью необходимо повысить роль авторитетных источников в распространении новостей, совершенствовать медийную грамотность должностных лиц, полицейских и состоятельных облей для улучшения прозрачности информации, публикуемой в сети. Абсолютное устранение популизма в сети и конфликтов, связанных с ним, требует ликвидации нынешнего дисбаланса социального развития в стране и удовлетворения потребностей людей в более лучшем качестве жизни.

Литература

1. Ни Чуньсянь. Исследование сетевой формы социального конфликта // Современная экономическая информация. – 2018. – №4. – С. 22-26.
2. Отчет об анализе общественного мнения в Интернете в Китае за 2017 г. // Сеть Жэньминь. – Режим доступа: <http://yuqing.people.com.cn/GB/401915/408999/index.html>. (Дата обращения 20.09.2020).
3. Отчет об анализе общественного мнения в Интернете в Китае за 2018 г. // Сеть Жэньминь. – Режим доступа: <http://yuqing.people.com.cn/GB/392071/401685/index.html> (дата обращения 20.09.2020).
4. Отчет об анализе общественного мнения в Интернете в Китае за 2019 г. // Сеть Жэньминь. – Режим доступа: <http://yuqing.people.com.cn/GB/392071/401685/index.html> (дата обращения 20.09.2020).
5. Сюй Яо. Сетевые каналы управления социальными конфликтами:

сравнительные преимущества и их развитие // Журнал Нанькай(издание по философии и социальным наукам). – 2020. – №3. – С. 37-45.

6. Сяо Лянь. Анализ сетевых массовых инцидентов с точки зрения теории социальных конфликтов // Современный бизнес и индустрия торговли. – 2017. – №30. – С. 114-116.

7. Хэ Чжиу, Сун Сюаньлинь. Расширение прав и возможностей дискурса и капитальная игра: Интернет-популизм в сфере государственной политики // Современная коммуникация. – 2017. – №3. – С. 14-17.

8. Цзэн Хаоцзе. Закон и управление интернет-популизмом в Китае // Теория. – 2017. – №6. – С. 138-142.

9. Чэнь Лун. Исследование интернет-популизма в современных СМИ // Китайское радио, кино и телевидение. – 2015. – №2. – С. 94-95.

10. Юй Гуомин, Ли Бяо, Ван Бинь. Годовой отчет об общественном мнении в Китае (2017-2018) / Пекин: Издательство Жэньмин Жибао, 2018.

11. Юй Гуомин, Ли Бяо, Ван Бинь. Годовой отчет об общественном мнении в Китае (2018-2019) / Пекин: Издательство Жэньмин Жибао, 2019.

12. Orbe M. P., Roberts T. L. Co-cultural theorizing: Foundation, applications & extensions // Howard Journal of Communications. – 2012. – №4. – P. 293-311.

Causes of social conflicts in the Internet environment of modern China and the development of measures to prevent them

Tian Xiaoyu

Moscow State University M.V. Lomonosov

In the context of social transformations and the rapid development of Internet technologies, building a harmonious society and a correct understanding of the needs of the masses has become an important issue of promoting healthy functioning, coordinated development of society and maintaining social order in it. Conflicts that arise in the Internet environment can turn into online populism, so the government and society are faced with the problem of resolving them and preventing their recurrence. Using the methods of sociology and statistics, the article analyzes the causes and state of social conflicts on the Internet

using the example of China, and also developed recommendations for their solution and prevention. It was concluded that the development of social conflicts in the Internet environment stimulates online populism, which can have a negative impact on public confidence in the government. The proposed ways of resolving conflicts will help to reduce the likelihood of re-occurrence of contradictions in the Internet environment, which will generally have a beneficial effect on the quality of life of the population.

Keywords: social conflict, online populism, Internet, web 3.0, network groups, causes of conflict, conflict management, China

References

1. Ni Chunxian. Research of the network form of social conflict // Modern economic information. - 2018. - No. 4. - P. 22-26.
2. Report on the analysis of public opinion on the Internet in China for 2017 // Renmin Network. - Access mode: <http://yuqing.people.com.cn/GB/401915/408999/index.html> (date of access 09/20/2020).
3. Report on the analysis of public opinion on the Internet in China for 2018 // Renmin Network. - Access mode: <http://yuqing.people.com.cn/GB/392071/401685/index.html> (date of access 09/20/2020).
4. Report on the analysis of public opinion on the Internet in China for 2019 // Renmin Network. - Access mode: <http://yuqing.people.com.cn/GB/392071/401685/index.html> (date of access 09/20/2020).
5. Xu Yao. Network channels for managing social conflicts: comparative advantages and their development // Journal of Nankai (edition on philosophy and social sciences). - 2020. - No. 3. - P. 37-45.
6. Xiao Lian. Analysis of mass network incidents from the point of view of the theory of social conflicts // Modern business and trade industry. - 2017. - No. 30. - P. 114-116.
7. He Zhiwu, Song Xuanlin. Discourse Empowerment and the Capital Game: Internet Populism in Public Policy // Modern Communication. - 2017. - No. 3. - P. 14-17.
8. Zeng Haojie. Law and governance of Internet populism in China // Theory. - 2017. - No. 6. - P. 138-142.
9. Chen Long. Research of Internet Populism in Modern Media // Chinese Radio, Film and Television. - 2015. - No. 2. - P. 94-95.
10. Yu Guoming, Li Biao, Wang Bin. Annual Report on Public Opinion in China (2017-2018) / Beijing: People's Daily Press, 2018.
11. Yu Guoming, Li Biao, Wang Bin. China Annual Public Opinion Report (2018-2019) / Beijing: People's Daily, 2019.
12. Orbe M. P., Roberts T. L. Co-cultural theorizing: Foundation, applications & extensions // Howard Journal of Communications. - 2012. - No. 4. - P. 293-311.

Моделирование нестрессовой лингвострановедческой образовательной среды для студентов заочного обучения

Уманец Ирина Фаритовна,

доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой «Иностранных языков» Факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанский государственный университет, 000089@pnu.edu.ru

Статья посвящена созданию структуры нестрессовой лингвострановедческой образовательной среды, её наполнению особенностями методической и психологической специфики вузовского обучения иностранным языкам в период трансформации вуза в Университет 3.0. Мировая практика показывает, что основные инновации рождаются в центрах университетской науки, где сосредоточена большая масса интеллектуальной молодежи и ученых, способных создавать новое и представлять этот продукт в виде диссертаций, дипломных проектов, научных публикаций и, что у нас гораздо реже, в виде законченных машин, аппаратов, технологий.

Автор статьи анализирует важность наличия активной лингвострановедческой среды вуза в решениях стратегических задач обучения иностранным языкам, которые реализуются при проведении инновационных образовательных реформ в одном из передовых вузов на Дальнем Востоке, Тихоокеанском государственном университете г. Хабаровска. В статье подчёркивается актуальность лингвострановедческого образования для всестороннего личностного развития в многомерном мультикультурном окружении; приводятся примеры подбора и актуализации электронных образовательных учебных курсов как основы моделирования лингвострановедческих компетенций.

Автор акцентирует внимание на особенностях обучения иностранным языкам студентов-заочников и умениях преподавателей использовать электронную информационно-образовательную среду вуза для совершенствования педагогической деятельности.

Ключевые слова: трансформация вуза, нестрессовая лингвострановедческая среда, личностно-ориентированный подход, компетентностная парадигма, модели эффективной реализации личных целей, стрессоустойчивость

Я не могу управлять направлением ветра, но всегда могу поставить паруса так, чтобы достичь своей цели

Оскар Уайльд

В настоящее время происходит мультикультурное взаимодействие во всех системах человеческой жизнедеятельности, при этом язык и, следовательно, языковое образование превращается в важный инструмент понимания друг друга в поликультурном сообществе. В соответствии со стратегией Европейского Союза 2020 происходит дальнейшая либерализация и повышение качества образовательных услуг, дальнейшее усиление международной составляющей высшего образования [1].

При этом процесс иноязычного обучения должен иметь личностно-значимый характер, иметь общественную ценность, способствовать активному формированию личности через систему положительных межличностных отношений. Кроме того современные требования к обучению иностранным языкам включают подготовку выпускников к профессиональной самореализации, с профессиональным уровнем владения иностранным языком. Исходя из вышеизложенного, меняются требования к иноязычным компетенциям выпускников неязыковых вузов.

В данной работе речь пойдёт об актуальных проблемах обучения иностранному языку студентов заочного и факультативного обучения Тихоокеанского государственного университета в условиях трансформации вуза в университет 3.0 [2].

Тихоокеанский государственный университет имеет в своём составе факультет дистанционного, факультативного и заочного обучения, становление которого имеет свою уникальную педагогическую историю развития и требует дальнейшего изучения методов и технологий дистанционного, факультативного и заочного обучения.

Переход Тихоокеанского государственного университета на новый 3.0 уровень потребовал полной реорганизации всех структурных подразделений, в том числе кафедры иностранных языков. В этой связи возникает и вопрос возможностей использования информационных технологий для интенсификации самостоятельной работы студентов-заочников.

Не отвергая традиционные методики, всё чаще применяются теории личностно-ориентированных технологий при этом открытое представление обучаемому стандартов и способов их подтверждения превращает любой метод или технологию в «обучающий», а не в «обещающий».

Следуя данным теориям создание нестрессового педагогического окружения способно преобразовать стрессовые условия учебной среды и создать положительный морально-психологический климат. В создании студенческой стрессоустойчивости могут помочь действия педагогов, которые должны обладать помимо профессиональных умений такими общечеловеческими достоинствами как доброжелательность, выдержка, эмпатия, умениями определять специфику стресса и способами его преодоления, способностями контролировать собственное психологическое состояние и др.[3].

Таким образом, при создании нестрессовой окружающей обстановки, педагог сможет заранее преодолеть негативные признаки стресса и своевременно предупредить возникновение отрицательных последствий. Согласно современным обучающим технологиям, при изучении иностранных языков реко-

мендуется полное погружение обучаемого в гуманитарную лингвострановедческую среду.

В то же время в силу сложившихся повышенных требований, предъявляемых личности со стороны работодателей, упускается из виду её жизнеустойчивый потенциал, развитию которого способствует нестрессовое социально-педагогическое сопровождение студента на протяжении всего его пребывания в вузе. Недостаточное количество аудиторных часов у студентов-заочников целесообразно компенсировать факультативными занятиями по выбору, что позволяет повысить уровень изучения отдельных предметов и даёт возможность подготовки к конкурсам и предметным олимпиадам; формирует устойчивые положительные мотивации к предмету изучения; создаёт возможность для становления познавательных и социальных компетенций: способствует профессиональному самоопределению.

Поэтому создаётся новый тип образовательного пространства, так называемая лингвострановедческая среда, в которой интегрируются и развиваются иноязычные компетенции, обеспечивая тем самым переход от обучения к навыку усвоения. Идеи создания нестрессовой лингвострановедческой среды последовательно коррелируются с вузовской социальной средой, самой инфраструктурой вуза, его материально-технической базой, международными образовательно-культурными связями, профориентационными мероприятиями и многому другому, что прямо или опосредованно влияет на личностное развитие обучаемого и его общепрофессиональный культурный уровень.

Однако кафедра иностранных языков видит ряд проблем, связанных с обучением студентов заочного факультета (различный уровень языковой подготовки, низкая мотивация, концентрация большего внимания специальным дисциплинам, недостаточное количе-

ство выделяемых на дисциплину «Иностранный язык» учебных часов и т.д.) решить которые возможно лишь через разработку нового концептуального подхода к заочной форме обучения иностранным языкам [4], который в свою очередь не исключает рассмотрение и применения разнообразных педагогических технологий в создании нестрессовой лингвострановедческой среды.

В соответствии с концепцией обучения иностранным языкам в университете [5] в Тихоокеанском госуниверситете активно внедряются в образовательный процесс информационные методы и приёмы обучения, создаются собственные электронные курсы по всем общеобразовательным дисциплинам. Преподаватели, понимают, что помимо развития языковых компетенций, в задачи любого преподавателя входят развитие разносторонних интересов обучаемых, расширение их персональных горизонтов, воспитание в них уверенности в собственных возможностях, используя при этом информационные коммуникационные ресурсы и личностные примеры.

Факультативы также открыты для всех внешних заинтересованных слушателей независимо от возраста и уровня обучения.

В 2014 году Агентством стратегических инициатив на базе платформы Института развития лидеров LEADER-ID был разработан проект под названием «Точка кипения».

Точка кипения — это пространство коллективной работы, объединяющее представителей образования, науки, бизнеса и власти с целью обмена опытом, результатами деятельности, проработки новых моделей регионального развития отдельно и во взаимодействии друг с другом. Данный проект является площадкой для встреч лидеров проектов в сфере инноваций, бизнеса, промышленности и социального предпринимательства. Ведущие специалисты в разных областях проводят консультации, демонстрируют, взаимно обогащают и тиражируют идеи и практики.

Точки кипения призваны способствовать росту их участников через современные и эффективные образовательные форматы, развивать благоприятную среду для стартапов, обеспечивать быстрое внедрение новых разработок в производство, меняющих жизнь в России к лучшему.

21 мая 2019 г. состоялось открытие Университетской Точки Кипения (УТК) в Тихоокеанском государственном университете г. Хабаровска.

Университетская Точка Кипения — открытый интерфейс взаимодействия с потенциальными партнерами: предпринимателями, госкомпаниями, чиновниками, бизнесменами, деятелями культуры. Это площадка для новых образовательных проектов, проверки гипотез, оценки эффективности образовательных форматов. Ее задачей является сбор в образовательном сообществе тех идей и новшеств молодых ученых, которые еще не были реализованы в России, и использование их в дальнейшей деятельности. Данные идеи проходят апробацию на базе УТК, рассматриваются возможность их реализации и ожидаемые результаты.

При проведении конкурса факультативных дисциплин нужно учитывать разнообразие возможностей проведения факультативных занятий в следующих форматах:

1. Innovation boot camp — интенсивный практический семинар продолжительностью несколько дней, направленный на разработку эффективных бизнес-идей и передовых решений посредством самостоятельных командных проектов.

2. Хакатон — марафон разработчиков, во время которого специалисты из разных областей разработки программного обеспечения (программисты, дизайнеры, менеджеры) сообща работают над решением конкретной задачи.

3. Семинар-Тренинг — локальная коммуникация, организованное управляемое активное действие, обеспечивающее устойчивость выбранных к развитию индивидуальных или групповых

навыков. Обычно включают одного или нескольких экспертов по предмету, что повышает продуктивность деятельности практиков.

4. Мастер-класс – обучающий (демонстрационный) формат, направленный на получение и отработку практических навыков и проводимый признанным специалистом в конкретной технологического оборудования, направленный области деятельности, опыта работы и т. д.

5. Учебная фабрика – близкие к производственному процессу обучающие мероприятия на специализированном оборудовании, расположенном в академических учреждениях и/или компаниях, направленные на развитие теоретических и практических знаний обучающихся в реальной производственной среде.

6. Бизнес-кейс – комплексный метод обучения, направленный на командную работу и поиск решения реальной бизнес-задачи с использованием теоретических знаний, финансовых и математических расчетов и т.д.

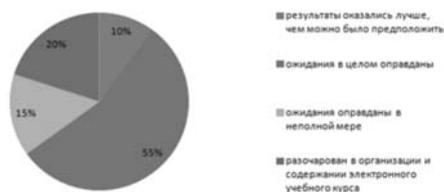
В перспективе и уже в настоящем данный вид деятельности активно берётся на вооружение лидерами ТОГУ и успешно реализуется на студенческих факультативах.

Безусловно, что для эффективной реализации современных форм проведения факультативных занятий в Тихоокеанском государственном университете в первую очередь нужны инициативные творческие лидеры, необходима разработка четкая постановка конкретных целей и задач с учетом потребностей современной науки и бизнеса, и их дальнейшая адаптация под реалии Дальневосточного региона.

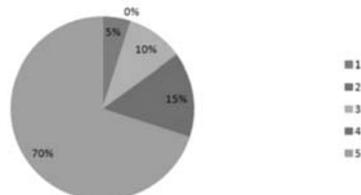
С целью изучения, анализа, апробации и соответствия уже разработанных электронных курсов поставленным задачам создания нестрессовой лингвострановедческой среды среди студентов заочного факультета ТОГУ было проведено анкетирование и получен ряд для анонимных откликов о качестве элек-

тронного учебного курса. Ниже приведены диаграммы с ответами студентов на поставленные вопросы.

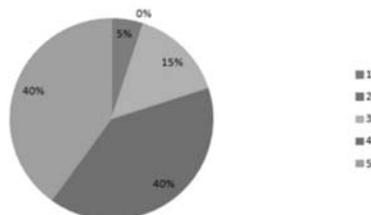
Оцените общий уровень реализации электронного учебного курса

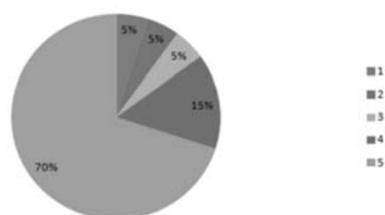
Оцените по пятибалльной шкале уровень представленных сетевых материалов: лекций, тестовых заданий и т. д. (1 - самое низкое значение, 5 - самое высокое)

Оцените по пятибалльной шкале уровень реализации электронного учебного курса в целом (1 - самое низкое значение, 5 - самое высокое)

Оцените по пятибалльной шкале доступность изложения материала (1 - самое низкое значение, 5 - самое высокое)

Анализ полученных результатов показал, что большинство ответивших одобряют качество разработанного электронного курса и их полностью устраивает возможность постоянного доступа к учебным материалам в ЭИОС. Кроме того студенты хотя и предпочитают дополнительные курсы по профилю дисциплины «Иностранный язык». Однако студенты против полного отказа от аудиторных занятий.

Значительное большинство респондентов считает, что электронные курсы дают возможность постоянного доступа к учебным материалам и заданиям. Большинство студентов полностью или скорее согласны с целесообразностью использования ЭИОС в учебном процессе. С тем, что ЭИОС в учебном процессе целесообразно для освоения дисциплины, дисциплинирует в самостоятельной работе (способствует самоорганизации и самоконтролю), положительно влияет на успеваемость, согласно более половины респондентов [6].

Таким образом, кафедре иностранных языков удалось осуществить первый этап создания нестрессовой лингвострановедческой среды, определяющий в дальнейшем устойчивый положительный интерес не только к изучаемому языку, но и к неизменным общечеловеческим ценностям.

Литература

1. Сёмин Н. В., Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. Академическая мобильность в России: нормативно-методическое обеспечение. М.: МГУ, 2007. 208 с.
2. Уманец И. Ф. Дальневосточный компонент в трансформации Университета 3.0 // Известия Волгоградского педагогического университета. 2020. №3 (146). С. 24-31.
3. Чудайкин А. М. Педагогический подход к рассмотрению проблемы стрессоустойчивости у обучающихся // Актуальные задачи педагогики. 2017. С.166-168.

4. Барсукова Н. В. Студент как ответственный субъект образовательного процесса // Известия Волгоградского педагогического университета. 2020. №3 (146). С. 20-23.

5. Сабурова Н. А., Уманец И. Ф., Сорокин Н. Ю. Концепция обучения иностранным языкам в университете // Проблемы высшего образования. 2006. №1. С. 122-125.

6. Формирование системы онлайн-обучения в Тихоокеанском государственном университете: социологический аспект / Володькин П. П., Уманец И. Ф. [и др.] // Социология. 2020. №1. С. 97.

Structural creating a non-stress linguistic and cultural educational environment for correspondence students

Umanets I.F.

Pacific National University

The article is devoted to the creation of the structure of a non-stress linguistic and cultural educational environment, its filling with the peculiarities of the methodological and psychological specifics of the university teaching foreign languages during the transformation of the university into the University 3.0. World practice shows that the main innovations are born in the centers of university science, where a large mass of intellectual youth and scientists are concentrated, capable of creating new things and presenting this product in the form of dissertations, graduation projects, and scientific publications and, which is much less common in our country, in the form of finished machines, devices, technologies.

The author of the article analyzes the importance of the presence of an active linguistic and cultural environment of the university in solving the strategic tasks of teaching foreign languages when carrying out innovative educational reforms in one of the leading universities in the Far East, the Pacific State University in Khabarovsk. The article emphasizes the relevance of linguistic and cultural education for the comprehensive personal development of a student in a multidimensional multicultural environment; examples of the selection and updating of electronic educational courses as the basis for modeling linguistic and cultural competences are given.

The author focuses on the peculiarities of teaching foreign languages to part-time students and the ability of teachers to use the electronic information and educational environment of the university to improve pedagogical activity.

Keywords: transformation of the university, non-stress linguistic and cultural environment, personality-oriented approach, competence-based paradigm, model of effective realization of personal goals, stress resistance

References

1. Syomin N. V., Artamonova Yu. D., Demchuk A. L. Academic mobility in Russia: guidelines and regulations. M.: MSU, 2007. 208 p.
2. Umanets I. F. Far Eastern component of the University 3.0 transformation // Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2020. №3 (146). P. 24-31.
3. Chudaikin A. M. Pedagogical approach to the problem consideration of students' stress tolerance // Actual pedagogical problems. 2017. P. 166-168.
4. Barsukova N. V. Student as a responsible subject of the educational process // Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2020. №3 (146). P. 20-23.
5. Saburova N. A., Umanets I. F., Sorokin N. Yu. The university foreign languages teaching concept // Higher education issues. 2006. №1. P. 122-125.
6. Creating an on-line learning system at Pacific National University / Volod'kin P. P., Umanets I. F. [etc.] // Sociology. 2020. №1. P. 97.

Иммигранты в американской культуре периода рестрикционизма (1920– 1960-е гг.)

Филиппенко Александра Александровна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт США и Канады РАН,
a.philippenko@iskran.ru

Не вызывает сомнений то, что иммигранты всегда влияли на американскую культуру. Но и образ иммигранта, нарисованный в американской культуре, очень сильно влиял на восприятие иммигрантов в американском обществе. По популярной музыке, литературе и кино легко проследить как американцы воспринимали иммигрантов: начиная с триумфа мюзикла «Плавильный котёл», где США прославляются как место спасения всех иммигрантов, через популярный кино-образ простоватого «Бродяги» Чарли Чаплина, затем резко негативный образ иммигранта в «Великом Гэтсби» к постепенному введению образа борца за американскую мечту в Голливудском кино 1930-1940 гг. В 1917 – 1965 гг., когда официально иммигрировать в США было очень сложно, иммигрантов видели через образы музыкантов, актеров и исполнителей. Одновременно иммигранты предвосхищали завершение периода сегрегации – в период «законов Джима Кроу» афроамериканский джаз стал массово популярен среди белых американцев благодаря белым музыкантам, которые стали включать джазовые импровизации в свои произведения, прежде всего выходцам из семей иммигрантов – Бенни Гудману и Арти Шоу. Таким образом иммигранты культура формировала образ «хорошего иммигранта» и иммигранты формировали американскую культуру.

Ключевые слова: иммиграция, американская культура, рестрикционизм, сегрегация, джаз.

Анализ американской иммиграции обычно касается адаптации и ассимиляции иммигрантов первого и второго поколения в американское общество. Часто говорится о влиянии иммигрантов на науку и технологический прогресс, но нужно не забывать и о значительном вкладе иммигрантов в американскую культуру.

Иммигранты и дети иммигрантов не рождаются более творчески одарёнными, чем граждане США, но они готовы идти по рискованному творческому карьерному пути, где всегда приветствуется исключительность и некоторая маргинальность. Сложности и вызовы, связанные с иммигрантским происхождением, порождали необходимые для всех творческих людей жизнестойкость, стремление к успеху, любознательность и восприимчивость к инновациям. Одновременно играла роль и относительная открытость американского культурного сообщества для иммигрантов, которую можно объяснить прибытием большого количества талантливых переселенцев в начале XX века: одни спасались бегством от преследований, другие искали новые горизонты, третьи – по разным причинам не могли заниматься творчеством на родине. Так началось быстрое развитие конкурентной развлекательной индустрии, где таланту уделялось больше внимания, чем родословной.

В 1893 г. Нью-Йоркский бомонд впервые услышал впоследствии ставшей классической симфонию Антонина Дворжака «Из Нового света». В конце XIX века, как, впрочем, и сегодня, американская классическая музыка была евроцентричной – композиторы зачатую подражали прославленным евро-

пейским образцам. Знаменитый чешский композитор А. Дворжак, живший в США, искал подлинный американский голос и нашел его в афро-американских мелодиях и песнях американских индейцев [1]. В симфонию «Из Нового света» и другие сочинения, написанные в США, А. Дворжак добавил мелодии из спиричуэлов и мотивы американских индейцев. Слияние музыки коренных народов с классическим исполнением А. Дворжак считал будущим американской музыки: «По моему убеждению, в основе музыкального искусства этой страны должно лежать то, что называется «африканскими» мелодиями. На их основе может быть создана серьезная и самобытная композиторская школа, зарождающаяся в Соединённых Штатах. Эти великолепные и пестрые мотивы являются продуктом здешней почвы. Они представляют собой традиционные американские композиции, и ваши авторы должны обратиться к ним» [2]. Сегодня «Из Нового света» – одно из самых популярных классических произведений, ставшее символическим ещё и благодаря Нилу Армстронгу, который выбрал эту мелодию, чтобы взять с собой во время космической миссии на Луну. Однако мы забываем, что широкое американское общество раскритиковало А. Дворжака, назвав его «негрофилом» за веру в то, что самобытные музыкальные традиции могут быть интегрированы в классическую музыку.

Возникший в обществе спор по поводу симфонии Нового Света в действительности отражает глубокие проблемы, касающиеся американской идентичности, но нас интересует лишь один аспект, непосредственно связанный с личностью А. Дворжака. Как «аутсайдер», иммигрант, не глубоко включенный в американский социальный конструкт, композитор с лёгкостью признаёт афроамериканскую музыку культурно-значимой и аутентично американской.

После Второй мировой войны джаз действительно был признан главным американским вкладом в мир музыки, и

с энтузиазмом воспринят американской и международной аудиторией. Однако в первой половине XX века джаз и связанные с ним афроамериканские музыкальные традиции игнорировались и отодвигались на задний план. Музыка, как и все другие аспекты американского общества, была глубоко сегрегирована. Политика фактически перекрывала суждения профессиональных американских музыкантов композиторов, исполнителей и критиков и диктовала условия, согласно которым подавляющее большинство симфонических залов, концертных площадок и театров никогда не приглашали чернокожих исполнителей и не играли музыку, созданную афроамериканцами. Джаз, блюз и другие музыкальные направления были созданы и звучали в отдельных маленьких залах, наиболее известными из которых были ночные клубы в Новом Орлеане, Нью-Йорке и Чикаго. Будучи иммигрантом, А. Дворжак ввел афроамериканскую культуру в сегрегированные симфонические залы США и говорил об этом открыто: «Афроамериканские мелодии предоставляют всё, что может потребоваться для создания прекрасной и величественной музыкальной школы США» [3]. Такая смелость могла быть лишь у иммигранта, для которого сегрегация не была частью собственной культуры, что значительно повлияло на будущее американской музыки.

Говоря об иммигрантах, напрашивается известное, можно сказать избитое определение США как «плавильного котла» (*melting pot*). Впервые оно использовалось в XVIII веке, но популярным стало в начале XX века, когда в 1909 г. на Бродвее с триумфом прошла премьера пьесы известного английского писателя и деятеля еврейского движения Израэля Зингвилла «Плавильный котел». Присутствовавший на пред-премьерном показе президент Теодор Рузвельт лестно отозвался о постановке, что дополнительно подогрело зрительский интерес.

И. Зингвилл взял классический шекспировский сюжет Ромео и Джульетты, перенося его в США начала XX

века. В мюзикле друг в друга влюблялись дети иммигрантов из Российской империи – Давид из еврейской семьи и Вера из семьи донских казаков. Но как и положено на Бродвее, современные Ромео и Джульетта не умирали, их семьи устанавливали мир не «на их могиле», а во имя счастья детей, ведь лейтмотивом пьесы было то, что США – настоящий плавильный котел, создающий новых людей, новую нацию, а старые предрассудки, страхи и ненависть остаются в Старом Свете. Одновременно стоит отметить, что на момент премьеры мюзикла женское неравенство в Новом Свете вполне отражалось в иммиграционной политике. Если бы Джульетта И. Зангвилла была гражданкой США, а Ромео – выходцем из Российской империи, то героиня потеряла бы гражданство и обрела статус иммигранта, даже если бы она родилась в Соединенных Штатах у пятого поколения американцев.

В 1907 г. был принят Закон о лишении гражданства (*Expatriation Act*), где прописывались причины для отзыва гражданства США. Устанавливались три основные причины для утраты гражданства: натурализация в иностранном государстве, принятие присяги на верность иностранному государству и (относящееся только к натурализованному гражданину США) проживание в течение двух лет в стране происхождения или в течение пяти лет в любом другом иностранном государстве. Закон предусматривал потерю гражданства американскими женщинами, которые вышли замуж за иностранцев не граждан США. Их переводили в статус иммигрантов. Закон стал предвестником эры рестрикционизма – жестких ограничений в иммиграционной политике США.

После потрясений Первой мировой войны настала первая настоящая эпоха расцвета – прогрессивная эра – когда американцы стремились к самореализации через развлечения и потребление. И хотя не все были в восторге от этой новой современной эпохи много-

гранной городской жизни, упор на единство военного периода, сдерживал несогласных. После революции в России, рабочих забастовок и серии взрывов в 1919 г., голоса недовольных правительством стали слышаться громче и возникли опасения, что стране угрожают экстремистские элементы – коммунисты. В сочетании с официальной ксенофобией и бытовым расизмом (который рисовал всех людей, если только они не выходцы из Северной и Западной Европы, как менее развитых) коренные белые протестанты считали, что страна становится все менее и менее американской.

Иммигрантов действительно было много – к 1920 г. 42% жителей Нью-Йорка, 42% жителей Сан-Франциско и 41% жителей Чикаго были выходцами из других стран. В 1920-е гг. Ку-Клукс-Клан пережил второе рождение и оставался на гребне популярности более десяти лет. В отличие от периода Реконструкции, в начале XX в. в Клан вступали жители в северных и западных городах, которые нападали не только на афроамериканцев, но на евреев и католиков, многие из которых были недавними иммигрантами из Южной и Восточной Европы. Всё это привело к введению новых иммиграционных ограничений. В 1921 г. Конгресс принял Чрезвычайный закон о квотах, который ограничил число иммигрантов до 350 тыс. (всего треть от довоенного уровня). Затем, в 1924 г., Конгресс ограничил иммиграцию ещё больше, установив квоты для иммигрантов из каждой отдельной страны. Эти квоты в значительной степени благоприятствовали выходцам из Северной и Западной Европы и сократили число иммигрантов из Южной и Восточной Европы до 1% от довоенного уровня. Африканцы из всех стран ограничивались одной тысячей человек в год, а выходцы из Азии были полностью лишены права иммиграционного въезда. Закон не ограничивал иммиграцию мексиканцев, на которых в сезон очень рассчитывали западные фермеры.

Ужесточение оказало сдерживающее воздействие: в 1920 г. численность

иммигрантов составляла 13,2% от общего числа проживающих в США. В 1930-м г. иммигрантов было 11% от всего населения. Цифра сокращалась постоянно пока в 1970-м году не достигла минимума – 4,7% иммигрантов от всего населения. Но тогда в силу вступил другой закон, значительно облегчивший возможность иммиграции в США – Закон об иммиграции и гражданстве 1965 г. Он и закончил период рестрикционизма.

Но, возвращаясь в начало периода – в 1917 г., когда иммиграция из Восточной Европы ещё не ассоциировалась с угрозой, вышел фильм иммигранта из Великобритании, мастера кинематографа Чарли Чаплина «Иммигрант» о приключениях двух переезжающих в Новый свет переселенцев. Большую часть фильма занимает рассказ о переходе корабля через океан. Ч. Чаплин опирался на собственный опыт иммиграции в Соединенные Штаты и пытался найти юмор в болезненных аспектах переезда в новую страну и заставлял задуматься над трудностями иммигрантского пути. В середине фильма, когда корабль прибывает в американский порт, все пассажиры собираются на палубах, чтобы посмотреть на «Статую Свободы». К тому моменту известное стихотворение Эммы Лазаурус со словами: «отдайте мне усталый ваш народ, всех жаждущих вздохнуть свободно, брошенных в нужде» уже было выбито на постаменте.

В фильме иммигранты предстают перед нами весёлыми, находчивыми простаками, которые влюбляются и полфильма ищут друг друга. Картина наполнена классическими трюками, шутками и перевертышами, а комический эпизод с прохождением иммиграционного контроля с толстяком-офицером таможи – один из центральных моментов во второй части фильма. Стоит отметить, что сцена, в которой персонаж Ч. Чаплина пинает этого сотрудника иммиграционной службы, была позже упомянута как свидетельство антиамер-

риканизма Ч. Чаплина, когда его вынуждали покинуть Соединённые Штаты в 1952 году.

В 1940-е гг. иммигрант Ч. Чаплин неоднократно озвучивал свои политические взгляды через своё кино и в интервью транслируя опасность, говоря, что мировые правительства поощряют массовые убийства посредством войн и оружия массового уничтожения. В 1947 г. ФБР начало расследование относительно Ч. Чаплина и в 1952 г. он решил перебраться на время в Европу. Когда он покидал Лос-Анджелес, то выразил опасение, что не вернется. На следующий день после отъезда артиста генеральный прокурор Джеймс МакГренери отозвал визу Чаплина и заявил, что для повторного въезда в США Ч. Чаплин должен явиться на собеседование, касающееся его политических убеждений и морального облика. Хотя Дж. МакГренери сказал прессе, что у него «весьма солидное обвинение против Чаплина»[4], из материалов ФБР, опубликованных в 1980-х гг., известно, что у правительства не было оснований для предотвращения возврата великого комика в страну. Скорее всего он получил бы разрешение на въезд, если бы подал заявление об этом, однако, когда Ч. Чаплин получил информацию о словах генпрокурора, решил не возвращаться в Соединённые Штаты.

Одним из самых ярких литературных образов иммигранта периода рестрикционизма, конечно же стоит назвать одного из героев романа «Великий Гэтсби». Казалось бы, что может быть более американским, чем Фрэнсис Скотт Фицджеральд? Можно сказать, что «Великий Гэтсби» отражает ощущение размытия моральных авторитетов в эпоху наплыва новых иммигрантов и неуверенности в способности их ассимиляции.

Глазами рассказчика Ника Каррауэя, Джей Гэтсби предстает типичным бизнесменом, идеальным «self-made man» – человеком сделавшим своё состояние самостоятельно. Оставляя в стороне не

имеющую отношение к нашей теме любовную историю, стоит обратить внимание на разворачивающийся параллельный сюжет, раскрывающий личность Д. Гэтсби: бизнес героя напрямую связан с грязной деятельностью гангстеров-иммигрантов. История о подпольной торговле алкоголем и коррупции, рассказанная языком нативизма, противопоставляется традиционному нарративу добродетельного американского процветания и в конечном счёте подрывает его. Ф. Фицджеральд отражает беспокойство по поводу потери господства белого англосакса в 1920-е гг. Образ иммигранта-преступника особенно прочно закрепился в период сухого закона – своеобразного морального крестового похода за сохранение американского пути через социальный контроль и подчинение. 18-я поправка к Конституции США (запрещавшая производство, продажу и перевозку спиртных напитков) вывела преступность на новый уровень и открыла новые возможности для прибывающих, создав прибыльную торговлю запрещенным алкоголем. Это ещё больше укореняло стереотип не-англо-саксонского иммигранта как гангстера.

В период написания романа (1922-1925 гг.), основным источником дохода одного из величайших американских авторов Ф. Фицджеральда была газета *The Saturday Evening Post*, где он размещал свои рассказы. Ещё с весны 1920 г. там начали печатать авторов – нативистов, а в 1922 г. Пост даже специально отправил корреспондента в Старый свет, который оттуда нелюбопытно описывал нравы жителей Центральной и Восточной Европы. Ф. Фицджеральд был явно знаком со статьями нативистов, к примеру можно взять последнюю страницу романа, важнейшие и трогательные строки:

«Почти все богатые виллы вдоль пролива уже опустели, и нигде не видно было огней, только по воде неярким пятном света скользил плывущий паром. И по мере того, как луна поднималась выше, стирая очертания ненужных

построек, я увидел древний остров, возникший некогда перед взором голландских моряков, — нетронутое зеленое лоно нового мира. Шелест его деревьев, тех, что потом исчезли, уступив место дому Гэтсби, был некогда музыкой последней и величайшей человеческой мечты» [5, с. 249].

Голландцы Ф. Фицджеральда несут невидимый след нативизма, ведь это прямая отсылка к тому как видели Новый Свет голландские моряки, образные выходы с Мейфлауэра, соответствует нативистской логике послания президента Кулиджа Конгрессу в декабре 1923 г., когда он говорил о необходимости принятия Закона об иммиграции: «Америка должна оставаться той, традиционной, по-настоящему американской... Те, кто не хочет быть частью американского духа, не должны оставаться в США» [6].

В самом романе перед читателем отчетливо предстает слияние образа нового иммигранта и грязных методов ведения бизнеса – во второй половине 1920-х гг. об этом писали все нативистские газеты. В «Великом Гэтсби» описывается подъем хитрого, ушлого, нечестного, неамериканского иммигранта и падение самодельного человека. Связь главного героя с иммигрантской преступностью фактически ставит под угрозу сначала его предпринимательскую этику, а в итоге белую идентичность, а неприятная ассоциация заставляет придумывать невероятные истории о своем прошлом. Д. Гэтсби, хотя, не иммигрант, но бутлегер, ассоциирующийся с преступным миром и неприглядными новыми иммигрантами, которые так резко отличаются от романтических голландцев.

Если посмотреть на описание бизнес-партнера Д. Гэтсби Мейера Вулфшима: «Небольшого роста еврей с приплюснутым носом поднял голову и уставился на меня двумя пучками волос, пышно распустившимися у него в каждой ноздре. Чуть позже я разглядел в полутьме и пару узеньких глазок... Мистер Вулфшим негодуя сверкнул на

меня носом» [5, с. 137]. Шаблонное описание позволяет провести четкую грань между энергичным англосаксонцем Томом Бьюкененом и почти пародийным М. Вулфшимом. Таким и предстаёт иммигрант в важнейшей работе 1920-х гг. – преступником.

С началом золотого века Голливуда стоит обратить внимание на то, каким был иммигрант в кинематографе 1930-х гг. Даже в разгар Великой Депрессии фильмы были еженедельным спасением для многих людей, которые предпочитали хотя бы на пару часов забыть о борьбе за выживание и погрузиться в вымышленный, часто ослепительный мир. Несмотря на сложную экономическую ситуацию, хотя, количество зрителей упало, но каждую неделю во время депрессии фильмы смотрели 40-50 миллионов американцев. В разгар золотого века Голливуда, киноиндустрия была одним из наиболее крупных секторов бизнеса в Соединенных Штатах. Думая о звездах того времени первыми приходят на ум, конечно, «Король Голливуда» Кларк Гейбл, который имел голландские, бельгийские и немецкие корни. Джуди Гарланд (наиболее известная как Дороти в «Волшебнике страны Оз») ирландского, английского и шотландского происхождения. Джин Келли – третий ребенок в ирландско-немецкой семье (родился уже в США). Почти все звезды американского кино (включая иммигрантов Ч. Чаплина и Грету Гарбо) классические англосаксы. Совсем по-другому дело обстояло за кадром и за кулисами.

При полностью контролируемой студийной системе того времени доминировали киностудии, известные как «Большая пятерка»: Уорнер Бразерс (Warner Brothers), RKO Пикчерс (RKO), Фокс (Fox), Эм-Джи-Эм (MGM) и Парамаунт (Paramount). «Warner Brothers» это выходцы из Российской Империи братья Ворнсколасер, некоторые члены семьи, оставшиеся в России после революции, переименовали фамилию на Ворноны. Студия RKO Pictures вошла в

пятерку, когда её возглавил Давид Сарнов, один из новаторов американского радио, кино и телевидения. Именно он настоял на слиянии студии со студией звукозаписи и положил начало эпохе звукового кино. Он был выходцем из Российской Империи, из местечка близ Минска, приехал в США и начал с продажи газет на улицах, в индустрию попал благодаря знакомому по Нью-Йоркской йешиве – итальянскому еврей, работавшему в Компании Беспроводной Телеграф Маркони.

Кинокомпания Фокс была основана Уильямом Фоксом в 1915 г. Фокс родился в Венгерском королевстве как Вильмос Фукс. Соучредителем Фокс выступил Соломон Вурцель из семьи немецких еврейских иммигрантов. Эм-Джи-Эм появилась благодаря инвестициям Ли Шуберта (Леви Шубарт) из литовской семьи из Российской империи и Луиса Берт Майера (Лазарь Меир), родившегося в Российской империи в Вышгородском районе Киевской области. И последняя из «Большой Пятерки» Парамаунт была создана в 1916 г., когда австро-венгерский кинорежиссер и продюсер Адольф Цукор подписал контракт с братьями Фромман – американскими театральными продюсерами, которые работали с Михаилом Чеховым.

После прихода в киноиндустрию такого количества иммигрантов из разных стран, образ иммигранта в кино меняется. Если в 1920-е гг. иммигрант в кино был Бродяга – персонаж Ч. Чаплина, то в 1930-е гг. символичными стали герои Джеймса Кагни – американского актера из ирландской семьи. Он получил признание и крупные награды (включая кинопремию Оскар) за роли крутых парней в таких фильмах, как «Враг народа» (1931), «Такси!» (1932), «Ангелы с грязными лицами» (1938). Персонажи Д. Кагни воплощали борьбу за американскую мечту. Он был городским парнем, который говорил с рабочими на их языке и развеивал их страхи и неуверенность. На протяжении всей студийной карьеры он олицетворял собой идеального иммигранта.

В действительности Д. Кагни и его герои послужили для новых иммигрантов из Восточной Европы своеобразным проводником ассимиляции. Он олицетворял американский оптимизм в отношении ассимиляции и в фильмах отрицал этническую и расовую напряженность, одновременно рисуя образ смелого, сильного и в итоге доброго иммигранта для американцев, подталкивая иммигрантов к желанию интеграции. Ведь во всех его фильмах ключевую роль для перевоплощения и спасения героя играли белые англо-саксонские протестанты.

Частично вымышленная биография популярного артиста эстрады Эла Джолсона была изложена, хоть и несколько приукрашена, в оскароносном фильме 1946 г. «История Джолсона», более точно она отражена в документальном байопике 1927 г. «Джазовый певец», где снялся сам Э. Джолсон. Выдающийся шоумен Аса Йозелсон родился в Российской Империи в литовском местечке Средник. Аса, чей отец был кантором в Вашингтонской синагоге метался между ожиданиями родителей и желанием стать популярным певцом. Но покинул дом и приобрел известность, а в 1930-х гг. был самым высокооплачиваемым артистом эстрады в стране.

Как и в случае А. Дворжака, влияние иммигрантов на американскую музыку происходило с точки зрения «аутсайдера». В период законов Джима Кроу лишь незначительное меньшинство белых американцев признавали самобытность афроамериканских музыкальных традиций, жизненную силу и импровизационную остроту джаза. Всё начало меняться, когда в 1930-е гг. популярные белые музыкальные группы (прежде всего под руководством Бенни Гудмана и Арти Шоу) стали интегрировать элементы джаза в свои выступления. И А. Шоу, и Б. Гудман были американцами еврейского происхождения второго поколения, которые смешивали традиционные европейские музыкальные традиции с духом джаза. Возможно, как дети иммигрантов и представители

меньшинств, они были менее подвержены расовым предрассудкам того времени и были готовы бросить вызов табу, чтобы следовать своим музыкальным инстинктам.

Интеграция образа хорошего иммигранта в кино, смелость в преодолении расовой сегрегации в музыке – всё это меняло образ иммигранта с 1920-х гг. до 1950-х гг., когда активно шло обсуждение нового иммиграционного законодательства. Специализированные опросы общественного мнения относительно восприятия иммигрантов стали проводиться лишь в 1960-1970-е гг., однако в одном из первых опросов об иммиграционной политике в отношении беженцев очевидно отношение к иммигрантам. Во время Великой депрессии в США был проведён опрос о том, следует ли разрешить политическим беженцам въезд в Соединённые Штаты. Две трети респондентов ответили, что «мы должны попытаться не допустить их въезда», 18% посчитали, что въехать можно только по национальной квоте, и только 5% заявили, что квоты должны быть увеличены, а беженцев следует пускать свободно [7]. Сразу после окончания Второй мировой войны политики явно почувствовали давление, направленное на то, чтобы разрешить больше иммиграции по мере того, как страна приобретала международное влияние, росла экономика и поддержка гражданских прав. В изменении не последнюю роль сыграл Голливуд и образ «хорошего иммигранта», который резко контрастировал с тем, что был нарисован классиком американской литературы Ф. Фицджеральдом в 1920-е гг.

Для успешной ассимиляции иммигранты должны активно изучать американскую культуру, что приводит к богатому и экспансивному творческому поиску, который оставляет свой отпечаток на музыке, театре, кино и многих других сферах художественной деятельности. Иммигранты не боялись нарушать неписанные законы сегрегации в музыке, они подталкивали американское общество к

большой открытости и сами становились его частью благодаря положительным художественным образам. В Соединённых Штатах ценится прогресс и успех, благодаря присутствию иммигрантов, которые подталкивают страну к тому, чтобы ценить навыки и умения, а не родословную.

Литература

1. Wiecki Ron Classical Music in America: A History of Its Rise and Fall by Joseph Horowitz. / JSTOR. Vol. 62, No. 3 (Mar., 2006) <https://www.jstor.org/stable/4487625?seq=1>
2. Gutmann P. Dvorak's "New World" Symphony. / Classical Notes. <http://www.classicalnotes.net/columns/newworld.html>
3. Horowitz J. New World Symphony and Discord. / The Chronicle of Higher Education. <https://www.chronicle.com/article/new-world-symphony-and-discord/>
4. O'Donnell James P. Charlie Chaplin's Strange Exile. / The Saturday Evening Post. October 2, 2017 <https://www.saturdayeveningpost.com/2017/10/charlie-chaplins-strange-exile/>
5. Фицджеральд Фрэнсис Скотт «Великий Гэтсби» / Москва: Издательство АСТ, 2015 г.
6. Coolidge Calvin First Annual Message to the Congress. December 6, 1923 / Calvin Coolidge Presidential Foundation. <https://www.coolidgefoundation.org/resources/speeches-as-president-1923-1929/>
7. Fussell Elizabeth Warmth of the Welcome: Attitudes toward Immigrants and Immigration Policy / US National Library of Medicine, National Institutes of Health. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4782982/#R104>

Immigrants in American culture of the restrictionism period (1920s - 1960s)

Filippenko A.A.

Institute of the United States of America and Canada studies

There is no doubt that immigrants have always had an impact on American culture. But the image of an immigrant painted in American culture has also greatly influenced the perception of immigrants in American society. From popular music, literature, and movies, it is easy to trace how Americans perceived immigrants: starting with the triumph of the musical *Melting Pot*, where the U.S. is celebrated as a place of salvation for all immigrants, through the popular movie image of the simple "Tramp" Charlie Chaplin, then a sharply negative image of the immigrant in the "Great Gatsby" to the gradual introduction of the image of the fighter for the American dream in the Hollywood movies of 1930-1940. In 1917 - 1965, when officially immigrating to the United States was very difficult, immigrants were seen through the images of musicians, actors and performers. At the same time, immigrants foresaw the end of the segregation period - during the "Jim Crow Laws" African-American jazz became popular among white Americans thanks to white musicians, who began to include jazz improvisations in their works, especially those from immigrant families - Benny Goodman and Artie Shaw. In this way, immigrant culture shaped the image of the "good immigrant," and immigrants shaped American culture.

Keywords: immigration, American culture, restrictionism, segregation, jazz.

References

1. Wiecki Ron Classical Music in America: A History of Its Rise and Fall by Joseph Horowitz. / JSTOR. Vol. 62, No. 3 (Mar., 2006) <https://www.jstor.org/stable/4487625?seq=1>
2. Gutmann P. Dvorak's "New World" Symphony. / Classical Notes. <http://www.classicalnotes.net/columns/newworld.html>
3. Horowitz J. New World Symphony and Discord. / The Chronicle of Higher Education. <https://www.chronicle.com/article/new-world-symphony-and-discord/>
4. O'Donnell James P. Charlie Chaplin's Strange Exile. / The Saturday Evening Post. October 2, 2017 <https://www.saturdayeveningpost.com/2017/10/charlie-chaplins-strange-exile/>
5. Fitzgerald Francis Scott "The Great Gatsby" / Moscow: AST Publishing House, 2015
6. Coolidge Calvin First Annual Message to the Congress. December 6, 1923 / Calvin Coolidge Presidential Foundation. <https://www.coolidgefoundation.org/resources/speeches-as-president-1923-1929/>
7. Fussell Elizabeth Warmth of the Welcome: Attitudes toward Immigrants and Immigration Policy / US National Library of Medicine, National Institutes of Health. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4782982/#R104>

Радикализация мусульманской молодежи на Кавказе: искоренение причин и профилактика распространения

Хвале́й Андрей Андреевич

студент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, andrew13.05@mail.ru

Борьба с радикализмом на Кавказе на протяжении 30 лет является одним из наиболее приоритетных направлений работы как правоохранительных органов, так и ученого сообщества. Выявление причин распространения радикализма и способов их устранения производится регулярно, однако выработанные решения должны постоянно дополняться и учитывать новые, постоянно изменяющиеся факторы политического, социологического и религиозного характера. Рассмотрение данной проблемы также осложняется необходимостью учитывать специфические черты региона, к которым относятся сложная этноконфессиональная ситуация, а также сосуществование традиционных обычаев и морально-нравственных законов с современным светским законодательством. Данная статья призвана осветить и проанализировать основные причины распространения радикальных идей в молодежной среде на Кавказе и предложить пути их ликвидации, а также предложить дополнения к проводимой в настоящее время профилактической работе.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, молодежь, Кавказ, социологический опрос.

Современная Россия борется с радикализмом на Кавказе с 90-х годов XX века. Период обострения кризиса пришелся на конец 90-х – 00-е годы, когда одна за другой вспыхивали войны в Чеченской республике. Поступательная борьба с проявлениями радикализма и экстремизма, проводимая с того времени сразу во всех республиках Северо-Кавказского федерального округа, оказалась достаточно эффективной, и сейчас уровень радикализации населения стал значительно ниже. В этой связи в начале 2020 года полномочный представитель президента в СКФО Ю. Я. Чайка отметил, что «число преступлений экстремистской направленности на Северном Кавказе снизилось на 40%» [1]. Однако проблема распространения радикализма в регионе до сих пор стоит на повестке дня как органов государственной безопасности и внутренних дел, так и научного сообщества, занимающегося изучением данного феномена.

Радикализм как крайняя бескомпромиссная приверженность какой-либо идее, идеологии или системе взглядов опасен не только сам по себе, но и как первый шаг на пути к экстремизму (противозаконные действия, направленные на претворение радикальных идей в жизнь), а порой – к терроризму. В научной среде принято разделять радикализм по сферам его проявления, в том числе на политический, социальный, религиозный, экономический и так далее. Однако в контексте рассмотрения ситуации в СКФО будет уместно говорить о радикализме в целом, поскольку его разделение на политическую, социальную или религиозную составляющую не

представляется возможным ввиду комплексности данного явления. При этом в настоящее время доминирующей стороной, безусловно, является религиозная нетерпимость, проявляющаяся в большинстве случаев среди мусульманского населения.

Распространение радикальных идей среди кавказской молодежи (лица от 14 до 30 лет) – крайне опасное явление, так как молодые люди в силу объективных факторов психологического и социального характера наиболее подвержены воздействию различного рода идей. При этом скорость распространения радикальных взглядов в молодежной среде достаточно высока и может носить волнообразный характер, что недопустимо, учитывая численность молодого населения СКФО, которая согласно официальной статистике составляет более 2,1 млн человек [2, 3, 4].

Таблица 1

Низкий уровень религиозного образования:	58,3%
Активная работа экстремистских организаций, пропагандирующих радикальные идеи:	50%
Низкий уровень светского образования:	36,1%
Низкий уровень жизни:	33,3%
Чувство социальной незащищенности / отсутствия законности:	27,8%
Социальные проблемы (конфликты в семье, учебном заведении, на работе и т.д., женский вопрос):	25%
Местный адат (традиции), несовместимый с современной жизнью:	13,9%
Недостаточная работа органов безопасности и социальных служб:	11,1%
Отсутствие патриотического воспитания:	11,1%
Другое:	8,4%

Комплексность феномена радикализма значительно усложняет поиск истинных причин, которые побуждают молодежь СКФО обращаться к крайним идеям. К тому же однажды обнаруженные причины не являются постоянными, они изменяются вместе с политической, социальной, экономической, ситуацией

в регионе, а также находятся под значительным влиянием культурного и духовного аспектов. В данной статье для установления современных причин радикализма проводится анализ результатов социологического опроса, проведенного среди студентов МГУ – представителей народов Кавказа и статистических данных из открытых источников.

Опрос, проведенный осенью 2020 года в студенческой среде МГУ, позволяет увидеть ситуацию глазами очевидцев. Всего было опрошено 72 представителя различных народностей, проживающих в СКФО. Респондентам была представлена форма, предлагающая ответить на вопрос «Какие причины, на Ваш взгляд, являются доминирующими в распространении радикальных социально-политических и религиозных идей среди молодежи Кавказа?» и предоставляющая множественный выбор (до 5 позиций) из 10 возможных вариантов ответа. В результате проведенного исследования, было выявлено следующее распределение голосов.

Таким образом, абсолютное большинство респондентов считает недостаточный уровень религиозного образования основной причиной распространения радикализма в молодежной среде. Религия действительно играет крайне важную роль в жизни народов Кавказа. Данные за 2019 год, предоставляемые Северо-Осетинским государственным университетом им. К. Л. Хетагурова, свидетельствуют о том, что средний «уровень религиозности мусульман на Северном Кавказе в среднем составляет 85%, <...> а религиозность молодежи в Дагестане – 95%» [5, с 23]. Эти показатели являются рекордными для России.

При подробном рассмотрении феномена набожности населения в СКФО можно выделить его основные особенности. Во-первых, в целом по региону уровень религиозности молодежи выше, чем других возрастных групп, а внутри молодежной группы наиболее набожными оказываются молодые люди и только в Дагестане – девушки.

Во-вторых, религиозность населения в целом и молодежи в частности варьируется в зависимости от размеров населенного пункта и его удаленности от республиканского центра. Так, в небольших деревнях и поселках на периферии показатель религиозности жителей выше, чем в столице и крупных городах. И наконец, уровень религиозности молодежи не отражает и не соответствует глубине веры, которая может значительно варьироваться среди различных социальных групп, общин и даже на уровне отдельных индивидов. Тем не менее, как отмечают эксперты Северо-Осетинского университета, показатель глубины веры на Кавказе значительно выше среднего по России.

Исходя из этого, становится очевидна важность религиозного образования для населения СКФО. И в городах, и особенно в деревнях, существует потребность в квалифицированных религиозных кадрах. Для понимания масштабов приведем такие данные: в Дагестане при населении в 3,1 млн человек действует около 2700 исламских религиозных организаций, 22 из которых составляют духовные образовательные учреждения [6]. Имамы в мечетях во многом влияют на формирование у прихожан определенного понимания религиозного учения и его отдельных положений, а так как религия является базисом мировоззрения набожного населения Кавказа, то можно сказать, что имамы в определенной степени формируют само мировоззрение. Помимо этого, духовные организации, не говоря об образовательных учреждениях, занимаются общественно-просветительской деятельностью по религиозным вопросам, и компетентность сотрудников напрямую влияет на уровень осведомленности граждан. Все это в совокупности должно предоставлять гражданам базовый уровень религиозной подготовки: знания основ религиозного учения, понимание основной терминологии, умение формировать свою точку зрения относительно духовных вопросов.

Однако в настоящее время в кавказских СМИ нередко можно столкнуться с подменой понятий, неверным переводом или толкованием даже основных терминов, многочисленными ошибками в изложении тех или иных общеизвестных религиозных идей. Респонденты опроса также описали существование аналогичной ситуации при общении с представителями кавказской молодежи в социальных сетях, на форумах и других платформах, что говорит о недостаточном уровне религиозного образования в целом. Наиболее опасно в сложившейся ситуации то, что недостатком знаний в духовных вопросах могут воспользоваться радикально настроенные элементы (подчас прекрасно знающие религиозное учение), которые методом введения в заблуждение, психологическими манипуляциями и иными действиями могут склонить верующего, но плохо разбирающегося человека на свою сторону. К сожалению, такие случаи, несмотря на всю проводимую профилактическую работу, имеют место быть. Вероятно, именно поэтому больше половины респондентов отметили сильное влияние деятельности радикальных и экстремистских организаций на распространение радикализма среди молодежи.

В этой связи представляется разумным давать всему населению СКФО базовые знания в области религиозных учений, в особенности ислама, централизованно в общеобразовательных учреждениях. Стандартизированный способ подачи и выборка информации будут способствовать формированию среди подростков и молодежи умеренной позиции по религиозным вопросам, а также налаживанию межконфессионального взаимодействия. Так, например, школьный предмет «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), преподаваемый в течение года учащимся 4-го класса, может быть расширен. Однако продолжение этого предмета, на наш взгляд, уместно вводить уже для школьников 9-го класса. В

это время подростки уже способны воспринимать и анализировать более сложный материал, поэтому расширение курса ОРКСЭ может включать в себя как освещение этно-конфессиональной ситуации в регионе, так и более глубокие знания религий, представленных на Кавказе. Разумеется, подача такого рода материалов должна носить светский характер и ни в коем случае не пытаться склонить учащихся к исповедованию определенной религии. Вышеприведенные меры будут способствовать повышению уровня осведомленности школьников в религиозных вопросах, что несомненно оградит хотя бы часть населения от действия радикальных идей. При этом не стоит забывать, что в подростковом возрасте (обычно с 15-16 лет) молодежь начинает заниматься поиском собственной идентичности, нередко обращаясь к религии, что характерно для детей из религиозных семей Кавказа. Поэтому расширение курса ОРКСЭ может вызвать неподдельный интерес среди школьников и помочь им в некоторой степени разобраться со сложными морально-нравственными и духовными проблемами, встающими перед ними во время поиска собственного «я».

Что касается других факторов, способствующих радикализации молодежи, то респондентами были также выделены низкий уровень светского образования и низкий уровень жизни (36,1% и 33,3% соответственно). Оба показателя входят в так называемый Индекс человеческого развития (Human Development Index, HDI), который включает в себя уровень образования, уровень доходов и продолжительность жизни. Данные, опубликованные в 2018 году Аналитическим центром при Правительстве РФ, показывают, что общий ИЧР республик СКФО (0,836) значительно ниже среднего показателя по России (0,881).¹ Несмотря на ежегодную положительную динамику разви-

тия, СКФО остается на последнем месте среди всех федеральных округов по показателям дохода на душу населения, а также образования, которое включает в себя школьную, среднюю профессиональную и высшую ступени [7]. Однако, на наш взгляд, эти факторы нельзя назвать основными в распространении радикальных идей среди молодежи, поскольку в России есть регионы и области с еще более низким, чем в республиках Кавказа, ИЧР, однако со значительно меньшим уровнем радикализации населения. Примером здесь могут служить Псковская область, Республика Крым, Ивановская область, Забайкальский край. Тем не менее повышение уровня жизни и образования в кавказских республиках совершенно необходимо. Оно несомненно будет способствовать ликвидации очагов социальной напряженности, которые нередко служат причиной радикализма.

В то же время наличие социальных конфликтов на Кавказе зависит не только от уровня жизни. В данном случае значительную роль играет столкновение «старого» и «нового», конфликт поколений, возникающий на почве неприятия и непонимания молодежью ряда кавказских традиций (адата), восходящих к средневековью. Процессы переоценки культурных ценностей молодежью наталкиваются на отчаянное сопротивление представителей старых поколений, стремящихся защитить традиции и сохранить преемственность социокультурного опыта. Для молодых людей, которым присущи определенные психологические черты (эмоциональная гиперчувствительность, максимализм, протестность и др.), такие социальные конфликты могут послужить стимулом для обращения к радикальным идеям, предлагающим однозначное решение проблемы.

Наиболее остро стоит женский вопрос. Современная кавказская девушка оказывается в положении между светским законодательством и религиозным

¹ Исключение составляет показатель долголетия.

адатом, и какой из этих двух законов сильнее – вовсе не ясно. Правительства кавказских республик стремятся к женской «эмансипации» на уровне обычаев, к вовлечению женщин в социально-политический процесс и бизнес. Однако вплоть до наших дней положение женщины на Кавказе остается более низким по отношению к мужчине, и это не может не вызывать протест по крайней мере у прогрессивной части кавказских девушек.

С другой стороны, необходимо упомянуть и положительную роль адата в профилактике распространения радикальных идей. Кавказские традиции, основанные как на веками складывавшейся общественной практике, так и на нормах шариата, не допускают убийства, воровства, порчи имущества или любого другого общественно деструктивного поведения. Помимо этого, адат заставляет кавказскую молодежь думать о последствиях своих действий, поскольку любое порицаемое адатом деяние вызовет неодобрение всего общества, а ответственность за совершенный поступок ляжет не только на конкретного человека, но и на всю его семью. Таким образом, в случае должного превалирования светского законодательства над адатом на всех уровнях Кавказского общества, традиции смогут выполнять только свою профилактическую (морально-нравственную) функцию, к чему необходимо стремиться.

Интересным представляется то, что в графе опроса «другое» респондентами была указана коррумпированность местных властей и произвол начальников на местах. Эта позиция заслуживает особого рассмотрения. Не имея точных статистических данных об уровне коррупции в регионе ввиду объективной невозможности их получения, судить о коррумпированности местных властей можно по усилению правительственной антикоррупционной кампании в СКФО, а также по словам секретаря Совета безопасности России Н. П. Патрушева, который в начале 2020 года в рамках разговора о ситуации в регионе заявил, что

«взяточничество и подкуп являются одними из причин формирования социальной напряженности, роста недоверия к государственным институтам» на Кавказе. Разумеется, состояние социальной напряженности и недоверие к властям во многом подталкивают кавказскую молодежь к радикальным идеям и в редких случаях – к экстремистской деятельности, призванной изменить существующий порядок. Однако у этой проблемы есть еще одна сторона. Согласно аналитике правозащитников, размещенной на сайте «Кавказского Узла», одного из крупнейших региональных СМИ, дети чиновников также «подвержены радикализации из-за примеров безнаказанности в работе родителей или вседозволенности в воспитании» [8]. В этом случае протест по отношению к существующей на Кавказе действительности и «против системы» формируется у молодежи под впечатлением от работы родителей. Наиболее опасным в этом феномене является невозможность предсказать развитие такого типа протестных настроений. Будет ли протест направлен на мирное преобразование и оздоровление системы или на вооруженную борьбу с властями, а может, он примет какую-то другую форму? К сожалению, ответ на такой вопрос нельзя дать заранее, так как каждый случай уникален и обуславливается целым комплексом факторов, в том числе воспитанием, образованием, социальным положением.

Приведенный выше список факторов, способствующих распространению радикализма, не является исчерпывающим, так как он призван осветить лишь основные проблемы и возможные пути их решения. Помимо уже названного, можно выделить, во-первых, миграционный фактор, связанный с приездом в Россию боевиков, прошедший определенную подготовку за рубежом и занимающихся созданием организованной структуры радикальных и экстремистских ячеек, а также пропагандистской работой. Во-вторых, различные этно-конфессиональные конфликты, которые в той или иной степени

продолжают существовать на Кавказе. В третьих, недостаточный уровень патриотической работы с молодежью, равно как и другие факторы более низкого порядка. Все приведенные причины радикализации могут и должны быть ликвидированы. В то же время профилактическую работу с молодым поколением необходимо сделать приоритетной, чтобы добиться полного искоренения радикализма в регионе.

Литература

1. Чайка сообщил о снижении числа экстремистских преступлений на Кавказе. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200127/1563926225.html> (дата обращения: 7.10.2020 года).

2. Население. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике. URL: <https://chechenstat.gks.ru/folder/38713> (дата обращения: 7.10.2020 года).

3. Население. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: <https://stavstat.gks.ru/ofstatistics> (дата обращения: 7.10.2020 года).

4. Население. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: <https://dagstat.gks.ru/naselenie> (дата обращения: 7.10.2020 года).

5. Дзутцев Х.В., Дибирова А.П. Уровень религиозности населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ: Монография. – М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. С 23.

6. Государство, общественные организации. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: https://dagstat.gks.ru/gos_vo_obsh (дата обращения: 7.10.2020 года).

7. Карта Индекса человеческого развития России по регионам. // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: [https://ac.gov.ru/uploads/2-](https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf)

[Publications/karta_HDI_2017.pdf](https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf) (дата обращения: 7.10.2020 года).

8. Правозащитники связали радикализацию детей чиновников на Северном Кавказе с влиянием родителей. // Кавказский Узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/350983/> (дата обращения: 7.10.2020 года).

Radicalization of muslim youth in the Caucasus: elimination of causes and prevention of proliferation

Khvalev A.A.

Lomonosov Moscow State University

The fight against radicalism in the Caucasus for 30 years has been one of the top priorities for both law enforcement agencies and the academic community. The causes of the spread of radicalism and ways to eliminate them are identified regularly, but the solutions developed must be constantly supplemented and take into account new, constantly changing factors of political, sociological and religious nature. This article is designed to highlight and analyze the main causes of the spread of radical ideas among young people in the Caucasus and propose ways to eliminate them, as well as propose additions to the current preventive work.

Keywords: radicalism, extremism, youth, Caucasus, sociological poll.

References

1. Chaika reported a decrease in the number of extremist crimes in the Caucasus. // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20200127/1563926225.html> (date of address: 7.10.2020).
2. Population. // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Chechen Republic. URL: <https://chechenstat.gks.ru/folder/38713> (date of address: 7.10.2020).
3. Population. // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the North Caucasus Federal District. URL: <https://stavstat.gks.ru/ofstatistics> (date of address: 7.10.2020).
4. Population. // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Dagestan. URL: <https://dagstat.gks.ru/naselenie> (date of address: 7.10.2020).
5. Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P. Level of religiousness of the population of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation: ethnosociological analysis: Monograph. - Moscow: ISPI RAS; Vladikavkaz: SOGU IPC, 2019. С 23.
6. State, public organizations. // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Dagestan. URL: https://dagstat.gks.ru/gos_vo_obsh (date of address: 7.10.2020).
7. Map of the Human Development Index of Russia by regions. // Analytical Center under the Government of the Russian Federation. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (date of address: 7.10.2020).
8. Human rights activists connected the radicalization of officials' children in the North Caucasus with parental influence. // Caucasian Node. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/350983/> (date of address: 7.10.2020).

Негативные стороны современного спорта

Чернышев Виктор Петрович

канд. пед. наук профессор, зав. кафедрой ФКиС Тихоокеанский государственный университет, chernyshov_vp@mail.ru

Мацепура Галина Николаевна

Старший преподаватель Кафедры ФКиС Тихоокеанский государственный университет, make58@mail.ru

Кнобейская Анжела Владимировна

Старший преподаватель кафедры ФКиС Тихоокеанский государственный университет, Kangel15@mail.ru

Нитяговский Сергей Анатольевич

Старший преподавательского каф. ФКиС Тихоокеанский государственный университет, nityuagovskis@mail.ru

Вершинина Ольга Юрьевна

старший преподаватель каф. ФКиС Тихоокеанский государственный университет, olgaverhinina1358@Vail.ru

В статье анализируется современное состояние спорта как уникального социального явления. Отмечается, что во второй половине XX века спорт буквально взлетел на вершину популярности во всем мире и приобрел миллионы поклонников, многие из которых оказались пустыми потребителями визуального зрелища. Индустрия современного спорта развивается стремительно и все большее число людей оказываются вовлеченными в это социальное явление. Приход «массового человека» породил в самой структуре спорта такие негативные проявления как нечестная игра, достижение цели любой ценой, подкупы судей и много другое. Но для массового зрителя эти проявления не играют особой роли, ему нужно сообщение, проникающее в мозг минуя механизмы рефлексии и созерцания. Одно спортивное впечатление малой интенсивности сменяет другое, затем третье и так до бесконечности. Итогом становится формирование «одномерного» человека взыскующего упрощенного и легко воспринимаемого зрелища. Потенциал спорта используется в идеологических целях, а не в целях развития думающего и релаксирующего человека.

Ключевые слова. Спорт. Негативные проявления. «Одномерный» человек. Холодная и горячая информация.

Большинство исследователей спорта сегодня отмечают, что нынешний масштаб, форму и содержание он приобрел после 2-й мировой войны, а еще точнее после 60 годов XX века [4]. Если до первой мировой войны спортом занимался узкий круг аристократов, в основном для развлечения и военные, которым он был необходим в прикладном аспекте. То приход «массового человека» [6] породил небывалый спрос на занятия собственным телом и организацию зрелищ, связанных со спортом. После второй мировой войны, когда война была осуждена как институт и запрещена, случился бум спорта во всех его проявлениях. Миллиарды людей оказались так или иначе причастны к спорту в виде участников, тренеров, судей менеджеров и многое другое. Сегодня большая часть жителей планеты так или иначе вовлечены в спортивную индустрию, которая и по человеческому и по экономическому потенциалу явно опережает с большим гандикапом все остальные культурные проявления человечества. Критиковать сегодня спорт рискованная затея, слишком много у него адептов, готовых с пеной у рта отстаивать интересы своего любимого детища. «Массовый человек», о котором упоминалось выше вышел из недр народа в том виде, в каком привык существовать столетия, Х.Ортега-и-Гассет[6] отмечает его стремление к гигантизму во всем, его всеядность как в экономическом, так и в духовном плане. Исследователь отмечает, что резко понизилась общая культура общества, люди стали проще говорить, одеваться, питаться и так далее. При этом запрос на зрелища далеко расходился со сложными произведениями аристократического стиля, большие форматы не привлекали этого человека, он хотел непосредственной быстрой развязки, жела-

тельно с понятным и легко интерпретируемым результатом. Спорт идеально подходил на роль организатора масс, их солидаризации. На это стремление наложились вполне объективные аспекты, такие как подготовка к войне, идея мировой революции и другие. Недоступный массе спорт стал в кратчайшие сроки основным развлечением людей. Через идеологические приставки, а напомним что еще К.Маркс называл идеологию общественным клеем, оказалось очень легко манипулировать массами, не требующими рефлексии и объяснения. И так все сразу видно и понятно. По нашей гипотезе, основанной на интуиции американского исследователя средств массовой информации М. Маклюэна, работавшего в до инернетную эпоху, когда доминировало в СМИ радио, а телевидение только начинало завоевывать сердца и умы массового человека, информация это сообщение. По мнению Маклюэна сообщения делятся на холодные и горячие, человечество всегда стремилось к горячим видам сообщения. Эта сентенция требует пояснения. К холодным сообщениям автор относил информацию, получаемую индивидом через слуховой аппарат, через прямой дискурс либо через радио. Получаемая такими образом информация оставалась холодной до тех пор, пока человек не создавал в мозгу определённый визуальный образ услышанного и уже после реагировал и на слух и на сконструированную картинку. То есть радио формировало способность к рефлексивному впечатлению, переходящему в устойчивое восприятие [5]. «Нагревание сообщения требовало времени на осмысление услышанного, на выработку собственного мнения и на понимание». В отличии от радио телевидение Маклюэн относил к горячим источникам сообщения, которое проникало в мозг смотрящего человека непосредственно, так сказать напрямую, минуя стадию временного осмысления и понимания. Увиденное на экране будило эмоции, но не рассудок или разум.

Телевидение довольно быстро вытеснило радио с первых информационных позиций именно потому, что снимало с индивида ответственность за производство интеллектуального напряжения. Оно стало инструментом воздействия с низкой интенсивностью [7], превратилось в массово-рутинную практику жизни большинства людей. Человек незаметно для себя оказался плотно втянут в процесс производства информации-сообщения, в которых его как автора не было и в помине. Кто-то конструировал эмоционально насыщенную картинку и предлагал ее для простого потребления, на что массовый зритель отвечал благодарным увеличением запроса на все новые и новые зрелища. Для интеллектуалов пространство реализации сужалось с космической скоростью, и хотя в начале XX века еще выходили произведения таких авторов как Д. Джойс, Т. Манн, Г. Гессе, И. Бунин, Р. Музиль их аудитория, как правило, была мала и не консолидирована. По мнению П. Волковой настоящие классические произведения несут в себе в упакованном виде лакуны внимания и времени, то есть, чтобы проникнуться идеей автора необходимо потратить определенное время и усилие, чего совершенно не требует телевизионная картинка, а в современном исполнении Интернет-ресурсы. Исследователь культуры немецкий ученый Х.У. Гумбрехт [3] описывая академическую среду США подчеркивает, что никакие научные или социальные успехи не гарантируют рабочего преподавательского места индивиду, если он не демонстрирует приверженность местной спортивной команде и вообще не ведет спортивный стиль жизни. Такое же положение распространяется постепено и на академическую среду Европы. Сегодня спортивный стиль жизни – основная примета эпохи, при этом совершенно не важно, в каком качестве выступает адепт стилиа. Он может быть заядлым спортсменом, но может быть телевизионным болельщиком, главное уметь поддержать дискурс на заданную тему и показать себя если не

экспертом, то, как минимум заинтересованным лицом, разбирающимся в проблеме. Визуальный просмотр телевизионных спортивных программ, пользуясь терминологией Маклюэна, не расширяет человека, более того, он его сужает. Мы помним выражение Декарта что: «Великая душа это такая душа, которая может воспринять иное не дрогнув». Говорить в великодушии и расширении применительно к современному спорту не логично. А ведь в античности, наследницей культуры которой Европа себя периодически объявляет все было иначе. Д. Лаэртский приписывает Пифагору (чемпиону по кулачному бою, между прочим) такие слова: «Жизнь подобна игрищам, иные приходят на них состязаться, иные торговать, самые счастливые смотреть». Но не просто смотреть, а как бы через понимание участвовать в состязаниях. Для греков спортивное зрелище было насыщено смыслами и интеллектуальным содержанием. Мир несомненно стал радикально плотно насыщен событиями разного рода и отвлечение от этого потока, попытка выйти в мир созерцания удалась немногим, хотя мечтают об этом многие [1]. Общее для всех видов деятельности (спортивной), однако, это поразительное спокойствие, отсутствие любого активного действия или беспокойства, отказ от вовлеченности и пристрастности непосредственных интересов, которые так или иначе делают человека частью реального мира. Можно сказать что «воинствующий инфантилизм» проник во все поры спортивного зрелища. Древние открыли, что только зритель, не актер (спортсмен) может знать и понимать то, что подает себя как зрелище. Досуг не просто свободное время, как мы сейчас привыкли думать, время бездействия после трудового дня, используемое для удовлетворения жизненных потребностей [1.С 95], но сознательный акт воздержания, отказа от обыденной деятельности, обусловленной каждодневными потребностями. Чтобы воплотить свободное время, что в свою очередь цель всех других видов

деятельности. Отдых, игра в нашем привычном понимании — естественные занятия свободного времени, напротив причина лежит в области недосуга, состояние отсутствия свободного времени, поскольку игра и отдых необходимы для восстановления рабочей силы человека, отягощенного о хлебе насущном. Если согласиться с Х. Арендт что просмотр спортивных телепередач это не досуг, то понятно все же стремление человека сделать этот «недосуг» максимально упрощенным и доступным легкому, мало интенсивному восприятию. Маклюэн к холодному восприятию относил прослушивание радиопередач и непосредственный диалог, в котором участвуют несколько человек. При этих формах восприятия сообщения индивид должен создать их услышанного зрительный образ, включая тем самым дополнительные сенсорные системы. Другими словами надо потрудиться чтобы не просто услышать сообщение, но и понять его, составить о нем собственное мнение и держать его в напряженном виде в сознании. К горячим сообщениям Маклюэн относил нарождающееся тогда телевидение и все сообщения визуального характера. Не даром в народе бытует поговорка что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вряд ли древние греки согласились бы с такой постановкой вопроса. Современное Маклюэну телевидение, не говоря уже о современном его состоянии, стремилось представить зрителю такую картинку, которая не требует никакой интерпретации, кроме эмоциональной. Никакой рефлексии, никакого напряжения рассудка не требуется современному зрителю для того, чтобы «разбудить» спящие механизмы памяти и понимания происходящего на картинке. Он полностью захвачен автоматом зрелища, которое по своим силовым линиям разбирает то, что могло бы стать продуктивным воображением, расширяющим человеческую душу и ум. Время жизни не интенсивного впечатления [4] очень коротко и летуче. «Мгнове-

ния летают у виска» как поется в популярной песне, мгновения, эпизоды не становятся событиями, ядрами мыслительного процесса вокруг которых разворачивается мыслительная работа ума. Еще одной особенностью спортивного зрелища в том, что оно не задает вопросов, в нем в полной мере присутствуют готовые, привычные ответы, не оставляющие следа в мозгу зрителя. Единственный след, который остается короткое время это эмоция по поводу увиденного. Индивид практически не тратит время на расшифровку своего впечатления, у него банально отсутствуют этот навык, он не востребован в современных условиях получения горячего сообщения. Современный спорт напрямую воздействует на эмоциональную сферу личности, минуя все промежуточные стадии осмысления и оправдания. Не разум, но чувства играют главенствующую роль в восприятии зрелища. Многие даже не озабочиваются познакомиться с историей вида спорта и его современными правилами, это лишнее, самого зрелища достаточно. Учитывая что спортивного зрелища сегодня очень и очень много, практически 24 часа в сутки идут трансляции по разным видам спорта, переключение впечатлений происходит автоматически, без участия интеллектуальной сферы. О том, что такой человек появится еще в начале прошлого века предупреждали такие авторы как , [Х. Ортега-и-Гассет [6] Т Веблен [2] и другие. Они предчувствовали появление подобного типа и во все горло пытались предупредить его появление. И тем не менее он пришел и занял свое место. «Одномерный человек» Г. Маркузе требует для своего чувственного удовлетворения до предела упрощенную модель зрелища, и современный спорт всей своей мощной индустрией оказывает ему эту услугу. Сложность заключается в том, что подобный подход очень устойчиво детерминирован в сознании и забирает все большую часть умственной энергии человека. Индустрия спортивного зрелища приобрела в XX веке неимоверную мощь и

власть над обычным индивидом, который не имеет уже сил покинуть эту область, а погружается в нее все глубже и глубже. Очевидно, такое отношение психологически переносится и на другие виды человеческой деятельности, формируя цельного человека, способного лишь потреблять то, что ему навязывается. При этом спорт превозносится как универсальное средство развития собственного тела, развития нравственности, духовности. Он постепенно перестает быть прикладным аспектом жизнедеятельности, выходя на первые роли в режиме впечатлений и восприятия. И хотя многого из перечисленного в спорте нет и в помине, современному зрителю это не важно, важно быть в доминирующем тренде, быть вовлеченным и сопричастным большинству. Индивид подобного типа легко становится объектом манипуляции со стороны популистских персонажей, будь то политики или бизнесмены. Не даром в своих предвыборных речах практически все политики так или иначе затрагивают тему спорта, как разогрев патриотического чувства. Несомненно, пандемия внесла свой вклад в развенчании спорта как современного массового симулякра, люди поняли, что на свете есть проблемы и посерьезней, чем бесконечный просмотр эмоционально насыщенных зрелищ. У многих появилось чувство неподлинности происходящего по ту сторону экрана и время задуматься о собственной картине мира спортивными зрелищами формулируемыми. По статистике резко возросло потребление спортивных товаров для личного пользования, что может означать переход от пассивного восприятия зрелища к активному использованию положительного потенциала спорта. Появившееся у многих время созерцания заставило людей пересмотреть свое отношение к пассивному времяпровождению у экранов телевизоров или мониторов компьютеров, перевести внимание на собственное физическое развитие, не ставя при этом предельных достижительных целей, а выполняя осознанно

необходимые физические манипуляции. Многие открывают для себя хорошие книги, походы в музеи или на симфонические концерты оказались не менее интересными и, главное, познавательными, чем эмоционально насыщенное телевизионно-спортивное зрелище. Очевидно, что спорт никуда не уйдет из жизни современного человека, да мы и не призываем к этому в своей статье. Нам хочется чтобы потенциал спорта раскрылся на однобоко, а во всей своей полноте, с интеллектуальными, духовными и нравственными модусами. Уже цитировавшийся Маклюэн настаивал, что до появления телевидения человек «расширялся», включая в свою картину мира многие виды искусства, в том числе такие, которые требуют к себе особого, повышенного внимания. Коммуникация, которую так успешно выполняет спорт, не должна быть однобокой, а должна быть раскрыта во всей своей полноте. Люди могут сегодня устраивать дискурсы и диалоги на темы спорта, насыщенные смысловым, а не только эмоциональным содержанием. Такие коммуникации приводят в пониманию сущности спорта, его огромного позитивного потенциала. Зрелище перестает быть красивой картинкой, за которой пустота. До появления визуальной куртинки спортивного типа, душа человека работала и в диалоговом режиме и в автономном, производя на свет человека творческого, способного придумывать что-то новое, то есть кантовский механизм «продуктивного воображения» действовал. Идеологизация же через упрощение оставляет ум и креативные способности человека в зачаточном состоянии, она, пользуясь терминологией Маклюэна не расширяется. Сегодняшний массовый потребитель продуктов индустрии спорта оказывается не в состоянии воспринимать ничего более существенного, чем предлагаемое в огромных количествах зрелище, но само страшное, что ему этого достаточно, ему ничего больше и не надо. Все написанное в большей степени относится к западноевропейской модели

спортивной индустрии. В России ситуация в чем-то похожа, но есть существенные отличия. Идеологически нагруженная советская модель физической культуры и спорта, ставящая во главу угла результат любой ценой, продолжает доминировать в системе образования всех уровней и в обществе в целом. Ее развитая инфраструктура буквально выталкивает людей, желающих заниматься спортом в телезрители. А попав в паутину действующей идеологии человек практически не способен отсюда выбраться самостоятельно. В России спорт пока не стал тотальным социальным явлением, втягивающим в свою воронку всех без разбора. Сегодня у людей все-же в основном другие приоритеты, да индустрия спорта, оставшаяся с советских времен не способна пока создать образ спорта, как главного социального феномена современности.

Современный спорт уникальное социальное явление, затрагивающее все большее число людей на планете. Необходимость неустанно раскрывать его творческий и духовно-нравственный потенциал насущная задача специалистов всех уровней.

Литература

1. Арндт, Ханна Жизнь ума. - Спб.: Наука, 2013.- 517 с.- (Сер. Слово о человеке).
2. Веблен, Торстейн Теория праздного класса: пер. с англ и примеч. С. Г. Сорокиной М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.- 368 с.
3. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / Пер. с англ. В Фещенко. - М.: Новое литературное обозрение, 2009, - 176 с.
4. Джеймс, Уильям Психология ; [пер. с англ. И Лапшина М. Гринвальд; вступ. ст. А. Лызова]. М.: РИПОЛ классик, 2018. - 616 с.
5. Иссуринов В.Б. Подготовка спортсменов XXI века: научные основы и построение тренировок/ В.Б. Иссуринов. - М.: Спорт, 2016. - 464 с.
6. Х..Ортега-и-Гассет. Восстание масс. . М.: изд. АСТ, 2016. 256 с.

7. Маклюэн М.Г. Понимание медиа. Внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева. - 5-е изд., испр. - М.: Кучково поле., 2018. - 464 с.

The negative aspects of modern sports
Chernyshev V.P., Matsepura G.N., Konobeyskaya A.V., Nityagovsky S.A., Vershinina O.Yu.

Pacific State University

The article analyzes the current state of sports as a unique social phenomenon. It is noted that in the second half of the twentieth century, sport literally took off to the top of popularity all over the world and gained millions of fans, many of whom turned out to be empty consumers of the visual spectacle. The modern sports industry is developing rapidly and an increasing number of people are involved in this social phenomenon. The arrival of the "mass man" gave rise to such negative manifestations in the very structure of sports as unfair play, achieving goals at any cost, bribery of judges and much more. But for the mass viewer, these manifestations do not play a special role, he needs a message that penetrates the brain bypassing the mechanisms of reflection and contemplation. One sporty impression of low intensity is replaced by another, then a third, and so on ad infinitum. The result is the formation of a "one-dimensional" person seeking a simplified and easily perceived spectacle. The potential of sport is used for ideological purposes, and not for the development of a thinking and relaxing person.

Keywords. Sport. Negative manifestations. "One-dimensional" person. Cold and hot information.

References

1. Arendt, Hannah Life of the Mind. - SPb. : Nauka, 2013. - 517 p. - (Ser. Word about existence).
2. Veblen, Thorstein The theory of the leisure class: trans. from English and note. S. G. Sorokina M. : Book House "LIBROKOM", 2014.- 368 p.
3. Humbrecht H. W. Praise for the beauty of sports / Per. from English To Feschenko. - M. : New literary review, 2009, - 176 p.
4. James, William Psychology; [trans. From English. And Lapshina M. Greenwald; entry Art. A. Lyzova]. M. : RIPOL classic, 2018. -- 616 p.
5. Issurin V.B Training of athletes of the XXI century: scientific foundations and construction of training / V.B. Issurin. - Moscow: Sport, 2016. -- 464 p.
6. X .. Ortega y Gasset. Revolt of the masses. ... M. : ed. AST, 2016.256 p.
7. McLuhan M.G. Understanding media. External expansion of a person / per. from English V. Nikolaeva. - 5th ed., Rev. - M. : Kuchkovo field. 2018.-464 p.

Влияние урбанизации на социально-экономическое развитие Китая: корреляционно-регрессионный анализ

Чжан Цзе

аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, galya66888@mail.ru

К настоящему времени в науке получила распространение идея ключевой роли урбанизации в экономическом развитии страны. В данной статье доказывается наличие взаимосвязи между социально-экономическим развитием страны и интенсивностью урбанизационных процессов, происходящих в ней, на примере Китая. Эмпирическое исследование основано на использовании корреляционно-регрессионного анализа статистических данных величины валового внутреннего продукта на душу населения и доли городского населения за период с 2009 по 2019 гг. На основе количественных и качественных показателей проведена оценка современного состояния урбанизации и обоснована необходимость совершенствования ее политики для достижения устойчивого социально-экономического развития. В результате исследования сделан вывод о наличии сильной статистической связи между уровнем урбанизации и социально-экономическим развитием страны.

Ключевые слова: урбанизация, социально-экономическое развитие, проблемы урбанизации, социальная политика, корреляционно-регрессионный анализ, Китай

Введение

Являясь единственным способом экономического развития, урбанизация играет важную роль для развития всех стран мира. Поэтому ускорение процесса урбанизации выступило объективным требованием для экономического и социального развития Китая.

Процесс урбанизации Китая вошел во вторую стадию своего развития. В контексте того, что партия и правительство энергично продвигают строительство новой урбанизации, углубленное исследование качества новой урбанизации и ее влияния на экономическое состояние страны является особенно важным. В статье поставлена проблема исследования, которая заключается в необходимости экономического роста страны за счет совершенствования урбанизации.

Для изучения влияния урбанизации на социально-экономическое развитие Китая, в статье были поставлены задачи исследования, включающие корреляционно-регрессионный анализ взаимосвязи экономического развития страны и уровня урбанизации, оценку проводимых в стране мероприятий по предотвращению негативных последствий урбанизации и обоснование необходимости совершенствования политики урбанизации для экономического роста страны.

Обзор литературы

Феномен урбанизации является предметом междисциплинарных исследований и к настоящему времени изучался в социологии, политике, экономике, экологии, демографии и других сферах научного знания.

Исследователями были рассмотрены разные аспекты влияния урбанизации на процессы, происходящие в обществе. Ряд исследователей изучили влияние урбанизации на экологическую среду (Ян Хайбо, Чжао Шо [12], Чэнь Янтин [10] и другие). Исследователями также рассматривается вклад урбанизации в экономическое развитие Китая [9]. Сюэ Минфу, Чэнь Цзянь [8] и ряд других авторов посвятили исследования изучению влияния урбанизации на уровень жизни населения в деревнях и селах.

Урбанизация оказывает неоднозначное влияние на общество. Ряд авторов полагают, что урбанизация оказывает благоприятное влияние на развитие страны. Так, Чэнь Янтин пишет о том, что урбанизация способствует сокращению разрыва между городскими и сельскими районами и оптимизации системы распределения ресурсов [10]. Лю Хуэйхуа указывает, что урбанизация способствует координации развития больших, средних и малых городов и поселков, а также повышению качества жизни сельского населения [3]. Сюэ Минфу и Чен Цзянь [8] отмечают, что непрерывное развитие процесса урбанизации нового типа создало ряд благоприятных условий для развития национальной экономики Китая.

Ю Кайчжи, Хуан Чухэн, Ю Цзийинь отмечают, что чем выше уровень урбанизации населения, промышленности и здравоохранения, жилищного потребления, образования и общественной инфраструктуры, тем быстрее будет экономический рост. Урбанизация жилищного потребления в большинстве провинций во многом способствует экономическому росту [11].

Социологи Сюй Чуанчен и др. отмечают, что между уровнем урбанизации, промышленной структурой и экономическим ростом имеется взаимосвязь. Плавное развитие урбанизации играет важную роль в продвижении промышленных инноваций и изменении режима экономического развития [7]. Используя панельные данные с 2000 по 2015 год по провинциям, исследователи провели

эмпирическое исследование влияния промышленной структуры, экономического роста и взаимодействия между промышленной структурой и экономическим ростом на уровень урбанизации путем построения индивидуальных моделей с фиксированными эффектами. Результаты показали, что структура промышленности и экономический рост могут существенно положительно повлиять на уровень урбанизации. Если оба эти направления будут развиваться скоординированным образом, процесс урбанизации ускорится; если они не могут развиваться скоординированным образом, процесс урбанизации замедлится.

Другие авторы сходятся во мнении, что урбанизация негативно влияет на общество. Лян Яньань отмечает, что процессы урбанизации способствуют снижению качества жизни сельского населения и препятствуют экономическому развитию сельских населенных пунктов [4]. Ян Хайбо и Чжао Шо отмечают негативное влияние на экологическую среду [12].

Анализ взаимосвязи между экономическим ростом, урбанизацией и загрязнением окружающей среды провели Ван Лисинь и Лю Сунбай [1]. Используя данные 253 городов с 2003 по 2014 гг., исследователи создали пространственную модель уравнения взаимосвязи между экономическим ростом, урбанизацией и загрязнением окружающей среды. Ван Тин в своем исследовании построил модель экономического роста с урбанизацией в качестве независимой переменной, а также потребления и инвестиций в качестве зависимых переменных. Проведенный исследователем анализ панельных данных по провинциям с 1996 по 2011 гг. позволил выявить, что с 2007 г. влияние урбанизации на экономический рост было улучшено [2].

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что исследователями широко рассмотрено влияние экономического роста на процессы урбанизации, подчеркивая, что именно экономический рост способствует урбанизации.

Однако, отсутствуют научные работы, посвященные влиянию урбанизации на экономический рост. На основе изученных литературных источников была сформулирована гипотеза исследования, заключающаяся в том, что урбанизация положительно влияет на социально-экономическое развитие страны.

Методология и методы исследования

Для анализа современного состояния урбанизации в Китае был выбран период с 2009 по 2019 гг. включительно. Согласно методике, предложенной Ю. Розенфельд [5], урбанизация оценивается по количественным и качественным характеристикам (рисунок 1).

Рисунок 1. Показатели оценки современного состояния урбанизации в Китае по Ю. Розенфельд

Поскольку в работе стоит цель, выявить влияние урбанизации на социально-экономическое состояние общества, то для анализа были выбраны переменные уровня урбанизации и ВВП на душу населения. ВВП на душу населения – это показатель, который отражает стоимость всей конечной продукции, произведенной внутри страны за год, деленный на среднюю численность населения за год.

Корреляционно-регрессионный анализ был проведен на основе массива данных ВВП на душу населения и уровня урбанизации, равного доле городского населения, за период с 2009 по 2019 гг. Для оценки качества модели был использован коэффициент корреляции и коэффициент детерминации. Расчеты были выполнены с помощью

инструментов анализа данных MS Office Excel.

Результаты исследования

Анализ статистических данных, представленных в официальных источниках, позволяет сделать вывод о том, что урбанизация в стране развивается, что приводит к сокращению числа деревень и росту количества поселков. Средний темп прироста деревень и поселков, рассчитанный по формуле среднего геометрического по данным за 2009-2019 гг., составил -3,7% и 10,7%, соответственно. В период с 2009 по 2019 г. численность городского населения в Китае возросла с 645120 тыс. чел. до 848430 тыс. чел. в 2019 г. Следовательно абсолютный прирост данного показателя достиг 203310 тыс. чел., что в процентном выражении составляет 31,5%. В течение исследуемого периода времени доля городского населения в Китае увеличилась с 48,3% до 60,6%. Следовательно, процессы урбанизации продолжают развиваться в Китае, уровень урбанизированности растет.

Качественным показателем урбанизации выступает уровень жизни сельских жителей. Доходы сельских жителей в течение исследуемого периода времени возросли в абсолютном значении с 9430 юаней до 16021 юаней в год на душу населения. Отмечается рост расходов на услуги образования и культурного воспитания, который свидетельствует о том, что возрастают духовные потребности населения, что является показателем улучшения уровня жизни населения.

Для оценки и определения взаимосвязи между урбанизацией и уровнем экономического развития был проведен анализ данных об уровне урбанизации и уровне ВВП на душу населения.

Коэффициент корреляции, рассчитанный для двух массивов данных с помощью инструментов анализа MS Office Excel, составляет 0,99, что свидетельствует о наличии сильной связи между двумя анализируемыми показателями.

Поле корреляции и статистическая модель зависимости ВВП на душу населения от уровня урбанизации в Китае представлены на рисунке 2.

Таблица 1
Данные по ВВП на душу населения и уровню урбанизации в Китае в 2009-2019 гг. [6]

Год	ВВП на душу населения, юаней	Уровень урбанизации, %
2009	26180	48,3
2010	30808	49,9
2011	36302	51,3
2012	39874	52,6
2013	43684	53,7
2014	47173	54,8
2015	50237	56,1
2016	54139	57,3
2017	60014	58,5
2018	66006	59,6
2019	70892	60,6

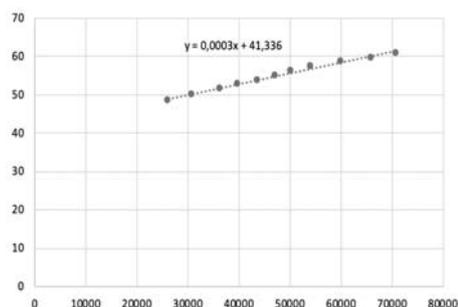

Рисунок 2. Корреляционное поле модели зависимости ВВП на душу населения от уровня урбанизации в стране

Таблица 2
Регрессионная статистика модели зависимости ВВП на душу населения от уровня урбанизации в Китае

Множественный R	0,99432489
R-квадрат	0,98868198
Нормированный R-квадрат	0,98742443
Стандартная ошибка	1597,16834
Наблюдения	11

Согласно модели, увеличение уровня урбанизации в стране на 0,03% ведет к росту ВВП на душу населения на 41,3 юаней.

В результате регрессионного анализа качества модели были получены следующие данные (табл. 2).

Из регрессионной статистики следует, что коэффициент детерминации R-квадрат равен 0,989 или 98,9%. Это свидетельствует о том, что расчетные параметры модели на 98,9% объясняют зависимость между изучаемыми параметрами. Высокий коэффициент детерминации позволяет сделать вывод о том, что модель является качественной. Таким образом, регрессионный анализ позволил сделать вывод о том, что ВВП на душу населения и уровень урбанизации в Китае находятся в сильной зависимости. Рост доли городского населения оказывает положительное влияние на экономическое развитие.

Обсуждение результатов исследования

Урбанизация в Китае находится на стадии активного развития. Страна еще не достигла уровня высокой урбанизированности и значительно уступает другим странам, однако качественный анализ современного состояния урбанизации в Китае позволил выявить, что данные процессы происходят эффективно и позволяют улучшить жизнь сельского населения.

Согласно официальным СМИ Китая, в частности информационному агентству «Синьхуа», на современном этапе политика урбанизации продвигается достаточно успешно. Цели, поставленные в плане «13-й пятилетки» достигнуты и получены высокоэффективные результаты. По данным Министерства общественной безопасности, задача расселения 100 млн. чел. была выполнена с опережением графика, и более 100 млн. сельскохозяйственных мигрантов переселились в города добровольно и упорядоченно. Уровень урбанизации зарегистрированного населения увеличился с 35,93% в 2013 г. до 44,38% в 2019 г.

Среди последних политических мер, повлиявших на процессы урбанизации в Китае, необходимо отметить, что разли-

чия между сельскохозяйственным и не-сельскохозяйственным хукоу (вид на жительство) были отменены в различных регионах. «Сельскохозяйственная конверсия», продолжавшаяся более полувека, полностью ушла. В период «13-й пятилетки» миграционная политика хукоу была полностью либерализована. Все 31-я провинция (автономные районы, муниципалитеты) опубликовали заключения о проведении реформ системы регистрации домашних хозяйств и в целом смягчили и либерализовали политику и меры для сельскохозяйственных мигрантов и других постоянных жителей для того, чтобы мигранты беспрепятственно селились в городах и поселках.

За исключением провинциальных столиц в центральных и западных регионах, нулевой порог для поселения был в основном достигнут. Восточный регион в целом снизил требования для поселения, а в некоторых крупных городах отменили или снизили требования для участия в городском социальном страховании. Мегалополисы, включая Нанкин, Ухань, Чэнду, Чжэнчжоу и Сиань, полностью либерализовали политику расселения для выпускников колледжей и профессиональных училищ, квалифицированных рабочих и вернувшихся из-за рубежа студентов по обмену. Кроме того, что касается социального обеспечения, по всей стране была создана единая базовая система страхования по старости для городских и сельских жителей.

Несмотря на эффективность политических мероприятий по развитию урбанизации, остается также ряд нерешенных проблем, включая отсутствие инфраструктуры для обеспечения одновременного проживания большого потока сельского населения, разрыв между мигрирующим сельским и городским населением, проблема бедности населения, нарушения экологического баланса и нехватки энергетических ресурсов. Поэтому для дальнейшего эффективного развития урбанизации и экономического роста страны важно на

государственном уровне предпринять ряд мер по совершенствованию качества урбанизации.

Заключение

Таким образом, текущая политика новой урбанизации, проводимая под руководством партии во главе с председателем Си Цзиньпином, способствовала дальнейшему продвижению урбанизационных процессов в стране. Несмотря на то, что Китай не является высокоурбанизированной страной, правительство стремится постепенно сделать его таковым, поскольку это необходимо для экономического развития. В целом необходимо отметить, что Китай достаточно эффективно решает проблемы, вызванные урбанизацией, и его опыт может быть использован другими странами.

Литература

1. Ван Лисинь, Лю Сунбай. Экономический рост, урбанизация и загрязнение окружающей среды: эмпирический анализ // Южная экономика. – 2017. – №10. – С. 126-140.
2. Ван Тин. Влияние урбанизации Китая на экономический рост и его временную и пространственную дифференциацию // Демографические исследования. – 2013. – №37 (05). – С. 53-67.
3. Лю Хуэйхуа. Анализ проблем социального обеспечения сельского населения в процессе развития новой урбанизации // Технология и экономика реки Янцзы. – 2020. – №4. – С. 93-94.
4. Лян Яньань. Исследование путей решения «трех сельских» проблем на фоне новой урбанизации // Экономика сельского хозяйства Шаньси. – 2020. – №19. – С. 15-16.
5. Розенфельд Ю. Проблемы анализа современного уровня урбанизированности в Российской Федерации // Экономика, Статистика и Информатика. – 2014. – №2. – С. 117-119.
6. Статистические данные Китая // Национальное управление статистики Китая. – Режим доступа:

<https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения 12.10.2010).

7. Сюй Чуанчен, Ван Пэн, Цуй Юэ, Ци Венхао. Уровень урбанизации, структура промышленности и экономический рост: эмпирическое исследование, основанное на данных Китая за 2000-2015 гг. // Проблемы экономики. – 2017. – №6. – С. 26-29.

8. Сюэ Минфу, Чен Цзянь. Трудное положение и решение сельскохозяйственного экологического строительства в процессе новой урбанизации // Сельскохозяйственная экономика. – 2020. – №10. – С. 26-28.

9. Чжэн Синь. Вклад урбанизации в экономический рост Китая и пути его реализации // Сельская экономика Китая. – 2014. – №6. – С. 4-15.

10. Чэнь Янтин. Исследование современного состояния экологии сельских районов на фоне новой урбанизации // Журнал Нунцзя. – 2020. – №17. – С. 287.

11. Ю Кайчжи, Хуан Чухэн, Ю Цзийинь. Анализ влияния урбанизации на экономический рост Китая // Финансы и экономика. – 2014. – №7. – С. 52-60.

12. Ян Хайбо, Чжао Шуо. Анализ проблем и контрмер защиты экологической среды при строительстве урбанизации // Журнал Хуасюэ гуанли. – 2020. – №24. – С. 64-65.

Impact of urbanization on the socio-economic development of China: correlation and regression analysis

Zhang Jie

Moscow State University M.V. Lomonosov

By now, the idea of the key role of urbanization in the economic development of the country has spread in science. This article proves the existence of a relationship between the socio-economic development of the country and the intensity of urbanization processes occurring in it, using the example of China. The empirical study is based on the use of correlation-regression analysis of statistical data on the value of gross domestic product per capita and the share of the urban population for the period from 2009 to 2019. On the basis of quantitative and qualitative indicators, an assessment of the current state of urbanization was carried out and the need to improve its policy

to achieve sustainable socio-economic development was substantiated. The study concluded that there is a strong statistical relationship between the level of urbanization and the socio-economic development of the country.

Keywords: urbanization, socio-economic development, problems of urbanization, social policy, correlation-regression analysis, China

References

1. Wang Lixin, Liu Songbai. Economic growth, urbanization and environmental pollution: an empirical analysis // Southern Economics. - 2017. - No. 10. - P. 126-140.
2. Wang Ting. Impact of urbanization in China on economic growth and its temporal and spatial differentiation // Demographic studies. - 2013. - No. 37 (05). - P. 53-67.
3. Liu Huihua. Analysis of the problems of social security of the rural population in the development of new urbanization // Technology and Economics of the Yangtze River. - 2020. - No. 4. - P. 93-94.
4. Liang Yan'an. Investigation of ways to solve the "three rural" problems against the background of new urbanization // Shanxi Agricultural Economics. - 2020. - No. 19. - P. 15-16.
5. Rosenfeld Yu. Problems of analysis of the current level of urbanization in the Russian Federation // Economics, Statistics and Informatics. - 2014. - No. 2. - P. 117-119.
6. Statistical data of China // National Bureau of Statistics of China. - Access mode: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (date of access 12.10.2010).
7. Xu Chuancheng, Wang Peng, Cui Yue, Qi Wenhao. Urbanization rate, industrial structure and economic growth: an empirical study based on data from China for 2000-2015. // Problems of economics. - 2017. - No. 6. - P. 26-29.
8. Xue Mingfu, Chen Jian. Difficult situation and solution of agricultural ecological construction in the process of new urbanization // Agricultural Economics. - 2020. - No. 10. - P. 26-28.
9. Zheng Xin. The contribution of urbanization to the economic growth of China and the ways of its implementation // Rural economy of China. - 2014. - No. 6. - P. 4-15.
10. Chen Yangting. Research of the current state of ecology of rural areas against the background of new urbanization // Journal of Nongjia. - 2020. - No. 17. - P. 287.
11. Yu Kaizhi, Huang Chuheng, Yu Jiying. Analysis of the impact of urbanization on the economic growth of China // Finance and Economics. - 2014. - No. 7. - P. 52-60.
12. Yang Haibo, Zhao Shuo. Analysis of problems and countermeasures for protecting the ecological environment during the construction of urbanization // Journal Huaxue guanli. - 2020. - No. 24. - P. 64-65.

Традиционные народные рецепты лечения больных как часть народной культуры жителей Кавказа (по полевым исследованиям районов Чечни)

Шавлаева Тамара Магамедовна;

доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской республики, tamara-shavlaeva@yandex.ru

Садулаев Эмилхан Султанович;

стажёр-исследователь отдела этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской республики, shumeriya@mail.ru

Статья посвящена наиболее универсальным рецептам народной медицины, которые находили применение на Кавказе, в частности, традиционном обществе чеченцев. Высокая гуманность народных лекарей проявлялась в поисках лечебных средств в окружающей среде. Благодаря хозяйственному освоению территории проживания, человек научился извлекать пользу из растительного мира и животного мира. Подчёркнуто, что народная медицина является базисом научной медицины и сыграла огромную роль в деле сохранения здоровья и жизни человека. В периоды эпидемий чумы и холеры, частых военных конфликтов традиционное общество искало спасение только народными средствами лечения. Щадящие методы врачевания народных целителей оправдывали себя на практике и восхищали именитых людей, побывавших на Кавказе. Знаменитый военный хирург Н. И. Пирогов дал высокую оценку кавказским лекарям. Успехи народной медицины во много определялись богатой фауной и флорой Кавказского края. Они сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Ключевые слова: Кавказ, флора и фауна, народная медицина, эпидемия, трепанация черепа, использование рубца, гангрена, фурункулы, ревматизм.

История располагает многими свидетельствами о том, что у всех народов издревле существовали своеобразные методы лечения больных. К ряду свидетельств относятся находки хирургических инструментов, аптекарских ёмкостей, а также передаваемые из поколения в поколение устные информации о чудесных лекарях и волшебных лечебных мазях.

Народная медицина является частью народной культуры, в ней отражается, прежде всего, давность гуманных воззрений: сострадание человека к человеку и искреннее желание помочь больному, - всё это заставляет искать в окружающей среде средства для исцеления. Тема о народных методах лечения представляет интерес не только для научной медицины, но и для этнографов, изучающих народные знания, для специалистов в области ботаники и зоологии, поскольку флора и фауна дают сырьё для приготовления лечебных средств.

В данной статье, написанной на основе полевых материалов авторов (далее ПМА) с использованием литературных источников, изучены наиболее распространённые народные рецепты лечения больных в традиционном обществе чеченцев. Целью изучения является познание и сохранение практиковавшихся методов лечения в старину. Актуальность темы объясняется возросшим интересом к культуре народной медицины, поиском щадящих методов лечения с использованием натуральных продуктов. При изучении использованы

этнографические методы исследования, включая сбор материалов по народной медицине и включённое наблюдение авторов.

Исследования учёных показали, что традиционная медицина, практикуемая у кавказских народов, в частности, северокавказских, имела определённые успехи, что было обусловлено богатой фауной и флорой Кавказского края. Более того, они издавна проявляли интерес к рецептам мусульманской медицины, которые пришли в край с утверждением исламской религии. Популярность в крае приобрёл широко известный медицинский труд средневекового учёного, философа и врача Ибн Сины - «Канон врачебной науки». Не только в приграничной с Дагестаном Чечне, но и везде на Кавказе, большую практическую значимость имело медицинское сочинение «Ханнал мурад» (1714 г.), написанное на арабском языке, но со знанием местной флоры и её целебных свойств. Автором столь нужной работы являлся известный дагестанский учёный-богослов Дамадан ал-Мухи [1, с. 21].

Традиционная медицина народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, являлась предметом внимания многих исследователей. «Отчет о путешествии по Кавказу» [2], составленный полевым хирургом Н.И. Пироговым, пребывание на Кавказе которого было связано с длительной Кавказской войной, содержит интересные сведения о горской медицине. Знаменитый врач был приятно удивлён, когда стал свидетелем факта, как местные лекари вылечивали конечности, не прибегая к ампутации даже в самых сложных ситуациях, а кровавые операции делали только для изъятия пуль.

Известный политик, историк Кавказа С. М. Броневский [3] и великий русский писатель Л. Н. Толстой [4], которые знали Кавказ не по наслышке, в своих произведениях оставили упоминания о традиционной народной медицине народов Кавказа. История народной медицины Северного Кавказа являлась

предметом исследования современных учёных Г. В. Василенко [5], З. Р. Аликовой [6], Т. З. Ахмадова [7] и др. Традиционную медицину чеченцев изучали З. И. Яхьяева [8], Х. М. Батаев [9], этнографы З.И. Хасбулатова, З. А. Мадаева [10].

Согласно устной традиции, передаваемой из поколения в поколение, в традиционном обществе чеченцев имела место высокая смертность людей в периоды эпидемий чумы и холеры (чеч. *ун*). Самым универсальным средством в борьбе с инфекционными заболеваниями считались дым и горячая калорийная пища. Из пищи предпочтению отдавали горячему мясному бульону с добавлением разных целебных трав (чабрец, укроп). Как правило, в селениях, где свирепствовала эпидемия, разводили костры, что являлось своеобразным знаком бедствия, чтобы в село не заходили посторонние, с одной стороны, а с другой стороны, - таким образом получали смертоносные для переносчиков заболевания жар и дым. Дымом окутывали часто посещаемые места, жилые и хозяйственные помещения, одежду. Эпидемии в дореволюционной Чечне не имели местного происхождения, заразу завозили торговцы и другие странники из восточных стран. Источником заразы являлись и купленные у торговцев предметы одежды. В чеченских семьях окутывали дымом и при небольшом недомогании, и после посещения заброшенных мест, и от слеза, чтобы защититься от нечистой силы. Для этого в небольшое блюдечко помещали кусочек шерсти, ваты или ткани, предварительно помаслив жиром животного происхождения. Затем добавляли крупинки соли, и всё это сжигали, чтобы получить дым для окутывания [11, ПМА]. Такое лечение в народной среде считалось очень эффективным, а с точки зрения науки, наверное, результат объясняется тем, что дым уничтожает заразные бактерии.

Высокая смертность имела место среди мужского населения во время частых войн и конфликтов. Нанесённые холодным или огнестрельным оружием

раны требовали срочного вмешательства. В таких случаях местные лекари в рану для дезинфекции помещали смоченные в мёде тампоны, а сквозные раны очищали жгутами. В качестве гипса накладывали шерстяной войлок или баранью шкуру. Трепанацию черепа делали с помощью примитивного инструмента — *гам* (скребок). Искусством проведения сложных операций особенно славилась выходцы из высокогорного майстинского общества Чечни [12, ПМА].

Среди детей смертность также была достаточно высокой, и выживали дети только полноценные и крепкие, чем обеспечивалось жизнестойкое и здоровое поколение с хорошей функцией воспроизводства. Начиная с раннего возраста, детей не баловали, и развивались они в условиях, которые требовали выносливости. Тем не менее, существовали специальные рецепты, оберегающие детей от болезней и способствующие их закалке. Во-первых, лечение и воспитание детей доверяли только старшим в доме — дедушке, бабушке, тётке, дяде. Два-три раза в месяц ребёнку давали соску из свежего курдючного сала, которое, по их мнению, содержит особое вещество, укрепляющее организм. Укладывая на ночь ребёнка спать, бабушка часто смазывала подошвы ног и промежности нагретым топлёным маслом. Большую часть времени ребёнок должен был лежать в тёплой люльке (чеч. *ага*), чтобы не простудиться, а также, чтобы спина и ноги были ровными и красивыми. Если у ребёнка двигательные функции были не активными, и в положенное время не начинал ходить, его помещали в тёплое содержимое мешкообразного рубца жвачных животных. Как известно, рубец — это первый и самый крупный отдел пищеварительной системы, в котором под действием ферментов происходит разложение травы. Процедуру начинали сразу же после убоя животного, сделав надрез над брюшной частью, и, по мнению лекарей, тело ребёнка впитывало в себя необходимую энергию

для полноценного развития. Старшие не разрешали ребёнка много носить на руках, потакать его капризам, совершать при нём стыдные действия и чрезмерно ласкать, особенно мальчиков [13, ПМА].

Горцам часто приходилось лечиться от фурункулов и других болезней с накоплениями гноя, которые, как правило, сопровождалось сильными болями. Для лечения таких недугов самым проверенным средством считалось сушёное курдючное сало давностью от одного года до трёх лет. Ломтик сала накладывали на больное место и закрепляли повязкой. Сало вытягивало содержимое настолько активно, что в ране начиналось пульсирование, и выходила в наружу гнойная масса, а состояние больного улучшалось сразу же. Часто бывало так, что в лунке оставался небольшой сгусток, что требовало вмешательства лекаря, который ловкостью пальцев выводил его без дополнительных разрезов [14, ПМА].

При болях, связанными с расстройством желудка, самым сподручным средством спасения являлось грушевое толокно, которым запасалась каждая хозяйка. Сушёные дольки лесной груши пропускали через жернова, после чего просеивали, и полученное толокно откладывали на хранение в сухое место. При необходимости из грушевого толокна готовили напиток, добавив на ковшик горячей воды (примерно, 1 л) одну полную ложку, после чего пили в течение дня. В сложных случаях с диареей готовили не напиток, а кашу. Передозировка приводила к запорам, что снималось уже отваром из кураги. При симптомах отравления рекомендовали выпить большое количество молочной сыворотки или простокваши, чтобы затем вызвать рвоту. Процедуру повторяли несколько раз. При переохлаждении организма, о чём свидетельствовали посиневшие губы, не дожидаясь начала простуды, взрослого и ребёнка окутывали горячим паром, для этого варили заранее заготовленные травы (к примеру, траву зверобоя) [15, ПМА].

Неспокойная жизнь горцев была полна неожиданных баталий. Иной раз бывали такие запущенные раны, что очевидным являлось начало гангрены, и под угрозой оказывались не только части тела, но и жизнь человека. Чеченские лекари умели останавливать опасный процесс гангрены, избегая ампутации конечностей. Один из таких рецептов остался в памяти народа под названием «Małasa дарба» («Лечение Мааса») по имени лекаря из селения Курчалой, широко практиковавшего лечение гангрены таким способом. Благодаря своей простоте и оригинальности, рецепт сохраняет актуальность и в наше время. Легендарный Маас сжигал охапку дров бука, аккуратно собирал золу и растворял одну горсть золы в 3-4 литрах тёплой воды, а затем больную конечность рекомендовал держать в ней в течение времени до одного часа. Процедура повторялась несколько раз, пока не становилось явным отступление болезни. Один из авторов данной статьи Садулаев Э. порекомендовал «Małasa дарба» тяжело больной жительнице из села Гвардейское — Ибрагимовой Асет, у которой началась гангрена от не заживающей раны на почве сахарного диабета. В результате лечения процесс остановился, а рана зажила.

Если вдруг рана трескалась после кажущегося заживления и начинала кровоточить, то прикладывали кусочек свежей печени животного, но с условием, что животное до убоя было здоровое, а в самой печени отсутствовали признаки болезни (к примеру, брали во внимание цвет, упругость) [16, ПМА].

Часотку устраняли мазью, приготовленной на основе серы и жира. Болезнь уха, как следствие простуды, лечили тоже просто. В каждой семье хранился аптекарский сосуд — морская ракушка, из которой заливали в ухо разогретое топленое масло. Единственная проблема заключалась в том, что масло должно было быть выработано из молока коровы, которую доили две жены одного мужа. Герой одноимённой комедии А. Хамидова Бож - Али по этому поводу заметил: кто осмелится пойти на

такое лечение, ведь от масла, что готовили соперницы, ухо же взорвётся [17, с. 265]. Видимо, секрет заключался в том, что соревнуясь между собой, женщины хорошо ухаживали за коровой. Далее соблюдали все производственные операции, в результате чего продукт имел эталонное качество.

При ревматизме к больному месту прикладывали свежую крапиву. А ещё лучше, если ревматизм схватывал так сильно, что невозможно было двигаться, то больному в разыгранной суматохе сообщали что-то очень неприятное (например, пожар!), от которого бедняга должен был вздрогнуть и вскочить, и.... ревматизм отпускал [18, ПМА].

Таким образом, мы рассмотрели некоторые, самые универсальные, методы врачевания, практиковавшие в прошлом повседневной жизни чеченцев, сыгравшие огромную позитивную роль в сохранении здоровья и жизни человека. Представляется, что в народной медицине заложено рациональное зерно, которое не следует игнорировать даже в современную эпоху высоких технологий. Необходимо помнить, что самыми целебными для человека являются те природные условия, взятые, разумеется, вместе с флорой и фауной, в которых он долго жил и формировался. Применение народных методов врачевания также должно быть взвешенным, так как механическое экспортирование рецептов с одного природного региона в другой (к примеру, в нашем случае с высокогорной зоны в равнинную), без учёта характерных особенностей, может быть плачевным. Это правило касается всех народных рецептов, но особенно осторожными следует быть с более сложными рецептами, которых в данной статье мы не рассмотрели.

Литература

1. Аликишиев Р. Ш. Очерки по истории здравоохранения Дагестана. — М., 1958.
2. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. — Спб., 1849.

3. Броневский С. М. «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». - М., 1823.

4. Виноградов П. Б. Народная и традиционная медицина в произведениях Л.Н. Толстого о Кавказе // Материалы научно-практической конференции. Дикаревские чтения 1995 г. - Дзубга, 1996.

5. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800–1940 гг.). – Армавир, 2006.

6. Аликова З.Р. История народной медицины Северного Кавказа. Дисс... докт. мед. наук. - М., 2000.

7. Ахмадов Т.З. История здравоохранения и медицинского образования на Северо-Восточном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). - Ростов-на-Дону, 2014. -535с.

8. Яхьяева З.И. История народной медицины чеченцев и ингушей (XVIII-XX вв.): Дисс. ... канд. мед. наук. - М., 2007.

9. Яхьяева З.И., Батаев Х.М. Н.И. Пирогов о народной медицине чеченцев и ингушей // Вопросы гуманитарных наук. М., 2005. № 3 (18). С. 52-55.

10. Хасбулатова З.И., Мадаева З.А. Народная медицина чеченцев. - Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2012. - 366 с.

11. Общество Чеберлой. Полевые материалы по народной медицине (1980-2019 гг.).

12. Шаройский р-он Чечни. Полевые материалы по народной медицине (1980-2019 гг.).

13. Итум-Калинский р-он Чечни. Полевые материалы по народной медицине (1980-2019 гг.).

14. с. Памятой. Шатойский р-он Чечни. Полевые материалы по народной медицине (1980-2019 гг.).

15. с. Комсомольское (Наурский р-он). Полевые материалы по народной медицине (1980-2019 гг.).

16. Общество Чеберлой. Полевые материалы по народной медицине (1980-2019 гг.).

17. Хамидов I. Дийцарш, пьесаш (на чеченском языке). - Грозный, 1970. -280 с.

18. с. Побединское (Грозненский р-он). Полевые материалы по народной медицине (1980-2019 гг.).

Traditional folk recipes for treating patients as part of the folk culture of the Caucasus (based on field research in the Chechen regions)

Shavlaeva T.M., Sadulaev E.S.

Institute of humanitarian studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic

The article is devoted to the most universal recipes of traditional medicine that were used in the Caucasus, in particular, in the traditional society of Chechens. The high humanity of folk healers was manifested in the search for remedies in the environment. Thanks to the economic development of the territory of residence, people have learned to benefit from the flora and fauna. It is emphasized that traditional medicine is the basis of scientific medicine and has played a huge role in preserving human health and life. During periods of plague and cholera epidemics and frequent military conflicts, traditional society sought salvation only with folk remedies. Gentle healing practices of traditional healers have proven themselves in practice and was fascinated by famous people who have visited in the Caucasus. The famous military surgeon N. I. Pirogov praised the Caucasian healers. The success of traditional medicine was largely determined by the rich fauna and flora of the Caucasus region. They remain relevant at the present time.

Keywords: Caucasus, flora and fauna, folk medicine, epidemic, trepanation, scar use, gangrene, boils, rheumatism.

References

1. Alikishiev R. sh. Essays on the history of healthcare in Dagestan. - М., 1958.
2. Pirogov N. I. Report on a trip to the Caucasus. - St. Petersburg, 1849.
3. bronevsky S. M. "the Latest geographical and historical news about the Caucasus". - М., 1823.
4. Vinogradov P. B. folk and traditional medicine in the works of Leo Tolstoy about the Caucasus // Materials of the scientific and practical conference. Dikarev readings 1995 - Dzhubga, 1996.
5. Vasilenko V. G. History of health care and medical education in the don and North Caucasus (1800-1940). - Armavir, 2006.
6. Alikova Z. R. History of folk medicine in the Northern Caucasus. Diss... doctor. med. Sciences. - М., 2000.
7. Akhmadov T. Z. History of health and medical education in the North-Eastern Caucasus (XIX century -1940 g). - Rostov-on-don, 2014. -535с.
8. Yakhyaeva Z. I. the History of traditional medicine of Chechens and Ingush (XIX-XX centuries): Diss. kand. med. Sciences. - М., 2007.
9. Yakhyaeva Z. I., Bataev H. M. N. And. Pies on traditional medicine of Chechens and Ingush // Questions of the Humanities, Moscow, 2005. No. 3 (18). Pp. 52-55.
10. Khasbulatova Z. I., Madaeva Z. A. folk medicine of Chechens. - Elista: ZAO " NPP "dzhangar", 2012. - 366 p.
11. Cheberloy Society. Field materials of traditional medicine (years 1980-2019).
12. Sharoy sky district of Chechnya. Field materials on folk medicine (1980-2019).
13. Itum-Kalinsky district of Chechnya. Field materials of traditional medicine (years 1980-2019).
14. Shatoy sky district of Chechnya. Field materials on folk medicine (1980-2019).
15. Komsomolskoe village (Naursky district). Field materials on folk medicine (1980-2019).
16. Cheberloy Society. Field materials of traditional medicine (years 1980-2019).
17. Khamidov I. Dinars, pieces (in the Chechen language). - Grozny, 1970. -280 p.
18. C. Pobedinskoe (Grozny district). Field materials on folk medicine (1980-2019).

Храм в христианской традиции как образ космоса

Гапанюк Антон Евгеньевич
аспирант, Московский Православный Институт святого Иоанна Богослова
anton-y-e-2015@yandex.ru

В наши дни особенно актуальным становится изучение идей девятнадцатого столетия и философии русской эмиграции, которые долгое время были не доступны в нашей стране, и в связи с этим встает вопрос генезиса русского космизма. Но сама данная традиция формировалась под влиянием культурной среды, в которой она развивалась, поэтому важно сказать о православном наследии Руси и образах космоса в символике русских храмов. Также важно дать обзор христианской архитектуре и богослужебным элементам, связанным с этой традицией. В данной статье подобные вопросы рассматриваются с позиции изучения христианского наследия и традиции. Акцент делается не только на русском православии, но на христианском наследии в целом. Уделяется особое внимание параллелям в богослужебной и культурной традиции.

Ключевые слова: архитектура, храм, купол, богослужение, традиция

Широко известно, что «космизм» как направление тесно связан с русской традицией. Но у истоков этого движения должны были лежать некоторые предпосылки. Так, русская традиция после принятия крещения изначально была тесно связана с греческой. В греческой Церкви к моменту крещения Руси уже была давно выработана символическая интерпретация христианской архитектуры. После восстановления храма Святой Софии Юстинианом формируется представление о храме как образе всего мира. Храм был как бы микрокосмосом подобно тому, как человека рассматривали как микрокосмос в дальневосточных традициях (вероятно, с этим связано и существование облачений).

Русский космизм, формировавшийся в православной стране, возможно, впитал в себя идеи мира как храма и храма как мира, которые не противоречили русскому мировоззрению. Можно вспомнить, что Софья Ковалевская увлеклась математикой потому, что стены комнаты были оклеены листами с формулами и она к ним привыкла с детства. Также и русская традиция могла на некотором уровне использовать византийские идеи интерпретации храма.

В наши дни активно ведется изучение иконографии и символики. Однако, меньше внимания уделяется некоторым элементам. Но образ храма как мира формировался также не сразу. Поэтому здесь было бы уместно говорить не столько о сложившейся системе символической интерпретации храма и богослужения (что систематизируется даже в публицистической литературе [1]), сколько о структурных элементах и их формировании.

Здесь необходима ретроспектива храмового строительства.

Изначально древние христиане собирались (помимо Иерусалимского храма и синагог) для своих богослужений в домах старейшин. Но уже потом покупаются отдельные здания, как в Dura Europos. Тогда баптистерии уже строятся при храмах как отдельная часть здания. Гонения вынуждают христиан прятаться в криптах (ряде кубикул [2]) катакомб. Там формируется символическое искусство, которое тесно будет связано с иконописью.

Но после прекращения гонений наступает этап государственного строительства храмов. Христиане используют здания для общественных нужд (базилики – совмещенные вместе для собраний архонта Василея стены стои) и ротонды. В апсидах ставится не трон судьи, а епископа, статую божества перед ним занимает христианский престол-алтарь. Но разные традиции (вроде посыпания головы пеплом и плача в базиликах во время судебного процесса) возрождаются в католицизме позже.

Когда в Иерусалиме святая царица Елена находит христианские святыни, строится базилика «Неа». По ее образцу строятся храмы с «кувуклиями» (что можно видеть на многих территориях и в амвросианских храмах). Согласно тексту Эгерии, [3] богослужение в Иерусалиме приобретает стационарный характер – шествия ко кресту и в другие священные места занимает важное место.

Хотя греки сохраняли многие традиции, все же в Константинополе архитектура развивалась немного иначе. Как отмечалось после восстановления Базилики Юстиниана, строительства ее удивительного купола, который не сохранился до наших дней, храм начинает приобретать иные элементы. Формируется крестово-купольный храм. Его архитектурный облик сохраняется почти до наших дней. Подражания ему мы можем найти в храмах Сербии, Болгарии,

и не исключено, что в Румынии, Грузии и Армении (хотя с шатровым куполом).

Необходимо отметить, что в этот период архитектура базилик немного изменяется на Западе – появляется вестверк, две апсиды (так, что богослужения можно было служить лицом к народу). Изначальный римский тип базилик – это артиум (для кающихся и катехуменов) с кампанилой (после введения колоколов св. Павлином Ноланским) и баптистерием, базилика без трансепта и купола над средокрестием, но с апсидой. Над внутренними арками базилик шли изображения процессии мучеников, которые вели к священному изображению в апсиде, ниже часто изображали аналогичные сцены. Иногда изображались и священные сюжеты из жизни праведников, и библейские сюжеты. Витражи, клуатры, здания капитула, венцы капелл распространяются только в готическую эпоху.

Далее следует сказать о частях храма, важных для символической интерпретации. На Западе говорили о символизме атриума и базилики, когда интерпретировали архитектуру аббатства Клюни. На Востоке после того, как сложилась традиция росписи храма, ее также интерпретировали символически.

В подкупольном пространстве помещался Христос-Пантократор, а под ним в барабане (редко четверик, как у колоколен) – апостолы или ангелы, паруса были отведены для изображения евангелистов, на столпах храма располагали святых, как столпов Церкви. В апсиде изображалась в молитве Богоматерь-Оранта, а ниже святители, совершающие литургию. И ниже была алтарная преграда, которая стала русским высоким иконостасом. Совершенно очевидно, что храм являл «образ мира»: «Бог над миром», о котором люди узнали через апостолов и евангелистов и теперь, движимые святостью, молятся ему вместе с Богородицей.

Хотя тип храма Востока и Запада отличался, в Англии в эпоху готики на западе храма располагалась даже особая капелла Девы Марии. Таким образом,

храм был «макромиром», который отражал все бытие.

Но следует сказать и об интерьере храма (после разделения церквей), который был глубоко символичен. На Востоке жертвенник – стол для приношения хлебов – был перенесен из левой части притвора в алтарь, сень над престолом часто не делали, зато иконостас развивался, и в России стал многоярусным. Греки ставят в храме стасидии и вешают круглую люстру хорос с паникадиллом, отгораживают притвор (для заупокойных служб) и его певчих занавесом, в центр храма на круг омфалион не ставят проскинтарий с зонтом-урано, как русские (или литийный столик, как украинцы), но отодвигают его влево. Справа всегда стоит трон епископа (как «царское место» в древних соборах). Русские же всегда ставят крест и панихидный стол с ящиком-кануном, куда накануне праздников люди несут жертвоприношения за усопших. Русские используют больше икон и не впускают людей на солею, вешают лампы напротив лика, а не выше его, как греки. У русских есть еще два интересных обычая – ставить хоругви по сторонам иконостаса, в тех местах, где вставали в Византии стражники, встречая императора на вносе Даров, и изображать голубя над Царскими вратами, как реликт голубя-дарохранительницы, о чем говорил А.Дмитриевский и «Настольная книга священнослужителя», хотя голубь мог изображаться и как независимый символ [4] (при этом у русских правая икона за диаконскими вратами всегда посвящена тому, в честь кого освящен храм). На престоле русские ставили по верху двух покровов две свечи (а греки – многосвечники), дарохранительницу, крест, Евангелие на антиминсе в илитоне, а священные сосуды (потир, дискос, звездицу, лжицу, копие, дароносицу) с покрывалами ставили на жертвенник.

Храм на Западе выглядел аналогично. Так, на Западе использовали вместо жертвенника стол-кредензу или нишу в стене, вместо стульчика-рундука

- фалдисторий. В романскую эпоху под алтарем делали крипту для мощей (греки аналогичные крипты использовали как ризницу, отсюда традиция класть на престол одежду монахов). Во время готического периода храм изменился. Делали большие преграды хора, на которые ставили балкон-амвон (вместо круглого амвона в храме у греков), киворий с завесами ставили редко, но шести от него с висящей дарохранительницей и завесами часто сохраняли.

После Тридентского собора сложился универсальный тип храма для всего Запада. Так, отгораживала алтарь преграда-баллюстра, за ней были стасидии хора (преграды хора не строили). Трон епископа стоял также слева от алтаря, как и в готическую эпоху. Крест между шестью свечами, по обычаю капеллы Авиньонских пап, ставили на возвышение за алтарем. Под крестом часто была дарохранительница с навесом, а по центру и по сторонам – карточки с текстами мессы. На столик-кредензу ставили бутылочки с вином и водой, полотенце и блюдо для омовения рук, Чашу, патену и покровы. Служители сидели справа на скамьях и стояли для чтений слева у лектерна. Проповедовали с балкона-кафедры. Лютеране ставили скамьи для мирян, и эта практика распространилась, хотя часто их отличают алтарные картины и полукруглая алтарная преграда. После Второго Ватиканского собора католики обычно ставят дарохранительницу не на алтарь, а в отдельную нишу, а крест и свечи часто размещают не на алтаре, а рядом с ним, как в древности.

Ранние образы храмового интерьера также можно истолковать в символическом ключе. Епископ и диаконы, а также базилика, интерпретировались как участники корабля спасения. Так было в еще очень раннюю эпоху. [5, С.81] В наши дни католики обычно не интерпретируют, как православные, отдельные части службы и части храма, как образы новозаветных событий. Но амвон изображает центр провозглашения Слова Божия, а алтарь – таинства,

как и у «высокоцерковных» протестантов, которые воспринимают евхаристию не только как воспоминание тайной вечери, а храм – как дом молитвенного собрания. Крест – знак страданий и свечи – образ свечения очень символичны на христианском алтаре. Священные сосуды также интерпретируют как библейские образы. Например, звезда, под которую униаты подвешивают звездочку, а на Западе (в Испании и Италии) вообще делают в форме многолучевой звезды, интерпретируют как Вифлеемскую Звезду.

Символы активно использовались в богослужении и включались в литургию. При этом сам храм активно включался в этот процесс.

Еще со времен апостолов диакон на агапе вносил светильник и читались чтения, после которых шли Евхаристический канон и причастие. К свитку Евангелия прикасались, как к Торе современные евреи. Символические свечи и жаровня-кадило не использовались вне погребений.

Так, богослужение фактически всех традиций после императора Константина сложилось из основных элементов. Это были чтения, молитвы верных (великая ектения или римские торжественные молитвы Великой Пятницы), Евхаристический Канон и причастие. К ним добавляются основные элементы придворного римско-византийского церемониала. К таким элементам можно отнести сидение младших клириков в присутствии высшего, облачения, торжественные входы и процессии (крестные ходы). Они начинают формироваться еще во времена Иоанна Златоуста в противовес арианам [6].

Процессионные песнопения сопровождают эти ритуальные действия и входы. Помимо этого, развиваются действия с хлебом и вином – их приношение к алтарю, молитвенные жесты при их освящении и причастии. По сути, и все рубрики разных традиций можно свести как раз к основным ритуальным действиям – процессии, приношению хлеба и вина и причастию. В таинстве

крещения используется вода, в миропомазании – миро, в других таинствах – другие «вещества». И с их использованием связаны жесты и позы духовенства. В прочее время клирики читают молитвы и предстоят алтарю. И поэтому можно найти общие черты в интерпретации богослужения и храмового пространства у разных традиций. Алтарь, к которому движется процессия, связан с образом рая, и Святая Святых Ветхозаветного храма - византийская процессия приношения Даров, связана с шествием ангелов, так как подготавливает к пению ангельской песни «Агиос, Агиос, Агиос» на Евхаристическом Каноне, а также связана с торжественной встречей императором хлеба и вина, вносимых диаконами из «предложения-протесиса» - помещения, подобного скевофилакиону рядом с храмом, куда на жертвенник приносили хлеб и вино миряне. В византийском обряде диаконы совершали сначала проскомидию – выбирали лучшие хлеб и вино и обрезали хлеб при необходимости. Аналогичная церемония сохранилась в армянском обряде, другие древневосточные Церкви заимствовали ее, как позднее заимствовали и латинскую митру. Взаимное влияние в интерпретации богослужения и практике его совершения всегда существовало.

На Руси христианство пришло уже в сформированном виде, когда все чины были четкими, а студийский и Софийский устав были господствующими в Византии. После принятия «Диатаксиса» патриарха Филофея и савваитского устава служба была еще больше ритуализирована, с этим связано неприятие реформ XVII века. Как реликт, долгое время сохранялось только совершение проскомидии диаконом.

Образ космоса можно проследить и на уровне «мезомира» - человека и «микромира» - литургической утвари. Сам человек использовал в храме облачения. Это были покрывающие все тело одежды – альба (подризник), апарел (поручи), стола (епитрахиль), чингулум

(пояс), далматика (саккос), казула (фелонь). Последняя вообще была образом маленького здания, которое укрывало человека, ее носили бродячие проповедники-интеллигенты. Тогда как альба являла собой крещальную рубашку, а стола – молитвенное покрывало евреев – талит. Вместо рационала на Востоке носили вместе с наперсным крестом панагию-мошехранилище.

Позднее на Востоке все клирики носили монашескую одежду. На Западе, в отличие от монашеской одежды (туники, скапуляра, пояса и не цветной каппы или коула), светские иерархи носили одеяния периода развитого средневековья (сутану, пояс, роше, мозетту или матилетту с зукеттой). Епископская мантия (сарра магна) существовала также и на Востоке, где получила истоки-гамматы, и их вариант – «скрижали». Таким образом, сам человек в облачении представлял собой образ чистоты (альба) [7], сосредоточенности в молитве (стола), и был покрыт покровом знания и мира (казула), а в неслужбное время он также носил длинные одежды как символ славы, власти и добра.

В стороне от рассмотрения в статье мы оставляем народные традиции – народное христианство, которое особым образом формировало свое видение символики храма и христианского богослужения. Народная традиция не только часто была полуязыческой, но формировала и здоровые практики благочестия, которые до сего дня распространены на Западе. Это – новены [8], розарий, крестный путь, ношение скапуляра, осенение Дарами и сорокачасовое бдение, молитва «Ангел Господень», освящение венка Адвента и другие.

Нужно заметить, что всякое символическое интерпретирование связано с существованием «высокоцерковной» традиции (исторического богослужения древневосточных Церквей, православных, католиков, католиков-традиционалистов, старокатоликов, лютеран, англикан), то есть исторических форм хри-

стианства, которые сохраняют значительное количество утвари и традиционную архитектуру храма. Если попробовать мысленно «отслужить» – промоделировать служение их литургий (и ранних литургий), суточного богослужения и треб, то мы придем к выводу, что рубрики богослужения и видеозаписи их практики вполне достаточны для осуществления этого. Но символическая интерпретация богослужения, его глубина, а также теоретическая вероучительная составляющая как бы остается в стороне от совершителя, поэтому комплекс интерпретации богослужения и традиции (знание основных разделов богословия, которые теперь доступны в учебниках в сети Интернет) весьма важен. В то же самое время имеется разнообразие не только в интерпретации, но и в практике строительства и совершения богослужения (например, если посмотреть видеозаписи совершения «малого входа» у русских православных мы фактически не увидим совпадений – у каждого храма своя традиция). Могли строить и низкие храмы, и храмы особой архитектуры, но символика не исчезала.

В наши дни в православии возрождаются и западные традиции, и интерпретации (с учетом того, что папы, кардиналы, бенедиктинцы, отшельники, бедные монахи, каноники, западное богослужение и архитектура существовали еще до разделения Церквей). Священники могли давать celibат до его распространения в тринадцатом веке (но они не жили как нынешние священники (который живет в мире постов, храма, служб, отчетов). Но образ храма и архитектуры мало менялся.

Отсюда мы видим, что образ бытия всего сущего был широко отражен в христианской традиции, энциклопедизме Беды Достопочтенного, Исидора Севильского, Хильдегарды Бингенской, готической астрономической символике, византийских интерпретациях. И при изучении различных традиций необходимо учитывать культурные корни разных явлений.

Литература

1. Wybrew H. The Orthodox Liturgy. The Development of the Eucharistic Liturgy in the Byzantine Rite. – London: SPCK, 2013. – 208 p.

2. Алымов В. Лекции по исторической литургике. Литургия в III веке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://krotov.info/library/01_a/ly/aly_m_09.html (дата обращения: 11.09.2018)

3. Bernard J.H. The Pilgrimage of S. Silvia of Aquitania to the Holy Places (circa 385 A.D.). With an appendix by Sir Charles William Wilson. – London: Palestine Pilgrims' Text Society, 1891. – 372 p.

4. Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – М.: Даръ, 2008 – 480 с.

5. Собрание древних литургий. Анафора. Евхаристическая молитва. – М.: Litres, 2017. – 1022 с.

6. Дмитрий Ростовский. Жития святых святителя Димитрия Ростовского. – М: Эксмо, 2016. – 560 с.

7. Католическая энциклопедия. Том 1. Буквы А—З. — М.: Издательство францисканцев, 2002. – VIII с. + 1906 стб.; ил.

8. Catholic encyclopedia 1913. Novena. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newadvent.org/cathen/11141b.htm> (дата обращения: 18.05.2017)

The temple in the Christian tradition as an image of the cosmos

Gapanyuk A.E.

Russian Orthodox University of St. John the Divine

Nowadays, the study of the ideas of the nineteenth century and the philosophy of the Russian emigration, which for a long time were not available in our country, is becoming especially relevant, and in this regard, the question of the genesis of Russian cosmism arises. But this tradition itself was formed under the influence of the cultural environment in which it developed, so it is important to say about the Orthodox heritage of Russia and the images of space in the symbolism of Russian churches. It is also important to give an overview of Christian architecture and the liturgical elements associated with this tradition. This article examines these issues from the perspective of studying the Christian heritage and tradition. The emphasis is placed not only on Russian Orthodoxy, but on the Christian heritage in general. Special attention is paid to parallels in liturgical and cultural traditions.

Keywords: architecture, temple, dome, worship, tradition

References

1. Wybrew H. The Orthodox Liturgy. The Development of the Eucharistic Liturgy in the Byzantine Rite. – London: SPCK, 2013. – 208 p.

2. Alymov V. Lectures on historical liturgics. Liturgy in the III century. [Electronic resource] - Access mode: http://krotov.info/library/01_a/ly/aly_m_09.html (date accessed: 09.11.2018)

3. Bernard J.H. The Pilgrimage of S. Silvia of Aquitania to the Holy Places (circa 385 A.D.). With an appendix by Sir Charles William Wilson. – London: Palestine Pilgrims' Text Society, 1891. – 372 p.

4. Uspensky L. Theology of the Icon in the Orthodox Church. Moscow: Dar, 2008. – 480 p.

5. Collection of ancient liturgies. Anaphora. Eucharistic prayer. – Moscow: Litres, 2017. – 1022 p.

6. Dmitry Rostovsky. Lives of the Saints of St. Demetrius of Rostov. – Moscow: Eksmo, 2016. – 560 p.

7. Catholic encyclopedia. Volume 1. Letters A — Z. – Moscow: Franciscan Publishing House, 2002. – VIII p. + 1906 col.; ill.

8. Catholic encyclopedia 1913. Novena. [Electronic resource] – Access mode: <http://www.newadvent.org/cathen/11141b.htm> (date of access: 05.18.2017)

Формальная логика в средневековой христианской философии: философско-антропологические и этические аспекты

Добронравова Ульяна Владимировна

кандидат философских наук, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омский автобронетанковый инженерный институт, ulianazhilina@gmail.com

В статье рассматриваются причины и следствия использования формальной логики в наиболее актуальных философских и дискуссиях эпохи Средневековья. По мнению автора, союз христианского вероучения и формальной логики стал возможным благодаря общим ценностным основаниям. С одной стороны, текст Библии содержит этическую оценку истины, лжи, противоречия и тождества и непосредственно связывает их с духовным спасением человека. С другой стороны, формальная логика подразумевает определенные философско-антропологические и этические основания, совпадающие с базовыми христианскими ценностями. Использование законов непротиворечия, тождества и достаточного основания подразумевает интеллектуальное равенство участников коммуникации, свободу нравственного выбора, веру в доказуемость истины, доверие и уважение участников коммуникации друг к другу. Подобное совпадение христианства и формальной логики сформировало философско-богословский «тандем», который во многом predetermined последующее развитие европейской культуры.

Ключевые слова: христианство, формальная логика, философская антропология, этика, средневековая философия

Зачастую можно встретиться с позицией, согласно которой раннее христианство противопоставляло себя философии вообще и формальной логике в частности [1, с. 30]. Во многом подобная позиция подкрепляется высказываниями самих представителей христианства. Так, Татиан, утверждал, что философия ведет к пустому тщеславию, а философы погрязли в противоречиях [2, с. 12]. Эту мысль поддерживал и Тертуллиан, который заявлял: «В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины – после Евангелия» [3 с. 109]. Казалось, что новая религия готова распрощаться с наследием Античности. Однако для критики языческого мира, апологии и проповеди христианства, средневековые мыслители выбрали аристотелевский «Органон».

При помощи формальной логики процедура доказательства до сих пор осуществляется во всех сферах человеческой жизни: праве, политике, науке, и ее преимущества несомненны. Однако на заре эпохи Средневековья довольно сильны были учения, либо полностью отвергающие возможность познания и пользу логики в этом процессе, либо опирающиеся на силу авторитета и откровения. Философский союз между формальной логикой и христианством мог не состояться, если бы внутри зарождающегося христианства преимущество получили другие силы. Неизвестно, что произошло бы и с христианским учением, и с формальной логикой, если бы перед лицом кризисов Средневековья они действовали поодиночке. И все же такой союз сложился. Главной точкой сближения христианства и формальной логики, на наш взгляд, стали логические аспекты

христианского вероучения, с одной стороны, и философско-антропологические и этические аспекты законов формальной логики, с другой. В Библии можно обнаружить высказывания, которые не касаются логики непосредственно, но позволяют осознать взаимосвязь между ее законами и последствиями их соблюдения или несоблюдения. Так, иллюстрацией закона непротиворечия могут служить следующие слова: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Образцом тождества является сам Бог: «Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же» (Евр 13:8). Дьявол называется лжецом и отцом лжи (Ин 8:44). И только истина, согласно Библии, может сделать человека по-настоящему свободным (Ин 8:32). В соответствии со Священным Писанием, ложь ведет человека к греху и смерти, тогда как истина спасает. При этом истина, в соответствии с библейской интерпретацией, существует объективно, доступна для познания и не терпит двусмысленностей. Сам человек, согласно Библии, обречен на выбор между двумя противоречиями: либо он выбирает Бога, либо нет; третьего варианта при этом допустить нельзя. Человек наделен способностью различать противоречия, совершать между ними выбор и нести за него ответственность. Библейский текст не содержит логико-философского учения, однако формирует у читателей представления об истине, лжи, противоречии, тождестве и их влиянии на земную жизнь человека и его духовное спасение.

В свою очередь, формальная логика смогла предложить один из наиболее эффективных способов различения между истиной и ложью. Законы формальной логики подразумевают определенные этические ценности и представления о человеке и его способностях, которые мы подробно рассмотрим далее.

Со времени начала проповеди апостолов, перед представителями христианства возникла задача «перевода» Благой Вести на всеобщий язык, доступный всем людям. Проповедь христианства требовала, чтобы его принимали

добровольно, а не на основании принуждения. Таким языком свободы стала формальная логика, которая позволила выработать единый понятийно-категориальный аппарат, использовать законы тождества, непротиворечия, исключенного третьего и даже на то время неназванного закона достаточного основания, а также силлогистику. Весь «арсенал» формальной логики должен был быть направлен на то, чтобы помочь человеку совершить выбор веры самостоятельно, в силу принуждения истины. По этому поводу Климент Александрийский пишет: «Учение, сопровождаемое доказательствами, настолько убедительно, что душа того, кто в силах следить за ходом аргументации, не может не согласиться с конечными выводами» [4, с. 95]. Климент, как и многие другие апологеты, считает, что истина является единой для всех людей, а ее сила такова, что принимающий ее делает это свободно.

Убеждение христианских мыслителей в том, что человек может принять веру только добровольно, основывалось на представлении о том, что Бог желает, чтобы человек подчинялся ему свободно, поскольку власть Бога зиждется не на силе и принуждении, а на мудрости. Согласно Оригену, Богу все подчинено через слово и разум, а не через насилие [5, с. 79]. Рассуждая о Боге, Ориген переходит к людям, которые, будучи сотворенными по образу и подобию Бога, тем самым «причастны Слову, то есть Разуму, и, таким образом, носят в себе как бы некоторые семена Премудрости и правды» [5, с. 106].

Представления о том, что истинная вера может быть утверждена на разумных основаниях, привели к серии попыток логического доказательства бытия Бога. Подобные доказательства могут вызывать сомнения и критику с точки зрения самой логики, однако попытка такого доказательства свидетельствует о том, что даже верующий человек нуждается в поддержке разума. Ансельм Кентерберийский, толкуя библейское

высказывание о том, что только безумец может в сердце своем отрицать существование Бога, опирается на закон непротиворечия. Согласно Ансельму, ни один человек, который представляет, что такое Бог, не может не представлять его как существующего. Иначе, он противоречит самому себе, а значит – безумен [6, с. 130]. Ансельм говорит о том, что ему было трудно найти строго логическое доказательство. Найдя его, он обращается к Богу: «Благодарю Тебя, Господи благий, благодарю Тебя за то, что то, во что раньше веровал я силой дара Твоего, теперь так понимаю силой просвещения Твоего, что если бы и не хотел верить в то, что Ты существуешь, не мог бы этого не понимать» [6, с. 130]. Ансельм подчеркивает, что только самостоятельный поиск истины позволяет человеку верить свободно.

Критикуя доказательство Ансельма Кентерберийского [7, с.22], Фома Аквинский считал необходимым привести еще пять доказательств существования Бога. Аквинат возражает богословам, уверенным в том, что вера не требует доказательств, словами из Писания, согласно которым епископ должен уметь наставлять в здравом учении и обличать противящихся. Аквинат указывает, что хотя вера может быть автономна от разума, последний может помочь ей в вопросах, которые непосредственно не раскрыты в Священном Писании.

Дискуссии о подобных доказательствах приводят к вопросу о том, зачем христианским мыслителям потребовалось логически доказывать то, во что можно верить? Ответ заключается в особом отношении к самому методу логического доказательства, разработанному Аристотелем. Необходимо признать, что доказательство подразумевает равенство участников коммуникации. Тот, кто доказывает нечто логически, ничего не навязывает авторитетом или силой. Он занимает уязвимую позицию по отношению к тому, кто воспринимает доказательство. Он действует

честно, предлагая оппоненту перепроверить собственные доказательства и, в случае обнаружения ошибок, отвергнуть. Таким образом, доказывающий имплицитно (а, возможно, и явно) обязуется пересмотреть собственную позицию, если она будет опровергнута оппонентом.

Процедура доказательства, основанного на аристотелевской силлогистике, позволяла сформировать доверительную и уважительную среду дискуссии, участники которой должны были воспринимать друг друга как равноправных субъектов, независимо от социального и материального положения, несли обоюдное обязательство в честности и стремлении достигнуть истины. Реальные дискуссии в средневековом философском сообществе, могли отличаться от того, что указано выше. Оппоненты могли прибегать к софистическим уловкам, угрозам, оскорблениям и рукоприкладству. Но именно строгие требования к доказательству и аргументации выступали в качестве образца и ориентира приемлемого и одобряемого поведения диспутантов.

Позиция, согласно которой истина должна быть логически доказана, а не навязана, формировала представления о том, что спасение души человека возможно только в том случае, если он принимает христианские заповеди на основании личного нравственного выбора. Чтобы решить задачу свободного распространения христианской веры, а также научиться бороться со злом внутри себя и вовне, необходимо было решить проблему свободы воли человека в мире, сотворенным всеведущим и всемогущим Богом. Для доказательства возможности вечного спасения человеческой души немислимо было ограничивать ни всеведение Бога, ни свободу человека. Догматически закрывать глаза на противоречие было интеллектуально нечестно и недопустимо.

Иустин Философ, размышляя о библейских пророчествах, предупреждает читателей о том, что хотя пророчества

сбиваются, это не означает, что predetermined вся наша жизнь. За исходное положение Иустин принимает утверждение пророков о том, что люди спасаются и осуждаются в зависимости от добродетели. Обращаясь к доказательству от противного, Иустин заключает, что, допустив predeterminedность человеческой судьбы, мы пришли бы к выводу, что либо одни люди от природы злы, а другие добры (но мы видим, что люди меняются, значит это не так); либо о том, что люди не отвечают за свои поступки (что противоречит исходному положению); либо нет ни добродетели, ни пороков (что также противоречит исходному положению) [8, с. 73].

Проблема свободы человеческой воли также стала предметом размышления Оригена, который указывает, что, хотя на людей, как и на другие движущиеся тела, действуют внешние причины, тем не менее, будучи разумными, люди способны самостоятельно выбирать между противоположными возможностями [5, с. 237]. Именно способность разума видеть противоречия, понимать невозможность их одновременного существования делает нас свободными, а, следовательно, ответственными за совершенный выбор. Ориген разрешает и кажущиеся противоречия в Святом Писании. В качестве примера он указывает место из Библии, где Бог, желая освободить еврейский народ, говорит: «Я ожесточу сердце фараоново» (Исх 7:3). Ориген подчеркивает, что еретики могут использовать подобные высказывания, чтобы показать, что человеку невозможно спастись самостоятельно, и что вследствие этого одни люди по своей природе злы, а другие добры. Решая данную проблему, Ориген обращается к формальной логике. В частности, он задается вопросом: является ли фараон, согласно гностическому учению, уже *павшим* и земным человеком? Да, является. Но зачем ожесточать того, кто уже ожесточен [5, с. 247]? Ожесточиться под влиянием кого-либо другого может только тот, кто не является жестоким по природе, но способен самостоятельно

выбирать и воспринимать те или иные доводы. Это значит, что фараон под воздействием тех же самых знамений мог бы измениться и раскаяться. Фараон противился воле Бога не потому, что был ожесточен им, а, напротив, ожесточился, поскольку противился его воле. На самом деле, пишет Ориген, Бог всегда совершает благие действия. То, как ответит на эти действия человек – зависит от того, как он сам подготовил свою душу к встрече с Богом.

В рассуждениях о свободе выбора человека Ориген использует законы логики для обоснования свободы человека и оправдания воли Бога, а также, вырабатывает представления о том, какими должны быть отношения человека и Бога. Только тот человек свободен, который умеет видеть противоречия и совершать между ними нравственный выбор. Благим и справедливым можно назвать только такого Бога, который, желая одинаково спасения для всех людей, предоставляет им возможность различать противоречия и выбирать между ними и судит их в соответствии с этим выбором. Представления Оригена основываются на убежденности в непротиворечивости Бога, а также в способности разумного человека совершать выбор между противоречиями. Подобные взгляды уже были сформулированы ранее Аристотелем в «Метафизике», где он уподобляет тех, кто не различает противоречия, растениям [9, с. 168].

В IV в. Григорий Нисский обращается к вопросу о свободе воли в полемике с философами-детерминистами. Повествуя о разговоре с неким философом, Григорий пишет, что последний уверял его, будто жизнь человека определяется судьбой, которая обусловлена движением звезд. Выбирая контраргументы, Григорий Нисский указывает на отсутствие достаточного основания между двумя последовательными событиями: движением звезд и движением рождающегося младенца: почему если два тела движутся одновременно, то одно из них должно быть причиной

другого? Григорий также выявляет противоречие: если звезды движутся все время и их движение является причиной рождения детей, то и дети должны рождаться непрерывно. Однако между рождением детей есть перерывы, следовательно, даже если движение звезд приводит к рождению детей, то не всякое. Также Григорий утверждает, что многие люди рождаются в одно и то же время, однако среди тех, кто родился одновременно, есть люди с разной судьбой: одни цари, другие – рабы и т.п. В этой связи Григорий пишет: «...никто не припишет равной силы производящему и великое и малое» [10, с. 153].

В V в. дискуссия о человеческой свободе, божественной благодати, первородном грехе и провидении, развернулась между Августином Аврелием и Пелагием. Противоположные позиции по этому вопросу приводили к противоречивым и неудовлетворительным выводам. Позиция Августина заключалась в том, что человек может спастись только благодаря божественной благодати [11, с. 102]. Противоположная позиция Пелагия, на первый взгляд, была более «либеральной». Пелагий снимал с потомков Адама и Евы груз первородного греха, отрицал влияние на нравственный выбор человека его происхождения, расы, пола и др. и на основании этого утверждал, что человек спасается исключительно благодаря свободе воли. Ряд дедуцированных из такой позиции последствий противоречил основополагающим представлениям христианства. Так, если на всех потомков Адама не распространился первородный грех, это значит, что до Христа и после Христа жили безгрешные люди (следовательно, боговоплощение Христа не является необходимым). Менее очевидные, но, тем не менее, антропологически и этически значимые последствия пелагианской позиции обозначает В. Смагин [12], который указывает на то, что пелагианство ведет к явному или скрытому манихейству. В частности, если согласиться с Пелагием в отсутствии первородного греха, придется

признать самостоятельность и субстанциальность зла; разрозненность души и тела человека; своеволие и гордыню человека, не нуждающегося в Боге и т.п.

Споры о свободе человеческой воли продолжались. Не решаясь занять опровергнутую позицию Пелагия, философы и богословы либо пытались смягчить августиновскую позицию, либо стремились свести данную проблему к псевдопроблеме. Так, Боэций для решения проблемы соотношения между предвидением будущего Бога и свободным выбором человека обращает внимание на особенности восприятия времени человеком и Богом. Если человек, существо ограниченное, существует во времени, и воспринимает грядущие события как будущие, то Бог, существо неограниченное, воспринимает все вне времени. Он видит не будущее, а настоящее. Боэций утверждает, что наши поступки не являются необходимыми до момента их совершения, и вследствие этого предлагает заменить представления о предзнании Бога (как предварительном знании о будущем) на Провидение (знание о том, что происходит в вечности, вне времени) [13, с. 281, 288]. Линию Боэция продолжил Иоанн Скот Эриугена, который считал, что для Бога нет ни прошлого, ни будущего, и потому он «...видел, предвидел, знал, предзнал все, долженствующее быть сделанным, прежде чем Он это сделал, точно так же Он все видит и знает после того, как уже сделал» [14, с. 296]. Боэций и Эриугена решают данное противоречие, опираясь на закон тождества, согласно которому Бог не причастен изменениям.

Фома Аквинский продолжил позицию Августина и на основании посланий апостола Павла «Кого Он предопределил – тех и призвал, а кого призвал – [тех и оправдал, а кого оправдал –] тех и прославил» (Рим. 8, 30) дедуцировал, что предопределение существует, поскольку спасение души – цель, несоизмерная возможностям падшей человеческой души. Из этого следует, что есть люди, которым он не желает блага в

виде спасения. При этом Фома Аквинский снимает с Бога ответственность за грехи людей и пишет о том, что богооставленность предопределяет только будущее. В настоящем же человек грешит по своей свободе и несет ответственность за совершенные грехи [7, с. 309].

Подобная детерминистская позиция входила в очевидное противоречие с основными положениями и ценностями христианства, что стало одной из причин Парижского Осуждения 1277 г. [15]. В частности, под запрет попали тезисы: «Никакая действующая сила не стоит перед выбором. Напротив, она предопределена», «Наша воля находится во власти небесных тел», «Человек, обделенный благосклонностью фортуны, не может должным образом вести себя в делах морали». Парижское Осуждение 1277 г. стремилось остановить перипатетический детерминизм, который удалялся от философии и от богословия и сближался с языческими верованиями в предопределение, рок и фортуны.

Критика гипердетерминистской позиции привела к развитию в среде францисканцев т.н. «волюнтаристских» взглядов, в соответствии с которыми объявлялась абсолютная свобода воли Бога и человека. Уильям Оккам, продолживший спор о предопределении, божественной благодати и человеческой свободе в индетерминистском ключе, неоднократно подозревался и обвинялся в пелагианской ереси. Оккам писал: «...божественному могуществу следует приписать все, что не заключает очевидного противоречия». При этом, по мнению Оккама, смысл греха и добродетели человека, а, следовательно, смысл спасения и осуждения также полностью зависят от свободного выбора человека [16, с. 209].

Многовековые богословские споры с опорой на формальную логику привели к тому, что в учениях современной православной и католической церкви признается, что Бог желает спасения для всех и помогает в этом всем, кто готов принять его помощь. В свою очередь,

человек является полноценным соратником Бога в деле спасения собственной души.

Выбор формальной логики в качестве метода дискуссии о свободе воле во многом предопределил ее исход. Возможность использования формальной логики, видеть противоречия и совершать между ними выбор предполагает наличие свободы воли. Человек, использующий формальную логику, уже подразумевает, что он способен выбирать и изменять свое мнение под воздействие доводов разума, он уже *верит* в свободу выбора и ответственность за него.

Проблема взаимосвязи между божественным провидением, благодатью и человеческой свободой в трудах средневековых философов была непосредственно связана с вопросом о существовании зла в мире. Решить это противоречие было необходимо, поскольку оно ставило под сомнение существование самого Бога, его всевластие, доброту, возможность и необходимость бороться со злом. Если зло субстанциально и существует независимо от Бога или же с его согласия, это оправдывает человека, совершающего зло. Признать одновременное существование благого Бога и зла логически невозможно. Либо не существует Бога, либо он существует, но не является благом, либо... не существует зла. Средневековые богословы предпочитали последний вариант как наименее противоречивый, а также позволяющий наилучшим образом понять природу человека и его путь к спасению. Одним из первых задачу оправдания Бога при наличии в мире зла, пытался решить Ориген, согласно которому зло совершает только разумный человек, который способен различать противоречия, видеть разницу между грехом и добродетелью, совершать свободный выбор в пользу одного из них. Ориген пишет: «всякое разумное существо, нарушающее границы и законы разума, вследствие преступления, направленного против истины и правды, без сомнения, делается грешным» [5, с. 119].

Задавался этим вопросом и Августин Аврелий. Поскольку Августин не мог принять того, что зло в мире существует с позволения Бога, он присоединился к манихеям, уверявшим, что в мире есть два бога – добрый и злой. Однако последующие логико-философские и религиозные поиски Августина привели его к мысли о том, что зло не существует само по себе, а лишь паразитирует на добре [17, с. 39]. Зло появляется там, где человек отказывается от Бога. Отказ от Бога приближает человека к ничтожеству [18, с. 33]. Представление о том, что свободно избираемое человеком зло приводит к несуществованию, активно развивалось в христианской мысли и повлияло на христианскую антропологию.

Бозэций в «Утешении философией», пожалуй, как и всякий человек, с которым приключается несправедливость, задается вопросом о том, каковы ее причины. Философия позволяет ему прийти к выводу о том, что если благо – могущественно, то, следовательно, зло – бессильно. Далее Философия переходит к утверждению о том, что злые люди не существуют в абсолютном смысле этого слова, поскольку существовать может только то, что придерживается общего порядка сущего. Поскольку подлинно Сущим является только Бог, то всякий, уклоняющийся от исполнения его заповедей, устремляется к несуществованию, отказывается от собственной природы [13, с. 255].

Логически подкрепленные представления о том, что человек обладает свободой воли, что он способен выбирать между злом и добром и нести за это ответственность, что грешный человек не существует в подлинном смысле слова, отразились на самовосприятии человека, которое отныне требовало борьбы с противоречиями в нем самом. Формально-логический подход распространился и на способ работы человека с самим собой. Для решения этой задачи в средневековой философии формируется представление о совести, по утверждению Г. Майорова [19, с. 325], почти

незнакомое античной философии, которая больше внимания уделяла подчинению человека объективному миру необходимости. Рождается практика исповеди, которая подразумевает способность человека обнаруживать противоречия в самом себе.

Согласно христианству, человек – существо падшее и разрозненное в самом себе. Представления о раздробленности человеческой личности были знакомы еще античной философии. Однако как трагедия человеческого духа раздробленность стала восприниматься именно в иудео-христианской богословской и философской традиции. Еще в 50-м Псалме царя Давида сказано: «Сердце чисто созижди во мне, Господи, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50:12). Апостол Павел в Послании к Римлянам пишет: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7:15). Эти слова подчеркивают внутреннее духовное состояние человека – противоречивость, отсутствие тождества. Только Бог может восстановить человека из такого состояния духовного и телесного разложения. Однако, прежде чем обратиться к Богу, человек должен осознать, что он буквально распадается на части. Ему на помощь приходит формальная логика как инструмент обнаружения противоречий и как способ обретения тождества.

Можно утверждать, что помимо других важных задач, которые средневековая философия возлагала на формальную логику, последняя играла роль инструмента для метаноии – «изменения ума», покаяния. Возникают представления о том, что человеческий ум подвержен целенаправленному изменению, причем не извне, а изнутри. Средневековая христианская философия ставит перед формальной логикой амбициозную задачу – помочь человеку исправить свой ум, увидеть свои грехи и покаяться. При этом сам кающийся вовсе может не знать, о том, что духовные

упражнения, применяемые им, основаны на законах и правилах формальной логики. Однако если проанализировать христианские духовные практики, мы увидим, что в основе их методологии, лежат закон тождества, закон достаточного основания, закон исключенного третьего и закон непротиворечия.

Прежде всего, формальная логика позволяет человеку обнаруживать противоречия а) между собственными мыслями, желаниями и поступками; б) между заповедями Бога и собственными поступками. Именно способность видеть данные противоречия (порой трудноуловимые) получает в христианстве название «дара видения грехов». Так, Августин Аврелий писал: «Непризнание греха усугубляло грех, и я святоотчественно желал, чтобы Ты скорее был побежден во мне, нежели я – в Тебе, во спасение мое» [17, с. 72]. Именно видение грехов, обнаружение противоречия внутри себя, должно привести человека к ужасу и отвращению от греха. Человек жаждет непротиворечия, тождества и достаточного основания, ищет их, но, чем более логично он мыслит и ведет себя, тем чаще натывается на несоблюдение данных законов в действительности. Потребность в логичности заставляет человека обратиться к Богу как к тому, кто единственный может даровать тождество, непротиворечие и стать достаточным основанием для существования бытия и человека.

Подводя итоги статьи, вернемся к вопросу, определившему ее тему: почему христианство вступило в союз с формальной логикой и к каким последствиям в области философской антропологии это привело? Отвечая, необходимо указать, что законы формальной логики подразумевают философско-антропологические основания. Законы формальной логики предполагают существования истины, возможность ее познания и доказательства. Сама процедура доказательства на основе общепринятых логических правил подразумевает интеллектуальное равенство между тем, кто доказывает, и тем, кто выслушивает доказательство. Законы

формальной логики предполагают существование договорной, диалоговой культуры равных людей. Если в античном полисе к равным, достойным доказательства, людям относили только свободных граждан города, то христианские проповедники постепенно распространили подобный принцип на всех людей. Также использование формальной логики подразумевает наличие в мире объективной истины, ее доступность и необходимость для человека, доверие к его познавательным способностям и веру в свободу его нравственного и интеллектуального выбора. Отказ от подобных предпосылок повлек бы за собой и отказ от самой формальной логики. Если представить, что истины нет, или что она недоступна для людей, или они в ней не нуждаются, или же не обладают свободой выбора, то это лишит смысла поиск и доказательство истины.

Представление о законах непротиворечия и исключенного третьего легло в основу доказательства свободы воли человека. Представление о самотождественности и непротиворечивости Бога привело к формированию доверия к нему у человека. Если античные боги были противоречивы, то христианский Бог вовсе не таков. В его тождестве и непротиворечивости проявляется постоянство, которому можно доверять. Тождество Бога стало гарантом спасения разотождествленного и противоречивого человека.

Использование законов и правил формальной логики не является панацеей. На протяжении истории философии одними и теми же законами логики в ходе дискуссии могли пользоваться люди, отстаивавшие противоположные позиции. Однако именно единый язык понятий, правил и законов логики помог этим дискуссиям состояться, а их участникам признавать равноправие друг друга. И если содержание Священного Писания определяло тематику средневековой философии, их «что», то формальная логика определила их форму и методологию, т.е. их «как». Среди

наиболее значимых философско-антропологических последствий союза формальной логики и христианства можно назвать укрепление представлений о свободе воли человека, индивидуальной ответственности за совершенный нравственный выбор, а также развитие методов интроспекции, основанных на представлении о совести и стремлении бороться с внутренними противоречиями и разотождествленностью.

Средства формальной логики в решении философско-антропологических задач средневековой философии почти не заметны на контрасте с содержанием этих задач. Однако именно они во многом предопределили проблематику средневековых философско-богословских дискуссий, их итоги и последствия.

Литература

1. Коплстон Ф. История философии. Средние века. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
2. Татиан. Речь против эллинов. // Сочинения древних христианских апологетов. – СПб.: 1895. С. 10-45.
3. Тертуллиан. О прескрипции против еретиков // Тертуллиан. Избранные сочинения. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994.
4. Климент Александрийский. Строматы. Т 1. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003.
5. Ориген. О началах // Ориген. О началах. Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008.
6. Ансельм Кентерберийский. Прослогион // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М.: Канон, 1995.
7. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Киев: Ника-Центр, 2002.
8. Иустин Философ. Первая апология // Иустин Философ. Сочинения. – М.: Университетская типография, 1892.
9. Аристотель. Метафизика. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
10. Григорий Нисский. Против учения о судьбе // Григорий Нисский. Творения. Ч. 4. – М.: Типография В. Готье, 1862.
11. Августин Аврелий. Антипелагианские сочинения позднего периода. – М.: АС-ТРАСТ, 2008.
12. Смагин В. Августин и Пелагий: Догматическое содержание и исторические параллели великой полемики V века // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2010. № 8. С. 273-303.
13. Боэций. Утешение философией // Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1990.
14. Иоанн Скот Эриугена. О божественном предопределении // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV веков / Под ред. И.Т. Касавиной. – М.: Республика, 1996. С. 294-298.
15. Парижское осуждение 1277 года // Inter Esse. 2011. № 1. С. 117-127.
16. Уильям Оккам. Только ли акт воли есть необходимо добродетельный или порочный? // Уильям Оккам. Избранное. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
17. Августин Аврелий. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М.: АСТ, 2006.
18. Августин Аврелий. О граде Божиим. Книга. I. М., 2016.
19. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). – М.: Мысль, 1979.

Formal Logic in Medieval Christian Philosophy: Philosophical-Anthropological and Ethical Aspects

Dobronravova U.V.

Omsk Tank-Automotive Engineering Institute

The article discusses the causes and consequences of using formal logic in the most relevant philosophical and theological discussions of the Middle Ages. The author claims that the union of Christian doctrine and formal logic was made possible thanks to common value foundations. On the one hand, the Bible contains an ethical assessment of truth, lie, contradictions, and identities and directly connects them with human life and spiritual salvation. On the other hand, formal logic, mainly aimed at the form of thinking and reasoning, at the same time implies certain philosophical-anthropological and ethical foundations that coincide with basic Christian values. The use of the laws of non-contradiction, identity and sufficient reason implies intellectual equality of the participants in communication, freedom of moral choice, faith in the provability of truth, trust and respect for participants in communication to each other. This coincidence of

Christianity and formal logic formed the philosophical and theological "tandem", which largely predetermined the subsequent development of European culture.

Keywords: Christianity, formal logic, philosophical anthropology, ethics, medieval philosophy

References

1. Copleston F. History of Philosophy. Middle Ages. - M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2003.
2. Tatian. Speech against the Hellenes. // Works of ancient Christian apologists. - SPb.: 1895. S. 10-45.
3. Tertullian. On the prescription against heretics // Tertullian. Selected Works. - M.: Publishing group "Progress", "Culture", 1994.
4. Clement of Alexandria. Stromata. T. 1. - SPb.: "Publishing house of Oleg Abyshko", 2003.
5. Origen. About the beginnings // Origen. About the beginnings. Against Celsus. - SPb.: Bibliopolis, 2008.
6. Anselm of Canterbury. Proslogion // Anselm of Canterbury. Compositions. - M.: Canon, 1995.
7. Thomas Aquinas. Sum of theology. Part I. Kiev: Nika-Center, 2002.
8. Justin the Philosopher. The first apology // Justin the Philosopher. Compositions. - M.: University Printing House, 1892.
9. Aristotle. Metaphysics. - M.: State Socio-Economic Publishing House, 1934.
10. Gregory of Nyssa. Against the doctrine of fate // Gregory of Nyssa. Creations. Part 4. - M.: Printing house V. Gauthier, 1862.
11. Augustine Aurelius. Antipelagian Writings of the Late Period. - M.: AS-TRUST, 2008.
12. Smagin V. Augustine and Pelagius: Dogmatic content and historical parallels of the great polemic of the 5th century // Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary. 2010. No. 8. S. 273-303.
13. Boethius. Consolation by philosophy // Boethius. "Consolation by Philosophy" and other treatises. - M.: Nauka, 1990.
14. John Scotus Eriugena. On divine predestination // Knowledge beyond science. Mysticism, Hermeticism, Astrology, Alchemy, Magic in the Intellectual Traditions of the I-XIV Centuries / Ed. I.T. Kasavina. - M.: Republic, 1996. S. 294-298.
15. Paris Condemnation of 1277 // Inter Esse. 2011. No. 1. S. 117-127.
16. William of Ockham. Is it the only act of will that is necessarily virtuous or vicious? // William Ockham. Favorites. - M.: Editorial URSS, 2002.
17. Augustine Aurelius. Confession of Blessed Augustine, Bishop of Hippo. - M.: AST, 2006.
18. Augustine Aurelius. About the city of God. Book. I. M., 2016.
19. Mayorov G.G. Formation of medieval philosophy (Latin patristics)

Современные проблемы становления дискурса философии социальной безопасности

Кононов Сергей Викторович,

канд. филос. наук, ст. преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, kononov7744@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблем становления современного дискурса социальной безопасности в рамках философского обсуждения процессов трансформации вектора формирования государственной политики безопасности. Задачей статьи, по мнению автора, является представление проблематики безопасности в условиях, когда она перестает пониматься, как понятие, связанное с идеей сохранения целостности государства или нации, вступает как явление, имеющее максимально широкие социальные параметры. Пользуясь методологией феноменологического, герменевтического и сравнительного анализа, автор анализирует новые направления исследований безопасности, общим отличием которых является социальная и личностная ориентированность. Автор анализирует особенности методологии работ, отражающих точку зрения современного государства, работ, связанных с разработкой системного подхода к безопасности, работ, основанных на аксиологическом подходе и делает вывод о том, что, несмотря на расширение трактовок безопасности, все эти подходы сохраняют общий идейный фундамент, предполагающий необходимость сохранения лидирующей роли государства в сфере социальной безопасности, включая безопасность личности и общества и государства. Все эти подходы основываются на политике реагирования на возникающие угрозы для российского государства и не способны отразить необходимость всеобъемлющего стратегического целеполагания, охватывающего сферу социально-экономического развития общественной системы. Данное обстоятельство, по мнению автора, ведет к формированию такой стратегии безопасности, которая существует только во имя защиты государства и не предполагает обратной связи между государством и социальными институтами, которые собираются защищать государство, что ведет к неэффективности современных мер защиты и необходимости поиска новых путей обоснования необходимости указанной защиты, нового определения ее содержания и сущности.

Ключевые слова: Государство, общество, безопасность, социальная безопасность, современные меры защиты, безопасность личности, безопасность общества, безопасность государства.

Введение. Первые десятилетия XXI в. открыли период, связанный с усложнением международных отношений вокруг Российского государства, которое в условиях усиления внешнего политического и экономического давления вынуждено решать вопросы, связанные с преодолением последствий глобального финансового кризиса. В данной ситуации Россия с вынуждена решать вопросы безопасности в условиях фактического отсутствия системы коллективной международной безопасности. Кроме этого новые условия показывают невозможность эффективного использования разрешения проблем безопасности путем угрозы применения «ядерного оружия» [17], что доказывает необходимость переосмысления концептуальных подходов к разрешению проблем безопасности, ранее ориентированных на осуществление политики, которая по словам С. Панарина, осуществлялась по сценарию, противопоставляющему «своих» «чужим», где государство, выступающее в роли субъекта безопасности пыталось оградить общество от внешних влияний, что в конечном итоге приводило к ослаблению всей социальной системы [12]. Таким образом, в условиях современности происходит трансформация структуры внешних и внутренних угроз безопасности страны, что требует выработки таких подходов, которые были бы направлены на обоснование проблематики конструктивного взаимодействия с внешним окружением и обществом внутри страны [1].

Степень исследованности темы. В российской науке исследования безопасности ведется А. В. Опалевым, Д.

Б. Ирошниковым, М. Р. Чарыевым, В. М. Редкоусом, В. С. Пирумовым, В. В. Серебрянниковым, Л. И. Шершневым, С. В. Степашным. отражающим государственный взгляд. Проблемы национальной безопасности исследуют А. В. Возжеников, В. Легойда, Н. Н. Рыбалкин. Системный подход к безопасности разрабатывается в трудах А. А. Прохожева, В. Л. Манилова, точку зрения аксиологического подхода выражает А. И. Поздняков, А. Н. Сыроваткин, А. Н. Куковский.

Целью данной статьи является проведение оценки современных методологических подходов, исследующих проблемы безопасности на территории Российской Федерации.

Содержание статьи определяется необходимостью разрешения задачи осмысления существующих подходов, куда входит государственный, подход, системный подход и аксиологический подход, нацеленные на осмысление проблем безопасности современного российского государства и общества. По сути, речь идет о критическом анализе методологии исследований безопасности, принятых в российской науке, а также о предложении стратегии исследований, в центре которой должно находиться формирование аналитического взгляда на социальное взаимодействие в рамках системы личность, общество, государство, при котором были бы учтены интересы всех социальных групп.

Методология исследования основана на применении методов феноменологического, герменевтического, структурно-функционального и сравнительного анализа, дающих возможность проведения оценки государственного, системного и аксиологического подходов к исследованию проблем безопасности.

Новизна исследования обеспечена обращением социально-философского анализа на критику концепций безопасности, дающую возможность представления подхода, рассматривающего безопасность, как социальную систему.

Результаты. Современные направления исследований безопасности в Российской науке характеризуются большей социальной направленностью, чем исследования предшествующего периода, так как полагают, что государство должно исполнять широкий круг социальных обязанностей, куда входят необходимость защищать суверенитет, территориальную целостность, конституционный строй; поддерживать научно-технический и оборонный потенциал, законные права и свободы личности.

При этом современные исследования проблем безопасности в России разделены на три основных течения, одно из которых придерживается более традиционных для отечественной науки взглядов, указывая на государство, как субъект безопасности. Второе рассматривает проблемы безопасности в рамках системного подхода, анализируя эту проблему в широком комплексе социальных явлений и указывают, что состояние системы безопасности должно зависеть не только от государственной или национальной политики, но и от множества иных факторов, куда входит влияние экономики, культуры, общества, духовности, уровня подготовки вооруженных сил и многое другое. Основное внимание представителей системного подхода занимает проблема сохранения целостности общественной системы в условиях внешних и внутренних вызовов, неизбежно сопровождающих развитие многих стран, государств, общественных групп, но не являющихся причиной прекращения их успешного функционирования. Внимание представителей аксиологического подхода сосредоточено на анализе ценностных координат, раскрывающих каждый конкретный случай в контексте его индивидуальных особенностей. Однако данный подход, также как другие, подходы к пониманию сущности и сути феномена безопасности, распространенные в отечественной науке, основывается, главным образом, на положениях, преду-

смагивающих необходимость реагировать на возникновение угроз и вызовов российскому государству, что не отражает в полной мере потребностей, связанных с комплексным стратегическим целеполаганием, охватывающим сферу социально-экономического развития общественной системы. В то же время реализация программы политических мер, связанных с необходимостью обеспечения безопасности личности и общества натывается на значительные трудности, причиной которых является недостаточная проработанность методологии в сфере обеспечения системы социальной безопасности.

Поэтому на сегодняшний день в России продолжает ощущаться необходимость трансформации политики, нацеленной на «обеспечения состояния защищенности» к политике, направленной на формирование стратегий со-развития личности, общества и государства для чего необходимо обоснование стратегических целей всех участников социального процесса и последующий учет выполнения задач, направленных на сохранение их безопасности. Таким образом, анализ современных проблем безопасности человека, общества и государства, в рамках концепций безопасности современной российской науки, показал необходимость переосмысления современных проблем безопасности в рамках теоретических подходов, предполагающих рассмотрение проблем социальной безопасности, что является стратегической необходимостью для обществ и стран, находящихся в условиях влияния процессов глобализации, порождающих условия для формирования многополярности современной мировой политической и экономической системы, когда каждый из социальных субъектов начинает восприниматься и выступать в качестве носителя собственных представлений и ценностей безопасности.

Обсуждение результатов

В постсоветский период в российской науке актуализируются новые

направления исследований безопасности, которые направляются на осмысление социальной и личностной проблематики. В тексте Стратегии национальной безопасности указывается, что задачей государственной политики в сфере безопасности является обеспечение гарантий реализации целей социально-экономического развития государства, что говорит об уходе от узкого взгляда, в рамках которого безопасность понималась только как состояние защищенности государства [11].

В научных трудах новое понимание роли государства в системе безопасности страны отражено А. В. Опалевым, Д. Б. Ирошниковым, М. Р. Чарьевым, В. М. Редкоусом [15], которые полагают, что современное государство по отношению к своим гражданам должно выполнять широкий круг обязанностей, куда входит защита территориальной целостности, независимости, суверенитета, конституционного строя страны, и кроме этого, организация мер, направленных на поддержку экономики, научно-технического развития, обороны, конституционных свобод и прав человека посредством защиты их от влияния враждебных сил из-за рубежа и посягательств преступных сил внутри страны. Эта направленность, заключающаяся в определении безопасности в качестве состояния защищенности общества от внешних и внутренних угроз определяет содержание работ В. С. Пирумова, А. В. Возженикова, В. В. Серебрянникова, Л. И. Шершнева, С. В. Степашина [18]. Защищаемая ими концепция, заключается в постулировании неразрывности и взаимозависимости задач, которые государство выполняет во имя обеспечения стабильности социальных систем. Ведущим постулатом теории национальной безопасности в этом понимании является попытка обоснования представлений о том, что политика Российского государства, направленная на обеспечение мер безопасности, на деле реализует конституционные права и свободы граждан,

включающие в свой состав право на достойное качество и уровень жизни, право на суверенитет, право на независимость, право на территориальную целостность и устойчивое развитие страны [6].

В указанных трудах основной вектор формирования безопасности постепенно смещается с государственного на социальный, так как безопасность перестает пониматься только, как понятие, связанное с идеей сохранения целостности государства или только нации, но приобрела более широкие, социальные параметры. С точки зрения, которую выражают авторы, отражающие государственную точку зрения, понятие социальной безопасности, подразумевает, что все социальные группы государства должны быть защищены от внешних и внутренних угроз, в том числе угроз, связанных с неустойчивым социальным развитием, кризисами, различными видами дискриминации и т.д. [2] Однако, как пишет Н. Н. Рыбалкин, в данных работах, также как и в законодательных актах и принятых на уровне федерального правительства сохраняется противоречие в отношении трактовки безопасности, которая несмотря на очевидные изменения в значении, сохраняет такое понимание безопасности, в котором преобладают интересы государственного или национального уровня [16]. Однако помимо этой группы в условиях современной России все больше количество исследователей безопасности анализируют эту проблему в широком комплексе социальных явлений и указывают, что состояние системы безопасности должно зависеть не только от государственной или национальной политики, но и от множества иных факторов, куда входит влияние экономики, культуры, общества, духовности, уровня подготовки вооруженных сил и многое другое [5].

Системный подход к исследованию проблемы безопасности сегодня разрабатывают В. П. Давыдов, А. А. Прохожев, В. Л. Манилов [8], использующие

при анализе указанных проблем системный подход, который позволяет оценить весь спектр угроз стране, общественным группам, каждой личности и сконцентрироваться на решении наиболее уязвимых проблем, максимально эффективно используя имеющиеся ресурсы. Основное внимание представителей системного подхода занимает проблема сохранения целостности общественной системы в условиях внешних и внутренних вызовов, неизбежно сопровождающих развитие многих стран, государств, общественных групп, но не являющихся причиной прекращения их успешного функционирования [4].

Развивает идеи системного подхода тесно связанный с ним деятельности подход, содержание и критика которого раскрыто Р. К. Лавриненко и А. И. Воскобоевым [7], указывающими, что безопасностью должно считаться, не состояние защищенности, а процесс создания внешних и внутренних условий, при которых личность и общество могли бы реализовать свои цели, задачи, вести достойный образ жизни.

Важно отметить, что точка зрения, формируемая системным и деятельностным подходом, дает очень широкое представление о предметной области теории безопасности именно как социальной системе, однако и это понимание не является безупречным. Причиной критики системного подхода, отраженной в трудах А. И. Позднякова [13], является его претензия на объективность и всеохватность суждений, в то время, как применение этого подхода зачастую проводится без учета представлений о том, что понятия о стабильности и опасности носят условный и конструируемый характер. В частности, разных условиях, для каких-то социальных систем сохранение стабильности и целостности может быть опасным, в то время, как оказываемое деструктивное влияние – благом. Поэтому данный автор предлагает использовать в современных исследованиях безопасности

аксиологический подход, предполагающий применение систем ценностных координат, раскрывающих каждый конкретный случай в контексте его индивидуальных особенностей [3].

Аксиологический подход, согласно мнению А. И. Позднякова, сегодня является одним из наиболее эффективных методов анализа проблем безопасности. По его мнению, введение в анализ понятия «ценности» помогает доказательно показывать уровень приносимого объекту безопасности ущерба, выводиться из этих показателей степень угроз, и наконец, определять возможность достижения состояния безопасности [13]. Отличительной характеристикой данного подхода является его стремление обосновать, что «ущербом», приносимым объектам безопасности необходимо считать не только материальные, но и духовные ценности, включая ценности общественной морали, национальной религии, искусства, культуры, морально-психологического состояния народа и т.д. Ущерб, наносимый духовным ценностям, представляет в данной концепции небезразличное народу, общественному сознанию, деструктивные действия направленные не только на их уничтожение, но и дискредитацию, что именуется опосредованным ущербом [19]. Содержание идей аксиологического подхода раскрывает А. Н. Куковский, по мнению которого в последние годы, когда произошло существенное обострение отношений с западным миром, противопоставление ценностных, мировоззренческих систем стало очень актуальным. Он использует данный подход для указания на возможность причинения ущерба национальным российским ценностям, таким как религия, традиции, общественные устои [6].

Однако на наш взгляд трудность представляет определение критериев ущерба, который как предполагается, может быть нанесен духовным ценностям, так как сами они не имеют конкретной цены. Кроме этого, среди ученых, как отмечает сам А. Н. Поздняков,

имеется осознание того, что в реальном социальном дискурсе не существует нулевых значений для безопасности любых типов духовных ценностей, которые обсуждаются, критикуются, трансформируются в результате общественного развития и социальной практики [13]. Введение понятия «порога значимости ущерба» здесь, на наш взгляд не может универсальным решением, так как определяет лишь количественные, а не качественные параметры, зависящие только от конкретного случая и субъективной оценки, даваемой ему.

Таким образом, данный подход, также как другие, подходы к пониманию сущности и сути этого феномена, распространенные в отечественной науке, основывается на идеях, обосновывающих результативность стратегий реагирования на возникающие угрозы для российского государства и не способны отразить необходимость всеобъемлющего стратегического целеполагания, охватывающего сферу социально-экономического развития общественной системы [21].

В то же время внедрение системных мер, основанных на целостной политике, связанной с обеспечением социальной безопасности, наталкивается на ряд трудностей, истоком которых является недостаточная проработанность методологических и теоретических подходов к проблеме обеспечения общества и личности.

Это объясняется тем, что в российской науке отсутствует единое понимание того, что можно считать основополагающими общественными ценностями, интересами и целями. Кроме этого, отсутствует согласие по вопросам о ценностях и целях между российскими регионами и центром. При этом фиксируется огромная разница между пониманием смысла безопасности на федеральном и региональном уровнях, между различными социальными слоями и группами [9]. Здесь очевидно, что коренной причиной этих различий является то, что безопасность, по сути, явля-

ется проблемой каждой отдельной личности. Только безопасность личности может стать фундаментом безопасности общества и государства, представляющих собой единую социальную структуру. Однако это состояние возможно обеспечить только отказавшись от стратегии противодействия всем типам угроз и вызовов, и нацелившись на реализацию широкой программы создания условий для совместного развития социальной системы, включающей личность, общество и государство, находящиеся в условиях непрерывного развертывания вызовов и угроз.

Необходимо указать, что все существующие на сегодняшний день в российской науке подходы к исследованию безопасности по-прежнему объединяет убеждение о том, что субъектом безопасности продолжает оставаться государство, которое берет на себя обязанности защиты граждан от внешних и внутренних угроз с учетом широкого комплекса политических, экономических, военных, культурных, духовных факторов и ценностных оценок, которые не выходят за рамки критического рассмотрения самой государственной политики безопасности [22].

Отсюда вытекает, что по отношению к нормативному идеалу «состояния защищенности», которое рассматривается в отечественных концепциях безопасности, только частично применимым идеал западной философии, касающийся обеспечения социальной безопасности. Это происходит потому, что парадигма отечественного понимания данного состояния остается в рамках модели социально-государственного взаимодействия, построенного на принципах, так называемой разумной достаточности, подчиняющей оценку состояния безопасности каждого из социальных субъектов интересам устойчивого существования в рамках государственного единства. Данный принцип, оправдываемый отечественными исследователями, обосновывает необходимость сохранения состояния защищенности

во имя общих задач, стоящих перед государством в ущерб интересам каждого из субъектов всей социальной системы. Надо сказать, что этот принцип подвергается многочисленной критике со стороны экспертного сообщества, указывающего на неэффективность и ущербность современных подходов анализу, обоснованию и оценке подходов к безопасности на уровне личности, общества и государства, которые так и не приобрели статус системы социальной безопасности [10]. С точки зрения критики не совсем ясной выглядит понятие «защищенность», которая не указывает ни на проблемы объекта безопасности, ни на наличие угроз ему или его состоянию. Данная беспредметность делает состояние защиты самоцелью без учета интересов тех субъектов, во имя которых воздвигается система защиты, таким образом, происходит обоснование односторонней системы защиты, которая не подразумевает обратной связи между государством и социальными институтами, которые собираются защищать государство, что ведет к неэффективности современных мер защиты и необходимости поиска новых путей обоснования необходимости указанной защиты, нового определения ее содержания и сущности.

Таким образом, несмотря на то, что достижения отечественных исследований, оказывают существенный вклад в развитие теории безопасности, представленные в современной российской науке концепции безопасности не в полной мере отражают развитие методологии исследований безопасности в мировой философии, где получили хождение такие концепции, как «политический реализм» и теория «мирового сообщества», разрабатываемые такими исследователями, как Ратцель, Х. Маккиндер, Г. Моргентау [23], и поэтому не могут предложить качественно новых решений тех проблем, которые на сегодняшний день стоят перед российским обществом, перерабатывая вариант в рамках которого государство берет на себя ре-

шение проблем безопасности, личности, общества, нации, народа, однако не собирается учитывать их представления о необходимом для них качественном состоянии безопасности. Поэтому на сегодняшний день в России продолжает ощущаться необходимость трансформации политики, основанной на применении средств защиты от внешних и внутренних угроз к реализации программы, нацеленной на со-развитие социальной системы, включающей личность, общество и государство для чего необходимо обоснование стратегических целей всех участников социального процесса и последующий учет выполнения задач, направленных на сохранение их безопасности.

В контексте этого взгляда мы можем указать, на то, что любое государство, конструирует свою систему ценностей, которые могут восприниматься в качестве государственных, национальных, экономических, политических, культурных, духовных и т.д. интересов. На основе этой системы ценностей государства осуществляют свою внешнюю и внутреннюю политику, направленную на их защиту. В то же время, системы ценностей одних государств, могут восприниматься как угроза для систем ценностей других государств и сообществ, конструирующих политику, направленную на защиту собственных интересов. Ключевым понятием теории безопасности в контексте данного типа философствования становится социальная безопасность, включающая представления о безопасности всех субъектов, составляющих структуру российского общества. Именно это понятие объединяет различные виды безопасности, обсуждаемые в современной российской литературе, включая государственную, политическую, экономическую, национальную, культурную, религиозную и др. типы безопасности.

Таким образом, анализ современных проблем безопасности человека, общества и государства, в рамках концепций безопасности современной российской науки, показал необходимость

переосмысления современных проблем безопасности в рамках теоретических подходов, предполагающих рассмотрение проблем социальной безопасности, что является стратегической необходимостью для обществ и стран, находящихся в условиях влияния процессов глобализации, порождающих условия для формирования многополярности современной мировой политической и экономической системы, когда каждый из социальных субъектов начинает восприниматься и выступать в качестве носителя собственных представлений и ценностей безопасности.

Литература

1. Демченко С. В. Концептуальные основы теории национальной безопасности и их трансформация в начале XXI столетия // Политология: актуальные аспекты. 2013. № 1. С. 87-01.
2. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона // автореф. дисс. докт. филос. наук: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
3. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.
4. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69). С. 10-15.
5. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27-33.
6. Куковский А. Н. Аксиологический подход к национальной безопасности в Российской Федерации // Научный Вестник Волгоградского филиала РАНХИГС. 2015. № 2. С. 35-38.
7. Лавриненко Р. К. , Воскобоев А. И. Современные подходы к исследованию безопасности личности // Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной

безопасности. 2017 № 4 (83). С. 171-176.

8. Манилов В.Л. Теория и практика организации системы обеспечения национальной безопасности России: дисс. ... д-ра полит. наук : 22.00.05. Москва, 1995. 366 с.

9. Мареева С. В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций а массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365-385.

10. Маслова М. В. Риски гуманитарной безопасности российского общества // Педагогическое образование и наука. 2012. № 2. С. 28-31.

11. Неверов А. Я. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации как политический приоритет // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 88-93.

12. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Алгоритм, 2004. 640 с.

13. Поздняков А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. 2 (210). 46-52.

14. Прохожев А. А. Новые концепции безопасности в связи с современными концепциями развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. N 1(2). С. 8-12.

15. Редкоус В.М. Некоторые вопросы совершенствования Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8. С. 14–15.

16. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности: Учебное пособие. М.:МПСИ, 2006.

17. Сергунин А. А., Субботин С. В. В поисках «мирового порядка» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 6. С. 186-196.

18. Степашин С. В. Государственный аудит и экономика будущего. М: Наука, 2008. 608 с.

19. Сыроваткин А. Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных

движений на духовную безопасность современного российского общества: автореферат дисс. канд. филос. н: 09.00.11. Пятигорск, 2013. 23 с.

20. Куковский Государство как основной субъект обеспечения национальной безопасности: механизм реализации // Вестник ЮУрГУ, № 29, 2012. С. 16-21.

21. Zhukov A., Beryukevich T., Zakharova E., Gombueva M. Impact of social myths on the construction of German identity in Russian polyethnic region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. № 42. С. 104239.

22. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Methodological features of study and development of «ethnic culture» images in China // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. T. 11. № 5. С. 1321-1330.

23. Morgenthau H.J. Politics among nation. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Knopf, 1984. 489 p.

Modern problems of formation of the discourse of the philosophy of social security

Kononov S.V.

Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky

The article is devoted to the analysis of the problems of the formation of a modern discourse of social security in the framework of a philosophical discussion of the processes of transformation of the vector of formation of state security policy. The task of the article, according to the author, is to present the problem of security in conditions when it ceases to be understood, as a concept associated with the idea of preserving the integrity of a state or nation, enters as a phenomenon with the broadest possible social parameters. Using the methodology of phenomenological, hermeneutic and comparative analysis, the author analyzes new areas of security research, the common difference of which is social and personal orientation. The author analyzes the features of the methodology of works reflecting the point of view of the modern state, works related to the development of a systematic approach to security, works based on an axiological approach and concludes that, despite the expansion of interpretations of security, all these approaches retain a common ideological foundation, presupposing the need to preserve the leading role of the state in the field of social security, including the security of the individual and society and the state. All these approaches are based on the policy of responding to emerging threats to the Russian state and do not reflect the needs of a comprehensive strategic goal-setting covering the sphere of socio-economic development of the

social system. This circumstance, according to the author, leads to the formation of a security strategy that exists only in the name of protecting the state and does not imply feedback between the state and the social institutions that the state is going to protect, which leads to the ineffectiveness of modern protection measures and the need to find new ways to justify the need for this protection, a new definition of its content and essence.

Key words: State, society, security, social security, modern protection measures, personal security, public security, state security.

References

1. Demchenko SV Conceptual foundations of the theory of national security and their transformation at the beginning of the XXI century // *Political science: actual aspects*. 2013. No. 1. S. 87-01.
2. Zhukov AV Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region // author. diss. doct. Philos. Sciences: 09.00.14. Chita, 2011.45 p.
3. Zhukov AV Religiousness, subjectivism and construction of concepts of a religious personality // *Bulletin of the Chita State University*. 2010. No. 2 (59). S. 129-136.
4. Zhukov A. V. Traditional folk religiosity and the problem of "dual faith" // *Bulletin of the Chita State University*. 2011. No. 2 (69). S. 10-15.
5. Zhukov AV Formation of a religious-mythological worldview and myths about religiosity // *Bulletin of the Chita State University*. 2010. No. 3 (60). S. 27-33.
6. Kukovskiy AN Axiological approach to national security in the Russian Federation // *Scientific Bulletin of the Volgograd branch of RANHIGS*. 2015. No. 2. S. 35-38.
7. Lavrinenko RK, Voskoboev AI Modern approaches to the study of personal security // *Problems of combating extremism and terrorism, ensuring national security*. 2017 No. 4 (83). S. 171-176.
8. Manilov V.L. Theory and practice of organizing the system of ensuring the national security of Russia: diss. ... Dr. watered. Sciences: 22.00.05. Moscow, 1995.366 p.
9. Mareeva SV Life chances of residents of capitals and provinces in the mass consciousness // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2018. No. 6. P. 365-385.
10. Maslova MV Risks of humanitarian security of the Russian society // *Pedagogical education and science*. 2012. No. 2. S. 28-31.
11. Neverov A. Ya. National security strategy of the Russian Federation as a political priority // *Society and power*. 2016. No. 6 (62). S. 88-93.
12. Panarin AS Strategic instability in the XXI century. M.: Algorithm, 2004.640 p.
13. Pozdnyakov AI Comparative analysis of the main methodological approaches to the construction of the theory of national security // *National interests: priorities and security*. 2013.2 (210). 46-52.
14. Prokhozhev AA New security concepts in connection with modern development concepts // *Srednerusskiy Vestnik of Social Sciences*. 2007. N 1 (2). S. 8-12.
15. Redkous V.M. Some issues of improving the National Security Strategy of the Russian Federation // *Law and State: theory and practice*. 2009. No. 8. P. 14–15.
16. Rybalkin N.N. Safety Philosophy: A Study Guide. M.: MPSI, 2006.
17. Sergunin A. A., Subbotin S. V. In search of "world order" // *National interests: priorities and security*. 2016. No. 6. S. 186-196.
18. Stepashin S. V. State audit and the economy of the future. M: Nauka, 2008. 608 p.
19. Syrovatkin A. N. The destructive influence of non-traditional religious movements on the spiritual security of modern Russian society: abstract of thesis. Cand. Philos. n: 09.00.11. Pyatigorsk, 2013.23 p.
20. Kukovsky State as the main subject of national security: implementation mechanism // *Bulletin of SUSU*, No. 29, 2012. P. 16-21.
21. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of social myths on the construction of German identity in Russian polyethnic region // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016.Vol. 9, No. 42, p. 104239.
22. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Methodological features of study and development of "ethnic culture" images in China // *International Electronic Journal of Mathematics Education*. 2016.Vol. 11.No. 5.P. 1321-1330.
23. Morgenthau H.J. Politics among nation. The Struggle for Power and Peace. N.Y. : Knopf, 1984.489 p.

Технологизация против технократизации городов: технологические гиганты и муниципальное управление

Костина Алина Олеговна

кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Институт философии РАН, akostina@mail.ru

Технологическое развитие городов является не только основой для разнообразия городского опыта среди горожан, но основанием для изменения существующих систем городского управления. Внешняя технологизация практик несет в себе их внутреннюю технократизацию. Механизмы технократического управления, приводимые в действие, становятся угрозой делиберативной политике, а значит, и гражданскому участию в процессах городского управления. Переход от политического управления к технократическому кроет в себе ограничение возможного набора вариантов стратегий гражданского влияния. Внешне презентуемый в качестве свободы участия в жизни городов посредством «умных» технологий, в действительности данный метод является способом увеличения цифрового неравенства горожан. Непрерывность городского опыта ставится в прямую зависимость от интеграции в цифровую реальность города. Ряд социальных слоев, не вписанных в гибридное городское существование, теряет возможность волеизъявления, а значит, принимает роль наиболее уязвимой категории, подвергаемой дополнительному общественному давлению. В статье рассматриваются вопросы участия компаний-техногигантов в трансформации городских практик администрирования, наряду с анализом последствий технократического управления для гражданского участия в городских процессах и новым пересмотром роли экспертизы.

Ключевые слова: технократия, технология, городские исследования, цифровизация, муниципальное управление, урбанизм, экспертиза, технологические гиганты

В современных городах ярко проявляется два направления развития городской рациональности, одно из которых связано с технологизацией и улучшением инфраструктуры, второе – с продвижением гражданских инициатив. Активное внедрение обоих направлений стало элементами продвинутой модели городского развития. Непрерывность городской коммуникации, поддерживаемая инфраструктурой, наряду с возможностью высказать свое мнение по вопросу изменений городского пространства, надежно встроились в ежедневные практики большинства развитых метрополисов. Однако развитие технологий и их внедрение в городскую жизнь имеет ряд спорных моментов и все чаще ставит вопрос о праве на частную жизнь и защиту личных данных. При детальном рассмотрении становится ясно, что возникающие сегодня проблемы – прогнозируемые последствия усложняющегося технологического мира современных городов.

Развитие технологий как основной процесс, связанный со становлением информационного общества, сделало кодификацию информации и ее использование экономическими важными явлениями. «Big data» превратились в источник процветания и основной двигатель финансового сектора, с одной стороны, источник депривации – с другой. Функционирование служб, предоставляющих сервисы, стало неразрывно связано с использованием медиаторов в виде технологических устройств с определенным программным обеспечением. Технологизация сделала многие рутинные практики легче. Однако использование почти любого сервиса связано с

предоставлением согласия на использование персональных данных. Плата за сервис со стороны потребителей становится лишь частью того, что получает компания, приобретающая право на обработку данных. Обработка в большинстве случаев имеет систематический характер. «Включенность» или изолированность от технологических систем при этом становятся условиями разнопланового городского опыта. В первом случае – континуального, относительно беспроблемного с технической стороны. При этом горожанин, подписывая соглашение на обработку данных, встраивается в систему практик, незащищенных и прозрачных перед лицом бизнеса.

Формально законодательные акты, направленные на защиту личных данных призваны обезопасить граждан и защитить их информацию от коммерческого использования. Однако сам городской опыт при отказе от технологий становится фрагментированным. Даже физическое перемещение в пространстве города зависит от технологической «включенности» горожанина. Высокая степень развития технологии является последним аргументом в пользу необходимости ее использования в общественной сфере, даже если при этом происходит нарушение гражданских прав. Возникает тенденция, в которой технологии, использованные с целью улучшения опыта и создания безбарьерной среды, сами становятся препятствием для ее развития.

Особенно рельефно, если не карикатурно, это проявляется в городах, где расположены штаб-квартиры технологических гигантов. В городах Силиконовой долины вопрос расширения бизнеса наталкивается на активное противодействие местных властей, которые призывают компании делать пропорциональные вложения в развитие городской среды, а также выступают за введение «head tax» – налога на найм новых служащих. Возможно, могло бы обойтись и без подобных инициатив со

стороны местных властей, однако возросшая нагрузка на регион приводит к повышенной загруженности дорог и постоянному повышению стоимости покупки и аренды жилья. Парадоксально, но активно продвигаемые идеалы технологической оптимизации не работают в центрах, где эти идеи создаются. Вопрос «встраивания» технорациональности в стратегии урбанистической рациональности остается проблематичным.

Необходимо заметить, что рациональность, воплощенная в идеях технократического управления (в частности городского) имеет две линии реализации: первая связана с институтом экспертизы, вторая – с непосредственно технологическим развитием. Рациональность как эталон европейской мысли не смогла не наложить отпечаток на идеалы городского устройства. Целью «рационального проекта» быть «спасение общественной политики от иррациональности и пренебрежения. Вместо проводилось стимулирование политики рациональных, аналитических и научных методов» [6, p.9].

Техническая рациональность в определенный момент стала играть чрезвычайную роль в городском управлении. Рациональность и институт экспертизы стали синонимами технократии. «Технократия в классическом политическом представлении относится к системе управления, в которой технически натренированные эксперты занимаются управлением, исходя из своего специализированного знания и позиций в доминирующих политических и экономических институциях» [5, цитир. по 1, p.17]. Классическое определение в рамках городских исследований также следует дополнить, включив, наряду с деятельностью экспертов и технологические инструменты (и в целом всю технологическую инфраструктуру), находящиеся в их распоряжении.

Как выглядит технократизация городов, то же ли это самое, что и их технологизация? В качестве ответа можно сказать, что последняя находится в ин-

струментальном подчинении по отношению к первой. В самом широком смысле технократическое управление противопоставляется представлениям о политическом управлении. Главным для него является разработка методов по оптимизации и деполитизации общественных процессов. Они должны быть рациональны и направлены на достижение исключительно прагматичных интересов. Синонимами такого управления становятся эффективность и специализированность. В городе это эффективность перемещения, использования городского пространства, утилизации отходов и т.д. При этом решения данных вопросов носят исключительно технический характер. Технократическое устройство – это модель, где, по данному выше определению гражданское участие ограничено, а все участвующие должны быть экспертами. Технократия – это не движение и не политическая модель. Ее с трудом удастся локализовать, ибо она не встраивается в привычные политические категории, не является движением и глубоко связана с техническими бюрократическими процедурами.

Технократическое городское управление становится противоположностью делиберативному подходу. То есть тому, за что общественные защитники начали движение в 1960-х – за право голоса, за посредничество адвокатов горожан, выразивших их мнение по масштабным городским изменениям перед лицом специалистов по городскому планированию. Если обозначить это в целом – за попытки демократического волеизъявления. Технократический проект не может быть демократическим. «Даже когда делиберативное управление изменениями возможно, сам шанс воспринимается в контексте рискованных, потенциально дестабилизирующих последствий» [1, р.15].

Сторонники технократического подхода стремятся к принципиальной стабилизации системы. При этом арсеналом для них становятся технические

средства, которыми можно «все исправить» (что является одной из форм солюционизма). С точки зрения городских исследований, попытки технических исправлений проблем, связанных со сложными системными взаимодействиями различных общественных групп, редко приводили к успеху. Каждый раз при разрешении городских конфликтов технологический подход к решению проблем показывает свою ограниченность. В то же самое время, подход не теряет своей актуальности. Проанализируем причины его высокой жизнеспособности.

Идеал рациональности, воплощенный в городском пространстве сохраняет свою актуальность. Все жители городов, даже не принадлежа к группе экспертов, могут высказать мнение по поводу проблем городского устройства и способов того, как их можно устранить, а плохо функционирующие системы «починить». Технократия проецирует образы ускоренной процессуальности на фоне которых классические способы принятия решений не достаточно оперативны и надежны. Представление о традиционных методах политического управления не допускает мгновенного решения вопросов, как и не гарантирует того, что слова политиков воплотятся в действия.

Однако данная ситуация не настолько монохромна, как может показаться. Ведь именно классический политический подход, активно критикуемый технократами за его неэффективность, дает возможность высказывать гражданскую позицию. То есть горожане оказываются в плену собственных идеалистических иллюзий быстрых решений технологических вопросов. Временами в этих же иллюзиях оказываются и сами сторонники технократии. В действительности мы получаем систему, лишенную баланса, в которой горожане вместо практики ответственных решений за свой город перестают доверять себе, попутно теряя навык отстаивания своих прав.

Технократическая модель управления – это, прежде всего, масштабный проект. Концептуально наиболее важной его частью, как указано выше, становится разработка методов. Но даже самый масштабный проект, а в данном случае признающий одним из своих основных принципов эффективность, ограничен в ресурсах. Именно поэтому разрабатываемые методы должны наиболее близко подходить к универсальным. Универсализацию связывают с нахождением решения или метода, который не является конфликтным по отношению к составляющим поля его воздействия. Но насколько универсальные методы применимы, когда речь идет о самых разнообразных городских пространствах?

Возникает две проблемы, одна теоретического, а другая, применимо к городскому пространству, практического свойства. Манипулирование теоретическими объектами дает также теоретические результаты действий над ними. Применение методов управления к городам, наоборот, могут быть опасны своими реальными последствиями. Так как городское пространство высоко гетерогенно, применение одних и тех же методов может раскрываться большим многообразием реализаций на различных территориях. Если также учитывать фактор времени, то в разные моменты темпоральности городов не только отличаются в зависимости от пространства, но и самого момента, в который методы городского управления применяются. Именно поэтому от больших компаний, функционирующих на территориях крупных городов, поступают запросы и предложения по «деполитизации» практик управления. Законодательство, сильно варьирующееся не только на территории разных стран, но и регионально в пределах одной страны, становятся значительным препятствием в реализации кампаний, аполитизирующих технорациональность. Однако такой подход вовсе не указывает на высокий ресурс применяемой к

полю стратегии, а скорее на его значительную ограниченность.

Принципы технократии подводят к определению данного проекта как «аполитичного». С этим связан и тезис о том, что именно технократия стала ответом и альтернативой многим недостаткам политического управления. Среди основных моментов критики говорится о необходимости переопределения задач в прагматичной терминологии. Задачи, определенные в политических терминах не обладают достаточной ясностью, а значит, и не подразумевают в себе пути решения. Терминология должна быть упрощена и соотнесена с достижением конкретных целей. Таким образом, исчезнет размытость и излишняя риторичность, наряду с идеологическими критериями, также критикуемыми технократами. Очевидной проблемой такого подхода как способа городского управления становится отрицание существования социальных и политических конфликтов, не вписывающихся в код (больше об этом в Fischer, 1990). Потому что в системе, где приоритетной задачей становится эффективность, не может идти речь о конфликтах с ней не связанных.

Технократический проект находит две области реализации. Это и попытка внедрения в системы городского управления, и стратегия бизнес структур по завоеванию рынка. Гражданское же общество оказывается в безальтернативном положении, где лишь для немногих следование принципиальной позиции, в обмен на массу неудобств городской навигации, становится возможным.

Еще одним чрезвычайно важным моментом становится то, что технократия как проект, в основе которого лежит профессиональная экспертиза, не может также придерживаться взглядов делиберативной политики. Однако именно делиберативный процесс стал корневым, особо значимым фактором для современного открытого и свободного города. Попытки интегрировать две глубоко противоречивые программы мы видим в иници-

ативах, ассоциирующихся с «умным городом»: программы активного гражданского участия, «умного голосования» и т.д. Активное развитие технократических методов, настроенных на избегание рисков приводит к тому, что выстраивание повестки и предлагаемых вариантов беспроблемно для реализации предпочтительных в рамках технократического управления программ. Гражданское участие происходит в пределах той делиберативной рамки, которую задает экспертное сообщество – то есть выбор осуществляется только на основании вариантов, каждый из которых встраивается в возможную технократическую перспективу.

Городское общество с его многообразием позиций – крайне неблагоприятные «изначальные данные» для технократического проекта. То есть, идеалы открытого общества становятся тем «противником», неприязнь к которому приходится скрывать, как и свои притязания на власть – одно из главных понятий столь враждебного политического словаря. Более того, «хотя технократия – это система управления, она не должна таковой казаться» [1, р.31]. Стремление уйти от использования политических категорий, приоритет методов анализа, претендующих на объективные результаты, не отрицает при этом политизации экспертизы и глубокой соревновательной борьбы между альтернативными методологиями разных технократических моделей.

Нельзя сказать, что технократический или технорациональный проект – это изобретение последних дней. Как утверждает Д. Стоун, «прогрессивные реформаторы искали способы проводить более научную и менее политическую линию управления, исключая членов из законодательных выборных органов и делегируя их права экспертным комиссиям и профессиональным городским управленцам [6, р.9]. Происходило это уже в начале XX века (Прогрессивная партия США была образована в 1916 году). При этом саморепрезентация сторонников

технократии как «аполитического» проекта подвергается критике. Так, Жан Мейно утверждает, что «когда эксперт становится технократом, он становится политическим», «технократ занимается политикой» [цитир. по 4, р. 657]. Проблемой исследования становятся технократические взгляды на управление, временами принимаемые за беспартийные.

Несмотря на все стремления технократов находиться в оппозиции классическим представлениям о политическом управлении и предпринимать попытки по искоренению политического уклада, зачастую именно внедрение технократов в органы государственного и местного самоуправления приводит к спасению и стабилизации политической системы в ее привычном понимании. Далее мы увидим, как технократы выступают не в качестве самостоятельного актора, но инструмента достижения целей в рамках классической политической системы управления.

Так, ряд исследователей [4,7] соглашаются в том, что технократически управляемые правительства появляются при определенных политических условиях/ситуациях. Первая из которых связана с политическими скандалами: «у скандалов есть потенциал изменять предпочтения партий: нежели оставаться во власти, лучше делегировать управление технократам на некоторое время, восстановить благонадежность и потерянный капитал доверия» [7, pp.5-6]. Таким образом, технократы-управленцы становятся не отдельной самостоятельной силой, но инструментом, способом партийных политиков «избежать пули», вины за экономические проблемы и непопулярные реформы.

Вторая ситуация внедрения технократического управления это периоды глубоких кризисов. Экономические кризисы увеличивают вероятность формирования технократически управляемого правительства.

«Эксперты-технократы» в качестве специалистов центральных банков, ми-

нистров финансов и премьер-министров становятся основанием для доверия со стороны рынка и голосующих [8].

Таким образом, мы наблюдаем всю сложность и неоднозначность в определении роли технократического управления на всех уровнях. Конечно, приведенные выше две гипотезы могут с легкостью быть транслированы на уровень городской реальности. Само отношение горожан как к традиционной системе управления, так и ее экспертной версии может быть довольно противоречивым. Но, в конце концов, критерием оценки всегда становится качество проживания в городе, оценка которого тоже может сильно варьироваться.

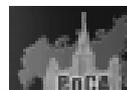
Сложность заключается в том, что сам образ технологических преобразований отсылает к футурологическим проектам, ассоциирующимся с качественно другим уровнем жизни. Однако вполне вероятно, что теневая сторона и компромиссы, на которые потенциально придется согласиться членам гражданского сообщества, не высвечены достаточно ярко и проявят себя либо в кризисных ситуациях, либо с течением времени. Каковы первые интуиции гражданской благосклонности к технократии?

Во-первых, приоритетность визуального восприятия городских преобразований. Причем, хотелось бы сказать о «расширенной» визуализации. До эпохи активного развития и внедрения «экранных» устройств масштаб понимался иначе. Он был связан с экстенсивным покрытием городских территорий, их комплексности и завершенности. Не приходится говорить о снижении актуальности такого подхода на уровне профессионалов городской застройки и архитектуры (хотя высокая плотность застройки и вынуждает также работать над «островами» и «оазисами» города, когда речь идет об озеленении территории). Однако индивидуальное восприятие подверглось сильным изменениям, особенно погрузившись в рамки и масштаб «интерфейса». Вопрос состоит в

том, сохраняется ли комплексность восприятия городских пространств, если мы постоянно занимаемся схематизацией и картографированием обширных пространства и выполняем эти действия на уровне цифрового экрана. Город «затачивает» жителей на процесс стратегического планирования и рационализации, точного расчета времени. В этом смысле рациональность города рассматривается крайне прагматично и инструментально. На урбанистических территориях проект рациональности процветает и доминирует. Притом, чем легче его визуально воспринять, тем более успешным он становится в краткосрочной перспективе.

Во-вторых, возможная объективность и равенство, которые технологии могут обеспечить.

Однако реальные практики говорят, что технологии, внедренные в город, могут приводить ровно к противоположному эффекту. При этом увеличивается социальный разрыв между жителями. Наряду с визуальным восприятием, существует еще и фактор, связанный с гражданской городской культурой. Для метрополисов, крупных многомиллионных городов ее однородность трудно достижима. Сюда приезжают сотни тысяч людей, зачастую из разных стран (речь идет о мультикультурных мировых и региональных центрах). Представления настолько разнообразны, что не всегда очевидно, в какой мере каждый отдельный горожанин считает себя частью гражданского сообщества города. Рассмотрим одно из актуальных исследований, в котором представлен вопрос технорационализации в Тель-Авиве [2]. В нем аргументировано подтверждается тезис о том, что рационализация городских процессов и их технологическое развитие требует серьезного переосмысления. Оцифровывание и трансформация города в «умный», не смоги в равной степени охватить все районы города. Не только не упростилась жизнь горожан, но также возник ряд новых проблем на «цифровом»

уровне. Исследователи раскрывают зависимость благополучия района и стремление защитить свои данные от публичного/ коммерческого использования. Чем богаче район, там выше уровень использования технологий в активной борьбе за неприкосновенность информации. В наименее благополучных районах жители просто оказываются «отрезанным» от благ «умного города». Соответственно, довольно трудно представить даже жителей двух разных районов, выступающих в защиту одних и тех же прав. Поляризация положения социальных групп зачастую приводит к маргинализации интересов некоторых из них, а возможно, и всех одновременно.

Вопрос использования личных данных долгое время обсуждается в дискуссии вокруг проблем Интернета. Когда мы включаем этого вопрос в поле городских исследований, то он получает несколько другую окраску.

Алекс Инграмс в своем исследовании [3] задает ключевой вопрос: в чем состоит общественная ценность использования big data? Если переформулировать: в чем общественная ценность государственного и коммерческого использования личных сведений граждан? В работе рассматриваются два европейских подхода к проблеме – Нидерландов и Германии. Страны выбраны не случайно – они реализуют контрастные модели охраны данных, хотя и придерживаются сходных правовых и этических позиций. Тем не менее, в Нидерландах работа агентства публичной информации в большей мере ориентирована на открытость, а в Германии, наоборот, доступ закрыт «плотной завесой» ряда юридических актов. И все же, именно гражданские интересы страдают и в первом, и во втором случаях в наибольшей мере. Если подойти к рассмотрению систем приоритетов комплексно, то ключевым результатом технократического управления становится эффективность на разных уровнях [приведенное ниже – из таблицы Table 1, 3, p.134]. На уровне управления данными

она связана со «стратегическим управлением, координирующим цели и инструменты, увеличение эффективности адаптация к политическим целям»; на уровне продуктивности: «надежное бюджетирование, интеграция персонала и финансовых систем в стимулирование производства». Гражданские права на уровне управления сводятся к целостности и законности: «децентрализация в принятии решений для создания сетевой взаимозависимости», «партнерство по обмену информацией с другими организациями неправительственного сектора», «оперирование с большей надежностью и прозрачностью». На уровне продуктивности гражданские ценности сводятся к надежности и прозрачности, немаловажными становятся участие и равенство, при этом «эти две категории могут быть причиной трения, вращающегося вокруг равенства и открытости, с одной стороны и эффективности, с другой» [3, p. 142].

Перевод городского взаимодействия в цифровое пространство приводит к внедрению строго технических характеристик эффективности. В этом смысле, несмотря на теоретические расхождения американской традиции определения технократии как у Ф. Фишера [1], или согласно европейскому подходу [4,7], технократическому проекту невозможно уйти от данного приоритета. Гражданские городские инициативы, определенные в рамках движения, а не проекта, обладают меньшей эффективностью. Это одно из отягчающих обстоятельств трудоемкого, противоречивого и неизбежно компромиссного делиберативного процесса.

Технократический подход, с одной стороны, направлен на развитие методологий в решении вопросов городского благоустройства, с другой – на гомогенизацию, нейтрализацию и деполитизацию среды, с которой пытается работать. При совершении этих попыток, однако, пользуется консервативными практиками, такими как переговоры с политическими органами, способными обеспечить нужный результат. На лицо

– инструментальная если не ограниченность, то несамостоятельность при стремлении к экстенсивным завоеваниям, в том числе, институциональным. Не стоит при этом забывать, что гетерогенность, неудобная и сложная – это как раз тот высокий идеал урбанизма, за который борются многие сторонники движения городских прав.

Как мы увидели выше – активные попытки внедрения технократического подхода производятся в сфере городского (и на более высоком уровне – государственного) управления. В то же время технологическое развитие, активно лоббирующее использование технологий в городской среде, приводит к распространению технической рациональности. Одним из самых масштабных и амбициозных проектов последних лет стало внедрение технологии блокчейн во всех общественные сферы.

Литература

1. Fischer F. *Technocracy and the Politics of Expertise*, London, Sage Publications, 1990, 387 pp.
2. Hatuka T. Zur H. Who is the 'smart' resident in the digital age? The varied profiles of users and non-users in the contemporary city // *Urban Studies*, Special issue article: Transnational gentrification, 2019, pp. 1–24.
3. Ingrams A. Public Values in the Age of Big Data: A Public Information Perspective // *Policy & Internet*, 11:2, 2019, pp. 128-148
4. McDonnell, D., & Valbruzzi, M. Defining and classifying technocrat-led and technocratic governments. *European Journal of Political Research*, 2014, 53(4), 654–671. doi:10.1111/1475-6765.12054
5. Meynaud J., *Technocracy*, New York: Free Press, 1969, 315 pp.
6. Stone D.A. *Policy Paradox: the Art of Political Decision Making*. London, New York: W.W. Norton & Company, 2012, 3ed, 408 pp.
7. Wratil, C., Pastorella, G.. Dodging the bullet: How crises trigger technocrat-led governments. *European Journal of*

Political Research, 2017, 57(2), 450–472. doi:10.1111/1475-6765.12234

8. Wehner, J.Hallerberg, M., When Do You Get Economists as Policy-Makers? (January 14, 2018), *British Journal of Political Science*, pp. 1-13, DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123417000801>

Technological versus Technocratic Development of Cities: IT Giants and Municipal Government

Kositna A.O.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Technological development is not only the basis of diverse urban experience, but also the point of transition for existing municipal governing. Technological focus of practices is solely an external representation of their implemented technocratization. The enabled mechanisms of technocratic management threaten the grounds of deliberative politics, therefore put civil participation of city management at risk. There is a possible choice elimination covered by the transition from political to technocratic governing. Represented as freedom of civil participation, in fact, the following method increases digital inequality. Continuity of urban experience is directly related to integration into the digital reality of the city. A number of social groups, excluded from the hybrid urban existence, loses the opportunity to express their will, therefore accepts the role of the most vulnerable social unity, put under additional public pressure. These are the main points analyzed in the following article, as well related to IT giants participating in transformation of municipal governing, along with the consequences of these transitions for urban civil participation and revision of expertise.

Key words: technocracy, technology, urban studies, digitalization, municipal government, urbanism, expertise, IT company

References

1. Fischer F. *Technocracy and the Politics of Expertise*, London, Sage Publications, 1990, 387 pp.
2. Hatuka T. Zur H. Who is the 'smart' resident in the digital age? The varied profiles of users and non-users in the contemporary city // *Urban Studies*, Special issue article: Transnational gentrification, 2019, pp. 1-24.
3. Ingrams A. Public Values in the Age of Big Data: A Public Information Perspective // *Policy & Internet*, 11: 2, 2019, pp. 128-148
4. McDonnell, D., & Valbruzzi, M. Defining and classifying technocrat-led and technocratic governments. *European Journal of Political Research*, 2014, 53 (4), 654–671. doi: 10.1111 / 1475-6765.12054
5. Meynaud J., *Technocracy*, New York: Free Press, 1969, 315 pp.
6. Stone D.A. *Policy Paradox: the Art of Political Decision Making*. London, New York: W.W. Norton & Company, 2012, 3ed, 408 pp.
7. Wratil, C., Pastorella, G .. Dodging the bullet: How crises trigger technocrat-led governments. *European Journal of Political Research*, 2017, 57 (2), 450–472. doi: 10.1111 / 1475-6765.12234
8. Wehner, J.Hallerberg, M., When Do You Get Economists as Policy-Makers? (January 14, 2018), *British Journal of Political Science*, pp. 1-13, DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123417000801>

Религиозная угроза как предмет социально-философского исследования

Младенов Василий Иванович соискатель кафедры философии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», mladenov.v@mail.ru

В статье проводится анализ методологии исследований проблемы религиозных угроз, ставящий целью выявления их специфики по сравнению с иными угрозами государственной и общественной безопасности. Методология представленного исследования составлена феноменологическим подходом, сравнительным подходом, историческим подходом, комплексным подходом, определяющих ход исследования, заключающийся не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии. Как доказывает автор, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают негативную реакцию. Эта реакция понуждает их предпринимать усилия, с одной стороны нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть на процесс адаптации к обществу, которое первоначально им отвергалось. В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо также как и его конкуренты трансформировать свою социальную политику.

Ключевые слова: Религиозные угрозы, религиозная безопасность, эволюция религии, религиозный конфликт, социальная адаптация религии, религиозный экстремизм, антикультизм.

Ведение. Эпоха современности характеризуется как мир, в котором взаимодействует множество религий, что создает проблему их взаимодействия. Причиной является то, что каждая из религиозных организаций, заявляя о своих исключительных правах на общение с Богом (иным миром), находится в состоянии непрерывной борьбы с другими организациями за расширение сферы своего влияния. Эта борьба, длящаяся на протяжении всей человеческой истории, сопровождается взаимным непониманием, неприятием и многочисленными обвинениями, указывающими на угрозу личности, обществу и государству со стороны религиозных оппонентов. При этом, в современном мире в связи с глобализацией мирового культурного пространства проблемы религиозного противостояния становятся все более актуальными. Этот процесс сопровождается появлением значительного количества религиозных угроз, что требует проведения социально-философского анализа данной проблемы [7]. Таким образом, основной целью исследования содержания религиозных угроз должно стать выявление их специфики по сравнению с иными угрозами государственной и общественной безопасности.

Степень исследованности темы.

Проблемы религиозных угроз анализируются Р. Д. Лифтоном, Д. Гротуисом, С. Хассеном, А. Л. Дворкиным, А. И. Хвыля-Олинтером, И. А. Тарасевичем в рамках концепции религиозной безопасности. Социально-философские концепции, позволившие сформировать базу критики данной концепции, формулировались положения М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, К. Маркса, Р. Дарендорфа, Н. Лумана, Э. Баркер, Дж.

Ричардсона, П. Тиллиха, Б. Р. Уилсона, И. Я. Кантерова, С. И. Иваненко. Методология представленного исследования составлена феноменологическим подходом, сравнительным подходом, историческим подходом, комплексным подходом.

Результаты анализа показали, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, приносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Религиозная угроза заключается в понятии об опасности влияния на верующих верования, которое приводит их к преступлениям, либо к совершению преступлений против них. Однако в последнем случае речь идет о трансцендентных ценностях, которые оцениваются субъективно, результатом чего являются противоположные оценки одним и тем же действиям традиционных, считающихся социально приемлемыми и нетрадиционных, считающихся экстремистскими религий.

Обсуждение результатов. В рамках поставленной цели важно разобраться с определением религиозной угрозы, так как анализ исторических, юридических, социологических, психологических, социально-философских публикаций, посвященных религиозной безопасности, доказывает, что понятие о религиозной угрозе представляет собой отправную точку большинства исследований этого явления. При этом некорректное определение религиозной угрозы может стать причиной ошибок в определении стратегии религиозной безопасности. В частности, понимание сущности религиозной угрозы у отечественных исследователей, расширительно трактующих религию (или виды религий), как источник общественной угрозы, существенно отличается от

юридического определения содержания понятия «угроза» [16].

Например, Стратегия национальной безопасности трактует понятие экстремизм, как социальную систему, которую составляет широкий комплекс явлений, таких как организации, идеологические положения, установки, а также практические действия граждан и социальных групп, использующих насилие, либо угрозу его применения в отношении к личности, обществу, государству, а также международным, политическим, национальным и религиозным организациям, имеющие целью изменение государственного строя, разжигание социальной вражды [13]. Из этого перечня вытекает, что религиозные организации могут представлять собой угрозу современному обществу. Однако в то же время такую же угрозу могут представлять и многие другие нерелигиозные организации, выступающие против религии или каких-либо видов религии. Таким образом, остается не ясным, чем экстремистские действия со стороны религиозных организаций отличаются от экстремистских действий со стороны любых других социальных, националистических, этнических и иных структур [3].

Поэтому сегодня среди специалистов ведутся споры относительно этого понятия. Одни пытаются обосновать ключевую роль религиозного фактора. Другие напротив полностью отрицают само это явление. Те, кто стремится обосновать такое понятие, как «религиозный экстремизм», утверждают, что его основным сущностным признаком выступает религия. К этой группе относится И. А. Тарасевич, который определил религиозную угрозу, в качестве условий и факторов, возникающих в рамках религиозного пространства и создающих возможность нанесения прямого или косвенного ущерба человеку, обществу, государству [20]. Однако, если учесть, что в современной России есть религиозная и нерелигиозная сферы, которые соотносятся условно как светскость и религиозность, то из

приведенного определения получается, что только религиозная сфера является источником угроз, с чем нельзя согласиться полностью. Дело в том, что признавая факт того, что религия представляет собой особую сферу, активно влияющую на социальную, политическую, культурную жизнь и т.д. жизнь, то необходимо признать и то, что ее воздействие не сводится только к экстремизму [9].

Большинство исследователей процессов взаимодействия между обществом и религией справедливо указывают на то, что указанная социальная система имеет различные уровни [5]. В частности, религиозные нормы в значительном количестве случаев оказывают сдерживающее влияние на поведение верующих, указывая на запретные формы поведения. С другой стороны, необходимо указать на то, что многие религиозные установки, основанные на вере в исключительность источника религиозной истины, ведут к формированию религиозного фанатизма, углублению нетерпимости, национальной розни. Таким образом, согласно ученым, обосновывающим правомерность понятия «религиозный экстремизм», религия, обладающая мощным идейным потенциалом, обладает ресурсами, способствующими возникновению социальных угроз и конфликтов [22].

Противоположная точка зрения доказывает, что «чистого религиозного экстремизма» не существует, так как за термином «религиозный экстремизм», чаще всего стоят те явления, которые на деле являются политическим, экономическим или военным экстремизмом. «Религиозный экстремизм», определяемый как деструктивная форма социальных отношений сопровождающихся агрессивной пропагандой неких религиозных ценностей, признается здесь исключительно социальным явлением, несущим угрозу, связанную, с теми противоправными действиями, которые совершают экстремистские организации, а не с теми идеями, которые содер-

жатся в их идеологии [6]. В подтверждение этой точки зрения необходимо указать на то, что любая религия, предполагающая наличие особой связи с Богом и претендующая на обладание истиной и требующая от своей паствы исполнения религиозных обязательств может быть признана экстремистской. Однако экстремистскими становятся только те религиозные организации, которые совершают реальные преступления против человека и общества [1].

Эти данные доказывают, что экстремизм является не религиозным, а социальным явлением, социальные последствия которого одинаковы вне зависимости от их религиозного или нерелигиозного источника. Эти последствия определяются содержанием целей экстремистских организаций, для которых главным является осуществление социального насилия во имя политических или экономических целей. Экстремисты могут прикрываться религиозными лозунгами, однако это не меняет их сущностного стремления к захвату власти насильственными методами. Поэтому, очевидно, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации [10]. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, приносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Этот вид угроз несет за собой реальный вред человеку и обществу и подпадает под действие уголовного законодательства. Напротив, религиозные угрозы затрагивают сферу трансцендентных ценностей, которые не фиксируются законодательством и касаются тех проблем, которые должны решаться с помощью межконфессионального диалога разных религий [15].

Отсюда можно сделать вывод о том, под религиозной угрозой необходимо понимать комплекс условий и факторов, произведенных в религиозной сфере и являющихся причиной принесения

ущерба для существующей религиозной системы, общества и религиозного спасения личности. Однако эта составляющая не отражается в юридических документах, в частности в Стратегии национальной безопасности, что делает понятие «религиозной угрозы» чем-то, что характеризует не реальный ущерб, а риторику, которая сопровождается конфликтное взаимодействие различных конфессий. Отсюда, можно прийти к выводу, что влияние религии на жизнь общества всегда оценивается очень субъективно [19].

Например, религиозная деятельность нетрадиционных религиозных объединений характеризуется представителями православия, как религиозный экстремизм, основными признаками которого считаются религиозная идеология; стремление обосновать возможность насильственных действий против оппонентов; преобладание эмоционального способа воздействия; деформация сознания людей [18]. Однако, на наш взгляд, в этих обвинениях проявляется традиционное конфессиональное представление о религиозных оппонентах, характерное для большинства религиозных организаций, которые независимо от их статуса в обществе, негативно относятся к другим конфессиям [19]. Внутренняя конкуренция в борьбе за паству перевешивает способность к принятию права на существование иных религиозных и духовных концепций. Причиной этого является религиозная идеология, наличествующая в каждой религии и отрицающая инакомыслие по отношению к проповедуемым ей догмам [23].

Это служит причиной возникновения противоречия между современным либеральным законодательством, предполагающим гарантию права свободы религиозного выбора и радикальными религиозными требованиями со стороны доминирующей в обществе религии, требующей подчинения граждан страны, права которых отходят на второй план по сравнению с навязываемыми им религиозными обязанностями.

Трудность составляет то, что в России, как светском государстве действуют законы, поддерживающие принципы свободы совести, делающие неприемлемыми религиозную нетерпимость. Поэтому понадобилось разграничение между такими понятиями, как экстремизм и вероучение, первое из которых означало насилие, а второе – абстрактные положения религиозных текстов, которые могли оправдывать насилие, однако насилием не являлись [17].

Как правило, классики религиоведения, говоря о содержании религиозных текстов, указывали на трансцендентный характер религиозных истин, что не позволяло им однозначно оценивать степень их опасности, так как предполагало признание неоднозначности их возможного влияния на общество [21]. Однако в социальной реальности проблемами религиозной безопасности, как правило, занимались не классики, а специалисты-коммуникаторы, использующие неверифицируемость представлений о религии в своих целях и распространяющих свои оценки в отношении вероучительных доктрин своих религиозных оппонентов. Они стали трактовать содержание религиозных текстов, в качестве руководства для социальной, экономической и политической деятельности и оценивать его как источник религиозной угрозы [14].

Специфика данного взгляда должна заключаться в постулировании опасности влияния на верующих особого вероучения, которое выступает в качестве мотива поведения верующих и приводит их к преступлениям, либо к совершению преступлений против них. Поэтому представления о религиозной угрозе, закрепившиеся в современном российском дискурсе, включают в себя убеждения в том, что какие-то из религиозных текстов могут содержать в себе скрытые и явные угрозы существующим порядкам и личности [24]. Вместе с этим надо учитывать, что уголовная ответственность предусматривается не за любые действия, а только за те, кото-

рые совершаются публично с обращением к определенному кругу лиц. Таким образом, не всякий религиозный текст, представляющий собой выражение нетрадиционных религиозных идей, может быть признан экстремистским, а только тот, который содержит публичные призывы к экстремизму [2].

С другой стороны, необходимо отдавать отчет в том, что многие мировые религии основаны на радикальных доктринах, содержащихся в частности в Библии и Коране, где имеются призывы, требующие применять насилие по отношению к неверным. Отсюда можно заключить, что, радикальные требования содержит любой вероисповедный текст, то есть все религии очень чувствительны к посягательствам на ценности, которые они почитают святыми. Таким образом, любая из религий, обладает таким потенциалом, который с одной стороны придает ей устойчивость к внешней агрессии, с другой, открывает возможности, благодаря которым отдельные ее представители, включая верующих, священников, отдельные организационные подразделения могли бы высказывать экстремистские идеи, а также участвовать в экстремистской деятельности. Однако важно и то, что представители экстремистских организаций, которые не являются религиозными, могут использовать в своей практике религиозные лозунги, камуфлируя политические и экономические цели [17].

Здесь важно отметить, что наличие религиозных текстов, содержащих определенные типы призывов, понимаемые как угрозы, все же представляют такую угрозу обществу, которая существует еще как возможность. То есть спецификой понятия «религиозная угроза» по сравнению с иными типами угроз является то, что предметом ее рассмотрения являются события, которые еще только должны случиться, или призывы, посредством которых религиозные тексты призывают совершить. Для практики регулирования и наказания такой тип угроз, как правило, связан

с дискурсивностью и попытками разных сторон доказать различные позиции в отношении трактовки одних и тех же деяний. Поэтому для определения степени опасности религиозного текста прибегают не только к юридической, но и к религиоведческой, филологической и психологической экспертизам, дающим научный, но часто далекий от правового, анализ степени его опасности [12].

При этом ответы на вопрос о сущности влияния религиозных текстов на общество очень разнятся между собой. Представители конфессионального религиоведения считают, что сущностью религиозного откровения, которую отражают религиозные тексты, является наличие связи с трансцендентным началом, что выявляется из их содержания путем анализа, выявляющего из соответствие догматике той или иной религии. Напротив, светское религиоведение считает религию только социальным явлением, и таким образом, в этом случае выявление религиозной угрозы заключается в анализе содержащихся в религиозных текстах призывов к осуществлению противоправных видов социального поведения [4].

Однако здесь есть определенное противоречие, которое заключается в том, что угроза, которая исходит от религий, кажется религиозной только тогда, когда она носит потенциальный характер, а при констатации уже совершенных противоправных деяний, религиозная угроза перестает быть потенциальной и становится реальным причинением ущерба. Реально причиненный ущерб, в отличие от потенциальной угрозы, как правило, носит конкретный социальный характер и определяется количеством материального вреда или вреда здоровью и жизни человека. В этом случае религиозные организации, причинившие этот вред, рассматриваются уже не как религиозные, а как экстремистские. Их вина перестает быть религиозной, таким образом, и угроза принимает социальный характер. Однако, как тогда должна фиксироваться

религиозная угроза, остающаяся в рамках текстового содержания вероучительных доктрин?

По мнению современных российских законодателей и исследователей религиозной безопасности угроза со стороны вероисповедных текстов представлена таким противоправным действием, как «оскорбление религиозных чувств верующих», которое носит религиозный, но в то же время, фиксируемый в практическом плане характер, который отражен как «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [11]. При этом, понятно, что нанесение имущественного, либо физического вреда вряд ли способно нанести ущерб «религиозным чувствам», поэтому важно определить, что такое моральный вред.

Дело в том, что в понятии о «моральной вреде» не зафиксированы конкретные последствия преступного воздействия на человека и общество, которые отражали бы наступление ущерба для религиозных чувств верующих. Не ясным является, как абстрактное понятие «религиозные чувства» вообще может испытывать какой-либо ущерб от причиненного им оскорбления. Реальная степень религиозной угрозы в области причинения морального ущерба религиозным чувствам верующих остается предметом дискурса в отношении каждого конкретного деяния и поэтому носит характер потенциальной возможности. Отсюда основной задачей борцов за религиозную безопасность традиционно является попытка убедить массовое сознание и представителей правоохранительных органов в том, что природа той или иной нетрадиционной религии носит опасный характер.

Это ставит на повестку дня проблему, связанную с обсуждением того, является ли каждая религия самостоятельным явлением, которое основывается на объективно существовавшем контакте с силами вне человеческого сознания, либо она зависит только от

социальных и психологических факторов и, таким образом, существует только в сознании верующих. Внешний наблюдатель не может ответить на этот вопрос, так как ответ скрыт от наблюдения извне. Поэтому вопросы о потенциальных угрозах религии чаще всего являются предметом дискурса, зависящего от априорных убеждений того или иного автора.

Вывод:

Таким образом, можно заключить, что каждая религия из того множества, которое можно наблюдать в границах современного конфессионального пространства, может иметь возможность связи с запредельным и спасения верующих. Поэтому светское религиоведение и социальная философия заинтересованы не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии, где рассматривается система взаимодействия религии и общества. Согласно этой теории, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают негативную реакцию. Эта реакция и связанная с ней практика преследования нетрадиционных религий оценивается в качестве инструмента социализации, который понуждает вновь возникающие религиозные объединения предпринимать усилия, с одной стороны нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть на процесс адаптации к обществу, которое первоначально им отвергалось.

В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Они участвуют в процессах адаптации, которые оцениваются в качестве объективной реальности, существующей во-

круг любой религиозной новации, появление которой вызывает ответную реакцию в виде социального неодобрения. Отвечая на это неодобрение, организация стремится к формированию своей социальной приемлемости и респектабельности. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо также, как и его конкуренты трансформировать свою социальную политику. Христианство не уходит в прошлое, однако реальность такова, что современная религиозная ситуация начинает характеризоваться все большим разнообразием, а проблема религиозной угрозы все менее и менее поддается регулированию посредством только простых запретительных акций.

Литература

1. Астэр И. В., Кучукова Н. Ю., Серов Н. В. Причины религиозного экстремизма и способы его преодоления // Современные исследования социальных проблем. 2012. №2. С. 1-14.
2. Бельский А. И. Уголовная ответственность // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 67-69.
3. Бушуева Е. С. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования: учебное пособие // Е. С. Бушуева, А. В. Жуков. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.
4. Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки / Сост. А. М. Лепихов, О.П. Мороз. М. Государственное издательство политической литературы, 1979. С. 61.
5. Добренков В. И., Радугин А. А. Методологические вопросы исследования религии: монография. М.: Высш. шк., 1989. С. 178.
6. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27-33.
7. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.
8. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 4. С. 66–71.
9. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореферат дисс. докт. филос. Н: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
10. Жуков А. В., Жукова А. А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1 (41). С. 54-58.
11. Закон о защите чувств верующих с точки зрения юриста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsad.ru/articles/zakon-o-zashhite-chuvstv-veruyushhih-s-tochki-zreniya-ateista>) (Дата обращения: 04.03.2020).
12. Загребина И. В. К вопросу о государственной религиоведческой экспертизе // Вестник Приволжской академии государственной службы. 2010. № 3 (24). С. 73-77.
13. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.kremlin.ru> (Дата обращения: 24.02.2020).
14. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 52.
15. Прокудина Н. В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 75-82.

16. Рузевич О. Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 644-650.

17. Светский Е. В. Россия светское, демократическое государство // Публичное и частное право. 2014. № 4(24). С. 68-87.

18. Слобожникова В. С. Концептуализация угроз религиозной безопасности исследовательских практик современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131) С. 255-261.

19. Социология: концепции, отраслевые теории и методика прикладного исследования: учебное пособие // В. Г. За-рубин (ред). СПб: Легион-М, 2013. Вып. 3.511 с.

20. Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дисс. д-ра юр. наук: 12.00.02. Тюмень, 2015. 376 с.

21. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб: Алетейя, 1994. 432 с.

22. Яворский М.А. Причины и условия проявления религиозного экстремизма в современной России // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 10-13.

23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 42. С. 104239.

24. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. Т. 11. № 5. С. 1321-1330.

A religious threat as a subject of social-philosophical research
Mladenov V.I.

Transbaikal State University

The article analyzes the research methodology of the problem of religious threats, aiming to identify their specificity in comparison with other threats to state and public security. Methodology the presented study is composed of a phenomenological approach, comparative approach, historical approach, comprehensive approach, determine the course of the study, which consists not in

exposing the threat to the public manifestations of religion, and in the development of the theory of social adaptation of religion. As the author argues, emerging religion by trying to spread its influence in society cause a negative reaction. This reaction compels them to make efforts, on the one hand aims to protect their rights, on the other – aimed at the transformation of the original own institutional, ideological and strategic installations, that is, the process of adaptation to the society that originally rejected them. The result of this interaction initially pursued in society, religious associations form an atmosphere of tolerance and become equal participants in social discourse. It is important that this process of generating new players in the social space influences traditional religions, who are forced either to make room in the market of spirituality, or as well as its competitors to transform their social policies.

Key words: Religious threats to religious security, the evolution of religion, religious conflict, social adaptation of religion, religious extremism, antisemitism.

References

1. Aster IV, Kuchukova N. Yu., Serov NV Causes of religious extremism and ways of overcoming it // Modern studies of social problems. 2012. No. 2. S. 1-14.
2. Belsky A. I. Criminal responsibility // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2. S. 67-69.
3. Bushueva ES Socio-cultural environment of Transbaikalia: specificity of formation: a textbook // ES Bushueva, AV Zhukov. Chita: ZabGU, 2012.170 p.
4. Dialogues: polemical articles on the possible consequences of the development of modern science / Comp. A. M. Lepikhov, O. P. Frost. M. State Publishing House of Political Literature, 1979, p. 61.
5. Dobrenkov V. I., Radugin A. A. Methodological issues in the study of religion: monograph. M.: Higher. shk., 1989.S. 178.
6. Zhukov AV Formation of a religious-mythological worldview and myths about religiosity // Bulletin of the Chita State University. 2010. No. 3 (60). S. 27-33.
7. Zhukov AV Religiousness, subjectivism and construction of the concepts of a religious personality // Bulletin of the Chita State University. 2010. No. 2 (59). S. 129-136.
8. Zhukov AV Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017. No. 12. Part 4. P. 66–71.
9. Zhukov A. V. Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract of thesis. doct. Philos. H: 09.00.14. Chita, 2011.45 p.
10. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Causes and factors of the emergence and spread of mythological images of China among the population of Transbaikalia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 3-1 (41). S. 54-58.

11. The law on the protection of the feelings of believers from the point of view of a lawyer [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nsad.ru/articles/zakon-o-zashhite-chuvstv-veruyushhih-s-tochki-zreniya-ateista> (Date of access: 03/04/2020).
12. Zagrebina IV On the issue of the state religious examination // Bulletin of the Volga Academy of State Service. 2010. No. 3 (24). S. 73-77.
13. The concept of public safety in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation) [Electronic resource]. Access mode: // <http://www.kremlin.ru> (date of access: 24.02.2020).
14. Luhmann N. Power. M.: Praxis, 2001. S. 52.
15. Prokudina NV Religious aspect of national security in modern Russia // MagistraVitae: electronic journal on historical sciences and archeology. 2017. No. 1. S. 75-82.
16. Ruzevich OR Features of the legislative regulation of the threat in the criminal law of Russia and foreign countries // Legal technology. 2015. No. 9. S. 644-650.
17. Secular E. V. Russia is a secular, democratic state // Public and private law. 2014. No. 4 (24). S. 68-87.
18. Slobozhnikova VS Conceptualization of threats to religious security of research practices in modern Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019.No. 6 (131) S. 255-261.
19. Sociology: concepts, sectoral theories and methods of applied research: textbook // V. G. Zarubin (ed.). SPb: Legion-M, 2013. Issue. 3.511 s.
20. Tarasevich IA Constitutional and legal foundations of religious security of the Russian Federation: diss. Dr. jur. Sciences: 12.00.02. Tyumen, 2015.376 p.
21. Schleiermacher F. Speeches about religion. Monologues. Saint Petersburg: Aleteya, 1994.432 p.
22. Yavorsky M.A. Reasons and conditions for manifestations of religious extremism in modern Russia // Journal of Russian law. 2007. No. 7. S. 10-13.
23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016.Vol. 9, No. 42, p. 104239.
24. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of "Ethnic Cultures" Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016.Vol. 11.No. 5.P. 1321-1330.

Факторы развития экологических идеологий российского экологического движения: природоохранные сети и социальный капитал

Назлуханов Дмитрий Васильевич
соискатель кафедры философии гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета,
DisNDV2020@Yandex.ru

В статье анализируются доминирующие факторы развития экологических идеологий российского экологического движения, к которым относятся природоохранные сети и социальный капитал. Специфика природоохранных сетей как фактора развития экологических идеологий заключается в том, что они: одни из первых стали функционировать на международном уровне; в основе деятельности лежали и лежат проблемы, обусловленные общечеловеческими ценностями, главными из которых, являются сама жизнь, здоровье человека и окружающей среды; стали заниматься просветительской деятельностью в области экологических проблем, привлекать научное сообщество, в целях развития экологического образования и формирования экологического сознания; деятельность акторов природоохранной сети во многом географически обусловлена (специфика природы региона, особо охраняемые зоны, экологическая ситуация региона и т.д.); экологические активисты и лидеры экологических движений, обладают особыми компетенциями, которые включают в себя способность к научным исследованиям и проектной деятельности, также знание межкультурной коммуникации и владение технологиями социального действия. В природоохранной сети формируется экологический капитал как вид социального капитала, который является механизмом идеологической консолидации экологических организаций, также представляет собой совокупность знаний, навыков и социальных практик, направленных на развитие экологической культуры в российском обществе.

Ключевые слова: экологическая идеология, социальные сети, социальный капитал, природоохранные сети, экологический лидер, экологический активизм.

Экологические идеологии в современном российском обществе развиваются под влиянием различных социокультурных, экономических и политических факторов, что определяет специфику выражения идеологических интересов различных экологических организаций, также методов распространения экологического образования и формирования экологической культуры. Наиболее важными факторами интеграции в общество идеологических взглядов экологических организаций являются эффективное функционирование природоохранных сетей и их социальный капитал. Поэтому актуальным является изучение специфики природоохранных сетей, оказывающих существенное влияние на социально-политические настроения в обществе, на ценностные и мировоззренческие установки в современной социокультурной ситуации, обусловленной экологическими проблемами.

Сетевая структура современных гражданских организаций позволяет ее членам преследовать цели, связанные с реализацией общественных и личных интересов, в частности, экологических гражданских инициатив и экологических организаций. По мнению, М. Кастельса, сеть является универсальным способом структурирования социального пространства, позволяя выстраивать одновременное и гибкое взаимодействие между узлами (индивиды, сообщества) [4, с.155]. Распределение ресурсов между узлами является необходимым условием для образования и функционирования сетевого пространства. По словам М. Кастельса, все современные

общественные движения будут использовать сеть для эффективной организационной деятельности, информирования, вербовки и т.д. [4, с. 164]. Одним из ярких примеров сетевых общественных организаций, являются экологические организации, которые формируют глобальные, межрегиональные и региональные природоохранные сети. Например, к такому виду сетей относятся организации Greenpeace («Гринпис»), World Wide Fund for Nature (Всемирный фонд дикой природы), Earth First («Земля прежде всего!») и другие. В России крупными экологическими организациями, создающими региональные и межрегиональные сети, являются Социально-экологический союз, Союз охраны птиц России, Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль», Межрегиональная общественная экологическая организация «Зеленый фронт», ассоциация «Зеленый крест», Общероссийское экологическое общественное движение «Зеленая Россия» и другие.

Природоохранные сети, как правило, имеют горизонтальную организационную структуру без резко выраженной иерархии акторов, где существует система «ядер» и размытая «периферия». Такая полицентричность более функциональна, так как она менее подвержена внешним воздействиям и ускоряет процессы адаптации и обмена ресурсами. Д. Бальдассарри, М. Диани отмечают, что сетевые структуры проявляют себя на микро- и макроуровнях по-разному. Так на макроуровне сетевые структуры создают потенциал для крупномасштабной мобилизации и условия для устойчивого развития сети, например, способность противостоять внешним угрозам. На микроуровне сетевые структуры могут влиять на природу организационной взаимозависимости, поэтому определять специфику ассиметричной власти и горизонтальной солидарности [1]. Природоохранные сети построены на чувстве солидарности и имеют общие ценностно-ми-

ровоззренческие ориентиры и цели общественной деятельности. Важной характерной чертой таких сетевых структур является то, что их эффективность во многом зависит от неформальных связей и межличностных отношений между активистами. По мнению О.Н. Яницкого, «основной целевой функцией природоохранных сетей является определение условий, поддерживающих устойчивость социобиотехнических систем, сохранения природы, что является основой для формирования здоровой окружающей среды в соответствии с существующими правилами и нормативами» [6, с. 39]. Поэтому природоохранные сети, используя различные формы социальной коммуникации (включая сетевые коммуникативные технологии), мобилизуют людские и информационные ресурсы (специалисты, члены экологических организаций, население, общественное мнение о экологической проблеме и т.д.) в целях осуществления своих задач. В круг которых, входят, например, мероприятия управленческого, образовательного или культурного характера, направленные на решение конкретной экологической проблемы или на формирование экологической культуры в целом. Поэтому основными функциями природоохранных сетей, наряду с целевой функцией, являются, во-первых, мобилизационная, которая способствует объединению людей на различные временные промежутки и требует непрерывной обратной связи. Мобилизационная функция эффективно реализуется в условиях использования сетевых коммуникативных технологий. Например, О.А. Усачева отмечает, что мобилизационная функция в современном обществе реализуется с помощью информационно-коммуникативных технологий, в целях информирования общества и мобилизации ресурсов в условиях техногенной или экологической катастрофы, социально-экологического конфликта и т.п. Реализуя мобилизационную функцию, такие сети координируют деятель-

ность экологических активистов, инициативных граждан, являются консолидирующим механизмом в природоохранной деятельности, формируют и поддерживают социальный капитал [5, с. 36]. Во-вторых, образовательная функция, которая реализуется через взаимодействие с социальными структурами и населением. Такое взаимодействие подразумевает не только обучение (повышение квалификации, профессиональная переподготовка) самих экологических активистов, но и распространение экологического знания через реализацию экологических проектов (образовательные мероприятия различного масштаба, информирование о конкретной экологической ситуации, освещение в средствах массовой информации результатов экологического мониторинга и т.д.), что повышает эффективность деятельности экологического движения в целом. При осуществлении мобилизационной и образовательной функций происходит распространение идеологических взглядов среди населения, что способствует расширению и укреплению природоохранных сетей.

Одной из главных характеристик сетевых организаций является производство и сохранение внутри них социального капитала, основной характеристикой которого является то, что он способствует эффективному сотрудничеству и взаимодействию различных социальных структур, а взаимное доверие и взаимопомощь между членами сети способствуют достижению поставленных целей. В связи с тем, что природоохранная сеть представляет собой сеть солидарности людей и групп, идентифицирующих себя с целью охраны природы как общего блага, то основными ресурсами социального капитала становятся социальное доверие, экологическая культура, правовая культура, закон, ценностное отношение к природе и личности и т.д. По мнению О.Н. Яницкого, социальный капитал направлен на охрану природы и человека. Экологический капитал, который является видом социального капитала, представляет собой

«совокупность знаний, навыков и социальных практик, производящихся в социальных сетях. Это производство направлено на экологизацию общества, его экономики, политики и культуры» [7]. Социальный капитал экологических организаций (неправительственных организаций, некоммерческих организаций, организаций социального движения и т.д.) накапливается, трансформируется и расходуется в процессе функционирования. На этот процесс влияет ряд факторов, к которым относятся: динамика состава организации; ресурсы и доступ к ним; структура социальных и политических возможностей, влияющих на формирование социального капитала. Природоохранные сети объединяют не только экологов, экспертов в смежных областях (географов, почвоведов, зоологов, орнитологов, экологических юристов и психологов и т.д.), но и обычных инициативных граждан, которые выстраивают свои действия в соответствии с целевой функцией природоохранной сети. Важной отличительной чертой социального капитала природоохранных сетей является то, что его также создает местное население. Собирая «снизу» экологическое знание о конкретном месте, обычные граждане интегрируют всю необходимую информацию и способствуют формированию культуры «места» [6, с. 13].

В формировании социального капитала природоохранных сетей большую роль играет социальный активизм экологических лидеров. Экологические лидеры во многом отличаются от лидеров других социально-политических и социокультурных движений, т.к. их деятельность предполагает профессионализм во многих областях прикладного знания, междисциплинарность и межсекторальность своей деятельности, навыки работы с разными социальными субъектами (властными структурами разного уровня, бизнесом, местными общностями) [6, с. 65-66]. С.И. Давыдова выделяет гражданские и профессиональные характеристики экологического ли-

дера [2]. Во-первых, экологический лидер является «коммуникатором», владея коммуникативными и информационными компетенциями, он влияет на эффективность диалога между основными собеседниками, разрешает конфликт и определяет дальнейшее взаимодействие между социальными структурами. Создание атмосферы взаимного сотрудничества внутри коллектива, умение организовать совместную деятельность с другими экологическими организациями для реализации экологического проекта и поддержать местные гражданские инициативы, налаживать партнерские отношения с различными социальными структурами и т.д. – все это является неотъемлемыми характеристиками экологического лидера. Во-вторых, экологический лидер в основном занимает место посредника между различными гражданскими и социальными структурами. Разрешение экологических конфликтов, возникающих между властью, бизнесом, учеными и населением, требует от эколодера способности защищать интересы одних и находить компромисс с другими, поэтому лидеры экологических организаций придерживаются мирного урегулирования конфликтов. В-третьих, экологический лидер является источником и одновременно популяризатором экологического образования и просвещения. В данном контексте реализация образовательной функции является неотъемлемой частью формирования экологических проектов и в целом экологического движения. В-четвертых, экологический лидер является инициатором и координатором профессиональной деятельности. Данная характеристика лидера играет наиболее важную роль, т.к. мотивированная деятельность, направленная на сохранение природы, формирование экологических ценностей и экологической культуры являются основными задачами экологических организаций. Также приоритет общественных интересов над личными, экологическая мотивация, достижение цели ради «об-

щего блага», забота о будущих поколениях – это уникальные характеристики экологического лидера, подчеркивающие его альтруистический характер. В-пятых, эколдер является обладателем активной и инициативной жизненной позиции, что обуславливает его динамичность в работе (экспедиции, полевые исследования, экологические экспертизы, встречи с местным населением и т.д.). Важной характерной чертой любого экологического лидера является его этическая составляющая, наличие высокой морально-нравственной культуры, что определяет его стремление «сделать мир лучше», сохранить его для будущих поколений.

К группе профессиональных качеств экологического лидера следует отнести, во-первых, наличие компетенций, отражающих наличие междисциплинарных знаний, широкого кругозора, также владение профессиональными коммуникативными технологиями. Это обусловлено тем, что эффективная деятельность экологических организаций предусматривает знание в области естественных и социально-гуманитарных наук, также необходимость общаться с различными социальными группами (представителями власти, бизнесменами, учеными, коренным населением и т.д.). Во-вторых, умение использовать в своей деятельности новые коммуникативные технологии (в данном аспекте важной является работа в социальных сетях с использованием сетевых коммуникативных технологий). В-третьих, способность к непрерывному и дополнительному образованию, которое необходимо для полноценной деятельности, направленной на охрану окружающей среды (очевидно, что могут понадобиться знания из самых разных областей естественных и социогуманитарных наук). Также способность использовать в своей деятельности достоверную научную информацию и экспериментальные данные. В данном аспекте следует отметить способность к самостоятельной ра-

боте, также работе, которая имеет практическую значимость для общества. В-четвертых, эколдер владеет ораторским искусством, что обусловлено необходимостью публичных выступлений, проведением экологических кампаний, акций и т.д. В-пятых, одной из особенностей эколдера является организация своей деятельности в соответствии с долгосрочными целями [3, с. 198-199]. Таким образом, деятельность эколдера включает в себя научную, образовательную, управленческую, общественную и другие составляющие экологически-ориентированной работы. Развивая экологические идеологии экопатриотизма, этнократизма, экоконтсерватизма, экосоциализма и другие, которые объединяет стремление к созданию эффективной инвайронменталистской модели взаимодействия природы и общества, лидеры экологических организаций выполняют важные социокультурные и патриотические функции в российском обществе. Экологические проекты по охране окружающей среды, формирование экологических ценностей и экологического образования посредством образовательно-воспитательных мероприятий, способствуют решению главных задач природоохранных сетей, направленных на сохранение биосферы, улучшение здоровья граждан и повышения их уровня жизни.

Таким образом, специфика природоохранных сетей как фактора развития экологических идеологий российского экологического движения заключается, во-первых в том, что они одни из первых стали функционировать на международном уровне. Во-вторых, в основе деятельности находятся проблемы, обусловленные общечеловеческими ценностями, главными из которых, являются сама жизнь, здоровье человека и окружающей среды. В-третьих, природоохранные сети реализуют просветительскую деятельность в области экологических проблем, привлекают научное сообщество, в целях развития экологического образования и формирова-

ния экологического сознания. В-четвертых, деятельность акторов природоохранной сети во многом географически обусловлена (специфика природы региона, особо охраняемые зоны, экологическая ситуация региона и т.д.). В-пятых, экологические активисты и лидеры экологических движений (как узлы природоохранных сетей), обладают особыми компетенциями, которые включают в себя способность к научным исследованиям и проектной деятельности, также знание межкультурной коммуникации и владение технологиями социального действия. В-шестых, социальный капитал природоохранных сетей является одним из факторов развития экологических идеологий и представляет собой консолидирующий механизм экологических организаций, также совокупность знаний, навыков и социальных практик, направленных на развитие экологической культуры в российском обществе.

Литература

1. Бальдассарри Д., Диани М. Интегрирующая сила гражданских сетей. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/521839/>
2. Давыдова С.И. Гражданские и профессиональные качества экологических лидеров России (тезисы) // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие, 2012. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012.
3. Давыдова С.И. Социально-экологическая модернизация и роль эколдера в ней // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №1. http://journssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_1/Davydova_2015_1.pdf/
4. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
5. Усачева О.А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35-42.
6. Яницкий О.Н. Природоохранные сети России и их социальный капитал

(гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН. 2012.

7. Яницкий О.Н. Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал. 2009. №4. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/1105/1060>.

Russian Environmental Movement: Environmental Networks and Social Capital
Nazlukhanov D.V.

North Caucasus Federal University

The article analyzes the dominant factors in the development of environmental ideologies of the Russian environmental movement, which includes such environmental networks and social capital. The specificity of nature protection networks as a factor in the development of ecological ideologies lies in the fact that they: one of the first began to function at the international level; at the heart were and are the problems caused by universal human values, the main of which are life itself, human health and the environment; began to engage in educational activities in the field of environmental problems, to attract the scientific community, in order to develop environmental education and form environmental awareness; the activities of the actors of the environmental network are largely geographically conditioned (the specific nature of the region, specially protected zones, the ecological situation of the region, etc.); environmental activists and leaders of environmental movements have special competencies, which include the ability to research and project activities, as well as knowledge of intercultural communication and mastery of social action technologies. In the nature

conservation network, environmental capital is formed as a type of social capital, which is a mechanism for the ideological consolidation of environmental organizations, and is also a set of knowledge, skills and social practices aimed at the development of environmental culture in Russian society.

Key words: environmental ideology, social networks, social capital, environmental networks, environmental leader, environmental activism.

References

1. Baldassarri D., Diani M. The integrating power of civil networks. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/521839/>
2. Davydova S.I. Civil and professional qualities of Russia's environmental leaders (theses) // *Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development*, 2012. Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress / RUS, IS RAS, Academy of Sciences RB, ISPPi. Moscow: ROS, 2012.
3. Davydova S.I. Socio-ecological modernization and the role of the eco-leader in it // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2015. No. 1. http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_1/Davydova_2015_1.pdf
4. Castells M. *Internet Galaxy*. Yekaterinburg: U-Factoria, 2004.
5. Usacheva O.A. Civil mobilization networks // *Social sciences and modernity*. 2012. No. 6. S. 35-42.
6. Yanitskiy ON Environmental networks of Russia and their social capital (epistemological and theoretical problems) / Institute of Sociology RAS. 2012.
7. Yanitskiy ON Social capital of the Russian environmental movement // *Sociological journal*. 2009. No. 4. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/1105/1060>.

Table of Contents

THEORY AND METHODOLOGY

- Vershinina I.A., Martynenko T.S. Modern approaches to the study of spatial inequality5
- Vikhman V.V. Network architectonics of the space for constructing theoretical prototypes of the phenomenon of education: a transdisciplinary aspect 13
- Singaevskaya M.V. Theoretical Foundations of Public Opinion Research in Politics 19

ECONOMIC SOCIOLOGY

- Ardashev R.G. Irrationality of social representations of youth about subcultures29
- Dzutsev Kh.V., Kudzieva F.S., Dibirova A.P., Kornienko N.V. Public opinion of the population of the Republic of North Ossetia-Alania on the principles of continuity of education in modern schools38
- Igumnov O.A. Factors of Formation of Social Capital of Russian Organizations47
- Korgova M.A., Salogub A.M., Galan I.K. Modern approaches to managing organizations in the context of development57
- Li Xiaozhou. The main trends in the development of organizations in the cultural and leisure sphere in the post-industrial era64
- Oseev A.A., Nogai E.A. Social aspects of sales promotion strategies for shopping and entertainment centers: a comparative analysis73
- Podoinitsyna I.I., Moskvitina N.G. Retail trade development (experience of the People's Republic of China and the Republic of Sakha (Yakutia))94
- Ushakov E.V. Advisory Systems and Municipal Governance103
- Zhang Lei. Improvement of social and administrative mechanisms of transformation at the present stage of development108
- Zhang Jie. Urbanization as a social phenomenon of globalization transformations of the economy117

EMPIRICAL STUDIES

- Glazyrin V.A. Empirical and theoretical research in modern legal sociology128
- Korgova M.A., Kolesnikova I.V., Viskhanova N.Sh. Modern theories of personnel motivation: answers to topical questions of practice134
- Grigorieva E.A. Spatial justice from a sociological perspective138
- Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk145

- Malenkov V.V., Maltseva N.V. Citizenship and patriotism in the views of the post-Soviet generation 152
- Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality 163
- Sinelnikov A.B. Socio-demographic factors and possible consequences of raising the retirement age in Russia 177
- Stoyanov A.S. The structure of expectations in the dialectic of needs: towards the sustainability of society 195
- Ustinova O.V. Cohabitation as an alternative to registered marriages in modern Russia: trends and factors 222

SOCIOLOGY OF CULTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Archugova A.S. Analysis of Feminist Views of Ming Dynasty Philosopher - Li Zhi 232
- Baranovsky M.V. Some Components of the Theoretical and Sociological Study of Trust in Military Organization: Manning the Armed Forces and Ideology 237
- Voronina O.A. Impact of gender equality on the development of modern civilizations 244
- Garnaga A.F., Dorofeeva N.N., Dorofeev E.P. Social preconditions and prospects of modern urbanization processes 254
- Evenko S.L., Timofeev M.O. Institute for recruiting military-social groups performing professional tasks under conditions of increased deprivation as an object of study of military sociology 257
- Ibragimov R.N. The family as a subject of the formation of human capital (based on the material of the Republic of Khakassia and the south of the Krasnoyarsk Territory 265
- Ivanov O.S., Pilkevich S.V., Gnidko K.O., Lokhvitskiy V.A., Dudkin A.S., Sabirov T.R. Substantiation of criteria for assessing the impact of Internet content on the psychological health of information consumers 275
- Korshunov A.V., Kulikov S.P. Formation of career strategies of Russian youth under the influence of innovative forms of socio-cultural activity 283
- Levchenko N.V. Forms of manifestation of civic activism by workers of cultural and leisure institutions 289
- Perebeinos A.E., Nikitin L.V., Ptashko T.G., Savchenkov A.V. Family and marriage relations in the life of the Ural Orthodox population in the 80s of the XIX - early XX centuries. 296
- Roldugina O.Yu. Trends in the development of society in the modern era: new prospects and new risks 304

Tian Xiaoyu. Causes of social conflicts in the Internet environment of modern China and the development of measures to prevent them	312
Umanets I.F. Modeling a non-stress linguistic and cultural educational environment for distance learning students	318
Filippenko A.A. Immigrants in American Culture of the Restriction Period (1920s - 1960s).	324
Khvalei A.A. Radicalization of Muslim Youth in the Caucasus: Eradication of the Causes and Prevention of Spread	332
Chernyshev V.P., Matsepura G.N., Konobeiskaya A.V., Nityagovsky S.A., Vershinina O.Yu. Negative aspects of modern sports	338
Zhang Jie. Impact of urbanization on the social and economic development of China: correlation and regression analysis	344
Shavlaeva T.M., Sadulaev E.S. Traditional folk recipes for treating patients as part of the folk culture of the inhabitants of the Caucasus (based on field research in the regions of Chechnya)	350
THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE	
Gapanyuk A.E. Temple in the Christian tradition as an image of the cosmos	355
Dobronravova U. V. Formal logic in medieval Christian philosophy: philosophical, anthropological and ethical aspects	361
Kononov S.V. Modern problems of the formation of the discourse of the philosophy of social security	371
Kostina A.O. Technologization versus Technocratization of Cities: Technological Giants and Municipal Governance	380
Mladenov V. I. Religious threat as a subject of socio-philosophical research	388
Nazlukhanov D.V. Factors in the Development of Environmental Ideologies of the Russian Environmental Movement: Environmental Networks and Social Capital	397

